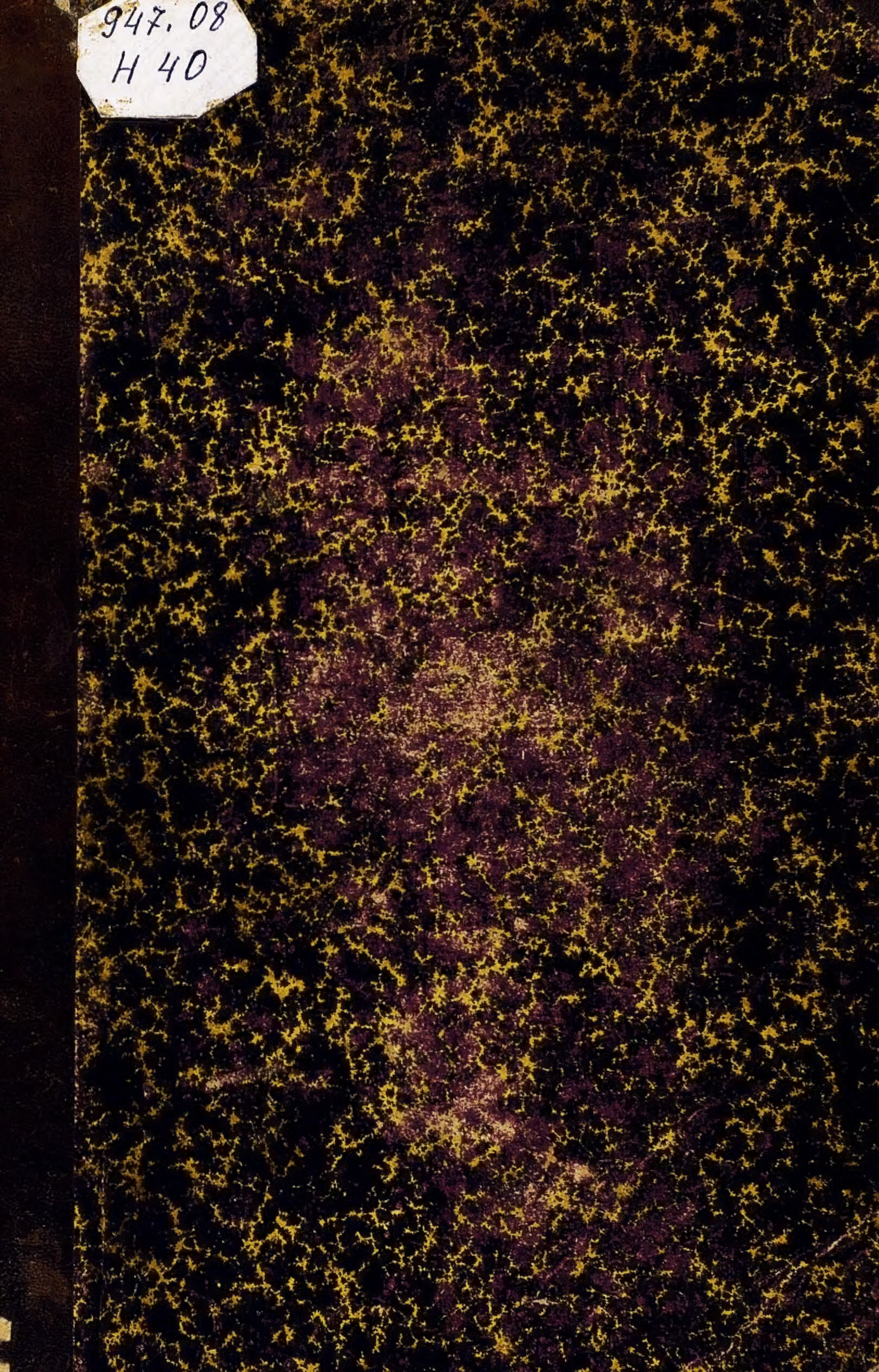
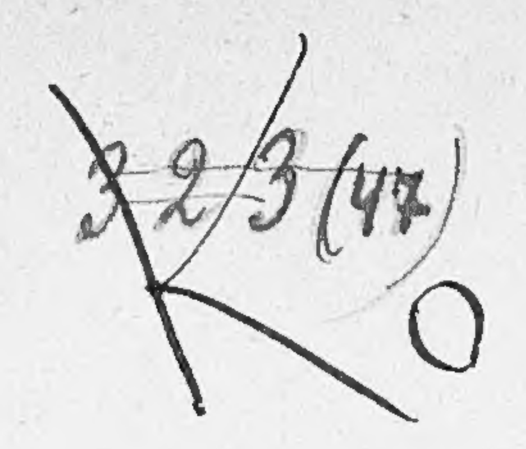

947.08
H 40

Библіотека очень проситъ бережнѣе обращаться съ книгами.

Книги портятся отъ сырости (если кладутъ книгу на мокрый столъ, выносятъ на улицу незавернутой въ сырую погоду), отъ грязи (перелистываютъ книгу невымытыми руками, кладутъ рядомъ съ обѣденной посудой, и т. п.). Очень портится книга, если ее перегибаютъ (крышка съ крышкой) или кладутъ раскрытой на столъ переплетомъ вверхъ, если закладываютъ книгу карандашомъ, спичкой, если загибаютъ углы страницъ, и т. п.

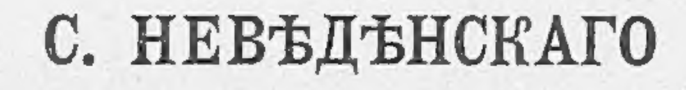

КАТКОВЪ

И

ЕГО ВРЕМЯ

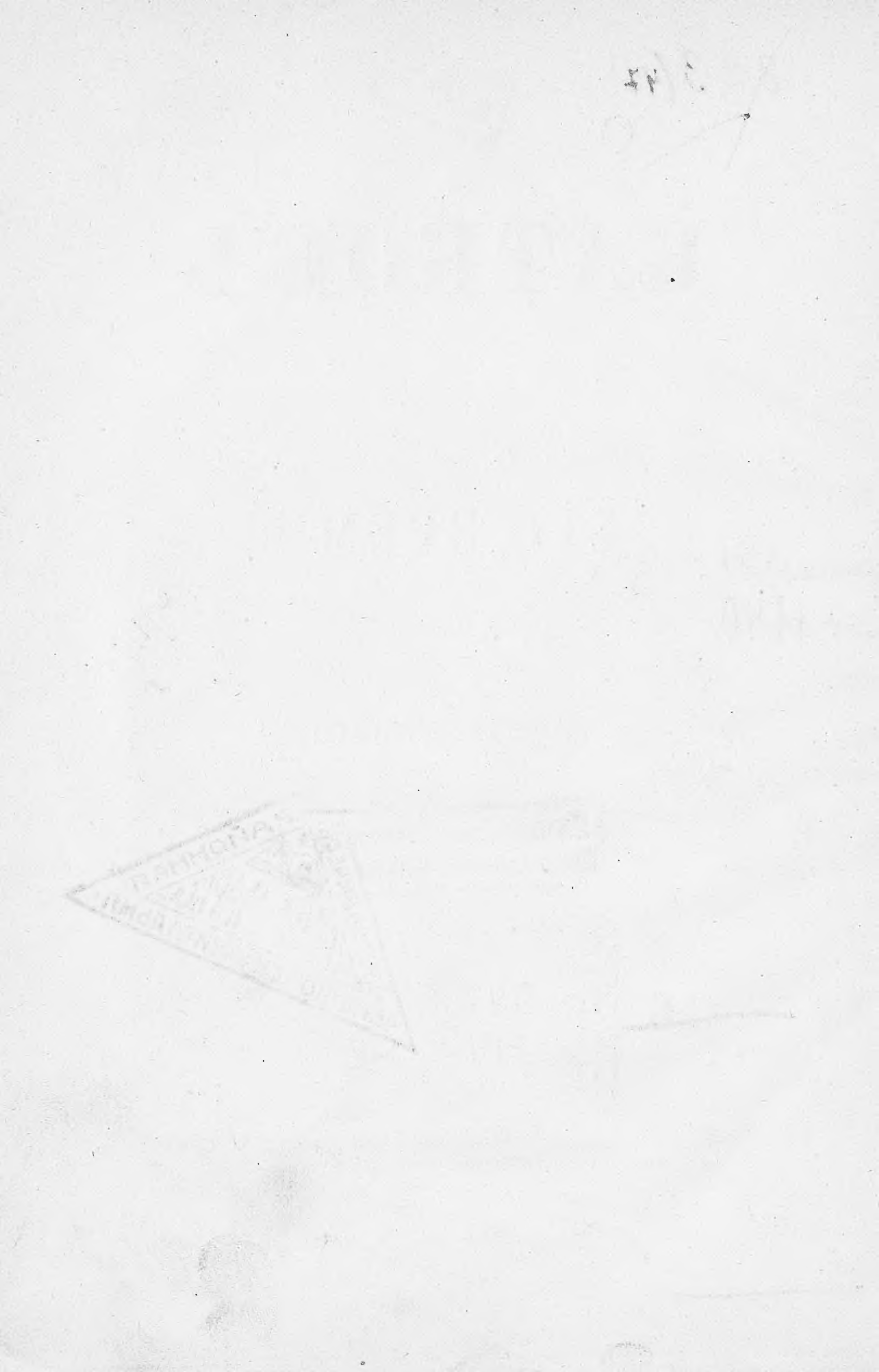
С. НЕВѢДѢНСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1888

Sine ira et studio...

Настоящее изслѣдованіе предпринято нами для освѣщенія дѣятельности недавно скончавшагося публициста, посвятившаго печатному слову силы и дарованія своей личности. Полная оцѣнка его значенія не можетъ входить въ предѣлы нашей задачи. М. Н. Катковъ безспорно глубоко вписалъ свое имя въ лѣтописи общественной и даже политической жизни прошлаго и теперешняго царствованія. Но дѣятельность его не исчерпывалась только тѣмъ, что онъ писалъ; что же касается его вліянія, вытекавшаго изъ личныхъ отношеній, то оно можетъ быть выяснено исторіей только съ теченіемъ времени.

Главной цѣлью нашей было дать матеріалъ будущему изслѣдователю. Изученіе литературной проповѣди Каткова можетъ быть сдѣлано только на основаніи непосредственнаго ознакомленія съ его многочисленными статьями въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Русскомъ Вѣстникѣ». Во взглядахъ публициста не было цѣльности и стремленія формулироваться въ общихъ мысляхъ, которыя дали-бы возможность сдѣлать надлежащую выборку изъ этихъ статей для полнаго собранія сочиненій. Если это трудно осуществимое дѣло будетъ когда-нибудь исполнено, то, во всякомъ случаѣ, едва-ли можно ожидать, чтобы такое

изданіе передало все разнообразіе воззрѣній Каткова въ различные періоды его жизни.

Біографическій матеріалъ входилъ въ предѣлы нашей задачи только поскольку имъ выясняется литературное развитіе Каткова. Въ этомъ отношеніи приведены въ нашемъ трудѣ данныя, касающіяся условій, среди которыхъ протекла молодость Каткова.

Мы считаемъ долгомъ принести искреннѣйшую благодарность А. А. Краевскому за предоставленіе въ наше распоряженіе относящихся къ этому періоду писемъ Каткова къ нему и Панаеву, К. Т. Солдатенкову и А. Н. Пыпину— за разрѣшеніе и содѣйствіе къ пользованію весьма характерными письмами и отзывами Бѣлинскаго о Катковѣ. Прекрасный трудъ г. Пыпина о Бѣлинскомъ служилъ постояннымъ для насъ матеріаломъ при описаніи этого періода жизни Каткова.

Главнымъ условіемъ нашего труда поставили мы полнѣйшее безпристрастіе къ личности усопшаго публициста. Вслѣдствіе направленія послѣдняго періода его дѣятельности, Катковъ оставилъ послѣ себя гораздо болѣе враговъ, чѣмъ друзей въ литературномъ мірѣ. Недоброжелательство противъ него весьма сильно въ этой средѣ. Поэтому, намъ часто приходилось слышать: «стоитъ-ли заниматься Катковымъ? Это человѣкъ, заранѣе самъ осудившій себя... Надо поскорѣе стряхнуть съ себя вліяніе Каткова, а не напоминать о немъ; если-же писать о Катковѣ, то слѣдуетъ осуждать его во что бы то ни стало, а не защищать его...»

Но дѣятельность Каткова не исчерпывается взглядами, вызвавшими противъ него такое возбужденіе. При всей непослѣдовательности и невоздержности своихъ литературныхъ мнѣній, Катковъ былъ искреннимъ и горя-

чимъ патріотомъ. Патріотизмъ далъ ему возможность, при его блестящемъ литературномъ дарованіи, быть въ высшей степени полезнымъ для Россіи въ тяжелыя минуты польскаго мятежа; подъ вліяніемъ его слова пробудился въ народѣ и въ интеллигентной средѣ взрывъ патріотическаго негодованія противъ враговъ Россіи, столь необходимый для поддержки правительства въ виду надвигавшейся опасности. Борьба Каткова, опиравшагося тогда на сочувствіе къ нему общественнаго мнѣнія, съ антинаціональной тенденціей въ средѣ самаго правительства, заслуживаетъ, конечно, полнѣйшаго уваженія.

Нельзя также не отнестись съ сочувствіемъ и къ борьбѣ Каткова съ антирусскими стремленіями на окраинахъ и къ національному направленію нашей внѣшней политики. Русскій народъ въ порывахъ чувства или идейныхъ увлеченій такъ легко склоненъ забывать о своихъ національныхъ интересахъ, что нельзя признать излишнимъ голосъ, настойчиво и съ твердостью напоминавшій ему о послѣднихъ.

Освѣщеніе всѣхъ сторонъ дѣятельности Каткова — тѣхъ, которыя заслуживаютъ одобренія наряду съ тѣми, которыя требуютъ порицанія — составляетъ, какъ мы уже указали, главную мысль и цѣль нашего труда.

С. Невѣдѣнскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

противъ его недоброжелателей. — Временное пріостановленіе его дѣятельности; аудіенція у покойнаго Государя и возобновленіе «Московскихъ Вѣдомостей».

Различіе въ положеніи Польши и Западнаго края. — Правительственная политика въ той и другой мѣстности.—Поддержка ея Катковымъ.—Пожары въ Россіи во время 1864 и 1865 годовъ.—Проведеніе желѣзной дороги на Кіевъ.—Поворотъ въ политикѣ правительства въ Сѣверо-Западномъ краѣ послѣ 1866 года.— Сліяніе Польши относительно внутренняго управленія съ Россіей.— Назначеніе въ 1868 году Потапова въ Сѣверо-Западный край.—Измѣненіе имъ политики энергичной руссофикаціи. — Законопроектъ его по крестьянскому дѣлу. — Многочисленныя столкновенія Каткова съ администраціей Сѣверо-Западнаго края.—Выходъ изъ состава мѣстныхъ дѣятелей Шестакова и Батюшкова. — Полемика съ «Вѣстью» и «Новымъ Временемъ». — Предостереженіе, полученное Катковымъ въ началѣ 1870 года.— Нѣкоторое успокоеніе рѣзкихъ проявленій Потаповской политики. — Молчаніе Каткова по польскому вопросу отъ 1871 до 1881 года. — Послѣднія его статьи. — Положеніе польскаго вопроса въ Пруссіи и Австріи.

А) Финляндскій вопросъ.— Первыя засѣданія гельсингфорскаго сейма въ 1863 году.—Измѣненія русскихъ таможенныхъ правилъ по отношенію къ Финляндіи.—Б) Остзейскій вопросъ. —Начало полемики по остзейскому вопросу.— Рѣчь Вальтера при открытіи лифляндскаго сейма въ 1864 году.—Отвѣтъ Каткова.—Мысль объ объединеніи балтійской окраины.—Вмѣшательство въ полемику иностранной прессы.—Защита Катковымъ Вольдемара, издателя латышскаго журнала.—Распоряженіе главнаго управленія по дѣламъ печати о прекращеніи полемики.—Перенесеніе ея въ заграничную печать.—Слова покойнаго Государя при посѣщеніи Риги въ 1866 году.—Подтвержденіе въ 1867 году закона объ употребленіи русскаго языка.—Запросъ объ Остзейскомъ краѣ въ прусскомъ парламентѣ.—Изданіе заграницей книги Самарина.—Предложенія Каткову со стороны прусскихъ властей. — Неудовольствіе остзейцевъ на несогласіе русскаго правительства съ теоріей неприкосновенности остзейскихъ привилегій. — Наступленіе франко-германской войны.—Молчаніе Каткова по остзейскому вопросу отъ 1871 г. до начала нынѣшнаго царствованія.—Провозглашеніе имъ въ 1886 году конца прибалтійскому вопросу. — В) Статьи по вопросамъ: грузинскому, армянскому и еврейскому.

I.

Литературное развитіе Каткова.

(1830—1855 гг.).

Молодость Каткова.—Пребываніе въ университетѣ.—Личности тогдашнихъ профессоровъ.—Кружокъ Бѣлинскаго.—Присоединеніе къ нему Каткова.—Участіе въ «Наблюдателѣ» Бѣлинскаго.—Переводы различныхъ поэтическихъ произведеній.—Статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ».—Тогдашнее настроеніе Каткова.—Воспоминанія Панаева.—Отношенія Бѣлинскаго къ Каткову въ періодъ 1839—1841 гг.—Пріѣздъ Каткова въ Петербургъ на пути заграницу. Столкновеніе его съ Бакунинымъ.—Пребываніе Каткова заграницей.—Вліяніе на Каткова философіи откровенія Шеллинга.—Размолвка съ Бѣлинскимъ.—Особленіе Каткова.—Начало дружбы его съ Леонтьевымъ.—Профессура въ Московскомъ университетѣ.—Изслѣдованіе о древней греческой философіи.—Сотрудничество Каткова въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».—Общая характеристика взглядовъ Каткова и его личности.

Глядя на міръ, скорѣе станешь изъ двухъ крайностей мистикомъ, чѣмъ нигилистомъ.

(«Отеч. Зап.» 1840 г., т. XII, изъ статьи о сочиненіяхъ графини Сарры Толстой).

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ родился въ Москвѣ въ 1818 году. Отецъ его рано умеръ. Вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Меѳодіемъ, Катковъ остался на попеченіи матери, урожденной Тулаевой. Семейство не располагало никакими средствами. Любви и самопожертвованію матери дѣти были обязаны воспитаніемъ и дальнѣйшимъ образо-

ваніемъ. Ею самою, или подъ ея надзоромъ, были преподаны первые уроки ея старшему сыну. Впослѣдствіи учился онъ нѣкоторое время въ Преображенскомъ сиротскомъ училищѣ, потомъ около года въ 1-й Московской гимназіи, наконецъ, поступилъ въ пансіонъ профессора М. Г. Павлова. Въ этомъ заведеніи, отличавшемся какъ общимъ устройствомъ, такъ учебною частью, онъ кончилъ приготовительный къ университету курсъ ученія. Въ 1834 году онъ вступилъ на словесное отдѣленіе Московскаго университета [1]).

Вступленіе Каткова въ университетъ совпало съ тѣмъ въ высшей степени интереснымъ и благотворнымъ моментомъ въ умственной жизни русскаго общества, когда пробудившееся стремленіе къ умственному и эстетическому развитію составляло дѣйствительный интересъ учащейся молодежи. Это было время искренняго увлеченія наукой и искусствомъ, господства идейныхъ интересовъ. Изученіе философіи превратилось въ настоящій культъ. Философскія системы не только передумывались, но, такъ сказать, переживались.

Русская интеллигенція впервые тогда знакомилась съ глубокомысленными продуктами германскаго мышленія. Восемнадцатый вѣкъ былъ поглощенъ, по преимуществу, французскими вліяніями, господствовавшими и въ области мысли, и въ сферѣ литературнаго творчества. Въ тридцатыхъ годахъ наступило иное время. Нароставшая интеллигенція воспитывала свой умъ и эстетическое чувство не на чтеніи французскихъ классиковъ и энциклопедистовъ, какъ прежде, а посредствомъ изученія болѣе глубокой нѣмецкой и англійской поэзіи и философскихъ системъ, выросшихъ на почвѣ, очищенной кантовскою критикой. Народились свои литературные таланты. Это усиливало подъемъ духа въ молодомъ

---

[1]) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета, 1855 г., ч. 1, стр. 381 и 382. Свѣдѣнія эти сообщилъ самъ Катковъ.

поколѣнія. Вслѣдъ за Пушкинымъ, явились Лермонтовъ и Гоголь, создавалась серьезная литературная критика въ лицѣ Бѣлинскаго.

Правда, во всемъ теченіи тогдашней мысли чувствовалось отсутствіе твердой почвы, постоянное умственное и нравственное броженіе; часто вчерашніе кумиры низвергались въ прахъ. Но можно ли развиваться, оставаясь неподвижно на одной точкѣ зрѣнія?

Отъ этого періода вѣяло молодостью, свѣжестью и безконечною привлекательностью идейныхъ увлеченій. Что-то сердечное вносилось въ умственную жизнь. Въ этомъ нельзя не видѣть и не признать, между прочимъ, черту русскаго духа, которому ненавистны филистерство и педантизмъ заправской науки. Послѣдняя не понималась тогда сухо и положительно, какъ интересъ одного ума; въ ней видѣли путь къ освѣщенію всѣхъ задачъ жизни. Понятно, тогдашняя интеллигентная молодежь съ презрѣніемъ относилась и къ практическимъ идеаламъ личнаго блага, которые когда появляются слишкомъ рано, наполняютъ душу эгоизмомъ и личнымъ разсчетомъ. Это была съ ея точки зрѣнія жалкая проза, которою не стоило заниматься. Наука, по выраженію одного изъ современниковъ, не пріобрѣла еще въ глазахъ учащихся характера скучнаго и утомительнаго проселка, полезнаго только для того, чтобы поскорѣе выѣхать въ надлежащій чинъ служебной іерархіи.

Въ развитіи русской интеллигенціи нѣтъ времени болѣе симпатичнаго, чѣмъ тридцатые и сороковые годы. Не было еще того легкомысленнаго, но озлобленнаго отрицанія, которое легло въ основу нигилизма. Если проявлялись отрицательныя стремленія, то они не доводились до крайности и находили свое выраженіе въ лицѣ талантливыхъ людей, умѣвшихъ украшать ихъ блескомъ таланта. Притомъ, это направленіе не было настолько исключительнымъ, чтобы устранять все другое. Были личности другаго закала. Присмотритесь же къ теперешней молодежи: какая странная

апатія къ духовнымъ интересамъ, какой упадокъ вѣры въ идеи наряду съ увлеченіемъ самыми крайними, фантастическими взглядами. Понадѣемся, что обѣ крайности составляютъ преходящее явленіе, которое стряхнетъ съ себя здравый русскій духъ.

Въ тридцатыхъ годахъ молодежи приходилось самой прокладывать себѣ умственные пути и направленія. Правда, уже ранѣе существовалъ, съ одной стороны, въ лицѣ Карамзина, Погодина, Шевырева, культъ русской древности и самобытности, съ другой стороны, замѣчалось увлеченіе Западомъ, проявившееся даже въ извѣстныхъ порывахъ реальнаго протеста. Но умственныя движенія не были еще запечатлѣны въ твердыхъ формулахъ. Предшественникамъ дѣятелей сороковыхъ годовъ для этого недоставало философскаго развитія. Когда оно явилось, начались теоретическія разграниченія. Такъ въ началѣ сороковыхъ годовъ произошло обособленіе славянофильства отъ западничества— съ его культомъ Москвы, русской древности, славянской общности и саморазвитія. Въ тридцатыхъ же годахъ только начали образовываться кружки, въ которыхъ обсуждались теоретическіе вопросы.

Молодежь работала сама. Университетъ давалъ лишь толчокъ къ развитію. Оно продолжалось самостоятельно посредствомъ чтенія и совмѣстныхъ разсужденій. Не мало талантовъ оказалось въ этомъ поколѣніи: Станкевичъ, Бѣлинскій, Грановскій, Герценъ, К. Аксаковъ, Самаринъ, Катковъ, Буслаевъ, Кудрявцевъ, Кавелинъ. Впослѣдствіи они разбрелись по разнымъ направленіямъ; не только въ убѣжденіяхъ, но и въ самой ихъ судьбѣ оказалось существенное различіе. Но тогда всѣ эти люди сходились, и если не могли всѣ вполнѣ сочувствовать другъ другу, то могли пока еще группироваться почти сомкнутою толпой.

Для выясненія умственнаго развитія нароставшихъ тогда дѣятелей надо конечно останавливаться не столько на университетѣ, сколько на вліяніяхъ кружковъ. Но для

полноты упомянемъ объ оффиціальномъ образованіи, выпавшемъ на долю Каткова.

Время пребыванія его въ университетѣ (1834—1838 гг.) не отличалось особымъ оживленіемъ науки. Самою выдающеюся личностью въ средѣ профессоровъ словеснаго отдѣленія былъ безспорно Н. И. Надеждинъ, читавшій въ 1834—35 году послѣдній свой курсъ теоріи изящныхъ искусствъ и логики для студентовъ перваго курса всѣхъ отдѣленій. Въ слѣдующемъ году, по случаю введенія новаго устава, каѳедра эстетики и археологіи была упразднена, а въ 1836 году Надеждинъ, вслѣдствіе напечатанія въ издаваемомъ имъ журналѣ «Телескопъ» философскихъ писемъ Чаадаева, долженъ былъ оставить на нѣкоторое время Москву.

Такимъ образомъ, Катковъ имѣлъ возможность прослушать одинъ годъ лекціи Надеждина. Курсъ этотъ былъ вѣроятно для него однимъ изъ первыхъ шаговъ въ области эстетики и философіи. Надеждинъ былъ блестящимъ лекторомъ, научно образованнымъ и обладавшимъ живымъ, самостоятельнымъ умомъ. Дѣломъ своимъ онъ увлекался. Современники вспоминаютъ, что въ лекціяхъ своихъ онъ проводилъ со своими слушателями вмѣсто одного часа цѣлыхъ два, долго послѣ обычнаго звонка текла его умная и плодовитая рѣчь, никогда не утомлявшая аудиторію [1]). Соединеніе теоріи изящныхъ искусствъ съ логикой вызывалось убѣжденіемъ въ невозможности правильнаго изложенія законовъ искусства безъ предварительнаго ознакомленія слушателей съ законами мысли. Упомянемъ, что это, между прочимъ, былъ первый опытъ преподаванія логики въ русскомъ университетѣ, на который пришлось испрашивать особое разрѣшеніе.

Сущность взглядовъ Надеждина на эстетику сохранилась въ написанной на латинскомъ языкѣ диссертаціи: «De

[1]) См. біографію Станкевича Анненкова 1857 г.

origine, natura et fatis Poësos, quæ Romantica audit». Онъ былъ вообще поклонникомъ нѣмецкой философіи, но остановился на философіи Шеллинга точно такъ же, какъ и профессоръ Павловъ, съ которымъ Надеждинъ раздѣлялъ честь внесенія нѣмецкой философіи въ кругъ изученія студентовъ университета. До тѣхъ поръ русская интеллигенція питалась по преимуществу, какъ мы упомянули, французскою культурой. Полевой, предшественникъ Надеждина, по литературной критикѣ, ставилъ послѣднему въ упрекъ, что онъ подрывалъ авторитетъ Кузена. Между тѣмъ, кому неизвѣстно, что такое Кузенъ? Эклектикъ, старавшійся примирить всевозможныя теченія. Авторитетомъ онъ могъ считаться только по невѣдѣнію.

Хотя Надеждинъ вообще руководствовался Шеллинговымъ ученіемъ о высшей психической способности, сознающей въ себѣ единство съ общимъ міровымъ разумомъ и открывающей степени проявленія его въ природѣ и искусствѣ, но онъ нѣсколько подвинулся въ самостоятельномъ развитіи этого ученія къ гегелевской эстетикѣ, хотя повидимому самъ не изучалъ Гегеля [1]). Дальше онъ не пошелъ, что видно между прочимъ изъ того, что во время своихъ заграничнаго путешествія 1832 года Надеждинъ, согласно воспоминаніямъ своей автобіографіи [2]) сближался только съ профессорами историками и археологами: (Гереномъ, Отфридомъ Мюллеромъ и Рауль-Рашеттомъ). Если бы онъ продолжалъ заниматься философіей, то онъ вѣроятно воспользовался бы случаемъ поучиться заграницей у тогдашнихъ свѣтилъ философіи.

На философское развитіе личности Каткова оказалъ, можетъ быть, еще большее вліяніе, чѣмъ Надеждинъ, про-

---

[1]) Очерки гоголевскаго періода русской литературы. Современникъ, 1856 г., кн. 4-ая, стр. 7-ая.

[2]) Русскій Вѣстникъ 1856 г., кн. 5-ая. М. И. Надеждинъ. Автобіографія.

фессоръ М. Г. Павловъ, въ пансіонѣ котораго онъ, какъ мы видѣли, воспитывался до поступленія въ университетъ. Павловъ, замѣчательный ученый, читалъ собственно физику, а потомъ теорію сельского хозяйства, но въ обоихъ случаяхъ распространялъ свои лекціи до включенія въ нихъ цѣлаго философскаго міросозерцанія. Сущность его заключалась, какъ можно судить по вышедшему въ 1833 году «Основанію физики», въ космогонической теоріи, вытекающей изъ философскаго положенія о сходствѣ или тождествѣ безграничной свободы съ хаосомъ. Отвлеченное понятіе изображено, какъ настоящій источникъ міра, силлогизмъ и посылки его образуются изъ силъ и стихій природы, вещество объясняется, какъ взаимнодѣйствіе свѣта и тяжести и т. д.

Вліяніе Павлова на развитіе философской мысли въ Россіи уже потому было вѣроятно болѣе существеннымъ, чѣмъ вліяніе Надеждина, что оно началось ранѣе и было болѣе продолжительнымъ. Павловъ читалъ лекціи съ 1810 по 1840 годъ. Не слѣдуетъ думать, чтобы дѣйствіе его лекцій ограничивалось, въ особенности въ тридцатыхъ годахъ, кругомъ студентовъ физико-математическаго отдѣленія. Біографъ Станкевича упоминаетъ, что значительная часть аудиторіи словеснаго отдѣленія спускалась послѣ лекцій Надеждина въ залу, гдѣ читалъ Павловъ и наполняла ее биткомъ [1]).

Интересно теперь оглянуться, откуда же пробивалась философія въ Московскій университетъ. Однимъ изъ ея распространителей былъ, какъ видимъ, профессоръ эмпирической науки — физики, а другимъ — Надеждинъ, воспитанникъ духовной академіи, познакомившійся именно тамъ съ ея ученіями. Изъ воспоминаній послѣдняго видно, что современная философія довольно обстоятельно разработывалась въ высшихъ заведеніяхъ духовнаго вѣдом-

[1]) Станкевичъ, Анненкова 1857 г.

ства. Тамъ существовали даже свои переводы Канта и Гегеля [1]).

Другими профессорами, лекціи которыхъ слушалъ Катковъ, были: Каченовскій, Погодинъ и Шевыревъ. Шевыревъ началъ читать лекціи именно въ томъ же 1834 году, когда поступилъ Катковъ. Онъ читалъ въ этомъ и слѣдующемъ году исторію и теорію поэзіи для словесниковъ и русскую словесность для студентовъ 1-го курса всѣхъ факультетовъ. Во второмъ полугодіи 1836 года онъ прочиталъ, вмѣстѣ съ 1-мъ курсомъ, исторію русскаго языка и слога по памятникамъ, положивъ въ основаніе ея сравнительное изученіе грамматики языковъ церковно-славянскаго и русскаго; въ 1837 году Шевыревъ былъ назначенъ докторомъ философіи. Каченовскій читалъ при Катковѣ въ 1835 году всеобщую исторію, а съ 1836 года исторію и литературу славянскихъ нарѣчій. Погодинъ читалъ русскую исторію [2]).

Каченовскій былъ критическимъ умомъ. Правда, проявленія послѣдняго касались главнымъ образомъ историческаго поприща. Онъ выступилъ и въ изслѣдованіяхъ, и въ лекціяхъ своихъ критикомъ исторіи Карамзина и древнихъ лѣтописей. Въ этомъ онъ безусловно расходился съ Погодинымъ. Въ университетѣ вслѣдствіе этого происходило тогда не лишенное интереса явленіе. Студенты могли въ аудиторіяхъ разныхъ отдѣленій университета слушать, какъ въ одной превозносилась, а въ другой критиковалась достовѣрность Несторовской лѣтописи, какъ происхожденіе Руси объяснялось движеніемъ то съ сѣвера, то съ юга, и т. д.

Шевыревъ и Погодинъ были людьми другаго склада, чѣмъ Каченовскій. Оба сходились близко по убѣжденіямъ.

---

[1]) Русскій Вѣстникъ 1856 года, кн. 5. Н. И. Надеждинъ. Автобіографія.

[2]) Свѣдѣнія эти извлечены изъ «Словаря профессоровъ московскаго университета». 1855 г.

Ихъ можно охарактеризовать какъ представителей взглядовъ оффиціальной народности, которые были тогда руководящимъ принципомъ государственной жизни. Мы, русскіе — сами по себѣ—и нѣтъ намъ дѣла до развитія, выработаннаго народами передовой культуры — вотъ что высказывали они въ своемъ органѣ Москвитянинѣ. Это обстоятельство заслуживаетъ вниманія. Вѣдь взгляды эти оказываются близкими къ убѣжденіямъ послѣдняго періода жизни Каткова, но въ то время не было, какъ мы увидимъ, точки зрѣнія, болѣе для него ненавистной.

Сохранилось указаніе, что по недостатку лекторовъ въ университетѣ, студентовъ словеснаго отдѣленія раздѣляли по главнымъ предметамъ ихъ занятій, и каждому профессору отдавали въ его непосредственное завѣдываніе и на его отвѣтственность студентовъ, избравшихъ его предметъ. Система эта, какъ упоминается въ словарѣ профессоровъ Московскаго университета, дала весьма благотворные результаты, подготовивъ такихъ дѣятелей, какъ Катковъ, Самаринъ, Буслаевъ [1]). Если она была примѣнена къ Каткову, то интересно было бы знать, подъ чьимъ руководствомъ занимался послѣдній. Это остается, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ. Объ умственномъ вліяніи Каченовскаго, Погодина или Шевырева на развитіе Каткова въ то время не могло быть рѣчи.

Еще въ бытность свою студентомъ Катковъ познакомился съ Бѣлинскимъ. Какъ произошло это знакомство — неизвѣстно. Весьма вѣроятно, что оно сдѣлано было черезъ Станкевича, съ которымъ Катковъ могъ познакомиться, благодаря воспитанію въ пансіонѣ Павлова. Станкевичъ кончилъ курсъ въ университетѣ именно въ ту пору, когда Катковъ туда поступилъ—въ 1834 году. Но Станкевичъ жилъ во время своихъ студенческихъ годовъ у Павлова и тамъ именно могло, какъ намъ кажется, произойти знаком-

---

[1]) Словарь, ч. 2, стр. 247.

ство между ними. Когда Станкевичъ умеръ, Катковъ въ одной изъ своихъ статей (о графинѣ Саррѣ Толстой) посвятилъ его памяти нѣсколько теплыхъ словъ, признавъ его человѣкомъ, «не столько принадлежавшимъ публикѣ, сколько малому кругу людей, лично его знавшихъ и не отдохнувшихъ еще отъ невознаградимой, горькой утраты».

Бѣлинскій, вышедшій изъ университета въ 1833 году, жилъ въ то время въ Москвѣ и бѣдствовалъ, не будучи въ состояніи найти достаточно литературнаго труда для обезпеченнаго существованія. Онъ сотрудничалъ въ «Москвѣ» и «Телескопѣ», журналѣ Надеждина, и во время отъѣзда послѣдняго заграницу завѣдывалъ его изданіемъ, потомъ принималъ участіе въ «Московскомъ Наблюдателѣ» и въ началѣ 1839 года сдѣлалъ неудачную попытку издавать этотъ журналъ на собственный счетъ.

Около Бѣлинскаго постоянно группировались молодыя силы—люди отборные по уму, образованности, талантамъ и благородству чувствъ, какъ выразился онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Въ совмѣстномъ развитіи съ ними, въ обмѣнѣ чувствъ и мыслей находилъ онъ главную отраду своей жизни.

Можно различать два періода въ существованіи кружка Бѣлинскаго: первый—во время тридцатыхъ годовъ, когда главнымъ умственнымъ двигателемъ въ кружкѣ былъ Станкевичъ, и второй—во время сороковыхъ годовъ, когда въ немъ появились Грановскій, Герценъ и Огаревъ.

Бѣлинскій былъ истиннымъ сердцемъ кружка. Если онъ уступалъ другимъ по знанію и новизнѣ мыслей, то онъ былъ во всякомъ случаѣ нравственнымъ центромъ дружеской среды. Его чуткая, искренняя и горячо стремившаяся къ истинѣ душа, служила какъ бы пробнымъ камнемъ, на которомъ повѣрялись увлеченія и полеты мыслей его друзей. Не даромъ Тургеневъ называетъ Бѣлинскаго центральной натурой.

Друзья жили, какъ говорится, душа на распашку. Дѣ-

лялись они между собой не только умственными увлеченіями, но и всею жизнью. Это влекло за собою не только разсужденія, но и споры, кончавшіеся иногда продолжительными размолвками, особенно когда оказывались замѣшанными сердечные интересы.

Но несмотря на это, кружокъ не былъ давящей, гнетущей средой, подгонявшей своихъ сочленовъ непремѣнно подъ одинъ умственный и нравственный шаблонъ. Въ кружкѣ Бѣлинскаго были существенныя разновидности и въ умственномъ, и въ нравственномъ складѣ. Недопускалось только полной дисгармоніи въ убѣжденіяхъ.

Бѣлинскій съ большою прямотой какъ-то высказалъ въ письмѣ къ Боткину: «Друзья мои, будемъ бояться крайностей, какъ зла: оставимъ каждаго жить, какъ онъ хочетъ, не будемъ читать другъ другу поученій, посылать буллы, требовать отчета, но не побоимся же и замѣчать другъ другу, чего каждый въ себѣ не хочетъ или не можетъ замѣчать».

Смыслъ кружка заключался въ свободномъ обмѣнѣ и развитіи, и между личностями, окружавшими Бѣлинскаго, существовало сознаніе взаимнаго достоинства. Впослѣдствіи, когда кружки получили большее распространеніе между учащейся молодежью, началось въ средѣ ординарныхъ личностей тѣ далеко не казистыя явленія, о которыхъ, напримѣръ, вспоминаетъ Тургеневъ (см. въ Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда, Рудинѣ и др.). Гегемонія отдѣльныхъ лицъ, нравственная инспекція, безплодныя словоизліянія—вотъ черты этихъ единеній, которыя Тургеневъ характеризовалъ насмѣшливыми словами: «ein кружокъ in der Stadt Moskau». Бывали, впрочемъ, исключенія и въ кружкѣ Бѣлинскаго. Въ особенности Бакунинъ отличался неделикатнымъ стремленіемъ разыгрывать постоянно роль умственнаго и нравственнаго руководителя своихъ товарищей. Но онъ вызвалъ, какъ мы увидимъ, всеобщее негодованіе противъ себя.

Чтобы охарактеризовать главное направленіе кружка

Бѣлинскаго въ ту пору, когда съ нимъ сблизился Катковъ, необходимо остановиться на личности Станкевича. Онъ былъ не только самымъ развитымъ въ философскомъ отношеніи членомъ его, но и распространителемъ философскаго развитія. Подъ его вліяніемъ находился Бѣлинскій; онъ ввелъ въ кружокъ Бакунина, поэта Кольцова, вѣроятно также и Каткова. Всѣ относились къ нему съ большою теплотою и и задушевностью.

Станкевичъ дѣйствительно рисуется передъ нами въ высшей степени душевною личностью, идеалистомъ по характеру и принципамъ. Философскій анализъ уживался у него не только съ поэтическимъ чутьемъ, но и съ религіознымъ чувствомъ. Въ письмахъ своихъ, когда онъ говоритъ о вѣрѣ, онъ выражается словами, проникнутыми любовью и теплотой. Онъ съ упоеніемъ сообщаетъ о блаженствѣ чувствовать въ себѣ потребность вѣры, высказываетъ подъ вліяніемъ религіознаго чувства обѣты нравственнаго исправленія. Сохранилось описаніе кануна Свѣтлаго Воскресенья въ 1835 году, которое Станкевичъ встрѣчалъ, окруженный близкими ему людьми [1]). Ночь шла тихо и серьезно. Каждый изъ собесѣдниковъ старался наполнить минуты ея лучшими помыслами, избраннѣйшими своими воспоминаніями. Станкевичъ думалъ о первой своей любви. Затѣмъ описываетъ онъ: «въ половинѣ 12-го мы вышли на дворъ... Погода была тихая, прекрасная; небо ясно и усѣяно звѣздами, за нѣсколько часовъ шелъ дождь... Вдругъ ударили колокола... Къ намъ пришелъ Бѣлинскій и увлекъ насъ въ Кремль! Мы подходили къ Иверской и услышали пушки; Василій Блаженный вдругъ озарился ихъ молніей, и ударъ разсыпался по Кремлю».

Исходною точкою умственнаго развитія кружка Бѣлинскаго былъ переходъ отъ Шеллинговой къ Гегелевской философіи. Пропагандистомъ послѣдней былъ Станкевичъ.

---

[1]) Станкевичъ, Анненкова 1857 г.

Онъ указалъ на нее Бакунину; онъ внушалъ ее Бѣлинскому. Господствующею чертою умственнаго склада друзей былъ философскій и артистическій идеализмъ, тогда какъ въ средѣ Герцена, къ которой перешелъ потомъ Бѣлинскій, господствовала струя критическаго отношенія къ жизни.

Друзья извлекли изъ философіи Гегеля ея примирительную сторону. «Все дѣйствительное разумно» — было ихъ главнымъ лозунгомъ. Въ Бѣлинскомъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ бродило кое-что иного, сложившагося сначала подъ впечатлѣніемъ произведеній Sturm und Drangperiode Шиллера. Въ увлекавшейся постоянно натурѣ Бѣлинскаго, проблески рѣзко критическаго отношенія къ дѣйствительности появлялись и послѣ сближенія со Станкевичемъ, напримѣръ, въ 1836 году. Тогда онъ приписывалъ ихъ вліянію фихтіанства [1]). Но затѣмъ это броженіе утихло.

Безконечная идея, лежащая въ основѣ міра и равно живущая въ явленіяхъ природы и произведеніяхъ искусства, соединеніе съ идеей посредствомъ отреченія отъ своего *я*—вотъ основныя мысли кружка, какъ они выражались въ письмахъ Станкевича и первыхъ статьяхъ Бѣлинскаго. Это гегелевская философія безъ ея сухости и раціональности, подчиненная еще освѣщенію шеллингова міровоззрѣнія. Въ этомъ же духѣ написаны, какъ мы увидимъ ниже, статьи Каткова, появлявшіяся въ 1839 — 1840 гг. Взгляды такъ называемыхъ молодыхъ гегеліанцевъ, начавшіе сильно пробиваться послѣ произошедшей въ 1831 году смерти философа, были пока совершенно неизвѣстны московскимъ друзьямъ.

Впослѣдствіи, въ сороковыхъ годахъ, въ мнѣніяхъ Бѣлинскаго наступилъ переворотъ. Прежнее успокоеніе въ философскомъ идеализмѣ замѣнилось критическимъ анализомъ.

---

[1]) Бѣлинскій. Его жизнь и переписка, соч. А. Пыпина 1876 г., т. I, стр. 175.

Это совпало со временемъ его сближенія съ Герценомъ. Сначала между обоими кружками, группировавшимися съ одной стороны около Станкевича, съ другой около Герцена, не было ничего общаго даже въ предметахъ умственныхъ интересовъ. Одинъ погрузился въ философскую метафизику, другой, напротивъ, интересовался болѣе общественно-политическими теоріями. Сближеніе оказалось возможнымъ только послѣ того, какъ Герценъ въ 1839 году возвратился въ Москву изъ четырехлѣтней отлучки (вызванной административнымъ распоряженіемъ, постигшемъ въ 1835 году не только его, но и нѣсколькихъ близкихъ къ нему людей), Бѣлинскій, начиная съ своего переѣзда въ Петербургъ въ концѣ 1839 года, сталъ тяготиться прежнимъ отношеніемъ къ жизни. Прежніе друзья его также стали исчезать: Станкевичъ умеръ, съ Бакунинымъ онъ разошелся. Вотъ въ это время (т. е. послѣ 1840 года), Бѣлинскій началъ мало-помалу сближаться съ Герценомъ. Онъ, безъ сомнѣнія, содѣйствовалъ философскому развитію послѣдняго, но зато и Герценъ оказалъ на него вліяніе своимъ умомъ, наклоннымъ къ критикѣ и скептицизму.

Близость Каткова къ кружку относится къ тому времени, когда о принадлежности къ нему Герцена не было и помину. Выдающимися членами были, кромѣ Станкевича и Бѣлинскаго, Бакунинъ и В. П. Боткинъ. Когда Станкевичъ въ 1837 году уѣхалъ заграницу, (гдѣ онъ, не возвращаясь болѣе въ Россію, умеръ въ 1840 году), то Бакунинъ сталъ считаться философскимъ авторитетомъ кружка. Между его тогдашнимъ міросозерцаніемъ и послѣдующею дѣятельностью не было рѣшительно ничего общаго. Онъ былъ, какъ и всѣ, проникнутъ прекраснодушіемъ; такъ величалось между друзьями ихъ примирительное настроеніе; впослѣдствіи, когда Бѣлинскій переѣхалъ въ Петербургъ, онъ придумалъ новое выраженіе для того же понятія: москводушіе. Бакунинъ съ отличавшей его во всякое время рьяностью проповѣдывалъ это настроеніе, поль-

зуясь всѣми тонкостями гегелевской діалектики, которою онъ, по признанію друзей, овладѣлъ въ совершенствѣ. Но замѣнить Станкевича онъ не могъ ни по умственнымъ, ни въ особенности, какъ мы увидимъ далѣе, по нравственнымъ качествамъ. По воспоминаніямъ Панаева, Бѣлинскій говаривалъ, что продолжаетъ видѣть въ отсутствующемъ Станкевичѣ душу и жизнь кружка [1]).

Къ кружку примыкали еще литераторы: Клюшниковъ, мистическій философъ (писавшій стихи подъ знакомъ:—ѳ—) и Красовъ, а также К. Аксаковъ, отступившій въ славянофильство позднѣе. Къ нему присоединялись постоянно еще молодыя силы изъ среды учившихся въ университетѣ. Всѣ, чувствовавшіе въ себѣ интересъ къ мышленію, стремились къ Бѣлинскому, который легко сходился со всѣми, въ комъ угадывалъ искренность, дѣйствительную жажду истины и дарованіе. Катковъ, Кудрявцевъ, Кавелинъ присоединились въ концѣ тридцатыхъ годовъ къ кружку. Какъ болѣе молодые, они въ началѣ подчинялись авторитету болѣе зрѣлыхъ членовъ кружка.

Указанія на Каткова въ перепискѣ Бѣлинскаго появляются въ то время, когда послѣдній еще былъ студентомъ. Бѣлинскій не зналъ нѣмецкаго языка и нуждался въ посредникахъ для изученія нѣмецкой философіи и поэзіи. Первые шаги на этомъ поприщѣ онъ сдѣлалъ при содѣйствіи Станкевича, потомъ началъ ему помогать въ этомъ отношеніи Бакунинъ. Дружескія отношенія къ послѣднему начались у Бѣлинскаго главнымъ образомъ съ лѣта 1836 года, которое онъ провелъ среди семейства своего пріятеля въ ихъ имѣніи Тверской губерніи, но конечно, одного посредника было мало для такого необъятнаго предмета, какъ нѣмецкая философія. Наряду съ Бакунинымъ появляются новые люди: В. П. Боткинъ, съ которымъ Бѣлинскій подружился въ особенности въ концѣ 1836 года,

[1]) Панаевъ. Лит. воспоминаніе, стр. 196.

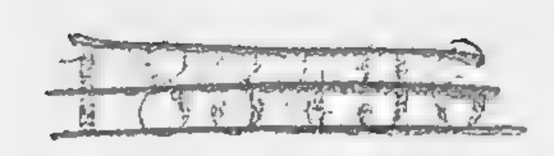
и М. Н. Катковъ, о знакомствѣ котораго съ Бѣлинскимъ упоминается годомъ позже.

Бѣлинскій старался внушить своимъ друзьямъ изъ среды молодежи необходимость саморазвитія, осуждая мертвую книжную ученость тогдашняго университета. Въ стремленіи къ независимости мышленія Бѣлинскій сходился съ Катковымъ, который, помимо университетскаго образованія, работалъ самостоятельно. Начало сближенія, произошедшаго особенно въ продолженіе осени 1837 года, совпало съ тѣмъ моментомъ, когда Бѣлинскій сильно поддавался примирительному настроенію. Катковъ изучалъ тогда Гегеля—читалъ его эстетику и былъ отъ нея въ восторгѣ. Бѣлинскій разсказывалъ въ одномъ письмѣ, что онъ именно въ это же время обсуждалъ путемъ собственныхъ умозрѣній вопросъ о творчествѣ и собирался уже изложить цѣлую теорію по этому поводу, но Катковъ съ Гегелемъ въ рукахъ опровергъ Бѣлинскаго. «Катковъ, упоминаетъ по этому поводу Бѣлинскій, стакнувшись съ Егоромъ Федоровичемъ, (такъ называли Гегеля въ кружкѣ), разбилъ въ прахъ мою прекрасную теорію»[1]). «Катковъ, говоритъ Бѣлинскій въ другомъ письмѣ къ Боткину, передалъ мнѣ, какъ умѣлъ, а я принялъ, какъ могъ, нѣсколько результатовъ эстетики.—Боже мой! какой новый, свѣтлый безконечный міръ! Я вспомнилъ тогда твое недовольство собою, твои хлопоты по побіеніи фантазій, твою тоску о нормальности. Слово «дѣйствительность» сдѣлалось для меня равнозначительно слову «Богъ». И ты напрасно совѣтуешь мнѣ чаще смотрѣть на синее небо—образъ безконечнаго, чтобы не впасть въ кухонную дѣйствительность: другъ, блаженъ, кто можетъ видѣть въ образѣ неба символъ безконечнаго, но вѣдь небо часто застилается сѣрыми тучами, потому тотъ блаженнѣе, кто и кухню умѣетъ просвѣтлить мыслью безконечнаго» [2]).

---

[1]) Бѣлинскій Пыпина, ч. I, стр. 193, 194.

[2]) Бѣлинскій Пыпина, ч. I, стр. 226.

Одновременно съ изученіемъ гегелевской эстетики, Бакунинъ, съ своей стороны, внушалъ Бѣлинскому мысли, почерпнутыя изъ философіи религіи того же философа. Все это приводило друзей къ еще бо̀льшему утвержденію себя во взглядахъ прекраснодушія.

Но отношенія Каткова къ Бѣлинскому не были въ это время еще близкими. Вѣроятно, въ нихъ проглядывало разстояніе между молодымъ человѣкомъ еще учащимся и молодымъ писателемъ, проявившимъ уже дарованіе. Отношенія эти стали измѣняться въ 1839 году, когда Бѣлинскій началъ издавать «Московскій Наблюдатель». Къ этому времени Катковъ успѣлъ уже окончить университетъ и готовился къ магистерскому экзамену, который и сдалъ въ теченіе 1839 года.

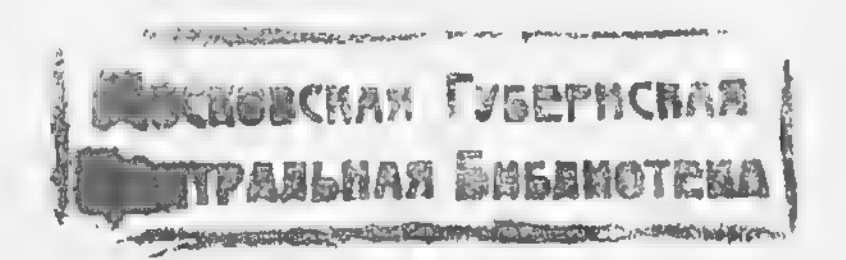
Онъ сдѣлался однимъ изъ сотрудниковъ Бѣлинскаго. Въ «Наблюдателѣ» Катковъ помѣстилъ нѣсколько стихотворныхъ переводовъ [1]). Главное мѣсто занимаютъ въ этомъ отношеніи: сцены изъ Ромео и Юліи Шекспира: (четыре первыя явленія 5-го дѣйствія) и нѣсколько стихотвореній Гейне. Кромѣ того, тамъ появился его переводъ статей Рётшера въ духѣ гегелевской философіи о художественной критикѣ.

Судя по напечатаннымъ образцамъ, слѣдуетъ признать, что Катковъ имѣлъ эстетическую струю и хорошо владѣлъ стихомъ. Бѣлинскій весьма цѣнилъ его талантъ.

Вотъ образчикъ одного изъ упомянутыхъ переводовъ, оригиналъ котораго составляло извѣстное стихотвореніе Гейне къ его матери:

Отъ матери, неопытный мечтатель,
Я въ міръ пошелъ любовь искать,
Чтобы любовь, какъ гордый обладатель,

[1]) Вотъ перечень его стиховъ, появившихся въ «Наблюдателѣ» въ первой книжкѣ: изъ Гейне—«Мнѣ снилося: мѣсяцъ уныло смотрѣлъ»; «Отъ огня любви, бывало, сердце бѣдное пылало»; «На ивѣ зеленой звучалъ соловей»; «Грудь моя тоской полна»; изъ Релантса—«Дѣвушка за пряжею»; наконецъ, сцены изъ Ромео и Юліи. Во второй книжкѣ «Наблюдателя»: одно стихотвореніе Гейне къ матери.

Къ груди моей съ любовію прижать:
Какъ нищій, я подъ окнами таскался,
Какъ нищій, я по улицамъ бродилъ.
Просилъ любви,— отвѣтъ одинъ мнѣ былъ:
«Богъ дастъ, ступай!»—и дальше я пускался.
И все ходилъ, любви искалъ, ходилъ —
Напрасно — я любви не находилъ!
Больной, назадъ я путь поворотилъ;
Пришелъ домой, и мать меня встрѣчала,
И то, чего душа моя алкала,—
Любовь, любовь въ ея глазахъ сіяла.

Это впрочемъ наиболѣе удачный изъ переводовъ; встрѣчаются и менѣе законченные. Когда «Наблюдатель» закрылся, Катковъ сталъ печатать ихъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» [1]).

Чтобы покончить съ стихотворными занятіями Каткова, упомянемъ объ изданномъ имъ въ 1840 году переводѣ всей драмы: «Ромео и Юлія» Шекспира. Въ библіографическихъ замѣткахъ «Отеч. Записокъ», гдѣ Катковъ въ то время сотрудничалъ, переводъ признанъ прекраснымъ. Въ перепискѣ Бѣлинскаго съ Боткинымъ встрѣчаются указанія, что послѣдній признавалъ его не вполнѣ вѣрнымъ тексту. «Что ты тамъ говоришь о переводѣ Каткова Ромео и Юліи; спрашивалъ, неужели шибко невѣрно? Да чортъ возьми, возможное ли дѣло, Бѣлинскій, вѣрно перевести Шекспира? Однако напиши мнѣ объ этомъ» (письмо 26 декабря 1840 года). Немного позже просилъ онъ Боткина выслать сводъ невѣрно переданныхъ, по его мнѣнію, мѣстъ съ подлинникомъ, чтобы въ виду намѣренія его написать о переводѣ отзывъ въ «Отеч. Запискахъ» не вышло повторенія похвалъ, которыя Булгаринъ по дружбѣ высказывалъ относительно произведеній Греча (письмо 16 января 1840 года). Если послѣ этого

[1]) Вотъ перечень стихотвореній въ «Отечественныхъ Запискахъ»: т. IV «Разставаніе» изъ Гейне, «Мой милый въ міръ пришелъ имъ любоваться» Рюкерта; «Страданіе въ удѣлъ ты получилъ» Гейне; т. VI, изъ Ратклифа Гейне; т. IX—«Гренадиры» Гейне, т. XI «Кубокъ и вино» изъ Рюкерта.

появилась упомянутая замѣтка, то это можетъ служить до нѣкоторой степени доказательствомъ, что хвалили переводъ не только изъ расположенія къ автору.

Что касается литературной отдѣлки перевода, то большею частью, рельефно передавая живость и образность шекспировской рѣчи, онъ написанъ и хорошими стихами; къ числу удачно переданныхъ мѣстъ принадлежитъ знаменитая сцена объясненія Ромео въ любви подъ окномъ Юліи, въ началѣ второго дѣйствія. Вотъ, напримѣръ, вступительныя слова Ромео:

«Но тише, что за свѣтъ блеснулъ въ окнѣ!
О, то востокъ, а солнце—Юлія!
Всходи, всходи прекрасное свѣтило,
И блѣдную отъ зависти луну
Убей своимъ явленьемъ».

Хорошо переведенъ и отвѣтъ Ромео Юліи (за исключеніемъ развѣ шероховатости пятой строки).

О, продолжай, мой свѣтлый ангелъ! ты
Надъ головой моей средь ночи блещешь
Въ такой же славѣ, какъ посланникъ неба
Предъ взорами смущенными людей,
Которые, упавъ на землю навзничъ,
На дивнаго посла взираютъ въ страхѣ,
А онъ скользитъ, туманы разсѣкая,
Въ эфирѣ голубомъ...

Въ «Наблюдателѣ» принимали участіе, кромѣ того, Кудрявцевъ, помѣстившій тамъ, подъ псевдонимомъ Строѣва, прекрасную повѣсть «Флейта», Клюшниковъ, Боткинъ, Красовъ, К. Аксаковъ и Бакунинъ, погубившій, по мнѣнію Бѣлинскаго, успѣхъ «Наблюдателя» своей статьей о Гегелѣ.

Несмотря на богатство литературнаго матеріала, «Наблюдатель» долженъ былъ прекратить свое существованіе на второмъ томѣ. Въ журнальномъ мірѣ трудно пробивать себѣ дорогу—въ особенности же трудность эта существовала въ тогдашнюю пору, когда кругъ читающей публики былъ ничтоженъ.

Кружокъ Бѣлинскаго сталъ, между тѣмъ, нѣсколько расклеиваться. Съ Бакунинымъ начались у Бѣлинскаго теоретическія разногласія, съ Боткинымъ и Катковымъ произошла у него личная ссора.

Основаніемъ послѣдней послужила одна исторія, относившаяся къ чисто внутренней ихъ жизни и не чуждая, между прочимъ, соперничества. Столкновеніе произошло первоначально между Бѣлинскимъ и Катковымъ. Какъ можно догадываться, Бѣлинскій, освободившись отъ слишкомъ идеальнаго взгляда на одну личность, затѣялъ излечивать отъ него и своего молодаго пріятеля. Послѣдній отвѣтилъ въ слишкомъ рѣзкихъ выраженіяхъ [1]).

Боткинъ сталъ на сторону Каткова. Бѣлинскому это было, вѣроятно, очень больно, потому что, вспоминая объ этомъ событіи даже черезъ четыре года, когда онъ уже разошелся съ Катковымъ, онъ упрекалъ мимоходомъ перваго за участіе къ этому столкновеніи. Панаевъ, познакомившійся съ кругомъ московскихъ друзей весною 1839 года, разсказываетъ, что когда къ нему входили Боткинъ и Катковъ въ одну дверь, то Бѣлинскій выходилъ въ другую.

Самъ Панаевъ познакомился съ Катковымъ только въ это время. Онъ встрѣтилъ его какъ-то у Боткина. Домъ Боткиныхъ былъ расположенъ на живописномъ мѣстѣ Москвы. Изъ флигеля, выходившаго въ садъ, открывался черезъ зелень видъ на Замоскворѣчье. Садъ былъ расположенъ на горѣ, въ серединѣ его находилась бесѣдка, вся

---

[1]) Но вѣроятно, въ Катковѣ пробудилось вмѣстѣ съ тѣмъ разочарованіе, которое хотѣлъ вызвать въ немъ Бѣлинскій. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ отъ 19 мая 1839 года къ Краевскому, Катковъ, извиняясь за недоставленіе окончанія статьи о русскихъ народныхъ пѣсняхъ, описываетъ слѣдующее: «пріѣхавъ въ Москву, я какъ будто былъ брошенъ въ какой то водоворотъ—въ головѣ у меня звенѣло, въ глазахъ прыгали мальчики—я былъ, какъ угорѣлый и въ самомъ дѣлѣ было отчего—въ жизни моей свершился одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ кризисовъ».

окруженная фруктовыми деревьями. Въ этой-то бесѣдкѣ Панаевъ въ майскій день въ первый разъ увидѣлъ Каткова. Про эту встрѣчу Катковъ писалъ Краевскому 19 мая: «познакомился я и, кажется, хорошо съ Панаевымъ, хотя и видѣлся съ нимъ только одинъ разъ у Боткина».

Примиреніе Бѣлинскаго съ Катковымъ и Боткинымъ произошло въ теченіе лѣта. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ отъ 7 іюля Катковъ передаетъ Краевскому поклонъ Бѣлинскаго и заявленіе, что, несмотря на болѣзнь, все обѣщанное будетъ готово къ сроку. Самъ Бѣлинскій писалъ 19 августа Панаеву:

«Я помирился съ Боткинымъ и Катковымъ, между нами все опять по-прежнему, кромѣ прежнихъ пошлостей. Сперва я сошелся съ Боткинымъ и безъ всякихъ объясненій, прекраснодушныхъ и экстатическихъ выходокъ и порывовъ, но благоразумно, хладнокровно, хотя и тепло, а слѣдовательно — и дѣйствительно. Теперь вижу ясно, что ссора была необходима, какъ гроза для очищенія воздуха; эта ссора уничтожила бездну пошлаго въ нашихъ отношеніяхъ. Причины ссоры, насколько вамъ извѣстно, были только предлогомъ, а истинныя и внутреннія причины теперь обозначились и стали ясны. Боткинъ былъ много виноватъ передо мной, но и я въ этомъ случаѣ не уступилъ ему».

Боткинъ самъ сдѣлалъ первый шагъ къ Бѣлинскому. Встрѣтившись съ нимъ у Р—го, Боткинъ началъ съ нимъ говорить — и вражда растаяла. Сойтись вновь съ Катковымъ оказалось затруднительнѣе. Вспоминая объ этомъ примиреніи черезъ полтора года, Бѣлинскій, какъ мы увидимъ, жаловался, что Катковъ слишкомъ наслаждался своей побѣдой надъ нимъ и чувствовалъ ненависть къ нему послѣ того, какъ все объяснилось въ его пользу.

Характеристично, между прочимъ, то обстоятельство, что Бѣлинскій счелъ нужнымъ описывать это столкновеніе даже Станкевичу, проживавшему заграницей; онъ не оправдывалъ при этомъ и себя.

«Я понялъ, писалъ онъ, что дружескія отношенія не только не отрицаютъ деликатности, какъ лишней для себя вещи, но болѣе, нежели какія нибудь другія, требуютъ ея».

Съ Бакунинымъ причины разлада были у Бѣлинскаго болѣе глубокими. Бакунинъ старался подавлять друзей своимъ авторитетомъ. «Онъ любитъ идеи, а не людей», замѣчалъ Бѣлинскій.

«Съ весны (1839 года), писалъ онъ Станкевичу, я пробудился для новой жизни, рѣшилъ, что каковъ бы я ни былъ, но я — самъ по себѣ, что ругать себя и кланяться другимъ глупо и смѣшно, что у всякаго свое призваніе, своя дорога въ жизни. Ему (Бакунину) это крайне не понравилось, и онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что во мнѣ самостоятельность, сила, и что на мнѣ верхомъ ѣздить опасно— сшибу, да еще копытомъ лягну».

Въ другомъ мѣстѣ говорилъ онъ еще слѣдующее:

«Я пишу ему (Бакунину), что прекраснодушныя и идеальныя комедіи мнѣ надоѣли. Споръ о простотѣ игралъ тутъ важную роль. Я ему говорилъ, что о Богѣ, объ искусствѣ можно разсуждать съ философской точки зрѣнія, но о достоинствѣ холодной телятины должно говорить просто. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что бунтъ противъ идеальности есть бунтъ противъ Бога, что я погибаю, дѣлаюсь добрымъ малымъ въ смыслѣ bon vivant et bon camarade и пр. А я только хочу бросить претензіи быть великимъ человѣкомъ, я хочу быть со всѣми, какъ всѣ».

Вообще, чѣмъ болѣе вчитываешься въ переписку Бѣлинскаго, тѣмъ болѣе понимаешь, какъ Бакунинъ, позировавшій впослѣдствіи на львиную, героическую натуру, могъ послужить дѣйствительнымъ прототипомъ для фразерства, изображеннаго Тургеневымъ въ Рудинѣ.

Во время изолированнаго положенія Бѣлинскаго вслѣдствіе разлада съ постоянными друзьями, ближе всѣхъ стоялъ къ нему К. Аксаковъ, находившійся тогда на полдорогѣ между Бѣлинскимъ и Хомяковымъ, «Московскимъ Наблюдателемъ» и «Москвитяниномъ» Шевырева и Погодина.

Бѣлинскій очень скоро подмѣтилъ различіе между своимъ примительнымъ настроеніемъ и духовнымъ складомъ Аксакова. Онъ писалъ 19 августа 1839 года Панаеву, что въ немъ еще столько дѣтскаго, что какъ бы ни былъ молодъ Катковъ, но и онъ ему годится въ дѣдушки.

Обстоятельства лицъ, связанныхъ по литературному труду съ «Московскимъ Наблюдателемъ», стали весьма шаткими вслѣдствіе неудачи этого журнала. Бѣлинскій страшно бѣдствовалъ, Катковъ, который долженъ былъ содержать своимъ трудомъ не только себя, но старушку мать и брата, приготовлявшагося къ университету, также сильно нуждался. Онъ принялъ, какъ манну небесную, предложеніе участвовать въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго.

Относительно приглашенія Каткова къ участію въ журналѣ существуютъ различные разсказы. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ указываетъ въ этомъ отношеніи на свое посредничество, А. Д. Галаховъ, напечатавшій особую статью въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1888 г. № 1) о журнальномъ сотрудничествѣ своемъ съ Катковымъ, не упоминаетъ объ означенномъ посредничествѣ Панаева. А. А. Краевскій, бывшій издатель «Отечествен. Записокъ», въ сдѣланныхъ намъ лично сообщеніяхъ выразилъ сомнѣніе, чтобы ему приходилось обращаться по этому предмету къ содѣйствію Плетнева. Онъ указывалъ на Галахова, какъ на готоваго посредника. Галаховъ дѣйствительно завѣдывалъ составленіемъ библіографическихъ замѣтокъ для «Отечествен. Записокъ» о книгахъ, выходившихъ въ Москвѣ. Онъ отчасти самъ исполнялъ работу, отчасти раздавалъ ее другимъ. Вотъ такимъ помощникомъ былъ у Галахова Катковъ. Изъ воспоминаній Галахова однако непонятно, какъ же могъ быть Катковъ приглашенъ имъ на смѣну Бѣлинскаго, отъѣзжавшаго въ Петербургъ; вѣдь, первый началъ писать статьи еще лѣтомъ, а послѣдній оставилъ Москву только поздней осенью.

Изъ переписки Каткова съ Краевскимъ видно, что первый въ апрѣлѣ или въ началѣ мая 1839 года ѣздилъ въ Петербургъ для свиданія съ издателемъ «Отеч. Записокъ». Они, вѣроятно, и уговорились при этомъ объ условіяхъ сотрудничества Каткова. Краевскій любезно принялъ и даже

обласкалъ Каткова. Это видно изъ слѣдующихъ выраженій Каткова въ первомъ его письмѣ къ Краевскому:

«Я еще ничего не сказалъ вамъ о томъ чувствѣ, съ какимъ я разставался съ вами, но оно безпрестанно шевелилось, какъ тотько я начиналъ думать, что нужно писать къ вамъ. На письмѣ какъ-то скорѣе высказывается то, что трудно высказать въ лицо. Да, А. А., благодарю васъ. Немного такихъ прекрасныхъ встрѣчъ въ жизни, какъ моя встрѣча съ вами. Радушный пріемъ, который вы оказали человѣку неизвѣстному, бывшему совершенно чуждымъ для васъ, ваша дружеская обходительность, которою вы украсили мое пребываніе въ незнакомомъ городѣ,—все это я глубоко чувствую. Прошу васъ только быть увѣреннымъ, что человѣкъ, въ которомъ вы произвели это чувство, имѣетъ хорошую память».

Катковъ принялся за сотрудничество немедленно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, устанавливалось сотрудничество Бѣлинскаго. Въ Москвѣ онъ написалъ въ «Отечественныя Записки» двѣ большихъ статьи: «о Менцелѣ» и о «Бородинской годовщинѣ». Но потомъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1839 года онъ, по приглашенію Краевскаго, переѣхалъ даже въ Петербургъ, чтобы всецѣло отдаться работѣ въ его журналѣ.

Въ третьемъ томѣ «Отечествен. Записокъ» мы встрѣчаемъ первую работу Каткова, подписанную въ этомъ журналѣ его именемъ, переводъ статьи о «Пушкинѣ извѣстнаго нѣмецкаго критика Варнгагена фонъ-Энзе. Статья эта въ искаженномъ видѣ и съ дурнымъ о ней отзывомъ появилась въ «Москвитянинѣ». Катковъ, напротивъ, похвалилъ ее въ нѣсколькихъ словахъ, предпосланныхъ имъ отъ себя. «Слышите ли? Насъ уже не называютъ учениками и подражателями... Слышите ли? Къ намъ взываютъ уже наши учители, какъ равные къ равнымъ»,—говоритъ онъ, между прочимъ, въ заключеніе ея, читателямъ.

Въ слѣдующемъ томѣ «Отечественныхъ Записокъ» помѣщена большая статья Каткова о русскихъ народныхъ пѣсняхъ, написанная по поводу изданнаго Сахаровымъ сборника. Ко второй части этой работы относятся слова Краевскаго въ письмѣ 20-го іюня 1839 года къ Панаеву:

«Ради Бога, скажите Каткову, что это онъ со мною дѣлаетъ? не

шлетъ до сихъ поръ окончанія статьи. Я уже писалъ къ нему объ этомъ, а онъ все медлитъ. О Москва! Москва!» [1]).

Дѣйствительно, Катковъ, какъ видно изъ письма его Краевскому, обѣщалъ выслать всю статью еще въ маѣ мѣсяцѣ. Но тогда ему помѣшали это сдѣлать разныя обстоятельства. Потомъ онъ получилъ отъ причастнаго къ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» Н. В. Савельева сообщеніе, что онъ можетъ не торопиться съ окончаніемъ статьи, такъ какъ редакція имѣетъ въ своемъ распоряженіи другую работу. Въ началѣ іюнѣ Катковъ узналъ, что Краевскій все-таки ожидаетъ окончаніе его статьи. Но, должно быть, онъ много занимался обработкою этой второй части, потому, что при всей спѣшности требованія не могъ послать ее даже 22 іюня.

«Вы морщитесь, но выслушайте — писалъ онъ этого числа къ Краевскому. Вы сами очень хорошо знаете, какъ богатъ предметъ: русская народная поэзія, какъ много въ немъ частностей сильныхъ, отъ которыхъ трудно отдѣлаться, пославъ имъ только поцѣлуй по воздуху, изъ которыхъ каждая просится впередъ и требуетъ себѣ мѣста въ статьѣ; какъ трудно соблюсти между ними равновѣсіе и тѣмъ труднѣе, что у насъ по сю пору ничего о русской поэзіи не было сказано дѣльнаго: предметъ совершенно неразработанный. Вотъ окончивъ статью, я передъ тѣмъ, какъ посылать, перечелъ ее и нашелъ себя очень недовольнымъ тѣмъ и другимъ, нашелъ, что многое нужно выкинуть, урѣзать и кое-гдѣ измѣнить».

Катковъ послалъ тогда только половину окончанія статьи о русскихъ пѣсняхъ; остальные листы обѣщался выслать 27-го и 29-го іюня. Онъ просилъ у Краевскаго, которому понравилась первая часть статьи, написать ему строчки двѣ о его мнѣніи относительно второй части. «Мнѣ нужна, замѣчалъ онъ, только оцѣнка тѣхъ немногихъ, которыхъ я знаю; къ тому же, что̀ скажетъ прочій читающій людъ, я равнодушенъ».

Краевскій писалъ въ то время Каткову не только о его литературныхъ трудахъ, но повидимому и объ обстоя-

---

[1]) Панаевъ, Лит. воспоминанія, стр. 253.

тельствахъ его жизни, которыя сильнѣе трогали сердце молодого писателя. Катковъ отвѣчалъ на это:

«Трудно повѣрить, какъ облегчаетъ одно слово отъ души. Что дѣлать? если хотимъ жить, нужно умѣть, нужно хотѣть даже страдать и бороться. Что будетъ, то будетъ».

Въ слѣдующемъ письмѣ 27-го іюня онъ просилъ Краевскаго выслать ему корректуру статьи. Понятно желаніе дебютанта самому ранѣе, чѣмъ публика — посмотрѣть, какое впечатлѣніе производитъ то, что онъ написалъ. Катковъ мотивировалъ впрочемъ свою просьбу интересами журнала... Конечно, исполненіе ея при тогдашнихъ почтовыхъ сношеніяхъ не оказалось возможнымъ.

Статья Каткова о народныхъ пѣсняхъ произвела большую сенсацію въ московскомъ кружкѣ; дѣйствительно, она написана талантливо. Не даромъ Бѣлинскій писалъ въ 1840 году Боткину: «Эхъ, если-бы мнѣ занять у Каткова его слогъ». Онъ прибавлялъ впрочемъ: «я бы лучше его воспользовался имъ» [1]).

Въ Москвѣ, какъ писалъ Катковъ Краевскому 7 іюля, распространился слухъ, будто статья эта написана Недоумкою (псевдонимъ, подъ которымъ появились первыя литературныя критики Надеждина). Слухъ этотъ, конечно, не могъ не быть весьма лестнымъ для автора статьи.

Коренная мысль статьи о народныхъ пѣсняхъ заключается въ приложеніи къ народной жизни гегелевской системы развитія. Народъ проходитъ три ступени: первая — семейныя отношенія, вторая — общественныя отношенія, изъ которыхъ развивается государство, третья и высшая форма есть его духовная дѣятельность, его созерцаніе жизни и міра, его миѳологія, его поэзія. Но и народъ въ первобытномъ состояніи, закованный въ узы природы, пускаетъ изъ себя съ самаго начала своей жизни ростки, изъ коихъ свободнымъ движеніемъ должны развиться послѣдующія

---

[1]) Пыпинъ — Бѣлинскій ч. 2, стр. 83.

формы, въ которыхъ стремится выразиться духъ въ этомъ народѣ. Какъ бы ни была низка ступень развитія народа, въ немъ непремѣнно должны возникать стремленія къ вѣчнымъ областямъ свободнаго духа, въ немъ непремѣнно должны быть начатки великихъ откровеній духа. Такимъ образомъ происходятъ народныя пѣсни.

Вотъ картина русской исторіи, которую мимоходомъ начертилъ Катковъ въ своей статьѣ:

«Ужь вотъ почти тысяча лѣтъ, какъ началъ понимать себя народъ русскій. Сколько лѣтъ!.. на что же были употреблены они? что же было проявлено жизнью народа въ ихъ теченіи? Очертилъ ли онъ вокругъ себя ту сферу, въ которой суждено ему двигаться, которую долженъ наполнять онъ своею жизнью? Взглядъ на древнѣйшую русскую исторію пробуждаетъ въ душѣ томительное чувство. Въ самомъ дѣлѣ, унылое зрѣлище представляется взорамъ позади нашего исполина. Далеко, далеко тянется степь, далеко — и, наконецъ, исчезаетъ въ смутномъ туманѣ... Тамъ, въ той туманной дали чуть замѣтно показываются какіе-то неопредѣленные, безразличные призраки; тамъ такъ безотрадно, такъ пусто; колоритъ такой холодный, такой безжизненный... Какъ скудно наше дѣтство; не розовыя, полныя упоительной свѣжести воспоминанія остались у насъ по немъ, мы перезабыли, закружившись въ бурномъ вихрѣ событій, всѣ наши младенческія грезы... намъ такъ холодно становится, такъ томительно сжимается сердце, когда мы обернемся назадъ и сквозь туманъ будемъ смотрѣть туда, гдѣ наша степь сливается съ небомъ. Но степь тѣмъ замѣтнѣе оживаетъ, чѣмъ ближе къ намъ; въ ней возникаетъ движеніе; она покрывается шумнымъ народомъ; она оглашается громкими, смѣшанными звуками... но эта жизнь страшнѣе смерти — судорожное трепетаніе агоніи; этотъ народъ неистово кружится въ дикомъ хаосѣ, безъ всякаго сознанія, эти звуки—крики бѣшенства или отчаянія, стукъ мечей, зубримыхъ о родную грудь, и шумъ паденія безъ всякаго порядка, совершенно случайно смѣняющихъ одинъ другого бойцовъ... Гдѣ линія развитія, гдѣ смыслъ и значеніе этихъ явленій, гдѣ необходимость въ ихъ преемствѣ? Все перепутано, все перемѣшано... Черная, непроницаемая туча повисла надъ хаотическимъ броженіемъ; все подернулось мракомъ, въ которомъ тонетъ наше зрѣніе, потерявшее всякую опору... И только на переднихъ планахъ мракъ начинаетъ рѣдѣть, небо проясняться; только на первомъ планѣ вышло, наконецъ, въ великолѣпномъ блескѣ солнце и ярко озарило... но вы не смотрите на то, что̀ озарили лучи этого солнца: вы еще полны грустныхъ думъ; вы еще подавлены первымъ впечатлѣніемъ страшной степи.

«А между тѣмъ, солнце озарило дивное зрѣлище, озарило дивную монархію, какой еще не видало человѣчество. Откуда, какъ воз-

никла она? Какимъ чудомъ такъ внезапно, такъ неожиданно изъ хаоса и мрака явился этотъ исполинскій организмъ, атлетически сложенный, раскидавшійся своими мощными членами во всѣ концы міра? Какимъ чудомъ, вдругъ, безъ труда и развитія, сочленилось и образовалось это ужасающее своимъ громаднымъ объемомъ цѣлое, проникшее собою съ безпримѣрною силою всѣ свои части, до безконечности разнородныя, и связывающее ихъ въ неразрывномъ единствѣ государства, предназначеннаго свыше управлять кормою человѣчества?..

«Безъ труда и развитія!.. Вдругъ, внезапно!.. О, нѣтъ! потребенъ былъ тяжкій трудъ, потребно было продолжительное развитіе, развитіе разумное, строго-постепенное, такое, въ которомъ звенья сцѣплены необходимостью, и ни одного изъ нихъ нельзя выключить, не порвавъ цѣлой цѣпи; потребны были цѣлыя столѣтія и цѣлыя поколѣнія для того, чтобы могъ выработаться такой исполинскій организмъ, такое государство, какова теперь Россія. Такія явленія не родятся вдругъ и случайно; иначе должно поставить случай правителемъ судебъ человѣчества. Но мысль о безсмысленной случайности въ исторіи противорѣчитъ всему образу мыслей нашего времени; такая мысль безбожна. Принять ее значило бы возвратиться къ болѣзненнымъ временамъ ложнаго въ своей односторонности, побѣжденнаго или, лучше сказать, побѣдившаго самого себя скептицизма».

«Намъ кажется, прибавляетъ Катковъ, что все дѣло русской исторіи состояло въ постепенномъ заготавливаніи матеріаловъ и потомъ въ постепенномъ сооруженіи изъ этихъ матеріаловъ великаго зданія: сначала въ постепенномъ вырабатываніи частей, потомъ въ постоянномъ организированіи, въ постепенномъ сочетаніи этихъ частей въ одно цѣлое, въ одно исполинское тѣло, въ которое вдунулъ душу живу геній Петра Великаго, начавшаго собою новый уже свѣтлый періодъ русской исторіи».

Какъ видно изъ этого, Катковъ ставилъ цѣлью науки философское разъясненіе русской исторіи.

«Внѣшнее въ предметѣ есть откровеніе внутренняго, органическое проявленіе существа предмета, говоритъ онъ. Только живое объясненіе предмета въ его цѣльности есть истинное знаніе; все прочее—или фраза, или произвольная идея, родившаяся Богъ знаетъ какъ и вслѣдствіе чего въ праздной головѣ, или совершенно безсмысленное блужданіе въ дремучемъ лѣсу случайныхъ явленій, остающихся всегда чуждыми, всегда темными для скитальца, потому что сквозь внѣшнюю оболочку для глазъ его не сіяетъ проявляющееся въ ней существо».

Такимъ блужданіемъ кажутся ему современные изслѣдованія по русской исторіи. Съ гордостью двадцатилѣтняго

юноши предаетъ онъ осмѣянію споры своихъ бывшихъ профессоровъ: Каченовскаго и Погодина, исключительно основанныя на внѣшнемъ истолкованіи фактовъ.

«Если наша литература съ просонья, большею частью въ бреду, проговоритъ словечко, такъ это уже навѣрное: «Варяго-руссы», «Норманны», «нестерова лѣтопись достовѣрна», «нестерова лѣтопись недостовѣрна», «нестерова лѣтопись относится къ XII», «нестерова лѣтопись относится къ XIV столѣтію» и т. д. Гдѣ же результаты? Къ чему все это ведетъ?.. Неужели безконечные споры, не повѣдывавшіе по сію пору ничего положительнаго, исчерпываютъ все дѣло? Слова нѣтъ: было бы прекрасно, было бы очень полезно опредѣлить, что такое нестерова лѣтопись и мѣру довѣрія къ ней; но развѣ ваши противорѣчія объ этомъ предметѣ примирены, сведены къ одному непреложному результату, и если вы даже въ самомъ дѣлѣ достигли здѣсь до какого нибудь результата, то развѣ въ этомъ заключается вся наша наука? Неужели вы думаете, что изучать русскую исторію значитъ бросать бѣдныхъ варяговъ изъ угла въ уголъ, на сѣверъ и на югъ, на востокъ и на западъ, словомъ, всюду, гдѣ только захочетъ погулять ваше воображеніе».

Съ горькимъ сарказмомъ говоритъ онъ о тогдашнемъ культѣ Россіи со стороны разныхъ ея почитателей общежитейскаго и ученаго свойства. Ихъ патріотизмъ и ихъ ученость кажутся ему мелкими.

«Обращаюсь къ вамъ, велеречивые мужи, къ вамъ, умѣющимъ такъ красно и такъ звонко разсуждать и о томъ, какъ далеко и широко раскинулась Россія, и о томъ, что въ ней великое, или, говоря вашимъ фигуральнымъ языкомъ, несмѣтное множество народовъ, и о томъ, что на необъятномъ горизонтѣ поднялась уже пурпурная заря, чреватая великолѣпнѣйшимъ, ослѣпительнѣйшимъ солнцемъ и проч. и проч...; обращаюсь я къ вамъ, добрые труженики съ самодовольными лицами, наглотавшіеся всякаго сорта пыли и, потому, начиненные самою прочною, какъ вы говорите, ученостью — скажите, знаете ли вы, что такое эта Русь, о которой вы такъ много твердите?»

Не по мертвымъ остаткамъ, а по живымъ родникамъ надо изучать духъ русской народности. Вотъ пѣсни—готовый для этого матеріалъ, коимъ до сихъ поръ пренебрегали. Съ трудомъ дождалась Россія добросовѣстнаго ихъ сборника.

«Чьи же эти заунывные, обдающіе всю нашу душу какимъ-то особеннымъ, *русскимъ* чувствомъ, эти милые, такъ намъ понят-

ные звуки? чьи эти напѣвы, то грустные, то веселые, то больше грустные? чья душа разыгралась въ этихъ пѣсняхъ удалыхъ, молодецкихъ? изъ чьей же груди, глубокой и мощной, пробились несдержнымъ потокомъ эти магическія пѣсни? волны чьей богатырской жизни льются и переливаются въ этихъ простыхъ, но Богъ знаетъ почему такъ сильно дѣйствующихъ на насъ звукахъ? О, они принадлежатъ той душѣ, которая трепещетъ и ноетъ, по слыша ихъ, которая, гдѣ бы ни была и чѣмъ бы ни наполнялась, невольно отдается имъ, сливается съ ними и уносится ихъ стремленіемъ! О, эти звуки, эти пѣсни принадлежатъ душѣ русской! въ нихъ жива наша Русь! Въ нихъ скрыто ея горячее сердце съ цѣлымъ моремъ его чувствованій; въ нихъ заключились, со всѣмъ своимъ богатствомъ, со всею благовонной святостью жизни, различныя эпохи, ихъ породившія; здѣсь высказывается весь русскій человѣкъ со всѣми своими страданіями и радостями, въ своей опредѣленности и съ своимъ стремленіемъ къ опредѣленію; въ нихъ отражается мощная, выразительная физіономія великаго народа во всей своей естественной красѣ, какъ создалъ ее Богъ»!..

«Такъ вотъ гдѣ родникъ живой водъ. Что же никто не приходитъ черпать изъ него? Что же по сю пору не проторены дорожки къ нему—что же не обложены мраморомъ берега его? Или нѣтъ: зачѣмъ забираться съ своими требованіями такъ далеко? спросимъ, почему по сю пору не разметаны пыль и соръ, разбросанный вокругъ него временемъ и заграждающій къ нему доступъ? Вы, добрые труженики, любители пыли, что это значитъ? Неужели эта пыль менѣе достойна вашего вниманія, чѣмъ пыль архивная, которую оспариваете вы у обитательницъ подполья? Выйдите изъ вашего душнаго заточенія, выйдите подъ открытое небо, на чистый воздухъ».

Въ тогдашнемъ словѣ Каткова чувствуется декламація и реторика, отъ него также порою отдаетъ доктринерскою мудростью нѣмецкой философіи, но все же въ немъ бьетъ могущественная струя таланта, соединявшаго живую мысль съ мѣткими, образными выраженіями.

Вотъ картина русскаго духа:

«Въ жизни русской души вы встрѣтите или пасмурное ненастье, осеннюю погоду ея роднаго климата, или бѣлую зимнюю даль, нескончаемо и пусто разметавшуюся во всѣ стороны. Главныя струны русской души — какое-то горькое, тоскливое чувство неопредѣленности и какое-то безотчетное недовольство. Какіе бы звуки ни полились изъ ея нѣдръ, всегда ужъ сквозь нихъ прокрадется унылая мелодія этихъ струнъ, всегда andante и adagio одержитъ верхъ надъ allegretto».

Вторая часть статьи, которая такъ медленно обработы-

валась, переходить къ русской народной поэзіи. Она при выполненіи работы была значительно сокращена противъ предположеннаго плана самимъ Катковымъ. Задумывая писать статью, Катковъ хотѣлъ отвести главное мѣсто по объему второй части, но потомъ раздвинулъ первую, которая говоритъ о народной поэзіи вообще. Онъ объяснялъ это въ письмѣ къ Краевскому отъ 19 мая тѣмъ, что расширеніе отдѣла о русской народной поэзіи надо отложить до ожидавшагося въ непродолжительномъ времени выхода первыхъ томовъ коллекціи пѣсенъ Кирѣевскаго.

Катковъ, сдѣлавшись постояннымъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ», сталъ помѣщалъ тамъ и переводы стиховъ, которыми продолжалъ заниматься, критическія статьи и библіографическія замѣтки. Самымъ крупнымъ изъ первыхъ былъ отрывокъ изъ «Ратклифа» Гейне, о которомъ, впрочемъ, Бѣлинскій отзывался съ недоумѣніемъ.

Участіе Каткова по журналу не признавалось легковѣснымъ. Въ концѣ 1840 года Бѣлинскій писалъ Боткину: «Отечественныя Записки» существуютъ трудами трехъ только человѣкъ: Краевскаго, Каткова и меня—не разорваться же намъ, а другіе всѣ, могущіе дѣлать, отговариваются тѣмъ, что у нихъ не производящіе труды». Онъ разумѣлъ очевидно членовъ своего кружка. Но Бѣлинскій былъ уже слишкомъ требователенъ. Многіе изъ московскихъ друзей работали для «Отечественныхъ Записокъ» даже задаромъ, стараясь просто поддерживать журналъ, въ которомъ онъ участвовалъ. Во всякомъ случаѣ, литературная плата была не высока. Краевскій, какъ упоминаетъ Панаевъ, платилъ Каткову за критическія статьи съ трудомъ по 100 рублей ассигнаціями. Положеніе самого издателя «Отечественныхъ Записокъ» было затруднительнымъ въ первые три года изданія: журналъ не окупался, долги возростали...

Катковъ, какъ видно изъ письма къ Краевскому отъ 7 іюля, участвовалъ не только въ «Отечественныхъ За-

пискахъ», но и въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», которыя также издавалъ Краевскій. Перечень его библіографическихъ работъ сдѣланъ А. Д. Галаховымъ (въ статьѣ, появившейся въ № 1 «Историческаго Вѣстника» за этотъ годъ). Мы приводимъ его въ концѣ книги.

Катковъ, работая въ журналѣ Краевскаго, рекомендовалъ послѣднему Бакунина для составленія философскихъ статей. Изъ отзывовъ Каткова о Бакунинѣ видно, что онъ былъ о немъ въ то время не только хорошаго, но и дружескаго мнѣнія.

«Изъ всѣхъ, кого я знаю, писалъ Катковъ 5 іюля, никто бы не могъ такъ успѣшно приняться за это дѣло, какъ Бакунинъ, который въ первой половинѣ этого мѣсяца будетъ въ Петербургѣ. Поговорите съ нимъ. Я же съ своей стороны напишу къ нему объ этомъ въ деревню, гдѣ онъ теперь пребываетъ. Въ случаѣ, если онъ не возьмется, дайте мнѣ знать: я, можетъ быть, еще что нибудь придумаю, по крайней мѣрѣ, я не упущу ничего, чтобы статьи о предметѣ такомъ великомъ и такъ близкомъ къ моему сердцу (философіи) въ журналѣ, которымъ я особенно интересуюсь — имѣли видъ, сколько нибудь похожій на дѣло».

Узнавъ (вѣроятно отъ Галахова), что Краевскій уже видѣлся съ Бакунинымъ, Катковъ пишетъ черезъ два дня (7 іюня):

«Прошу васъ полюбить его — это одинъ изъ самыхъ близкихъ мнѣ людей. Я желалъ бы только, чтобы вы поближе сошлись съ нимъ — я увѣренъ, что вы его полюбите. Говорили ли вы съ нимъ о философскихъ статьяхъ? Я не успѣлъ тогда написать къ нему и пишу объ нихъ теперь въ прилагаемомъ письмѣ. Дай Богъ, чтобы вы съ нимъ поладили въ этомъ отношеніи».

Катковъ проситъ въ этомъ письмѣ познакомить Бакунина съ поэтомъ Лермонтовымъ. «Это было бы — прибавляетъ онъ — пріятно для обоихъ». Онъ проситъ вмѣстѣ съ тѣмъ Краевскаго передать его поклонъ Лермонтову. «Я вспомнилъ, что зналъ Лермонтова еще въ дѣтствѣ. Вѣдь онъ изъ Костромской губерніи, сынъ тамошняго помѣщика. Если такъ, то память меня не обманула». Лермонтовы, какъ

видно изъ біографіи поэта, имѣли дѣйствительно родовыя имѣнія въ Костромской губерніи. Такъ какъ Лермонтовъ съ 1827 года по 1832 годъ воспитывался въ Москвѣ, то Катковъ могъ здѣсь встрѣтить его.

Въ предѣлы нашей задачи не входитъ изученіе всѣхъ критическихъ произведеній Каткова этой эпохи. Къ тому же, библіографическія замѣтки трактуютъ большею частью о книгахъ, не имѣющихъ интереса. Катковъ самъ тяготился въ высшей степени ихъ составленіемъ, называя себя и Галахова «московскими чиновниками Отеч. Записокъ».

«Ахъ, какъ скучно, писалъ онъ Краевскому 7 іюля—таскаться по заднему двору нашей литературы и разбирать мерзкія книжонки, которыя такъ и валятся на нашу голову — впрочемъ, ничего—терпѣніе».

Тонъ библіографическихъ замѣтокъ вообще нравился Краевскому, какъ о томъ упоминаетъ Катковъ (въ письмѣ къ нему отъ 22 іюня). Дѣйствительно, онѣ написаны толково, сжато и съ тщательной отдѣлкой слога. Порою встрѣчаются проблески сарказма. Напримѣръ, нѣкто Зацепинъ въ дѣйствительно нелѣпыхъ статьяхъ о жизни, прописалъ одному изъ своихъ рецензентовъ—рецептъ solaminis hypochandricorum для поправленія дѣятельности кишекъ. «Чтобъ не остаться въ долгу у г. Зацепина, говоритъ Катковъ, пропишемъ ему рецептъ, но другого рода: г. Зацепинъ долженъ закаяться писать статьи о жизни, пусть онъ занимается своимъ дѣломъ и не забирается туда, куда не призванъ». («Отеч. Зап.», 1839 г. т. VI и сл.).

Талантъ Каткова сказывался нагляднѣе въ болѣе крупныхъ произведеніяхъ. Такими были, кромѣ изслѣдованія о русскихъ народныхъ пѣсняхъ, статьи по поводу исторіи древней русской словесности Максимовича (1840 г., 9 т.) и о сочиненіяхъ графини Сарры Толстой (1840 г., 12 т.).

Первая выясняетъ развитіе русскаго литературнаго языка. Литературу опредѣляетъ Катковъ, какъ живую совокупность произведеній, исчерпывающихъ собою различ-

ныя направленія развивающагося духа. Катковъ указываетъ на важнѣйшія моменты въ ея исторіи. Интересна встрѣчающаяся попытка дать отзывъ о славянствѣ. «Ни одинъ народъ не имѣлъ такой загадочной и несчастной судьбы, какъ племена славянскія; надѣленныя самыми богатыми дарами отъ природы, они были какъ будто неразгаданы, по крайней мѣрѣ, до того времени, съ котораго Россія начала оправдывать ихъ существованіе на землѣ... Событія славянской исторіи внѣшни и пусты, совершенно безразличны и случайны для саморазвитія духа—говоритъ Катковъ. Между тѣмъ, было бы грѣшно намъ не ощущать силы, заключенной въ славянствѣ, и не предчувствовать его благородной будущности. Оно будетъ велико въ духѣ и человѣчествѣ, славянское племя — сильно говоритъ намъ это предчувствіе».

Вѣроятно, по времени, къ этой статьѣ относится похвала, помѣщенная Бѣлинскимъ въ письмахъ къ Боткину: «Статья Каткова прелесть: глубоко, послѣдовательно, энергически и вмѣстѣ спокойно, все такъ мужественно, ни одной дѣтской черты» [1]).

Но, безъ сомнѣнія, наиболѣе близка душѣ Каткова, какъ выраженіе его тогдашняго настроенія, была его статья о произведеніяхъ графини Толстой. Сарра Толстая была дочь извѣстнаго поэта Ѳ. И. Толстаго-Американца отъ брака его съ цыганкой. Красивая, даровитая, но слабая здоровьемъ дѣвушка не пережила 17-лѣтняго возраста. Она отличалась чрезвычайною нервностью, впадала даже въ магнетическія состоянія, сопровождавшіяся ясновидѣніемъ и экстазами. Ея впечатлительность останавливалась на разнообразнѣйшихъ явленіяхъ внѣшняго и внутренняго міра, которыя она передавала въ нѣсколько темной, иногда даже мистической, но большей частью благозвучной формѣ. Къ сожалѣнію, стихи ея были написаны исключительно на

[1]) Пыпинъ. Бѣлинскій, ч. 2, стр. 36.

иностранныхъ языкахъ: нѣмецкомъ и англійскомъ. Послѣ ея смерти они были переведены на русскій языкъ, хотя, къ сожалѣнію, не въ стихотворной формѣ. Вотъ образчикъ ея поэмъ въ этой передачѣ.

«Когда я при такомъ лунномъ сіяніи, полная какого-то тихаго желанія, вздыхаю и плачу, тогда овладѣваетъ мною тихая грусть и окружаетъ меня трепетомъ блаженства; теплый, свѣжій потокъ жизни волнуется съ обновленнымъ пламенемъ, и восторженный взоръ видитъ то, что прежде скрывалось лишь въ звукѣ арфы. Среди той свѣтлой, величественной поляны вижу я настоящую тропу радости; среди этой голубой, небесной стихіи вижу я тогда міръ лучшій—и изъ глубокой, голубой дали свѣтится лишь розовая звѣзда надежды».

«На стихотворенія Сарры, говоритъ Катковъ, должно смотрѣть не какъ на памятники поэзіи (въ смыслѣ опредѣленнаго искусства), но какъ на памятники идеально-внутренней жизни и если поэзіи, то поэзіи въ другомъ болѣе обширномъ смыслѣ, то, что заключается въ нихъ— это она сама, сама Сарра; это прекрасная, свѣтлая, нѣжная, граціозная физіономія ея духа».

Но интересны не столько отзывы Каткова о произведеніяхъ молодой поэтессы, какъ его вступленіе къ нимъ, въ которыхъ онъ изливаетъ внутренніе порывы собственной души:

«Не говорите: нѣтъ чудесъ—такъ начинается статья—сама жизнь есть великое чудо. Въ потокѣ случайностей, въ говорѣ дня, мы не слышимъ божественной симфоніи, въ которую слив ются всѣ безчисленныя разногласія и противорѣчія и изъ которой обратно исходитъ все, что живетъ. Порабощенные мгновенію, мы не знаемъ и не чувствуемъ, что̀ мы, гдѣ мы; работники вѣчной воли, часто, о, какъ часто! не мы живемъ жизнью, а жизнь живетъ нами. Вдругъ оглушительный взрывъ какихъ-то звуко̀въ, откуда-то, поразитъ насъ священнымъ ужасомъ. И тотъ, кто слышалъ,—тому нѣтъ покоя,— тотъ исторгнутъ изъ-подъ силы мгновенія. Проснутся, раздраженныя, сокровенныя основы существа его, и безконечный міръ неуловимыхъ явленій возникнетъ въ тѣсной груди человѣческой. Что это? какіе-то образы изъ звуковъ, какіе-то полузримые звуки... Сердце трепещетъ, проникнутое тайною грустью, и въ малѣйшемъ трепетѣ сказывается что-то особенное. Перспектива душевнаго зрѣнія объята туманомъ и въ туманѣ мелькаетъ что-то невыразимо-очаровательное, мучительно ласкающее душу... Въ объятія безмолвной природы бро-

сается онъ съ томленіемъ и грустію; какую-то тайну надѣется прочесть онъ на ея задумчивомъ челѣ и всматривается въ ея тихіе взоры. Трепетная душа звуками внутреннихъ струнъ говоритъ за нѣмую и слышитъ въ звукахъ какой-то неясный вопросъ. Таинственный ужасъ объемлетъ душу въ часъ полуденнаго затишья, когда природа, переполненная обременительными силами, будто ждетъ кого-то и не дождется; въ дремучемъ сумракѣ лѣса деревья съ вопросомъ помаваютъ своими махровыми вершинами; въ чудномъ шумѣ, въ которомъ сливаются фантастически шелестъ листьевъ и говоръ ночныхъ насѣкомыхъ, слышится вздохъ, и непонятною грустію подернуты спящія воды... Обаяніе-ли это призраковъ, болѣзнь мечтательной души, или полусумрачное откровеніе высшей дѣйствительности, мерцаніе иной жизни».

Вотъ въ какомъ мистическомъ настроеніи находился тогда Катковъ. Въ этихъ строкахъ слышится и Шеллингъ съ его душой природы, и Гофманъ съ его поэтически таинственными стремленіями къ идеалу. Очевидно, личность Каткова не удовлетворялась исключительно умственнымъ анализомъ—ему нуженъ былъ просторъ для фантазіи.

«Глядя на міръ какъ онъ есть—говорилъ онъ въ той-же статьѣ—скорѣе станемъ, изъ двухъ крайностей, мистикомъ, чѣмъ нигилистомъ: мы окружены отовсюду чудесами».

Какая противоположность между тогдашнимъ поколѣніемъ молодежи и тѣмъ, съ которымъ мы встрѣчаемся въ шестидесятыхъ годахъ! Сентиментализмъ и мечтательность составляли противоположность позднѣйшему отрицанію. Между прочимъ, у Каткова эти качества стояли въ связи не только съ эстетической и поэтической струей, но и съ религіозными наклонностями.

«Приникаемъ ли мы ухомъ къ таинственному и безмолвному языку природы,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—упиваемся ли мы цѣломудреннымъ созерцаніемъ красоты, блаженствуемъ ли мы въ страданіи самоотреченія, грустимъ ли, вѣнчая лучшія наши надежды и желанія:—все это вѣсть оттуда, это осуществленіе тамошняго въ здѣшнемъ, или лучше—тамъ и здѣсь, воедино слитыя въ вѣчности».

Онъ принималъ цѣль философіи какъ утвержденіе союза духа и внѣшней природы, ума и религіознаго чувства. Въ этомъ отношеніи, Каткова не удовлетворяло вовсе то направленіе, которымъ пошли дальнѣйшія продолжатели Ге-

геля. Да и въ самомъ Гегелѣ ему не нравилась его сухая, положительная разсудочность. Въ одномъ изъ писемъ Бѣлинскаго, относящемся приблизительно къ этому времени, Бѣлинскій замѣчаетъ: «Гегель не благоволитъ къ всему фантастическому, какъ прямо противоположному, опредѣленно-дѣйствительному. Катковъ говоритъ, что это ограниченность. Я съ нимъ согласенъ».

Катковъ не признавалъ неподвижности умственной жизни, возставалъ противъ подчиненія духовныхъ потребностей требованіямъ прозаической дѣйствительности.

«Какимъ холодомъ, восклицаетъ онъ, вѣетъ отсюда на юную душу, которой чуждъ смыслъ всѣхъ этихъ внѣшнихъ требованій! Съ болѣзненнымъ чувствомъ, то упрекая себя, то упрекая все окружающее, смотритъ онъ на суеты и заботы общественнаго существованія. Со всѣхъ сторонъ математическія формулы, заботы о внѣшнемъ, и надъ перепутанными нитями внѣшнихъ отношеній тяготѣетъ принудительная сила всевластныхъ условій. Требованія дѣйствительности опредѣленны и рѣзки, стоны души все глубже и глубже... Жизнь мощнымъ потокомъ охватываетъ ее и уноситъ въ водоворотъ отношеній: оставаться на мѣстѣ нельзя, или должно пасть, не извѣдавъ жизни. Внутреннія надежды лопаются одна за другой, разочарованіе и обаянье опустошаютъ хранилище невыразимыхъ ощущеній: струны разстраиваются, рвутся, звуки дики, диссонансъ ростетъ. Это эпоха темныхъ, нечистыхъ страданій, подземныхъ мукъ, раздирающихъ, но сухихъ ощущеній. Счастье тому, кто рожденъ способнымъ ихъ извѣдать: ибо кто родился готовымъ, тотъ родился мертвецомъ».

Если снять съ этихъ строкъ мрачной колоритъ, отъ котораго вѣетъ впечатлѣніями Kreisleriana Гофмана, то можно все-таки думать, что Катковъ вѣроятно чувствовалъ, несмотря на философскую идеализацію дѣйствительности, извѣстное недовольство жизнью. Источникъ этого недовольства не шелъ впрочемъ далѣе того, который должна испытывать сильная и мечтательная натура отъ впечатлѣній житейской прозы. Въ фантазіи просторъ, безконечная широта и даль, а въ жизни узость матеріальныхъ требованій, необходимость биться изъ-за насущнаго хлѣба, сталкиваться и ладить съ людьми. Однородныя условія сказывались въ бо-

лѣе нѣжной и мягкой душѣ Бѣлинскаго въ видѣ щемящей апатіи, у Каткова же выливались въ видѣ протестовъ съ нѣсколько искусственною, но все же мрачною окраскою.

Но Катковъ не томится страданіемъ. Онъ видитъ въ немъ необходимость.

«Гдѣ дѣйствіе, тамъ и страданіе или, лучше, страданіе есть оборотная сторона дѣйствія. Страдай и дѣйствуй для достиженія блаженства,—страдай и дѣйствуй въ полнотѣ его».

Передъ вами опять философское спокойствіе: скорбь мечтателя оказывается отрицательнымъ моментомъ, составляющимъ переходъ къ высшей ступени—синтезу, установленному гегелевской философіей.

Отсюда Катковъ дѣлаетъ переходъ къ тому различію, которое должно существовать между духовнымъ міромъ мужчины и женщины. Первый обреченъ на борьбу съ жизнью въ видѣ поденнаго труда, женщины же избавлены отъ этой печальной необходимости. Въ нихъ можетъ свободно вылиться красота и грація тѣла и духа, тѣснимыя въ мужчинѣ условіями его жизни. Воздухъ публичной арены вреденъ для женщины, ея назначеніе жить въ семействѣ. Но скрытая отъ грубыхъ жизненныхъ тревогъ, женщина имѣетъ право на развитіе своего духа. Для нея не должны быть замкнуты высшія сферы жизни и сознанія, для свободнаго ея духа должны быть отверсты всѣ сокровища разума, всѣ благороднѣйшія наслажденія человѣческой жизни. Въ этомъ видѣлъ Катковъ смыслъ и предѣлы женской эмансипаціи. «Истинно великая геніальная женщина есть по преимуществу религіозное существо, натура глубоко внутренняя. Ея не видно на аренѣ; она не записываетъ своего имени на скрижаляхъ исторіи, но она живетъ не даромъ. Она вдохновенно творитъ свою жизнь, какъ художникъ свои образы; въ ней все возникаетъ изъ полноты ея существованія, безъ намѣренія и плановъ, свободно, свѣжо».

Едва ли ошибемся мы, если поставимъ эти мысли въ

соотношеніе съ искреннимъ чувствомъ, которое внушала Каткову его мать. Вліяніе послѣдней на духовное развитіе сына остается и останется, вѣроятно, темнымъ. Но религіозное воспитаніе Каткова, такъ глубоко въ немъ укоренившееся, было, конечно, ея заслугой.

Катковъ упоминалъ въ своей статьѣ и о женщинахъ, занимавшихся литературнымъ творчествомъ. Изъ нихъ онъ вспоминаетъ о Беттинѣ, Рахели, наконецъ о Жоржъ-Зандъ. Въ романахъ послѣдней онъ впрочемъ не признаетъ тѣни художественности, но указываетъ на очарованіе разсказа и увлеченіе современными интересами, какъ на достоинства ихъ.

Катковъ отличался въ своихъ литературныхъ работахъ, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, стремленіемъ къ весьма тщательной обработкѣ слога. Заботы о слогѣ не составляютъ обыкновенно принадлежности юнаго періода дѣятельности литераторовъ—молодость прельщается болѣе погоней за мыслями, образами и живыми впечатлѣніями, чѣмъ правильнымъ и изящнымъ изложеніемъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Катковъ, напротивъ, съ первыхъ же поръ принялся настойчиво за отдѣлку языка, точно признавая въ этомъ серьезное дѣло и призваніе.

Очевидно, его тогдашній стиль не былъ безупреченъ. Нѣкоторая тяжеловатость, риторичность и напыщенность проглядываютъ во многихъ фразахъ. Но если развитіе формъ слога не представлялось еще въ то время законченнымъ въ произведеніяхъ Каткова, то нельзя не признать въ нихъ богатый матеріалъ для будущаго усовершенствованія. Этимъ матеріаломъ Катковъ съумѣлъ воспользоваться. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ отношеніи онъ, благодаря серьезному изученію классической древности, стоялъ въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ кто либо изъ литераторовъ. Онъ могъ утилизировать для развитія слога классическія произведенія, которыя по простотѣ, живости и изяществу останутся навсегда образцами того, какихъ результатовъ можно

достигнуть въ художественномъ творчествѣ и обработкѣ языка.

Интересно видѣть, какъ серьезно уже въ то время Катковъ смотрѣлъ на эту задачу. Онъ высказалъ свой взглядъ въ критической статьѣ по поводу вышедшаго въ 1839 году сочиненія Зиновьева: «Основанія русской стилистики». («Отеч. Зап.» 1839 г. т. VI). Катковъ почему то назвалъ въ этой статьѣ ученіе о способахъ выраженія мысли риторикой. Онъ отводитъ ей мѣсто преподаванія въ низшихъ школахъ, какъ наукѣ, находящейся на переходѣ между самостоятельными и чисто практическими ученіями. Научившись въ грамматикѣ знанію словъ и ихъ взаимныхъ отношеній, ученикъ долженъ узнать слово, какъ внѣшнюю форму рѣчи—научиться отпечатлѣвать въ немъ мысль. Въ предѣлы риторики не можетъ входить внутренняя форма, организація мысли—ея дѣло внушить правила рѣчи. Для того, чтобы рѣчь была правильна, говоритъ Катковъ, недостаточно, чтобы въ ней были соблюдены правила грамматики, нужно, чтобы она была ясна, полна и давала сквозь себя видѣть заключающееся въ ней содержаніе. То выраженіе, которое соотвѣтствуетъ своему значенію, равномѣрно ему и вполнѣ его обнаруживаетъ, называется изящнымъ. Вотъ предметомъ риторики и является правила такого изящнаго выраженія. Не лишена также интереса первая часть статьи, въ которой Катковъ выясняетъ исторію риторики, начиная съ того времени, когда въ греческомъ мірѣ она была школой ораторскаго искусства и процвѣтала свободно и живо подъ открытымъ небомъ; потомъ риторика стала облекаться педантизмомъ, получала то схоластическій, то излишне теоретическій оттѣнокъ и стала приниматься за задачи, ей прямо несвойственныя.

Другою характерною чертою дѣятельности Каткова является уже въ то время страшная энергія и неутомимость въ работѣ. Обработка имъ слога въ юношескихъ статьяхъ могла бы дать поводъ къ предположенію, что онъ поль-

зовался относительно досугомъ для такого труда. Но онъ въ теченіи того года, когда занимался своими статьями, успѣлъ сдать магистерскій экзаменъ, написать переводъ цѣлой драмы Шекспира и нѣсколькихъ мелкихъ поэтическихъ произведеній и еще помогать своему брату Меѳодію въ подготовкѣ къ университетскому экзамену [1]). Мало того, онъ жилъ и въ другихъ отношеніяхъ кипучей жизнью, которая должна была поглощать много душевной энергіи. И на все это хватало у него силъ.

Каткову еще мало было тѣхъ статей, которыя онъ писалъ. Онъ все открывалъ новые сюжеты. Съ пыломъ юности онъ былъ готовъ пускаться во всякіе отдѣлы искусства, помимо излюбленной имъ художественной литературы.

Онъ пишетъ, напримѣръ, Краевскому 22 іюня:

«Вы пишете, что у васъ для отдѣла художествъ нѣтъ статей и что вы намѣрены перепечатать обозрѣніе Эрмитажа. Бога ради, не дѣлайте этого. Подумайте, что это будетъ. Такой интересный отдѣлъ въ журналѣ будетъ наполняться сухимъ перечнемъ картинъ съ сухими же подробностями, и притомъ вы никакъ не упечатаете его за слѣдующій годъ. Это обозрѣніе нужно сколько нибудь оживить— отложите его до слѣдующаго года. Къ тому времени я думаю побывать у васъ и, можетъ быть, мнѣ удалось бы спрыснуть его живой водой. Вашей же безстатейности по этому отдѣлу я берусь помочь. У меня теперь готовится вамъ превосходная статья гегеліанца Карове о новѣйшей нѣмецкой живописи, состоящая изъ описанія художественныхъ выставокъ за 1836 и 1837 годы, во Франкфуртѣ-на-М. Въ ней столько глубокихъ гегелевскихъ мыслей, столько живыхъ, образныхъ описаній, что, я увѣренъ, вы будете очень довольны ею. Она поспѣетъ — хотя бы для этого пришлось мнѣ не поспать ночь, — къ понедѣльнику... Если время не уйдетъ и если теперь у васъ нѣтъ никакой статьи взамѣнъ, то лучше сдѣлайте такъ, какъ вы сдѣлали въ VI №.: ничего не печатайте въ отдѣлѣ художествъ.

---

[1]) Вотъ что пишетъ онъ по этому поводу Краевскому въ письмѣ отъ 16 августа, извиняясь за недоставку статей: «Братъ мой держитъ экзаменъ въ университетъ—я долженъ былъ оставить все и заняться имъ исключительно.—Я полагалъ, что экзаменъ начнется и кончится въ первыхъ числахъ августа, какъ это почти всегда бывало. Вышло же иначе: почтенные patres conscripti растянули его на цѣлый августъ, и я никакъ не могъ освободиться отъ хлопотъ ранѣе сего числа».

Только, Бога ради, не печатайте обозрѣніе—статей хватитъ на этотъ годъ. Послушайте: статья Карове по своей величинѣ должна быть раздѣлена на двѣ части: въ одной будетъ идти дѣло о выставкѣ за 1836 годъ, въ другой—за 1837 г. Вотъ ужъ двѣ статьи есть. Потомъ я вамъ пошлю описаніе художественнаго класса въ Москвѣ, а если пріѣдетъ Рабасъ [1])—статейку объ его мастерской. Такъ 4 статьи. Потомъ, я вамъ переведу изъ Готе дивный очеркъ исторіи живописи [2]) и, наконецъ, возьму у Боткина и пришлю къ вамъ статью, которую онъ написалъ и которую будетъ продолжать: о итальянской музыкѣ. Вотъ 6 статей на №№ за этотъ годъ. Если придетъ минута, если картины Брюлова и Рубенса зашевелятся въ душѣ и будутъ проситься наружу, я напишу объ нихъ. Впрочемъ, за нихъ не ручаюсь. Можетъ быть, статью о нихъ я напишу, когда буду 2-й разъ въ Петербургѣ.

Въ письмѣ отъ 5 іюля Катковъ спрашиваетъ, доволенъ ли Краевскій статьей о нѣмецкой живописи и обѣщается выслать вторую половину ея на-дняхъ (она не была отправлена даже въ срединѣ августа). Онъ сообщаетъ о пріѣздѣ Рабаса и говоритъ опять о намѣреніи, по осмотрѣ его мастерской, написать о ней статейку. Въ то же время Катковъ спрашиваетъ: какъ нужны для журнала обѣщанные имъ переводы философскихъ критикъ Ганса и Рётшера и отрывки изъ эстетики Гегеля? Онъ проситъ также выслать одинъ экземпляръ «Росписанія картинъ Эрмитажа». «Оно могло бы, прибавляетъ онъ, оживить во мнѣ многія впечатлѣнія, которыя я, можетъ быть, изложу на бумагѣ».

Въ письмѣ отъ 7 іюля (черезъ два дня) онъ обѣщается выслать, кромѣ статьи Карове, еще небольшую, но прекрасную статейку, почерпнутую изъ превосходнаго нѣмецкаго журнала «Hallische Jahrbuecher» (1839), о модели скульптора Кисса: Амазонка—произведеніе, которое украситъ собою нашъ богатый вѣкъ — говоритъ Катковъ.

Въ томъ же письмѣ сообщаетъ онъ о намѣреніи составить для журнала біографію Гегеля:

---

[1]) Рабасъ—извѣстный живописецъ того времени.

[2]) Ни одна изъ этихъ статей не была напечатана, кромѣ перевода статей Карове.

«Странный случай! я вовсе не думалъ составлять этой статьи. Я увѣдомлялъ васъ, что хочу только извлечь изъ превосходной книги Гота характеристику Гегеля. Вы послѣ этого пишете мнѣ, что ждете отъ меня біографіи Гегеля, мною составленной. Я думалъ, какъ пришла вамъ эта мысль и между тѣмъ не замѣтилъ, какъ эта же мысль прокралась и въ мою голову. Что-жъ, подумалъ я, почему же не составить. Въ головѣ моей мелькнуло то, другое, третье. Я увидѣлъ, что статья можетъ быть дѣльная и занимательная. Я воспользуюсь для нея многими матеріалами и, между прочимъ, употреблю также въ дѣло письма самого Гегеля къ его друзьямъ, къ ученикамъ, къ женѣ. Что это за письма! Я постараюсь также, руководствуясь Шеллингомъ, Гёшеномъ, опредѣлить его отношеніе къ современному міру и т. д. Впрочемъ, эта статья не поспѣетъ къ септябрскому №. Намѣреніе ее написать только теперь утвердилось въ моей головѣ и не всѣ еще нужныя книги у меня подъ рукой. Однако, я постараюсь: можетъ быть, и поспѣетъ».

Большая часть предположеній (въ томъ числѣ и составленіе біографіи Гегеля) оставались невыполненными. Но въ массѣ этихъ затѣй виденъ живой интересъ ко всему и самонадѣянная предпріимчивость молодости, внушающая увѣренность, что всё такъ легко можно одолѣть, справиться безъ труда со всякой задачей.

Къ сожалѣнію, у Краевскаго не сохранилось писемъ Каткова за періодъ отъ середины августа 1839 года до конца 1840 года, когда уже Катковъ оказался заграницей. За этотъ періодъ мы располагаемъ воспоминаніями Панаева и письмами Бѣлинскаго, въ которыхъ Катковъ рисуется уже не только какъ рабочая сила, но какъ живая личность съ душевными стремленіями и порывами его тогдашней внутренней жизни.

Какъ видно изъ приведенныхъ нами отрывковъ статьи о Саррѣ Толстой, Катковъ былъ въ то время не только гегеліянцемъ, но и романтикомъ. Онъ упивался мистической поэзіей, бредилъ Гофманомъ, Фрейлихратомъ... Къ этому времени его жизни относится знакомство съ Кольцовымъ, котораго Станкевичъ ввелъ въ кружокъ, познакомившись съ нимъ въ Воронежѣ, откуда Станкевичъ былъ родомъ.

Вотъ что вспоминалъ объ этомъ знакомствѣ Катковъ:

«Біографъ Кольцова имѣлъ полное основаніе назвать его натурой геніальной. Жажда знанія и мысли сильно томили его. Никогда я не забуду нашихъ бесѣдъ съ нимъ. Часы, бывало, летѣли, какъ минуты. Помню я ночь, которую я провелъ у него. Онъ остановился гдѣ-то въ Зарядьѣ, въ какомъ-то мрачномъ и грязномъ подворьѣ, гдѣ я лишь съ большимъ трудомъ могъ отыскать его. Зашелъ я къ нему на минуту, вечеромъ. Онъ не хотѣлъ отпустить меня безъ чаю. Слово за словомъ, и ночи какъ не бывало. Часто захаживалъ онъ ко мнѣ и, засидѣвшись, оставался ночевать. Живо еще я помню нашу прогулку въ окрестностяхъ Москвы. Мы ходили съ нимъ въ Останкино. День былъ прекрасный. Души наши были настроены такъ живо, такъ радостно; сколько поэзіи, сколько звуковъ было въ этомъ кремнѣ, въ этомъ длиннополомъ, приземистомъ, сутуловатомъ прасолѣ. Но онъ былъ точно кремень. Не позволялъ онъ себѣ нѣжничать и сентиментальничать, только иногда въ завѣтныя минуты распахивалась его дума. А то онъ даже любилъ пощеголять своею практичностью и, можетъ быть, даже не безъ маленькой аффектаціи разсказывалъ бывало о разныхъ своихъ продѣлкахъ, о своемъ искусствѣ надуть неопытнаго покупщика, продать дороже, купить дешевле» [1]).

Катковъ былъ, повидимому, очень привязанъ къ Кольцову. Бѣлинскій писалъ къ Боткину 4 октября 1840 года, когда Катковъ былъ почти наканунѣ отъѣзда заграницу: «Кольцова расцѣлуй и скажи ему, что жду, не дождусь его пріѣзда, словно свѣтлаго праздника. Катковъ умираетъ отъ желанія хоть два дня провести съ нимъ вмѣстѣ». Кольцовъ успѣлъ пріѣхать къ отъѣзду Каткова — онъ былъ на проводахъ его. Ихъ свиданіе было послѣднимъ. Кольцовъ умеръ въ 1842 году, до возвращенія Каткова изъ заграницы.

До самаго отъѣзда заграницу въ 1840 году, Катковъ оставался все тѣмъ же романтическимъ юношей, преданнымъ мечтательности, порой выражавшейся въ странныхъ причудахъ и порывахъ. Кто бы могъ угадать въ немъ будущаго суроваго публициста! Но одну господствующую въ его характерѣ черту можно отмѣтить и въ тогдашнее время.

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1856 г., ноябрь, книжка первая.

Это необыкновенная страстность натуры, стремившейся доводить усвоенную душевную наклонность до послѣдняго выраженія.

Весьма интересны воспоминанія Панаева о Катковѣ:

«Когда я вспомню о Катковѣ, говоритъ Панаевъ, онъ до сихъ поръ представляется мнѣ почему-то не иначе, какъ съ прищуренными глазами, со сложенными на груди руками, декламирующій стихотвореніе Фрейхрата и повторяющій съ легкимъ завываніемъ: Capitano, Capitano! Катковъ былъ тогда очень молодъ и у него появлялись престранныя фантазіи. Разъ какъ-то захотѣлось ему идти непремѣнно въ погребокъ и провести тамъ вечеръ, какъ это дѣлывалъ въ Берлинѣ знаменитый Гофманъ, которымъ всѣ мы сильно увлеклись въ то время. Катковъ предложилъ мнѣ это. Да вѣдь нѣтъ такихъ погребковъ, какъ въ Германіи, возразилъ я, — здѣсь берутъ только вино въ погребкахъ, а не распиваютъ его тамъ... Если вы хотите, я пошлю за виномъ и можемъ выпить его дома...— Нѣтъ, я хочу непремѣнно пить въ погребкѣ.—Да коли это здѣсь не водится?—Отчего не водится? Это вздоръ! Если не водится, такъ мы введемъ въ обычай... Я знаю, почему вамъ не хочется: вы боитесь унизить этимъ свое достоинство,—и, разгорячась болѣе и болѣе, Катковъ началъ нападать по этому поводу на различные дворянскіе предразсудки и нелѣпыя приличія, которыми я, по его мнѣнію, былъ зараженъ.—Такъ вы рѣшительно не хотите идти со мною? спросилъ онъ въ заключеніе, складывая торжественно руки и щуря глазки.— Рѣшительно нѣтъ.—Ну, такъ пойду одинъ. Катковъ взялся было уже за шляпу, но потомъ отложилъ свое намѣреніе. Два дня послѣ этого онъ дулся на меня.

Въ другой разъ мы отправились съ нимъ, съ Бѣлинскимъ, съ Бакунинымъ [1]), съ Языковымъ и еще не помню съ кѣмъ-то изъ нашихъ пріятелей на биржу ѣсть устрицы, до которыхъ Бѣлинскій былъ страстный охотникъ. Всѣ запивали устрицы портеромъ, но Катковъ потребовалъ какого-то крѣпчайшаго вина, увѣряя, что устрицы обыкновенно пьютъ съ этимъ виномъ—и одинъ выпилъ всю бутылку. Когда мы окончили нашъ завтракъ и вышли на улицу, вино мгновенно обнаружило свое дѣйствіе надъ Катковымъ: онъ, ни слова не говоря намъ, пустился бѣжать отъ насъ. Мы уговаривали его остановиться, хотѣли удержать его, но онъ вырвался отъ насъ и скоро исчезъ. Всѣ остальные изъ биржи зашли ко мнѣ. Прошло часа три, мы сѣли уже за чай, но Катковъ не являлся. Это уже начинало безпокоить насъ, тѣмъ болѣе, что горничная моей жены сказала намъ, что видѣла его на Семеновскомъ мосту, что онъ стоялъ

[1]) Это очевидно ошибка; съ Бакунинымъ никто въ Петербургѣ не якшался.

со сложенными руками посрединѣ моста, что всѣ экипажи объѣзжали его и что около него собралась даже толпа. Каткова мы такъ и не видѣли въ этотъ вечеръ. На другой день Языковъ, жившій со своею сестрою, передалъ намъ, что Катковъ заходилъ къ нему и звонилъ такъ сильно, что оборвалъ звонокъ и перепугалъ сестру его. «Неужели? вскрикнулъ, вспыхивая, смущенный Катковъ,—а я, клянусь вамъ, и не помню, заходилъ ли я къ вамъ. Бога ради, извините меня». Такія вспышки веселья и разгула проявлялись въ немъ впрочемъ рѣдко; большую часть времени онъ проводилъ въ постоянномъ усиленномъ трудѣ» [1]).

Къ проявленіямъ юношеской фантазіи у Каткова надо, конечно, относиться съ точки зрѣнія условій времени. Нельзя не вспомнить, что Кетчеръ, извѣстный переводчикъ Шекспира, ходилъ тогда не иначе, какъ въ красномъ плащѣ; В. П. Боткинъ даже женился по теоріи на одной француженкѣ и разошелся съ ней вскорѣ послѣ брака, во время перваго путешествія заграницу, изъ-за различія во взглядахъ на одинъ изъ романовъ Жоржъ-Занда.

Въ отношеніяхъ къ своимъ тогдашнимъ пріятелямъ Катковъ отличался чрезвычайною, почти болѣзненною чувствительностью. Результатомъ этого бывали столкновенія и ссоры, вызывавшія иногда весьма рѣзкіе и даже недоброжелательные отзывы о немъ въ этой средѣ. Каткова высоко цѣнили, какъ даровитую личность, но истинно дружескаго чувства нельзя подмѣтить въ отношеніяхъ къ нему лицъ, принадлежавшихъ къ кружку Бѣлинскаго. Съ наибольшой теплотой относился къ Каткову самъ Бѣлинскій, но и то урывками. Онъ писалъ: «я люблю его, но не знаю, какъ и до какой степени». За то онъ превозносилъ его дарованіе до небесъ и предсказывалъ ему блестящую будущность.

Періодъ жизни Каткова между осенью 1839 и концомъ 1840 года можетъ быть довольно подробно освѣщенъ, благодаря тому, что Бѣлинскій, переѣхавшій въ концѣ 1839 года въ Петербургъ для ближайшаго сотрудничества въ «Отечественныхъ Запискахъ», чувствовалъ себя осиротѣв-

---

[1]) Панаевъ, Литерат. воспоминанія, стр. 309, 310.

шимъ въ средѣ новыхъ людей и, писалъ къ Боткину, чтобы дѣлиться мыслями и впечатлѣніямъ, длиннѣйшія письма почти въ видѣ дневниковъ. Въ письмахъ этихъ часто упоминается личность Каткова, которымъ Бѣлинскій чрезвычайно интересовался.

Между ними, какъ уже было заявлено, состоялось примиреніе послѣ лѣтней ссоры 1839 года—и когда Панаевъ [1]), вернувшись изъ деревни, проживалъ осенью этого года въ Москвѣ, онъ нашелъ, какъ увѣряетъ, кружокъ московскихъ друзей временно сплотившимся. Въ немъ были однако несомнѣнные признаки разложенія. Выступали рѣзкія противоположности характеровъ и стремленій. Друзья послѣ прожитаго вмѣстѣ періода идеальныхъ увлеченій юности начинали смотрѣть въ разныя стороны. Бакунинъ, Катковъ и Бѣлинскій не могли очевидно продолжать свое дальнѣйшее развитіе рука объ руку. Первый, отличавшійся вообще безпорядочными инстинктами, искалъ бури въ жизни, а въ ожиданіи таковой вызывалъ бури и распри въ дружеской средѣ; въ Бѣлинскомъ загоралось критическое отношеніе къ жизни, сблизившее его съ Грановскимъ и съ Герценомъ, Катковъ, напротивъ, искалъ по своей натурѣ примиренія съ жизнью. Онъ долженъ былъ отстать отъ кружка, а кружокъ долженъ былъ переродиться. Но Панаевъ засталъ еще въ Москвѣ послѣднія поминки дружескаго единенія. Онъ вспоминаетъ о вечерахъ, которые они проводили всей компаніей преимущественно у Бакунина—велись философскіе разговоры, Катковъ и К. Аксаковъ прочитывали свои переводы изъ Гейне, Фрейлиграта и изъ другихъ новѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ. Катковъ обыкновенно декламировалъ съ большимъ эффектомъ, какъ говоритъ Панаевъ, принимая живописныя позы, складывая руки накрестъ, подкатывая глаза подъ лобъ.

Наконецъ, когда день отъѣзда Бѣлинскаго въ Петер-

---

[1]) Панаевъ, Литерат. воспоминанія, стр. 256, 257.

бургъ наступилъ, его, направлявшагося туда вмѣстѣ съ Панаевымъ, явились провожать до Черной Грязи—Бакунинъ, Кетчеръ и Катковъ.

Въ самый моментъ прощанія, Катковъ энергически сжималъ Бѣлинскаго въ своихъ объятіяхъ и крѣпко, нѣсколько разъ поцѣловалъ его.

«Когда карета двинулась, и мы, вспоминаетъ Панаевъ, выдвинулись въ окно,—Бакунинъ съ нѣжной грустью смотрѣлъ на насъ, махая своимъ платкомъ, Кетчеръ кричалъ что-то и размахивалъ фуражкой, Катковъ стоялъ неподвижно со сложенными накрестъ руками, съ надвинутыми на глаза бровями, провожая отъѣзжавшихъ глубокимъ и задумчивымъ взглядомъ» [1]).

Еще до отъѣзда Бѣлинскаго, Катковъ познакомился, между прочимъ, съ поселившимся тогда въ Москвѣ семействомъ О—хъ. Въ этомъ домѣ Катковъ встрѣтился съ вернувшимися также въ 1839 году въ Москву Герценомъ. И Бѣлинскій, какъ можно судить по нѣкоторымъ указаніямъ, тамъ бывалъ, но не сочувствовалъ кружку; онъ не одобрялъ появленіе тамъ Каткова. «Ты правду говоришь, что кружокъ, къ которому приклеился и нашъ юноша—не твой: и не мой, ей-Богу, не мой братъ», писалъ онъ 30 декабря Боткину. Впрочемъ, интересъ къ этому дому Каткова не обозначалъ вовсе сочувствія къ образу мыслей, тамъ высказывавшихся. Герценъ, по словамъ А. А. Краевскаго (лично передавшаго намъ это воспоминаніе), разсказывалъ, что Катковъ вращался въ домѣ О — хъ исключительно въ дамскомъ обществѣ. Онъ не входилъ ни въ споры, ни въ общеніе съ мужской частью кружка, появляясь лишь на нѣсколько минутъ въ кабинетѣ среди разговаривавшихъ, съ сложенными на груди руками и какъ бы съ высоты величія посматривая на нихъ.

Для Каткова близость къ Герцену была немыслима.

---

[1]) Панаевъ, Литерат. воспоминанія, стр. 260.

Натуры обоихъ были діаметрально противоположны. Онѣ не могли даже временно сойтись въ этотъ юношескій періодъ. Черезъ двадцать лѣтъ они оказались публицистами совершенно противоположныхъ направленій: одинъ — съ идеаломъ обновленія Россіи посредствомъ будто-бы существующихъ въ русскомъ духѣ основъ новаго общественнаго строя; другой — напротивъ, съ идеаломъ укрѣпленія русской государственности посредствомъ реформъ. Они жестоко тогда столкнулись на литературномъ поприщѣ, какъ ярые и непримиримые враги.

Но вернемся къ перепискѣ Бѣлинскаго. Онъ проситъ иногда Боткина читать его письма наиболѣе симпатичнымъ ему въ то время личностямъ: Грановскому, съ которымъ онъ успѣлъ уже подружиться, и Кудрявцеву, бывшему еще студентомъ. Относительно же Каткова Бѣлинскій разрѣшаетъ Боткину прочитывать ему эти письма, но только мѣстами, въ чемъ они до него касались.

Въ письмѣ отъ 30 ноября 1839 года Бѣлинскій спрашиваетъ Боткина: «Что Катковъ? Онъ что-то молчитъ».

Свѣдѣнія, которыя сообщилъ о Катковѣ Боткинъ, сначала вызвали порицаніе со стороны Бѣлинскаго. Онъ начинаетъ свой отзывъ такъ:

«Не можешь представить себѣ, какъ удивило меня извѣстіе о нашемъ юношѣ. Нечего сказать, «странно себя аттестуетъ». Это мнѣ не нравится — и субъективнаго участія я не могу въ этомъ принять».

Строить догадки о томъ, что именно разумѣли пріятели, говоря такъ о Катковѣ, едва ли необходимо, тѣмъ болѣе, что они могли ошибаться не только въ оцѣнкѣ, но и въ содержаніи слуховъ. Довольно знать, что Бѣлинскій вскорѣ отказался отъ высказаннаго имъ осужденія. Друзей всего болѣе коробило отступленіе отъ рецептовъ идеализма, усвоеннаго московскимъ кружкомъ, рецептовъ, построенныхъ на разсудочной рисовкѣ передъ самимъ собой. Бѣлинскій сталъ понимать искусственную ложь этой точки зрѣнія. Онъ вы-

сказываетъ даже прямо зависть къ тѣмъ, которые не запутываются въ этихъ блѣдныхъ, тощихъ соображеніяхъ.

«Въ каждомъ моментѣ человѣка есть современныя этому моменту потребности и полное ихъ удовлетвореніе.

Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто во время созрѣлъ».

Существуютъ двѣ идеальности, говоритъ Бѣлинскій, здоровая и резонёрская — и, увы, относитъ направленіе кружка къ послѣдней. Онъ сознается, что видитъ вокругъ себя только резонерство и самъ пребывалъ въ немъ. «Чѣмъ я особенно восхищался въ Станкевичѣ? Тѣмъ, что онъ ненавидѣлъ въ себѣ».

Съ разсудочной высоты ложнаго упоенія идеализмомъ Бѣлинскій вдругъ спускается, въ томъ же письмѣ, въ міръ падшихъ женщинъ и описываетъ впечатлѣнія чисто матеріалистическаго къ нимъ отношенія. Онъ нарочно употребляетъ рѣзкія, тривіальныя выраженія. Онъ отдаетъ, напримѣръ, предпочтеніе нѣмкамъ передъ русскими: послѣднія не понимаютъ любви, какъ таинства, чужды всякой идеальной настроенности духа, онѣ берутъ только деньги, а о Шиллерѣ не имѣютъ никакого понятія. Нѣмка совсѣмъ но то, возьметъ деньги, да ужъ «уважитъ барина»..... Во всемъ этомъ слышится горькая насмѣшка; страданіе сквозитъ слишкомъ явственно въ грубыхъ шуткахъ. «Боткинъ, Боткинъ! восклицаетъ Бѣлинскій—не сердись и не презирай, но пойми».

Съ Бѣлинскимъ совершалась тогда безсознательная пока ломка его «прекраснодушія», на которомъ онъ временно остановился. Его душа требовала вѣры и пока не явилось новое умственное увлеченіе, онъ страшно мучился въ душевной апатіи. Въ такія минуты всѣ недочеты жизни относительно личнаго счастья особенно ярко всплываютъ наружу и тяжело бьется въ груди сердце при мысли, что вотъ прошла уже молодость съ ея радостями и не оставила воспоминаній. Скромный, мечтательный Бѣлинскій доходилъ

до того, что его душа, какъ онъ выражался, требовала оргій..... А тутъ срочная, скучная, обязательная работа.

Онъ скоро выяснилъ себѣ окончательно несостоятельность порицанія, высказаннаго имъ относительно молодаго пріятеля, и сталъ выражать, напротивъ, очень теплое къ нему участіе, не чуждое даже самоуничиженія.

«Ахъ, Б. (Боткинъ), всей силой любви дѣйствуй на Каткова; онъ лучше всѣхъ насъ, но въ немъ много нашего, т. е. лѣни и мечтательности, рефлекса и фразерства. Да не погибнетъ онъ, подобно мнѣ и многимъ другимъ, отъ недостатка дѣятельности, отъ развычки отъ работы, которая есть альфа и омега человѣческой мудрости, камень спасенія и условіе дѣйствительности».

Но порою всплывало опять прежнее отношеніе. Вообще, трудно себѣ представить человѣка болѣе подвижнаго въ своихъ взглядахъ на людей, болѣе подчинявшагося впечатлѣніямъ, чѣмъ Бѣлинскій. 24 февраля онъ пишетъ:

«Твое новое извѣстіе о Катковѣ поразило меня. Вѣдь ты же писалъ мнѣ, что онъ уже образумился? Я получилъ отъ него два письма, въ которыхъ видна грусть и страданіе. Эта исторія начинаетъ возмущать меня: въ ней нѣтъ никакой поэзіи... Знаешъ ли что: не брякнуть ли мнѣ къ нему не прямо, а намеками, но понятно? Отвѣчай, безъ твоего совѣта ничего не сдѣлаю. Добрый, благородный К.! О еслибы онъ чаще былъ въ грустномъ состояніи духа.

Но письмо такого содержанія не было написано Бѣлинскимъ; онъ вообще, находясь въ мрачной апатіи, откладывалъ писаніе писемъ другимъ пріятелямъ, кромѣ Боткина. Катковъ сильно пенялъ на него за молчаніе. Потомъ, Бѣлинскій возобновилъ предположеніе писать Каткову, но уже не о прежнемъ сюжетѣ, а о безсмертіи души.

Въ мартѣ мѣсяцѣ Катковъ прислалъ еще Бѣлинскому какіе то стихи Сатина для помѣщенія въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Вѣроятно, по поводу этого письма Бѣлинскій писалъ 16 апрѣля Боткину:

«Что это дѣлается съ К.? Онъ въ восторгѣ отъ Одесскаго альманаха, отъ стиховъ Огарева и Сатина—недостаетъ ему приходить въ восторгъ отъ повѣстей К. Ф. Павлова... Онъ полонъ дивныхъ и дикихъ силъ, и ему предстоитъ еще много, много надѣлать глупо-

стей. Я его люблю, хоть и не знаю, какъ и до какой степени. Я вижу въ немъ великую надежду науки и русской литературы. Онъ далеко пойдетъ, далеко, куда нашъ братъ и носу не показывалъ, и не покажетъ. Славная его статья о книгѣ Максимовича, прекрасная статья; мысль такъ и свѣтится въ каждомъ словѣ. Вообще, преобладаніе мысли въ опредѣленномъ и яркомъ словѣ—есть отличительный характеръ его статей и высокое ихъ достоинство, а отсутсутствіе сосредоточенной, непосредственной теплоты сердца—недостатокъ, но это недостатокъ не его натуры, а его лѣтъ. Общее поглощаетъ его духъ и, такъ скаать, обезличиваетъ его индивидуальность. Это — чудное начало,—оно всегда останется съ нимъ, укрѣпляясь наукой, а когда онъ перестанетъ пылить... то и недостатокъ о которомъ я говорю и который опредѣленно не умѣю назвать, исчезнетъ. Я читаю его статьи съ особеннымъ уваженіемъ — наслаждаюсь ими и учусь мыслить...»

Вообще, друзья въ то время на рукахъ носили Каткова. Онъ сразу заявилъ себя истиннымъ мастеромъ литературнаго дѣла. Слава его быстро расцвѣла. Онъ затмилъ на время Бѣлинскаго. Чадъ упоенія успѣхомъ повидимому дѣйствовалъ на 21-лѣтняго Каткова, по крайней мѣрѣ, Бѣлинскій сознавался, что друзья развивали въ Катковѣ своимъ поклоненіемъ заносчивость и высокомѣріе.

Первый разъ жалоба на обращеніе Каткова проглядываетъ въ упомянутомъ посланіи Бѣлинскаго отъ 16 апрѣля 1840 года. Онъ разсказываетъ про письмо, написанное Катковымъ Краевскому. Письмо касалось статьи Каткова о книгѣ Мартына Задеки, статьи, которую Бѣлинскій, несмотря на все увлеченіе талантомъ Каткова, признавалъ неудачною. Краевскій, считая означенную книгу не заслуживающею особенно подробнаго анализа, сократилъ статью, а Катковъ выразилъ на это претензію. Онъ намекалъ въ письмѣ и на то, что Бѣлинскій не шлетъ ему писемъ, и высказалъ все это въ тонѣ, проявлявшемъ оскорбленное самолюбіе.

Бѣлинскій написалъ, должно быть, одно или два письма къ Каткову, но письмами этими мы не имѣли случая пользоваться.

Въ серединѣ лѣта Катковъ былъ уже въ Петербургѣ, намѣреваясь ѣхать заграницу. Бѣлинскій съ нетерпѣніемъ ожидалъ его. Онъ звалъ въ Петербургъ и Кудрявцева, котораго приглашалъ даже остановиться у себя. Онъ писалъ по этому поводу: «жду вашего пріѣзда, какъ праздника. Шутка ли—вы и Катковъ, да это Москва цѣлая».

Катковъ оставался въ Петербугѣ до 19 октября. Обстоятельства пребыванія его тамъ разсказаны, кромѣ писемъ Бѣлинскаго, еще въ воспоминаніяхъ Панаева. Остановимся, прежде всего, на послѣднихъ, такъ какъ въ нихъ послѣдовательнѣе разсказаны не лишенныя интереса внѣшнія обстоятельства, тогда какъ въ письмахъ Бѣлинскаго глубже затрогиваются событія его внутренней жизни.

Въ апрѣлѣ 1840 года, вспоминаетъ Панаевъ, получилъ онъ отъ Каткова письмо, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ, что намѣренъ ѣхать заграницу и передъ этимъ прожить нѣкоторое время въ Петербургѣ. Передъ этимъ Катковъ прислалъ оконченный имъ переводъ Шекспировской «Ромео и Юліи», который былъ проданъ петербургскими его друзьями книгопродавцу Полякову, бывшему тогда издателемъ «Пантеона». Деньги должны были быть заплаченными по напечатаніи перевода.

Получивъ извѣщеніе о пріѣздѣ Каткова, Панаевъ пригласилъ его остановиться у него—на новой квартирѣ, которую онъ занялъ у Пяти Угловъ, въ домѣ Пшеницыной, который Катковъ впослѣдствіи прозвалъ кораблемъ Пшеницына.

Незадолго до пріѣзда Каткова, Панаевъ прочелъ только что изданный во французскомъ переводѣ романъ Купера: «Путеводитель въ пустынѣ» (Le lac Ontario). Романъ этотъ произвелъ на Панаева сильное впечатлѣніе, и онъ разсказалъ его содержаніе Бѣлинскому. Послѣдній посовѣтовалъ перевести его для «Отечественныхъ Записокъ». Каткову романъ также очень понравился. Въ письмѣ къ Ефремову Бѣлинскій приводитъ отзывъ Каткова, что многія мѣста

изъ «Путеводителя» могли бы украсить даже драму Шекспира. Бѣлинскій упросилъ Каткова и Панаева взять переводъ на себя вмѣстѣ [1]). У него бывали и ранѣе того предположенія воспользоваться для этой цѣли трудолюбіемъ Каткова. Онъ писалъ Боткину, что недурно было бы украсить страницы «Отеч. Записокъ» переведенными Катковымъ романами Гёте: «Wilhelm Meister» и «Wahlverwandtschaften».

Каткову достались первыя двѣ части «Путеводителя», Панаеву послѣднія двѣ. Первый переводилъ съ англійскаго, второй съ французскаго. Краевскій объявилъ, что за переводъ онъ не можетъ платить деньгами, а отпечатаетъ 200 отдѣльныхъ экземпляровъ, которые переводчики могутъ продать въ свою пользу. Это условіе было принято и переводъ исполнялся съ жаромъ. Цѣлые вечера за однимъ столомъ, на «кораблѣ Пшеницына» просиживали за переводомъ Панаевъ и Катковъ.

Экземпляры «Путеводителя въ пустынѣ», доставшіеся переводчикамъ, проданы были книжному магазину Юнгмейстера за 700 рублей ассигнаціями, на долю каждаго пришлось по 350 рублей.

Эти деньги и еще тѣ, которыя Катковъ долженъ былъ выручить за переводъ «Ромео и Юліи», составляли фондъ, на который задумывалась заграничная его поѣздка. Самъ же Катковъ привезъ въ Москву незначительную сумму (не болѣе 100 рублей ассигнаціями). Но деньги за Шекспировскій переводъ не поступали отъ Полякова, книгопродавецъ, ухмыляясь, изгибаясь и извиняясь, каждый день клялся, что онъ заплатитъ завтра. Поѣздка Каткова поневолѣ откладывалась. Наконецъ, онъ вышелъ изъ терпѣнія и взялъ билетъ на пароходъ... Онъ объявилъ объ этомъ Полякову и сказалъ, что долѣе терпѣть не можетъ.

[1]) Такъ описываетъ Панаевъ; Бѣлинскій замѣчаетъ въ письмѣ отъ 12 августа къ Боткину, что въ переводѣ этомъ принималъ участіе, кромѣ Каткова и Панаева, еще Языковъ.

Поляковъ обѣщалъ доставить деньги къ 10 часамъ утра наканунѣ отъѣзда, но опять не явился. Панаевъ и Катковъ отправились къ нему въ лавку—купецъ хотѣлъ скрыться, но былъ задержанъ друзьями и далъ клятвенное увѣреніе, что принесетъ деньги въ день отъѣзда къ десяти часамъ. Но онъ опять не явился; въ 11 часовъ Панаевъ и Катковъ въ совершенной ярости побѣжали въ его лавку. Но Поляковъ предусмотрительно исчезъ и гнѣвъ прибывшихъ палъ на приказчиковъ.

Каткову пришлось уѣхать заграницу со 100 или 200 рублями ассигнацій. Его петербургскіе друзья: Бѣлинскій, Панаевъ, Языковъ и Кольцовъ [1]), провожали его до Кронштадта. «Бога ради, спасайте же меня, говорилъ онъ, обнимая ихъ на прощаніе—высылайте же мнѣ скорѣе деньги въ Берлинъ... Я могу умереть съ голода, если вы меня забудете».

Какъ ни тревожило, однако, Каткова его безденежье, онъ былъ, какъ повѣствуетъ Панаевъ, веселъ и счастливъ мыслью, что черезъ нѣсколько дней будетъ въ Западной Европѣ, которая такъ давно манила его, что онъ вступитъ въ самое святилище науки—берлинскій университетъ, о которомъ такъ давно мечталъ. Онъ предавался разнымъ упоительнымъ фантазіямъ, со всѣмъ увлеченіемъ и безпечностью молодости, забывая свое стѣсненное положеніе [2]).

Черезъ нѣсколько дней послѣ его отъѣзда, прибавляетъ Панаевъ, Поляковъ заплатилъ деньги и онѣ были тотчасъ же отосланы къ Каткову въ Берлинъ, съ прибавкою денегъ отъ Краевскаго. Но въ этомъ отношеніи память измѣнила Панаеву—деньги не тотчасъ же могли быть высланы Каткову. Ему пришлось бѣдствовать. Вообще, какъ мы увидимъ, пребываніе Каткова заграницей не оправдало въ извѣстныхъ отношеніяхъ его свѣтлыхъ надеждъ.

---

[1]) Это видно изъ письма Бѣлинскаго къ Боткину отъ 25 октября 1840 года.

[2]) Панаевъ. Литерат. воспоминанія, стр. 310, 315.

Но остановимся еще на пребываніи Каткова въ Петербургѣ. Съ Бѣлинскимъ Катковъ по-прежнему занимался вопросами философскаго развитія. Бѣлинскій, какъ мы уже упоминали, находился въ то время въ періодѣ душевной апатіи, вызванной ломкою его убѣжденій. Вслѣдствіе этой апатіи, усиленной еще недавнимъ впечатлѣніемъ смерти Станкевича, онъ высказывалъ мысли о ничтожествѣ всего существующаго и человѣческой личности въ особенности. Это была реакція, своего рода Katzenjammer послѣ упоенія «прекраснодушіемъ».

Бѣлинскій собирался спорить съ Катковымъ, который оставался на прежней точкѣ идеалистическаго отношенія къ гегелевской философіи и уваженія къ Шеллингу. Описывая встрѣчу съ Катковымъ, онъ заявлялъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ (10 декабря 1840 года):

«Къ пріѣзду Каткова я уже приготовленъ,—и при первой стычкѣ съ нимъ отдался ему въ плѣнъ безъ противорѣчія. Смѣшно было: хотѣлъ спорить, и вдругъ вижу, что ужъ нѣтъ ни силъ, ни жару, а черезъ 1/4 часа, вмѣстѣ съ нимъ, началъ ратовать противъ всѣхъ сбитыхъ съ толку мною же».

Какъ видно изъ позднѣйшаго письма Бѣлинскаго отъ 15 января 1841 года, на которомъ мы впослѣдствіи подробнѣе остановимся, предметомъ ихъ перваго разговора были жалобы о ничтожествѣ человѣческой личности; Катковъ, по заявленію Бѣлинскаго, осмѣялъ эту точку зрѣнія. Въ чемъ заключалось «плѣненіе», въ которое Бѣлинскій попался къ Каткову, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Вѣроятно, послѣдній своимъ вліяніемъ нѣсколько пріостановилъ процессъ разложенія въ Бѣлинскомъ прежнихъ основъ его міросозерцанія. О ихъ спорахъ и занятіяхъ можно судить только по отрывочнымъ указаніямъ, попадающимся въ письмахъ послѣдняго.

Повидимому, и въ Катковѣ проглядывало порою неудовлетвореніе усвоенной ими точкою зрѣнія на философію Гегеля. Въ упомянутомъ письмѣ отъ 15 января Бѣ-

линскій указываетъ, что Катковъ, осмѣявъ его взглядъ на ничтожество существующаго, самъ затянулъ «черезъ нѣсколько недѣль ту же пѣсню, только еще заунывнѣй и отчаяннѣй». Кромѣ субъективнаго настроенія, этому взгляду посодѣйствовала критика новогегеліанца Фрауенштета. «Катковъ хандритъ—писалъ Бѣлинскій еще ранѣе 12 августа 1839 г., для него исчезла всякая достовѣрность въ жизни и знаніи. Онъ читалъ мнѣ отрывки изъ Фрауенштета — молодецъ Фрауенштетъ! Послѣ его брошюрки пропадаетъ охота не только резонерствовать или мыслить, но и что нибудь утверждать».

Но только, какъ слѣдуетъ заключить изъ дальнѣйшихъ писемъ Бѣлинскаго, пріятелей тянуло въ разныя стороны. Катковъ чувствовалъ влеченіе къ мистическому Jenseits, къ душевному примиренію и вѣрѣ, Бѣлинскаго, напротивъ, влекло въ міръ анализа и критики, гдѣ душа не во всемъ находитъ успокоеніе, но гдѣ зато все освѣщено рѣзкимъ свѣтомъ разсудка. Но Бѣлинскій въ то время колебался между двумя теченіями—и духовное общеніе между пріятелями было еще возможно.

Предаваясь сомнѣніямъ въ достовѣрности знанія и жалуясь на тщету жизни, Бѣлинскій, какъ видно изъ письма его Боткину отъ 5 сентября, выдвигалъ тогда, въ видѣ исхода изъ этого мучительнаго состоянія, вопросъ о безсмертіи души, который онъ признавалъ тогда капитальнѣйшимъ изъ вопросовъ, возникающихъ въ человѣческомъ сознаніи.

«Погоди, говоритъ онъ Боткину, придетъ время, не то запоешь, Увидишь, что этотъ вопросъ—альфа и омега истины, и что въ его рѣшеніи—наше искупленіе. Я плюю на философію, которая только потому съ презрѣніемъ прошла мимо этого вопроса, что не въ силахъ была рѣшить его».

Этотъ вопросъ глубоко занималъ Бѣлинскаго въ періодъ 1839—1840 гг. Онъ писалъ ранѣе этого времени, въ началѣ 1840 года, къ Боткину, какъ бы указывая на отступленіе свое отъ общаго рѣшенія по этому предмету: «мысли

мои объ Unsterblichkeit снова перевернулись: П. (Петербургъ) имѣетъ необыкновенное свойство обращать къ хрст—у, Миш.... (Бакунинъ) много тутъ участвовалъ. Нѣтъ, объективный міръ страшенъ, и мы съ тобою скоренько порѣшили важный вопросъ». Онъ обѣщалъ тогда же написать по этому поводу письмо Каткову, которое Боткинъ долженъ былъ ему прочитать. Намъ неизвѣстно, было ли это письмо написано, но вѣроятно вопросъ о безсмертіи души былъ предметомъ дебатовъ между пріятелями во время ихъ свиданій въ Петербургѣ.

Сходились ли они тогда въ рѣшеніи этого вопроса, мы не беремся рѣшить. Въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ они сходились. Бѣлинскій въ письмахъ къ Боткину одобряетъ порою взгляды Каткова, такъ, напр., относительно узости гегелевской философіи.

«Гегель не благовилъ ко всему фантастическому—писалъ Бѣлинскій 5 сентября, — какъ прямо противоположному опредѣленно дѣйствительному. Катковъ говоритъ, что это ограниченность. Я съ нимъ согласенъ... Не отъ того ли музыка не далась Егору Федоровичу, что она есть нѣчто невыговоримое, слѣдовательно по философіи Гегеля призрачное, ничто?»

Но въ томъ же письмѣ Бѣлинскій замѣчаетъ, что Катковъ недавно «поразилъ его заступничествомъ своимъ за заживо умершаго Шеллинга, говоря, что у него есть нѣчто, что онъ не можетъ выговорить, ибо возможность выговорить основывается опять-таки на метафизикѣ Гегеля и что это нѣчто—личность человѣческая».

Въ оцѣнкѣ Шеллинга, значитъ, друзья расходились. Бѣлинскій видѣлъ въ возвращеніи къ философіи Шеллинга шагъ назадъ въ развитіи; между тѣмъ, эта философія оказалась впослѣдствіи наиболѣе отвѣчающей духовнымъ стремленіямъ Каткова. Изъ-за этого, какъ мы увидимъ, они впослѣдствіи окончательно разошлись...

Внутреннее разногласіе друзей стало выступать, между прочимъ, въ оцѣнкѣ, данной Бѣлинскимъ статьѣ Каткова о Саррѣ Толстой. Сначала онъ былъ восхищенъ или, какъ

говорилъ самъ, оглушенъ этой статьей. Еще 25 октября (уже послѣ отъѣзда Каткова) онъ писалъ Боткину: «по мнѣ, чудесная статья, но чувствуется какая то тяжеловатость». Онъ спрашивалъ у Боткина, какое впечатлѣніе она произвела на него и что говорятъ объ этой статьѣ въ Москвѣ. Въ Петербургѣ она совершенно не понравилась. Но чѣмъ болѣе Бѣлинскій въ нее вчитывался, тѣмъ менѣе она ему казалась существенной. «Я самъ вижу—писалъ онъ 10 декабря,—что много мыслей, но которыя проходятъ сквозь голову читателя, какъ сквозь рѣшето, не останавливаясь въ въ ней. Начну читать—превосходно, закрою книгу—ничего не помню».

Бѣлинскій признавалъ и во время пребыванія Каткова въ Петербургѣ, и послѣ его отъѣзда, что Катковъ «много заставилъ его двинуться, но прибавлялъ, что онъ это сдѣлалъ, «самъ того не зная». Вѣроятно, Бѣлинскій разумѣлъ въ этомъ случаѣ критическія мысли Каткова о гегеліанизмѣ, которыя впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, вызвали въ Бѣлинскомъ развитіе въ противоположную сторону отъ той, куда пошелъ Катковъ.

Общее впечатлѣніе отъ встрѣчи съ Катковымъ Бѣлинскій высказалъ въ слѣдующихъ словахъ.

«Съ Катковымъ мнѣ было какъ-то несовсѣмъ свободно, ибо я страдалъ, а онъ еще хуже, такъ что былъ для всѣхъ тяжелъ, но и съ нимъ для меня бывали чудныя минуты» (письмо къ Боткину отъ 10 декабря 1839 года).

Пребываніе Каткова въ Петербургѣ ознаменовалось разными столкновеніями, ссорами, размолвками... Кружокъ окончательно разсыпался. Отношенія между его членами перепутались, исказились.

Главное мѣсто среди раздоровъ принадлежитъ столкновенію Каткова съ Бакунинымъ. Мы видѣли, что къ послѣднему Бѣлинскій охладѣлъ еще въ концѣ 1839 года. Отношенія ухудшились весной 1840 года. Чрезвычайная неделикатность Бакунина, его стремленіе совать свой носъ

въ интимныя дѣла пріятелей, умѣніе ставить себя и другихъ въ фальшивыя положенія и прибѣгать къ нелѣпому резонерству, чтобы ихъ оправдывать, послужили окончательнымъ основаніемъ къ разрыву. Бѣлинскій былъ такъ возстановленъ противъ Бакунина, что когда Боткинъ сообщилъ ему о враждебности Бакунина къ Каткову, то Бѣлинскій просилъ (въ письмѣ 24 апрѣля 1839 года) расцѣловать за это Каткова. «Я вдвое больше люблю его за это, писалъ онъ; это новое доказательство, что онъ человѣкъ». Бакунинъ успѣлъ въ это время всѣмъ насолить: Бѣлинскому, Боткину, Каткову... Послѣдній не принадлежалъ къ числу людей, которые позволяли бы даромъ наступать себѣ на ногу.

Въ бытность Каткова въ Петербургѣ, явился туда и Бакунинъ, также направлявшійся оттуда заграницу. Ни мало не стѣсняясь, онъ пошелъ къ пріятелямъ; завернулъ къ Панаеву, у котораго проживалъ Катковъ. Панаевъ, въ виду произошедшихъ исторій, принялъ его въ высшей степени холодно—и Бакунинъ долженъ былъ отретироваться, не съумѣвъ произвести никакого впечатлѣнія въ свою пользу. Во время его визита тамъ былъ Катковъ, но послѣдній не вышелъ къ нему—и встрѣча произошла уже на слѣдующій день у Бѣлинскаго, который ее подробно описалъ.

Однажды рано утромъ, писалъ Бѣлинскій къ Боткину 12 августа, явился къ нему Катковъ въ какомъ-то необыкновенномъ и страстно-одушевленномъ состояніи и съ разными штуками и мистификаціями объяснилъ, что пріѣхалъ Бакунинъ. Онъ разсказалъ Бѣлинскому про посѣщеніе послѣднимъ Панаева и предупредилъ, что онъ долженъ явиться этотъ день къ нему. Тщетно пріятели ждали гостя продолжительное время, наконецъ, уже около 12 часовъ дня, показалась на дворѣ дома, гдѣ жилъ Бѣлинскій, «уродливая фигура, какъ онъ выражался, въ филистерскомъ прегнусномъ картузѣ». Онъ хотѣлъ встрѣтить его какъ можно холоднѣе—но Бакунинъ успѣлъ поцѣловать его. Катковъ же

привѣтствовалъ Бакунина благодарностью за участіе въ его исторіи (Бакунинъ распустилъ про него какую то сплетню, въ которой не одинъ Катковъ къ тому же былъ замѣшанъ). Бакунинъ прошелъ въ спальню и отвѣчалъ оттуда: «фактецовъ, фактецовъ, я желалъ бы фактецовъ, милостивый государь!»—«Какіе тутъ факты, вы продавали меня по мелочамъ». Произошла перебранка, перешедшая въ наступательныя дѣйствія, причемъ наиболѣе потерпѣвшимъ оказался, по справедливости, виновный въ исторіи Бакунинъ. Бѣлинскій былъ весь на сторонѣ Каткова. «Я въ первый разъ, писалъ онъ, увидѣлъ, что такое мужчина, достойный любви женщины». Бакунинъ, получивъ оскорбленіе, заявилъ, что онъ намѣренъ драться. Катковъ, успокоившись, еще разъ передъ уходомъ подошелъ къ нему и заявилъ: «послушайте, милостивый государь, если въ васъ есть хоть капля теплой крови, не забудьте же, что вы сказали». Бѣлинскій остался успокаивать Бакунина. Жалость смѣшивалась у него съ отвращеніемъ. Бакунинъ казался ему противнымъ настолько, что онъ не допускалъ возможность любви къ нему со стороны женщинъ и не понималъ, какъ могутъ цѣловать его сестры.

Удаливши Бакунина, Бѣлинскій поѣхалъ къ Панаеву. Катковъ пригласилъ его секундантомъ, но Бѣлинскій сначала отказался, указывая на свою неспособность къ этой роли. Катковъ обратился тогда съ просьбой къ Панаеву, который кивнулъ головой въ знакъ согласія. Отъ Панаева компанія, въ которой находился, кромѣ названныхъ лицъ, еще Языковъ, направилась на дачу къ Краевскому, къ которому они были приглашены. Поѣхали на извощикахъ: Панаевъ съ Катковымъ, Бѣлинскій съ Языковымъ. Послѣдній сталъ уговаривать своего компаньона принять предложеніе Каткова, чтобы избавить отъ него Панаева, какъ семейнаго человѣка. Бѣлинскій согласился и, когда пріятели подъѣхали къ дачѣ Краевскаго, онъ объявилъ объ этомъ Каткову. «Иду на войну да и только—восклицалъ

онъ въ письмѣ,—что твой Аѳанасій Ивановичъ, когда онъ пугалъ Пульхерію Ивановну».

Война оказалась однако весьма миролюбивой. Противникъ Каткова не проявлялъ воинственнаго пыла. Бѣлинскій былъ на слѣдующій день у Бакунина, который просилъ его передать Каткову какія-то увѣренія и записку, въ которой онъ на трехъ страницахъ—«аналитическимъ и скопческимъ слогомъ», какъ выражался Бѣлинскій—изложилъ, что можно было сказать въ трехъ словахъ. Онъ предлагалъ отложить дуэль до появленія обоихъ въ Берлинѣ, ссылаясь на строгость русскихъ законовъ, присуждавшихъ оставшагося въ живыхъ противника въ отдачѣ въ солдаты. Затѣмъ, въ письмѣ къ Ефремову Бакунинъ просилъ его посредничества, чтобы уговорить Каткова отложить дѣло на неопредѣленный срокъ, такъ какъ въ Берлинѣ онъ будетъ единственной поддержкой и защитникомъ одной личности (В. А. Д—ой). «Кажется, молодецъ—такъ заключаетъ Бѣлинскій письмо—хочетъ отдѣлаться, а нашъ горячится тѣмъ пуще—говоритъ: надо подлеца стереть съ лица земли. Впрочемъ, я подозрѣваю, что онъ прикнучиваетъ себя, ибо дуэль хороша, когда оскорбленіе живо и сильно еще».

Бакунинъ уѣхалъ заграницу, должно быть, въ концѣ сентября, потому что Бѣлинскій говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ Боткину отъ 4 октября.

«Когда онъ уѣзжалъ изъ Петербурга заграницу—писалъ Бѣлинскій — его провожали ни я, ни Катковъ, даже не Языковъ и Панаевъ, но Г—ъ (должно быть, Герценъ), произведенный имъ за 1000 р. ассигнаціями въ спекулятивныя натуры. Но этимъ не кончилось: оная натура говоритъ, что его можно уважать за умъ, но не любить, и что по письмамъ московскихъ друзей видно, что они даже плохо уважаютъ его».

«Мишель думалъ—писалъ по поводу его отъѣзда Бѣлинскій—что кромѣ глубокой натуры и генія необходимо для удостоиваемыхъ его дружбы еще одинаковый взглядъ на погоду и одинаковый вкусъ даже въ гречневой кашѣ—условіе sine qua non! Вотъ какъ оправдала жизнь его абстрактныя, лишенныя жизненнаго соку и теплоты воззрѣнія».

Изъ Берлина Бакунинъ тотчасъ послѣ пріѣзда написалъ къ Бѣлинскому и Каткову. Въ письмѣ къ первому онъ сознавался въ своихъ недостаткахъ, соглашался съ опредѣленіемъ Бѣлинскаго, что онъ—діалектическая натура, и старался вызвать симпатію со стороны послѣдняго. Но онъ извлекъ только сожалѣніе къ себѣ своего бывшаго друга, который не отвѣчалъ ему даже на посланіе. Про письмо къ Каткову Бѣлинскій писалъ къ Боткину:

«Къ К—ву онъ писалъ, приписывая свой поступокъ пустотѣ и болтовнѣ, проситъ извиненія, но говорилъ, что извѣстное объясненіе неизбѣжно, да я не вѣрю—у.....ся на мѣстѣ объясненія—и всего вѣрнѣе—увернется отъ него. Ты правъ, что онъ трусъ».

Такимъ fiasco въ средѣ своихъ друзей кончилъ этотъ колоссъ идеализма! Катковъ, какъ видно изъ всего приведеннаго выше, былъ нравственно правъ въ своемъ столкновеніи съ нимъ.

Но у Каткова не совсѣмъ ладились отношенія и съ другими изъ окружающихъ лицъ. На него нашелъ тяжелый стихъ. О Кетчерѣ (бывшемъ московскомъ пріятелѣ), онъ отзывался дурно, имѣлъ какую-то ссору съ Краевскимъ готовъ былъ разойтись съ Боткинымъ и вызывалъ противъ себя жалобы со стороны Бѣлинскаго, Панаева, Языкова. Друзья старались какъ можно осторожнѣе къ нему относиться, но и то не избѣгали поводовъ къ его неудовольствію.

«Теперь о К—вѣ, пишетъ Бѣлинскій Боткину 5 октября. Онъ хандритъ и мутитъ себя и все близкое къ нему. Ссора его съ Кр. была результатомъ этой хандры, но онъ скоро опомнился и загладилъ это. Теперь его отношенія съ Кр. прекрасныя. Но вотъ другое горе. Ты помнишь, какъ онъ сердился на меня въ Москвѣ, что я не пишу ему, теперь твоя очередь. Недавно я узналъ отъ него, что онъ убѣжденъ, что ты его любишь не болѣе, чѣмъ М. Б. (Бакунинъ). Причиной этому твои поклоны ему въ письмахъ ко мнѣ. Я имѣлъ неосторожность прочитать ему твое письмо (отъ 3 сентября), разумѣется, выпустивши то, что ты говоришь о немъ по поводу его ссоры съ Кр. Замѣтивъ, что я не все прочиталъ, онъ измѣнился въ лицѣ, поблѣднѣлъ и сталъ допрашивать. Послѣ этого дня два пролежалъ онъ, уткнувши носъ въ подушку. Дикая натура, моло-

дая—много самолюбія! но я понимаю это. Насъ съ нимъ раздѣляетъ разница въ лѣтахъ, онъ это чувствуетъ и ложно объясняетъ. Бога ради, скорѣе напиши къ нему, если письмо твое его не застанетъ (12 онъ думаетъ отправиться), я тотчасъ-же перешлю къ нему. Но въ немъ ни слова о томъ, что ты знаешь о его на тебя претензіи, ни слова обо мнѣ — иначе ты убьешь его. Пиши, какъ будто тебѣ самому вздумалось написать ему».

«Глубокая натура, могучій умъ, блестящій,—пишетъ Бѣлинскій 25 октября, проводивъ Каткова—богатая надежда въ будущемъ, но теперь К. такой ребенокъ, что съ нимъ тяжелы близкія отношенія. Кольцовъ говоритъ, что онъ весь и вдругъ наваливается и отъ того тяжелъ. Зато взъѣстся на человѣка—другая крайность: забываетъ деликатность и вѣжливость. Дитя, еще дитя! Твое письмо къ нему подошло кстати и утѣшило его».

Проявлявшіяся шероховатости въ отношеніяхъ Каткова къ пріятелямъ по молодости вызвали въ нихъ даже довольно рѣзкій приговоръ о его характерѣ, сложившійся очевидно подъ дурными впечатлѣніями. Примѣръ показалъ въ этомъ отношеніи Боткинъ. Что онъ писалъ—неизвѣстно, но вотъ что отвѣчалъ по этому поводу Бѣлинскій, 15 января 1841 года. Приводимъ отзывъ его цѣликомъ:

«Теперь о второмъ пунктѣ твоего письма—о Катковѣ. Признаюсь, огорошилъ ты меня! Я—странная натура—никогда не смѣю высказать о человѣкѣ, что́ думаю, и часто наталкиваюсь на любовь и дружбу къ нему, чтобы примирить свое чувство къ нему съ понятіемъ о немъ. Твое сужденіе о Катковѣ ужасно вѣрно. Я то же чувствовалъ, но не смѣлъ сказать себѣ самому. Изъ этого человѣка (я увѣренъ въ этомъ) еще выйдетъ человѣкъ... Пріѣхавши въ Петербургъ, онъ началъ съ высоты величія подсмѣиваться надъ моими жалобами о ничтожествѣ человѣческой личности, столь похожей въ общемъ на мыльный пузырь, и говорить, что въ наше время объ этомъ тужатъ только дрянныя и гнилыя натурщики, а черезъ нѣсколько недѣль затянулъ ту же пѣсню, только еще заунывнѣй и отчаяннѣй. Потомъ толковалъ мнѣ, съ видомъ покровительства, о необходимости провести по своей непосредственности рѣзцомъ художника, чтобы придать себѣ виртуозности. У меня странная привычка—принимать въ другихъ самохвальство за доказательство достоинства—я и повѣрилъ, что онъ—статуя, виртуознѣе самого Аполлона Бельведерскаго, да и давай плевать на себя и смиряться передъ нимъ. Вообще онъ велъ себя со всѣми нами, какъ геніальный юноша съ людьми добродушными, но недалекими, и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько грубостей и дерзостей, которыя могъ снести только я, но которыя нельзя забыть, и о которыхъ разскажу тебѣ при свиданіи. Панаеву

съ Языковымъ тоже досталось порядочно за то, что они не знали-какъ лучше выразить ему свое уваженіе и любовь. Не скажу, что, бы у меня съ нимъ не было и пріятныхъ минутъ, ибо это—натура сильная и голова крѣпко работающая. Онъ много разбудилъ во мнѣ, и изъ этого многаго большая часть воскресла и самодѣятельно переработалась во мнѣ уже послѣ его отъѣзда. Ясно, что немного прошло у него черезъ сердце, но живетъ только въ головѣ, и потому пристаетъ отъ него и понимается съ трудомъ. Когда онъ съ торжествомъ созвалъ насъ у Краевскаго и прочелъ половину статьи о Саррѣ Толстой, я былъ оглушенъ, но нисколько не наполненъ, но сказалъ Комарову и прочимъ, что такой статьи не бывало на свѣтѣ. Статья вышла. Питеръ принялъ ее съ остервененіемъ, что еще больше придало ей цѣны въ моихъ глазахъ. Панаевъ и Комаровъ просто сказали мнѣ, что имъ статья не нравится, а послѣдній—что онъ въ ней, за исключеніемъ двухъ, трехъ дѣйствительно прекрасныхъ мѣстъ, ничего не понимаетъ. Я чуть не побранился съ нимъ за это. хоть онъ и говорилъ мнѣ, что въ моихъ статьяхъ все понимаетъ. Уже спустя довольно времени я самъ поусомнился, замѣтивъ, что ничего не помню изъ дивной статьи. Перечитывалъ—читаю, прекрасно, положу книги — не помню ничего. Твое письмо довершило. Ты здѣсь—не то, что я, ты—человѣкъ посторонній. Не забудь, что мы съ Катковымъ—соперники по ремеслу, а я по своей натурѣ способенъ видѣть всегда въ соперникахъ Богъ знаетъ что, а въ себѣ — ничего. Когда онъ изъявилъ желаніе писать о Саррѣ Толстой, я не смѣлъ и думать взяться за это дѣло. Теперь каюсь, ибо вижу, что это чудное явленіе погибло для публики. Хочу написать для «Современника», да книги нѣтъ. Нащокинъ, говорятъ, передалъ для меня экземпляръ К. Аксакову, а тотъ Богъ знаетъ что сдѣлалъ съ нимъ. Не можешь ли ты похлопотать объ этомъ дѣлѣ?

Въ немъ бездна самолюбія и эгоизма — и мы много развили въ немъ и то, и другое. Сперва держали его въ черномъ тѣлѣ, а съ исторіи со Щ. [1]) начали носить его въ хлопочкахъ — вотъ онъ и зазнался.

Вспоминая объ извѣстной тебѣ моей исторіи съ нимъ, ясно сознаю, что я тогда же видѣлъ то, чего никто не видѣлъ и ты особенно, и что съ другимъ кѣмъ у меня была бы невозможна подобная исторія, что онъ слишкомъ безчестно наслаждался плодами своей побѣды надо мною и что его ненависть послѣ того, какъ все объяснилось въ его пользу, выходила изъ самаго черстваго эгоизма и что не онъ, а я жестоко оскорбленъ былъ. Да, Боткинъ, признаюсь въ слабости, а и теперь иногда тяжело вспомнить объ этой исторіи. Вотъ этотъ человѣкъ какъ-то не вошелъ въ нашъ кругъ, а при-

[1]) Послужившей поводомъ къ первому столкновенію Бѣлинскаго съ Катковымъ въ Москвѣ.

сталъ къ нему. И онъ не могъ войти въ него: онъ для этого слишкомъ молодъ, и онъ еще только теперь страдаетъ тѣми болѣзнями, которыя мы или давно перестрадали, или къ которымъ притерпѣлись, такъ-что не чувствуешь ихъ, какъ лошадь хомута и упряжи. Это важное обстоятельство — одновременность развитія! Да, много, много пятенъ въ этой впрочемъ прекрасной натурѣ. Время образуетъ ее: есть натуры, трудно и туго развивающіяся — къ такимъ принадлежитъ и натура нашего юноши. А между тѣмъ, это натура, полная силы, энергіи, могучая, натура широкая, если пока еще не глубокая; онъ никогда не сдѣлается ни піэтистомъ, ни резонеромъ, ни сантиментальнымъ шутомъ. Только онъ носитъ въ себѣ страшнаго врага — самолюбіе, которое... чортъ знаетъ до чего можетъ довести его. Удивительно вѣрно твое выраженіе: «бравады субъективности». Это конёкъ, на которомъ нашъ юноша легко можетъ свернуть себѣ шею. Самолюбіе ставитъ его въ такія положенія, что отъ случайности будетъ зависѣть его спасеніе или гибель, смотря по тому, куда онъ повернется, пока еще есть время поворачивать себя въ ту или другую сторону».

Въ этой подробной характеристикѣ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ отзывахъ, подчеркнуты неблагопріятныя впечатлѣтнія о Катковѣ. Чрезвычайно искренній, Бѣлинскій въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ самъ не отличался объективностью — и въ его оцѣнкѣ болѣе, чѣмъ у другихъ, сквозило вліяніе впечатлѣній.

Умѣніе ладить съ людьми инымъ не дается сразу и приходитъ съ годами. Позднѣйшая, многолѣтняя дружба Каткова съ Леонтьевымъ доказываетъ, что онъ съумѣлъ впослѣдствіи въ извѣстномъ отношеніи переработать свою натуру. Къ прежнему кругу друзей Катковъ болѣе не возвращался — ихъ разъединила окончательно перемѣна убѣжденій, такъ что мы не можемъ судить о томъ, какъ отзывались-бы о немъ тѣ же люди, если-бы продолжали съ нимъ общеніе въ болѣе зрѣлые и трезвые года.

Но до пріѣзда Каткова изъ заграницы онъ еще поддерживалъ съ прежними друзьями пріятельскую переписку.

Пребываніе Каткова въ Берлинѣ было для него временемъ весьма тяжкихъ испытаній. Онъ поѣхалъ туда почти безъ копѣйки денегъ. Кое на что онъ могъ разсчитывать въ виду сотрудничества въ «Отечественныхъ Запи-

скахъ. Но это былъ его единственный и притомъ слишкомъ скудный источникъ пропитанія. Деньги, которыя ему долженъ былъ Поляковъ за переводъ Ромео и Юліи, составляли ничтожную сумму, такъ какъ вмѣстѣ съ прибавкой отъ Краевскаго онѣ не превышали 500 рублей. Уѣзжая изъ Петербурга, Катковъ повидимому обѣщалъ Краевскому присылать изъ Берлина критическія статьи о нѣмецкой литературѣ. Но положеніе его для составленія такихъ статей оказалось затруднительнымъ. Въ Москвѣ новѣйшія книги доставлялись рецензентамъ «Отечественныхъ Записокъ» изъ цензурнаго комитета по уговорѣ съ чиновниками, въ Берлинѣ этого не было. Надо было доставать книги. Безъ денегъ это было трудно — а скудный гонораръ за статьи не давалъ, конечно, основаній пріобрѣтать ихъ на свой счетъ.

Такимъ образомъ, единственный источникъ къ жизни оказался у Каткова не только скуднымъ, но даже и ненадежнымъ. Составленіе Катковымъ отчетовъ о нѣмецкой литературѣ, какъ мы увидимъ скоро, прекратилось. Между тѣмъ, надо же было на что-нибудь жить. Первое время онъ придумывалъ предметы для работы, велъ переписку о томъ, что ему дѣлать и писать. Такіе переговоры легко рѣшаются на мѣстѣ, но когда между отправкой и отвѣтомъ на письмо должны проходить недѣли, то вопросы неизбѣжно усложняются. Сотрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ» вслѣдствіе этого не клеилось, но всетаки единственнымъ фондомъ, изъ котораго можно было черпать, были средства этого журнала. Друзья Каткова, при всемъ желаніи, не располагали очевидно возможностью избавить его отъ бѣды. Волей-неволей, Катковъ обращался съ постоянными денежными ходатайствами къ Краевскому. Письма эти сохранились и рисуютъ живыми красками картину того, что приходилось переживать Каткову.

Къ сожалѣнію, дѣла редакціи «Отечественныхъ Записокъ» не были вовсе блистательными, и Краевскій не могъ

легко и даже вполнѣ удовлетворять требованіямъ Каткова о присылкѣ денегъ въ счетъ будущей работы. Но кое-что онъ высылалъ.

Много терніевъ встрѣтилъ Катковъ на своемъ пути къ изученію науки. Къ довершенію бѣды, онъ сталъ болѣть, вѣроятно, отъ дурныхъ условій жизни. Потребности усилились—надо было лечиться. Въ концѣ концовъ Катковъ долженъ былъ вернуться въ Россію, пробывъ около двухъ лѣтъ въ Берлинѣ и не достигнувъ опредѣленныхъ результатовъ. Да, можно сказать, дорого далась Каткову каждая страница заграничной науки, каждая глава усвоенной имъ тамъ философіи откровенія.

Впослѣдствіи, онъ осуждалъ себя за необдуманное рѣшеніе:

«Съ пустымъ карманомъ и, что еще хуже, съ головою, полною сумасброднаго фантазёрства и пьяныхъ надеждъ, выѣхалъ я на чужбину. Только выѣхать грезилось мнѣ, а тамъ полечу по Божью свѣту легко и свободно» (изъ письма къ Краевскому отъ 30 мая 1842 года).

Какъ живо рисуется этотъ романтическій, самонадѣянный юноша. Ему легко досталась литературная извѣстность — и вотъ въ немъ укоренилась увѣренность, что жизнь будетъ во всѣхъ отношеніяхъ встрѣчать его съ улыбкой. Онъ поѣхалъ заграницу съ увѣренностью, что все устроится согласно его желаніямъ. Неужели жизнь не покорится? Но жизнь большею частью не покоряется, когда пренебрегаютъ матеріальной, прозаической ея стороной, и она наказала молодаго мечтателя существеннымъ разстройствомъ его плановъ.

Теперь, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, путешествіе заграницу, можно сказать, стало нипочемъ, но въ то время даже Берлинъ былъ настоящей чужбиной. Почта ходила медленно, путь до Петербурга лежалъ долгій. Лѣтомъ еще онъ сокращался возможностью доплыть до Кенигсберга на пароходѣ, но поздней осенью и зимой онъ не былъ легкимъ.

Тѣмъ болѣе безразсуднымъ и фантастическимъ представляется намъ рѣшеніе Каткова поѣхать заграницу учиться безъ опредѣленныхъ средствъ жизни. Какъ не удержали его отъ такого рѣшенія пріятели? Но вѣдь и они, какъ самъ Катковъ, смотрѣли на жизнь героически— чѣмъ смѣлѣе было предположеніе, тѣмъ болѣе оно имѣло прелести въ ихъ глазахъ. Катковъ, разсказывая въ письмахъ, какъ онъ голодаетъ, упоминалъ о Красовѣ, одномъ изъ членовъ кружка, попавшемся въ точно такое же положеніе на чужой сторонѣ.

Къ счастью, въ Берлинѣ часто встрѣчались русскіе, пріѣзжавшіе туда, какъ и Катковъ, учиться. Встрѣчаются указанія, что отъ нихъ онъ получалъ нѣкоторыя денежныя ссуды. Въ письмахъ Каткова встрѣчаются такія указанія относительно Анненкова и Ефремова. Былъ тамъ и Бакунинъ. Но прежняя вражда, кажется, тамъ вновь не вспыхивала. Отрезвила ли противниковъ разсудочная атмосфера Германіи, повліялъ ли на Каткова Ефремовъ, котораго Бакунинъ, какъ мы указывали, ранѣе того просилъ быть посредникомъ, но Катковъ только разъ мелькомъ упомянулъ въ своей перепискѣ о томъ, что вопросъ не подвинулся. Бакунинъ уже ранѣе проявлялъ уклончивость, а Катковъ не могъ не потерять, и благодаря времени, и благодаря условіямъ жизни, часть воинственнаго пыла. Пойдетъ ли въ голову мысль стирать другаго съ лица земли, когда самого гнетутъ обстоятельства? Неизвѣстно, возстановлялись ли личныя отношенія Каткова съ Бакунинымъ, но въ маѣ мѣсяцѣ 1841 года онъ уже передаетъ Краевскому порученіе послѣдняго (можетъ быть, со словъ Ефремова).

Первое разочарованіе относительно матеріальныхъ фондовъ ожидало Каткова въ самый моментъ пріѣзда въ Берлинъ. Деньги должны были быть ему высланы, между тѣмъ денегъ не оказалось. Отправленіе ихъ изъ Петербурга замедлилось. Онъ пишетъ черезъ два мѣсяца послѣ

пріѣзда въ Берлинъ отчаяннѣйшее письмо, полное жалобъ и упрековъ, объясняемыхъ очевидно тягостью обстоятельствъ, въ которыхъ онъ очутился.

«Любезный А. А., обращаюсь къ вамъ, какъ къ аккуратнѣйшему по крайней мѣрѣ, относительно, изъ всѣхъ моихъ петербургскихъ пріятелей. Скажите мнѣ, что значитъ ваше молчаніе? Не могу оправдать его въ своихъ глазахъ среди обстоятельствъ, которыя тѣснятъ и давятъ меня. Что это? мистификація, что-ли? желаніе подразнить, помучить? Если такъ, то время и обстоятельства выбраны очень дурно, потому что шутка разыгрывается въ нешуточную трагикомедію. Плоха та мистификація, которая задираетъ за живую дѣйствительность. Вспомните, что я поѣхалъ почти безъ ничего, съ надеждою, что мнѣ тотчасъ по пріѣздѣ въ Берлинъ выслана будетъ небольшая сумма, которую долженъ мнѣ мошенникъ Поляковъ. Не найдя на берлинской почтѣ ничего на мое имя, прождавъ и проходивъ на почту болѣе двухъ недѣль, я наконецъ послалъ къ вамъ соборное посланіе [1]), въ которомъ умоляю васъ всѣхъ (какъ-то: Краевскаго, Панаева, Языкова и (et tu, Brute....) Бѣлинскаго) удѣлить частичку вашего драгоцѣннаго времени и хоть по крайней мѣрѣ плюнуть на меня».

Онъ описываетъ свое положеніе. «Никогда еще я не былъ въ такихъ тискахъ, хотя успѣлъ въ жизни часто знавать нужду». Дѣйствительно, онъ жилъ въ долгъ. Анненкову, уже уѣхавшему изъ Берлина, онъ остался долженъ 350 р.

«Въ цѣломъ Берлинѣ, въ цѣлой Пруссіи или, лучше сказать въ цѣломъ заграничномъ краѣ — только одинъ человѣкъ, который принимаетъ во мнѣ участіе, Ефремовъ. Я у него отнялъ послѣдніе 30 талеровъ, онъ самъ находится въ обстоятельствахъ затруднительныхъ.... Я васъ просилъ и прошу написать мнѣ только одну строку, одно слово: нѣтъ, если дѣйствительно нѣтъ. Я не могу даже писать къ своимъ въ Москву; что бы могъ я написать имъ, не зная, что будетъ со мною, какъ должно мнѣ распорядиться?»

Приходится удивляться энергіи, которая давала Каткову еще силы заниматься при такой неизвѣстности относительно завтрашняго дня. Онъ прерываетъ письмо заявленіемъ: «Надо готовиться къ завтрашней лекціи (логика Вердера), чтобы не сидѣть въ аудиторіи дуракомъ».

---

[1]) Письмо это не сохранилось.

Онъ продолжаетъ его на слѣдующій день, пришедши съ лекціи. «Если вы не будете немедленно отвѣчать на это письмо, то я ужъ рѣшительно перестаю ждать и начинаю принимать какія нибудь мѣры, хотя бы этими мѣрами была просьба, чтобъ посольство отправило меня по пересылкѣ на казенный счетъ снова въ матушку Россію. Довольно — sapienti sat».

Подавленный нуждой, Катковъ только мелькомъ высказываетъ интересъ къ другимъ явленіямъ жизни. Онъ начинаетъ съ своего дѣтища. «Что мой Ромео и Юлія? читается ли? играется ли?» «Какъ бы мнѣ хотѣлось также видѣть отъ времени до времени русскую книгу — журналъ, въ которомъ я когда-то (увы!) принималъ участіе, въ которомъ участвуютъ люди, которые когда-то принимали во мнѣ участіе и пр. Какъ смѣть мнѣ занимать ваше вниманіе различными посторонними моими желаніями?..»

Въ такихъ тяжелыхъ думахъ Катковъ проводилъ праздники и встрѣтилъ наступленіе 1841 года. Въ теченіе января мѣсяца пришла, наконецъ, денежная посылка. Въ ней было 500 рублей.

Катковъ пишетъ объ этомъ Панаеву. Письмо это отъ 30 января (11 февраля) 1841 г. написано уже въ болѣе веселомъ и свѣтломъ тонѣ. Приводимъ его цѣликомъ:

«Мой любезный Иванъ Ивановичъ, mein Schaetzchen. Пишу къ вамъ, чтобы дать наконецъ отдыхъ кошельку Краевскаго. Всѣ ваши письма и драгоцѣнное вложеніе получилъ; кающійся тонъ послѣдняго письма Краевскаго смягчилъ мой праведный гнѣвъ и я возвращаю вамъ всѣмъ мое благоволеніе. Прежде всего, маленькая просьба—пошлите немедленно, сію же минуту письмо это къ брату въ Москву (адресъ: на Петровкѣ, въ домѣ Ханыкова, возлѣ театра, Меѳодію Н. Каткову); послѣднее мое письмо къ нему вложено въ письмо Боткину, котораго теперь нелегкая, какъ нарочно, унесла въ Харьковъ, такъ что братъ мой вѣроятно долго не получитъ его, а такъ какъ по разсчетамъ почта изъ Берлина прямо въ Москву ходитъ вдвое медленнѣе, чѣмъ въ Петербургъ, то я и рѣшилъ, чтобы поскорѣе успокоить маменьку, послать черезъ васъ. Теперь возвысьте, какъ можно громче, голосъ, читайте: Андрей, ступай скорѣе, отдай это письмо на почту.

Пишу къ вамъ наскоро, чтобы не опоздать. Извѣстите Краевскаго, что черезъ два дня онъ получитъ статью о нѣмецкой литературѣ. Чтобы ее чортъ побралъ—сколько мнѣ было возни съ нею. Безъ денегъ—во всемъ и вездѣ плохо. Толкался по книжнымъ лавкамъ, упрашивалъ прислать мнѣ для просмотра новости, предлагалъ за это любую цѣну; не соглашаются проклятые нѣмцы—говорятъ, что мы присылаемъ книги zur geneigten Ansicht только тѣмъ, кто покупаетъ по крайней мѣрѣ изъ десяти одну.

Пишите ко мнѣ Бога ради обо всемъ. Я живу тихо, занимаюсь, хожу аккуратно на лекціи логики къ Вердеру, христологіи къ Ватке, о Шиллерѣ и Гёте къ Гансу. Досадно было, что я немного опоздалъ къ семестру и долженъ былъ съ напряженными усиліями догонять. Философія благотворно дѣйствуетъ на мой духъ—и я можетъ, Богъ дастъ, скоро выберусь на чистую воду. Слышали ли вы, что прусское правительство вызываетъ въ Берлинъ Шеллинга? Это уже рѣшено и его скоро ждутъ. Время исполнилось, надо ожидать сильнаго взрыва. Въ Берлинѣ Шеллингъ долженъ будетъ разоблачиться и показать наконецъ, въ чемъ же заключается его ученіе, которое онъ доселѣ такъ ревниво скрывалъ. Гегеліанцы радуются его пріѣзду и ждутъ отъ этого другаго результата. (Сверху приписка:) Пусть извѣстіе объ этомъ прежде другихъ журналовъ появится въ «Отеч. Зап.»

И такъ, я живу тихо, веду впрочемъ открытую брань съ Ефремовымъ—и часто обливаемъ другъ друга ядомъ насмѣшки; ругаюсь также иногда, но втихомолку, съ судьбой, пустившей меня съ пустыми карманами въ міръ. Скоро будетъ сюда Запкинъ, отъ котораго получилъ маленькую приписочку въ письмѣ Анненкова.

«Что мой обожаемый хромецъ, мой милый Языковъ? Его письмо лучше всѣхъ вашихъ. Скоро-ли онъ осуществитъ свой планъ? скоро-ли увижу его. Вотъ была бы радость. Бѣлинскому скажите, что я готовлюсь шарахнуть въ него безбожно длиннымъ письмомъ, чтобы онъ заранѣе раздвигалъ свой кошель.

Мое глубокое уваженіе, мое искреннее привѣтствіе засвидѣтельствуйте Авдотьѣ Михайловнѣ (женѣ Панаева) и поблагодарите ее за воспоминаніе обо мнѣ. Лидочку цѣлую несмѣтное число разъ.

Даю вамъ новое право разсылать мои поклоны направо и налѣво, куда вздумается.

Любящій васъ всею душою М. Катковъ.

Если удастся написать, то пришлю въ «Отеч. Записки» гумористическое письмо и справки о разностяхъ. Mon homme (вѣроятно, Бакунинъ) молчитъ, и наше дѣло не пошло впередъ; что будетъ—подождемъ».

Въ слѣдующемъ письмѣ, написанномъ 3—15 февраля къ Краевскому, Катковъ говоритъ, что «финансы всѣ истощились—снова приходится плохо». Вѣроятно, изъ прислан-

ной суммы приходилось покрывать долги. Онъ посылалъ при этомъ письмѣ (отъ 3—15 февраля 1841 г.) напечатанную въ XV томѣ «Отеч. Записокъ» статью о нѣмецкой литературѣ.

«Не совсѣмъ допеклась—говоритъ онъ—ну, да что дѣлать! Вѣрнѣе то, что она, кажется, опоздала, никакъ не могла поспѣть раньше; еслибы вы знали, сколько я хлопоталъ, чтобы выпросить себѣ матеріалы. Теперь у меня подъ рукою будутъ всѣ нужные журналы, но этого мало, нужно самому просматривать книги, особенно замѣчательныя. Для этой статьи были у меня книги и для слѣдующей есть, но еще не знаю, какъ пойдетъ дальше. Главное, надо имѣть дѣло съ книгопродавцемъ, а съ пустымъ карманомъ, судите сами, какія могу имѣть съ ними дѣла. Ефремовъ кланяется вамъ; онъ тоже поднимается на работу, но онъ не выбралъ хорошенько, за что приняться. Теперь пока онъ перевелъ новѣйшую съ иголочки статью объ Афганистанѣ. При теперешнихъ политическихъ дѣлахъ и по причинѣ возни, которую тамъ подняли англичане—кажется, статья эта интересна. Дайте знать, мы пришлемъ ее. Я принимаюсь за переводъ введенія Гегеля въ эстетику. Думаю писать вамъ о берлинскихъ новостяхъ, театрахъ и т. п. Знаете-ли, что за богатую смѣсь можно было бы составить здѣсь для «Отеч. Записокъ»? Такую, какой отъ начала еще не бывало. Около двухсотъ нѣмецкихъ, много французскихъ и англійскихъ газетъ и журналовъ представляютъ матеріалы неистощимые. А? какъ вы думаете? Я бы запрегъ Ефремова и мы бы покатили съ нимъ. Если это кажется вамъ ладно, то справьтесь съ доходами «Отеч. Зап.», сколько они могутъ давать намъ вознагражденія. Не знаю, какъ мнѣ жить. Просто плохо».

Письмо оканчивается жалобой на то, что Краевскій не сообщаетъ ему о новостяхъ. «Правда ли, спрашиваетъ Катковъ, что вышелъ новый указъ о крестьянахъ? Эта вѣсть дошла до меня изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ. Одинъ изъ королевскихъ принцевъ сообщилъ ее одному изъ русскихъ». Онъ проситъ кланяться всѣмъ и объявить, что будетъ, какъ нельзя болѣе, благодаренъ своимъ друзьямъ за память.

Статья Каткова о германской литературѣ была предметомъ еще одного письма къ Краевскому (отъ 7—19 февраля), написаннаго черезъ четыре дня послѣ отправленія статьи. Катковъ просилъ тогда отложить ея печатаніе до слѣдующаго номера, чтобы успѣть дописать ея продолженіе, которое

составило бы одно съ нею цѣлое и къ которому онъ предполагалъ приложить варіанты для замѣны нѣкоторыхъ неудачныхъ мѣстъ первой статьи. Его безпокоилъ въ особенности слишкомъ грубый, по его выраженію, и даже сбивавшійся на бранчивость отзывъ о книгѣ Мишеле: философія субъективнаго духа. Онъ объясняетъ его происхожденіе:

«По нѣкоторымъ преимущественно субъективнымъ причинамъ я не совсѣмъ гармонирую съ нимъ и съ тономъ его мышленія; у меня всегда было какое-то зло на него. Я бы разумѣется подавилъ это зло въ себѣ и нисколько бы не далъ ему отразиться на моей статьѣ, но къ несчастью я встрѣтилъ въ книгѣ два мѣста, гдѣ онъ черезчуръ невѣжливо отзывается о насъ, вообще о славянахъ и о русскихъ въ особенности. Одно мѣсто я привелъ; другое же по апостеріорнымъ свѣдѣніямъ, пріобрѣтеннымъ о нашей цензурѣ, не дерзнулъ привести. Это меня взбѣсило, покрыло всю книгу черною краской, такъ какъ, хотя темно, а сознавалъ я нечестность своего дѣла, но невольно наговорилъ того, чего бы не сказалъ въ другое время—и не сказалъ все, что бы долженъ былъ сказать».

Онъ проситъ смягчить отзывъ: повычеркивать бранныя выраженія и сообщаетъ новый варіантъ замѣтки о книгѣ Мишеле (который былъ включенъ въ напечатанную статью). «Этимъ путемъ только», говоритъ онъ, «возвратите вы миръ душѣ моей». Далѣе Катковъ сообщаетъ о томъ, что продолжаетъ переводить введеніе въ эстетику Гегеля. «Знаете ли какой это будетъ перлъ въ «Отечественныхъ Запискахъ»? — прибавляетъ онъ. Потомъ опять проситъ работы: «Напишите мнѣ, если вамъ что нибудь особенно будетъ нужно, все будетъ сдѣлано по мѣрѣ силъ и возможности». Онъ опять проситъ передать пріятелямъ, чтобы они писали; самъ обѣщаетъ писать Бѣлинскому; спрашиваетъ о немъ, какъ его здоровье и какъ онъ чувствуетъ себя внутри? Наконецъ, проситъ выслать оттискъ статьи о Саррѣ Толстой для Варнгагена, да еще: злата, злата, злата! Этимъ заключается письмо.

Остановимся теперь на упомянутой статьѣ Каткова, присланной изъ заграницы. Редакція, печатая статью, заяв-

ляла, что одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ журнала, живущій теперь въ Берлинѣ, обѣщалъ присылать оттуда статьи о германской литературѣ, но до сихъ поръ г. Катковъ не могъ по обстоятельствамъ исполнить своего обѣщанія, теперь же надѣется присылать статьи аккуратно и въ возможной скорости. Сообщеніе редакціи оканчивалось предположеніемъ, что эта невольная медленность будетъ искуплена передъ читателями достоинствомъ статей Каткова.

Изъ содержанія этой статьи видно, что главное вниманіе Каткова было устремлено на философію. Онъ называетъ ее сердцемъ и пульсомъ духовной дѣятельности Германіи. Большая часть его статьи наполнена отчетомъ о философскихъ книгахъ. Онъ говоритъ о новыхъ изданіяхъ трудовъ Гегеля, о философіи субъективнаго духа упомянутаго выше Мишеле, о сочиненіяхъ Эрдманна, профессора въ галльскомъ университетѣ.

Въ то время происходила горячая полемика между школами такъ называемыхъ старыхъ и молодыхъ гегеліанцевъ. Первые признавали выводы Гегеля послѣднимъ словомъ философіи; другіе допускали только правильность общихъ началъ и діалектическаго метода. Послѣдніе рвались впередъ въ стремленіяхъ къ анализу и критикѣ. Два журнала: Berliner Jahrbuecher и Hallische Jahrbuecher служили органами того и другаго лагеря. Но помимо этихъ журналовъ полемика выражалась въ массѣ брошюръ и многотомныхъ сочиненій.

Катковъ только вскользь затрогиваетъ упомянутую рознь въ своей статьѣ. Онъ пытается объяснить ее тѣмъ, что противорѣчія, присущія человѣческому уму, не примирялись уже послѣ смерти Гегеля въ единствѣ одного геніальнаго индивидуума. Онъ проводитъ параллель между духомъ величайшихъ нѣмецкихъ поэтовъ и философовъ. «Кто не почувствуетъ глубоко таящейся связи Шиллера съ Кантомъ и Фихте, Гёте съ Шеллингомъ и отчасти съ Гегелемъ, который впрочемъ еще ждетъ своего поэта?» Свое собственное

настроеніе Катковъ высказываетъ въ слѣдующихъ словахъ: «чуткое ухо слышитъ тайное броженіе вопросовъ, ищущихъ средоточія, чтобы обнаружиться въ міробъемлющей силѣ». Его по прежнему наполняетъ, какъ видно изъ этого отрывка, стремленіе къ объединяющей и все объясняющей философіи.

Катковъ говоритъ въ статьѣ еще о нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ германской литературы, между прочимъ о выходѣ двухъ книгъ Гейне: четвертой части Salon и отзыва о Бёрне — онъ признавалъ въ нихъ закатъ блестящаго таланта. Подробный отчетъ онъ обѣщаетъ дать въ слѣдующей статьѣ, гдѣ намѣренъ былъ также трактовать о водолеченіи, новой отрасли медицины, производившей фуроръ въ Германіи.

Она его занимала, какъ средство для собственнаго леченія. Катковъ, какъ видно изъ его писемъ, страдалъ сильными приливами крови къ головѣ и разстройствомъ нервовъ. Въ концѣ мая этого года писалъ онъ Краевскому, что ѣдетъ въ саксенъ-веймарское герцогство въ Тюрингенвальдъ лечиться гидро-судо-патіей, чтобы разъ навсегда отдѣлаться отъ болѣзни. Но Каткову не пришлось писать о гидротерапіи. Въ виду жалобъ Каткова на неудобства веденія для него отчетовъ о нѣмецкой литературѣ, Краевскій уволилъ его отъ этой обязанности.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ возобновляются опять жалобы Каткова на безвыходность положенія. Онъ получилъ въ мартѣ мѣсяцѣ отъ Краевскаго письмо, которое, какъ онъ объявляетъ, сильно его разстроило. Повидимому Краевскій сталъ обижаться упреками Каткова—и послѣдній, въ письмѣ отъ 19 апрѣля, оправдываетъ эти жалобы дѣйствительною тягостью обстоятельствъ. Онъ проситъ выслать ему тысячу рублей, указывая, что, проживши на 500 рублей въ теченіе шести мѣсяцевъ заграницей, онъ кругомъ задолжалъ. Въ случаѣ невозможности, онъ убѣждаетъ тотчасъ же сообщить ему отказъ, чтобы можно было поискать другими путями. Но къ какимъ же другимъ путямъ онъ могъ бы при-

бѣгнуть? Въ томъ же письмѣ поручаетъ онъ Краевскому сказать Языкову и Панаеву, чтобы они похлопотали о немъ, что дѣло идетъ о его спасеніи, такъ какъ если ему не удастся теперь наладить свою жизнь, то ужъ онъ останется до смерти въ разладѣ и не будетъ годиться ни себѣ, ни людямъ. Тяжелѣе всего, пишетъ онъ, страдать танталовскою жаждой, сознавать, что находишься у живаго источника науки и знанія и имѣть передъ собою въ перспективѣ невозможность подняться съ кровати за отсутствіемъ сапогъ. Онъ обѣщается черезъ двѣ недѣли послать еще статьи о нѣмецкой литературѣ, богатую смѣсь, а въ скоромъ времени послѣ переводъ гегелевскаго введенія въ эстетику. Затѣмъ, Катковъ передаетъ Краевскому вопросъ Бакунина: что предпринимается съ его статьей? и его желаніе тоже готовить статьи и участвовать въ составленіи смѣси. Кромѣ того, онъ сообщаетъ, что Тургеневъ занятъ предназначаемымъ также для «Отечественныхъ Записокъ» переводомъ рѣчи Шеллинга объ изящныхъ искусствахъ.

Краевскій кое-что выслалъ... Отъ второй половины мая (21 числа) сохранилось длиннѣйшее письмо къ нему Каткова, въ которомъ послѣдній извиняется за горькій тонъ и упреки прежняго письма. Онъ выражаетъ надежду, что, быть можетъ, Панаевъ съ Языковымъ сдѣлаютъ также для него что-нибудь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, высказываетъ онъ благодарность Краевскому за увольненіе его отъ доставленія отчетовъ о нѣмецкой литературѣ. Составлять эти отчеты изъ чужихъ клочковъ для него противно, говоритъ онъ; надо, по крайней мѣрѣ, самому читать книги, а при теперешнихъ обстоятельствахъ онъ не имѣетъ возможности не только быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ книгопродавцами, но даже, какъ онъ замѣчаетъ, и поддерживать постоянныхъ сношеній съ трактиромъ, гдѣ онъ обѣдаетъ.

Онъ сообщаетъ въ письмѣ нѣсколько главныхъ извѣстій изъ Берлина, которымъ предоставляетъ Краевскому пользоваться, какъ ему заблагоразсудится. Извѣстія эти отно-

сятся къ учебной и ученой жизни, въ которую погрузился Катковъ. Они вошли въ смѣсь т. XVI, за 1841 годъ, «Отечественныхъ Записокъ» подъ именемъ «берлинскихъ новостей» изъ письма М. Н. Каткова къ редактору журнала.

Въ германской наукѣ царило тогда необыкновенное одушевленіе. Въ берлинскомъ университетѣ чувствовалось то единодушіе между профессорами и студентами, которое увлекая и тѣхъ, и другихъ, вноситъ живую струю въ дѣло преподаванія. По описанію Каткова, было дано студентами въ теченіи семестра пять торжественныхъ серенадъ: профессорамъ Вердеру, Ватке, Маріейнеке, Неандеру и Шталю. Были устроены торжественныя встрѣчи вступившимъ этотъ годъ въ берлинскій университетъ братьямъ Гриммамъ. Произносились одухотворенныя рѣчи, проливались нерѣдко слезы, превозносилась наука и философія, воспитывающая единство духа и возвышенную любовь ко всему истинному и прекрасному.

Изъ всѣхъ профессоровъ наиболѣе близко къ русскимъ слушателямъ стоялъ Вердеръ, читавшій логику въ гегеліанскомъ духѣ и исторію философіи. Еще въ 1837 году у Вердера учились Грановскій, Станкевичъ и Невѣровъ, близкій другъ Станкевича. Посредствомъ приватныхъ уроковъ, превращавшихся въ концѣ въ интимную бесѣду, лица эти завязали съ Вердеромъ дружескую связь. Въ особенности близокъ къ нему былъ Станкевичъ. Послѣдній разсказывалъ Вердеру объ идеалистическомъ кружкѣ, занимавшемся въ далекой Москвѣ изученіемъ философіи. Передавались даже событія интимной жизни друзей. Напримѣръ, когда Бѣлинскаго постигъ въ 1838 году тяжелый сердечный ударъ, Вердеръ, никогда въ жизни его не видавшій, просилъ передать ему свое сочувствіе. Бѣлинскій черезъ знакомыхъ узнавалъ въ свою очередь у Вердера свѣдѣнія о здоровьѣ Станкевича. Всякій русскій, пріѣзжавшій въ Берлинъ, естественно шелъ къ Вердеру и этотъ

профессоръ сталъ какъ-бы первымъ непремѣннымъ руководителемъ россійскихъ умовъ въ туманѣ нѣмецкой философіи.

Онъ самъ съ чисто германскимъ идеализмомъ увлекался философіей. Какъ повѣствуетъ Катковъ, высоко его превозносившій въ то время, Вердеръ призналъ въ особой рѣчи къ студентамъ устроенное ими чествованіе событіемъ выше всякаго личнаго счастья—«гражданскимъ вѣнцомъ въ духѣ, пальмовою вѣтвью, которая будетъ зеленѣть ему въ теченіе всей жизни».

Въ своей послѣдней лекціи, которою онъ закончилъ курсъ, Вердеръ, прочитавъ послѣдній пунктъ логики о становленіи абсолютнаго, произнесъ прочувствованную прощальную рѣчь своимъ слушателямъ.

Онъ заявилъ, что цѣль философіи: «сдѣлать насъ преданными Богу, радостными для жизни и для смерти, готовыми на жертвы и отреченіе, сильными и великими въ творческой дѣятельности... Величайшій врагъ человѣка есть робость, робость есть дьяволъ, исчадіе лжи, и ея кара есть нравственное рабство; другъ человѣка, его спасительница и избавительница есть смѣлость; смѣлость есть любовь; она рождается изъ истины, и благодать ея зовется свободою.... Будемъ держать высоко наши головы, высоко, съ спокойствіемъ и безбоязненностью, какъ прилично сынамъ Бога. Въ томъ-то святое значеніе лица человѣческаго, что оно поднято и обращено къ солнцу, ко всѣмъ вѣчнымъ свѣтиламъ міра. Станемъ со своимъ лицомъ смѣло передъ лицо міровъ, завернувшись въ волшебную мантію великаго дѣла, перекрестившись десницей духа. Кто мыслитъ благородно, кто дѣйствительно мыслитъ, у кого свободная сила мысли претворилась въ жизненную силу души, тотъ не будетъ низко поступать, а кто самъ не будетъ низко поступать, тотъ не дастъ и съ собой поступать низко. Да будетъ это нашимъ рукопожатіемъ въ духѣ и такъ да пребудемъ мы всегда душевно другъ въ другѣ».

Катковъ такъ описывалъ впечатлѣніе этой рѣчи:

«Оглушительный взрывъ рукоплесканій и восклицаній потрясъ аудиторію и проводилъ профессора. Чудное это было мгновеніе! Кто участвовалъ въ немъ, тотъ никогда не упуститъ его изъ воспоминаній. Всѣ эти люди, чуждые другъ другу, разнохарактерные, разноплеменные, слились въ одно великое семейство; на всѣхъ лицахъ пламенное вдохновеніе — въ глазахъ у всѣхъ или свѣтилась слеза, или сверкалъ огонь. Всѣ чувствовали себя въ какомъ-то новомъ элементѣ, гдѣ исчезли всѣ преграды свѣтскихъ обычаевъ; души соприкасались взаимно въ одномъ духѣ; незнакомцы сходились, пожимая руки, безмолвно понимая другъ друга, какъ друзья, соединенные жизнью».....

Можетъ быть, въ эти минуты произошло и примиреніе Каткова съ Бакунинымъ. Они оба были слушателями Вердера и едва ли вражда ихъ могла бы противостоять вытекавшему изъ философіи Вердера стремленію къ «взаимному проникновенію другъ друга въ духѣ». По крайней мѣрѣ, въ томъ же письмѣ онъ передаетъ Краевскому поклонъ Бакунина и свѣдѣніе, что тотъ пишетъ для «Отеч. Записокъ»: «О современномъ состояніи философіи въ Германіи».

Не всѣ профессора однакоже превозносили такъ высоко философію, какъ Вердеръ. По словамъ Каткова, нѣкто Неандеръ, также по случаю устроенной ему серенады, не устыдился провозгласить pereat на философію (NB. какъ Бѣлинскій — прибавлялъ въ письмѣ Катковъ).

Не всѣ профессора также угощали студентовъ, въ отвѣтъ на ихъ чествованія, исключительно духовной пищей. Когда была устроена серенада въ честь дня рожденія новоприбывшаго въ университетъ, для замѣщенія покойнаго Ганса, профессора Шталя, послѣдній выкатилъ студентамъ бочку баварскаго пива. Нѣкоторые ушли съ негодованіемъ отъ этого подарка, но студенческая чернь и сбродъ, по выраженію Каткова, осталась справлять праздникъ профессорскимъ пивомъ.

Катковъ оканчиваетъ картину берлинской жизни просьбою къ Краевскому озаботиться тщательнымъ напечата-

ніемъ перевода рѣчь Вердера («если вы сколько нибудь любите меня, а что еще болѣе—любите самое дѣло»).

«Чтобы не было никакихъ искаженій ни со стороны наборщика (вѣдь вы не будете — неправда ли? — тяготиться, какъ Бѣлинскій, разбирательствомъ моего сквернаго почерка), ни со стороны господина съ перомъ, обмакнутымъ въ красныя чернила (очевидно, цензора). Если будетъ какая нибудь придирка, то развѣ только мысль (и то больно) выпустить кару робости и благодать смѣлости. Лучше не печатать, нежели исказить. Бѣлинскому читать моей рукописи не давайте—пусть ждетъ печатнаго или кто-нибудь перепишетъ ему,—не то онъ недостатки почерка отнесетъ къ содержанію, прочтетъ кое-какъ и испортитъ себѣ все».

Письмо, которое мы привели, интересно еще въ томъ отношеніи, что Катковъ высказывается въ немъ весьма рѣшительно противъ Шевырева и Погодина и ихъ руссофильскаго направленія.

«Что-то подѣлываете вы, обращается онъ въ немъ къ Краевскому. О вашихъ подвигахъ и вообще о подвигахъ ратниковъ нашего знамени — я не имѣю никакого свѣдѣнія. Хоть-бы кто нибудь, въ перевѣсъ тому, что доходитъ до меня изъ матушки Россіи (сообщилъ объ этомъ), а то ничего, никакого свѣдѣнія. Въ полученіи «Отеч. Записокъ» я уже отчаялся — по крайней мѣрѣ, извѣщайте меня сколько-нибудь о ихъ содержаніи. А достигаетъ до меня такая пакость, такая вонь: «Русскій Вѣстникъ» и «Москвитянинъ» — признаюсь, послѣдній для меня пакостнѣе. Одно только немножко порадовало меня, что эти двѣ пакости столь глупы, что не узнаютъ себя другъ въ другѣ и становятся во враждебныя отношенія. Пусть они колотятъ другъ друга и уничтожаются взаимно и нейтрализуются въ одну кучу безвредную и неядовитую, которую выкинутъ на кормъ свиньямъ. Ваше дѣло теперь —стоять отъ нихъ подальше, вести себя какъ можно политичнѣе, издали всѣми средствами подзадоривать ихъ, не давая имъ однако этого замѣчать. Я бы на вашемъ мѣстѣ позволилъ себѣ пускаться на всякія маккіавелистическія хитрости и тонкости, потому что уничтоженіе этихъ м........ъ—богоугодное дѣло; къ тому же и выгода не малая—руки ваши останутся чистыми, листки «Отеч. Записокъ» не забрызганы золотомъ; какое благородно-ироническое наслажденіе видѣть, какъ гнусность раздваивается, вступаетъ сама съ собою въ борьбу и сама себя уничтожаетъ. Я бы непремѣнно всякими продѣлками подуськивалъ Шевырева на Греча, Погодина на Булгарина, а эти достойные рыцари навѣрное не останутся въ долгу. Славно было бы—пользуйтесь обстоятельствами. Что вывезли-то съ собою изъ Европы наши н.....и. Ей Богу! старые руссопеты, посланные царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ къ флорен-

тинскому двору, при всей своей глупости и апатіи, смотрѣли на вещи умнѣе и человѣчнѣе, чѣмъ эти твари, эти с....., эти п.....ы по сердцу и изъ видовъ. Не вступая съ ними ни въ какіе споры, чтобы не осквернить себя, а главное, не профанировать дѣла, надо же однако дѣлать отводъ этому гнусному руссопетскому направленію, и тѣмъ, по крайней мѣрѣ, въ комъ есть жизнь, показывать, что въ Европѣ жизнь не сохнетъ и не гніетъ и что въ русскомъ народѣ понимаютъ руссопёты только ж... его, въ которой живутъ, движутся и суть».

Съ этимъ ставитъ Катковъ въ связь тѣ свѣдѣнія, которыя онъ сообщаетъ о берлинской жизни.

Онъ умолкаетъ на время. До конца марта 1842 года, т. е. въ теченіе десяти мѣсяцевъ, нѣтъ его писемъ къ Краевскому. Чѣмъ жилъ онъ въ теченіе этихъ мѣсяцевъ, какія занятія себѣ пріискалъ?—неизвѣстно. Были повидимому долги, потому что когда Краевскій прислалъ къ нему въ мартѣ 1842 года черезъ Панаева и Языкова нѣкоторую лепту, вѣроятно извѣстившись отъ нихъ о его бѣдственномъ положеніи, то этихъ денегъ, по словамъ Каткова, хватило только на покрытіе долговъ.

Свое предположеніе перевести введеніе въ эстетику Гегеля для «Отечественныхъ Записокъ» Катковъ не привелъ въ исполненіе. Не могъ онъ заниматься, какъ писалъ впослѣдствіи Краевскому, потому что сначала лечился въ водолечебномъ заведеніи (это было, очевидно, лѣтомъ 1842 г.), а потомъ сталъ слушать лекціи Шеллинга.

Но должно быть нашелъ же онъ какія нибудь средства въ жизни, такъ какъ, отъѣзжая на воды со 100 рублями въ карманѣ, нельзя было съ ними прожить до марта 1843 года, даже дѣлая долги. Между тѣмъ для «Отечественныхъ Записокъ» онъ въ это время ровно ничего не писалъ. Вѣдь даже переводы рѣчей Шеллинга, помѣщенные въ этомъ журналѣ (1842 г. т. XX и 1843 г. т. XXII), были повидимому не имъ сдѣланы. Неизвѣстно даже, какъ проводилъ онъ лѣтнее время отъ мая мѣсяца до начала ноября, когда сталъ читать лекціи Шеллингъ. Все это время не могло быть употреблено имъ исключительно на леченіе, которое,

по первоначальному его заявленію должно было начаться никакъ не позже іюня. 21 мая онъ писалъ Краевскому: «буду завтра утромъ укладываться, потомъ дѣлать прощальные визиты, а тамъ прощай Берлинъ городокъ — Москвы уголокъ». Одно только не подлежитъ сомнѣнію, что онъ долженъ былъ жестоко бѣдствовать. Недаромъ въ 1842 году онъ такъ описывалъ свое положеніе заграницей. «Боже мой, сколько я вытерпѣлъ лишеній, униженій, оскорбленій!»

За то была обильная духовная пища. На второй годъ пребыванія Каткова въ Берлинѣ появился тамъ Шеллингъ во всемъ блескѣ философа, призваннаго правительствомъ для возстановленія религіознаго и нравственнаго просвѣщенія.

Бросимъ взглядъ назадъ, постараемся выяснить положеніе Шеллинга въ тогдашней нѣмецкой философіи [1]). Еще тридцать лѣтъ назадъ, когда не было помину о гегелевской философіи, противъ Шеллинга стали раздаваться съ разныхъ сторонъ (напр. отъ Ешенмайера) упреки, что его философія, истолковывая міръ, не объясняетъ религіозной жизни.

Шеллингъ тогда же принялся за созданіе такъ называемой положительной своей философіи, которой натуральная философія противополагалась, какъ отрицательная. Первая объясняла сущность божества, вторая—явленія міра.

Развитіе понятія божества въ человѣческомъ сознаніи понималось Шеллингомъ, какъ самооткровеніе, пробужденіе въ человѣчествѣ великаго начала, лежащаго въ основаніи всей природы. Божество, такъ сказать, смотритъ на себя глазами своихъ поклонниковъ. Познаніе человѣчествомъ божества совершается различно во время двухъ періодовъ: миѳологическаго, когда божество представляется

---

[1]) Объ этомъ см. Kuno Fischer-Geschichte der neuern Philosophie 1872, 6, Band 1 Buch.

людямъ въ видѣ естественнаго процесса, и христіанскаго, когда божество является вполнѣ очевиднымъ въ откровеніи. Отсюда двѣ части положительной философіи—философія миѳологіи и философія откровенія. Своему ученію Шеллингъ отвелъ, понятно, высшее мѣсто во всемъ этомъ процессѣ самопознанія божества,—какъ сознанію самооткровенія.

Затѣмъ, Шеллингъ освѣщалъ своею философіею и будущую жизнь людей. Какъ въ жизни божества признавалъ онъ различные періоды или потенціи, такъ и въ человѣческомъ существованіи. Сущность человѣческой личности не проявляется еще во всей своей дѣйствительности во время земной жизни. Эта жизнь есть только слабое развитіе, слабая потенція истиннаго *я;* въ ней не проявляется вполнѣ настоящій характеръ человѣка, его стремленія и способность къ хорошему или дурному. Умирая, мы переходимъ на высшую точку развитія; бренность нашего существа прекращается, личность попадаетъ въ истинную свою стихію и пріобрѣтаетъ сконцентрированную силу, которая выражается у хорошихъ людей въ блаженствѣ, у дурныхъ—въ страданіяхъ ада.

Противъ этой философіи возсталъ еще въ 1811 году Якоби, но Шеллингу удалось одержать надъ нимъ побѣду. Онъ обѣщалъ во время своей полемики новыя творенія, въ которыхъ философія откровенія была бы окончательно обоснована и блистательно доказана. Но проходили годы, а Шеллингъ не печаталъ ни строчки. Онъ бралъ изъ типографіи назадъ все, что давалъ въ наборъ для печатанія. Молчаніе роняло его авторитетъ. Къ тому же и профессорская его дѣятельность пришла въ упадокъ. Съ 1806 по 1827 годъ онъ почти не читалъ лекцій. Въ 1827 году, онъ опять вступилъ на каѳедру въ Мюнхенъ; то, что онъ прочиталъ тогда, вошло въ составъ его сочиненій подъ именемъ положительной философіи.

Но время не ждало. Свободная критика всѣхъ началъ

человѣческой жизни стала развиваться. Послѣ смерти Гегеля въ 1831 году она особенно распространилась. Изъ лѣваго лагеря гегеленіанцевъ стали выходить такіе отпрыски, какъ Штраусъ, Л. Фейербахъ, Бруно Бауеръ. Въ глазахъ Шеллинга, Гегель, его философскій соперникъ, былъ уже великимъ нечестивцемъ, совершившимъ плагіатъ его философіи и исказившимъ ее,—тѣмъ болѣе такіе его послѣдователи. Не мудрено, что Шеллингъ считалъ призваніемъ жизни бороться за истинный разумъ философіи и знанія противъ отрицателей.

Это побудило его принять предложеніе прусскаго правительства. Появленіе въ Берлинскомъ университетѣ Шеллинга на той самой каѳедрѣ, на которой когда-то блисталъ Гегель, обратило на себя вниманіе всей Германіи. Въ Шеллингѣ, достигшемъ уже тогда 66-лѣтняго возраста, соотечественники чтили послѣдняго, оставшагося въ живыхъ, представителя блистательной плеяды великихъ учениковъ Канта. Что онъ скажетъ?—было на языкѣ у всѣхъ.

Философскій противникъ Шеллингова ученія, Вердеръ высказалъ въ упомянутой выше прощальной лекціи слѣдующій привѣтъ ожидавшемуся пріѣзду маститаго философа:

«Шеллингъ прибудетъ къ намъ. Онъ будетъ здѣсь скоро и останется съ нами. Кто не захотѣлъ бы радоваться этому, тотъ доказалъ бы, что не только философія чужда ему, но что и вообще ему не дано органа для великаго и возвышеннаго. Вѣдь въ томъ и заключается благодатное значеніе Шеллингова прибытія къ намъ, что мы снова узримъ человѣка, представляющаго въ лицѣ своемъ высшее проявленіе человѣчества. Ученыя знаменитости далеко не избранники духа. Все это погрузится въ глубокую, холодную тѣнь передъ челомъ—обителью генія, передъ челомъ, которое въ отечествѣ Гегеля предстоитъ намъ только въ Гумбольдтѣ и еще болѣе въ великой женщинѣ: Беттинѣ Арнимъ, посвятившей студентамъ свою Гундероду, свое послѣднее произведеніе, этотъ псалтырь красоты... Такое чело, такая глава явится нами въ Шеллингѣ. И потому съ своей стороны молю я Бога, да продлится вечеръ его жизни...»

Вердеръ напомнилъ студентамъ о рѣзкихъ укорахъ, обращенныхъ Шеллингомъ противъ Гегеля. Онъ признавалъ ихъ несправедливыми. Но какъ бы ни была велика

вина Шеллинга, Вердеръ не допускалъ возможности относиться къ нему иначе, какъ къ личности, отмѣченной изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ перстомъ Провидѣнія.

Такъ говорилось, но въ душѣ гегеліанцы ожидали, что Шеллингъ не оправдаетъ надеждъ и что окончательное паденіе его авторитета выдвинетъ въ еще большемъ блескѣ ученіе, составлявшее ихъ философское убѣжденіе.

3 (15) ноября 1841 года Шеллингъ прочиталъ вступительную лекцію. Онъ говорилъ, что явился, чтобы оказать философіи еще бо̀льшую услугу, чѣмъ прежде. Сорокъ лѣтъ тому назадъ ему удалось открыть новую страницу въ исторіи философіи, страница теперь полна; листъ долженъ быть перевернутъ; онъ долженъ это сдѣлать самъ, такъ какъ это дѣло призванія. Философія была его ангеломъ-хранителемъ, онъ не имѣетъ права отступить отъ нея въ минуту, когда заходитъ вопросъ о всемъ ея назначеніи. Борьба между религіей и философіей обострилась; съ обѣихъ сторонъ считаютъ эту борьбу непримиримой. Онъ явился устранить это недоразумѣніе. Не для того, чтобы поднять себя надъ другими, пришелъ онъ, а чтобы исполнить задачу своей жизни до конца, не для того, чтобы наносить раны, а чтобы излечивать ихъ, не чтобы нападать, а примирять. Онъ является въ потрясенную среду вѣстникомъ мира; вмѣсто разрушенія, ставитъ онъ задачею построить твердыню, въ которой философія могла бы жить въ безопасности. Ничто не должно погибнуть изъ того, что пріобрѣлъ Кантъ, что онъ самъ открылъ и обнаружилъ. «Неужели продолжительное, полное славы философское движеніе въ Германіи должно кончиться крушеніемъ, разрушеніемъ всѣхъ великихъ началъ и самой философіи? Никогда! Такъ какъ я сынъ своей родины, такъ какъ горе и печаль, благо и счастье Германіи наполняютъ мое сердце и заставляютъ его трепетать сочувствіемъ, то я появился здѣсь — я убѣжденъ, что спасеніе Германіи можетъ дать только наука». Такъ заключилъ Шеллингъ свою лекцію.

Не на всѣхъ лекціи Шеллинга производили одинаковое дѣйствіе. Поворота въ философіи онъ не сдѣлалъ и новаго ничего не сказалъ. Но были, конечно, люди, горячо откликнувшіеся на это ученіе. На религіозную, стремившуюся къ внутреннему единству душу Каткова, лекціи Шеллинга должны были произвести глубокое впечатлѣніе. Мистическая сторона ученія не отталкивала, а привлекала его. Первый семестръ послѣ вступленія, Шеллингъ нарочно читалъ философію откровенія; потомъ, лѣтомъ 1842 года, философію миѳологіи. Эти два курса прослушалъ Катковъ. Приливъ студентовъ на первый семестръ былъ необыкновенно великъ. Но знаменіе времени—на второй семестръ осталась только десятая часть слушателей.

Послѣ заключенія перваго курса философіи откровенія, студенты устроили, въ мартѣ мѣсяцѣ 1842 года, торжественный факельцугъ въ честь философа. Послѣдній отвѣчалъ имъ рѣчью, въ которой признавалъ за собой заслугу сообщенія студентамъ философіи, которая просуществуетъ дольше, чѣмъ скоропреходящія отношенія между профессоромъ и слушателями, которая можетъ выдержать свѣжій воздухъ и ясный свѣтъ дня. Дѣйствительно, Шеллингъ былъ самъ искренно вѣрующимъ человѣкомъ и въ этомъ-то и заключался источникъ впечатлѣнія, которое онъ могъ производить. Онъ заявилъ далѣе студентамъ, что онъ открылъ имъ истинную сущность вещей во всей правдѣ и подробности, что онъ не поступилъ, какъ лукавый въ евангельской притчѣ, подавшій вмѣсто хлѣба, который у него просили голодающіе, камень и увѣрявшій ихъ, что это хлѣбъ! Послѣднее было намекомъ на гегелевскую философію, которую Шеллингъ понималъ именно въ такомъ смыслѣ.

По поводу упомянутаго факельцуга Катковъ вспомнилъ, разсказывая въ передовой статьѣ «Московскихъ Вѣдомостей» за 1870 годъ о своемъ знакомствѣ съ Бакунинымъ, странное участіе послѣдняго въ этомъ факельцугѣ. Бакунинъ продолжалъ въ то время слушать лекціи профессора Вер-

дера. Едва ли справедливо сдѣланное въ этой статьѣ заявленіе Каткова, что его недругъ подъ предлогомъ занятій философіей предавался абсолютной праздности, ибо Бакунинъ писалъ разнаго рода статьи, и самъ-же Катковъ замѣчалъ, что онъ озадачивалъ добродушнаго профессора развязностью въ гегелевской терминологіи, на что нужны, конечно, знанія. Но перейдемъ къ факельцугу.

«Бакунинъ, разсказывалъ Катковъ, запечатлѣлся въ нашей памяти подъ весьма характеристическимъ образомъ. Однажды, въ честь одного знаменитаго профессора, студенты устроили факельную процессію. Множество молодыхъ людей собрались предъ домомъ юбиляра, и когда почтенный старецъ вышелъ на балконъ своего дома благодарить за сдѣланную ему овацію, раздалось громогласное hoch, и всѣхъ пронзительнѣе зазвенѣлъ у самыхъ ушей нашихъ знакомый голосъ: то былъ Бакунинъ. Черты лица его исчезли: вмѣсто лица былъ одинъ огромный разинутый ротъ. Онъ кричалъ всѣхъ громче и суетился всѣхъ болѣе, хотя предметъ торжества былъ ему совершенно чуждъ, и профессора онъ не зналъ и на лекціяхъ его не бывалъ!»

Катковъ могъ бы прибавить, что, занимаясь гегелевской философіей, Бакунинъ всего менѣе долженъ былъ бы сочувствовать чествованіямъ, которые устраивались противнику этой философіи. Въ томъ же году онъ окончательно перешелъ въ лагерь крайнихъ новогегеліанцевъ, написалъ статью, которую одобрилъ Арнольдъ Руге, даже сблизился съ послѣднимъ, разошедшись окончательно съ державшимся примирительнаго направленія Вердеромъ. А все-таки Бакунинъ кричалъ: vivat Шеллингу! Въ этой безпорядочной, стихійной натурѣ наталкиваешься на неисчерпаемую бездну противорѣчій и странныхъ недоразумѣній.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1842 года Краевскій послалъ опять черезъ Панаева и Языкова денежную посылочку Каткову, который упоминаетъ о ней въ письмѣ къ Краевскому отъ 30 марта. Онъ жалуется на то, что Краевскій не написалъ ему письма.

«Вы отодвинулись отъ меня въ миѳическую даль—пишетъ онъ; не говоря уже о Бѣлинскимъ, который представляется мнѣ теперь въ доисторическихъ формахъ».

Онъ интересуется, какого направленія держится Краевскій въ своемъ журналѣ, какую политику принялъ онъ противъ супостатовъ (т. е. Греча, Булгарина, Шевырева и Погодина).

«Теперь семестръ конченъ, наступаетъ весна—мнѣ становится trüb zu Muthe, невольно и часто гляжу на востокъ, на сѣверо-востокъ, туда къ вамъ. Увы! намъ придется скоро свидѣться (не примите этого въ дурномъ смыслѣ). Я это чувствую. Терпѣніе мое истощается, борьба съ нищетой утомила меня. Боже, сколько я вытерпѣлъ, сколько лишеній, униженій, оскорбленій!.. Не знаю даже, какъ уѣхать назадъ. Ахъ, деньги—дьявольское изобрѣтеніе—сколько, сколько зависитъ отъ нихъ. Иногда находятъ на меня минуты такого отчаянія, что нужна вся сила воли, вся помощь образованія, чтобы не увѣнчать комедіи худымъ концомъ. Я урѣзалъ всѣ мои планы, разогналъ всѣ фантазерскія стремленія—и теперь, какъ величайшей милости, ожидаю отъ судьбы возможности добыть какъ нибудь это лѣто въ Берлинѣ. Только этого теперь, только—хотѣлъ бы я, а потомъ, будь со мною, что хочетъ, тогда я былъ бы готовъ на все и возвратился бы такъ ли, сякъ-ли во-свояси».

Катковъ проситъ опять у Краевскаго денегъ для этой цѣли и заявляетъ, что вѣроятно въ половинѣ августа лично принесетъ ему свою благодарность за это. Онъ проситъ работы и жалуется, что Языковъ весьма глухо пишетъ объ извлеченіяхъ изъ какого нибудь историческаго сочиненія. Нельзя ли указать, какое именно сочиненіе отвѣчаетъ этой цѣли или, по крайней мѣрѣ, въ какомъ родѣ? Что стоитъ à l'ordre du jour въ журналѣ? Онъ сообщаетъ, что въ Берлинѣ образовалось общество ученыхъ для публичныхъ лекцій; каждый профессоръ, самымъ популярнымъ образомъ (и иногда очень удачно), характеризуетъ предметъ своей науки или излагаетъ какую нибудь существенную статью ея—и это въ одной лекціи, которая можетъ составить ловкую и прекрасную статью для журнала. Онъ предлагаетъ доставить еще что нибудь изъ лекцій Шеллинга, которыя записывалъ и составлялъ самъ, насколько можно аккуратнѣе, пользуясь при этомъ тетрадями самыхъ борзыхъ скорописцевъ. Сознаваясь, что предметъ ихъ не годится для русскаго журнала, онъ надѣется извлечь что нибудь для

этой цѣли изъ философіи миѳологіи, которую Шеллингъ долженъ былъ читать лѣтомъ. Въ зимнемъ семестрѣ философъ, какъ сообщаетъ Катковъ, успѣлъ прочитать только очерки этой философіи. Этотъ очеркъ и все остальное, т. е. философію откровенія—Катковъ признаетъ глубочайшимъ изъ всего, что онъ знаетъ.

Изъ воспоминаній Боденштета о Катковѣ видно, что послѣдній былъ принятъ въ домѣ Шеллинга, такъ что вліяніе философіи подкрѣпилось обаяніемъ личнаго знакомства. Катковъ любилъ вспоминать о прелестной дочери Шеллинга, вышедшей потомъ замужъ за барона Зеха («Р. Стар.» 1887 г., № 5).

Упомянутое письмо къ Краевскому заканчивается просьбой не медлить отвѣтомъ. Указывается, что отъ этого лѣтняго семестра зависитъ весь смыслъ заграничной поѣздки Каткова, возможность свести добытыя знанія къ общему знаменателю и оріентироваться, чтобы послѣ быть полезнымъ на что нибудь.

«Что Бѣлинскій? спрашиваетъ Катковъ; лучше ли ему сколько-нибудь?» Онъ проситъ передать Языкову и Панаеву благодарственный поклонъ и обѣщается писать имъ; узнаетъ о Клюшниковѣ, которому также намѣревается отправить письмо.

29 іюня Катковъ извѣщаетъ Краевскаго о полученіи денежной посылки и извиняется за промедленіе благодарственнаго на это отвѣта. Недѣльки двѣ полѣнился онъ по привычкѣ русскаго человѣка, а потомъ заболѣлъ, такъ что съ трудомъ даже могъ приняться за слушаніе лекцій. О болѣзни онъ проситъ Краевскаго не передавать его роднымъ, чтобы они Богъ знаетъ чего не подумали. По поводу одобрительнаго отвѣта Краевскаго на предложеніе написать для журнала что нибудь изъ шеллинговскихъ лекцій, Катковъ извѣщаетъ, что онъ не только не забылъ объ этомъ, но даже кое-что уже написалъ, но не послалъ и не посылаетъ изъ-за боязни... Онъ жалуется, что отвыкъ

отъ литературныхъ и цензурныхъ отношеній; пожалуй, красныя (цензурныя) чернила польются рѣкой или даже статья совсѣмъ будетъ запрещена, тогда какъ, можетъ быть, то же могло бы пройдти иначе сказанное съ помощью инаго слова или другаго оборота рѣчи. Лучше привезти работу самому...

Катковъ высказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе поступить на правительственную службу. Повидимому, нужда вызвала это рѣшеніе. Вмѣсто того, чтобы вернуться изъ заграницы съ готовой диссертаціей, онъ долженъ былъ явиться на родину съ пустыми руками и опять приняться за работу. Вотъ что пишетъ онъ о своемъ новомъ рѣшеніи:

«Теперь надо мнѣ серьезно подумать о своемъ общественномъ положеніи. По всему кажется, что мнѣ придется оставаться въ Питерѣ и искать себѣ мѣста, приличнаго кандидату, выпущенному съ отличіемъ,, и полумагистру (не забывая однако диссертаціи, вслѣдствіе коей я долженъ стать полнымъ). Удастся-ли мнѣ найти порядочное мѣсто, сколько нибудь согласное съ моими занятіями и интересами? Какъ прежде казалось бы мнѣ это легко, такъ теперь, когда я попрохладился и порастратился мечтами, кажется труднымъ. Maximum моей амбиціи—попасть къ какому нибудь тузу или тузику въ особыя порученія, чтобы имѣть, между прочимъ, случай ѣздить по Руси, — ибо это будетъ согласоваться съ моими занятіями, по крайней мѣрѣ, съ одною стороною. Но это я причисляю къ числу мечтаній, къ остаткамъ прежняго бреда. Но объ этомъ при личномъ свиданіи».

Катковъ проситъ еще денегъ въ счетъ будущихъ трудовъ въ размѣрѣ 300 рублей на выѣздъ изъ заграницы, обѣщаясь покрыть долгъ вскорѣ послѣ пріѣзда. Онъ заявляетъ, что время его возвращенія стоитъ въ полной зависимости отъ полученія этихъ средствъ. Письмо оканчивается просьбой передать благодарность Бѣлинскому за письмо, которое Катковъ характеризуетъ, какъ маленькое и очень маленькое разсужденьице на тему: всѣ люди—смертны, мы—люди, ergo мы смертны. «Гдѣ Боткинъ?—спрашиваетъ еще Катковъ; объ немъ до меня ни слуху, ни духу».

Какъ возвратился Катковъ и когда, на это нѣтъ указаній въ перепискѣ, но надо думать, что въ концѣ 1842 года. Это слѣдуетъ, какъ кажется, вывести изъ того, что уже

въ началѣ 1843 года появилась въ «Отечественныхъ Запискахъ» статья о шеллинговой философіи (1843 годъ, т. XXVI). Хотя статья эта не принадлежала перу Каткова, а была написана Боткинымъ, но вѣроятно редакція все-таки ожидала сначала катковской статьи, а уже потомъ, не сошедшись съ нимъ во взглядѣ на упомянутую философію, обратилась къ Боткину. Такимъ образомъ, редакція не воспользовалась въ этомъ отношеніи, какъ она даже обѣщала публикѣ («Отечественныя Записки» 1843 годъ, т. XXII), свѣдѣніями отъ своего бывшаго берлинскаго корреспондента.

Статья Боткина написана въ противоположномъ тонѣ, чѣмъ тотъ, въ которомъ могъ бы составить ее Катковъ. Въ ней говорилось, что Шеллингъ, приглашенный съ большимъ торжествомъ, не оправдалъ своего обѣщанія побѣдить противниковъ, что вмѣсто новой философіи, онъ, оставивъ путь чистой мысли, погрузился въ миѳологическія и гностическія фантазіи, давно уже всѣмъ извѣстныя по его прежнимъ чтеніямъ...

Бывшіе пріятели Каткова увлекались совсѣмъ другимъ, чѣмъ онъ. Грановскій въ письмѣ къ Бѣлинскому рекомендовалъ ему въ 1842 году знакомиться съ Leroux посредствомъ чтенія Encyclopédie nouvelle. Въ томъ же письмѣ Грановскій предостерегалъ Бѣлинскаго: «смотри, братъ, не поддайся берлинской философіи, которую собирается привезти къ вамъ Катковъ». Самъ Катковъ извѣстилъ Бѣлинскаго о томъ впечатлѣніи, которое произвела на него философія Шеллинга. По его словамъ, она была глубже всего, что только есть на свѣтѣ. «Бѣдный Гегель!» — замѣчаетъ по этому поводу иронически Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину отъ 20 апрѣля 1842 года.

Встрѣча Каткова съ Бѣлинскимъ была враждебна. На этотъ разъ Бѣлинскій не поддался въ плѣнъ, но зато впалъ въ другую крайность. Отзывъ его о Катковѣ не только жёстокъ, но жестòкъ. Когда одни идутъ впередъ, въ отри-

цательномъ направленіи, то, съ ихъ точки зрѣнія, нѣтъ большаго преступленія, чѣмъ отставать отъ теченья. Бѣлинскій отрекся отъ прежней дружбы, незаслуженно заклеймилъ новое философское увлеченіе Каткова названіемъ хлестаковщины, какъ будто можно хвалиться для рисовки тѣмъ, что уже вышло изъ моды.

Бѣлинскій такъ описываетъ свое впечатлѣніе отъ свиданья въ письмѣ къ Боткину отъ 6 февраля 1843 года: «К. ты видѣлъ. Я тоже видѣлъ. Знатный субъектъ для психологическихъ наблюденій. Это Хлестаковъ въ нѣмецкомъ вкусѣ. Я теперь понялъ, отчего во время самаго разгара моей мнимой къ нему дружбы, меня дико поражали его зеленые, стеклянные глаза. Ты нѣкогда недостойнымъ участіемъ къ нему жестоко погрѣшилъ противъ истины; но честь и слава тебѣ, ты же хорошо и поправился, ты постигъ его натуру, попалъ ему въ самое сердце. Этотъ человѣкъ не измѣнился, а только сталъ самимъ собой... Мы всѣ славно повели себя съ нимъ — онъ было вошелъ на ходуляхъ, но наша полная презрѣнія холодность заставила его сойти съ нихъ».

Выходитъ такъ, что развитіе критическаго отношенія къ жизни есть доблесть, а укрѣпленіе въ примирительномъ настроеніи къ ней есть, напротивъ, дурной поступокъ. А искренна или неискренна усвоенная точка зрѣнія, это не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Впрочемъ, Бѣлинскій самъ высказывалъ тогда: «для меня теперь человѣкъ ничто; убѣжденіе человѣка все. Убѣжденіе одно можетъ теперь и раздѣлять, и соединять меня съ людьми».

На ряду съ осужденіемъ Каткова, встрѣчаемъ въ перепискѣ Бѣлинскаго похвальный аттестатъ Бакунину, съ которымъ онъ даже вновь завязалъ отношенія.

«До меня дошли хорошіе слухи о М.—пишетъ Бѣлинскій 7 ноября 1842 года—и я—написалъ къ нему письмо!! Не удивляйтесь: отъ меня все можетъ статься... Странно: мы, я и М., искали Бога по разнымъ путямъ — и сошлись въ одномъ храмѣ. Я знаю, что онъ разошелся съ Вердеромъ, знаю, что онъ принадлежитъ къ лѣвой

сторонѣ гегеліанизма, знакомъ съ R.[1]) и понимаетъ жалкаго, заживо умершаго романтика Шеллинга. М. во многомъ виноватъ и грѣшенъ; но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки—это вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа».

Катковъ сталъ дѣятельно хлопотать въ Петербургѣ объ опредѣленіи на какую-либо штатную должность. Онъ предполагалъ служить въ Петербургѣ и тамъ сотрудничать въ журналѣ Краевскаго. Но планъ этотъ не удался.

Въ письмѣ отъ 17 марта 1843 года Катковъ пишетъ изъ Москвы:

«Вы вѣроятно по старой памяти почитаете меня сорванцемъ, которое нынче скажетъ то, а завтра задумываетъ другое съ тѣмъ, чтобы послѣзавтра думать уже о третьемъ. По плану, который въ Питерѣ предначертали мнѣ обстоятельства, ну и я самъ тоже, хотя обстоятельства не всегда нуждаются во мнѣ и по бóльшей части любятъ распоряжаться безъ моего содѣйствія; итакъ, по прежнему плану, я долженъ былъ бы теперь уже присутствовать на берегахъ Невы мирнымъ чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Но здѣсь уже, въ полномъ смыслѣ, не спросясь меня, распоряжаются обстоятельства. По условію съ Милютинымъ, я долженъ былъ писать къ нему объ окончательномъ рѣшеніи вступить въ службу, а онъ отвѣчать мнѣ: благо, сыне, рѣшеніе твое; возстань и пріиди къ такому-то сроку. Я писалъ, но отвѣта нѣтъ, а прошелъ уже почти мѣсяцъ, какъ ему подобало послѣдовать. Отсюда почитаю себя въ правѣ заключать, что Милютинъ нашелъ нужнымъ воротить свое слово и обойтись безъ меня; но зачѣмъ же и такого отрицательнаго отвѣта не хочетъ онъ дать мнѣ? Я долженъ прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ и если не такъ, то иначе устраивать дѣла свои. Если васъ не затруднитъ, любезный Андрей Александровичъ, справиться объ этомъ и извѣстить меня въ наискорѣйшемъ времени,—то вы крайне обяжете меня. Я нахожусь въ положеніи критическомъ, тяжесть котораго чувствуется не однимъ мною, но и семействомъ моимъ: моей старой матерью, моимъ братомъ, еще связаннымъ студенчествомъ. Еще разъ повторяю мою просьбу и замѣчаю, что польза отъ исполненія ея будетъ зависѣть отъ елико возможной скорости. Къ несчастью, все время въ Москвѣ былъ я очень плохъ здоровьемъ, простудился и сидѣлъ больше дома. Чуть-чуть не слегъ, теперь начинаю поправляться здоровьемъ и пью Bitter-Wasser. На это время трудно было бы мнѣ служить чѣмъ нибудь вашему журналу, потомъ, когда устроюсь совсѣмъ — тѣлесно и общественно—сдѣлаю визитъ

---

[1]) Вѣроятно, Арнольдомъ Руге.

станкамъ его, если буду угоденъ ему такъ, какъ было прежде и если, впрочемъ, онъ позволитъ мнѣ явиться не въ тѣхъ аппартаментахъ, гдѣ бывалъ прежде, а въ другихъ, и именно въ отдѣлѣ наукъ».

Въ заключеніе, Катковъ проситъ передать поклонъ Бѣлинскому, Языкову и Панаеву. Какъ видно, внѣшняго разрыва въ отношеніяхъ между друзьями не произошло; но со времени вышеупомянутаго отзыва о Катковѣ имя его не встрѣчается болѣе въ перепискѣ Бѣлинскаго, такъ что нельзя даже судить, приходилось ли имъ послѣ этого видѣться. Понятно, разрывъ съ Бѣлинскимъ не могъ еще повлечь за собой для Каткова ссоры съ Языковымъ, Панаевымъ и Краевскимъ. Языковъ, какъ извѣстно, сдѣлался славянофиломъ; Панаевъ былъ чуждъ всякихъ общественно-политическихъ увлеченій. Но въ воспоминаніяхъ Панаева также о Катковѣ болѣе не говорится, а близости къ московскимъ славянофиламъ у Каткова не было. Такимъ образомъ, кружокъ пріятелей юности окончательно разошелся—и прошлое поросло забвеніемъ...

Съ этихъ поръ Катковъ стоитъ особнякомъ въ своемъ развитіи. Онъ не присоединялся ни къ одному изъ господствующихъ теченій. Но конечно, изъ двухъ крайностей онъ до начала своей публицистической дѣятельности былъ, какъ надо думать, ближе по духу къ западникамъ, чѣмъ къ славянофиламъ, хотя ему была противна отрицательная струя, все сильнѣе и сильнѣе овладѣвавшая первыми. Всего болѣе ненавистнымъ было ему, во всякомъ случаѣ, направленіе оффиціальной народности: онъ осуждалъ его, какъ видно изъ переписки съ Краевскимъ, и послѣ того, какъ проникся философіей Шеллинга. Когда Катковъ напечаталъ въ «Пропилеяхъ» свое изслѣдованіе о древней греческой философіи, то неблагопріятный, хотя и сдержанный, отзывъ объ этомъ трудѣ появился въ «Москвитянинѣ», (1854 г. № 10); напротивъ, «Отечественныя Записки» отнеслись къ нему съ похвалой (1854 г., мартъ).

Его разладъ съ кружкомъ Бѣлинскаго выразился рельеф-

но не только въ результатахъ философскаго мышленія, но даже и въ умственныхъ интересахъ развитія. Тогда какъ Бѣлинскій и его новые друзья интересовались новыми вѣяніями общественной мысли на Западѣ, Катковъ съ этихъ поръ до начала издательской дѣятельности погрузился весь въ міръ филологіи, исторіи, классической древности и античной философіи. Научныя занятія этими предметами несомнѣнно отдаляютъ мысль отъ вопросовъ практической жизни и устремляютъ ее въ область чисто духовной жизни. На этой почвѣ Катковъ сблизился съ Леонтьевымъ, профессоромъ древней исторіи въ московскомъ университетѣ.

Изъ друзей-же молодости Катковъ сохранилъ наиболѣе близкія отношенія къ Кудрявцеву, который также, какъ и оба друга, занимался исторіей античной культуры. Отношенія Грановскаго къ Каткову, какъ мы увидимъ ниже, были таковы, что, цѣня въ немъ ученость и знанія, онъ повидимому отвергалъ компетентность Каткова для публицистическаго поприща.

Факты внѣшней жизни Каткова съ этой поры не особенно многосложны. Онъ вскорѣ очутился у пристани. Попечитель московскаго учебнаго округа графъ Строгановъ, обратившій вниманіе на Каткова еще когда тотъ былъ студентомъ, принялъ въ немъ участіе. Онъ уговорилъ его пойдти по ученому поприщу. Катковъ сталъ писать магистерскую диссертацію. Такъ какъ его литературныя занятія въ «Отечественныхъ Запискахъ» прекратились, то онъ находилъ въ то время подспорье для матеріальнаго существованія въ урокахъ, которые, какъ сообщаютъ [1]), онъ давалъ въ ту пору въ семействѣ князя Голицына, владѣльца Никольскаго вблизи Москвы.

Въ 1845 году Катковъ публично защищалъ диссертацію, напечатанную подъ заглавіемъ: «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка». Изслѣдованіе это напи-

---

[1]) М. Н. Катковъ, Любимова; «Русск. Вѣстн.» 1888 г., № 1.

сано по историко-сравнительному методу и имѣло цѣлью выясненіе основъ, изъ которыхъ развились формы русскаго языка. Предоставляя оцѣнку его спеціалистамъ, замѣтимъ, что въ числѣ тезисовъ его высказано, между прочимъ, сомнѣніе въ законности, на основаніи существовавшихъ въ то время данныхъ, раздѣленія славянскихъ племенъ и нарѣчій на извѣстныя двѣ вѣтви: сѣверо-западную и юго-восточную. Катковъ сопоставляетъ формы русской рѣчи не только съ славянскими языками, но и съ діалектами чужеродныхъ племенъ, разбросанныхъ по славянскому міру. Такъ, въ изслѣдованіи этомъ указывается на рядъ созвучныхъ словъ, существующихъ въ латышскомъ и русскомъ языкахъ: leepa—липа, wârit—варить, sweers—звѣрь, seens—сѣно и т. п. Совпаденіе это объясняется заимствованіемъ у насъ. Не доказываетъ-ли это, что несмотря на водвореніе въ краѣ остзейскихъ рыцарей, мѣстныя племена не были чужды руссофикаціи, какъ это нерѣдко удостовѣряется нѣмецкими публицистами?

Въ 1845 году Катковъ опредѣленъ былъ въ московскій университетъ адъюнктомъ по каѳедрѣ философіи. Онъ преподавалъ до новаго положенія 1850 года, въ силу котораго каѳедра эта предоставлена была профессору богословія.

О томъ, каковы были лекціи, которыя Катковъ читалъ въ университетѣ, сохранилось мало свѣдѣній. При характеризовавшей его любви къ обработкѣ слога, нельзя сомнѣваться, что онъ долженъ былъ весьма тщательно ихъ отдѣлывать относительно внѣшней формы. На это указываютъ лица, слушавшія эти лекціи. Но даромъ устнаго изложенія Катковъ не отличался. Способность къ нему рѣдко соединяется съ литературнымъ талантомъ; чѣмъ болѣе человѣкъ втягивается въ письменную обработку мысли, тѣмъ болѣе онъ отдаляется отъ быстрой и интуитивной передачи ихъ живымъ словомъ. По свидѣтельству современниковъ, лекціи Каткова не отличались

и популярностью изложенія. «Чтенія Каткова, вспоминаетъ Любимовъ, производили большое впечатлѣніе философскою глубиною изложенія, но большинству едва ли были доступны». Это слѣдуетъ вѣроятно отнести къ свойству самаго предмета, а не къ особенностямъ отношенія къ нему лектора.

Съ прекращеніемъ философскаго курса, Катковъ оставался нѣкоторое время адъюнктомъ университета безъ каѳедры, а затѣмъ получилъ въ 1851 году завѣдываніе редакціею «Московскихъ Вѣдомостей» съ назначеніемъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія. Такимъ извилистымъ путемъ судьба привела его, наконецъ, къ дѣйствительному его призванію—публицистическому слову [1]). Но пока онъ не могъ вести его свободно; онъ былъ наемникомъ. Насколько зависѣло отъ Каткова, онъ оживилъ казенную газету. Въ ней стали принимать участіе московскіе профессора; былъ заведенъ постоянный литературный отдѣлъ.

Матеріальная сторона тогдашняго положенія Каткова представлялась весьма скромной. Онъ получалъ 2000 р. содержанія съ прибавкой по четвертаку съ подписчика. Была еще у него казенная квартира въ домѣ университетской типографіи.

Нѣкоторыя свѣдѣнія объ изданіи «Московскихъ Вѣдомостей» подъ руководствомъ Каткова можно почерпнуть изъ объяснительной записки, поданной имъ въ опроверженіе заявленія университетскаго правленія, отвергавшаго въ 1855 году цѣлесообразность предоставленія ему права выпускать свой органъ. Совѣтъ не отрицалъ заслугъ Каткова по улучшенію газеты, но замѣчалъ, что уже въ

---

[1]) Н. А. Любимовъ сообщаетъ, что излишнее увлеченіе талантами танцовщицы Фанни Эльслеръ, на проводахъ которой предшественникъ Каткова сѣлъ на козлы кареты, было причиною его смѣщенія и очистило путь Каткову («Русскій Вѣстникъ» 1888 г. № 1. М. Н. Катковъ, стр. 44).

послѣднее время обнаруживается упадокъ живости и современности направленія въ статьяхъ «Московскихъ Вѣдомостей».

По этому поводу Катковъ отвѣтилъ указаніемъ на увеличеніе при немъ числа подписчиковъ, поднявшагося, несмотря на троекратное возвышеніе подписной цѣны, съ 7,000 на 15,000, на борьбу съ недостаточностью типографскихъ средствъ, на отсутствіе всякой самостоятельности въ распоряженіи возложеннымъ на него дѣломъ [1]).

Благодаря отсутствію излишнихъ матеріальныхъ потребностей и углубленію въ умственныя занятія, Катковъ могъ въ то время считать себя вполнѣ обезпеченнымъ. Онъ женился въ 1851 году на княжнѣ Софьѣ Сергѣевнѣ Шаликовой, дочери небезъизвѣстнаго въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ литератора князя Шаликова, бывшаго когда-то также редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей».

Къ этому времени относится его письмо къ Краевскому, первое послѣ нѣсколькихъ лѣтъ молчанія, въ которомъ онъ, посылая по старой памяти оттискъ новой своей статьи о древней греческой философіи къ редактору «Отеч. Записокъ», рекомендуетъ ему въ то же время, какъ проявленіе новаго литературнаго таланта, повѣсть родственницы своей жены, княжны Натальи Сергѣевны Шаликовой, предлагая напечатать ее въ журналѣ Краевскаго. Письмо это интересно еще тѣмъ, что въ немъ упоминается о желаніи всетаки «опуститься въ Сѣверную Пальмиру». Тонъ письма уже болѣе оффиціальный, чѣмъ прежнихъ писемъ [2]).

---

[1]) «М. Н. Катковъ» Любимова, «Русскій Вѣстникъ», 1888 г., № 2.

[2]) Послѣднія два изъ сохранившихся у А. А. Краевскаго писемъ Каткова относятся къ еще болѣе позднему времени. Одно въ 1862 году—Катковъ приглашаетъ Краевскаго, бывшаго въ то время въ Москвѣ, къ себѣ обѣдать и проситъ привезти съ собой Б. И. Утина, принимавшаго въ то время участіе въ сотрудничествѣ по журналу. Другое помѣчено 28 іюля того-же 1862 года.—Катковъ отказываетъ Краевскому въ разрѣшеніи перепечатать какую-то замѣтку. Онъ говоритъ, что

Въ концѣ сороковыхъ годовъ Катковъ сначала познакомился, а потомъ близко сошелся съ профессоромъ П. М. Леонтьевымъ, вступившимъ въ университетъ весною 1847 года. Между ними постепенно завязалась тѣснѣйшая, идеальная дружба, основанная на полномъ сродствѣ умственныхъ вкусовъ, занятій и убѣжденій. Публицистическое дѣло, начатое впослѣдствіи, велось всегда обоими вмѣстѣ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ вспоминалъ Катковъ о Леонтьевѣ, когда онъ лишился его въ 1875 году.

«Я потерялъ въ немъ часть своего существа и притомъ лучшую. Во мнѣ нѣтъ ничего, что не было бы съ нимъ связано и что не болѣло бы теперь съ его утратой. Въ продолженіи всей зрѣлой поры нашей жизни мы были неразлучны съ нимъ до послѣднихъ тайниковъ мысли и сердечныхъ движеній. Прошло около тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы узнали другъ друга. Симпатическія отношенія установились между нами сразу, и до конца ни на мгновеніе не поколебались. Въ теченіи почти двадцати лѣтъ насъ соединяла совокупная дѣятельность и семнадцать лѣтъ мы жили, почти неразставаясь, подъ однимъ кровомъ. Между нами не было никакой розни. Мысль, возникавшая въ одномъ, непосредственно продолжала дѣйствовать и зрѣть въ другомъ. Онъ былъ истиннымъ хозяиномъ моего дома, душой моей семьи; всѣ дѣти мои его крестники, и ничего у насъ безъ его благословенія и согласія не дѣлалось. Между имъ и мною не было ни разу не только ссоры, но и серьезнаго разногласія. Единственнымъ поводомъ къ горячимъ объясненіямъ между нами были мои усилія оторвать его отъ чрезмѣрныхъ трудовъ, которые онъ налагалъ на себя. Всегда невозмутимый и спокойный, онъ въ этихъ случаяхъ, при настойчивости съ моей стороны, обнаруживалъ необычное ему раздраженіе». («М. В.» 1875 г., № 97).

Въ 1851 году затѣялъ Леонтьевъ издавать сборникъ статей классической древности подъ названіемъ: «Пропилеи». Цѣлью изданія было, какъ говоритъ Леонтьевъ въ

такъ какъ эта перепечатка можетъ быть отнесена къ правительственному внушенію, то онъ протестуетъ противъ нея всей силой своихъ авторскихъ правъ. Дѣло другое — если бы она проистекала изъ собственнаго побужденія редакціи, тогда она имѣла бы иной видъ передъ читающей публикой. О какой замѣткѣ идетъ рѣчь въ этомъ письмѣ, не беремся рѣшить. У самого Краевскаго обстоятельство это уже изгладилось изъ памяти.

предисловіи, утвержденіе и распространеніе болѣе вѣрныхъ понятій объ искусствѣ. Это была первая попытка удержать напоръ въ русскую литературу передовыхъ отрицательныхъ мыслей по эстетикѣ. «Наши Пропилеи, заявлялъ издатель, должны вводить въ храмъ классической, т. е. греческой и римской, древности, въ тотъ изящный и стройный міръ, въ которомъ человѣкъ впервые началъ жить по-человѣчески и наслаждаться жизнью, въ которомъ впервые начинало являться міросозерцаніе собственно-человѣческое и явилось со всею обаятельною свѣжестью первой цвѣтущей молодости». Изданіе это продолжалось до самаго 1856 года, когда начался «Русскій Вѣстникъ». Въ этомъ году появился послѣдній, пятый томъ «Пропилей».

Катковъ принималъ дѣятельное участіе въ сборникѣ. Онъ помѣстилъ въ немъ весьма интересный трудъ о древнѣйшей греческой философіи, вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ въ 1853 году.

Изслѣдованіе это написано на основаніи самостоятельнаго изученія источниковъ и имѣетъ цѣлью возстановленіе истиннаго значенія упомянутой философіи. Катковъ старается выдѣлить внутреннее зерно этой философіи, скрывающееся подъ покровомъ символическихъ изъясненій, каковы числа пиѳагорейцевъ или огонь Гераклита. Онъ остался вѣренъ воззрѣнію Шеллинга, согласно которому философія есть постепенное раскрытіе духомъ его собственной сущности, скрытой въ мірѣ. «То, что представляется въ понятіи, не можетъ быть чуждымъ тому, что раскрывается въ дѣйствительности—говоритъ Катковъ; напротивъ, логическое совпадаетъ съ дѣйствительнымъ. Хотя человѣческое мышленіе можетъ создавать формы, не существующія въ дѣйствительности, однако при всемъ безконечномъ разнообразіи представленій, при всей необузданности фантазіи, сохраняются въ основѣ общіе типы, вѣчные и незыблемые. Произволъ простирается только на ви-

довое и частное, но произволу нѣтъ мѣста относительно всеобщаго. Въ безконечности мыслимаго есть то, что съ необходимостью мыслимо. Безъ этого необходимо мыслимаго невозможно человѣческое разумѣніе... Не встрѣчаемъ ли мы все необходимое, всѣ категоріи, всѣ отношенія, безъ которыхъ невозможенъ никакой актъ мышленія, въ языкѣ? Не есть ли языкъ самая полная логика прежде всякой логики, философія прежде всякой философіи, мышленіе прежде всякаго мышленія?»

Мы видимъ, что въ міросозерцаніи Каткова мысль остается въ тѣсномъ единеніи съ міромъ, они какъ-бы связаны неразрывнымъ узломъ. То, что необходимо въ области мысли, необходимо въ мірѣ, и то, что есть необходимаго въ мірѣ, переходитъ въ мысль. Это какъ-бы круговая порука всѣхъ элементовъ: психическаго, логическаго, физическаго—всѣ одинъ изъ другаго вытекаютъ и другъ въ друга впадаютъ.

Изслѣдованіе Каткова кончается ученіями Гераклита и Демокрита, т. е. ограничивается до-сократовскимъ періодомъ философіи.

Хотя Катковъ не дошелъ въ своемъ изслѣдованіи до изученія діалектики софистовъ, но даетъ слѣдующую тонкую характеристику ихъ значенія въ древнемъ мірѣ:

«Говорятъ, это были обманщики, люди безправственные, учившіе молодыхъ людей пустому и вредному. Это жалкій историческій предразсудокъ, который пора сложить въ архивъ. Имя софиста было почтенно, и группировать подъ нимъ обманщиковъ и людей безнравственныхъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Лица, получавшія это имя, могли быть всякаго рода, лучше и хуже; въ нравственномъ отношеніи большею частью они были безукоризненны; по крайней мѣрѣ, все, что мы знаемъ объ нихъ, не даетъ никакого повода ставить ихъ ниже обыкновеннаго уровня общественной нравственности. Изъ ихъ школъ выходили люди съ достоинствами, а если на того или другаго изъ ихъ воспитанниковъ можетъ падать какое либо нареканіе, то подвергать ихъ за это отвѣтственности было бы столь же несправедливо, какъ и обвинять Сократа за Алкивіада и Критія. Софисты были люди, которые владѣли болѣе или менѣе знаніями и искусствомъ рѣчи. Въ софистахъ аѳинскихъ нѣтъ никакого существеннаго отличія противъ мыслящихъ людей нашего времени, не посвящающихъ своего мышленія высшимъ теоретическимъ цѣлямъ,

а употребляющихъ его, какъ средство для практическихъ цѣлей, которыя могутъ быть совершенно безукоризненными въ нравственномъ отношеніи... Платонъ и Аристотель могли съ своей точки зрѣнія, какъ умы, въ которыхъ господствовали высшія философскія стремленія, иронизировать и полемизировать софистовъ, какъ людей, въ мышленіи которыхъ не господствуетъ законъ абсолютной послѣдовательности, людей, которые довольствовались лишь частною, условною, относительною истиною: но не странно ли видѣть, какъ въ наше время люди, которые вовсе не признають философской точки зрѣнія и не хотятъ знать никакой другой истины, кромѣ относительной, не странно ли видѣть, какъ эти люди ревнуютъ и ратуютъ противъ бѣдныхъ аѳинскихъ учителей за плату?»

Для всякаго, изучающаго исторію философіи, книга Каткова безусловно полезна. Въ ней найдетъ онъ въ точномъ видѣ переведенныя слова и изрѣченія философовъ. Вотъ встрѣченныя нами въ разныхъ мѣстахъ книги разсужденія Гераклита, умъ котораго былъ пораженъ процессомъ вѣчнаго измѣненія, совершающагося въ мірѣ. Все течетъ говорилъ онъ. «Міръ есть игра. Зевсъ играетъ движеніями Геймаршены». «Міръ въ своей основѣ есть огонь вѣчно живой». «Огонь не есть то, что мы видимъ при горѣніи, не пламя, но дымъ (или газъ)». «Вода есть погасшій огонь—смерть огня есть происхожденіе воды». «Все вымѣнивается на огонь, какъ вымѣниваются вещи на золото». «Когда мы рождаемся, то въ насъ умираютъ души, а когда мы умираемъ, онѣ возникаютъ». «Мы живемъ смертію боговъ, а умираемъ ихъ жизнью». «Мы вдыхаемъ въ себя общее и чрезъ то становимся разумны, сознательны; когда мы бодрствуемъ, мы причастны ему, когда спимъ, то оно погасаетъ въ насъ, мы разобщаемся съ нимъ—и тогда у каждаго свой міръ. Просыпаясь и сообщаясь съ нимъ, душа, какъ потухшій уголь, загорается снова и становится разумной».

Въ этихъ изрѣченіяхъ проглядываетъ символическая образность, которая должна была составлятъ отличительную черту первыхъ попытокъ мышленія. Отвлеченные принципы облекались еще въ вещественную окраску, отъ которой ихъ впослѣдствіи освободили усилія мысли.

Кромѣ изслѣдованія о греческой философіи, Катковъ помѣстилъ въ Пропилеяхъ замѣчанія о попыткахъ переводить Гомера на простонародный русскій языкъ. Онъ основательно признаяъ эти попытки неосновательными. Для такого перевода нужно не простонародное, а просто свѣжее, оживленное и сильное слово (т. IV).

Вотъ чѣмъ занимался и интересовался Катковъ въ ту пору, когда подготовлялись и начали совершаться событія, подвинувшія Россію на избранный въ началѣ минувшаго царствованія путь реформъ. Классическая древность поглощала его вниманіе. Погруженный въ ея изученіе, онъ удалился отъ современности. Но вскорѣ ему пришлось выступить на ея поприще въ качествѣ публициста и издателя печатнаго органа.

Познакомившись, насколько было возможно, съ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ Каткова, постараемся отмѣтить главные его элементы, которые должны были отразиться на его позднѣйшей публицистической дѣятельности.

Прежде всего, укажемъ на глубокую и искреннюю религіозность Каткова. Отрицательныя стремленія не нашли ни малѣйшаго доступа въ его душу. Онъ искалъ примиренія анализа мысли съ религіознымъ чувствомъ и остановился на первой встрѣченной имъ философской попыткѣ выразить это стремленіе въ стройной системѣ.

Затѣмъ, дальнѣйшее его развитіе совершалось въ области эстетики, филологіи и классической древности; насколько занятія этими предметами могутъ подготовлять къ публицистическому поприщу, настолько онъ былъ подготовленъ.

Въ чемъ заключается, постараемся выяснить, смыслъ классическаго образованіе для умственнаго и нравственнаго воспитанія личности? Во-первыхъ, во внушеніи чувства гармонической соразмѣренности, которымъ дышетъ классическое искусство; это вліяніе однако главнымъ образомъ эсте-

тическое, а не разсудочное. Во-вторыхъ, въ воспитаніи уваженія къ прошедшему человѣчества, къ минувшимъ формамъ проявленія его духовнаго развитія. Оба результата весьма благотворны. Эстетическая струя дѣлаетъ для человѣка противнымъ все насильственное, крайнее, безпорядочное; уваженіе къ существовавшему спасаетъ отъ умственнаго легкомыслія и увлеченія дешевой критикой. Не даромъ классическое образованіе признавалось на Западѣ гуманитарнымъ при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новѣйшей цивилизаціи. Но, конечно, такіе результаты могутъ быть достигнуты только глубокимъ проникновеніемъ въ классическую древность, а не поверхностнымъ изученіемъ ея внѣшнихъ формъ. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что Катковъ извлекъ изъ классическаго образованіе все, что оно могло дать: но упомянутые результаты могли въ публицистической дѣятельности создать только почву для убѣжденій, а не самыя убѣжденія.

Къ сожалѣнію, въ кругъ интересовъ Каткова не входило до 1856 г. изученіе политическихъ и юридическихъ наукъ— и въ этомъ отношеніи онъ безусловно уступалъ другому публицисту своего времени—И. С. Аксакову. Катковъ сталъ, какъ мы увидимъ ниже, интересоваться этими послѣдними науками только, когда обстоятельства жизни окончательно выдвинули его на дѣятельность публициста. Такимъ образомъ, въ его развитіи не было данныхъ для образованія твердыхъ убѣжденій въ этой сферѣ. Убѣжденія эти образуются или путемъ теоретическаго внушенія извѣстныхъ общихъ началъ, или путемъ практической дѣятельности на надлежащей почвѣ. Ни того, ни другаго изъ нихъ не было, послѣдняго и не могло быть[1]).

---

[1]) Грановскій хорошо сознавалъ этотъ недостатокъ въ будущихъ издателяхъ «Русскаго Вѣстника». Онъ писалъ 5 сентября 1855 года: «Катковъ, Леонтьевъ и многіе другіе хлопочутъ объ изданіи журнала литературно-политическаго. Послѣдній отдѣлъ едва ли можетъ быть хорошъ у нихъ». (Т. Н. Грановскій, «Біогр. очеркъ Станкевича» 1869 г., стр. 294).

Что же касается позднѣйшаго теоретическаго знакомства Каткова съ политическимъ и юридическимъ строемъ Западной Европы, предпринятаго въ ту пору, когда онъ уже сталъ издателемъ журнала, то значеніе его, конечно, опредѣляется условіями, въ которыхъ оно происходило. Нельзя ожидать самостоятельныхъ результатовъ отъ изученія, выполняемаго при условіяхъ обремененія тяжелымъ редакторскимъ трудомъ и вдобавокъ начатаго уже въ зрѣлый возрастъ (около сорока лѣтъ), когда складъ личности можно считать окончательно установившимся. При всей даровитости натуры, Катковъ не могъ извлечь изъ этого изученія окончательныхъ, руководящихъ началъ.

Съ большою откровенностью высказалъ онъ это въ началѣ своей публицистической дѣятельности, заявивъ въ одной изъ статей 1862 года: «Къ какой мы принадлежимъ партіи» (мы подробно на ней остановимся въ слѣдующей главѣ), что онъ не можетъ примкнуть не только къ какой либо партіи, такъ какъ въ Россіи таковыхъ быть не можетъ, а даже быть, вообще, приверженцемъ какого либо направленія. Въ этомъ отношеніи сказалось существенное различіе его отношенія къ принципамъ отъ взглядовъ Аксакова, который, какъ мы увидимъ ниже, признавалъ опредѣленіе извѣстнаго направленія мыслей обязательнымъ для публициста.

Главной причиной упомянутаго явленія въ Катковѣ была, очевидно, индифферентность его къ идеямъ юридическаго и политическаго строя. Онъ признавалъ въ нихъ не руководящіе для себя принципы, а только средства. Если средство оказывалось послѣ перваго примѣненія неудачнымъ, то онъ оставлялъ его и искалъ новую почву для новой проповѣди. Такое отношеніе къ дѣлу имѣетъ уже свое названіе: это — оппортунизмъ. Понятіе оппортунизма все чаще и чаще повторяется въ современной политической жизни. Оно свидѣтельствуетъ объ упадкѣ идейности въ государственныхъ людяхъ и публицистахъ За-

пада. Съ этой точки зрѣнія явленіе это можетъ быть подвергнуто справедливой критикѣ.

Какъ бы впрочемъ ни затруднялся Катковъ въ выясненіи своего отношенія къ политическимъ и общественнымъ вопросамъ, онъ былъ по своимъ тогдашнимъ взглядамъ западникомъ, т. е. считалъ необходимымъ обновленіе Россіи посредствомъ заимствованія съ Запада надлежащихъ учрежденій; но онъ былъ западникомъ консервативнаго оттѣнка, т. е. чуждымъ всякаго демократизма. За образецъ для русскихъ реформъ онъ бралъ Англію, страну консервативную, въ которой чувство законности и широкое развитіе мѣстной автономіи, составляющей почву для ея политической и общественной жизни, соединяется съ существованіемъ твердой аристократіи и обезпеченнаго землевладѣльческаго класса.

Еслибы внутреннія условія русской жизни были спокойными, вѣроятно и развитіе ея, и отношеніе къ нему Каткова не испытывало бы измѣненій. Но соприкосновеніе съ западно-европейской жизнью принесло съ собою, помимо полезныхъ заимствованій, цѣлый сонмъ отрицательныхъ взглядовъ, нашедшихъ удобную почву въ слишкомъ неразвитой и подавленной авторитетомъ русской мысли, начавшей видѣть весь смыслъ своего развитія въ протестѣ противъ существовавшаго склада жизни и не удовлетворявшейся тѣмъ, что было дано Россіи. Завязалась борьба, отравившая спокойное развитіе и воспитаніе Россіи въ новыхъ условіяхъ ея существованія.

Стало измѣняться подъ впечатлѣніемъ этой борьбы и ея прискорбныхъ событій отношеніе правительства къ дарованнымъ учрежденіямъ; измѣнился радикальнѣйшимъ образомъ и взглядъ на нихъ Каткова. Таково было въ краткомъ очеркѣ совмѣстившее въ себѣ рѣзкія противорѣчія теченіе его публицистическихъ мнѣній, къ изученію котораго намъ предстоитъ теперь перейти.

II.

Изданіе „Русскаго Вѣстника“.

(1856—1862 гг.).

Обстоятельства основанія «Русскаго Вѣстника».—Сотоварищество Каткова съ Леонтьевымъ. — Политическія обозрѣнія въ «Русскомъ Вѣстникѣ».—Характеристика тогдашнихъ взглядовъ Каткова.—Другія теченія въ современной журналистикѣ. — Отрицательное направленіе.— Составъ статей въ «Русскомъ Вѣстникѣ». — Этюдъ Каткова о Пушкинѣ.—Отдѣленіе «Современной Лѣтописи» отъ «Русскаго Вѣстника» въ 1861 г.—Статьи въ «Современной Лѣтописи».— Полемика Каткова съ отрицательнымъ направленіемъ въ 1861 г. — Статья: «Къ какой мы принадлежимъ партіи?»—Отношеніе къ тому же вопросу Аксакова.— Литературное столкновеніе Каткова съ Герценомъ. — Письмо Шедо Ферроти къ Герцену. — Краткая характеристика литературныхъ убѣжденій послѣдняго.—Замѣтка для издателей «Колокола» въ «Русскомъ Вѣстникѣ». — Появленіе «Отцовъ и Дѣтей» Тургенева. — Отзывы объ этомъ романѣ критиковъ.—Статья Каткова о нигилизмѣ.—Его отношеніе къ сословности. — Мысль о центральномъ представительствѣ.— Первое представленіе его Государю Императору.

Внутри Россіи рѣшительно не понимаютъ, что это за исторія и что это за партіи, которыя такъ мгновенно народились и разукрасились всѣми цвѣтами радуги: никто не можетъ взять себѣ въ толкъ, какіе такіе коммунисты, соціалисты, республиканцы появились у насъ и съ кѣмъ это правительству приходится развѣдываться.

(«Совр. Лѣт.» 1862 г.).

Самостоятельная дѣятельность Каткова на поприщѣ литературнаго дѣла открылась съ 1856 года, когда имъ начато было изданіе «Русскаго Вѣстника». Это былъ моментъ знаменательный въ жизни нашего отечества. Ожидалось окончаніе Крымской кампаніи — и Россія, приго-

товляясь вздохнуть свободно, принималась въ лицѣ своихъ интеллигентныхъ людей за обнаруженіе и обличеніе причинъ, вызвавшихъ ея военный неуспѣхъ, который привелъ къ уступкамъ вѣнскаго 1856 года.

Предоставимъ слово самому издателю новаго журнала, который въ слѣдующихъ выраженіяхъ очертилъ новое настроеніе русскаго общества:

«Въ грозныхъ испытаніяхъ, въ браняхъ и бѣдствіяхъ обновляются силы народовъ; но послѣ ужасовъ бури прекраснѣе и свѣжѣе зеленѣетъ земля. Буря еще не стихла, и мы готовы на новыя испытанія и ждемъ смѣло новой борьбы; но что̀ бы ни было, мы съ живыми надеждами обращаемся къ будущему... Да будутъ нынѣ зачтены нашей землѣ ея прежнія страданія и жертвы, и да облегчатъ они для ней трудъ настоящаго испытанія. Крѣпко будемъ вѣрить, что въ жизни человѣчества и въ судьбахъ народовъ властвуетъ Божественный Промыслъ, что не попускаются имъ ни напрасныя созиданія, ни напрасныя разрушенія и что въ народѣ, который такъ долго и съ такими болями рождался и мужалъ, скрыты великія силы и великая будущность».

«Съ чистою и искреннею любовью, говоритъ Катковъ, обращаемъ мы взоры къ Престолу. Все, что есть въ насъ силы и энтузіазма, отдадимъ мы нашему Царственному Вождю: радостно и съ полной преданностью пойдемъ мы въ добрый путь подъ Его знаменемъ, пойдемъ съ полной вѣрой, что знамя Вождя нашего есть истинная честь, свѣтъ и благо нашей родины».

Это настроеніе высказано было Катковымъ и на извѣстномъ общественномъ обѣдѣ 28-го декабря 1857 года, состоявшемся подъ живымъ впечатлѣніемъ извѣстнаго рескрипта Государя къ виленскому генералъ-губернатору, въ которомъ впервые была высказана мысль объ освобожденіи крестьянъ. Катковъ первый держалъ рѣчь. Воздавъ хвалу начинавшейся свѣтлой эпохѣ и выразивъ радостное чувство за то, что онъ живетъ въ ней, Катковъ въ прочувствованныхъ словахъ удостовѣрилъ преданность Россіи Царю и вызванное великой минутой единодушіе всѣхъ мыслящихъ людей: «Пусть же знаютъ, заявилъ онъ, что въ русской литературѣ есть нѣчто, примиряющее всѣ разногласія — и это нѣчто: это духъ нашего народа, это взаимность живой вѣры, соединяющей народъ и Царя». И

дѣйствительно, хотя въ числѣ говорившихъ были люди настолько разныхъ направленій, какъ Погодинъ и Кавелинъ, но всѣ выражали единодушное сочувствіе. Погодинъ только тѣмъ нѣсколько оттѣнилъ свое личное настроеніе, что провозгласилъ тостъ за русское дворянство.

Обстоятельства основанія «Русскаго Вѣстника», подробно разсказаны Н. А. Любимовымъ въ его второй статьѣ о М. Н. Катковѣ («Русскій Вѣстникъ», 1888 г., № 2). Сущность ихъ заключается въ томъ, что Катковъ подалъ въ серединѣ 1855 года двѣ записки тогдашнему министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову, съ просьбою исходатайствовать Высочайшее разрѣшеніе на изданіе новаго журнала подъ наименованіемъ: «Русскій Лѣтописецъ», съ приложеніемъ къ нему ежедневнаго листка подъ названіемъ «Текущія извѣстія Русскаго Лѣтописца». Онъ мотивировалъ необходимость учрежденія новаго изданія отсутствіемъ, при условіяхъ сильнаго патріотическаго одушевленія въ обществѣ, какого либо изданія, съ которымъ, въ родѣ прежнихъ «Вѣстника Европы» и «Сына Отечества», были бы связаны патріотическія воспоминанія.

Министерство было хорошо расположено къ Каткову, но остановилось на вопросѣ, не произойдетъ ли отъ новаго изданія ущербъ для университетской газеты: «Московскихъ Вѣдомостей». Катковъ, предвидя этотъ вопросъ, затронулъ его во второй изъ своихъ записокъ и предполагалъ сдѣлать упомянутый ежедневный листокъ дополненіемъ не только къ «Русскому Лѣтописцу», но и къ «Московскимъ Вѣдомостямъ». Дѣло было передано на обсужденіе попечителя Московскаго учебнаго округа, отъ котораго оно попало черезъ цензурный комитетъ на заключеніе Университета. Послѣднее было крайне неблагопріятно для предположенія Каткова — и попечитель, на основаніи этого мнѣнія, безусловно отвергъ мысль о ежедневномъ листкѣ и допускалъ только возможность изданія журнала, и то съ ограниченіемъ его программы однимъ

учено-литературнымъ отдѣломъ безъ права включать въ журналъ политическія обозрѣнія. Послѣ нѣкотораго колебанія министръ исходатайствовалъ Высочайшее соизволеніе на изданіе журнала съ политическимъ отдѣломъ, причемъ однако требовалось, чтобы лѣтопись политическихъ и военныхъ событій въ журналѣ представляла собою, безъ всякихъ разсужденій со стороны редакціи, лишь связный выборъ извѣстій этого рода изъ періодическихъ изданій, въ Россіи выходящихъ. Послѣ того, какъ Каткову отказано было и въ изданіи ежедневнаго листка, и въ правѣ выпускать номера журнала чаще двухъ разъ въ мѣсяцъ, онъ просилъ о наименованіи его уже не «Русскимъ Лѣтописцемъ» — названіемъ, дѣйствительно утратившимъ смыслъ при этихъ условіяхъ, — а «Русскимъ Вѣстникомъ». Высочайшее разрѣшеніе состоялось 31-го октября 1855 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ, постановлено было, что Катковъ оставляетъ должность редактора «Московскихъ Вѣдомостей», которая по его рекомендаціи перешла къ его помощнику В. Ф. Коршу.

Сотрудниками издателя «Русскаго Вѣстника» по трудамъ редакціи объявлены были: Е. Ѳ. Коршъ, П. Н. Кудрявцевъ и П. М. Леонтьевъ. Изъ нихъ Кудрявцевъ въ 1858 году умеръ, Коршъ вскорѣ удалился, такъ что издателями остались неразлучные въ публицистическомъ дѣлѣ Катковъ и Леонтьевъ.

Это постоянное сотоварищество чрезвычайно затрудняетъ точное опредѣленіе, что именно въ общемъ журнальномъ и газетномъ дѣлѣ принадлежитъ перу того и другаго писателя. Лица, близко къ нимъ стоявшія, указываютъ на нѣкоторую спеціальность Леонтьева: онъ писалъ экономическія статьи. Затѣмъ, по ихъ указаніямъ, можно отличать статьи Каткова и Леонтьева по тону, въ которомъ онѣ написаны. Первый писалъ съ бо́льшимъ увлеченіемъ, страстностью и полемическимъ задоромъ, статьи второго болѣе сдержанны, спокойны, объективны

Но конечно, этотъ критерій не можетъ быть признанъ особенно твердымъ для разграниченія авторскихъ правъ. Могло, напримѣръ, случиться такъ: статья была написана Леонтьевымъ, а Катковъ только вставилъ въ нее двѣ, три фразы, между тѣмъ послѣднія могли совершенно измѣнить ея окраску. Но вообще заниматься такимъ раздѣленіемъ едва ли даже и нужно, такъ какъ оба писателя были настолько солидарны въ своихъ убѣжденіяхъ, что въ этомъ отношеніи ни одинъ изъ нихъ своеобразнаго не вносилъ. Принадлежность нѣкоторыхъ статей перу Каткова можетъ быть, однакоже, положительно установлена, напримѣръ, по польскому вопросу, по классическому образованію и т. п.

Въ дружескомъ союзѣ Каткову принадлежала сила иниціативы, страстности, увлеченія; напротивъ, Леонтьевъ былъ сдерживающимъ, умѣряющимъ элементомъ. Весьма вѣроятно, что на страстную, легко поддававшуюся впечатлѣніямъ натуру Каткова личность Леонтьева производила смягчающее, умиротворяющее вліяніе. Если для большинства читателей участіе Леонтьева въ общемъ трудѣ терялось въ блескѣ таланта Каткова, то это не умаляетъ, а напротивъ, возвышаетъ нравственную цѣну личности перваго, не стремившейся первенствовать и выдаваться. Нельзя, между прочимъ, не замѣтить, что послѣдовавшее въ концѣ жизни Каткова измѣненіе его убѣжденій произошло уже послѣ смерти Леонтьева...

Вернемся однако къ изданію «Русскаго Вѣстника». Катковъ, какъ мы упомянули, получилъ право помѣщать въ «Русскомъ Вѣстникѣ» обозрѣніе политическихъ событій. Право это въ своемъ вступительномъ словѣ къ читателямъ онъ призналъ драгоцѣннымъ. Онъ сдѣлалъ это не безъ основанія. Во-первыхъ, московскій университетъ считалъ, согласно заявленному имъ мнѣнію, изданіе политическаго органа какъ бы своей привилегіей. Во-вторыхъ, тогдашнія цензурныя условія были невообразимо тягостны.

Такъ, въ послѣдній годъ царствованія императора Николая было отказано издателямъ «Современника» и «Отечественныхъ Записокъ» въ просьбѣ открыть въ журналѣ отдѣлъ политическихъ и военныхъ извѣстій. При этомъ главное управленіе цензуры заявило, что признаетъ неудобнымъ предоставить частнымъ лицамъ, не ознакомленнымъ со всѣми видами правительства касательно внѣшней государственной политики, право помѣщать въ журналахъ собственныя свои разсужденія по этому предмету. Только въ серединѣ 1855 года—по вступленіи на престолъ Императора Александра II, послѣдовало Высочайшее дозволеніе двумъ журналамъ: «Современникъ» и «Отечественныя Записки» перепечатывать военныя извѣстія изъ «Русскаго Инвалида» [1]).

Но по мѣрѣ того, какъ подвигалось время, все сильнѣе и сильнѣе чувствовалось вѣяніе новаго духа. Журналы стали не только давать сухіе конспекты фактовъ внѣшней политической жизни, но и сопровождать ихъ замѣчаніями и разсужденіями, все болѣе и болѣе смѣлыми. Какіе быстрые успѣхи въ этомъ отношеніи дѣлала публицистика, видно изъ того, что Катковъ уже въ серединѣ 1858 года высказываетъ въ одномъ изъ политическихъ обозрѣній горячій панегирикъ строю англійской государственной жизни.

Сначала эти обозрѣнія въ «Русскомъ Вѣстникѣ» велись не Катковымъ, но онъ черезъ нѣкоторое время разошелся съ лицами, ихъ составлявшими, такъ какъ послѣднія, какъ намъ передавали, отвергали его компетентность руководить этимъ отдѣломъ. Вообще, въ средѣ профессоровъ университета господствовало убѣжденіе, что Катковъ по части политическихъ взглядовъ слабъ, какъ можно было, между прочимъ, убѣдиться по вышеприведенному отзыву Грановскаго. Катковъ, со свойственной ему энергіей, какъ намъ передавалъ Н. А. Любимовъ, принялся въ эту пору

[1]) М. Н. Катковъ—Любимовъ, «Русскій Вѣстникъ», 1888 г., № 2.

за восполненіе этого пробѣла посредствомъ изученія политическихъ наукъ. Дѣйствительно, нельзя было, принявшись въ то время за журнальное дѣло, оставаться профаномъ въ этой области. Движеніе Россіи по пути реформъ было рѣшено. Интеллигенція обратила свои взоры на западноевропейскіе порядки, примѣненіемъ которыхъ надѣялись залечить раны, обнаруженныя послѣдними неудачами Россіи. Катковъ сталъ тогда знакомиться съ политической литературой, интересуясь преимущественно строемъ англійской жизни, читалъ Гнейста, Блакстона. Результатомъ этихъ чтеній явилось увлеченіе со стороны Каткова англійскимъ политическимъ устройствомъ.

Чтобы охарактеризовать тогдашнее настроеніе Каткова и направленіе «Русскаго Вѣстника», необходимо остановиться на упомянутой выше статьѣ 1858 года («Р. В.», іюль, кн. 2-я).

«Съ давнихъ поръ, еще съ прошлаго столѣтія, государственное устройство Англіи было предметомъ тщательныхъ изученій. Интересъ этихъ изученій возросталъ съ теченіемъ времени, непрерывно обогащая теорію и практику государственнаго права новыми элементами. Но никогда страна эта не возбуждала столь сильнаго и столь сознательнаго интереса, какъ въ наше время. Публицисты всѣхъ странъ поставляютъ одною изъ главныхъ задачъ своихъ изученіе всѣхъ особенностей англійскаго устройства, которое раскрывается передъ взорами, какъ неистощимо разнообразный и многосложный міръ, требующій такихъ же пріемовъ изученія, какъ и природа. Здѣсь нѣтъ написанныхъ словъ, готовыхъ формулъ, отвлеченныхъ понятій; англійское устройство не есть конституція на бумагѣ, это не книга, это даже не нація; это—жизнь и природа въ своемъ развитіи, въ своемъ дѣйствительномъ созиданіи».

Въ воспитанныхъ въ классицизмѣ Катковѣ и Леонтьевѣ Англія съ ея консерватизмомъ и стремленіемъ къ спокойному органическому развитію должна была вызывать наибольшее сочувствіе. Катковъ цитируетъ въ той же статьѣ мнѣніе извѣстнаго ученаго Блунчли, что Англія представляетъ въ новѣйшей цивилизаціи то, чѣмъ былъ Римъ въ древнее время относительно развитія права и государственности. Катковъ, между прочимъ, во время заграничт-

наго путешествія, предпринятаго имъ въ 1859 году, посѣтилъ Англію вѣроятно не безъ цѣли непосредственнаго ознакомленія съ тамошнимъ бытомъ и порядками.

Въ 1861 году, когда печати былъ данъ большій просторъ цензурой, Катковъ сталъ высказываться еще яснѣе. Онъ сдѣлался горячимъ проводникомъ въ русскую жизнь установившейся въ Англіи твердой законности и свободы общественныхъ отношеній.

Ему пришлось даже оправдываться отъ обвиненій въ англоманіи. Въ особой по этому поводу статьѣ, появившейся въ концѣ 1861 года (Совр. лѣтопись № 51), Катковъ говорилъ слѣдующее:

«Возможно и должно поставить гражданъ въ такое положеніе, чтобъ они не скрывали того, что думаютъ, и не говорили того, чего не думаютъ. Въ Англіи болѣе нежели гдѣ либо эти требованія находятъ себѣ удовлетвореніе и вотъ почему мы расположены всегда сказать доброе слово объ Англіи и при всякомъ случаѣ указываемъ на нее нашимъ читателямъ»... «Единственнымъ ручательствомъ за искренность сужденій служитъ гражданское обезпеченіе личной свободы. Обезпеченіе это заключается въ твердости и ясности закона и въ безпристрастіи его примѣненія. Разсматривая съ этой точки зрѣнія западныя европейскія государства, мы опять находимъ, что въ Англіи болѣе, нежели въ которомъ либо изъ нихъ, личность и собственность обезпечены, а законъ, безъ всякаго сомнѣнія, стоитъ тверже и примѣняется безпристрастнѣе, нежели гдѣ бы то ни было». «До сихъ поръ, замѣчаетъ Катковъ, только англичане выучились искусству дѣлать реформы безъ революцій, и мы, кажется, ничего не потеряемъ, если будемъ соревновать имъ въ этомъ отношеніи». «Если на страницахъ нашего журнала, заявляетъ въ заключеніе та же статья, часто говорится объ Англіи, если мы часто обращаемъ на нее вниманіе нашихъ читателей и во многихъ случаяхъ представляемъ ее классическою страною новѣйшей цивилизаціи, то пусть вспомнятъ, что не одни мы это дѣлаемъ».

При этомъ Катковъ указываетъ, что въ прусскихъ палатахъ, въ Италіи, въ средѣ французскаго правительства второй имперіи, словомъ, вездѣ Англія ставится въ примѣръ.

Составляя въ то время своимъ уваженіемъ къ европейской культурѣ антитезъ славянофильству, Катковъ не былъ отнюдь демагогомъ. Если его симпатіи направлялись къ Англіи, то именно потому, что эта страна отли-

чалась консервативнымъ спокойствіемъ и была чужда демократизма въ учрежденіяхъ. Его завѣтной мечтой было положить въ основаніе обновлявшагося строя русской жизни твердый и способный къ самоуправленію классъ землевладѣльцевъ, на подобіе англійскаго. Въ числѣ раздававшихся противъ Каткова обвиненій слышалось, поэтому, и такое, что онъ хочетъ сдѣлать всѣхъ помѣщиковъ лордами, и Каткову приходилось также говорить по этому поводу въ той же статьѣ («Совр. Лѣт.» 1861 г. № 51).

Прежде чѣмъ охарактеризовать окончательно положеніе, занятое Катковымъ среди разнообразныхъ теченій интеллигенціи шестидесятыхъ годовъ, остановимся на томъ, чѣмъ вообще жила тогда русская мысль. Минувшая эпоха завѣщала два главныхъ направленія нашей интеллигенціи: славянофильство и западничество. Въ послѣднемъ, безъ сомнѣнія, могли и раньше появляться оттѣнки, но до сихъ поръ они не имѣли особаго значенія. Западно-европейскіе порядки были настолько отдаленнымъ идеаломъ для русскихъ людей, что не выступало особенныхъ различій въ средѣ западниковъ. Теперь-же, когда правительство открыло эпоху реформъ и когда многое стало изъ европейской жизни переноситься въ русскую, наступила возможность яснѣе формулироваться. Появились различные оттѣнки западничества, усвоившіе себѣ термины европейскаго парламентаризма. Но наиболѣе своеобразнымъ явленіемъ этой эпохи было, конечно, появленіе въ молодежи того рѣзко критическаго отношенія къ жизни, которое получило характерное названіе нигилизма, и постепенный переходъ этого теченія въ соціалистическія увлеченія.

Признаки послѣднихъ въ журналистикѣ встрѣчаются даже въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Это можетъ показаться удивительнымъ въ виду сдѣланныхъ нами указаній на строгость тогдашней цензуры, не позволявшей органамъ печати входить даже въ малѣйшее обсужденіе внутреннихъ дѣлъ въ нашемъ отечествѣ. Но сторонники край-

нихъ направленій отличались большою развязностью, а цензура проявляла не меньшую наивность. Объ этомъ можно судить по нѣкоторымъ статьямъ, печатавшимся въ «Современникѣ». Видный сотрудникъ этого журнала, Чернышевскій, въ особенности щеголялъ искусствомъ высказывать, и притомъ съ большою откровенностью, мысли демократическаго и даже соціалистическаго характера. Онъ удивительно принаровился къ тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ.

Чернышевскій дебютировалъ въ журналѣ очерками исторіи русской литературы времени Гоголя и статьями о Лессингѣ. Но потомъ, хотя онъ по своей спеціальности, какъ магистръ, принадлежалъ словеснымъ наукамъ, онъ сталъ приниматься за разнообразнѣйшіе предметы: писалъ по крестьянскому вопросу, занимался новѣйшей политической исторіей, пускался даже въ область политической экономіи. Въ немъ нельзя отрицать хорошей литературной эрудиціи и недюжиннаго дарованія, но къ сожалѣнію онъ предпочелъ распростаненіе смутныхъ мыслей здравой и спокойной критикѣ.

Мысли эти были тогда вновѣ—и цензура, еще не приглядѣвшаяся къ нимъ, пропускала многое. Кое-что, напримѣръ, высказывалось подъ флагомъ крестьянскаго вопроса. Такъ Чернышевскій, восхваляя начало ожидавшейся реформы и принципъ общиннаго владѣнія у крестьянъ, еще въ 1857 году намекалъ, что преимущества послѣдняго заключаются въ томъ, что оно содержитъ въ себѣ новый экономическій принципъ. Онъ проводилъ даже параллель между общинной формой владѣнія и соціалистической идеей продуктивныхъ ассоціацій. Вообще, Чернышевскій усвоилъ себѣ всѣ тонкости искусства наводить туманъ на цензуру. Многое пропускалось подъ видомъ критики западно-европейской жизни: буржуазныхъ порядковъ, индивидуалистическаго принципа и т. п. Напримѣръ, Чернышевскій принимался жестоко корить либераловъ западной Европы (какъ-то: въ статьяхъ о мемуарахъ Гизо относительно вре-

мени реставраціи и іюльской монархіи), но, ублаживши цензуру, онъ, подъ прикрытіемъ этихъ порицаній, восхвалялъ демократовъ. Вообще, цензура повидимому не постигала, что можно высказывать самыя крайнія сужденія въ видѣ критики западно-европейской жизни, а потому часто ловилась на эту удочку.

Въ «Современникѣ» писалъ во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ также Добролюбовъ, который былъ и болѣе талантливъ, чѣмъ Чернышевскій, и въ то же время болѣе умѣренъ и эстетически развитъ. Онъ завѣдывалъ отдѣломъ литературной критики, но пользовался меньшей извѣстностью, чѣмъ Чернышевскій. По крайней мѣрѣ, участіемъ послѣдняго редакція считала нужнымъ хвалиться передъ своими подписчиками, не упоминая о Добролюбовѣ.

Съ 1859 года явился еще новый передовой органъ: «Русское Слово», въ которомъ сталъ съ 1860 года подвизаться столь популярный въ свое время Писаревъ. Получивъ, какъ и Чернышевскій, историко-филологическое образованіе, Писаревъ началъ въ 1861 году въ этюдахъ о Молешотѣ и Бюхнерѣ популяризовать матеріализмъ въ области нравственности, какъ послѣднее и полезное для молодежи слово естественныхъ наукъ. Онъ какъ-бы раздѣлилъ въ этомъ отношеніи съ Чернышевскимъ науки пополамъ: одинъ взялъ на себя обработку новѣйшей политической исторіи и политической экономіи (въ статьяхъ о Миллѣ), другой область эмпирическихъ знаній.

Славянофилы также имѣли свой собственный органъ «Русскую Бесѣду»; въ концѣ 1861 года Аксаковъ сталъ издавать газету «День».

Но едва ли не наибольшею популярностью пользовался въ средѣ тогдашней читающей публики издававшійся въ Лондонѣ герценовскій «Колоколъ». Онъ проникалъ въ Россію разными путями и читался нарасхватъ. Герценъ и по таланту былъ сильнѣе современныхъ ему передовыхъ писателей, и имѣлъ передъ ними еще преимущество въ томъ

отношеніи, что былъ эмигрантомъ и могъ писать уже безъ всякихъ стѣсненій. Главный предметъ содержанія «Колокола» заключался въ туманной проповѣди соціализма и въ осмѣяніи представителей русскаго правительства. Послѣ строгостей минувшаго царствованія публика съ особымъ рвеніемъ бросилась на запрещенный плодъ.

Но возвратимся къ «Русскому Вѣстнику». Съ журнальной точки зрѣнія книжки его, въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ были превосходно составлены. Преобладали историческіе труды. Таковы историческія письма Соловьева, изслѣдованія: Кудрявцева (о Карлѣ V), Щебальскаго (царевна Софья и др.), Вызинскаго (о Маколеѣ и др.), Лонгинова (о графѣ Сперанскомъ), Ѳеоктистова (объ Ансельмѣ Кентерберійскомъ и др.), Устрялова, Семевскаго и др. По финансовой части писали сначала профессоръ кіевскаго университета Бунге, потомъ Г. де-Молинари. Кромѣ финансовыхъ статей, Бунге помѣщалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и такія изслѣдованія, какъ статьи о современномъ направленіи реформы университетовъ и потребностяхъ высшаго образованія («Р. В.», 1858 г. № 3). Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» принимали также участіе, между прочимъ, Б. Утинъ (письма изъ Германіи и очеркъ историческаго образованія суда присяжныхъ въ Англіи) и Михайловъ, даровитый переводчикъ стихотвореній Гейне. Встрѣчались въ то время среди сотрудниковъ журнала имена позднѣйшихъ пріятелей Каткова: Георгіевскаго (объ уничтоженіи невольничества въ англійскихъ колоніяхъ) и Любимова (объ университетскихъ экзаменахъ и др.).

Въ отдѣлѣ литературы «Русскаго Вѣстника» печатались тогда повѣсти графа Л. Толстого и романы Гончарова и Тургенева. Толстой и Тургеневъ, впрочемъ, дѣлили свои произведенія между этимъ журналомъ и «Современникомъ». Тургеневъ былъ тогда въ апогеѣ своего дарованія. На страницахъ «Современника» появились изъ его романовъ: «Рудинъ» и «Дворянское гнѣздо». Начиная съ ро-

мана: «Накануне», Тургеневъ перешелъ къ «Русскому Вѣстнику», гдѣ было напечатано и слѣдующее его произведеніе: «Отцы и Дѣти», такъ живо затронувшее современную жизнь.

Упомянемъ также о сотрудничествѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Евгеніи Туръ (графини Саліасъ), печатавшей въ немъ какъ свои повѣсти, такъ и статьи (напр. о взглядахъ Мишеле на любовь, о г-жѣ Рекамье и др.). По поводу одной изъ ея статей о г-жѣ Свѣчиной (нѣкоей русской дамѣ, перешедшей въ католицизмъ подъ вліяніемъ графа де-Местра и сдѣлавшейся ревностной проповѣдницей этой религіи), произошла размолвка между Евгеніей Туръ и Катковымъ. Статья эта, написанная по поводу изданныхъ графомъ Фаллу біографіи и сочиненій Свѣчиной (послѣднія носятъ, замѣтимъ мимоходомъ, странное названіе—Airelles klukva podsnejnaia, т. е. клюква подснѣжная), отнеслась сурово къ ея личности. Катковъ, печатая эту статью, помѣстилъ, въ видѣ примѣчанія отъ редакціи, выраженіе несогласія съ такимъ осужденіемъ. Примѣчаніе кончалось словами: «религіозный интересъ, если онъ неискрененъ и не соединяется съ фанатизмомъ, заслуживаетъ уваженіе не только во мнѣніи людей религіозныхъ, хотя бы и другихъ вѣроисповѣданій, но и во мнѣніи тѣхъ, кто къ этому вопросу равнодушенъ» («Р. В.» 1860 г., т. 2). Евгенія Туръ написала въ «Русскій Вѣстникъ» письмо, въ которомъ намекала, что солидарность редакціи съ мыслями г-жи Свѣчиной доказываетъ ея сочувствіе обскурантизму; Катковъ отвѣчалъ тогда очень рѣзко — и имя Евгеніи Туръ перешло со страницъ «Русскаго Вѣстника» въ «Русское Слово».

Что касается обсужденія внутреннихъ дѣлъ въ нашемъ отечествѣ, то цензура, довольно терпимая къ разнаго рода общимъ мыслямъ, оказывалась въ этомъ отношеніи совершенно неумолимой. Предметъ этотъ былъ безусловно изъятъ изъ обсужденія публицистовъ въ продолженіе 50-хъ го-

довъ. Правда, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» былъ заведенъ отдѣлъ современной лѣтописи, но онъ состоялъ въ первые годы большею частью изъ свода мелкихъ статей разныхъ авторовъ по частнымъ предметамъ. Только съ 1858 года, когда провозглашены были правительствомъ начала крестьянской реформы, сдѣлалось возможнымъ открыть въ современной лѣтописи самостоятельный отдѣлъ для обсужденія крестьянскаго вопроса и помѣщать въ немъ отъ редакціи особыя какъ бы передовыя статьи по этому предмету. Въ означенномъ отдѣлѣ Катковъ высказывался въ смыслѣ дарованія крестьянамъ гражданской полноправности, освобожденія крестьянъ съ землей и осуществленія операціи выкупа съ помощью правительства («Р. В.» 1858 г., т. I). Печатаніе упомянутыхъ статей на нѣкоторое время пріостанавливалось и вообще не долго продолжалось [1]). Нельзя не замѣтить, что Катковъ, между прочимъ, требовалъ гласности для обсужденія вопроса («Русскій Вѣстникъ» 1858 года, т. II).

Нельзя не отмѣтить и того, что «Русскій Вѣстникъ» выдвигалъ, насколько это было возможно, необходимость реформы нашего судопроизводства. Укажемъ на статьи профессоровъ Баршева, Побѣдоносцева...

Вопросъ о будущемъ положеніи дворянства послѣ осуществленія крестьянской реформы затрогивался въ печатавшихся въ теченіе 1858 и 1859 гг. статьяхъ Безобразова: «О сословныхъ интересахъ» и затѣмъ «Аристократія и интересы дворянства». Естественная аристократія признается въ этихъ статьяхъ необходимою принадлежностью истинно свободнаго развитія общества, но нашему дворянству рекомендуется отказаться отъ искусственныхъ привилегій и преимуществъ. Главною его задачей признается дѣятельное участіе въ самоуправленіи. Этимъ путемъ группа

---

[1]) Съ конца апрѣля по іюль 1858 года; въ этомъ мѣсяцѣ оно даже совсѣмъ прекратилось.

людей, стоящихъ на поверхности общества, можетъ, какъ указывалось въ статьѣ, вполнѣ вознаградить массы за всѣ невыгоды той естественной зависимости, нравственной и экономической, въ которой находятся люди необразованные и бѣдные отъ людей образованныхъ и богатыхъ. Устройство хозяйства на вольнонаемномъ трудѣ, гражданская самостоятельность и нравственная независимость — вотъ условія предстоящей дѣятельности и роли дворянства. Не подлежитъ сомнѣнію, что взглядъ этотъ въ общихъ чертахъ совпадалъ съ мнѣніями Каткова.

Большое вниманіе обращали на себя также помѣщавшіяся въ «Русскомъ Вѣстникѣ» обличительныя статьи Громеки (о взяткахъ, о предѣлахъ полицейской власти, о полицейскомъ дѣлопроизводствѣ, о полиціи внѣ полиціи, послѣднее слово о полиціи).

Самъ Катковъ выступилъ въ 1856 году съ изслѣдованіемъ о Пушкинѣ. Когда нельзя писать о жизни, то пишутъ обыкновенно объ изображеніяхъ жизни—объ искусствѣ; такъ поступилъ и Катковъ.

Въ изслѣдованіи этомъ онъ, между прочимъ, выступилъ противъ публицистическихъ требованій отъ искусства, которыя начали проглядывать въ послѣднемъ періодѣ дѣятельности Бѣлинскаго и впослѣдствіи перешли въ критику Добролюбова и Писарева. Кто не помнитъ заключительныхъ словъ этого направленія, высказанныхъ, напримѣръ, Писаревымъ? Послѣдній отвергалъ смыслъ пластическаго и музыкальнаго искусства и утверждалъ, что про нихъ можно говорить съ тѣмъ же основаніемъ, какъ о всякихъ другихъ человѣческихъ вкусахъ. Вкусы эти безконечно разнообразны — и люди одинаковыхъ наклонностей могутъ на равномъ основаніи расточать званіе геніальности. Такимъ образомъ, появляются между великими людьми разнаго рода геніи: великій Бетховенъ, великій Рафаэль, великій Канова, великій шахматный игрокъ Морфи, великій поваръ Дюссо, великій маркеръ Тюрка.

Въ 1856 году направленіе это, которое послужило однимъ изъ первыхъ проявленій отрицанія въ русской мысли, не договорилось еще до послѣднихъ своихъ результатовъ. Незадолго передъ тѣмъ вышло, правда, изслѣдованіе Чернышевскаго объ «эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности». Но такъ какъ изслѣдованіе это было представлено для полученія степени магистра русской словесности, то оно было довольно сдержаннымъ. Въ немъ высказывалось не отрицаніе искусства, а реалистическій взглядъ на творчество. Вотъ послѣдній тезисъ, которымъ заключается книга: «воспроизведеніе жизни — общій характеристическій признакъ искусства, составляющій сущность его; часто произведенія искусства имѣютъ и другое значеніе—объясненіе жизни, часто имѣютъ они и значеніе приговора о явленіяхъ жизни».

Въ своихъ статьяхъ Катковъ поставилъ своею задачей возстановить традиціи чистаго служенія искусству. Муза Пушкина служила, какъ извѣстно, излюбленнымъ полемъ сраженія между поклонниками этого взгляда и ихъ противниками. Катковъ говоритъ послѣднимъ: «Вы хотите, чтобы художникъ былъ полезнымъ? Дайте ему быть художникомъ».

«Изъ разныхъ критическихъ уголковъ раздаются весьма часто укоры противъ теоріи и философіи — говоритъ Катковъ. «Намъ надоѣли—кричатъ эти господа—мертвыя опредѣленія! Долой всѣ эти формулы, всѣ эти умозрительныя идеи, всѣ эти отвлеченныя опредѣленія. Пора теоріи миновала безвозвратно». И затѣмъ начинаютъ сами созидать свои теоріи, творить свою философію, которая, конечно не имѣетъ ничего общаго ни съ какими идеями, ни съ какимъ умозрѣніемъ».

«Довѣримся вдохновенію истины,—замѣчаетъ далѣе Катковъ,—и будемъ требовать отъ художника, какъ и отъ мыслителя, чтобы они только свято служили ей. Нечего заботиться о томъ, чтобы художникъ былъ крѣпокъ своей эпохѣ. Болѣе, чѣмъ кто нибудь, онъ созданъ духомъ своего народа, своего времени и на немъ неизгладимо означенъ ихъ образъ. Вдохновенная мысль, воспитанная стремленіемъ къ истинѣ, первая усматриваетъ признаки времени. Въ ея произведеніяхъ сами собою отражаются господствующія начала и направленія эпохи. То, что происходитъ глухо въ умахъ,

пріобрѣтаетъ себѣ выраженіе въ поэтическомъ сознаніи и возводится въ ясное для всѣхъ представленіе... Остережемся, чтобы вмѣсто поэта не навязать себѣ на шею или фразёра, или доктринёра. Фразёръ — это родъ никуда не годный, и объ немъ говорить ничего не стоитъ; доктринёръ—дѣятель почтенный, но гораздо бы лучше дѣйствовать ему прямѣе, не прибѣгая къ формамъ художественнаго творчества...»

Какъ сдѣлана Катковымъ поэтическая характеристика Пушкина, можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ.

«Въ Пушкинѣ, говоритъ Катковъ, впервые со всею энергіей почувствовалась жизнь въ русскомъ словѣ и самобытность въ русской мысли. Оттого-то такъ радостно и весело раздались пѣсни Пушкина. Съ неописаннымъ восторгомъ внимали всѣ этому потоку свободныхъ, легкихъ и сладкихъ звуковъ. Въ нашей литературѣ дохнуло тогда весной. Какъ все пробудилось, какъ закипѣло, какъ все обрадовалось жизни!»

«По особенной природѣ своего генія, Пушкинъ былъ поэтъ мгновенья — замѣчаетъ Катковъ въ другомъ мѣстѣ. Его даръ состоялъ въ изображеніи отдѣльныхъ состояній души, отдѣльныхъ положеній жизни. Онъ воспроизводитъ движенія сердца во всей полнотѣ жизни и истины; основное настроеніе даннаго момента умѣлъ онъ возводить до типическаго выраженія. Но не было въ его дарованіи—переходить въ непрерываемомъ развитіи отъ положенія къ положенію, и изъ одного момента выводить другой. Напрасно стали бы мы искать у Пушкина полныхъ характеровъ: лица, выводимыя имъ, бо̀льшею частью исчезаютъ въ поэзіи отдѣльныхъ мгновеній или служатъ только внѣшнею связью, соединяющей различныя положенія жизни. Пушкинъ не обладалъ стремленіемъ созерцать въ единствѣ многообразіе явленій».

Катковъ подкрѣпляетъ свою мысль указаніемъ на наклонность Пушкина къ изображенію отдѣльныхъ драматическихъ сценъ («Скупой Рыцарь», «Каменный Гость», «Русалка», и т. д.) и на очевидное проявленіе той же наклонности какъ въ единственномъ полномъ драматическомъ произведеніи Пушкина «Борисѣ Годуновѣ», который составляетъ рядъ сценъ, внѣшнимъ образомъ между собою связанныхъ,— такъ и въ большихъ поэмахъ Пушкина, представляющихъ или одно положеніе, богато обставленное разнообразными подробностями (какъ напр. «Кавказскій Плѣнникъ, «Бахчисарайскій фонтанъ», «Цыганы» и т. д.), или же великолѣпный, но искусственно связанный рядъ картинъ, очерковъ,

образовъ, лирическихъ мѣстъ (какъ «Русланъ и Людмила», «Полтава», «Евгеній Онѣгинъ»). Наконецъ, Катковъ указываетъ на тусклость прозаическихъ повѣстей Пушкина. Онъ дѣлаетъ исключеніе изъ этой характеристики для «Капитанской дочки».

А характеры Онѣгина, Татьяны? спросимъ мы. Очевидно, указанной Катковымъ чертѣ въ талантѣ Пушкина нельзя придавать—да онъ и самъ не придавалъ ей—слишкомъ категорическаго значенія. Это была черта, дѣйствительно преобладавшая въ личности поэта, но смягчавшаяся многосторонностью его дарованія. Онъ могъ творить и цѣльные характеры, но по преимуществу дѣйствительно увлекался изображеніемъ отдѣльныхъ лирическихъ или драматическихъ минутъ.

Катковъ старался выяснить причину этого явленія. Для изображенія характеровъ необходимо сопоставленіе ихъ съ разнообразнѣйшими условіями жизни, надо заставлять ихъ переживать различныя чувства и душевныя движенія. Между тѣмъ, у Пушкина быль сердца восходила къ прямому выраженію въ лирическихъ изліяніяхъ и затѣмъ не легко переносилась въ новыя сочетанія, не легко входила въ составъ новыхъ творческихъ образованій. Пушкинъ—замѣчаетъ Катковъ,—не любилъ касаться внутреннихъ струнъ сердца, иначе, какъ въ оградѣ стиха. Очевидно, въ поэтической натурѣ Пушкина преобладала лирическая струя. Въ этомъ отношеніи наиболѣе родственнымъ ему талантомъ былъ, конечно, неукротимо страстный Байронъ, а противоположностью—холодная, но гармонически соразмѣренная натура Гёте.

Три раза, замѣтимъ мимоходомъ, приходилось говорить Каткову о Пушкинѣ въ различные періоды своей жизни. Первымъ его трудомъ, напечатаннымъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», былъ, какъ вспомнитъ читатель, переводъ статьи Варнгагена фонъ-Энзе объ этомъ поэтѣ. Первымъ его трудомъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»

было изслѣдованіе о немъ же. Въ третій разъ онъ заговорилъ о Пушкинѣ по поводу открытія его памятника въ Москвѣ. Это было 6 іюня 1880 года. Катковъ издалъ особый листъ приложенія къ «Московск. Вѣдомостямъ», посвященный памяти поэта. Тогда Катковъ былъ уже другимъ человѣкомъ. Онъ постарался въ статьѣ о Пушкинѣ притянуть его на свою сторону, поставить во главу «русской партіи», какъ сталъ называть свое направленіе Катковъ.

«У насъ,—говоритъ тогда Катковъ,—все толкуютъ о политическихъ партіяхъ. Не принадлежалъ ли и Пушкинъ къ какой либо партіи? Да, принадлежалъ. Воздавая хвалу Петру Великому, Пушкинъ цѣнилъ въ преобразователѣ особенно то, что онъ не презиралъ страны и вѣрилъ въ ея предназначеніе... Кто изъ этихъ словъ не узнаетъ партіи, къ которой принадлежалъ Пушкинъ? Онъ принадлежалъ къ русской партіи. Самое слово: «русская партія» есть слово Пушкина. Передавая въ своемъ «Современникѣ» записки Моро-де-Бразе, иностранца, служившаго въ войскахъ Петра Великаго, Пушкинъ останавливается на сѣтованіи этого авантюриста, который упрекалъ русскаго царя за пристрастіе его къ русскимъ, и дѣлаетъ такое примѣчаніе: «Благодаримъ нашего автора за драгоцѣнное показаніе. Намъ пріятно видѣть удостовѣреніе даже отъ иностранца, что Петръ Великій и фельдмаршалъ Шереметевъ принадлежали къ партіи русской».

Когда Катковъ писалъ эти строки (въ 1880 г.), значеніе его въ русской жизни казалось ослабѣвшимъ; на него смотрѣли, какъ на человѣка устарѣлаго, выжившаго изъ условій времени.

Черезъ шесть съ половиной лѣтъ — 29 января 1887 года наступила пятидесятилѣтняя годовщина смерти Пушкина. Катковъ хотя и былъ тогда у порога могилы, но пользовался несомнѣнно выдающимся значеніемъ. Опять пришлось говорить ему о русскомъ поэтѣ. Но на этотъ разъ онъ ограничился замѣткой, гдѣ сѣтовалъ на то, что заросла народная тропа къ произведеніямъ Пушкина и, въ ожиданіи предстоявшихъ изданій его сочиненій, обѣщалъ дать въ газетѣ библіографическій ихъ разборъ («М. В.» 1887 года, № 29).

Вернемся къ шестидесятымъ годамъ. Въ 1861 году «Современная Лѣтопись» отдѣляется отъ «Русскаго Вѣстника» и обращается въ дополнительное къ нему изданіе. Это какъ бы еженедѣльная газета. Отдѣлъ внутренняго обозрѣнія въ «Русскомъ Вѣстникѣ» превращается въ журнальное обозрѣніе.

Въ теченіе первыхъ десяти мѣсяцевъ 1861 года Катковъ почти не пускается въ обсужденіе внутреннихъ вопросовъ нашей политической жизни. Онъ заявляетъ, правда, въ первомъ нумерѣ «Современной Лѣтописи», что «великое пріобрѣтеніе нашего времени — и прошедшій годъ не мало содѣйствовалъ ему своими событіями — состоитъ въ томъ, что начало свободы, которое было главною движущею силою новѣйшей исторіи, перестало быть пугаломъ, грозою, тревогой и смутой. Оно все болѣе и болѣе становится началомъ консервативнымъ, въ истинномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова. Оно для современныхъ обществъ не есть уже что-то странное, чуждое, приходящее издали, вносящее тревогу въ жизнь и бурный энтузіазмъ въ умы; для современныхъ обществъ оно становится необходимымъ условіемъ жизни; оно уже въ нихъ не пришлецъ, а почти хозяинъ» («Совр. Лѣтоп.» 1861 г. № 1, стр. 14). Но на практикѣ русская публицистика пока не придерживалась упомянутаго начала и хранила почти безусловное молчаніе относительно большей части явленій внутренней жизни. Происходятъ безпорядки въ Варшавѣ, на улицахъ льется кровь — Катковъ, этотъ горячій поборникъ государственнаго единства, молчитъ. На страницахъ «Современной Лѣтописи» 1861 года появляется только отчетъ объ этихъ печальныхъ событіяхъ. Въ № 13 «Современной Лѣтописи» Катковъ, говоря объ ожиданіяхъ Россіи относительно предстоящихъ выборовъ въ мировые посредники, жалуется на почти совершенное отсутствіе гласности (которую замѣняютъ только свистки и скандалы — прибавляетъ онъ).

Редакціонный отдѣлъ «Современной Лѣтописи» прибли

зительно до ноября 1861 г. занимается почти исключительно тѣмъ, что происходитъ внѣ Россіи: засѣданіями туринскаго парламента, брошюрами, издаваемыми иностранными государственными людьми, путешествіями императора Наполеона III въ Виши и иными фактами такъ называемой политической важности. Само собою разумѣется, что почтенное мѣсто въ этихъ описаніяхъ отводится Катковымъ событіямъ государственной жизни въ Англіи.

Исключеніе сдѣлалъ Катковъ для вопроса о судѣ присяжныхъ, затронутаго профессоромъ Спасовичемъ въ публичныхъ лекціяхъ о теоріи судебныхъ доказательствъ, помѣщенныхъ въ послѣднихъ двухъ книжкахъ «Журнала Министерства Юстиціи» за 1860 годъ. Почтенный профессоръ высказался въ этихъ лекціяхъ за систему выборныхъ судей для Россіи, не усматривая данныхъ для введенія суда присяжныхъ въ нашемъ отечествѣ. Учрежденіе этого суда предполагаетъ въ среднихъ классахъ, по замѣчанію автора, наличность такихъ качествъ, которыхъ нѣтъ въ среднихъ классахъ Россіи, а именно: зрѣлой опытности въ сужденіи объ общественныхъ дѣлахъ, а въ случаѣ надобности — и рѣшимости взять на свою душу осужденіе обвиняемаго преступника. Противъ этого мнѣнія горячо ополчился Катковъ, доказывая, что нравственная простота народа является скорѣе достоинствомъ, чѣмъ недостаткомъ и ни мало не препятствуетъ введенію у насъ упомянутой формы суда. («Совр. Лѣт.» 1861 г. № 3, стр. 6 — 13).

Когда Аксаковъ, въ концѣ октября мѣсяца 1861 года, приступилъ къ изданію газеты «День», онъ обратился къ русской журналистикѣ съ укоромъ, что она гораздо больше интересуется Парижемъ, Лондономъ и Флоренціей, чѣмъ Тулой, Рязанью и Царевококшайскомъ. Очевидно, что объясненіе этого молчанія надо искать не въ отсутствіи интереса въ нашей внутренней жизни, а въ нѣкоторомъ недоумѣніи печати, не знавшей, какъ отнесется правитель-

ство къ повседневному вмѣшательству прессы въ эту область. Заговорилъ одинъ, заговорили и всѣ другіе, и поднялась обыкновенная стоязычная молва, въ которой такъ мало гармоніи. Не долго обходилось безъ репрессивныхъ средствъ. Уже въ маѣ мѣсяцѣ 1862 г. появляются административныя мѣры противъ повременныхъ изданій. «Современникъ» и «Русское Слово» подвергнуты были запрещенію на восемь мѣсяцевъ, а Аксаковъ лишенъ права на изданіе газеты за неисполненіе цензурныхъ правилъ; послѣднее запрещеніе продолжалось, впрочемъ, не долго: до сентября мѣсяца того же года.

Въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ 1861 г. появляются въ «Современной Лѣтописи», издаваемой Катковымъ, редакціонныя статьи по разнообразнымъ внутреннимъ вопросамъ: о судѣ присяжныхъ, о преимуществахъ устности въ уголовномъ разбирательствѣ, о сословномъ началѣ въ русской жизни и въ особенности объ университетскомъ вопросѣ, выдвинутомъ происходившими въ Петербургѣ безпорядками. Общее направленіе этихъ статей заключается въ сочувствіи дальнѣйшимъ реформамъ правительства.

Такъ, въ № 45 «Современной Лѣтописи» 1861 года сообщаются подробности объ устройствѣ суда присяжныхъ въ разныхъ странахъ, причемъ высказывается симпатія къ этому институту. «Можно сказать съ достовѣрностью — заявляется въ этой статьѣ — что число сторонниковъ его и убѣдительность доказательствъ въ его пользу увеличиваются по мѣрѣ того, какъ умножаются опыты его въ тѣхъ государствахъ, гдѣ оно введено съ недавняго времени, такъ что и тамъ, гдѣ учрежденіе это не существуетъ, рано или поздно возникаетъ желаніе имъ воспользоваться». Еще сильнѣе высказывается это сочувствіе въ 1862 году. «Теперь у насъ въ большомъ ходу вопросъ о присяжныхъ, — учрежденіи превосходномъ, — говорилъ Катковъ, — которое, по всей вѣроятности, примется у насъ, если будетъ введено въ своемъ настоящемъ видѣ, какъ важное

орудіе праваго и строгаго суда, основаннаго на матеріальной сущности дѣла, а не на однихъ формальныхъ доказательствахъ, часто совершенно недостаточныхъ для улики очевиднаго преступника». («Совр. Лѣт.» 1862 г. № 22, стр. 16).

Въ статьяхъ по университетскому вопросу [1]), Катковъ выражаетъ мысль о необходимости введенія государственныхъ экзаменовъ посредствомъ экзаменаціонныхъ коммиссій; онъ полемизируетъ съ Костомаровымъ, который въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» высказываетъ мысль о преобразованіи университетовъ въ образовательныя ученыя заведенія, въ родѣ Collège de France, съ упраздненіемъ студенчества (№№ 44, 45, 47 и 48). Въ 1862 году, Катковъ, по поводу уже составленнаго проекта новаго университетскаго устава, высказывается за необходимость принятія мѣръ къ тому, чтобы студенты не только пассивно слушали профессоровъ, а учились серьезно подъ руководствомъ послѣднихъ, — онъ предлагаетъ возложить это руководство на казенныхъ стипендіатовъ, прикомандированныхъ къ университету по окончаніи курса для продолженія ученыхъ занятій («Совр. Лѣтоп.» 1862 г. № 50); онъ возражаетъ противъ допущенія на лекціи постороннихъ слушателей и, между прочимъ, женщинъ, являющихся туда безъ всякой опредѣленной практической цѣли (№ 51); для обезпеченія лучшаго состава профессоровъ онъ предполагаетъ, не прибѣгая къ системѣ правительственныхъ назначеній, расширить среду университетскихъ совѣтовъ введеніемъ въ нихъ всѣхъ получившихъ ученыя степени магистровъ и докторовъ и иныхъ почетныхъ членовъ и увеличить гласность засѣданій, допуская присутствовать на нихъ преподавателей университета, не имѣющихъ права быть членами совѣта (№ 52).

---

[1]) Вопросъ этотъ былъ выдвинутъ безпорядками, происходившими среди студентовъ петербургскаго и московскаго университетовъ.

По вопросу о сословности въ «Современной Лѣтописи» 1861 года помѣщена статья М. Салтыкова (нашего знаменитаго сатирика), въ которой указывается на необходимость общенія дворянъ съ народомъ, какъ на единственный предстоящій для нихъ исходъ, причемъ помѣщикамъ рекомендуется для этого обращаться въ члены тѣхъ сельскихъ обществъ и волостей, въ которыхъ находятся ихъ имѣнія (№ 42). Въ 1861 году произошло, между прочимъ, одно довольно интересное событіе. Нѣкто дворянинъ Симбирской губерніи, Мясоѣдовъ, жительствовавшій въ Мензелинскомъ уѣздѣ Оренбургской губерніи, подалъ, женившись на крестьянкѣ, просьбу о перечисленіи его въ государственные крестьяне. Ему было въ этомъ отказано, что̀ признавалось неправильнымъ публицистами, писавшими по этому поводу въ «Современной Лѣтописи» (Бухомъ и Винбергомъ). Съ своей стороны, Катковъ счелъ нужнымъ весьма рѣшительно высказаться по сословному вопросу, въ виду падавшихъ на него въ то время нареканій въ аристократическомъ направленіи. «Когда бароны были господами вассаловъ, — говоритъ онъ, — когда дворяне владѣли населенными имѣніями и крѣпостнымъ людомъ, они могли дорожить своимъ исключительнымъ состояніемъ, которое давало имъ право власти надъ другими людьми, но когда эта власть исчезла, то для людей особой породы нѣтъ причины находиться въ исключительномъ и разобщенномъ состояніи. Все, что могло дать цѣну этому состоянію, исчезло, остается лишь только то, что даетъ чувствовать его невыгоду». «Аристократическое начало, — формулируетъ онъ свою мысль — никакъ не должно существовать подъ фирмой особой породы или благорожденнаго сословія» («Совр. Лѣт.» 1861 г. № 51, стр. 17). «У насъ, слава Богу, — продолжаетъ онъ, — особыя гражданскія состоянія, основанныя на родовомъ началѣ, или гражданскія породы — дѣло не туземное, не домашнее, не коренное, а случайное и пришлое. Это дѣло со многимъ дру-

гимъ заимствовано нами изъ Германіи. Особыя гражданскія породы, или, какъ мы не собственно выражаемся, сословія у насъ происхожденія очень недавняго. Въ прежнюю пору были у насъ исключительные служебные и общественные разряды, но они не были породами, не были особыми гражданскими состояніями». (Тамъ же).

Полемика Каткова съ крайними взглядами такъ называемаго отрицательнаго направленія не носитъ еще въ 1861 году ея позднѣйшаго ожесточеннаго характера. Укажемъ въ этомъ отношеніи на двѣ статьи «Русскаго Вѣстника»: «Старые и новые боги» и «Виды на entente cordiale съ «Современникомъ» («Рус. Вѣстн.» 1861 г., №№ 1 и 7). Въ первой статьѣ остроумно сопоставляется увлеченіе извѣстнымъ въ тѣ времена пророкомъ-юродивымъ въ Москвѣ Иваномъ Яковлевичемъ съ новомоднымъ культомъ разныхъ идей, причемъ вышучиваются сотрудники «Современника»: Антоновичъ — за его критику философскаго лексикона, и Чернышевскій, главный вождь дружины передовыхъ людей. «Русскій Вѣстникъ» похваливаетъ Чернышевскаго за его статьи о политической экономіи Стюарта Милля и замѣчаетъ, что онъ начинаетъ говорить человѣческимъ языкомъ объ экономическихъ предметахъ. Il s'humanise ce monsieur. Вторая статья подсмѣивается надъ дѣленіемъ интеллигентныхъ людей въ Россіи на консерваторовъ и прогрессистовъ разныхъ оттѣнковъ. Необходимы эти термины въ обществахъ, гдѣ существуетъ развитая политическая жизнь, но гдѣ нѣтъ такой жизни и гдѣ нѣтъ политическихъ партій, борющихся изъ-за власти, они звучатъ невыразимою пошлостью. Правда и то, замѣчаетъ иронически статья, что всякій человѣкъ имѣетъ, конечно, отношеніе къ будущему, но эта область наполнена всевозможными разногласіями и контрастами. Кто мечтаетъ объ объятіяхъ гурій или объ охотѣ въ равнинахъ великаго духа; кто гадаетъ о томъ, какъ черезъ полтораста лѣтъ люди будутъ жить на правахъ общиннаго

владѣнія, и трудъ будетъ наслажденіемъ для мускуловъ и утѣхой для нервовъ; кто о томъ, какъ въ 1961 году будутъ по всѣмъ направленіямъ летать аэростаты, а въ 2061 году люди будутъ строить города на облакахъ.

Весьма интересна появившаяся въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ началѣ 1862 года, статья: «Къ какой мы принадлежимъ партіи?» Выясненіе этого вопроса стало, очевидно, необходимымъ со времени окончательнаго дарованія крестьянской реформы. До этого момента ожиданіе означенной реформы болѣе или менѣе объединяло людей самыхъ разнородныхъ направленій. Славянофилы и западники, консерваторы, либералы и соціалисты всѣ одинаково поддерживали необходимость великаго законодательнаго акта, за исключеніемъ, впрочемъ, только старопомѣщичьей партіи, которая, однако, не находила тогда отголоска въ печати. За освобожденіе крестьянъ ратовалъ Самаринъ на страницахъ «Русской Бесѣды», Чернышевскій доказывалъ его цѣлесообразность въ «Современникѣ». Конечно, виды были различны. Самаринъ отстаивалъ, напримѣръ, крестьянскую общину, какъ самобытное русское учрежденіе. Чернышевскій же, какъ мы говорили, сочувствовалъ ей, какъ проявленію будущаго способа владѣнія имуществомъ во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности. Послѣ отмѣны крѣпостного права вопросъ о дальнѣйшемъ строѣ русской жизни представлялся уже въ различномъ видѣ для людей не единомыслившихъ. Наступало время яснѣе и яснѣе высказываться. Это сдѣлалъ Катковъ въ названной выше статьѣ.

Вотъ что говоритъ онъ въ ней о современномъ положеніи общества:

«У насъ есть философы всѣхъ разрядовъ: и матеріалисты, и идеалисты, и всевозможные исты, хотя философіи у насъ еще не бывало. У насъ есть политическія партіи всѣхъ оттѣнковъ: консерваторы, умѣренные либералы, прогрессисты, конституціоналисты (даже не выговоришь этого ужаснаго термина!) и демократы, и демагоги, и соціалисты, и коммунисты; но у насъ нѣтъ ничего похо-

жаго на политическую жизнь». «Не только къ этимъ шутовскимъ партіямъ, но и къ партіямъ серьезнымъ, еслибъ онѣ когда нибудь образовались у насъ, мы не могли бы примкнуть, — прибавляетъ Катковъ. Мы понимаемъ всю важность политическихъ партій тамъ, гдѣ онѣ являются дѣломъ серьезнымъ; мы готовы отдать должную честь органамъ политическихъ партій тамъ, гдѣ онѣ существуютъ, и, однако, сами не согласились бы принять на себя обязанность служить органомъ какой бы то ни было партіи. У всякаго своя натура и свое призваніе, какъ у человѣка, такъ и у журнала. Всякій можетъ быть полезенъ только въ предѣлахъ своей натуры и по своимъ средствамъ».

Катковъ относитъ себя къ категоріи людей, стоящихъ особнякомъ.

«Ихъ призваніе — искать рѣшеніе вопросовъ не въ интересахъ какого либо особаго направленія, не въ видахъ какой либо отдѣльной партіи, а въ общемъ интересѣ дѣла, согласно съ его сущностью и его естественнымъ положеніемъ въ системѣ того цѣлаго, къ которому они принадлежатъ».

Органы этого направленія, говоритъ онъ, не должны замыкаться ни въ какую организацію, не должны быть ни присяжными либералами, ни присяжными консерваторами, они могутъ быть и тѣми, и другими вмѣстѣ, при извѣстныхъ условіяхъ и въ извѣстномъ смыслѣ. Истинно прогрессивное направленіе должно быть консервативнымъ, т. е. считаться съ существующимъ и держаться тѣхъ началъ, на которыхъ основано общество. Конечно, не разрушеніе должно быть цѣлью прогресса. Хотя жизнь пользуется и смертью, но она не можетъ ея желать. Но зато, съ другой стороны, истиннымъ предметомъ консерватизма должны быть не формы, а только начала, которыя въ нихъ живутъ и даютъ имъ смыслъ.

Катковъ съ особымъ презрѣніемъ отзывается о закоснѣлыхъ консерваторахъ въ слѣдующихъ многозначительныхъ словахъ:

«Плохіе тѣ консерваторы, которые имѣютъ своимъ лозунгомъ statu quo, какъ бы оно ни было гнило, которые держатся господствующихъ формъ и очень охотно мѣняютъ начала. Для такихъ все равно, какое бы ни образовалось положеніе дѣлъ, для нихъ все равно, какая бы комбинація ни вступила въ силу; имъ важно знать,

на которой сторонѣ власть... Если со временемъ разовьется у насъ политическая жизнь и образуются партіи, то да избавитъ Богъ наше отечество отъ такихъ консерваторовъ!» («Русскій Вѣстникъ» 1862 г., № 2).

Мысли, высказанныя въ этой статьѣ можно раздѣлить на двѣ части. Въ послѣдней рекомендуется умѣренность въ консерватизмѣ и либерализмѣ; въ первой же констатируется личная невозможность для Каткова присоединиться не только къ фальшивымъ, но и къ серьезнымъ партіямъ.

Мы уже охарактеризовали такое отношеніе къ дѣлу, какъ оппортунизмъ. Катковъ старается доказать его полезность тѣмъ, что для общества необходимъ интересъ всесторонней оцѣнки, а такая оцѣнка не можетъ быть произведена съ партійной точки зрѣнія. Эта мысль едва ли основательна. Казалось-бы, что именно партійность обсужденія, если только одна партія не подавляетъ и не заглушаетъ другихъ, содѣйствуетъ всестороннему освѣщенію предмета, вызывая разнообразнѣйшіе взгляды. Съ другой стороны, какова бы ни была критика, она не можетъ не исходить изъ опредѣленныхъ началъ. Отчего же прямо не поставить эти начала во главу всей дѣятельности? Боязнь сдѣлаться одностороннимъ, если станешь на какую либо точку зрѣнія, не можетъ смущать; изъ двухъ золъ безпочвенность во всякомъ случаѣ хуже односторонности.

Мы уже объясняли эту особенность взгляда Каткова тѣмъ, что теоретическія начала не глубоко проникли въ его сознаніе, благодаря позднему и случайному изученію политической и юридической областей. Это составляло безспорно слабое мѣсто въ дѣятельности публициста.

Нельзя не замѣтить, что Катковъ ставитъ условіями свободной критики для людей своего закала отсутствіе соприкосновенія съ властью и заботы ворочать по-своему ходъ дѣлъ. Это обстоятельство заслуживаетъ вниманія. Нельзя не согласиться съ полной необходимостью этихъ условій, на которыя указалъ самъ Катковъ.

Славянофильскій кружокъ, въ лицѣ издателя «Дня» — Аксакова, также отвергалъ raison d'être дѣленія представителей общественнаго слова на партіи съ заимствованными изъ западно-европейской жизни титулами.

«Въ самомъ дѣлѣ, что такое партія? — спрашиваетъ Аксаковъ въ передовой статьѣ отъ 24-го марта 1862 года. — Партія въ томъ смыслѣ, какъ она понимается на Западѣ, есть союзъ людей, не просто согласныхъ между собою въ своихъ убѣжденіяхъ, но согласившихъ, сладившихъ, скомпоновавшихъ свои дѣйствія для достиженія извѣстной опредѣленной цѣли... Однимъ словомъ, партія есть явленіе западной политической жизни и предполагаетъ: или внѣшнюю цѣль, напримѣръ, успѣхъ лица въ достиженіи извѣстнаго званія, или же, имѣя своимъ знаменемъ какой либо политическій или нравственный принципъ—способъ дѣйствія условленный и внѣшній. То, что у насъ называется ложно партіями, можетъ называться направленіями или даже школами, ученіями, но никакъ не партіями. Направленіе, свободно разрабатываясь, можетъ видоизмѣняться въ безчисленныхъ оттѣнкахъ, жить своею внутреннею жизнью приниматься другими не вполнѣ, а отчасти: оно не предполагаетъ никакой условности, не обязательно ни для кого, а требуетъ только искренности отъ человѣка, становится его самостоятельнымъ убѣжденіемъ, его личною жизнью» (П. с. соч. т. II, стр. 56—58).

Но въ profession de foi Каткова и Аксакова можно отмѣтить существенное различіе. Катковъ устанавливалъ за собою полную свободу дѣйствій, онъ не признавалъ возможнымъ опредѣлить своего отношенія къ общественной жизни даже въ видѣ какого либо направленія; для него истина — въ общемъ интересѣ дѣла, какъ онъ говорилъ; Аксаковъ, напротивъ того, освобождалъ себя только отъ мертвящаго давленія заранѣе выработанныхъ формулъ: общій его путь былъ ему ясенъ.

Изъ-за статьи «Къ какой мы принадлежимъ партіи?» возгорѣлась ожесточенная полемика между Катковымъ и издателемъ «Колокола», извѣстнымъ Герценомъ. «И три раза въ одиночку на Искандера ходилъ» — вспоминаетъ про этотъ эпизодъ Алмазовъ. Герценъ первый задѣлъ Каткова. Онъ послалъ ему укоръ за то, что Катковъ не придаетъ значенія русскимъ политическимъ партіямъ и указалъ на многихъ лицъ, попавшихъ за политическую аги-

тацію въ казематы и Сибирь. — «Это ли не убѣжденія?» спросилъ Каткова Герценъ.

Катковъ отвѣтилъ на это вскользь, не называя Герцена, но ясно на него намекая. Говоря о личномъ составѣ и условіяхъ дѣятельности мировыхъ посредниковъ, онъ выразилъ пожеланіе, чтобы прекратилось положеніе нѣкоторой умственной и нравственной неурядицы въ обществѣ, чтобы исчезло анархическое состояніе общественнаго мнѣнія, въ которомъ раздраженныя и разложенныя общественныя силы парализуютъ себя взаимно, предоставляя агитировать кому вздумается, какому нибудь свободному артисту, который серьезно воображаетъ себя представителемъ русскаго народа, рѣшителемъ его судебъ, распорядителемъ его владѣній и дѣйствительно вербуетъ себѣ приверженцевъ во всѣхъ мѣстахъ русскаго царства, а самъ, сидя въ безопасности за спиною лондонскаго полисмена, для своего развлеченія посылаетъ ихъ на разные подвиги, которые кончаются казематами или Сибирью, да еще не велитъ «сбивать ихъ съ толку» и «не говорить ему подъ руку» («Совр. Лѣт.» 1862 г., № 20, стр. 23).

Весною 1862 г. въ Петербургѣ сдѣлались весьма многочисленными пожары. Катковъ, упомянувъ о разбрасываемыхъ прокламаціяхъ, въ которыхъ, впрочемъ, о пожарахъ ничего не говорилось, выразилъ, хотя и весьма уклончиво, предположеніе о томъ, что не стоятъ ли тѣ и другія явленія въ связи между собою. «Journal de St.-Pétersbourg», аккуратно наставлявшій Европу о внутреннихъ событіяхъ въ Россіи, поспѣшилъ сообщеніемъ, что слѣдственные розыски не указали ни на малѣйшее участіе въ этомъ бѣдствіи руки какихъ бы то ни было политическихъ агитаторовъ. Впослѣдствіи, однако, говорилось иначе, напримѣръ, въ правительственномъ сообщеніи о пожарахъ 1864 года. Катковъ самъ призналъ данное въ 1861 году объясненіе невѣроятнымъ, но, кстати, сдѣ-

лалъ вылазку противъ заграничныхъ refugiés. Онъ замѣтилъ, что послѣдніе, повидимому, считаютъ Россію страною, приспособленною именно къ тому, чтобы излить на нее полный фіалъ всевозможныхъ безумствъ и глупостей, которыя накоплялись въ разныхъ мѣстахъ и отовсюду отброшены. Указывая на авторитетъ этихъ господъ, онъ объясняетъ его рабскими инстинктами и нравственнымъ несовершеннолѣтіемъ народа («Совр. Лѣт.», № 23, стр. 12). Катковъ опять не назвалъ прямо Герцена, хотя подразумѣвалъ его въ очень прозрачныхъ указаніяхъ, но уже прямо продернулъ Огарева, который, благодаря упомянутымъ обстоятельствамъ,—говоритъ Катковъ, — также попалъ въ папы.

На этомъ, очевидно, дѣло не могло остановиться. Должна была произойти рѣшительная схватка. Задѣтый намеками на нравственную недобропорядочность, Герценъ отвѣтилъ письмомъ, которое просилъ редакторовъ «Современной Лѣтописи» напечатать. Онъ обращается къ нимъ со словами:

«Мы, поднявши голову, смотримъ въ ваши ученые глаза... кто кого пересмотритъ?» «Вы спрашиваете, замѣчаетъ онъ, что мы за люди. Можетъ, вы слыхали, какъ въ 1849 году въ народномъ собраніи Прудонъ, задѣтый такимъ же образомъ Тьеромъ, сказалъ ему спокойно, стоя на трибунѣ: «говорите о финансахъ, но не говорите о нравственности, я могу это принять за личность и тогда я не картель вамъ пошлю, а предложу другой бой, здѣсь, съ этой трибуны, я разскажу всю мою жизнь фактъ за фактомъ, каждый можетъ мнѣ напомнить, если я что нибудь пропущу или забуду. И потомъ пусть разскажетъ мой противникъ свою жизнь».

Но Катковъ порицалъ не прежнюю жизнь Герцена, а его тогдашнюю безцѣльную, обличительную дѣятельность.

Катковъ исполнилъ желаніе Герцена, напечаталъ его письмо въ «Русскомъ Вѣстникѣ», но воспользовался случаемъ, чтобы присоединить къ нему прямо направленную противъ Герцена статью, въ которой гнѣвная рѣчь Каткова бушуетъ и хлещетъ, какъ разъяренный потокъ.

Герценъ былъ до тѣхъ поръ въ родѣ неприкосновенной святыни для русской журналистики. Въ виду запрещен-

наго характера его изданій никто не дерзалъ о немъ говорить[1]). Между тѣмъ, изданія эти проникали въ Россію потайными путями и читались нарасхватъ. Эпохи реформъ всегда окружаютъ ореоломъ людей борьбы—и обаяніе Герцена было тогда громадно. Неудобства обличительной политики противъ Герцена были, слѣдовательно, весьма сложны: съ одной стороны цензура, съ другой—рискъ сдѣлаться непопулярнымъ.

Разсужденія о Герценѣ съ цензурной точки зрѣнія были однакоже нѣсколько облегчены для Каткова тѣмъ, что правительство въ 1862 году пропустило въ Россію изъ-за границы два напечатанныя въ Берлинѣ въ видѣ брошюры объясненія съ Герценомъ на французскомъ языкѣ подъ псевдонимомъ Шедо-Ферроти. Мы не разъ будемъ встрѣчаться съ этимъ псевдонимомъ при обозрѣніи послѣдующей дѣятельности Каткова. Кто писалъ подъ этой маской, хорошо извѣстно. Это былъ одинъ изъ немалочисленныхъ русскихъ космополитическихъ патріотовъ съ иностранной фамиліей, нѣкто баронъ Фирксъ. Шедо-Ферроти уже ранѣе того издалъ за границей шесть этюдовъ о будущности Россіи, въ которыхъ затрогивалъ съ точки зрѣнія гряду-

---

[1]) Попадались, правда, временами такія обличенія, какъ напримѣръ, напечатанный въ 1858 году нѣкіимъ Ижицынымъ «Ороскопъ кота» въ видѣ басни въ стихахъ. Въ ней говорилось, что какой-то желчный и кривой котъ-Васька забрался въ Альбіонъ, придумалъ ломать родной край и для этого предсталъ къ «мадзиніевскимъ рядамъ», сталъ щипать лежанку, на которой спалъ, и опучки съ тертымъ полушубкомъ и весь тотъ соръ издавалъ въ журналѣ. Но вдругъ, заявлялъ г. Ижицынъ, у бриттовъ является alien bill, смыслъ котораго, по его понятію, состоитъ въ томъ, чтобы ловить кота-Ваську, отправить ясновельможнаго кота и вора въ Ботанибей и велѣть

...За полюса звѣзду повѣсить,
А колоколъ коту къ хвосту привѣсить.

Послѣ этого, по мнѣнію г. Ижицына, мыши, крысы и педанты не будутъ уже попадать въ арестанты. Мы упоминаемъ объ этомъ произведеніи, продававшемся за гривенникъ, какъ объ образчикѣ досужаго остроумія, которое, впрочемъ, самъ авторъ, какъ видно, цѣнилъ не особенно высоко.

щихъ реформъ разные внутренніе вопросы. Статьи эти либерально настроены. Онъ выражалъ желаніе о сохраненіи только монархическаго начала въ Россіи, все остальное признавалось подлежащимъ обновленію.

Остановимся на этихъ статьяхъ Шедо-Ферроти, такъ какъ общественное мнѣніе того времени ставило ихъ въ соотношеніе съ однимъ вліятельнымъ кружкомъ въ средѣ высшаго правительства. Баронъ Фирксъ не былъ чуждъ и внѣшней связи съ правительствомъ — онъ былъ агентомъ министерства финансовъ въ Бельгіи.

Въ первомъ письмѣ къ Герцену Шедо-Ферроти такъ объясняетъ свое инкогнито:

«Псевдонимъ въ Россіи имѣетъ то преимущество, что на немъ нѣтъ чина, который отводилъ бы ему опредѣленное мѣсто въ служебной іерархіи. Понятно, нѣкоторые изъ нашихъ государственныхъ людей скорѣе согласились бы принять мнѣнія, появляющіяся подъ загадочнымъ именемъ, чѣмъ еслибы тѣ же мнѣнія были подписаны настоящею фамиліей, съ которою, какъ въ особенности съ моей, было бы связано представленіе о чинѣ, устанавливающемъ безконечное разстояніе между моимъ оффиціальнымъ достоинствомъ и тѣмъ, которымъ могутъ похвалиться читатели, для которыхъ я предназначаю свои сочиненія».

Какъ видно изъ этой тирады, Шедо-Ферроти имѣлъ въ виду высокопоставленныхъ читателей и даже льстилъ себя надеждой вліять на ихъ мнѣнія — что̀ съ его точки зрѣнія влекло за собою, конечно, необходимость псевдонима, такъ какъ чинъ на Шедо-Ферроти, по его словамъ, былъ средній — V класса.

Шедо-Ферроти обращается къ Герцену весьма почтительно съ пріемами и курбетами, указывающими, что его литературный собесѣдникъ, повидимому, былъ относимъ авторомъ также къ кругу высокопоставленныхъ лицъ — генералъ отъ революціи, какъ выразился потомъ Катковъ. Шедо-Ферроти до небесъ превозноситъ таланты Герцена, но укоряетъ его за увлеченіе соціализмомъ, мѣшающее ему быть полезнымъ Россіи. Къ укорамъ этимъ присоединяются совѣты, чтобы Герценъ обращался не къ массамъ, которыя

его не понимаютъ и читаютъ главнымъ образомъ вслѣдствіе блеска его слога и вольностей пера, а къ интеллигентной средѣ Россіи, т. е. къ ея правительству. Конечно, придется видоизмѣнить и заявляемыя предположенія, примѣнивъ ихъ къ росту теперешнихъ людей и обстоятельствъ, а не того гигантскаго міра, который грезится Герцену въ будущемъ. Шедо-Ферроти предостерегаетъ Герцена, что если онъ не послѣдуетъ его примѣру писать преимущественно для оффиціальныхъ сферъ, то его репутація погибнетъ. Онъ увѣряетъ Герцена, что кругъ его читателей уменьшается, что даже молодежь начинаетъ охладѣвать къ нему, и что если число его русскихъ подписчиковъ внѣшнимъ образомъ не сокращается, то это потому, что «Колоколомъ» интересуется чиновническая среда. Она зачитывается, говоритъ Шедо-Ферроти, отдѣломъ: «Подъ судъ», гдѣ Герценъ отдѣлываетъ ея братію. «Ахъ, какъ досталось такому-то, или какъ нагорѣло другому», передаютъ они съ восторгомъ. Дѣйствительно, тогда въ служебномъ мірѣ были двѣ репутаціи: одна—оффиціальная по послужному списку, другая—которую устанавливали запрещенныя изданія на берегахъ Темзы.

Трудно, конечно, установить, оказывалъ ли Шедо-Ферроти желаемое вліяніе на высшія петербургскія сферы, но Герценъ не внялъ его увѣщаніямъ. Въ слѣдующемъ 1862 г. онъ еще болѣе отдалился отъ возможности обратиться къ менѣе радикальному направленію. Онъ напечаталъ въ «Колоколѣ» письмо къ русскому послу въ Лондонѣ барону Бруннову, въ которомъ говорилъ о полученномъ имъ анонимномъ сообщеніи, что русское правительство хочетъ или похитить (sic), или убить его. Герценъ отвергаетъ первое предположеніе, не усматривая въ себѣ сходства съ Прозерпиной, но подчеркиваетъ второе, возлагая на русскаго посла отвѣтственность передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы за каждый волосъ его на головѣ. Фактъ этого письма и тонъ его одинаково непозволительны. Адвокатомъ pro

patria выступилъ все тотъ же Шедо-Ферроти. Онъ написалъ второе письмо къ Герцену, которое тотъ однакоже не напечаталъ. Тогда Шедо-Ферроти издалъ письмо Герцена отъ себя, съ своими замѣчаніями. Онъ указываетъ Герцену, какая честь быть запрещеннымъ со стороны запрещеннаго изданія, и что оно усугубитъ интересъ его произведенія въ глазахъ читателей «Колокола».

Обѣ брошюры Шедо-Ферроти были пропущены изъ-за границы и красовались въ витринахъ книжныхъ магазиновъ въ Петербургѣ. Это при тогдашнихъ цензурныхъ строгостяхъ не противорѣчитъ намекамъ Каткова въ 1864 и 1865 годахъ, что Шедо-Ферроти былъ не безъ добрыхъ радѣтелей въ томъ кругу читателей, для которыхъ онъ, по собственнымъ словамъ, писалъ.

Между тѣмъ, нельзя не констатировать слѣдующаго страннаго обстоятельства. Въ то время, когда брошюры Шедо-Ферроти продавались, какъ дозволенные предметы чтенія, въ магазинѣ Дюфура (теперешнемъ Мелье) и когда почитатели Герцена, по увѣреніямъ автора брошюры, вырывали на глазахъ у приказчиковъ магазина текстъ письма Герцена изъ его второй брошюры, чтобы выдѣлять слова дорогаго учителя изъ пучины критики и оскверненія, не было дано разрѣшеніе по внутренней цензурѣ о томъ, что въ Россіи можно писать о Герценѣ и обличать его. Катковъ въ 1864 году вспоминаетъ, что когда онъ представилъ цензору свою статью о Герценѣ, то цензоръ не безъ колебаній пропустилъ ее и даже, какъ прибавляетъ Катковъ, вскорѣ затѣмъ получилъ другое назначеніе («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 195).

Между брошюрой Шедо-Ферроти и статьей Каткова громадная разница. Первая имѣетъ видъ какъ бы оливковой вѣтви, вторая является страстнымъ и желчнымъ нападеніемъ, состоящимъ изъ язвительной и нерѣдко крупной брани.

Хотя при ожесточенныхъ ударахъ сила розмаха обык-

новенно мѣшаетъ мѣткости, тѣмъ не менѣе въ статьѣ Каткова (Замѣтка для издателей «Колокола», «Рус. Вѣст.» 1862 г., № 6) многое пришлось, какъ говорится, по больному мѣсту. Изъ сокрушительнаго гула сильныхъ выраженій обращаетъ на себя вниманіе упрекъ Герцену въ скептицизмѣ, который составлялъ едва ли не главную основу міровоззрѣнія Герцена, а между тѣмъ не вязался съ его агитаторской дѣятельностью. Можно ли, не имѣя вѣры, быть проповѣдникомъ? Катковъ справедливо указалъ, что на агитаторовъ отрицательнаго направленія падаетъ великая нравственная отвѣтственность за ихъ проповѣдь въ средѣ русской молодежи, такъ какъ на этой дѣвственной почвѣ эта проповѣдь должна была пустить и пустила слишкомъ глубокіе корни. «Что бы тамъ ни вышло, а нѣсколько поколѣній молодежи, потерявшей время и силы, будутъ во всякомъ случаѣ бѣдствіемъ для страны» — заявилъ тогда Катковъ и это обвиненіе оказалось печальнымъ предсказаніемъ.

Конечно, Герцену съ его тонкимъ анализомъ и художественнымъ чутьемъ было не мѣсто въ фанатической толпѣ русскихъ отрицателей. Мы не беремся дѣлать полной характеристики взглядовъ по общественнымъ вопросамъ, высказанныхъ этимъ писателемъ. Достаточно будетъ напомнить, что Герценъ послѣ революціонныхъ движеній 1848 года высказалъ рѣзкій протестъ противъ республиканскихъ и демократическихъ тенденцій, составлявшихъ основу западно-европейскаго революціонизма. Онъ заявлялъ съ смѣлостью искренно убѣжденнаго человѣка, что западно-европейская цивилизація обречена на погибель и что проблески новыхъ вѣяній не спасутъ ея (напр. въ книгѣ «Съ того берега» и др.). Называя себя случайно затерявшимся на пути исторіи явленіемъ, Герценъ сравнивалъ свое положеніе съ римскими философами первыхъ вѣковъ христіанства, одинаково чуждыми прошедшему и будущему. Увѣренные въ томъ, что они ясно и лучше понимаютъ истину,—гово-

рилъ онъ,—они скорбно смотрѣли на разрушающійся міръ и на міръ водворяемый, они чувствовали себя правѣе обоихъ и слабѣе обоихъ. Въ «Колоколѣ» 1861 года (15-го января) онъ, бывшій горячимъ западникомъ, высказываетъ уже солидарность со славянофилами. Основою его новаго душевнаго склада является вѣра въ самостоятельное развитіе русскаго духа. Но онъ не пошелъ на этомъ пути далѣе признанія въ русскомъ народѣ какого-то «нѣчто», которое, по его словамъ, выше общины и сильнѣе государственнаго могущества, какой-то невѣдомой духовной силы, сохранявшей русскихъ людей подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкой бюрократіи, подъ восточнымъ татарскимъ кнутомъ и подъ западными капральскими палками. Пришедши къ выводу, что Россія, по складу своего духа, не пойдетъ въ своемъ развитіи европейскимъ путемъ, не перейдетъ къ конституціонализму, не сдѣлаетъ революціи, чтобы, какъ онъ выражался, замѣнить своего царя—царями-представителями, царями-судьями, царями-полицейскими [1]), онъ сталъ въ своей журнальной пропагандѣ указывать, какъ на конечную цѣль этого развитія—на заимствованныя имъ все-таки изъ той же западно-европейской цивилизаціи идеи соціализма.

Все направленіе Герцена съ его измѣненіями и поворотами можно охарактеризовать, какъ дѣлавшееся все болѣе и болѣе безпредметнымъ свободолюбіе — критику для критики, протестъ безъ цѣли. Соціализмъ былъ для него милѣе всякихъ иныхъ программъ, какъ стремленіе, допускавшее всего болѣе простора чувству и фантазіи. Но онъ допускалъ соціализмъ только какъ смутное, неопредѣленное теченіе. Надъ доктринами соціализма онъ смѣялся; въ близкую осуществимость его идеаловъ онъ, конечно, не вѣрилъ. Критическій складъ его ума, составлявшій одну изъ

---

[1]) «Русскій народъ и соціализмъ» письмо къ Мишле Искандера. Переводъ съ франц. Лондонъ, 1858 г., стр. 41.

основныхъ чертъ его личности, разбивалъ всѣ попытки къ формулировкѣ этого ученія въ осязательныхъ чертахъ.

Съ такими неопредѣленными идеалами не слѣдовало Герцену выходить на поприще журнальной пропаганды. У него недостало стоицизма, чтобы выдержать положеніе зрителя совершающихся событій, на которое онъ себя обрекалъ. Начавшееся послѣ 1856 года движеніе умственной и общественной жизни въ Россіи увлекло его. Появилось новое все болѣе и болѣе усиливавшееся въ журналистикѣ и литературѣ направленіе такъ называемыхъ отрицателей, которые ставили своимъ призваніемъ «будить русскую мысль». Каковъ былъ печальный результатъ этого искусственнаго пробужденія,—показали пережитыя нами событія.

Герценъ былъ однимъ изъ первыхъ, которые принялись за эту задачу. Онъ занимался обличеніемъ русской политической и общественной жизни и одушевлялъ свою ѣдкую критику блескомъ исключительнаго таланта. Но что же онъ могъ привить молодежи? Душевную тоску, которою онъ страдалъ и которая, вѣроятно, толкнула его на этотъ «призракъ дѣла». Но тѣ порывы, которые сказались въ критической и художественной натурѣ Герцена въ видѣ философской меланхоліи, вызвали въ юныхъ дѣвственныхъ натурахъ порывы дикаго, фанатическаго энтузіазма. Не критики, а новой вѣры искали пробуждавшіеся умы — и, прошедши черезъ глубокое, огульное отрицаніе всевозможныхъ авторитетовъ, они доработались въ нравственномъ отношеніи до религіи мести и разрушенія. Герценъ когда-то стращалъ этимъ Францію, намѣчая ее въ тенденціяхъ коммунизма. Въ Россіи она приняла другое названіе. Она назвалась анархіей. Слово это составляетъ, какъ извѣстно, искаженіе термина, который Прудонъ давалъ своей соціальной критикѣ, но сущность та же, какъ и въ коммунизмѣ — тѣ же разрушительныя тенденціи.

Волна грубаго, огульнаго отрицанія, которою пошло

передовое направленіе, оставила скоро далеко позади первоначальныхъ руководителей. Она рвалась неудержимо впередъ. Появившаяся въ 1862 году на улицахъ Петербурга и Москвы прокламація: «Молодая Россія» указывала уже, какъ упоминаетъ Катковъ, на то, что Герценъ отсталъ, что онъ сбивается на тонъ простыхъ либераловъ, не желающихъ кровавой перестройки общества. Семья, собственность и прочія начала государственной и общественной жизни были признаны подлежащими устраненію. Дирижерская палочка перешла къ Чернышевскому, а потомъ къ другимъ все менѣе и менѣе даровитымъ и все болѣе и болѣе беззастѣнчивымъ фразерамъ.

Престижъ Герцена падалъ въ революціонномъ мірѣ. Онъ попытался, однако, его поднять. Въ отвѣтахъ на прокламаціи, онъ, какъ указываетъ Катковъ, дружески предостерегаетъ молодежь отъ того, чтобы не было проводимо солидарности между ними и такими явленіями, какъ петербургскіе пожары, дружески укоряетъ ее за излишнія увлеченія, но констатируетъ сродство по духу. Тѣмъ не менѣе, чѣмъ далѣе подвигалось время, тѣмъ диссонансъ между русскими революціонерами и издателемъ «Колокола» становился сильнѣе.

Свое обаяніе въ болѣе умѣренной либеральной средѣ интеллигенціи Герценъ окончательно подорвалъ въ 1863 и 1864 годахъ антипатріотической агитаціей по польскому вопросу. Подчинившись вліянію космополитическаго революціоннаго кружка въ Лондонѣ, Герценъ забылъ, что въ вопросахъ національныхъ никакія гуманитарныя теоріи не могутъ и не должны заслонять историческихъ интересовъ народа.

Но въ 1862 году престижъ Герцена былъ еще великъ. Самъ Катковъ вспоминаетъ, что три года тому назадъ, онъ, встрѣтившись въ Лондонѣ съ кружкомъ Герцена въ одномъ домѣ, какъ со старыми знакомыми по сороковымъ годамъ, заглянулъ къ нимъ не безъ надежды перемол-

виться добрымъ словомъ о ихъ направленіи. Но ничего изъ этого не вышло—разговоръ ограничился общими мѣстами. Катковъ предпринялъ это посѣщеніе съ серьезною цѣлью, но многіе русскіе являлись въ тѣ годы къ Герцену просто съ поклономъ, такъ какъ наши соотечественники вообще отличаются слабостью къ посѣщенію иностранныхъ знаменитостей. Но мода визитовъ къ Герцену дошла до такихъ невѣроятныхъ размѣровъ, что было признано нужнымъ положить ей конецъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1862 года два графа Р—ыхъ, занимавшіе блестящее положеніе при дворѣ, были исключены изъ службы (безъ объясненія причинъ), между прочимъ, за то, что легкомысленно подпали этой модѣ.

Конечно, статья Каткова не могла произвести впечатлѣнія на тотъ кругъ молодежи, который отринулъ уже всякія духовныя связи съ окружающимъ, но она могла оказать дѣйствіе на молодыхъ людей, которые переживали свою Sturm und Drangperiode безпредметнаго либерализма. Жестко было слово Каткова, но цѣль его была благая.

На стремившуюся къ нравственному единству натуру Каткова герценовская разорванность и томленіе духа естественно производили отталкивающее впечатлѣніе. Фейерверкъ ума и художественность произведеній Герцена оставляли его равнодушнымъ, такъ какъ они не освѣщали никакого пути, а только наводили на вопросы и сомнѣнія.

Катковъ характеризовалъ блестящіе афоризмы Герцена, какъ прихоти избалованной, изнѣженной, изломанной мысли, которая сама не знаетъ, чего она хочетъ,—какъ трескотню остротъ и фразъ, то жеманно рыдающихъ о мозгахъ человѣчества, то мефистофелевски хохочущихъ надъ исторіей, то съ пророческимъ жаромъ возвѣщающихъ пришествіе новаго мессіи, и новое небо, и новую землю,—какъ сатурналію полумыслей, полуобразовъ,—какъ броженіе головокъ и хвостиковъ недодѣланной мысли. Конечно, такая

оцѣнка дарованія Герцена не отличается безпристрастіемъ[1]). Стараясь, по возможности, уронить послѣдняго передъ читателями, Катковъ закрывалъ глаза на блестящія литературныя достоинства Герцена, на необыкновенную тонкость и чуткость его ума, на искреннюю сердечность его слова. Но, къ сожалѣнію, сдѣлавшись публицистомъ, Герценъ далъ основаніе произносить надъ собой приговоръ, какъ надъ публицистомъ — и этимъ воспользовался Катковъ.

Въ чемъ, спрашиваетъ Катковъ, состоитъ задача честнаго писателя, сколько нибудь мыслящаго и дѣйствительно любящаго свою родину? Способствовать ли броженію мысли или созидательному дѣлу? Запутывать ли дѣло всякою негодною примѣсью, капризами и фантазіями, и вызывать губительную реакцію, или разъяснять и упрощать его, и сосредоточивать общественное вниманіе на элементахъ существенныхъ и безспорныхъ? Каждый честный человѣкъ, въ такую минуту принимающійся за публичное слово и находящійся на полной свободѣ, не раздражаемый стѣсненіемъ, долженъ чувствовать на себѣ великую нравственную отвѣтственность, несовмѣстную съ легкомысліемъ, и избѣгать всего, чего онъ не сознаетъ съ полною ясностью, съ полнымъ разумнымъ убѣжденіемъ. Между тѣмъ, Герценъ,—заявляетъ Катковъ,—передъ каждымъ практическимъ вопросомъ, не содѣйствуя его разрѣшенію, раскрывалъ бездну своего радикализма, и только пугалъ, раздражалъ и сбивалъ съ толку. Было ли сказано въ его писаніяхъ хоть одно живое слово по тѣмъ реформамъ, которыя у насъ совершались, по тѣмъ вопросамъ, которые у насъ возникали? Что путнаго было у него сказано, напримѣръ, по поводу крестьянскаго дѣла, самаго капитальнаго и труднаго?

---

[1]) Болѣе объективнымъ и спокойнымъ отношеніемъ къ Герцену отличается статья о немъ Страхова (Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. 1887 г.).

Эти упреки не лишены основанія. Менѣе вразумительно обвиненіе, что Герценъ пустился въ публицистику изъ-за тщеславія, изъ-за того, что ему захотѣлось что нибудь значить между революціонными знаменитостями. Намъ кажется, какъ мы уже говорили, что Герценъ принялся за изданіе своихъ журналовъ, чтобы не сидѣть сложа руки въ виду внутренней работы обновлявшейся Россіи. Талантъ не только даръ, но и бичъ для людей. Онъ толкаетъ ихъ на неустанную, неугомонную работу...

Съ особеннымъ негодованіемъ говоритъ Катковъ объ отвѣтѣ Герцена на прокламацію: Молодой Россіи. Дѣйствительно, отвѣтъ этотъ «Вы насъ считаете отсталыми,— заявлялъ Герценъ, — мы не сердимся за это, и если отстали отъ васъ въ мнѣніяхъ, то не отстали отъ васъ сердцемъ, а сердце даетъ тактъ». Хорошее мѣрило въ такихъ случаяхъ сердце? А уму не надо, значитъ, давать никакого мѣста въ оцѣнкѣ. Герценъ проявилъ удивительную слѣпоту по отношенію къ Россіи. Онъ не понималъ опасности революціонныхъ увлеченій для развитія нашего отечества, онъ, такъ мѣтко предсказывавшій грядущія событія для другихъ народовъ [1]). Можетъ быть, это — общая слабость, которою даже врачи страдаютъ относительно діагноза собственныхъ болѣзней, можетъ быть, это—идеализація съ береговъ Темзы того броженія, которое происходило въ Россіи, такая же идеализація, какъ созданный отдаленностью апоѳеозъ революціонизма на Западѣ, который рухнулъ для Герцена, какъ только онъ познакомился съ нимъ воочію [2]). Но во всякомъ случаѣ, у

---

[1]) Напримѣръ, погромъ Франціи Германіей и взрывъ коммунизма. Онъ писалъ въ 1868 году, обращаясь къ Бисмарку и говоря о Франціи: «груша зрѣла и безъ вашего сіятельства дѣло не обойдется, не церемоньтесь, графъ». (Пол. зв. 1868 г.)

[2]) Вотъ какъ описывалъ Герценъ впечатлѣніе за-границы на русскаго: «Русскій вырывается за границу въ какомъ-то опьяненіи. Сердце настежъ, языкъ развязенъ, прусскій жандармъ въ Лауцагенѣ намъ кажется человѣкомъ, Кенигсбергъ свободнымъ городкомъ... Дѣло

него не хватило дара предвидѣнія. Тяжело читать его обращенія къ русскому обществу, по поводу тѣхъ же прокламацій: «чего испугались? чего испугались? Народъ этихъ словъ не нонимаетъ и готовъ растерзать тѣхъ, кто ихъ произноситъ... Крови отъ нихъ ни капли не пролилось, а если прольется, то это будетъ ихъ кровь, юношей-фанатиковъ». 4-е апрѣля 1866 года открыло глаза Герцену, оно показало, что политическій фанатизмъ приноситъ плоды, опасные не только для благополучія его адептовъ... Мы понимаемъ горькое чувство послѣднихъ дней Герцена. Хорошо, что онъ не дожилъ до 1-го марта 1881 года.

Изъ всего этого видно, что статья Каткова противъ Герцена была какъ нельзя болѣе своевременна. Весьма нерасположенный къ Каткову, Шедо-Ферроти въ позднѣйшемъ этюдѣ о Россіи: «Que fera-t-on de la Pologne?» — приписывалъ этой статьѣ громадное значеніе въ смыслѣ отрезвленія молодежи отъ герценовскаго обаянія.

Сенсація, произведенная ими, была, какъ легко понять, громадна. Съ легкой руки Каткова и другіе журналы заговорили о Герценѣ. По поводу происшедшаго столкновенія, благонамѣренная «Сѣверная Пчела», отдавая Каткову справедливость по существу, сожалѣла объ излишней необузданности его. Доходило до того, что въ газетѣ этой появилось письмо нѣкоего А. Б., гдѣ выставлялось на видъ татарство Каткова, подъ шкурой англомана. Потомъ газета отказалась, правда, отъ солидарности съ этимъ письмомъ.

Послѣ этой главной схватки, Катковъ продолжалъ, когда надо, напоминать о заграничной агитаціи. Въ сентябрь-

---

въ томъ, что мы являемся въ Европу съ собственнымъ идеаломъ и съ вѣрой въ него. Мы знаемъ Европу внѣшно, литературно, по ея праздничной одеждѣ... Все это составляетъ свѣтлую четверть европейской жизни. Жизнь темныхъ трехъ четвертей не видна издали; вблизи же она постоянно предъ глазами». (Письма изъ Франціи и Италіи изд. 2-е, стр. 297).

ской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» того же года, онъ помѣстилъ замѣтку какого-то Д. П. о новомъ, изобрѣтенномъ Кельсіевымъ, пути къ возмущенію народа, а именно революціонномъ воздѣйствіи на раскольниковъ; для этой цѣли съ 15-го іюля 1862 года сталъ появляться при «Колоколѣ» особый листокъ подъ названіемъ: «Общее Вѣче». По этому поводу въ «Современной Лѣтописи» было помѣщено заявленіе, въ которомъ указывалось, что опасность разныхъ подземныхъ и заграничныхъ изданій создается только ограниченіемъ свободы печати, которая одна имѣетъ силу вырывать съ корнемъ нелѣпость и ложь. Правительству не дается, впрочемъ, совѣтъ предпринять отважный экспериментъ, предоставивъ полную свободу такимъ мнѣніямъ, которыя всю честь свою поставляютъ въ непримиримой враждѣ къ нему и ко всѣмъ государственнымъ и общественнымъ основамъ, но таковая желательна для независимыхъ мнѣній («С. Л.» 1862 г., № 97, стр. 21). Катковъ, очевидно, намекалъ на трудности, которыя пришлось ему преодолѣть прежде, чѣмъ рѣшиться открыто заговорить о Герценѣ.

Въ 1862 году представился случай Каткову высказаться также по поводу проявленій русскаго отрицанія въ средѣ самаго отечества. Въ январьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» былъ напечатанъ извѣстный романъ Тургенева — «Отцы и Дѣти». Еще когда Катковъ получилъ въ 1861 году рукопись романа, онъ выразилъ автору недоумѣніе по поводу отношенія его къ Базарову. Вотъ выдержка изъ его письма къ Тургеневу, о которомъ вспоминаетъ послѣдній.

«Если и не въ апоѳеозу возведенъ Базаровъ, писалъ онъ, то нельзя не сознаться, что онъ какъ-то случайно попалъ на очень высокій пьедесталъ. Онъ дѣйствительно подавляетъ все окружающее. Все передъ нимъ или ветошь, или слабо и зелепо. Такого ли впечатлѣнія нужно было желать? Въ повѣсти чувствуется, что авторъ хотѣлъ характеризовать начало мало ему сочувственное, но какъ будто колебался въ выборѣ тона и безсознательно покорился

ему. Чувствуется что-то несвободное въ отношеніяхъ автора къ герою повѣсти, какая-то неловкость и принужденность. Авторъ передъ нимъ какъ будто теряется и не любитъ, а еще пуще боится его».

Въ частностяхъ Катковъ, напримѣръ, сожалѣетъ о томъ, что Тургеневъ не заставилъ Одинцову обращаться иронически съ Базаровымъ.

Рѣдко литературному произведенію удавалось такъ живо затронуть злобу дня, какъ «Отцамъ и Дѣтямъ» Тургенева. Оно дѣйствительно отмѣчало уклонъ, по которому пошло молодое поколѣніе. Слово: нигилистъ было подхвачено тысячами голосовъ и Тургеневъ вспоминаетъ, что когда онъ вернулся въ Петербургъ въ самый день извѣстныхъ пожаровъ Апраксинскаго двора, то первое восклицаніе, вырвавшееся изъ устъ перваго знакомаго, встрѣченнаго имъ на Невскомъ, было: «Посмотрите, что ваши нигилисты дѣлаютъ,—жгутъ Петербургъ!»

Но какъ бы то ни было, Базаровъ въ романѣ Тургенева былъ еще не законченнымъ типомъ, какъ, впрочемъ, и самое направленіе, которое имъ изображалось. Базарова можно въ этомъ отношеніи охарактеризовать не какъ типъ, а скорѣе, какъ проблескъ новаго типа. Это, конечно, не вина Тургенева, который чутко отозвался на появившіяся въ русской интеллигенціи вѣянія, а результатъ условій времени, которое дѣйствительно было переходнымъ. Базаровъ опрокинулъ всѣ прежніе кумиры; область человѣческаго духа обратилась для него въ tabula rasa, но въ романѣ нѣтъ намековъ на положительную сторону Базарова. Что же онъ намѣренъ дѣлать? Неужели всю жизнь производить медицинскіе эксперименты, жить случайными впечатлѣніями, хандрить и злиться, смущая своими обличеніями юныхъ птенцовъ, какъ Кирсанова, и пререкаясь съ представителями стараго поколѣнія? Тургеневъ заставляетъ отца Базарова спрашивать у Кирсанова, на какомъ поприщѣ сынъ его сдѣлается знаменитымъ? Вѣдь не на медицинскомъ поприщѣ достигнетъ онъ извѣстности, говоритъ старикъ.—

Разумѣется, не на медицинскомъ, отвѣчаетъ Кирсановъ, хотя онъ и въ этомъ отношеніи будетъ изъ первыхъ ученыхъ.—На какомъ же, Аркадій Николаевичъ? возобновляетъ вопросъ Базаровъ.—Это трудно сказать теперь, замѣчаетъ окончательно пріятель будущей знаменитости. Конечно, не его ума дѣло было рѣшать такіе вопросы, но и самъ Тургеневъ оставилъ вопросъ открытымъ. Базаровъ умираетъ и уноситъ вопросъ о своей будущности въ могилу. Вотъ, какъ намъ кажется, главная причина недоумѣнія, порожденнаго новымъ типомъ. Онъ представлялся не вполнѣ выясненнымъ. Чего слѣдовало русскому обществу ждать отъ Базарова? Онъ былъ выставленъ сильною личностью, а по происшествіямъ романа онъ оказывался пока только великимъ человѣкомъ на малыя дѣла. Правда, минуты его смерти, такъ художественно изображенныя, показывали въ немъ замѣчательный стоицизмъ и твердость воли; но что же могъ дать онъ для жизни? Отвѣтъ на это такъ и остался тогда тайной.

Замѣчательно, что Тургеневъ въ минуту окончанія романа высказывалъ въ своемъ дневникѣ невольное влеченіе къ Базарову; между тѣмъ, ожидалъ за этотъ типъ обличеніе со стороны передовыхъ кружковъ. «Современникъ»,—говоритъ онъ,—вѣроятно обольетъ меня презрѣніемъ за Базарова. Но оказалось, что руководители отрицательнаго направленія вскорѣ помирились съ этимъ типомъ. Сначала, правда, напалъ на Тургенева «Современникъ» въ статьѣ Антоновича, но за то Писаревъ въ «Русскомъ Словѣ» превознесъ Базарова и восхвалялъ объективность Тургенева. Онъ демонстрировалъ на Базаровѣ, какъ на готовомъ препаратѣ, драгоцѣнныя свойства новаго поколѣнія. Смѣшныя стороны онъ извинялъ тѣмъ, что Базаровъ человѣкъ труда, которому некогда думать о впечатлѣніяхъ, которыя онъ производитъ. Эгоистическое самолюбіе его объяснялъ онъ тѣмъ, что болѣзни вѣка отражаются сильнѣе въ тѣхъ, которые выше обыкновеннаго уровня. Об-

личеніе новому типу раздалось, но только съ другой стороны.

Среди самыхъ разнородныхъ отзывовъ, вызванныхъ романомъ, Катковъ сказалъ и свое слово. Въ іюльской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» появилась статья: «О нашемъ нигилизмѣ». Не отрицая въ Базаровѣ ума, простоты и силы, статья эта выступаетъ рѣшительно противъ того отрицательнаго направленія, котораго онъ выставленъ представителемъ. Нигилизмъ мѣтко характеризуется въ ней, какъ отрицательный догматизмъ съ своими идолами и сектаторствомъ. Духъ отрицанія,—замѣчается въ статьѣ,—не можетъ быть признанъ принадлежностью какой бы то ни было всемірной эпохи, но онъ возможенъ во всякое время въ большей или меньшей степени, какъ общественная болѣзнь, овладѣвающая нѣкоторыми умами и нѣкоторыми сферами мысли. Какъ всякое зло, оно находитъ себѣ противодѣйствіе въ могущественныхъ положительныхъ факторахъ цивилизаціи, но силы эти, къ сожалѣнію, у насъ находятся въ неразвитомъ состояніи. Въ нашемъ маленькомъ умственномъ мірѣ ничего не стоитъ твердо, нѣтъ ни одного интереса, который бы не стыдился и не конфузился самого себя и сколько нибудь вѣрилъ въ свое существованіе. Поэтому, у насъ нигилизмъ можетъ развиться и пріобрѣсти значеніе.

Этотъ взглядъ теперь сталъ общимъ мѣстомъ, но въ 1862 году онъ былъ новымъ и, конечно, въ высшей степени полезнымъ и трезвымъ опредѣленіемъ. Катковъ въ той же статьѣ предостерегаетъ относительно принятія отрицательныхъ мѣръ противъ отрицательныхъ явленій,—такія мѣры не только напрасны, но и вредны: «всякаго рода стѣсненія и преслѣдованія, оказывая только палліативное дѣйствіе, могутъ съ теченіемъ времени усилить болѣзнь и сдѣлать ее хронической», говоритъ онъ. Есть только одно вѣрное радикальное средство противъ этихъ явленій—усиле-

ніе всѣхъ положительныхъ интересовъ общественной жизни. («Русск. Вѣстн.» 1862 г., № 7).

Катковъ еще не предвидѣлъ, что болѣзнь, проявившаяся первоначально въ видѣ нигилизма, пойдетъ глубже, что на мѣсто отрицанія станутъ догматами вѣры для молодаго поколѣнія смутныя стремленія соціализма и что юноши, возставшіе противъ авторитетовъ и традицій въ духовной сферѣ, сдѣлаются черезъ нѣсколько лѣтъ яростными врагами правительства и общественнаго порядка.

Но мы вернемся еще къ этому превращенію; будемъ теперь продолжать обзоръ взглядовъ и мнѣній Каткова.

То, что онъ писалъ объ ожидавшихъ Россію преобразованіяхъ, было строго послѣдовательнымъ развитіемъ его уваженія къ западно-европейской культурѣ и учрежденіямъ. Въ 1862 году онъ особенно много писалъ о дворянствѣ.

По поводу дворянскихъ выборовъ, открывшихся 7-го января 1862 года въ Москвѣ, Аксаковъ, въ газетѣ «День», проектировалъ отвѣтъ дворянства на приглашеніе правительства участвовать въ обсужденіи дальнѣйшихъ реформъ, въ видѣ единодушнаго и рѣшительнаго ходатайства, чтобы дворянству было позволено торжественно, предъ лицомъ всей Россіи, совершить великій актъ уничтоженія себя, какъ сословія, и чтобы дворянскія привиллегіи были видоизмѣнены и распространены на всѣ сословія въ Россіи (№ 2). Хотя Катковъ не присоединился къ категорической формѣ выраженія означеннаго мнѣнія, но, согласно высказаннымъ въ прежнихъ его статьяхъ взглядамъ на сословное начало, онъ признавалъ главнымъ достоинствомъ организаціи дворянства ея незамкнутость. Онъ совершенно правильно объяснялъ отсутствіе у насъ средняго сословія—такъ называемаго tiers-état—именно этою особенностью. У насъ есть средніе люди,—говоритъ онъ,—не слишкомъ богатые и не слишкомъ бѣдные, имѣющіе возможность не терпѣть насилія и не имѣющіе возможности чинить насиліе, но люди эти принадлежатъ не къ иной средѣ,

какъ къ дворянству, освободившемуся отъ крѣпостного права. Въ дворянствѣ есть, правда, и горы, и долы, и пропасти, но главная его масса оказывается совокупностью среднихъ положеній. Между тѣмъ, если ввести сословные ранги, то сейчасъ же начнетъ образовываться обособленное среднее сословіе и сословный антагонизмъ, котораго у насъ, къ счастью, нѣтъ. Напротивъ, слѣдуетъ освободить дворянство отъ несвойственнаго ему шляхетскаго характера, развязать его, вывести изъ тѣсноты, и тогда получится то, что надо.

«Не строить перегородки, не создавать искусственными мѣрами какое-то среднее состояніе, имѣющее вступить въ политическую борьбу съ дворянствомъ, а искусно пользоваться тѣмъ, что въ нашей общественной жизни нѣтъ фундамента для сословныхъ перегородокъ, нѣтъ неустранимыхъ поводовъ къ борьбѣ между сословіями — вотъ что̀ намъ нужно». («Совр. Лѣт». 1862 г. № 2).

По поводу мнѣнія о необходимости самоуничтоженія дворянства, появилось въ «Сѣверной Почтѣ», органѣ графа Валуева, тотчасъ-же правительственное сообщеніе, что напечатанныя въ разныхъ газетахъ заявленія о томъ, что, съ отмѣною крѣпостного права, русское дворянство утратило отдѣльное значеніе въ ряду государственныхъ сословій и само должно заявить объ этой утратѣ, — не выражаютъ вовсе мысли правительства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, началась горячая полемика по вопросу о дворянствѣ между Катковымъ и Чичеринымъ. Послѣдній на страницахъ «Нашего Времени» доказывалъ необходимость сохраненія въ земской жизни всѣхъ существующихъ сословныхъ различій, угрожая усиленіемъ общественной анархіи, если сословія будутъ уничтожены прежде, нежели свободныя силы получатъ достаточную крѣпость. На это Катковъ отвѣчалъ, что если гдѣ-либо обнаруживается смутность и шатаніе понятій, то не въ низшихъ сословіяхъ—мѣщанствѣ, купечествѣ, и крестьянствѣ, а именно въ многочисленной массѣ, называющейся дворянствомъ, въ томъ, что вокругъ него группируется и,

главнымъ образомъ, въ рядахъ чиновниковъ, которые къ нему примыкаютъ и изъ него главнымъ образомъ рекрутируются. «Кажется, тутъ сословность есть,—замѣчалъ Катковъ, — а благонадежнаго политическаго духа не оказывается». («Совр. Лѣт.», 1862 г., № 3, стр. 17).

Особенность взглядовъ Каткова по сословному вопросу состояла, если ее точнѣе формулировать, въ томъ, что онъ признаетъ полезными и необходимыми общественныя градаціи людей по однороднымъ положеніямъ и интересамъ, но считаетъ искусственными и вредными традиціонныя юридическія перегородки. По поводу жалобъ на сословный антагонизмъ при городскихъ выборахъ въ тогдашнюю петербургскую думу, онъ находитъ нужнымъ, чтобы члены думы избирались не отъ отдѣльныхъ сословій, а отъ всего городского общества и были представителями всего общества, а не отдѣльныхъ сословій. («Современная Лѣтопись» 1862 г., № 22, стр. 16). Онъ всего яснѣе высказывается по этому предмету въ статьѣ: «Значеніе корпоративнаго начала» («Совр. Лѣт.» 1862 г., № 17, стр. 10—13). Катковъ объявляетъ себя сторонникомъ этого начала, съ тѣмъ, чтобы имъ не пользовались, однако, для насильственнаго расчлененія общества. «Ради Бога, не бойтесь корпоративнаго духа,—говоритъ онъ,—но также и не очень заботьтесь о его развитіи». Не надо заводить искусственно корпорацій вредныхъ или безсильныхъ и поддерживать корпоративный духъ въ сословіяхъ или кастахъ, на которыя, вслѣдствіе недозрѣвшаго историческаго процесса, распался народъ. Организовать особаго рода юридическія породы, называемыя сословіями, и для усиленія желать имъ придать корпоративный духъ—значитъ дѣйствовать въ разрушительномъ смыслѣ, во всякомъ случаѣ подавляя этимъ путемъ народную жизнь. Самое надежное охранительное начало заключается, удостовѣряетъ Катковъ, въ самой жизни, въ сближеніи и единеніи людей, которые по положенію своему наиболѣе заинтересованы поддержаніемъ обществен-

наго порядка и благоустройства. Чѣмъ крѣпче, живѣе и дѣятельнѣе корпоративныя связи между землевладѣльцами или домохозяевами, тѣмъ лучше будетъ для города или для области.

Касаясь земскаго устройства Россіи, Катковъ говоритъ, что органами самоуправленія могутъ быть лишь тѣ люди, которыхъ личные интересы неразрывно связаны съ интересами данной мѣстности. Самоуправленіе есть дѣло хозяйское, а хозяевами въ извѣстной мѣстности безспорно могутъ быть названы только люди, имѣющіе въ ней недвижимую собственность. Итакъ, поземельная собственность извѣстныхъ размѣровъ или извѣстнаго ценза—вотъ основаніе для мѣстнаго самоуправленія въ точномъ согласіи съ дѣйствительностью. («Совр. Лѣт.». 1862 г. № 45, стр. 12).

Мы укажемъ ниже, выясняя участіе Каткова въ разработкѣ вопросовъ о земской и судебной реформахъ, какія мѣры предлагались имъ для перехода отъ существующей сословной къ свободной корпоративной организаціи и на какихъ основаніяхъ предлагалъ онъ построить правильное отправленіе земской жизни. Ему, въ сущности, хотѣлось вызвать въ жизни крѣпко сплоченный союзъ землевладѣльцевъ на подобіе англійской джентри—обезпеченныхъ, консервативно настроенныхъ (но конечно въ духѣ государственномъ, а не крѣпостническомъ) и заинтересованныхъ въ добросовѣстномъ и безмездномъ исполненіи задачъ мѣстнаго самоуправленія. Дворянству-же въ его настоящей формаціи онъ не сочувствовалъ, какъ организаціи, образованной изъ самыхъ разнородныхъ частей, искусственно соединенныхъ, а потому не способной къ благотворному единодѣйствію въ политическомъ и общественномъ смыслѣ.

Направленіе статей Каткова о сословномъ началѣ и всегда высказываемое въ то время сочувствіе его къ Англіи вызывало обвиненіе его въ парламентаризмѣ. Указывая на это, Катковъ заявляетъ, что «мы нигдѣ, никогда

не выставляли парламентаризмъ, какъ единственную панацею отъ всѣхъ общественныхъ и житейскихъ неудобствъ». Парламентская форма обсужденія законодательныхъ мѣръ есть только одно изъ средствъ проявленія общественныхъ убѣжденій. Образованію общественныхъ убѣжденій должно предшествовать существованіе твердыхъ, личныхъ убѣжденій. Условіемъ послѣднихъ является гражданское обезпеченіе личной свободы, для которой нужна твердость и ясность закона и безпристрастіе его примѣненія. («Совр. Лѣт.» 1861 г., № 52, стр. 18).

Но Катковъ вовсе не относился тогда враждебно къ мысли о центральномъ представительствѣ. Въ то время либеральная интеллигенція смотрѣла на мѣстное земское представительство и на судебную реформу, какъ на подготовительныя звенья къ дальнѣйшему преообразованію государственнаго строя. Это выразилось въ 1865 году въ извѣстномъ всеподданнѣйшемъ ходатайствѣ московскаго дворянства: «объ увѣнчаніи зданія реформъ». Этихъ мыслей держался тогда и Катковъ. Въ № 26 «Современной Лѣтописи» за 1862 годъ появилась статья о планахъ феодальной партіи и проектахъ представительства въ Пруссіи. Въ статьѣ, сравнивавшей значеніе центральнаго и мѣстнаго представительства, доказывалось, что «въ наше время отъ мѣстныхъ представительствъ нельзя ожидать ничего, кромѣ вреда, если они не уравновѣшиваются центральнымъ». Такимъ образомъ, въ послѣднемъ признавалось средство къ урегулированію низшихъ органовъ самоуправленія. «Въ мѣстныхъ представительствахъ, говорилось въ статьѣ, — правительство будетъ находить не пособіе, а скорѣе духъ безпокойной агитаціи и систематической оппозиціи». Статья эта, какъ предполагаетъ г. Любимовъ [1]), имѣла въ виду вопросъ о представительствѣ въ Варшавѣ, который казался выдвинутымъ на очередь съ назначеніемъ туда намѣстни-

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1888 г., № 2. М. Н. Катковъ.

комъ великаго князя Константина Николаевича. Но на Государя статья (включенная въ ежедневное обозрѣніе, представляемое на Высочайшее усмотрѣніе цензурнымъ управленіемъ) произвела неблагопріятное впечатлѣніе. Онъ сдѣлалъ отмѣтку, что статей, такъ ясно указывающихъ цѣль ихъ составленія, не слѣдовало бы пропускать и пожелалъ узнать, кто составитель и редакторъ. Такимъ оказался Катковъ, какъ прибавляло цензурное вѣдомство, «весьма близко извѣстный графу Сергѣю Григорьевичу Строгонову». Тѣмъ дѣло кончилось.

Черезъ нѣкоторое время, когда польское возстаніе выдвинуло на очередь вопросъ: что намъ дѣлать съ Польшей?—Катковъ въ статьѣ, озаглавленной этими словами, яснѣе опредѣляетъ свою мысль. Онъ видитъ основную черту выработаннаго Россіей государственнаго типа въ довѣріи между верховною властью и народомъ. Это начало исключаетъ возможность основать эти отношенія на договорѣ. Россія, говоритъ Катковъ, никому въ угоду не приметъ никакой изъ тѣхъ бумажныхъ конституцій, которыя такъ часто возникаютъ и падаютъ въ остальной Европѣ. Единственный характеръ представительства, возможнаго въ Россіи, можетъ состоять лишь въ подтвержденіи, раскрытіи и оживленіи связи между верховною властью и народною жизнью. Только участіе въ такомъ общемъ представительствѣ можно дать Польшѣ, а не конституціонное или федеративное устройство. Отсюда видно, что мысли Каткова совпадали по вопросу о возможномъ развитіи государственнаго строя въ Россіи съ идеаломъ славянофиловъ, почерпнутымъ изъ учрежденій московской Руси. («Р. В.» 1863 г., № 3).

Въ концѣ 1862 года Катковъ и Леонтьевъ удостоились быть представленными Государю Императору и Императрицѣ. Это произошло 30-го ноября на балу въ большомъ кремлевскомъ дворцѣ, куда они были приглашены вмѣстѣ съ профессорами университета. Катковъ и Леонтьевъ только-

что получили въ аренду «Московскія Вѣдомости» Такимъ образомъ, давнишнее желаніе Каткова осуществлялось. Онъ получилъ въ распоряженіе, на ряду съ ежемѣсячнымъ изданіемъ, ежедневную газету. Моментъ былъ для него важный. Государь и Государыня пожелали ему успѣха и милостиво выразили, что съ удовольствіемъ читали «Русскій Вѣстникъ». Пожеланіе это оправдалось—черезъ нѣсколько мѣсяцевъ слово Каткова стало гремѣть на всю Россію.

III.

Дѣятельность Каткова во время польскаго мятежа.

Переходъ въ 1863 году «Московскихъ Вѣдомостей» къ Каткову.—Внутреннее состояніе нашего общества передъ польскимъ возстаніемъ.—Программа Мѣрославскаго и отношеніе польскихъ революціонеровъ къ нигилизму.—Безпорядки въ Польшѣ, предшествовавшіе этому событію.—Отношеніе Западной Европы къ польскому возстанію.—Горячіе протесты Каткова.—Дипломатическая кампанія Франціи, Англіи и Австріи противъ Россіи.—Необходимость борьбы съ системой управленія въ Польшѣ.—Назначеніе въ виленскій край Муравьева.—Его воспоминанія.—Статьи Каткова противъ слабости правительственной дѣятельности въ Польшѣ и въ пользу энергичнаго отпора иностраннаго вмѣшательства.—Сочувствіе русскихъ земскихъ людей къ Каткову за его патріотическія статьи.—Окончаніе дипломатической кампаніи въ ноябрѣ 1863 года.

Гдѣ наша Русь? Еще такъ недавно мы взглянули бы при этомъ на географическую карту съ разноцвѣтными границами; но теперь всякій живой человѣкъ чувствуетъ нашу Русь въ самомъ себѣ, чувствуетъ ее, какъ свое сердце, какъ свою жизнь.

(«Моск. Вѣд.» 1863 г., № 79).

Наступилъ 1863 годъ, оказавшійся весьма тяжелымъ для Россіи. Въ началѣ января мѣсяца вспыхнуло серьезное возстаніе въ Польшѣ. Оно повлекло за собою, помимо напряженія силъ, потребнаго для подавленія мятежа, еще необходимость давать отпоръ дипломатическому вмѣшательству Европы во внутреннія дѣла нашего отечества. Под-

держанное нравственно-патріотическими заявленіями общества, наше правительство съ большимъ достоинствомъ вышло изъ этой дипломатической кампаніи.

Съ начала 1863 года «Московскія Вѣдомости» были отданы въ аренду редакторамъ «Русскаго Вѣстника» Каткову и Леонтьеву [1]). Катковъ оказался, такимъ образомъ, во главѣ ежедневной газеты, и притомъ весьма распространенной, такъ какъ «Московскія Вѣдомости» имѣли въ 1862 году около шести тысячъ подписчиковъ. По условіямъ тогдашняго времени, это была, безъ сомнѣнія, выдающаяся цифра. «Современная Лѣтопись», изданіе которой открыто было въ 1861 году Катковымъ въ видѣ еженедѣльнаго дополненія къ «Русскому Вѣстнику», обращается съ 1863 года въ воскресное прибавленіе къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» и въ такомъ видѣ продолжается до 1871 года.

Переходъ «Московскихъ Вѣдомостей» къ Каткову почти совпалъ съ началомъ польскаго мятежа. Событія, сопровождавшія это возстаніе, вызвали рядъ одушевленныхъ искреннимъ патріотизмомъ статей Каткова, послужившихъ вполнѣ заслуженнымъ пьедесталомъ его публицистической дѣятельности. Вся земская Россія съ большимъ сочувствіемъ внимала страстной рѣчи публициста; его статьи обратили на себя также вниманіе европейской прессы—и Катковъ сдѣлался знаменитостью [2]).

Статьи Каткова по польскому вопросу являются безспорно одною изъ наиболѣе блистательныхъ страницъ его многолѣтней публицистической дѣятельности. Его страст-

---

[1]) Объ обстоятельствахъ этой передачи мы, со словъ Каткова, разскажемъ ниже. См. глава четвертая.

[2]) Статьи эти были собраны самимъ Катковымъ и послѣ его смерти изданы особой книгой: М. Н. Катковъ. 1863 годъ, выпускъ первый. 1887 годъ. Въ этотъ томъ вошли, кромѣ статей «Московскихъ Вѣдомостей», «Русскаго Вѣстника» и «Современной Лѣтописи» еще интересныя корреспонденціи изъ Варшавы и виленскаго края, служившія почвой для обличительныхъ мнѣній, которыя высказывались публицистомъ.

ность, заставлявшая его быть часто одностороннимъ въ оцѣнкѣ вопросовъ внутренней жизни русскаго общества, была въ настоящемъ случаѣ не безполезною. Она придавала его рѣчи благородный пылъ и одушевленіе, которые не мало, безъ сомнѣнія, содѣйствовали необходимому въ минуты испытанія подъему національнаго чувства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не удостовѣрить, что въ вопросахъ внѣшняго единства государства, къ которымъ принадлежитъ очевидно польскій вопросъ, мнѣнія Каткова до конца жизни оставались безусловно непоколебимыми.

Чтобы вполнѣ усвоить себѣ значеніе упомянутыхъ статей Каткова, необходимо перенестись во взволнованную эпоху начала шестидесятыхъ годовъ. Мы имѣли уже случай убѣдиться, что время это отличалось чрезвычайнымъ броженіемъ мысли. Съ упраздненіемъ крѣпостного права, составлявшаго главную основу тогдашняго склада русской жизни, старый порядокъ казался совершенно упраздненнымъ—надо было создавать новое, и просторъ перспективы устранялъ всякіе предѣлы въ мечтаніяхъ юной интеллигенціи. То было время господства идей не только въ средѣ отрицателей, но и въ средѣ либерально настроенной. Идеи заслоняли самые простые взгляды патріотическаго и историческаго здраваго смысла. Это сказывалось, между прочимъ, въ отношеніяхъ къ польскому вопросу. Съ одной стороны, говорили, что надо дать свободу всѣмъ угнетеннымъ, въ томъ числѣ и національностямъ, ея добивающимся: съ другой стороны, бродили мысли о необходимости расчлененія Россіи, какъ слишкомъ большого политическаго цѣлаго, на подобіе федеративнаго государства. Герценъ благовѣстилъ эти мысли въ своемъ «Колоколѣ» и онѣ разносились съ эффектомъ по Европѣ. Помимо польскихъ патріотовъ, появились, между прочимъ, еще украйнофилы; въ литературѣ промелькнуло ученіе о двухъ русскихъ народностяхъ и двухъ русскихъ языкахъ. Такой талантливый и серьезный ученый, какъ Костомаровъ, далъ поддержку своего

имени этой праздной затѣѣ. Государственное единство Россіи, добытое народомъ цѣною вѣковыхъ трудовъ и скорбныхъ испытаній, подвергалось съ разныхъ сторонъ нареканіямъ. О томъ, какія могутъ быть практическія послѣдствія отъ отдѣленія Польши и раздробленія Россіи въ вѣкъ тяжкой борьбы національностей, когда цѣлые милліоны населенія держатся въ мирное время подъ ружьемъ и когда столкновенія между государствами начинаютъ принимать характеръ серьёзной борьбы народовъ за существованіе, никто не давалъ себѣ труда обдумать въ то время.

Внутренній горизонтъ Россіи не былъ также въ то время совершенно безоблаченъ. Отмѣна крѣпостного права слишкомъ много дала крестьянству, слишкомъ глубоко затронула его жизнь, чтобы ея введеніе могло обойтись совершенно спокойно. Волненія среди крестьянъ при введеніи уставныхъ грамотъ не выходили, однакоже, изъ предѣловъ дѣйствія одного, двухъ батальоновъ войска и мѣстныхъ командъ, но во всякомъ случаѣ вызывали необходимость разъясненій свыше, что новой воли, кромѣ той, которая была дарована манифестомъ 1861 года, не будетъ. Императоръ Александъ II подкрѣплялъ это своимъ державнымъ словомъ каждый разъ, какъ ему представлялись депутаты отъ крестьянскаго населенія. Въ концѣ 1861 года министерство внутреннихъ дѣлъ признало нужнымъ для прекращенія среди народа слуховъ о новыхъ милостяхъ, распорядиться, чтобы о ихъ совершенной неправильности объявляемо было крестьянамъ всѣми мировыми посредниками. Эта мѣра была принята противъ такъ называемыхъ «золотыхъ грамотъ», которыя разсѣевались лицами нигилистической партіи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ среди народа. Въ 1862 году происходили весною, какъ мы уже упомянули, пожары въ Петербургѣ, которые общественное мнѣніе приписывало политическимъ поджигателямъ. Появлялись прокламаціи на улицахъ, угрожавшія кровопусканіемъ и всеобщей революціей. Заря новой эры въ Россіи

подымалась съ красными полосами, предвѣщавшими ненастье,—и день долженъ былъ быть безпокойнымъ, какъ это впослѣдствіи и оказалось.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ, которые раздувались изданіями заграничной агитаціи, присоединявшими къ нимъ еще сообщенія о недовольствѣ помѣщиковъ-дворянъ правительствомъ, создалась на Западѣ пользовавшаяся почти всеобщимъ кредитомъ легенда о томъ, что Россія находится наканунѣ большой революціи. Предполагали, что надо только дать толчекъ, чтобы она закипѣла повсемѣстно. Западной Европѣ была еще слишкомъ памятна эпоха почти всеобщихъ волненій 1848 года. Ея правительствамъ трудно было представить себѣ, что эра преобразованій обойдется въ Россіи безъ подобныхъ же движеній. Оказалось, однако, что безпокойная страсть новаторствъ сосредоточилась въ одной части народнаго организма, и именно въ той, которая входила въ соприкосновеніе съ интеллигентными продуктами Запада, привела здѣсь къ острому воспалительному процессу, но что народъ остался спокоенъ.

Поляки взяли на себя починъ политическаго потрясенія Россіи. Вотъ извлеченіе изъ найденной въ бумагахъ графа Замойскаго программы польскаго возстанія, составленной вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ 1-го марта 1861 года Людвигомъ Мѣрославскимъ:

«Неизлечимымъ демагогамъ нужно открыть клѣтку для полета за Днѣпръ. Пусть тамъ распространяютъ казацкую гайдамачину противъ поповъ, чиновниковъ и бояръ, увѣряя мужиковъ, что они стараются удержать ихъ въ крѣпости. Должно имѣть въ готовности полный запасъ смутъ и излить его на пожаръ, зажженный уже во внутренности Москвы. Вся агитація малороссіянизма пусть переносится за Днѣпръ; тамъ обширное пугачевское поле для нашей запоздавшей числомъ Хмѣльничевщины. Вотъ въ чемъ состоитъ вся наша панславистическая и коммунистическая школа! Вотъ весь польскій герценизмъ! Пусть онъ издали помогаетъ польскому освобожденію, терзая сокровенныя внутренности царизма. Это достойное и легкое ремесло для полуполяковъ и полурусскихъ, наполняющихъ нынѣ всѣ ступени гражданской и военной іерархіи въ Россіи. Пусть себѣ замѣняютъ вдоль и поперекъ анархіей русскій

царизмъ, отъ котораго, наконецъ, освободится и очистится сосѣдняя намъ московская народность. Пусть обольщаютъ себя девизомъ, что этотъ радикализмъ послужитъ «для вашей и нашей свободы»: перенесеніе его въ предѣлы Польши будетъ считаться измѣною отчизнѣ и будетъ наказываться смертью, какъ государственная измѣна».

Надо сознаться, что у нашихъ противниковъ не было недостатка въ умѣ и изобрѣтательности. Но какая печальная роль въ этой интригѣ отведена Герцену и русскимъ отрицателямъ!

Эта программа укоренила въ Катковѣ мысль, что русскій нигилизмъ и соціализмъ есть польское насажденіе. Мы еще будемъ возвращаться къ этому мнѣнію въ послѣдующемъ изложеніи. Теперь же замѣтимъ, что нарождавшіеся русскіе бунтари, какъ и слѣдовало ожидать, по отсутствію у нихъ всякаго чутья и смысла, не преминули выразить сочувствіе возмутившимся полякамъ. Въ подметномъ листкѣ, появившемся уже послѣ начала возстанія со штемпелемъ «Земля и Воля» (слѣдовательно какъ-бы отъ лица русскихъ революціонеровъ), содержалось воззваніе къ нашимъ офицерамъ и солдатамъ въ Польшѣ съ убѣжденіемъ покинуть свои знамена и обратить свое оружіе противъ русскаго правительства.

Вернемся однако нѣсколько назадъ, чтобы взглянуть, какъ постепенно подготавливалось возстаніе.

1861 и 1862 годы прошли въ глухомъ броженіи Привислинскаго края. День годовщины сраженія при Гроховѣ и закрытіе сельско-хозяйственнаго собранія ознаменовались въ февралѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ 1861 года серьёзными схватками на улицахъ Варшавы. Въ Царствѣ Польскомъ было введено военное положеніе и начался военный судъ надъ виновными. Правительство держалось, несмотря на эти событія, того воззрѣнія, что надлежащими реформами возможно успокоить возбужденное настроеніе интеллигентныхъ поляковъ. 14-го марта 1861 года послѣдовалъ Высочайшій указъ о возстановленіи государственнаго со-

вѣта Царства Польскаго. Была дарована амнистія многимъ виновникамъ безпорядковъ 1861 года. Но угрожающіе симптомы сильнаго національнаго возбужденія продолжались. 20-го и 21-го апрѣля 1862 года, нѣкоторыя лица, по преимуществу изъ учащейся молодежи, попытались пѣть въ церквахъ патріотическіе гимны.

Для умиротворенія Польши посредствомъ дальнѣйшихъ преобразованій былъ, 22-го мая 1862 года, назначенъ намѣстникомъ великій князь Константинъ Николаевичъ, а начальникомъ гражданскаго управленія и вице-президентомъ государственнаго совѣта маркизъ Велепольскій, извѣстный поборникъ либеральной системы управленія Польшей. Послѣдовалъ рядъ покушеній: противъ графа Лидерса, временнаго главнокомандующаго, противъ самого намѣстника, два раза противъ Велепольскаго. Разслѣдованіе этихъ преступленій привело къ открытію существованія въ Царствѣ Польскомъ цѣлаго революціоннаго общества, имѣвшаго тайный комитетъ въ Варшавѣ. Оказалось, что во главѣ движенія стоитъ революціонный генералъ Людвигъ Мѣрославскій и помощникомъ его является помѣщикъ Янъ Куржина, что революціонная партія имѣетъ уѣздные комитеты, что всѣ любящіе отчизну поляки облагались податями на расходы по организаціи возмущенія, что центральный комитетъ имѣлъ особый печатный органъ — газету «Ruch» (движеніе). Нѣсколькихъ лицъ удалось изобличить въ принадлежности къ тайному сообществу и 29-го ноября началось о нихъ дѣло въ военномъ судѣ. Варшавскій комитетъ печаталъ прокламаціи, случались примѣры политическихъ убійствъ частныхъ лицъ за доносы по приговорамъ исполнительнаго комитета (напримѣръ, жителя Люблинской губерніи Старчевскаго). Аристократическая партія, въ отвѣтъ на прокламацію великаго князя по случаю направленнаго противъ него покушенія, намѣревалась уполномочить графа Замойскаго представить намѣстнику адресъ о возстановленіи старой Польши присоединеніемъ нѣсколь-

кихъ областей Западнаго края по Двину и по Днѣпръ подъ его властью и управленіемъ при общихъ въ польскомъ духѣ учрежденіяхъ. Замойскій былъ вытребованъ въ Петербургъ, потомъ ему запрещено было возвращеніе въ Польшу — и онъ поѣхалъ за границу.

Несмотря на всѣ эти тревожныя явленія и существованіе слуховъ о томъ, что возстаніе послѣдуетъ весной 1863 года (слуховъ, правда, періодически передвигавшихся съ весны на осень и съ осени на весну), правительство продолжало политику кротости и милостей. Амнистія была еще расширена въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ 1862 года, возбужденъ былъ вопросъ о преобразованіи организаціи мѣстныхъ властей въ Царствѣ Польскомъ на основаніяхъ большей децентрализаціи, открыто было 19-го сентября общее собраніе государственнаго совѣта. Наконецъ, 27-го августа и 28-го сентября снято было военное положеніе съ губерній Радомской, Люблинской и Августовской, а 4-го декабря мѣра эта была распространена на Варшавскую губернію и остальныя мѣстности Царства Польскаго.

Только въ единственной изъ своихъ мѣръ правительство старалось вооружиться противъ революціонныхъ происковъ—рекрутскій наборъ былъ объявленъ съ городскихъ жителей, какъ болѣе безпокойнаго элемента населенія, съ освобожденіемъ отъ него сельскихъ обывателей. Приведеніе этой мѣры въ исполненіе послужило симптомомъ къ окончательному взрыву. 6-го января 1863 года въ окрестностяхъ Варшавы появились вооруженныя шайки, для усмиренія которыхъ посланы были войска. Въ ночь съ 10-го на 11-е января мятежники произвели нападенія на войска, отдѣльно стоявшія въ нѣсколькихъ пунктахъ Царства Польскаго. Но замыселъ этотъ оказался неудачнымъ; войска повсемѣстно имѣли время собраться и отразить мятежниковъ, потерпѣвъ лишь незначительныя потери. Вспыхнулъ открытый мятежъ. Полилась кровь.

Объявивъ объ этихъ печальныхъ событіяхъ 13-го ян-

варя на воскресномъ разводѣ Измайловскаго полка, покойный Государь выразилъ свой взглядъ на нихъ въ слѣдующихъ словахъ: «Я не хочу обвинять въ томъ весь народъ польскій, но вижу во всѣхъ этихъ грустныхъ событіяхъ работу революціонной партіи, стремящейся повсюду къ ниспроверженію законнаго порядка. Мнѣ извѣстно, что партія эта разсчитываетъ и на измѣнниковъ въ рядахъ нашихъ; но они не поколеблютъ вѣры моей въ преданность своему долгу вѣрной и славной моей арміи».

Поляки, безъ сомнѣнія, разсчитывали, кромѣ возможности распространенія революціоннаго движенія на всю Россію, еще на поддержку Европы, въ особенности же Франціи, правительство которой находилось въ близкихъ отношеніяхъ со многими польскими эмигрантами, изъ среды которыхъ игралъ при Наполеонѣ III такую выдающуюся роль графъ Валевскій.

Вотъ что писалъ по этому поводу Мѣрославскій въ упомянутой уже выше программѣ возстанія:

«Надо посылать во всѣ журналы: нѣмецкіе, французскіе, англійскіе и итальянскіе извѣстія, хотя бы и выдуманныя, о подземныхъ потрясеніяхъ въ Россіи, подрывающихъ царское правительство; объ окончательномъ разрывѣ между боярами, мужиками и чиновниками, въ особенности-же о жалкомъ состояніи Россіи въ отношеніяхъ финансовомъ, военномъ и административномъ и о распаденіи цѣлаго механизма Петра Великаго подъ вліяніемъ мстительной польской идеи. Надобно убѣдить свѣтъ, что никто, кромѣ однихъ поляковъ, не можетъ побѣдить царизма. Съ другой стороны, слѣдуетъ сильно докучать англійскому и французскому правительствамъ и посылать къ нимъ изъ Варшавы подложныя жалобы, какія будто бы посылались въ Петербургъ и тамъ не были уважены... Наша цѣль заключается въ томъ, чтобы заставить эти правительства скомпрометтироваться передъ Россіей... Сообщается по секрету соотечественникамъ, что это совѣтъ людей, хорошо ознакомленныхъ съ тюльерійской политикой, и подражаніе итальянцамъ, которые, надоѣдая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ своимъ патріотизмомъ, сокрушили всѣ преграды дипломатіи, убѣдили французскаго императора сдѣлать то, что онъ никогда не хотѣлъ и о чемъ никогда даже не думалъ, и заставили французское правительство волею-неволею оказать помощь ихъ освобожденію».

Польской интригѣ удалось сдѣлать дѣло наполовину. Она затянула Европу, если и не въ военное, то въ дипломатическое вмѣшательство противъ Россіи. Легкомысленное правительство Наполеона III отступило, поддавшись обману, отъ начинавшагося сближенія съ Россіей и заплатило за это цѣной національнаго погрома въ 1870—1871 годахъ. Мудрый князь Бисмаркъ, напротивъ, воспользовался обстоятельствами, чтобы сблизиться съ Россіей—и черезъ семь лѣтъ достигъ, въ виду ея разъединенія съ Франціей, активнаго нейтралитета во время войны съ французами. Распря славянъ между собою и недоразумѣнія между Россіей и Франціей послужили почвой, на которой рука геніальнаго и счастливаго политика выростила и осуществила идею германскаго единства и величія.

Польская интрига царила въ Европѣ. Пока русскія войска сражались съ мятежниками въ равнинахъ Вислы и Нѣмана, въ Европѣ происходили многочисленныя манифестаціи съ выраженіемъ сочувствія полякамъ. Устраивались митинги, произносились пламенныя рѣчи, собирались подписки въ пользу повстанцевъ. Пущены были въ ходъ громкія фразы объ угнетеніи слабаго сильнымъ и необходимости даровать политическую свободу и независимость порабощеннымъ,—фразы, которыми наши западно-европейскіе друзья маскировали свою затаенную ненависть къ Россіи и сочувствіе къ ея врагамъ. Въ этомъ же смыслѣ заговорила и печать. Извѣстный французскій публицистъ Эмиль де-Жирарденъ въ журналѣ «La Presse» напечаталъ письмо къ Государю, въ которомъ счелъ себя въ правѣ обратиться къ его особѣ съ убѣжденіями — отдѣлить совсѣмъ Польшу отъ Россіи. Составился дружный хоръ устремленныхъ противъ Россіи обвиненій, нареканій и требованій. Были изобрѣтены всевозможные способы воздѣйствія—Россію стыдили, обращались къ ея великодушію, благоразумію, политической мудрости. Издалека бряцали ору-

жіемъ, прибавляя къ совѣтамъ угрозы. Пущено было въ ходъ все, что только можно было придумать, чтобы смутить и отуманить Россію. Преобладали, впрочемъ, оскорбительныя инсинуаціи и намеки, доходившіе до сомнѣнія въ патріотизмѣ русскаго народа.

Почти всѣ правительства западно-европейскихъ державъ оказались намъ враждебными. Только Пруссія выразила намъ солидарность. Князь Бисмаркъ, бывшій уже тогда министромъ-президентомъ, предложилъ, по случаю нападенія инсургентовъ на прусскую пѣхоту въ Страсбургѣ, пограничномъ городкѣ близь Торна, заключить конвенцію, состоявшую въ разрѣшеніи войскамъ одной страны свободно преслѣдовать инсургентовъ на территоріи другого государства и во взаимномъ обязательствѣ отдавать, въ случаѣ надобности, желѣзныя дороги въ распоряженіе того или другого правительства и вытѣснять со своей территоріи инсургентовъ, встрѣченныхъ войсками, и преслѣдовать ихъ до того мѣста, гдѣ окажутся войска подлежащей державы.

По поводу этой конвенціи, оставшейся не ратификованною, заговорили законодательныя учрежденія разныхъ странъ, а затѣмъ послѣдовало первое дипломатическое вмѣшательство Европы, не понимавшей, какъ можно было содѣйствовать, а не вредить Россіи въ подавленіи польскаго мятежа.

Въ засѣданіи 18-го февраля палаты депутатовъ въ самой Пруссіи пренія доходили до такой степени страстности, что происходили даже столкновенія между министромъ-президентомъ и президентомъ палаты по поводу употребленныхъ Бисмаркомъ выраженій. Онъ ѣдко осмѣивалъ защиту поляковъ нѣмецкими депутатами, называя склонность сочувствовать чужимъ національностямъ особымъ видомъ политической болѣзни. Онъ не стѣснился, въ отвѣтъ на обвиненіе правительства въ непарламентскомъ образѣ дѣйствій, бросить въ лицо палатѣ депутатовъ слѣдующаго рода

заявленіе: прежде чѣмъ требовать примѣненія къ Германіи полномочій англійскихъ законодательныхъ учрежденій, дайте намъ личный составъ англійской нижней палаты.

Въ англійскихъ законодательныхъ учрежденіяхъ также происходили открытыя заявленія несочувствія Россіи. Графъ Элленборо въ палатѣ лордовъ прямо обвинялъ въ возстаніи Россію, будто бы вызвавшую его незаконными распоряженіями; въ палатѣ общинъ Генессей представилъ проектъ адреса къ королевѣ съ цѣлью склонить правительство къ дипломатическому заступничеству за поляковъ. Во время преній Дизраэли (будущій лордъ Биконсфильдъ), бывшій тогда въ оппозиціонной партіи, называлъ раздѣлъ Польши преступленіемъ; онъ объяснялъ окончательное присоединеніе въ 1815 году варшавскаго герцогства къ Россіи истощеніемъ Австріи, Франціи и Англіи послѣ наполеоновскихъ войнъ и небывалымъ тогда, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, могуществомъ Россіи. Теперь,— пришелъ онъ къ выводу,— условія иныя: Англія — могущественна какъ никогда, Франція и Австрія пріобрѣтаютъ съ каждымъ днемъ все бо̀льшее значеніе и силу; положеніе-же Россіи уже не то, которое внушило императору Александру I отвѣтъ лорду Лондондерри, англійскому представителю на вѣнскомъ конгрессѣ, совѣтовавшему возстановить польскую національность: «у меня 200,000 войска въ Польшѣ и я не могу принять ваше предложеніе». Въ виду такихъ условій Дизраэли настаивалъ на дипломатическомъ вмѣшательствѣ. Глава тогдашняго кабинета, Пальмерстонъ, выразилъ надежду, что Россія удовлетворитъ желаніямъ поляковъ. Въ парламентѣ открыто выражались предположенія, что счастливыя перемѣны могутъ сами собою произойти въ пользу По̀льши въ силу развитія революціоннаго движенія; графъ Россель, министръ иностранныхъ дѣлъ, говорилъ въ засѣданіи 5-го (17-го) февраля, что по имѣющимся свѣдѣніямъ нельзя судить, есть ли возмущеніе только взрывъ отчая-

нія, съ которымъ можно будетъ справиться, или оно пойдетъ далѣе и приметъ характеръ народнаго возстанія. Въ результатѣ преній англійскій парламентъ выразилъ единодушное сочувствіе польскому дѣлу.

Но главный скандалъ противъ Россіи произошелъ во французскомъ сенатѣ. Традиціи Наполеона I, возстановившаго въ 1807 году по тильзитскому миру герцогство варшавское подъ скипетромъ короля Саксонскаго, близкія связи правительства съ польскими агитаторами и, наконецъ, желаніе ослабить Россію, все соединялось къ тому, чтобы польскій вопросъ былъ поставленъ Наполеономъ III на особый пьедесталъ. Сначала, впрочемъ, императоръ какъ-бы колебался. Выгоды сближенія съ Россіей, начавшагося во время итальянской кампаніи, ослабившей Австрію, останавливали Наполеона въ принятіи на себя активной роли въ польскомъ вопросѣ. Когда 24-го января (5-го февраля) (ровно черезъ двѣ недѣли послѣ начала возстанія) Гюйаръ Дюталенъ и Жюль Фавръ предложили въ законодательномъ корпусѣ выразить сочувствіе Польшѣ, министръ безъ портфеля Бильйо призналъ неудобнымъ касаться этого вопроса; онъ заявилъ, что Франція и ея правительство ожидаютъ автономіи Польскаго царства скорѣе отъ великодушныхъ и либеральныхъ чувствованій Императора Всероссійскаго, чѣмъ отъ предпринятой революціонной попытки. Жюль Фавръ въ отвѣтъ на это призывалъ даже судъ исторіи на слова министра; тогда послѣдній категорически сказалъ, что «у императорскаго правительства достанетъ благоразумія, чтобы пустыми словами не давать обманчивой пищи революціоннымъ страстямъ». Но, къ сожалѣнію, этого благоразумія не хватило. Заключенная 27-го января (8-го февраля) конвенція между Россіей и Пруссіей вызвала первое вмѣшательство Наполеона въ польскій вопросъ. Затѣмъ онъ далъ увлечь себя еще болѣе и сталъ душою дипломатической интриги противъ Россіи. Но онъ предпочиталъ закулисные ходы—

онъ втихомолку возбуждалъ другія правительства на коллективное давленіе противъ Россіи. Оставаясь при обмѣнѣ дипломатическихъ нотъ какъ-бы на второмъ планѣ, Наполеонъ оффиціально пускалъ впередъ Англію. Таковъ былъ образъ дѣйствій французскаго императора. Онъ затѣялъ привлечь къ дипломатическому вмѣшательству Австрію, которая отклоняла первоначально предложенія въ этомъ смыслѣ, исходившія отъ Англіи, но уступила настояніямъ Наполеона. Въ депешахъ, предъявленныхъ французскимъ палатамъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, императоръ впослѣдствіи считалъ, однако, нужнымъ скрывать это обстоятельство. Такъ, въ Желтой книгѣ не была опубликована депеша Друэнь-де-Люиса къ посланнику въ Лондонѣ герцогу де-Монтебелло, гдѣ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ развивалъ мысль о необходимости совмѣстнаго съ Австріей давленія на Россію. Слѣдуя такимъ пріемамъ, Наполеонъ нѣсколько придержалъ дальнѣйшее обсужденіе польскаго вопроса во французскихъ законодательныхъ учрежденіяхъ, пока горизонтъ не выяснится. Французскій сенатъ долго отсрочивалъ пренія; наконецъ, 5-го (17-го) марта, послѣ того, какъ Англія послала уже первую депешу въ Петербургъ, пренія эти начались. Но тутъ случилось обстоятельство, по всей вѣроятности, и для Наполеона непредвидѣнное. Его двоюродный братъ, принцъ Наполеонъ, оставшійся, несмотря на перемѣну положенія, вѣрнымъ замашкамъ бульварнаго скандалиста, къ тому же всего ближе стоявшій къ разнаго рода революціоннымъ авантюристамъ и, по всей вѣроятности, недовольный внѣшнею сдержанностью французской политики, произнесъ рѣчь, полную самыхъ оскорбительныхъ выходокъ и инсинуацій противъ Россіи. Послѣ заявленія князя Понятовскаго, что поляки могутъ признать себя удовлетворенными только, если Россія совсѣмъ откажется отъ Польши, и возраженій графа Валевскаго противъ разсудительной, сдержанной рѣчи маркиза де-ла-

Рошжаклена, принцъ Наполеонъ высказалъ въ своей рѣчи почти открытое желаніе, чтобы возстаніе продлилось и было поощряемо. Говоря объ отношеніяхъ Россіи къ Франціи, онъ заявилъ, что мы явились цѣловать руку, наносившую намъ наиболѣе тяжелые удары,—такъ охарактеризовалъ онъ происшедшее и, очевидно, не нравившееся ему временное улучшеніе отношеній между этими державами послѣ крымской войны, улучшеніе, оказавшееся, однако, поверхностнымъ, благодаря коварной политикѣ тогдашняго французскаго правительства, окончившейся впослѣдствіи для его страны серьезнымъ погромомъ 1870 года. Наконецъ, ораторъ остановился на возможности всеобщаго революціоннаго движенія въ Россіи. «Освобожденіе крѣпостныхъ,—говоритъ онъ,—породило неудовольствіе во всѣхъ: и въ дворянахъ, и въ крестьянахъ; Россія можетъ имѣть нужду во всѣхъ своихъ силахъ внутри своего собственнаго государства». Хотя императоръ, опорочивъ въ письмѣ къ президенту сената эту рѣчь, лишилъ ее политическаго значенія, но ея содержаніе свидѣтельствуетъ о томъ, какое возбужденіе противъ Россіи и ложныя о ней представленія господствовали въ Западной Европѣ. Говорилось даже, что русскіе—народъ выродившійся, у котораго нѣтъ будущности.

Нельзя, однако, не замѣтить, что большинство ораторовъ во французскомъ сенатѣ и тогда высказалось и впослѣдствіи высказывалось противъ войны съ Россіей изъ-за Польши. Такъ говорили маркизъ де-Буасси, генералъ Жемо, виконтъ де-ла-Героньеръ (настаивавшій, впрочемъ, на дипломатическомъ вмѣшательствѣ въ пользу дарованія Польшѣ политическихъ льготъ). Самымъ разсудительнымъ изъ ораторовъ былъ маркизъ де-ла-Рошжакленъ, который кончилъ свою рѣчь словами: «Мы не станемъ подстрекать слабыхъ, не примемъ на себя отвѣтственности за ихъ страданія, когда не хотимъ раздѣлять ихъ». Но были и такіе, какъ Бонжанъ, которые говорили, что война за Польшу

была бы великимъ дѣломъ, которое обезсмертитъ царствованіе Наполеона III; впослѣдствіи, въ засѣданіи 6-го (18-го) декабря 1863 года, Бонжанъ дошелъ до того, что сравнивалъ Польшу со Спасителемъ, а генерала Муравьева, виленскаго генералъ-губернатора, съ Пилатомъ. Замѣчательно, что польское дѣло не вызывало сочувствія со стороны нѣкоторыхъ французскихъ радикаловъ. Прудонъ, между прочимъ, гласно заявилъ, что польское движеніе есть интрига іезуитовъ, хвастуновъ и шляхты.

Очевидно, что весь этотъ шумъ пасквилей и клеветъ поддерживалъ энергію польскихъ инсургентовъ, побуждая ихъ надѣяться на болѣе дѣятельную помощь Европы и продолжать безполезную борьбу. А ужъ и этого было довольно, чтобы враги Россіи признали свою вѣроломную агитацію не безцѣльною. Вотъ въ какихъ трудныхъ условіяхъ приходилось тогда Россіи бороться съ мятежемъ.

Бо́льшая часть органовъ нашей печати, смущенныхъ звономъ либеральныхъ возгласовъ и соболѣзнованій, выдвинутыхъ западно-европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ въ видѣ дальнобойнаго артиллерійскаго огня, не давали достаточно энергичнаго отпора воздвигнутымъ противъ Россіи обвиненіямъ и ябедамъ. На защиту нравственнаго достоинства и исторической правоты нашего отечества въ борьбѣ съ Польшей повелъ горячее и смѣлое слово въ эту дѣйствительно смутную пору Катковъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Его патріотическая роль въ этотъ періодъ вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы на ней подробно остановиться.

Онъ поднялъ перчатку, брошенную Россіи ея клеветниками—и проявилъ при этомъ удивительное могущество и одушевленіе слова. То съ мѣткой ироніей, то съ бурей патріотическаго негодованія встрѣчалъ онъ обвиненія, сыпавшіяся на Россію.

Рѣчь принца Наполеона вызвала въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» пламенный, язвительный протестъ. Въ началѣ

своей рѣчи принцъ, между прочимъ, поставилъ вопросъ: «чего я хочу — войны? нѣтъ.» Катковъ по этому поводу замѣчаетъ:

«Этотъ принцъ знаетъ, что такое война: онъ помнитъ, какое это непріятное было дѣло, когда, во время крымской кампаніи, его вдругъ сдѣлали начальникомъ дивизіи; онъ помнитъ, какихъ усилій стоило ему во время итальянской кампаніи держаться съ своей дивизіей, какъ можно подальше, отъ поприща военныхъ дѣйствій; онъ, вѣроятно, также не забылъ и своей исторіи съ герцогомъ Омальскимъ, гдѣ на отпоръ тоже не хватило ему мужества. То ли дѣло жить себѣ не въ свою голову на дачѣ въ Елисейскихъ поляхъ, и съ задняго крыльца принимать къ себѣ и угощать на славу вліятельныхъ людей изъ революціонныхъ партій всѣхъ странъ Европы...»

Его посѣтители съ задняго крыльца, прибавляетъ Катковъ, сообщили ему, за бокалами шампанскаго, множество интересныхъ свѣдѣній о Россіи; но принцъ, къ сожалѣнію, не выдаетъ всей ихъ тайны. Не такой онъ человѣкъ, онъ довольствуется немногими намеками («Московскія Вѣдомости» 1863 г., № 59).

Съ негодованіемъ отвергаетъ Катковъ обвиненіе въ недостаткѣ у русскихъ патріотизма. Онъ констатируетъ, правда, фактъ, что до сей минуты въ Россіи какъ будто всѣ готовы были сожалѣть о полякахъ и желать имъ добра, чѣмъ сводить съ ними счеты («Московскія Вѣдомости» 1863 г., № 86). Но грянулъ громъ—и воздухъ очистился. Національное чувство воспрянуло. Вотъ въ какихъ трогательныхъ словахъ заявляетъ Катковъ передъ Европой, волновавшейся на митингахъ и собраніяхъ въ пользу поляковъ, о панихидахъ, которыя тысячи простого народа въ Москвѣ заказывали въ память русскихъ воиновъ, убитыхъ во время мятежа:

«Они собраній не имѣютъ, рѣчей не говорятъ и адресовъ никому не посылаютъ. Они люди простые и темные. Они люди малые, люди бѣдные и нищіе духомъ. Но они русскіе люди, и они издалека, въ своей темной глубинѣ, прежде, чѣмъ люди на горахъ, люди просвѣщенные и умные, говорящіе и пишущіе и правоправящіе — они издалека заслышали голосъ отечества и отозвались на него,

въ простотѣ и смиреніи сердца, тихою молитвой. Они не дѣлали торжественныхъ заявленій, они не имѣли намѣренія производить впечатлѣнія; они и слыхомъ не слыхали о политическихъ демонстраціяхъ. У нихъ одно прибѣжище, гдѣ пробуждается и говоритъ въ нихъ духовное начало, одно прибѣжище — храмъ, и тутъ ихъ политика, тутъ ихъ философія. Тысячи ихъ собирались въ храмы молиться за упокой русскихъ солдатъ, убитыхъ въ бояхъ противъ польскихъ мятежниковъ, и молиться о ниспосланіи успѣховъ русскому оружію,—собирались въ то время, когда наши враги съ торжествомъ свидѣтельствовали о недостаткѣ патріотическаго духа въ нашемъ обществѣ и указывали на признаки разложенія и гніенія на его поверхности». («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 68).

Мало по малу заговорили разныя сословія и общественныя собранія въ нашемъ отечествѣ. Первымъ было петербургское дворянство, представившее 26-го марта всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ высказалось энергически за сохраненіе цѣлости русскаго государства. Его примѣру послѣдовало, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія 31-го марта 1863 года, петербургское городское общество, а затѣмъ со всѣхъ сторонъ посыпались адресы въ томъ же смыслѣ изъ всевозможныхъ угловъ Россіи. Катковъ составилъ одинъ изъ нихъ: адресъ старообрядцевъ Преображенскаго Богадѣленнаго дома (безпоповщинскаго согласія) вотъ текстъ его:

«Великій Государь! Много голосовъ подъемлется къ Твоему престолу: дозволь и намъ сказать нашу правду. Измѣнники и возмутители хотѣли оклеветать насъ предъ цѣлымъ міромъ и приравнять насъ къ себѣ. Они лгали на насъ. Мы хранимъ свой обрядъ, но мы Твои вѣрные подданные. Мы всегда повиновались властямъ предержащимъ. Но Тебѣ, Царь Освободитель, мы преданы сердцемъ нашимъ. Въ новизнахъ твоего царствованія старина наша слышится. На Тебѣ, Государь, почіетъ духъ Царей нашихъ добродѣтельныхъ. Не только тѣломъ, но и душою мы русскіе люди. Россія намъ матерь родная; мы всегда готовы пострадать и умереть за нее. Наши предки были русскіе люди, работали на русскую землю и за нее умирали. Посрамимъ ли мы память отцовъ и дѣдовъ нашихъ и всѣхъ русскихъ христіанъ, отъ которыхъ кровь нашу приняли? Враги, злоумышляя противъ твоей державы, возжигаютъ мятежъ въ Польшѣ и грозятъ намъ войною. Великій Государь! Десница Божія возвеличила державу Твоихъ предковъ! Она дастъ Царю Освободителю одолѣніе на авнихъ враговъ и притѣснителей русской земли, ко-

торые народъ русскій отъ корня отрывали и вѣру его насиловали. Престолъ Твой и русская земля не чужое добро намъ, а наше кровное, мы не опоздаемъ явиться на защиту ихъ и отдадимъ за нихъ все достояніе и жизнь нашу. Да не умалится держава Твоя, а возвеличится, да не посрамятся въ насъ предки наши, да возрадуется о Тебѣ старина наша русская».

Съ торжествомъ привѣтствовалъ Катковъ выраженія всенароднаго чувства. Подъ впечатлѣніемъ перваго засѣданія новоустроенной городской думы въ Москвѣ, рѣшившей среди громогласныхъ восклицаній представить свой патріотическій адресъ Верховной власти, Катковъ обратился къ русскимъ людямъ съ слѣдующими глубоко прочувствованными и возвышенными по патріотическому чувству выраженіями:

«Всякій зналъ себя за русскаго, называлъ себя русскимъ, но всякому-ли случалось въ жизни почувствовать это съ потрясающимъ могуществомъ страсти? И вотъ всѣ, отъ мала до велика, становятся живыми органами этого чувства; во всѣхъ становится кровною силою то, что такъ недавно было для всѣхъ отвлеченнымъ понятіемъ: единство русской земли, общаго отечества... Всѣ мелкія и искусственныя понятія, всѣ пустоцвѣты нашего такъ называемаго образованія должны уступить мѣсто тѣмъ основнымъ, тѣмъ могущественнымъ, тѣмъ вѣчнымъ силамъ, на которыхъ зиждется всенародная жизнь. Мы воочію видимъ теперь, какъ воплощаются въ насъ эти силы, какъ блѣднѣетъ и исчезаетъ предъ ними все фальшивое, все налганное и пустословное, бродившее въ нашихъ мысляхъ. Все исчезаетъ, какъ ржавчина и плѣсень въ глубокой всколыхавшейся водѣ». («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 79).

Съ ожесточеннымъ негодованіемъ обращается Катковъ къ русскимъ агитаторамъ, по заявленіямъ которыхъ Западная Европа составила себѣ извращенное представленіе объ общественномъ мнѣніи Россіи. Но ихъ кредитъ теперь падаетъ, — заявляетъ онъ.

«Наши агитаторы сначала выставляли себя только ожесточенными противниками правительства и пламенными друзьями народа и обѣщали ему фантастическія благополучія, подобно революціонерамъ всѣхъ странъ и народовъ. Иностранный наблюдатель видѣлъ въ этомъ явленіе болѣе или менѣе знакомое и, не объясняя себѣ причинъ, удивлялся только тому, что весь этотъ вздоръ въ русской цивилизаціи пользуется кредитомъ. Но вотъ теперь дѣло становится

яснѣе и убѣдительнѣе. Наши революціонеры обнажили передъ нимъ всѣ красоты свои и онъ отступаетъ передъ этой картиной со стыдомъ и омерзеніемъ». («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 86).

Катковъ сдѣлалъ при этомъ кстати вылазку противъ Петербурга и его администраціи, въ которой гнѣздились, по его заявленію, революціонные элементы. Наша сѣверная столица, — говоритъ онъ, — находилась, года два тому назадъ, въ такомъ положеніи, что Россіи, при совершенномъ отсутствіи революціонныхъ элементовъ въ нѣдрахъ ея народа, грозила почти такая же мистификація, которая разыгралась въ Царствѣ Польскомъ. Какая тому причина? «Не что иное, какъ лишь то, что эти элементы захватили частицу власти и дѣйствовали ея обаяніемъ на всѣхъ и на все». («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 187). Это — нота, которая впослѣдствіи стала, какъ извѣстно, все чаще и чаще повторяться у Каткова.

Катковъ поминалъ, при случаѣ, конечно, также Герцена и его антипатріотическую агитацію. Окончательное торжество передъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ надъ издателемъ «Колокола» доставило, очевидно, Каткову, обнаруженіе въ ноябрѣ 1863 г. пресловутой программы Мѣрославскаго, выяснившей, что наши заграничные патріоты были въ своихъ увлеченіяхъ польскимъ вопросомъ жалкой жертвой ловко задуманной и выполненной польской интриги. «Издатель «Колокола», — говоритъ Катковъ 1-го октября 1863 года, — прибѣгаетъ къ разнымъ маневрамъ, чтобы войти снова въ силу и снова обратить на себя вниманіе нѣкоторыхъ важныхъ лицъ, прежде, будто бы, его читавшихъ. Охотники до скандаловъ указываютъ намъ на нѣкоторые еще болѣе интересные и забавные образчики особаго рода хитрости». («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 212). Хотя Катковъ обѣщаетъ остановиться на этихъ стратагемахъ впослѣдствіи, но забываетъ про это, — Герценъ, повидимому, потерялъ всякій интересъ въ глазахъ общества.

Указывая врагамъ Россіи на общій патріотизмъ на-

рода, «Моск. Вѣдомости» останавливали также вниманіе Европы на несочувствіи къ повстанцамъ массы крестьянъ въ самыхъ мѣстахъ, гдѣ разливался мятежъ, напримѣръ, въ Бѣлорусскомъ краѣ. «Народъ возстаетъ въ отвѣтъ на возстаніе польскихъ пановъ», — восклицаетъ Катковъ. (№ 92).

Исходною точкою Каткова была мысль о томъ, что съ возстановленіемъ Польши Россія утратила-бы значеніе великой европейской державы и снова стала-бы полуевропейскимъ — полуазіатскимъ государствомъ, какимъ она была до Петра Великаго. Между тѣмъ, значеніе великой европейской державы есть для Россіи вопросъ жизни и смерти. Это положеніе ея вызываетъ потребность въ развитіи всѣхъ сторонъ ея существованія. Возможны ли были-бы у насъ всѣ совершенныя и предположенныя реформы, еслибы Россія не была великой европейской державой? — спрашиваетъ Катковъ въ заключеніе. («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 57).

Въ слѣдующихъ чертахъ характеризовалъ Катковъ историческую борьбу между Польшей и Россіей:

«Между поляками и русскими дѣло идетъ не о различіи въ степени образованія, не о томъ, можетъ-ли народъ болѣе образованный покоряться менѣе образованному, а о томъ, что поляки, пренебрегая всѣми опытами исторіи, стремятся къ господству въ той же самой сферѣ, которая принадлежитъ Россіи, къ тому политическому значенію, которое досталось на долю нашего отечества». «Мы знаемъ въ исторіи польскихъ пановъ, польское шляхетство, польское духовенство, — заявляетъ Катковъ, — которое справедливѣе назвать римскимъ или латинскимъ, а польскаго народа мы не знаемъ: онъ никогда не появлялся въ исторіи, никогда не имѣлъ въ ней ни малѣйшаго значенія; подавленный, униженный, загнанный, онъ не могъ стать даже темною основою для польскаго государства и если эта польская вольница, если эта республика пановъ и шляхтичей заслуживаетъ имени государства, то это было государственное зданіе безъ всякаго фундамента». «Можно ли въ этомъ отношеніи, — спрашиваетъ Катковъ, — сравнивать Польшу съ Россіей, гдѣ народъ неоднократно выступалъ самъ на дѣло общее и въ эпоху смутъ междуцарствія, своею самостоятельностью, своимъ сознаніемъ необходимости прочнаго государственнаго порядка спасъ русскую землю отъ безначалія и погибели». («Моск. Вѣдом.» 1864 г., № 78).

«Какъ Эдипъ въ древней трагедіи, — говоритъ Катковъ въ дру-

гой статьѣ,— полонизмъ направлялъ на самого себя удары, думая, что направляетъ ихъ на Россію. Онъ заслужилъ постигшую его трагическую развязку. Жертва исторической ироніи, имъ самимъ на себя накликанной, полонизмъ долженъ подчиниться судьбѣ своей. Покажетъ или не покажетъ полонизмъ истинное величіе въ несчастіи, уподобится-ли онъ или нѣтъ великодушному слѣпцу древней трагедіи, добровольно снявшему съ себя вѣнецъ свой, найдетъ-ли онъ или нѣтъ внутреннее успокоеніе и примиреніе, во всякомъ случаѣ наши Ѳивы должны остаться свободными отъ его власти». («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 169).

«Finis Poloniae,—напоминаетъ Катковъ,—сказалъ на полѣ проигранной битвы человѣкъ, чье имя чтутъ высоко польскіе патріоты, и его устами проговорила сама исторія и слово это твердо. «Конецъ Польшѣ», воскликнулъ Костюшко, и дѣйствительно Польша скончалась и міръ присутствовалъ на ея похоронахъ и могила ея заросла травою... Польша умерла, но ея призракъ, какъ вампиръ, приходитъ сосать кровь живыхъ людей и этотъ призракъ Польши есть злѣйшая язва поляковъ. Не тотъ имъ врагъ, кто гонитъ этого вампира, а тотъ имъ врагъ, кто призываетъ его... Враги имъ тѣ, кто изъ какихъ бы то ни было побужденій поддерживаетъ въ нихъ праздную мечту, кто навязываетъ имъ въ какомъ бы то ни было видѣ призракъ отдѣльнаго политическаго существованія». («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 180).

Не подлежитъ сомнѣнію, что патріотическія статьи Каткова производили свое впечатлѣніе на общество и дипломатическіе кружки Западной Европы. Въ нихъ говорилъ русскій духъ, бодрый и увѣренный въ своихъ силахъ. Сначала публицистъ самъ выражалъ сомнѣніе, чтобы его протесты могли проникать въ станъ враговъ Россіи, но потомъ оказалось, что ихъ стали переводить на иностранные языки и цитировать въ газетахъ, такъ что онѣ служили какъ-бы иллюстраціей общественнаго мнѣнія въ Россіи.

По всей вѣроятности, на впечатлѣніяхъ этихъ статей основывался гр. Россель, когда 26-го апрѣля (8-го мая) онъ высказалъ въ парламентѣ убѣжденіе, что при теперешнемъ настроеніи правительства и еще болѣе русскаго народа, въ Россіи нѣтъ ни малѣйшей готовности согласиться на то, что̀ ею почитается за раздробленіе великой имперіи. Благородный лордъ удостоилъ вспомнить,

что Россія имѣетъ свои славныя воспоминанія, свои символы гордости и могущества; «если они могутъ быть разсѣяны, если они могутъ быть уничтожены, то не иначе, какъ продолжительной кровопролитною войной», замѣтилъ не безъ основаній англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ. Какое измѣненіе въ тонѣ государственнаго краснорѣчія! Между тѣмъ, едва прошли два мѣсяца со времени первыхъ парламентскихъ выходокъ противъ Россіи.

«Что же случилось тѣмъ временемъ?—спрашиваетъ Катковъ,—ничего болѣе, какъ только то, что русскій народъ подалъ признаки жизни и духа, которые въ немъ не ожидала введенная въ обманъ Европа». («Московскія Вѣдомости» 1863 г., № 96). Она считала русское общество,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Катковъ,—за темную массу людей, представляющую собою извѣстное количество матеріальной силы. Что въ этой темной массѣ живетъ одинъ и тотъ же духъ, что въ ней есть общій и именно русскій интересъ, что этотъ интересъ вездѣ зорко, бдительно и дѣятельно соблюдается; этого, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ Европа не предполагала («Московскія Вѣдомости» 1863 г., № 137).

Наша дипломатія успѣла уже произнести къ тому времени свое первое слово въ отвѣтъ на мартовскія депеши иностранныхъ правительствъ. Но въ значительной степени поворотъ, произведенный въ общественномъ мнѣніи Европы относительно положенія и внутренней силы Россіи, долженъ быть отнесенъ въ заслугу Каткову, патріотическому представителю печати, голосъ которой пользуется такимъ уваженіемъ на Западѣ.

Посодѣйствовавъ устраненію тумана, покрывавшаго Россію для западно-европейскихъ наблюдателей, Катковъ существенно облегчилъ задачу нашего министерства иностранныхъ дѣлъ во время послѣдовавшей дипломатической переписки по польскому вопросу. Съ другой стороны, то, что Катковъ желалъ, какъ патріотъ, а именно энергиче-

скій отпоръ иностранному вмѣшательству въ наши дѣла, было въ то время безусловно выполнено дипломатіей, которая руководствовалась слѣдующимъ, выраженнымъ въ «Journal de St.-Pétersbourg», девизомъ: «не вызывать Европу на борьбу съ собою, но и не обнаруживать слабости». Чѣмъ далѣе подвигался польскій вопросъ, тѣмъ сильнѣе сказывалось единодушіе между дипломатіей и патріотическою печатью. Но на первыхъ порахъ произошла было схватка между «Journal de St.-Pétersbourg» и Катковымъ, не имѣвшая, впрочемъ, никакихъ послѣдствій. Вскорѣ послѣ возстанія, появилось въ «Journal de St.-Pétersbourg» сообщеніе, въ которомъ опровергалось, чтобы принятая правительствомъ для 1863 года система рекрутскаго набора исключительно съ городскихъ жителей была причиною возстанія, какъ это распространяли нѣкоторые органы печати въ Европѣ. Указывалось, что, наоборотъ, рекрутскій наборъ былъ вынужденъ замыслами революціонеровъ и что правительство, потребовавъ въ ряды войска городскихъ обывателей, хотѣло парализовать орудія возстанія. По поводу ненормальности этой мѣры, «Journal de St.-Pétersbourg», упомянувъ о невозможности соблюденія строгой законности въ случаяхъ, когда необходимо ограждать внѣшнее и внутреннее спокойствіе страны, напомнилъ извѣстное изреченіе: la légalité tue. Вотъ противъ этого послѣдняго выраженія ополчился Катковъ. Онъ началъ свою статью съ того, что тотчасъ по появленіи сообщенія, получившаго значеніе какъ бы политическаго факта, онъ хотѣлъ напутствовать его нѣкоторыми замѣчаніями. «Но не все то можется, что хочется», замѣтилъ публицистъ. Потомъ оказалось, прибавляетъ онъ, что статья не имѣла оффиціальнаго характера и что къ обсужденію ея не встрѣчается препятствій. «Никакое правительство, восклицаетъ Катковъ, при ненормальномъ положеніи дѣлъ не можетъ сказать: la légalité nous tue, потому что только твердою законностью обезпечивается существованіе и общества, и самого пра-

вительства». «Не мудрость политическая, а развѣ политическое безуміе можетъ считать законность условіемъ стѣснительнымъ и пагубнымъ для правительствъ» («Московскія Вѣдомости» 1863 г., № 23).

Каткову пришлось много поработать перомъ въ тревожное время происходившей, начиная съ марта мѣсяца 1863 года, дипломатической кампаніи иностранныхъ державъ противъ Россіи. Прежде, чѣмъ понять безполезность вмѣшательства, западно-европейскія правительства попытались произвести давленіе на Россію. Не имѣя намѣренія обнажать мечъ за поляковъ, дипломатія надѣялась совокупностью своихъ дѣйствій смутить Россію и добиться этимъ путемъ дарованія Польшѣ такихъ политическихъ льготъ, которыя могли-бы поддерживать въ ней готовый очагъ возстанія. Катковъ совершенно правильно сказалъ: «стоитъ припомнить дипломатическую исторію польскаго вопроса, чтобъ увѣриться въ томъ, что онъ всегда былъ только средствомъ, а не цѣлью. Это старое заржавѣвшее оружіе, которое по временамъ вынимается изъ хранилища древностей и потомъ снова складывается туда, обманувъ только людей неопытныхъ». («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 74). Дипломатія хотѣла воспользоваться протестомъ западно-европейскаго общественнаго мнѣнія и печати противъ порабощенія Польши; она разсчитывала на обаяніе этихъ факторовъ въ Россіи при господствѣ въ ней либеральнаго настроенія. Графъ Россель говорилъ въ парламентѣ: «я прошу васъ положиться на силу общественнаго мнѣнія Европы, которымъ, повѣрьте, не пренебрежетъ и самъ императоръ Россіи при всемъ его могуществѣ».

Мы упомянули уже о дипломатическомъ походѣ противъ петербургской конвенціи Россіи съ Пруссіей, но вмѣшательство это не причинило Россіи существенныхъ затрудненій. Неутвержденіе конвенціи не имѣло, въ сущности, никакихъ практическихъ послѣдствій, такъ какъ воз-

станіе не перешло на прусскую территорію. Со 2-го марта 1863 года начался новый фазисъ дипломатическаго вмѣшательства, именно совѣты Россіи, какъ поступить съ Польшей, съ намеками, имѣвшими видъ какъ-бы косвенныхъ угрозъ активнымъ вмѣшательствомъ.

Дипломатическія сношенія отличались въ данномъ случаѣ весьма своеобразною особенностью. Въ виду особаго интереса къ польскому вопросу общественнаго мнѣнія и законодательныхъ учрежденій, оффиціальное опубликованіе отправляемыхъ и получаемыхъ депешъ производилось съ необыкновенною поспѣшностью. Дипломатическій обмѣнъ мнѣній принялъ, вслѣдствіе этого, характеръ публичнаго турнира, происходившаго передъ глазами всей читающей Европы. Но этого мало—всѣ дипломатическія предположенія и секретные переговоры иностранныхъ державъ получали даже предварительную огласку въ разныхъ полуоффиціальныхъ изданіяхъ. Депешамъ иностранныхъ правительствъ предшествовали сообщенія и слухи о ихъ содержаніи, которые, какъ можно судить по близкому сходству ихъ съ послѣдующими нотами, служили довольно точнымъ отголоскомъ дѣйствительности. Покровы дипломатіи изъ обыкновенно непроницаемыхъ сдѣлались на этотъ разъ полупрозрачными. Это давало возможность печати высказываться о томъ, что дѣлалось въ дипломатическихъ канцеляріяхъ не только post factum, но именно въ самую горячую пору составленія отвѣтныхъ нотъ. Голосъ Каткова, принимавшаго такое живое нравственное участіе въ борьбѣ, громко звучалъ среди письменнаго дипломатическаго спора.

Основаніемъ къ вмѣшательству Европы въ польскія дѣла послужило, какъ извѣстно, внесеніе особаго пункта о внутреннемъ устройствѣ польскихъ областей въ текстъ вѣнскаго трактата 1815 года при совершенномъ тогда распредѣленіи образованнаго Наполеономъ варшавскаго герцогства между державами. Александръ I находился подъ

вліяніемъ князей Чарторыйскаго и Огинскаго, обращавшихся къ его рыцарству для практическаго осуществленія мысли о возстановленіи Польши въ ея старинномъ видѣ, даже со всѣми литовскими губерніями. Послѣ пораженія Наполеона I, императоръ возбудилъ на вѣнскомъ конгрессѣ вопросъ о томъ, чтобы опять образовать Польшу изъ бо̀льшей части территоріи, принадлежавшей ей до трехъ раздѣловъ, совершенныхъ при Екатеринѣ, и поставить это государство подъ общій съ Россіей скипетръ. Австрія и Пруссія, которымъ пришлось-бы поступиться частью своихъ владѣній, не согласились на это предложеніе—и къ нимъ присоединилась Англія въ лицѣ лорда Кастльри. Всѣ боялись излишняго усиленія могущества Россіи и стращали Россію этою образуемой ею Польшей. Австрійскій и прусскій уполномоченные—князь Меттернихъ и Гарденбергъ—предостерегали даже императора противъ дарованія возвращаемымъ къ Россіи частямъ варшавскаго герцогства имени Польши. Они считали это слово опаснымъ для неприкосновенности своихъ польскихъ владѣній. Но Александръ I не сдѣлалъ уступки въ этомъ отношеніи. Чтобы гарантировать поляковъ, оставшихся подъ владычествомъ Австріи и Пруссіи, императоръ настоялъ на внесеніи въ вѣнскій трактатъ взаимныхъ обязательствъ о томъ, что «поляки, подданные Россіи, Австріи и Пруссіи, получатъ, сообразно формамъ политической жизни, которую каждое изъ правительствъ признаетъ нужнымъ имъ предоставить, учрежденія, обезпечивающія сохраненіе ихъ національности». Съ своей стороны, Александръ I, 15-го (27-го) ноября 1815 года, даровалъ Польшѣ конституцію, предоставившую ей не только представительныя учрежденія, но и особые финансы и войско. Конституція эта отмѣнена была въ 1832 году послѣ подавленія возстанія.

Ошибочно выставляя конституцію 1815 года исполненіемъ будто-бы принятаго Россіей обязательства предо-

ставить Польшѣ именно эту форму политическаго устройства, англійское правительство, въ упомянутой нотѣ 2-го марта 1863 года, совѣтовало Россіи погасить междоусобіе объявленіемъ безусловной амнистіи возставшимъ и въ то же время выраженіемъ намѣренія возвратить безъ промедленія Царству Польскому прежнія гражданскія и политическія привиллегіи.

Эта депеша сообщена была англійскимъ правительствомъ всѣмъ восьми державамъ, участвовавшимъ въ подписаніи вѣнскаго трактата 1815 года, съ предложеніемъ присоединиться къ ней. И вотъ на наше министерство иностранныхъ дѣлъ посыпался цѣлый рядъ болѣе или менѣе краснорѣчивыхъ дипломатическихъ нотъ.

«Не вся-ль Европа тутъ была? можемъ мы повторить, — восклицаетъ Катковъ, по поводу этого дипломатическсго похода на русскую землю.—Въ общемъ хорѣ недостаетъ еще Турціи и папы. Но по всему вѣроятію, мы скоро узнаемъ, что рекомендуетъ намъ представитель исламизма, какой урокъ христіанскаго милосердія преподастъ онъ намъ и какія начала политической мудрости предложитъ онъ, основываясь на собственномъ опытѣ». («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 104).

Нельзя не замѣтить, что Турція не обратила, понятное дѣло, приведеннаго ироническаго предположенія въ дѣйствительность, но папа, съ своей стороны, поспѣшилъ подѣлиться съ Россіей мнѣніемъ, что польская революція вызвана угнетеніями, которымъ подвергались въ Польшѣ католики и уніаты.

Изъ среды всѣхъ державъ выдавалась тройственная группа Англіи, Франціи и Австріи, которая продолжала дипломатическій походъ и послѣ первыхъ, въ высшей степени сдержанныхъ, но твердыхъ отвѣтовъ Россіи. Въ нотахъ этихъ князь Горчаковъ выяснялъ неудобство чужестраннаго давленія, но въ то же время указывалъ еще на предстоящее дарованіе реформъ Польшѣ.

Тѣмъ временемъ послѣдовалъ, въ день Пасхи 31-го марта 1863 года, манифестъ къ Царству Польскому, въ которомъ

утверждалась незыблемость уже дарованныхъ учрежденій и высказывалось предположеніе приступить къ ихъ дальнѣйшему развитію, когда они будутъ испытаны на самомъ дѣлѣ. Кромѣ того, была обѣщана амнистія тѣмъ изъ жителей возмущенныхъ частей Западнаго края, которые положатъ оружіе къ 1-му мая. Это были послѣднія попытки примирительной политики маркиза Велепольскаго. Но умиротвореніе не послѣдовало. Кровь продолжала литься, а дипломатическая переписка идти своею чередой.

Дипломатическое вмѣшательство Европы сослужило очень дурную службу польскому дѣлу. Оно вызвало патріотическое одушевленіе въ Россіи и помѣшало полякамъ положить оружіе, когда было еще время повернуть въ другую сторону.

Нельзя не замѣтить, что въ средѣ правительства существовало очень сильное теченіе въ пользу либеральной политики въ Царствѣ Польскомъ. Мятежъ засталъ правительство на пути къ развитію національной автономіи Польши. Нѣкоторое время эта программа, какъ мы видѣли, продолжала господствовать. Но надвигавшіяся съ Запада тучи заставили посмотрѣть на дѣло иначе. Пришлось, прежде всего, подумать о томъ, какъ бы поскорѣе справиться съ мятежемъ, а для этого не годилась политика колебаній и уступокъ. Надо было начать дѣйствовать рѣшительно. Но этотъ способъ дѣйствій укоренился не сразу. Система строгой и непреклонной расправы была по истеченіи срока амнистіи примѣнена сперва только къ литовскимъ губерніямъ.

17-го апрѣля представлялись государю императору разнообразнѣйшія депутаціи отъ дворянствъ и городскихъ сословій съ патріотическими адресами. Въ словахъ, произнесенныхъ по этому случаю Александромъ II, выражена необходимость дать отпоръ иностранному вмѣшательству. «Враги наши надѣялись найти насъ разъединенными, говорилъ Царь,—но они ошиблись. При одной мысли объ угро-

жающей намъ опасности всѣ сословія русской земли соединились вокругъ Престола и показали Царю своему то довѣріе, которое для него всего дороже. Я еще не теряю надежду, что до общей войны не дойдетъ; но если она намъ суждена, то я увѣренъ, что съ Божьей помощью мы съумѣемъ отстоять предѣлы Имперіи и нераздѣльно соединенныхъ съ нею областей».

Послѣднія слова доказываютъ, что отношеніе правительства къ западно-русскому вопросу какъ-бы отдѣлялось еще въ то время отъ польскаго. Дѣйствительно, къ управленію виленскимъ генералъ-губернаторствомъ былъ призванъ съ начала мая энергичный и властный Муравьевъ; между тѣмъ, въ Польшѣ продолжала еще нѣкоторое время господствовать политика милости и снисхожденія.

Въ началѣ апрѣля мѣсяца, Катковъ, подъ впечатлѣніемъ манифеста, высказываетъ еще весьма мягкія предположенія относительно того, что надо сдѣлать въ Польшѣ.

«Для Польши,— говоритъ онъ,— открыта новая политическая эра, но не въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ въ 1815 году, подъ вліяніемъ Чарторижскаго, открывалась политическая эра для Польши. Та же самая эра открыта и для всей Россійской Имперіи; Польша, оставаясь въ соединеніи съ Россіей, будетъ слѣдовать наравнѣ съ ней одному и тому-же ритму политическаго развитія. И тамъ, и тутъ въ основу его полагается сходственно задуманное мѣстное самоуправленіе; и тамъ, и тутъ политическое развитіе должно идти изъ одинаковыхъ элементовъ и одинаковымъ путемъ». («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 71).

Въ № 75 «Московскихъ Вѣдомостей» поясняется эта мысль:

«Русскіе люди,— говорится въ ней,— не только не желали бы, чтобы русское правительство казнями продолжало борьбу противъ поляковъ, но они не желали бы, чтобы по усмиреніи возстанія у польскаго края были отняты или стѣснены виды на дальнѣйшее развитіе. Не подавлять польскую народность, а призвать ее къ новой, общей съ Россіею, политической жизни — вотъ что лежитъ въ интересахъ Россіи, самой Польши и цѣлой Европы».

Но Катковъ уже въ то время возражалъ противъ мы-

сли о дарованіи Польшѣ особой отъ Россіи политической конституціи. Это видно изъ статьи его въ мартовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника»: «Что намъ дѣлать съ Польшей?» Онъ одинаково опровергаетъ мысль объ отторженіи Польши и предположеніе о предоставленіи ей особаго политическаго устройства при сохраненіи династическаго единства съ Россіей. Послѣдняя мысль, находившая, повидимому, поддержку со стороны нѣкоторыхъ лицъ высшаго правительства, вызвала противъ себя горячую критику Каткова. Послѣдній высказался въ то же время и вообще противъ дарованія конституціи Россіи [1]). У него были, какъ мы уже упомянули, другія воззрѣнія на организацію народнаго представительства, къ которому онъ предлагалъ присоединить также поляковъ, наравнѣ съ другими народностями Имперіи.

Но во второй половинѣ апрѣля тонъ Каткова существенно измѣняется, очевидно, подъ впечатлѣніемъ иностранныхъ депешъ. Требуя, съ одной стороны, твердаго отпора чужеземному вмѣшательству, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ указывать на необходимость энергическихъ мѣръ на самомъ театрѣ возстанія.

Въ послѣднемъ требованіи онъ оставался пока одинъ среди русскихъ публицистовъ. Кружокъ славянофиловъ, несмотря на развитіе въ немъ національнаго чувства, терялся въ туманѣ различныхъ идеальныхъ предположеній.

Такъ, Аксаковъ въ «Днѣ» писалъ о томъ, что надо отъ самой Польши дознать, что съ ней потомъ сдѣлать, и для этого созвать польскій сеймъ, а тогда уже обдумать, рѣшить ли споръ, еслибы таковой представился, мечомъ или противопоставленіемъ польскому сейму русскаго земскаго собора.

Между тѣмъ, Катковъ уже 19-го апрѣля 1863 года говорилъ слѣдующее:

---

[1]) См. окончаніе второй главы.

«Срокъ, постановленный Всемилостивѣйшимъ манифестомъ, истекаетъ, но возстаніе не прекращается. Амнистія побуждаетъ двигателей мятежа только къ новымъ и болѣе напряженнымъ усиліямъ. Центральный революціонный комитетъ продолжаетъ засѣдать въ Варшавѣ и издавать свои декреты... Отнынѣ должны мы обнаружить ту твердость, которая, по выраженію адреса московской городской думы, «прощая виновныхъ, смирить непокорныхъ»... Отнынѣ для прекращенія мятежа нужно не столько истребленіе шаекъ, сколько крѣпкая и надежная администрація края».

Катковъ въ особенности возражаетъ противъ сохраненія административнаго персонала изъ поляковъ. Допуская, что они люди добросовѣстные, нельзя не согласиться, что положеніе ихъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, должно быть весьма непріятнымъ.

«Хотимъ ли мы удовлетворить нынѣшнимъ притязаніямъ польскаго патріотизма и пожертвовать ему существованіемъ Россіи? Въ такомъ случаѣ надобно намъ выводить изъ Царства Польскаго войска, отступать все далѣе и далѣе къ Уральскому хребту и готовиться къ мирной кончинѣ. Если же мы этого не хотимъ,—прибавляетъ Катковъ,—то нужны рѣшительныя мѣры. Всякое же наружное угожденіе національному чувству въ Царствѣ Польскомъ станетъ гибелью и для Польши, и для Россіи. Война, такъ война военное положеніе, такъ военное положеніе».

Катковъ заключаетъ тѣмъ, что всякое промедленіе въ подавленіи возстанія можетъ, возбуждая страсти, обратить дипломатическое вмѣшательство иностранныхъ правительствъ въ активное («Московскія Вѣдомости» 1863 г., № 83).

Несомнѣнно, что первое слово этой политики строгостей было подсказано Каткову негодованіемъ по поводу иностраннаго вмѣшательства въ польскія дѣла.

«Самымъ вѣрнымъ способомъ посрамить нашихъ враговъ было бы окончательное присоединеніе Польши къ Россіи на новыхъ основаніяхъ, которыя отрезвили бы задоръ галльскаго пѣтуха и заставили бы умолкнуть рыканія британскаго льва» («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 89).

Когда истекъ 1-го мая срокъ дарованной амнистіи, Катковъ сталъ уже рекомендовать примѣненіе системы конфискацій или контрибуцій съ имѣній мятежныхъ поляковъ для

возмѣщенія издержекъ, причиняемыхъ мятежемъ. «Довольно и того, что льется русская кровь. Этого избѣгнуть было нельзя, а русскія деньги пощадить можно». («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 94). Муравьевъ съ большой энергіей и успѣхомъ примѣнилъ эту систему въ Западномъ краѣ. Теперь еще не пришло время произнести окончательный приговоръ надъ дѣятельностью Муравьева; многіе изъ документовъ, относящихся къ этой эпохѣ, не могутъ быть опубликованы. Воспоминанія самого Муравьева появились до сихъ поръ въ печати далеко не въ полномъ видѣ [1]).

Вотъ что писалъ Муравьевъ о положеніи дѣлъ въ моментъ, когда онъ былъ призванъ къ управленію Западнымъ краемъ.

«Въ Царствѣ Польскомъ мятежъ возросталъ ежедневно. Въ литовскихъ губерніяхъ генералъ-губернаторъ Назимовъ, человѣкъ (недалекій) и слабый, но пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Государя и даже личною его привязанностью, при всей своей добросовѣстности, не понималъ положенія края и не находилъ никакихъ разумныхъ средствъ къ подавленію мятежа. Впрочемъ, надо, въ оправданіе его, сказать, что направленіе, даваемое изъ Петербурга преимущественно министромъ внутреннихъ дѣлъ, также шефомъ жандармовъ княземъ Долгоруковымъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, не давало ему возможности дѣйствовать твердо и рѣшительно, ибо первые два заботились только о томъ, какъ бы примириться съ поляками и склонить ихъ къ снисхожденію къ Россіи разными уступками, которыя, какъ извѣстно, еще болѣе возрождали въ нихъ самоувѣренность въ успѣхѣ, а послѣдній, князь Горчаковъ, раздѣляя систему дѣйствій Валуева, кн. Долгорукова и Веліопольскаго (который овладѣлъ почти всѣми правительственными умами въ Петербургѣ, въ послѣднюю бытность свою въ столицѣ), страшился еще угрозъ западныхъ державъ, которыя настойчиво требовали признанія независимости Польши въ предѣлахъ 1772 года. Государь колебался, хотя и чувствовалъ необходимость рѣшительныхъ мѣръ. Изъ Варшавы прибыла депутація Замойскаго, который на аудіенціи у Государя настойчиво требовалъ автономіи Польши и возстановленія ея въ предѣлахъ 1772 года [2]). Страхъ правительства нашего

---

[1]) «Русская Старина» 1882 г., ноябрь.

[2]) Не слѣдуетъ думать, чтобы Замойскій былъ въ Петербургѣ во время самаго возстанія; онъ появился тамъ еще 3-го сентября 1862 г. См. Спасовичъ. Жизнь Велепольскаго 1882 г., стр. 296.

былъ такъ великъ, что Замойскаго приняли и выслушали весьма милостиво, хотя не согласились на его предложенія; но и не смѣли подвергнуть его отвѣтственности и отпустили съ обязательствомъ лишь ѣхать за границу и не возвращаться въ Царство... Замойскій, по прибытіи въ Парижъ, огласилъ слабость и колеблемость нашего правительства».

Будущему историку принадлежитъ оцѣнка этихъ заявленій. Но во всякомъ случаѣ они указываютъ на немаловажность заслуги тѣхъ, которые словомъ и дѣломъ одушевляли патріотизмъ Россіи и поддерживали этимъ путемъ твердость нашей политики. Противники Каткова (напримѣръ, Шедо-Ферроти въ извѣстной брошюрѣ: Que fera t'on de la Pologne?) присываютъ вліянію его проповѣди назначеніе даже самого Муравьева. «Въ правительственныхъ сферахъ, писалъ по этому поводу Катковъ, конечно выдумка эта не можетъ имѣть успѣха, потому что тамъ извѣстно, какимъ образомъ произошло это назначеніе». («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 195). Муравьевъ описываетъ это такимъ образомъ. На выходѣ 17 апрѣля 1863 года, когда Государь принималъ депутаціи съ адресами, онъ, подошедши къ Муравьеву, спросилъ у него мнѣнія о произошедшемъ въ недавнее время подъ Динабургомъ событіи, т. е. разграбленіи шайкой, подъ предводительствомъ графа Платера, транспорта съ оружіемъ. Муравьевъ отвѣчалъ, что ожидаетъ развитія мятежа во всемъ Западномъ краѣ и указалъ на участіе въ динабургскомъ дѣлѣ фамилій, замѣшанныхъ еще въ мятежѣ 1831 года. 25 апрѣля Муравьевъ былъ приглашенъ во дворецъ для аудіенціи и нашелъ Государя смущеннымъ опасеніями относительно невозможности удержанія за нами Литвы въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ Европой. На брата Муравьева возложена была организація защиты всего прибрежья отъ Свеаборга въ Финляндіи до границъ Пруссіи; самого-же Михаила Николаевича Государь просилъ принять усмиреніе возстанія въ Сѣверо-западномъ краѣ.

Муравьевъ заявилъ о необходимости измѣнить систему

борьбы съ мятежемъ не только въ Литвѣ, но и въ Царствѣ Польскомъ; предварительно-же назначенія генералъ-губернаторомъ, просилъ объясниться съ министрами, чтобы установить единство образа дѣйствій. Былъ образованъ комитетъ изъ шефа жандармовъ кн. Долгорукова, военнаго министра Милютина, министра государственныхъ имуществъ Зеленаго и министра внутреннихъ дѣлъ Валуева. Князь Долгоруковъ и Валуевъ согласились съ мнѣніями Муравьева, но, какъ утверждаетъ послѣдній, видимо колебались. Когда-же Муравьевъ испросилъ у Государя особыя права по управленію краемъ, то онъ замѣтилъ уже возрождавшееся противодѣйствіе со стороны обоихъ... Несмотря на отказъ Муравьева отъ поста въ виду этихъ обстоятельствъ, Государь уговорилъ его принять генералъ-губернаторство. Муравьевъ вспоминаетъ, что когда онъ представлялся Императрицѣ, отъѣзжая въ Вильну, Государыня выразила, между прочимъ, желаніе: «еслибы мы могли удержать за собой хотя Литву», а о Царствѣ Польскомъ не было уже и рѣчи.

Интересно удостовѣрить, что дѣлалось въ ту пору въ Царствѣ Польскомъ. Казалось-бы, что мятежъ надо подавлять возможно болѣе энергическимъ развитіемъ силы; между тѣмъ, власти, руководившія Польшей, продолжали въ самый разгаръ возстанія свою дѣятельность въ духѣ прежней либеральной политики. Вслѣдъ за началомъ возстанія былъ объявленъ, 23 января 1863 года, цѣлый рядъ новыхъ законодательныхъ мѣръ, подлежавшихъ обсужденію государственнаго совѣта Царства Польскаго. Къ числу ихъ принадлежало предположеніе о личныхъ гарантіяхъ противъ произвольныхъ арестовъ, нѣчто въ родѣ habeas corpus intactum. Обѣщано было не подвергать никого аресту безъ приговора подлежащаго суда, произнесеннаго при открытыхъ дверяхъ и по выслушаніи защиты. Было поставлено на видъ, что дѣйствіе этого закона предполагается оставлять въ силѣ даже при объявленіи всей страны на военномъ положеніи.

Удачно выбрано было время для законодательныхъ милостей и гарантій!

Катковъ сталъ съ величайшею настойчивостью и горячностью нападать, въ маѣ мѣсяцѣ 1863 года, на либеральную политику въ Польшѣ. Одновременно съ назначеніемъ въ Вильну Муравьева, было сдѣлано еще распоряженіе въ примирительномъ духѣ, состоявшее въ назначеніи радомскаго губернатора, поляка Островскаго, на вакантную послѣ Келлера должность директора комиссіи внутреннихъ дѣлъ. Катковъ сравниваетъ упомянутую политику съ образомъ дѣйствій павшаго неаполитанскаго короля въ Сициліи. Онъ указываетъ на ропотъ военныхъ кружковъ, жалуется на то, что развитію возстанія способствовало предпочтеніе, которое въ Варшавѣ отдавалось власти гражданской передъ военными генералами («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 96).

Катковъ повторялъ нападки противъ системы управленія Польшею въ теченіе всего мая мѣсяца. Наконецъ, произошло въ концѣ мая обстоятельство, которое должно было переполнить чашу всякаго терпѣнія. Изъ главнаго казначейства Царства Польскаго было совершено, при участіи двухъ чиновниковъ-поляковъ, похищеніе 3.600,000 р., въ томъ числѣ около 20 пуд. золота въ пользу революціоннаго жонда. Въ пустой кассѣ была, какъ говорили, найдена расписка, гласившая, что такая-то сумма принята отъ русскаго правительства полностью. «Каждый день, восклицалъ по этому поводу Катковъ, кажется, что наглость тайнаго правительства дошла до послѣднихъ предѣловъ, но слѣдующій день приноситъ вѣсть о наглости еще большей... Намъ нужна правда, вся правда и только правда», говоритъ онъ въ заключеніе. («Моск. Вѣдом.» 1863 г., № 123).

Какова была правда, которую началъ писать Катковъ, читатели «Московскихъ Вѣдомостей» вспомнятъ, обратившись, напримѣръ, къ № 125 этой газеты отъ 10-го іюня 1863 года, гдѣ онъ помѣстилъ особую корреспонденцію изъ Варшавы;

для тѣхъ, кто не давалъ себѣ труда понимать, Шедо-Ферроти въ статьѣ: «Que fera t'on de la Pologne» подсказалъ, противъ кого направлены были безпощадно рѣзкія обличенія Каткова, выразившіяся, между прочимъ, укоризненнымъ намекомъ; «популярничать на чужой счетъ не честно... Угождайте, если угодно, на свой счетъ, а не на счетъ общества, не на счетъ отечества» («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 128). Страстный до нетерпимости, Катковъ не зналъ мѣры въ своихъ нападеніяхъ.

Сопоставляя успѣшные результаты муравьевской системы въ Западномъ краѣ съ тѣмъ, что происходило въ Польшѣ, Катковъ указывалъ на грустное и оскорбительное для Россіи положеніе августѣйшей четы, находившейся тогда въ Варшавѣ, тѣмъ болѣе, что «имъ пользуются измѣнники и предатели, наполняющіе администрацію царства и разсчитывающіе на то, что августѣйшій намѣстникъ, какъ братъ Государя Императора, не можетъ принимать многія мѣры, которыя, при настоящихъ обстоятельствахъ, были бы необходимы («Моск. Вѣдом.» 1863 г., № 141). Цѣлый рядъ послѣдующихъ статей Каткова содержалъ въ себѣ указанія въ такомъ же смыслѣ.

Впрочемъ, не одинъ Катковъ возставалъ противъ программы кроткихъ мѣръ въ Царствѣ Польскомъ. То же самое заявилъ «Русскій Инвалидъ», органъ военнаго министерства, въ началѣ іюня. Администрація въ Польшѣ все требовала усиленія войскъ. Изъ 80,000 въ февралѣ число ихъ возросло до 125,000 въ іюнѣ, кромѣ пограничныхъ и гарнизонныхъ войскъ. Понадобилась еще дивизія, которая и была послана. «Дивизія послана въ царство, говорится въ № 147 «Русскаго Инвалида» отъ 5-го іюня, но не потому, чтобы въ немъ было мало войскъ и не съ тѣмъ, чтобы занимать всѣ города и мѣстечки, сторожить сельскую стражу или обходиться безъ допроса жителей, а для того, чтобы облегчить ту политику великодушія, которой до сихъ поръ держится августѣйшій намѣстникъ царства.

чѣмъ умѣреннѣе стѣсняется свобода дѣйствій возставшаго народа, тѣмъ, очевидно, требуется больше войскъ, чтобы преградить злоупотребленія ею. Корреспондентъ «Москов. Вѣд.» свидѣтельствуетъ о снисходительности, съ какою великій князь возможнымъ образомъ смягчаетъ тягость осаднаго положенія, о добросовѣстности, съ какою онъ охраняетъ автономію края въ лицѣ его чиновниковъ. При иномъ же взглядѣ на возстаніе, 50 — 70 тыс. войска было бы достаточно, чтобы усмирить его. Будемъ же надѣяться, что поляки, наконецъ, опомнятся, воспользуются тѣмъ, что великій князь не разорвалъ послѣднихъ нитей, связывающихъ его правительство съ народомъ, и не заставятъ его произнести роковыя слова: «довольно, мнѣ больше войска не надо». Замѣчательно подстрочное примѣчаніе къ этимъ словамъ: «дивизія, посланная въ царство, направлена изъ Виленскаго округа отъ генерала Муравьева, который, послѣ какого нибудь мѣсяца управленія, призналъ, что она ему ужъ не нужна». Все это облечено было въ форму полемической статьи противъ «Моск. Вѣд.», корреспондентъ которыхъ жаловался на недостатокъ войскъ въ царствѣ; между тѣмъ, «Моск. Вѣд.» объявили, что онѣ смотрятъ на статью «Русскаго Инвалида», какъ на отраднѣйшее событіе всего года (1863 г., № 149).

25-го іюля 1863 года послѣдовало увольненіе въ отпускъ маркиза Велепольскаго на два мѣсяца, но, какъ видно изъ вышеприведенныхъ указаній, основной характеръ его политики еще сохранился. Катковъ продолжаетъ свои нападки на нее и требуетъ военной диктатуры.

«Ничтожество элементовъ, поддерживающихъ мятежъ въ Царствѣ Польскомъ,— говоритъ онъ 1-го августа,— не подлежитъ сомнѣнію. Съ ними легче справиться, чѣмъ съ литовскимъ возстаніемъ... Между тѣмъ, революція подавлена въ Литвѣ съ меньшими войсками, чѣмъ тѣ, которыя находятся въ распоряженіи варшавскаго правительства, и, прибавимъ, съ меньшимъ кровопролитіемъ и даже съ меньшими казнями, и всѣмъ этимъ Литва обязана тому, что генералъ Муравьевъ захотѣлъ и съумѣлъ освободить ее отъ террора» («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 167).

Катковъ считалъ въ то время нужнымъ примирять свои суровыя требованія относительно Польши съ началами господствовавшаго въ немъ либерализма. Истинный либерализмъ, говоритъ онъ, есть сила, а не уступчивость! «Мы забыли о томъ, что символъ государства есть мечъ и что государство поставлено въ необходимость прибѣгать, въ случаѣ надобности, къ строгимъ и даже суровымъ мѣрамъ». Иной взглядъ называетъ онъ лжелиберальнымъ. («Моск. Вѣдом.» 1863 г., № 128).

«Энергическія мѣры, энергическія мѣры! — восклицаетъ онъ,— энергическія мѣры не значатъ проливать кровь. Энергическія мѣры значатъ ограждать людей отъ насилія, успокоить страну, находящуюся подъ властью непонятнаго кошмара. Энергическія мѣры значатъ не подталкивать одной рукой людей въ лѣса, чтобы бить ихъ другою» («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 161).

Во время отъѣзда великаго князя въ Петербургъ, распоряженіемъ его помощника, гр. Берга, назначеннаго еще въ апрѣлѣ на мѣсто Рамзая, было введено 14-го августа подчиненіе гражданскихъ властей военнымъ. 31-го августа послѣдовала отставка Велепольскаго. 19-го октября 1863 года великій князь былъ освобожденъ отъ обязанностей намѣстника при благодарственномъ рескриптѣ Государя. Въ Польшѣ началась новая система управленія, представителями которой были Милютинъ и князь Черкасскій.

Таковъ былъ ходъ внутреннихъ дѣлъ по польскому вопросу. Что же касается иностраннаго вмѣшательства, то подъ впечатлѣніемъ успѣшнаго подавленія Муравьевымъ мятежа въ литовскомъ краѣ, правительство стало высказывать все болѣе и болѣе твердости.

Въ окончательной нотѣ 16 іюня 1863 года англійское правительство формулировало свои желанія въ видѣ слѣдующихъ пунктовъ: 1) дарованіе полной и всеобщей амнистіи; 2) предоставленіе Царству Польскому народнаго представительства съ правами, сходными съ конституціей 15 (27) ноября 1815 года; 3) образованіе отдѣльной народ-

ной администраціи посредствомъ назначенія исключительно поляковъ на публичныя должности; 4) установленіе полной и безусловной свободы совѣсти съ упраздненіемъ ограниченій, касающихся католическаго вѣроисповѣданія; 5) введеніе польскаго языка, какъ оффиціальнаго нарѣчія съ употребленіемъ его въ присутственныхъ мѣстахъ и учебныхъ заведеніяхъ, и 6) утвержденіе правильной и законной системы рекрутскихъ наборовъ. Лордъ Россель рекомендовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ пріостановленіе военныхъ дѣйствій въ Польшѣ и созывъ конференціи изъ восьми державъ, участвовавшихъ въ обсужденіи польскаго вопроса. Къ вышеозначеннымъ пунктамъ присоединились также Франція и Австрія въ окончательныхъ депешахъ министровъ иностранныхъ дѣлъ Друэнь де-Люиса и графа Рерберга, отъ 17 и 18 іюня 1863 года.

Пункты эти сообщены были оффиціально русскому правительству, какъ указано выше, въ іюнѣ мѣсяцѣ, но еще въ маѣ мѣсяцѣ они были преданы оглашенію въ заграничной печати, указывавшей, между прочимъ, на разногласія, возникавшія между державами относительно предметовъ вѣдѣнія предположеннаго для Польши народнаго представительства и замедлявшія ходъ переговоровъ. Катковъ имѣлъ такимъ образомъ возможность обсуждать окончательныя предложенія правительствъ еще во второй половинѣ мая мѣсяца, въ ту пору, когда наше министерство иностранныхъ дѣлъ только ожидало ихъ полученія. Онъ съ большой энергіей высказался противъ всѣхъ вышеуказанныхъ условій въ цѣломъ рядѣ статей («Моск. Вѣд.» 1863 г., №№ 105, 106, 112, 114 и 163).

Мысль о конгрессѣ для рѣшенія польскаго вопроса всплывала въ печати даже еще ранѣе. Катковъ отвергаетъ ее съ негодованіемъ. «И для чего былъ бы собранъ этотъ ареопагъ?» иронически спрашиваетъ онъ («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 101).

Катковъ удивительно вѣрно понималъ несерьезность

требованій иностранныхъ правительствъ. «Вотъ въ чемъ загадка, — говоритъ онъ, — съ одной стороны, очевидны угрозы войной; съ другой — очевидно отсутствіе приготовленій къ войнѣ. Какъ понять это противорѣчіе, какъ разгадать эту загадку?» Отвѣтъ ясенъ: державы не думаютъ серьезно о войнѣ съ Россіей («Моск. Вѣд.», 1863 года, № 116). Но Катковъ не скрывалъ отъ себя извѣстной опасности положенія. Державы могутъ слишкомъ далеко зайти въ своей перепискѣ, такъ что нельзя будетъ отступить. Въ этомъ отношеніи слабость съ нашей стороны могла бы имѣть самыя гибельныя послѣдствія. Предотвратить войну, заявляетъ Катковъ, можемъ мы только сознаніемъ нашихъ силъ, только полною вѣрою въ историческія судьбы нашего народа, предотвратить войну можемъ мы только энергическою рѣшимостью не уклоняться ни отъ какого вызова («Моск. Вѣд.», 1863 г., № 83). «Только въ томъ случаѣ, если мы будемъ слѣдовать собственной политикѣ, указывалъ онъ, о насъ скажутъ, что мы государство, имѣющее будущность, а не случайно, одною силою, нахватанныя разнородныя части, которыя можно отнимать одна за другою, какъ полагаютъ поляки» («Моск. Вѣд.», 1863 г., № 70). Нельзя, въ заключеніе, не напомнить, что благой совѣтъ не поддаваться угрозамъ и вести вполнѣ самостоятельную политику, далъ русскому правительству и князь Бисмаркъ, въ особомъ, представленномъ имъ меморандумѣ.

Тяжкое было время. Значительная часть войска стояла готовая подъ ружьемъ. Покойный Государь, въ публично произнесенномъ словѣ, указывалъ на возможность вооруженнаго столкновенія изъ-за достоинства Россіи. Несмотря на трудность положенія, Россія вышла съ великою честью изъ дипломатической кампаніи. Депеши нашего правительства отличались сдержанностью, спокойствіемъ и непоколебимой твердостью, составляющими признакъ сознающей себя силы. Кому не памятно заключеніе послѣднихъ

отвѣтныхъ нотъ Россіи по поводу отвѣтственности, которую правительства на нее возлагали за непринятіе ихъ предложеній: «что же касается до той отвѣтственности, которую можетъ принять на Себя Его Величество въ Своихъ международныхъ отношеніяхъ, то эти отношенія опредѣляются международнымъ правомъ. Лишь нарушеніе основныхъ началъ этого права можетъ навлечь отвѣтственность. Нашъ Августѣйшій Государь постоянно уважалъ и соблюдалъ эти начала относительно другихъ государствъ. Его Величество имѣетъ право ожидать и требовать того-же уваженія со стороны другихъ державъ».

Какъ-бы въ благодарность за нравственную поддержку, оказанную Катковымъ въ тяжелыя минуты, князь Горчаковъ сообщилъ копіи съ послѣднихъ депешъ къ напечатанію въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», съ тѣмъ, чтобы онѣ появились на столбцахъ этой газеты въ одинъ день съ напечатаніемъ ихъ въ «Journal de St. Pétersbourg».

Въ одной изъ предшествовавшихъ депешъ, князь Горчаковъ воспользовался въ аргументаціи противъ посторонняго вмѣшательства въ польскій вопросъ указаніемъ на народныя чувства. «Вы не скроете отъ г. Друень де Люиса, писалъ онъ барону Будбергу, нашему посланнику въ Парижѣ, какъ затруднительна была наша задача, еслибы во Франціи не захотѣли понять силу обязательствъ, налагаемыхъ на насъ народными чувствованіями, въ которыхъ надобно видѣть не просто только порывы и симпатіи массъ, но которыя связываются съ самыми драгоцѣнными преданіями, съ самыми жизненными интересами страны, ввѣренными русскимъ народомъ патріотизму ея Августѣйшаго Государя». Объ этомъ патріотизмѣ и объ этихъ народныхъ чувствахъ Западная Европа узнавала главнымъ образомъ изъ статей Каткова.

Статьи эти заслужили публицисту большую популярность въ самой Россіи. Дворянство двухъ губерній — Симбирской и Саратовской — изъявило ему благодарность въ

коллективныхъ телеграммахъ предводителей дворянства отъ 11-го и 19-го іюля 1863 года — «за статьи по польскому дѣлу, такъ вѣрно выражающія наши общія чувства» — какъ сказано въ одной изъ телеграммъ. Свой отвѣтъ на нее Катковъ закончилъ слѣдующими выраженіями: «заявленіе ваше свидѣтельствуетъ о настроеніи благороднѣйшей части русскаго общества, заявленіе ваше есть сила, оно указываетъ путь. Ваше заявленіе значитъ: «да здравствуетъ Царь Русской земли, да пребудетъ ненарушимо ея единство, да процвѣтаетъ она, великая, могущественная, свободная».

Такимъ образомъ, польскій вопросъ изъ грознаго призрака перешелъ постепенно въ мирный фазисъ. Еще ранѣе замерла дипломатическая переписка съ иностранными державами. Независимо отъ возстановленія національнаго достоинства Россіи, нѣсколько потрясеннаго въ глазахъ Европы неудачнымъ исходомъ крымской кампаніи, былъ достигнутъ важный результатъ: было устранено на будущее время вмѣшательство Европы въ польское дѣло. Предпринятыя въ Польшѣ послѣ 1863 г. мѣры уже не вызывали ни запросовъ, ни оффиціальной критики со стороны иностранныхъ кабинетовъ. Какъ только Европа убѣдилась въ неуступчивости Россіи по польскому вопросу, политическій горизонтъ прояснился. Дипломаты стали задаваться исключительно цѣлью, какъ-бы имъ благопріятнѣе скрыть свое пораженіе. «Times» прочиталъ англійскому кабинету совершенно заслуженное наставленіе, что неумѣстно говорить громкія и грозныя слова, когда нѣтъ мысли о серьёзномъ вмѣшательствѣ. Лордъ Россель придумалъ въ заключительной нотѣ 8-го (20-го) октября 1863 года заявить осторожный протестъ противъ даннаго Россіей отпора указаніемъ, что права Польши на надлежащее ея устройство заключаются въ томъ-же актѣ, который дѣлаетъ русскаго Императора Царемъ польскимъ.

Наполеонъ задумалъ покрыть свое фіаско послѣднимъ

эффектомъ, который, однако, не удался и поставилъ его въ еще болѣе странное положеніе. Онъ предложилъ въ тронной рѣчи 23-го октября (5-го ноября) 1863 года созывъ конгресса для обсужденія не одного только польскаго, но всѣхъ вопросовъ, возникшихъ изъ фактическихъ отступленій отъ вѣнскаго трактата 1815 г. Императоръ Александръ II выразилъ условное согласіе на такой конгрессъ въ собственноручномъ письмѣ къ французскому императору, но на этотъ разъ безусловно отказалось отъ участія въ конгрессѣ англійское правительство. Выразивши готовность обсуждать съ Франціей и другими европейскими державами, путемъ дипломатической корреспонденціи, всѣ точно опредѣленные вопросы, относительно которыхъ можно было бы достигнуть удовлетворительнаго разрѣшенія и тѣмъ упрочить европейскій миръ, лордъ Россель призналъ нецѣлесообразнымъ созывъ конгресса государей или ихъ министровъ, которые безъ всякой опредѣленной цѣли блуждали-бы по картѣ Европы, возбуждая надежды и стремленія, которыхъ они не въ состояніи были-бы ни удовлетворить, ни обуздать (депеша 31-го октября (12-го ноября) 1863 года). Такъ замеръ окончательно бурный въ дипломатическомъ отношеніи польскій вопросъ. Наполеонъ попытался было возбудить вопросъ о частномъ конгрессѣ за невозможностью общаго. Но изъ этого ничего не вышло. Такимъ образомъ, императоръ французовъ не извлекъ ни славы, ни практическихъ плодовъ изъ затѣяннаго имъ дипломатическаго конфлита съ Россіей: слава досталась князю Горчакову и Каткову, а практическіе плоды для государства съумѣлъ извлечь Бисмаркъ.

IV.

Борьба Каткова за національную политику

въ 1864—1866 годахъ.

Общій характеръ его патріотическаго направленія. — Обособленіе отъ либеральныхъ теченій.—Несогласіе его съ славянофилами по польскому вопросу.—Разладъ Каткова съ славянофильскимъ кружкомъ въ принципіальныхъ положеніяхъ. — Обличеніе разнородныхъ стремленій къ сепаратизму.—Предложеніе субсидій Каткову въ 1863 г.—Отказъ отъ нихъ. — Штрафы, которые платилъ Катковъ въ 1863 и 1864 году за нарушенія цензурныхъ правилъ.—Возраженія его въ 1863 и 1864 годахъ противъ оффиціальной и субсидируемой правительствомъ печати.— Иностранныя брошюры противъ патріотическаго направленія: письмо Питкевича къ польскому революціонному правительству и брошюра Шедо-Ферроти: Que fera-t-on de la Pologne?—Возраженія противъ нихъ Каткова. — Обстоятельства, вызвавшія въ концѣ 1864 года предположеніе его оставить изданіе «Московскихъ Вѣдомостей».—Ходатайство за него московскаго университета. — Столкновеніе съ министерствомъ народнаго просвѣщенія по поводу географіи Даніеля.—Выходъ новаго закона о печати.—Указаніе Катковымъ вѣдомствъ, субсидировавшихъ враждебныя ему газеты.—Статья Мазада о Россіи въ «Revue des deux mondes».—Предостереженіе, данное Каткову и Леонтьеву.—Ихъ рѣшеніе по этому поводу. — Покушеніе Каракозова. — Усиленіе руссофильскаго направленія. — Послѣднія нападенія Каткова противъ его недоброжелателей.—Временное пріостановленіе его дѣятельности; аудіенція у покойнаго Государя и возобновленіе «Московскихъ Вѣдомостей».

Въ нашей газетѣ хотятъ видѣть органъ партіи, которую называютъ русскою, ультра-русскою, исключительно русскою. Мы предоставляемъ всякому судить, въ какой мѣрѣ можетъ идти рѣчь о русской партіи въ Россіи. Принадлежать къ русской партіи въ Россіи не значитъ ли одно и то же, что быть русскимъ подданнымъ, быть гражданиномъ русскаго государства.

(«Москов. Вѣд.» 1865 г., № 195)

Направленіе Каткова стало, начиная съ 1863 года, замѣтно обособляться. Онъ предвидѣлъ въ 1862 году, что пойдетъ своимъ путемъ. Такъ и случилось. Первымъ ша-

гомъ, съ которымъ онъ выступилъ на отдѣльную дорогу, было рѣзко обличительное отношеніе къ нигилизму. Онъ видѣлъ въ немъ не только болѣзненное, но и вредное явленіе. Катковъ первый началъ предвидѣть опасность отъ распространенія революціонизма въ средѣ молодежи какъ для нея самой, такъ и для дѣла предпринятой реформы. Онъ поставилъ въ свое время въ упрекъ Герцену, что тотъ не помогаетъ этому дѣлу, а напротивъ, своею радикальною проповѣдью возстановляетъ правительство противъ преобразованій и, такимъ образомъ, вредитъ Россіи. Чего не могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи Герценъ, то было, какъ извѣстно, выполнено дѣйствіями революціонеровъ-террористовъ.

Вторымъ не менѣе самостоятельнымъ шагомъ Каткова было патріотическое отношеніе къ національному вопросу. Со времени польскаго возстанія онъ рѣзко ополчился противъ либеральнаго и федеративнаго космополитизма — и голосъ его нашелъ отвѣтъ въ патріотическихъ чувствахъ русскаго народа.

По польскому вопросу Катковъ высказывалъ мысль о политической необходимости полнаго поглощенія Польши Россіей. Онъ разошелся изъ-за этого взгляда съ Аксаковымъ; противъ него возстала въ этомъ отношеніи и большая часть либерально настроенныхъ органовъ печати, — между прочимъ и тѣ, которые получали субсидіи отъ правительства. Катковъ сталъ почти одинъ въ печати со своею патріотической программой.

Передъ польскимъ возстаніемъ 1863 года Аксаковъ высказывалъ сочувствіе образованію самостоятельной Польши, которая оттянула бы къ себѣ все польское изъ русскихъ областей, очистила бы ихъ отъ польскаго наплыва и стала бы твердымъ оплотомъ противъ напора нѣмецкой стихіи. Но онъ горячо протестовалъ противъ притязаній поляковъ на Литву и Юго-Западный край, онъ основательно говорилъ, что такими стремленіями поляки страшно портятъ

свое дѣло (П. С., т. I, стр. 16—21). Когда началось возстаніе, первымъ словомъ Аксакова было, предположеніе о необходимости созванія, по усмиреніи мятежа, всенароднаго польскаго сейма съ непремѣннымъ участіемъ крестьянства, чтобы послѣдній рѣшилъ: что дѣлать съ Польшей? Онъ допускалъ тамъ продолжительную анархію, даже захватъ Польши Австріей и Пруссіей, лишь бы не было со стороны Россіи сдѣлано насилія надъ Польшей безъ уполномочія ея народа (стр. 32).

Это было слово идеалиста... Мы не ошибемся на многое, указавъ, что будущность, которую желалъ Аксаковъ для Польши, не отличалась бы существенно отъ теперешняго положенія Болгаріи, враждебной Россіи, съ тѣмъ различіемъ, что въ Польшѣ господствовали бы, правда, не личности изъ категоріи не помнящихъ родства, а польская аристократическая шляхта.

Потомъ Аксаковъ склонился къ мысли о необходимости военной диктатуры въ Царствѣ Польскомъ, какъ средства для избавленія страны отъ террора, но настаивалъ затѣмъ на предоставленіи Польшѣ самостоятельности, чтобы она или отдѣлилась, или добровольно присоединилась къ Россіи; онъ не терялъ надежды на осуществленіе послѣдняго (стр. 214). Но поставить себѣ задачей не примиреніе, а окончательное усмиреніе и поглощеніе Польши посредствомъ насильственныхъ мѣръ онъ признавалъ неразумнымъ; для этого, говорилъ Аксаковъ, нужна прусская энергія, къ которой Россія, къ счастью, неспособна.

Аксаковъ писалъ это въ самый разгаръ борьбы Каткова съ либеральной системой Велепольскаго — и, конечно, его точка зрѣнія давала оружіе защитникамъ послѣдней. Предоставить Польшу себѣ, понятное дѣло, никто не рѣшился бы, но можно было бы вести ее къ обособленію отъ Россіи. Поэтому, Катковъ обратился съ порицаніемъ къ Аксакову и, чтобы уронить его взгляды въ глазахъ читателей, выставилъ ихъ не чѣмъ инымъ, какъ отраже-

ніемъ системы Велепольскаго (1863 г. № 195). Онъ говорилъ: газета «День» видитъ въ насъ, какъ она выражается, «несомнѣннаго представителя большинства русскаго общества»; но если намъ довелось быть органомъ большинства русскаго общества, то этой газетѣ пришлось, къ сожалѣнію, примкнуть къ большинству нашей журналистики («М. В.» 1863 г., № 187). Дѣйствительно, газеты: «Голосъ», «Петербургскія Вѣдомости» и бо̀льшая часть журналовъ стояли за обособленіе Польши.

Катковъ высказалъ тогда же принципіальную точку зрѣнія на славянофильское ученіе по поводу статьи Страхова: «Роковой вопросъ», напечатанной въ журналѣ «Время», подвергшемся за нее запрещенію. При всемъ почтеніи къ ея автору, нельзя не признать, что статья эта грѣшила и односторонностью, и несвоевременностью, въ ней указывалось, что Россія уступаетъ Польшѣ въ европеизмѣ и въ цивилизаціи, которая, впрочемъ, характеризовалась, какъ заемная и внѣшняя. Хотя вмѣстѣ съ тѣмъ было прибавлено, что мы превосходимъ поляковъ въ народной цивилизаціи, но такъ какъ въ то время симпатіи правительства и интеллигентнаго круга читателей лежали на сторонѣ преобразованія Россіи съ помощью европейскихъ идей и учрежденій, то статья эта была понята, какъ униженіе Россіи передъ Польшей и возбудила сильное патріотическое негодованіе.

Помѣщая выдержки изъ письма Страхова, въ которомъ тотъ старался выяснить, въ чемъ заключалось недоразумѣніе, вызванное его статьей, Катковъ обратился къ славянофиламъ съ слѣдующимъ заявленіемъ:

«Увы! мы все болѣе и болѣе убѣждаемся, что всѣ эти модные у насъ теперь толки о народности, о коренныхъ началахъ, о почвѣ и т. п. не обращаютъ мысли ни къ народности, ни къ кореннымъ началамъ, не приводятъ ея къ чему нибудь дѣльному, а напротивъ еще пуще уносятъ ее въ туманъ и пустоту. Въ этомъ-то туманѣ и разыгрываются всѣ недоразумѣнія нашихъ мыслителей и пророчествующихъ народолюбцевъ. Мы смѣемъ увѣрить этихъ господъ, что

они возвратятся къ народу и станутъ на почвѣ, о которой они такъ много толкуютъ, не прежде, какъ переставъ толковать о ней и занявшись какимъ нибудь болѣе серьёзнымъ дѣломъ. Не прежде эти мыслители обрѣтутъ то, чего ищутъ, какъ прекративъ свои исканія. Не прежде станутъ они дѣльными людьми, какъ переставъ пророчествовать и благовѣстительствовать. Не прежде станутъ они и русскими людьми, какъ переставъ отыскивать какой-то таинственный талисманъ, долженствующій превратить ихъ въ русскихъ людей. Они наткнутся на искомую народность не прежде, какъ переставъ отыскивать ее въ какихъ-то превыспренныхъ началахъ, въ пустотѣ своей ничѣмъ незанятой и надутой мысли». («Русскій Вѣстникъ» 1863 г., № 5).

Катковъ, какъ видно, не стѣснялся въ выраженіяхъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ польскомъ вопросѣ славянофилы путались между двумя берегами. Поэтому, они не могли просто подступить къ польскому вопросу: ихъ теоретическія формулы требовали одного, а логика жизни указывала на другое. Такъ Гильфердингъ въ напечатанной въ «Русскомъ Инвалидѣ» статьѣ: «Положеніе и задача Россіи въ Царствѣ Польскомъ», началъ обсужденіе предмета съ высшей исторической справедливости, требующей самостоятельности Польши, а кончилъ тѣмъ, что она обратилась въ разлагающійся трупъ, изъ котораго нельзя сдѣлать самостоятельной политической единицы. Иностранныя газеты остановились на первой части статьи и выставили ее, какъ защиту интересовъ Польши. Катковъ подтрунилъ надъ двойственностью точекъ зрѣнія Гильфердинга.

«Иностранные журналисты, говоритъ онъ, удовольствовались созерцаніемъ вѣчной правды, показанной русскимъ публицистомъ, и не сочли за нужное послѣдовать за нимъ въ темную область князя міра сего. Винить ли ихъ за это? Они подкараулили пророка на горныхъ высотахъ, гдѣ очи его смежились, подкараулили и взяли свое. За что же винить ихъ?» («М. В.» 1863 г., № 265).

Самаринъ написалъ прекрасную статью («Современный объемъ польскаго вопроса—«День» 1863 г., № 38»), въ которой признавалъ необходимымъ разложить этотъ вопросъ на три различныхъ вопроса: о польской національности,

о польскомъ государствѣ и о полонизмѣ, какъ культурномъ элементѣ. Онъ призналъ за поляками, какъ національностью, право на необходимыя условія всякой живой народности: свободу вѣроисповѣданія, оффиціальное употребленіе народнаго языка въ дѣлахъ внутренняго управленія и своеобразность гражданскаго быта. Но онъ отрицалъ способность поляковъ къ образованію отдѣльнаго государства. «Національная особенность сама по себѣ еще не оправдываетъ притязаній на политическую самостоятельность». Признавая за «Русскимъ Вѣстникомъ» и «Московскими Вѣдомостями» заслугу выясненія этой стороны вопроса, Самаринъ находилъ однако неправильнымъ насильственный способъ поглощенія Польши Россіей. Необходимо коренное, духовное возрожденіе этой страны, нравственное торжество православно-русской силы надъ польско-католической, одного просвѣтительнаго начала надъ другимъ, говорилъ Самаринъ. Опросъ самой Польши, который рекомендовался газетой «День» Самаринъ считалъ при настоящихъ условіяхъ безполезнымъ. «Сосудъ надломанный, сверху до низу треснувшій, не можетъ издать цѣльнаго звука; по той же причинѣ Польша неспособна подать отъ себя голоса, который бы выразилъ полноту яснаго, дѣйствительно народнаго самосознанія». Получился бы отрицательный отвѣтъ—въ сотый разъ повторенное нежеланіе жить въ союзѣ съ Россіей. Самаринъ не принималъ однако на себя разрѣшенія польскаго вопроса. Онъ указывалъ на одно изъ средствъ къ внутреннему умиротворенію Польши: улучшеніе хозяйственнаго быта крестьянъ при единовременномъ устройствѣ сельскаго общественнаго управленія. Затѣмъ, признавая необходимымъ быстрое подавленіе мятежа рѣшительными мѣрами и введеніе въ краѣ временной военной диктатуры, Самаринъ оставлялъ окончательный исходъ польскаго вопроса открытымъ для будущаго. Онъ говорилъ про политическое отдѣленіе Польши отъ Россіи такимъ образомъ: «мы от-

нюдь не утверждаемъ, чтобы такой исходъ былъ положительно возможенъ, но думаемъ, что никто также не назоветъ его ни безусловно невозможнымъ, ни вреднымъ для Россіи». (П. С. С. т. I, стр. 325).

Если взвѣсить окончательный итогъ мнѣній славянофиловъ и строго-національныхъ органовъ по польскому вопросу, то окажется, что разница между ними свелась окончательно къ перспективамъ, которыя рисовались тѣмъ и другимъ въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ. Въ томъ, что слѣдуетъ сдѣлать сейчасъ, не откладывая времени, они въ концѣ концовъ сошлись. Но славянофилы неохотно примкнули къ насильственнымъ мѣрамъ противъ Польши, даже въ предѣлахъ необходимаго для подавленія мятежа. Когда въ іюнѣ мѣсяцѣ Катковъ велъ борьбу противъ системы Велепольскаго, то онъ имѣлъ въ сущности противъ себя весь сонмъ органовъ печати. Только «Русскій Инвалидъ», органъ военнаго министерства, поддержалъ его. Газета эта продолжала и въ будущемъ защищать національную политику въ Царствѣ Польскомъ и Сѣверо-Западномъ краѣ.

Но послѣ, въ концѣ польскаго мятежа, направленіе славянофиловъ и «Московскихъ Вѣдомостей» въ національныхъ вопросахъ вовсе не было настолько различнымъ, чтобы вынуждать взаимную полемику. Политику Н. А. Милютина въ Польшѣ одобряли славянофилы точно такъ же, какъ и Катковъ; во взглядахъ на руссификацію Сѣверо-западнаго и Прибалтійскаго края они безусловно сходидились. Тѣмъ не менѣе, во время перваго столкновенія было уже высказано взаимно столько непріятнаго, что полемика между «Днемъ» и «Московскими Вѣдомостями» продолжалась, хотя и на другихъ поприщахъ. Катковъ не могъ простить Аксакову, что онъ имѣлъ его не за себя въ тяжелыя минуты; славянофилы не могли въ свою очередь забыть теоретическаго издѣвательства надъ ихъ народолюбіемъ.

Нельзя не замѣтить, что полемика между Катковымъ и славянофилами началась въ сущности гораздо ранѣе, но имѣла въ то время болѣе отвлеченный и спокойный характеръ. Въ программѣ, предпосланной «Русской Бесѣдѣ», первоначальному славянофильскому органу, начавшему выходить въ 1856 году, было сказано, между прочимъ, что одною изъ главныхъ цѣлей этого изданія будетъ посильное содѣйствіе къ развитію русскаго воззрѣнія на науки и искусства. Эти слова вызвали въ Катковѣ, бывшемъ еще тогда казеннымъ редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей», замѣчаніе, «что вѣдь науки и искусства допускаютъ лишь одно воззрѣніе просвѣщенное, слѣдовательно общечеловѣческое». Издатели «Русской Бесѣды» въ слѣдующемъ № «Вѣдомостей» сказали нѣсколько словъ въ защиту своей программы; а «Московскія Вѣдомости», удерживая за собою свое мнѣніе, повторили его съ нѣкоторыми поясненіями. Когда стала выходить «Русская Бесѣда», въ первомъ-же номерѣ журнала была помѣщена статья Самарина: «Два слова о народности въ наукѣ», въ которой подробнѣе развивалась вышеупомянутая мысль. Эта статья вызвала два возраженія со стороны «Русскаго Вѣстника»: Чичерина—въ 9-мъ выпускѣ «Р. В.» за 1856 годъ («О народности въ наукѣ») и самого Каткова, въ 11-мъ выпускѣ («Замѣтки «Русскаго Вѣстника» — «Русская Бесѣда» и такъ называемое славянофильское направленіе»).

Въ обѣихъ статьяхъ оспаривались мнѣнія славянофиловъ о народности. Катковъ, между прочимъ, говорилъ: «Народъ есть то же, что и человѣкъ. Не думайте, что характеръ человѣка будетъ тѣмъ оригинальнѣе, чѣмъ онъ будетъ разобщеннѣе отъ всѣхъ и отъ всего».

Самаринъ отвѣтилъ на это статьей: «О народномъ образованіи», помѣщенной во второмъ номерѣ «Русской Бесѣды». Катковъ написалъ вторую критическую статью («Замѣтки «Русскаго Вѣстника»—вопросъ она родности въ наукѣ», въ № 12 того-же года). Основнымъ ея положеніемъ была

мысль, что наука вытекаетъ изъ любви къ чистой истинѣ, а потому не можетъ имѣть народности.

Послѣ польскаго мятежа полемика между Катковымъ и славянофилами чрезвычайно обострилась...

Надо замѣтить, что Катковъ, въ то время еще проникнутый началами западно-европейской культуры, съ презрѣніемъ относился ко всѣмъ началамъ русскаго крестьянскаго быта: общинѣ, круговой порукѣ. Это дало поводъ къ пререканіямъ довольно ѣдкаго свойства. Кромѣ того, Самаринъ напечаталъ въ № 36 «Дня» за 1863 годъ возраженіе противъ мнѣнія «Русскаго Вѣстника» о славянофилахъ, высказаннаго по поводу статьи Страхова (П. С. С. т. I, стр. 148).

Катковъ отзывался на это насмѣшливо. Онъ сталъ хвалиться тѣмъ, что его мнѣнія составляютъ единственный предметъ литературнаго обсужденія для сотрудниковъ «Дня»: Самарина и Кошелева.

«Повидимому, только мы еще и привязываемъ этихъ почтенныхъ отшельниковъ къ жизни, съ ея треволненіями, суетами и вопросами, и не будь насъ и нашихъ мнѣній, публикѣ не удалось бы слышать ихъ руководящаго голоса, замѣчаетъ Катковъ. За послѣдніе два-три года, помнится, кромѣ насъ, еще Бюхнеръ произвелъ на г. Самарина нѣкоторое возбуждающее дѣйствіе, такъ что онъ принялся было писать о матеріализмѣ, написалъ нѣсколько строкъ и остановился на самомъ интересномъ мѣстѣ, успѣвъ лишь доказать относительную пользу матеріализма, какъ кислоты, очищающей нравственную жизнь, и щелкнуть неразумныхъ противниковъ этой кислоты въ нашей литературѣ» («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 76).

Зашла рѣчь объ общинномъ владѣніи; Катковъ съ точки зрѣнія англійской свободы заявилъ, что этотъ видъ владѣнія вмѣстѣ съ круговой порукой есть крѣпость, въ которой еще остаются массы нашего народа и которая ждетъ окончательной развязки въ будущемъ. Кошелевъ и Самаринъ напали на него за это возраженіе противъ формы, выработанной народной жизнью.

По поводу другихъ нападокъ «Дня» на «Московскія Вѣдомости», Катковъ объявилъ окончательную немилость

славянофильству. Онъ остроумно назвалъ отдѣлъ передовыхъ статей «Дня» ботаническимъ отдѣломъ, наполняемымъ любопытными излѣдованіями по «части почвы, почвенныхъ соковъ, корней вѣтвей и наростовъ», а современныхъ славянофиловъ—эпигонами славянофильства. Онъ отдаетъ справедливость личнымъ качествамъ прежнихъ представителей этого кружка: братьевъ Кирѣевскихъ, въ которыхъ признаетъ искренность убѣжденій и возвышенность образа мыслей; Хомякова, человѣка очень даровитаго, но слишкомъ тщеславнаго, чтобы сосредоточиться на чемъ нибудь до яснаго разумѣнія и точнаго знанія и вслѣдствіе этого готоваго съ одинаковою легкостью объяснить по пальцамъ, что было до сотворенія міра и что будетъ послѣ его кончины; Константина Аксакова, способнаго къ искреннему увлеченію предметомъ, но буквально не знавшаго практической жизни и переходившаго послѣдовательно отъ Гофмана къ Шиллеру, отъ Шиллера къ Гёте, отъ Гёте къ Гегелю, отъ Гегеля къ Ломоносову, отъ Ломоносова къ шапкѣ-мурмолкѣ. Эпигоны, говоритъ Катковъ, сходствуютъ съ старѣйшими славянофилами лишь фразеологіей кружка, похожею на ассигнацію, изъятую изъ обращенія и очень пригодную для обозначенія пустопорожняго мѣста въ умѣ. Въ сущности-же, утверждаетъ онъ, славянофилы «Дня» гораздо болѣе сходствуютъ съ нѣкоторыми петербургскимъ кружками, всего же болѣе съ петербургскимъ «Голосомъ» («Московскія Вѣдомости» 1865 г., № 54). Но солидарность эта, если въ чемъ нибудь и проявлялась, то главнымъ образомъ во враждебномъ настроеніи противъ «Московскихъ Вѣдомостей». Этого было довольно для Каткова, чтобы признавать солидарность полною. Кто не за насъ, тотъ противъ насъ.

Нельзя, конечно, одобрить упомянутаго строгаго осужденія славянофильства и почтенной личности Аксакова. Оно было въ 1865 году не нужно, утвержденіе, что «День» во всемъ расходится съ «Московскими Вѣдомостями», пре-

увеличено. Катковъ находилъ рьянаго союзника въ лицѣ Аксакова по остзейской полемикѣ и во многихъ другихъ случаяхъ. Но въ характерѣ публициста была безпощадность въ нападеніяхъ противъ всего, что бы ихъ ни вызывало. Положимъ, въ настоящее время славянофильство принадлежитъ къ отживающимъ явленіямъ русской мысли. Вражда противъ насъ Польши, шаткость нашего вліянія въ освобожденной русской кровью Болгаріи разсѣяли славянофильскія иллюзіи русскаго общества, видящаго единеніе между славянскими племенами только пока сходятся ихъ публицисты и пока Россія нужна славянамъ, но замѣчающаго, напротивъ, разъединеніе и недовѣріе нашихъ собратій къ Россіи, когда народамъ приходится сталкиваться лицомъ къ лицу. Но славянофильство заслуживаетъ, во всякомъ случаѣ, то уваженіе, которое вызывается всѣми серьезными и честными увлеченіями. Безъ движеній жить невозможно, и русское общество безъ нихъ не обходится.

Пререканіе между славянофилами и Катковымъ послѣ этого не возобновлялось. Когда въ 1868 и 1869 годахъ воздвигнуто было гоненіе на новой органъ Аксакова—«Москву» за страстность его патріотическаго направленія, то Катковъ какъ-то въ одной изъ статей поддержалъ его. Но прекращеніе этой газеты (послѣдовавшее по особому Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта) не вызвало въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» слова доброй памяти.

Но tempora mutantur.... На извѣстномъ пушкинскомъ обѣдѣ 1880 года Аксаковъ обнялся съ Катковымъ. «Московскія Вѣдомости», въ свою очередь, съ сочувствіемъ отозвались о возобновленіи Аксаковымъ публицистической дѣятельности изданіемъ новой газеты: «Русь».

Кромѣ польскаго вопроса, обстоятельства внутренней жизни Россіи вызывали вопросы о другихъ, входящихъ въ составъ русскаго государства, народностяхъ. Всѣ принадлежащія къ западной окраинѣ національности поспѣшили

сорвать дань съ эпохи господства либеральныхъ взглядовъ. Послѣ польскаго вопроса лѣтописи публицистики украсились вопросами финляндскимъ, остзейскимъ, даже бессарабскимъ. На Востокѣ, впрочемъ, народился только вопросъ армяно-грузинскій, но и то онъ имѣлъ мѣсто болѣе среди молодежи, учившейся въ столицахъ. Затѣмъ, не возникало вопросовъ ни башкирскаго, ни калмыцкаго, ни самоѣдскаго, ни юкагирскаго, ни тептерскаго, ни даже киргизскаго.

Катковъ отвѣчалъ на всѣ эти вопросы и порознь въ отдѣльныхъ статьяхъ о Польшѣ, Финляндіи, Остзейскихъ губерніяхъ и Закавказьѣ, и въ общихъ статьяхъ, въ которыхъ развиваетъ убѣжденія національнаго патріотизма.

«Сепаратизмъ, говоритъ онъ, есть внутренняя язва, которая въ своемъ развитіи можетъ стать неизлечимымъ недугомъ. Есть два года въ русской исторіи, два роковыхъ года, когда Россія торжествовала свои блистательнѣйшія побѣды и когда въ упоеніи, торжества, она получила первыя уязвленія этого внутренняго сепаратизма, который всего опаснѣе и который не проявилъ еще всѣхъ своихъ послѣдствій. Это начало подкралось извнѣ и ядъ его сначала былъ сладокъ». Онъ объясняетъ, что «національный антагонизмъ есть спасительная сила, когда онъ обращенъ къ внѣшнему дѣйствію и когда дѣло идетъ объ охраненіи государства отъ внѣшнихъ опасностей. Но что же можетъ быть ужаснѣе того зла, которое должно развиваться изъ національнаго антагонизма, обращеннаго внутрь и принятаго въ нѣдра одного и того же государственнаго состава? Что для человѣка можетъ быть оскорбительнѣе тѣхъ темныхъ, безчестныхъ и безнравственныхъ дѣйствій, въ которыхъ неизбѣжно выражается этотъ внутренній антагонизмъ, разливая свой ядъ во всѣхъ сферахъ человѣческаго существованія, подкапывая всѣ основы общежитія, губя лучшія силы въ безславной и безплодной борьбѣ, задерживая и извращая развитіе самыхъ дорогихъ для человѣчества интересовъ». («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 254).

Какой же отвѣтъ на подобныя стратагемы, спрашиваетъ Катковъ, даетъ русскій народъ?

«Русскій народъ, вспоминая о томъ, что онъ тяжкими усиліями собралъ воедино всю эту русскую землю, что онъ всѣмъ жертвовалъ, дабы создать во главѣ ея эту могущественную, верховную власть, великій живой символъ своего единства, вспоминая, что всѣ корни русской верховной власти находятся въ русской народной почвѣ — русскій народъ, который теперь приходитъ въ пору самосознанія, имѣетъ полное право сказать всѣмъ тѣмъ, которые твер-

дятъ о существованіи нерусской политической партіи въ Россіи и предрекаютъ ей торжество въ близкомъ будущемъ: научитесь правдѣ, вразумившись, и не презирайте того, что въ Россіи, въ ея Царѣ и народѣ должно быть наиболѣе почитаемо и возвеличиваемо: русскаго имени». («Моск. Вѣд.» 1865 года, № 9).

Катковъ указываетъ на то, что федеративное устройство Россіи не сплачивалось бы тою связью, которая обыкновенно лежитъ въ основаніи федеративныхъ государствъ— національнымъ единствомъ; очевидно, что въ конгломератѣ разныхъ національностей существовало бы непреодолимое, инстинктивное стремленіе отнюдь не къ единству дѣйствій, а къ обособленію, взаимному отчуждеію и отдѣленію («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 252). Говоря про такую организацію, онъ замѣчаетъ, какое странное положеніе было бы гражданъ особыхъ государствъ въ государствѣ?

«Состоя на службѣ цѣлаго государства, они въ то же время не могутъ не служить интересамъ своего особаго отечества, не могутъ не отзываться на призывъ его необходимостей и пользъ; они существа двойственныя, ихъ положеніе двусмысленное, а стало быть, волею или неволею, должны они и дѣйствовать болѣе или менѣе двусмысленно» («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 254).

Катковъ отождествляетъ основную мысль своего направленія съ историческими традиціями Москвы.

«Москва не есть просто городъ, — говоритъ онъ; не кирпичъ и известь ея домовъ, но люди, въ ней живущіе, составляютъ ея сущность. Кромѣ всего этого, Москва есть историческое начало, Москва есть принципъ. Люди перемѣняются, какъ непрерывно перемѣняются частицы живущаго тѣла; перемѣняются люди, перемѣняются и нравы, и порядки. Но остается духъ мѣста, остается историческое начало. Москва, Кремль съ ея соборами, старые терема ея царей и это Красное крыльцо, по ступенямъ котораго сходило столько событій, рѣшавшихъ судьбу русской земли: все это имѣетъ свою силу, все это извѣстнымъ образомъ настраиваетъ, все это въ извѣстномъ смыслѣ обязываетъ. Единство мыслей и независимость русскаго государства во что бы то ни стало и цѣною какихъ бы то ни было жертвъ и усилій,— вотъ Москва, вотъ ея значеніе въ русской исторіи, вотъ начало, которое ею знаменуется и воплощается». («Московск. Вѣд.» 1865 г., № 182).

Этими краснорѣчивыми словами привѣтствовалъ Катковъ появленіе въ первый разъ на Красномъ крыльцѣ На-

слѣдника престола—нынѣ царствующаго Государя, котораго покойный Императоръ 15-го августа 1865 года явилъ народу въ Москвѣ.

Въ 1862 году Катковъ отрицалъ возможность какого либо руководящаго знамени, которое могло бы служить олицетвореніемъ его дѣятельности. Обстоятельства 1862—1866 годовъ заставили его поднять національное знамя. Каткова стали считать представителемъ, какъ говорили въ заграничной и отчасти русской печати, особой партіи, которую называли то ультра-русской, то старо-русской, то молодою русской. Противоположность этихъ квалификацій національнаго направленія служитъ указаніемъ, что оно не было, въ сущности, достояніемъ ни стараго, ни молодого поколѣнія, а просто было выраженіемъ патріотизма въ народѣ. О Катковѣ спорили въ иностранной прессѣ, его вліянію приписывали репрессивныя мѣры противъ полонизма послѣ усмиренія возстанія. «The foremost journal in Russia» (органъ, дающій направленіе въ Россіи), писалъ въ 1865 году корреспондентъ «Times» про «Московскія Вѣдомости». Легко понять, что отношеніе заграничной печати къ публицисту было почти исключительно враждебнымъ—его клеймили и позорили, онъ изображался представителемъ темныхъ началъ угнетенія и порабощенія.

Но въ обвиненіяхъ, направленныхъ противъ Каткова, все-таки сквозило уваженіе, которое внушало иностранной прессѣ его національное направленіе. Въ немъ видѣли представителя той стихійной русской силы, которая отстаивала русскую территорію въ теченіи вѣковъ отъ ударовъ съ востока и запада. Этими чертами врѣзалась его личность въ памяти иностранныхъ публицистовъ, высказавшихъ этотъ взглядъ на Каткова почти черезъ четверть вѣка въ статьяхъ, вызванныхъ его смертью.

Національное направленіе стало для Каткова предметомъ культа, къ которому онъ относился съ пріемами страстнаго, почти религіознаго благоговѣнія. Русская политика

обратилась для него въ символъ вѣры, отступленіе отъ котораго онъ считалъ величайшею ересью. Съ яростью и озлобленіемъ нападалъ онъ на всѣхъ ея противниковъ.

Обстоятельства, заставившія Каткова такъ сильно замкнуться въ патріотическомъ направленіи, лежали отчасти въ немъ самомъ, отчасти въ условіяхъ времени. Во-первыхъ, характеръ Каткова былъ склоненъ къ страстному, одностороннему увлеченію тѣмъ, что притягивало его вниманіе. Онъ былъ фанатикомъ своихъ идей, относившимся ревниво и подозрительно къ окружающему. Во всемъ ему чудилась опасность, и онъ готовъ былъ считать преступленіемъ даже малѣйшую своеобразность въ направленіи. Кто не за насъ, тотъ противъ насъ, было его девизомъ. Затѣмъ, окружающія условія также вызывали обостреніе его патріотической программы. Ему приходилось бороться съ очень могущественнымъ вліяніемъ, — эта борьба захватывала всю его душу и побуждала его постоянно обращаться къ народному сознанію русскихъ людей, искать въ немъ поддержку и опору.

За исключеніемъ славянофиловъ, раздѣлявшихъ все-таки въ главныхъ чертахъ національную политику Каткова, бо̀льшая часть органовъ русской печати шестидесятыхъ годовъ скептически и враждебно относилась къ патріотической программѣ Каткова. Къ ней относились, какъ къ чему-то отсталому и затхлому. Оказывалось такъ, что интересы русскаго знамени находили враговъ не только въ органахъ печати тѣхъ національностей, сепаратическія стремленія которыхъ клеймилъ Катковъ, но и со стороны органовъ русской прессы. Это слѣдуетъ въ особенности сказать относительно русской политики въ Западномъ краѣ. Противъ нея высказывались не только либеральные органы печати, но и начавшій появляться консервативный органъ старопомѣщичьей партіи: «Вѣсть».

Начавшійся въ 1863 году «Голосъ» сталъ самымъ ярымъ представителемъ антагонизма Каткову. Какой-то

изъ писателей этой газеты заявилъ какъ-то прямо, что онъ не можетъ безъ враждебнаго чувства развернуть «Московскихъ Вѣдомостей» («Москов. Вѣд.» 1863 г., № 212). «Голосъ» обвинялъ Каткова въ сепаратизмоманіи, въ томъ, что ему постоянно мерещится призракъ разъяренныхъ стихій, что онъ имѣетъ въ виду запугиваніе общества. Катковъ, конечно, не оставался въ долгу.

Не подлежитъ сомнѣнію, что эта борьба имѣла существенное вліяніе на отношеніе Каткова къ либерализму. Онъ пересталъ видѣть въ немъ проявленіе теоретическихъ увлеченій и началъ заподозривать его въ антинаціональныхъ и иныхъ своекорыстныхъ разсчетахъ. Онъ указывалъ не только на праздность заявленій противнаго лагеря, но и на продажность своихъ антагонистовъ, которыхъ онъ обвинялъ въ полученіи негласныхъ субсидій отъ извѣстной партіи въ средѣ петербургскаго оффиціальнаго міра.

Указанный въ послѣдней рѣчи князя Бисмарка взглядъ на теперешнюю русскую печать, какъ на совокупность органовъ, патронируемыхъ извѣстными представителями высшихъ сферъ, есть, въ примѣненіи къ настоящему времени, анахронизмъ, имѣющій однако основаніе въ томъ, что происходило въ шестидесятыхъ годахъ—періоду, когда германскій канцлеръ оканчивалъ свое непосредственное знакомство съ Россіей.

Съ предоставленіемъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, извѣстнаго простора печати въ обсужденіи вопросовъ внѣшней и внутренней политики, руководящія петербургскія сферы были не чужды стремленія заручиться надлежащими отношеніями во вновь народившихся органахъ общественнаго мнѣнія. Впослѣдствіи въ 1865 г. подробности этихъ отношеній были обнаруживаемы Катковымъ въ его газетѣ — и тайное стало явнымъ. Катковъ остроумно рисовалъ тогдашнія условія прессы въ слѣдующей картинѣ:

«Въ прошедшемъ столѣтіи въ Англіи былъ, говорятъ, обычай ставить на окна родъ арфы изъ одинаковыхъ струнъ: вѣтеръ извлекалъ мелодическіе и, къ немалому изумленію ученыхъ, разнообразные звуки изъ однообразныхъ струнъ этого инструмента, названнаго эоловой арфой. Этимъ сравненіемъ лучше всего объясняются тѣ звуки, которые льются теперь изъ Петербурга, изумляя матушку Россію и своею оригинальностью, и своимъ разнообразіемъ, и нерѣдко единствомъ въ этомъ разнообразіи. Если бы нашелся охотникъ изучить тѣхъ Эоловъ, которые извлекаютъ разнообразные звуки изъ нашихъ газетныхъ эоловыхъ арфъ, то передъ нимъ, конечно, открылась бы интересная коллекція дѣятелей всякаго вида, чина и званія, дѣятелей, имѣющихъ общаго только одно, что между ними и русскимъ общественнымъ мнѣніемъ нѣтъ ничего общаго» («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 268).

Кого разумѣлъ Катковъ подъ именемъ этихъ Эоловъ, руководившихъ негласно органами печати, нетрудно догадаться.

Столкновеніе съ ними началось, какъ мы видѣли, съ вопроса о томъ, какой политики держаться для умиротворенія Польши. Тогдашнее смѣлое слово Каткова создало ему многочисленныхъ недоброжелателей въ средѣ высшаго петербургскаго оффиціальнаго міра. Надо было чѣмъ нибудь покончить, какъ-нибудь выйти изъ этого конфликта. Но Катковъ, остановившись на своей патріотической программѣ, держался чрезвычайно твердо и самостоятельно.

Изолированный въ средѣ общественной печати, Катковъ не былъ одинъ съ своими патріотическими стремленіями среди русскаго общества. Къ нему продолжался приливъ выраженій сочувствія и благодарности. Дворянство Пензенской и разныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи присоединило свои привѣтствія къ благопожеланіямъ симбирскихъ и саратовскихъ дворянъ. Граждане города Полтавы благодарили его за обличеніе украйнофильства. Не слѣдуетъ думать, чтобы одни отсталые крѣпостники-помѣщики, какъ это старались доказать либеральные органы, сочувствовали Каткову. Въ виду пронесшихся въ началѣ 1865 года слуховъ о томъ, что Катковъ оставляетъ изданіе «Московскихъ Вѣдомостей», московское дворянство постановило

выразить ему, черезъ губернскаго предводителя, письменное пожеланіе продолжать газету, сдѣлавшуюся подъ его руководствомъ «выраженіемъ образа мыслей тѣхъ, кто истинно любитъ отечество и дорожитъ его благосостояніемъ, цѣльностью и честью» («Москов. Вѣд.», 1865 г., № 12). Это постановлено было на томъ же собраніи, которое, какъ извѣстно, возбудило всеподданнѣйшее ходатайство, про которое въ рескриптѣ покойнаго Государя, 29-го января 1865 года, на имя министра внутреннихъ дѣлъ сказано слѣдующее: «Мнѣ не безъизвѣстно, что во время своихъ совѣщаній московское губернское дворянство вошло въ обсужденіе предметовъ, прямо вѣдѣнію его не подлежащихъ, и коснулось вопросовъ, относящихся до измѣненія существенныхъ началъ государственныхъ въ Россіи учрежденій». «Голосъ» назвалъ, правда, адресъ дворянства Каткову выраженіемъ большинства партіи англійскаго клуба. Но Катковъ совершенно правильно замѣтилъ, что эта инсинуація ровно ничего не обозначаетъ, такъ какъ клубъ этотъ не имѣетъ никакого политическаго значенія и не отличается ни сословностью, ни исключительностью.

Въ непрерывномъ сочувствіи къ нему земскихъ людей Россіи Катковъ находилъ опору въ борьбѣ, которая противъ него велась въ 1864 — 1866 годахъ. Его популярность, при господствовавшемъ тогда либеральномъ настроеніи, дѣлала изъ него силу, съ которой приходилось считаться.

Настоящая эпоха можетъ располагать для описанія борьбы, которая велась противъ Каткова въ 1864—1866 годахъ, лишь тѣми матеріалами, которые можно найти въ вызванной ею газетной полемикѣ. Но несмотря на кажущуюся недостаточность этихъ данныхъ, рѣзкая откровенность Каткова въ его статьяхъ даетъ возможность, не выходя изъ предѣловъ того, что появлялось въ печати, охарактеризовать эту борьбу довольно подробнымъ образомъ.

Вотъ что разсказывалъ тогда Катковъ про свои лич-

ныя отношенія, какъ издателя газеты, къ оффиціальному міру. Послѣ того, какъ состоялись въ московскомъ университетѣ торги, передавшіе въ его руки изданіе «Московскихъ Вѣдомостей», было выражено Каткову отъ лица тогдашняго министра народнаго просвѣщенія сожалѣніе, что условія, предложенныя имъ университету, слишкомъ тяжелы и опасеніе, чтобы изданіе не изнемогло подъ ихъ тяжестью (Катковъ обязался платить всего въ казну 74,000 р., изъ нихъ университету 27,000 руб. за казенныя объявленія и, сверхъ того, 5 проц. за сборъ суммъ, поступающихъ въ редакцію отъ присутственныхъ мѣстъ чрезъ правленіе университета). При этомъ, ему было сказано, что министръ желаетъ сдѣлать для него что-нибудь полезное. Такъ какъ условія, предложенныя Катковымъ казнѣ, были почти вдвое выше прежняго дохода, то, по мнѣнію министра народнаго просвѣщенія, было бы справедливо, чтобы казна сдѣлала «Московскимъ Вѣдомостямъ» уступку въ платѣ за разсылку газеты по почтѣ. Вмѣсто трехъ рублей, слѣдующихъ за каждый посылаемый по почтѣ экземпляръ газеты, бывшій министръ народнаго просвѣщенія вызвался ходатайствовать объ уступкѣ изъ этой платы двухъ рублей съ экземпляра (что при ежегодной отправкѣ отъ 4,000 до 5,000 экземпляровъ составило бы отъ 8,000 до 10,000 р.; въ 1864 и 1865 годахъ число подписчиковъ «Московскихъ Вѣдомостей» возросло до 12,000, что̀ обращало предложенную субсидію въ сумму отъ 15,000 до 18,000 р.). Катковъ отказался отъ этого предложенія. На вторичное приглашеніе министра народнаго просвѣщенія указать, что можно сдѣлать для газеты въ смыслѣ устраненія неудобствъ, встрѣчаемыхъ ею отъ административныхъ вѣдомствъ, Катковъ указалъ на неудобство задѣлки постъ-пакетовъ въ экспедиціи почтамта и просилъ о предоставленіи этого непосредственно редакціи съ разрѣшеніемъ отправлять пакеты прямо на станціи желѣзныхъ дорогъ или въ протокольное отдѣленіе почтамта, мимо газетной экспедиціи. Ми-

нистръ народнаго просвѣщенія, вошедши во всѣ подробности этого ходатайства, предложилъ оказать содѣйствіе Каткову въ устраненіи заявленнаго имъ затрудненія. А такъ какъ задѣлка постъ-пакетовъ и доставка ихъ, по мѣрѣ отхода почтъ, сопряжена съ издержками, которыя лежали на обязанности почтамта, то министръ находилъ справедливымъ, чтобы эти издержки, впрочемъ весьма незначительныя, были вычтены, въ виду долженствовавшаго произойти отъ этого уменьшенія расходовъ газетной экспедиціи, изъ платы, вносимой редакціей въ почтамтъ. Но когда вопросъ этотъ былъ оффиціально возбужденъ, Катковъ успѣлъ уже вѣроятно возбудить противъ себя неудовольствіе въ Петербургѣ, потому что въ упомянутомъ уменьшеніи платы за принятые на себя редакціей расходы почтовое вѣдомство ему отказало. Изъ сообщенія почтоваго департамента мы узнали, говоритъ Катковъ, любопытную новость, что не министръ народнаго просвѣщенія возбудилъ, а мы сами заявили ходатайство о вышесказанномъ вычетѣ. Предоставляя Каткову право задѣлывать пакеты и посылать ихъ, куда нужно, почтовый департаментъ указалъ, что вычетъ этотъ не можетъ быть сдѣланъ въ смыслѣ удовлетворенія законной претензіи (такъ какъ отпускавшіяся на содержаніе газетной экспедиціи суммы, по незначительности своей, не могутъ быть сокращены), а развѣ только въ смыслѣ льготы, какая дѣлается со стороны правительства нѣкоторымъ изданіямъ въ уваженіе ихъ благонамѣреннаго направленія, и какой, по мнѣнію почтоваго департамента, Катковъ, дорожа своею независимостью, не могъ-бы принять. Катковъ счелъ себя обязаннымъ выразить въ отвѣтъ на это директору благодарность за предоставленное ему право и доброе о немъ мнѣніе, причемъ объяснилъ въ точности, какъ возникло ходатайство.

Кромѣ того, черезъ нѣсколько времени министръ народнаго просвѣщенія, въ бытность свою въ Москвѣ, лично обращался къ Каткову съ другимъ предложеніемъ, а именно:

открыть въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» педагогическій отдѣлъ, вызываясь присылать для помѣщенія въ этомъ отдѣлѣ разныя статьи, между прочимъ, отчеты лицъ, посылаемыхъ министерствомъ заграницу для изученія педагогическаго дѣла, причемъ было сказано Каткову, что такъ какъ этотъ отдѣлъ придалъ бы газетѣ особое значеніе для министерства народнаго просвѣщенія, то оно закупало бы ежегодно отъ 2,000 до 2,500 экземпляровъ для разсылки по учебнымъ заведеніямъ (это предложеніе давало бы Каткову сумму 24,000—30,000 руб. лишняго дохода въ годъ). Но Катковъ отказался и отъ этого.

Наконецъ, когда начала завязываться его полемика противъ системы управленія Польшей Велепольскимъ, въ іюнѣ 1863 г. было сдѣлано Каткову со стороны министра народнаго просвѣщенія предложеніе собрать его передовыя статьи и издать ихъ особой книгой, которую предполагалось купить у него въ числѣ 1.200 экземпляровъ, также для разсылки по учебнымъ заведеніямъ. Катковъ точно также отклонилъ эту косвенную субсидію, которая не только обѣщала ему матеріальныя выгоды, но была разсчитана и на то, чтобы польстить его авторскимъ чувствамъ («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 195).

Катковъ оставался свободенъ. Мы видѣли, что онъ пользовался этой свободой, дѣйствительно, для патріотическихъ цѣлей. Многихъ можетъ удивить, какъ могъ Катковъ, при дѣйствовавшихъ въ 1863, 1864 и первой половинѣ 1865 гг. цензурныхъ правилахъ, писать неугодное намѣреніямъ вліятельныхъ лицъ высшаго правительства, но катковское направленіе встрѣчало сочувствіе въ двухъ крупныхъ дѣятеляхъ минувшаго царствованія: князѣ Горчаковѣ и военномъ министрѣ Милютинѣ, и, кромѣ того, находило поддержку въ общественномъ мнѣніи. Враги Каткова не рѣшались запрещать его газеты, но старались умѣрить его пылъ, подвергая его постояннымъ денежнымъ взысканіямъ. Когда-же цензоры вычеркивали изъ его ста-

тей неудобное, по ихъ мнѣнію, для печати, Катковъ шелъ на проломъ, не подчиняясь ихъ распоряженіямъ.

Вотъ что вспоминалъ по этому поводу Катковъ въ сентябрѣ 1865 года, когда уже вышелъ дѣйствующій законъ объ изъятіи органовъ прессы отъ предварительной цензуры:

«Цензура отнюдь не дѣлала намъ поблажекъ, но въ виду интересовъ высшаго свойства мы рѣшались брать на свой страхъ, что въ нашихъ статьяхъ запрещалось цензурой. Бо̀льшая часть статей нашихъ въ 1863 году испытывала цензурныя затрудненія, за которыя мы не сѣтуемъ на цензоровъ, лицъ подначальныхъ, къ тому же очутившихся въ положеніи совершенно новомъ, еще не предусмотрѣнномъ закономъ въ то время, когда событія импровизовали у насъ политическую печать и возложили на ея нравственную обязанность дѣла и вопросы первостепенной государственной важности, какъ по внутренней, такъ и по внѣшней политикѣ Россіи» («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 210).

Положеніе цензоровъ Каткова было, поистинѣ, ужасно. Завѣдывавшій «Московскими Вѣдомостями», во время борьбы съ полонизмомъ, цензоръ Петровъ, какъ разсказываютъ, дрожалъ отъ страха, когда носили печатные столбцы отъ Каткова назадъ въ типографію для окончательнаго напечатанія. За то редакцію «Московскихъ Вѣдомостей» заставляли платить не мало штрафовъ. «Московскія Вѣдомости», какъ вспоминаетъ за 1863 годъ Катковъ, были (за исключеніемъ «Вѣсти»), какъ кажется, единственной газетой, съ которой взысканы были штрафы администраціей. «Штрафовъ взыскано было съ насъ шесть въ теченіи одного мѣсяца, всего на сумму 950 рублей, что безъ малаго, сколько мы знаемъ, прибавлялъ онъ, равняется ежемѣсячному казенному жалованью, которое получалъ тогда издатель «Голоса» за услуги, оказываемыя его газетой или отечеству, или Россіи, ибо эти два термина, по сужденію нѣкоторыхъ остроумныхъ политиковъ, у насъ не совпадаютъ между собою» («Московск. Вѣдом.» 1865 г., № 210). Въ 1864 году Катковъ заплатилъ штрафовъ относительно меньше — по собственному его показа-

нію 550 р. («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 267). Вопросъ объ угожденіи или неугожденіи анти-національному вліянію былъ поставленъ до нельзя просто: смотря по желанію, получай или плати...

Катковъ началъ вскорѣ нападенія противъ существованія субсидированныхъ газетъ; въ 1863 и 1864 году году нападенія эти велись еще довольно осторожно. Онъ, не входя въ ближайшія подробности, вообще намекалъ на Эоловъ, которые руководятъ голосомъ печати. Но онъ въ то же время возражалъ противъ существованія не только оффиціозныхъ, но и оффиціальныхъ органовъ. Во главѣ послѣднихъ стояла въ то время «Сѣверная Почта», на столбцахъ которой тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ преподавалъ оффиціальныя назиданія публикѣ и наставленія журналамъ и газетамъ. «Отчего въ Англіи, спрашивалъ по этому поводу Катковъ, правительство занимается исключительно дѣлами правительственными и не беретъ на себя обязанности упражняться въ литературѣ?» («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 271). Говоря про оффиціальные и оффиціозные органы, онъ ставитъ вопросъ: «не значитъ ли это давать посредствомъ правительственной силы форсировнный курсъ мнѣніямъ, въ ущербъ другимъ, столь же дозволительнымъ, мнѣніямъ?» («Московъ. Вѣдом.» 1864 г., № 4). Онъ приводитъ отзывъ Бисмарка объ оффиціозной (полуоффиціальной) журналистикѣ.

«Такой журналистики у насъ нѣтъ, сказалъ въ 1863 году Бисмаркъ; принявъ министерство, я прежде всего озаботился объ отмѣнѣ этой журналистики. Я находилъ, что правительству неудобно принимать отвѣтственность за каждое слово, которое помѣщается въ «Stern Zeitung», а потому этой газетѣ пришлось превратиться въ разжиженный «Государственный Указатель» («Московъ. Вѣд.» 1864 г., № 14).

Онъ указывалъ на противорѣчія въ направленіи оффиціальныхъ и оффиціозныхъ органовъ. Дѣйствительно, въ то время происходило странное явленіе: напримѣръ, «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія» не могъ, по-

нятно, выражать сочувствіе милютинской политикѣ въ Царствѣ Польскомъ, которую поддерживалъ «Русскій Инвалидъ».

«У насъ, говоритъ Катковъ, какъ извѣстно, есть цѣлый рядъ періодическихъ изданій, служащихъ органами не правительства, взятаго какъ цѣлое, и не отдѣльныхъ государственныхъ людей, а отдѣльныхъ вѣдомствъ. Впрочемъ, не въ этомъ еще заключается наша самая оригинальная особенность, а въ томъ, что издающіеся у насъ органы отдѣльныхъ вѣдомствъ одного и того-же правительства не только высказываютъ нерѣдко объ одномъ и томъ-же предметѣ діаметрально противоположныя сужденія, не только пикируются между собой, но и вступаютъ еще между собою въ ожесточенныя схватки, а иногда, что̀ еще удивительнѣе, уклоняются отъ схватки лишь по чувству «глубокаго» презрѣнія другъ къ другу и громко заявляютъ о такомъ взаимномъ благорасположеніи всей читающей публикѣ. И если бы эти споры и это раздраженіе были вызываемы какими либо мелочами или простыми счетами самолюбія! Къ великому соблазну публики, особенно провинціальной, на ряду съ мелкимъ соперничествомъ являются на этой сценѣ важнѣйшіе вопросы внутренней и внѣшней политики» («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 251).

Не довольствуясь нападками въ русской прессѣ противъ патріотическаго направленія, противники Каткова прибѣгали въ то же время къ печатанію заграницею французскихъ брошюръ по польскому вопросу, которыми должна была достигаться двоякая цѣль: во-первыхъ, впечатлѣніе на иностранную прессу, а во-вторыхъ — поученіе общественнаго мнѣнія русскихъ людей, которые, какъ извѣстно, весьма склонны къ чтенію всего появляющагося о Россіи на иностранномъ языкѣ.

Первымъ произведеніемъ въ этомъ смыслѣ была написанная отъ лица какого-то Питкевича (яко бы польскаго повстанца, потерявшаго во время мятежа лѣвую руку и еще что-то, какъ замѣчаетъ Катковъ, и затѣмъ возвратившагося въ Львовъ, его родину). Произведеніе это подъ именемъ: «Lettre d'un patriote polonais au gouvernement national de la Pologne» издано было все тѣмъ-же Шедо-Ферроти, вѣроятно имъ-же написано, по крайней мѣрѣ онъ составилъ къ нему предисловіе и допол-

нительныя примѣчанія. Брошюра написана была въ сентябрѣ, а появилась въ печати въ октябрѣ мѣсяцѣ 1863 г., передъ началомъ водворенія новой политики въ Польшѣ.

Катковъ встрѣчаетъ эту брошюру словами:

«Время грубаго обмана миновало, наступило время тонкаго обмана. Грубый обманъ не удался; ловкіе люди не теряютъ надежды на успѣхъ болѣе тонкой интриги. Кто не согласится, что тонкій обманъ несравненно опаснѣе грубаго? Кто не согласится, что если и грубый обманъ угрожалъ намъ серьезною опасностью, то какими же опасностями можетъ угрожать система тонкой интриги»? («Моск. Вѣдом.» 1863 г., № 225).

Питкевичъ (иначе, какъ слѣдуетъ думать, Шедо-Ферроти) излагаетъ въ своей брошюрѣ апологію польскаго конституціонализма. Онъ отказывается, впрочемъ, отъ Литвы и юго-западной Руси. Польша должна быть не господствующей, а свободной. «Если бы графъ Андрей Замойскій, говоритъ авторъ брошюры, при свиданіи своемъ съ Императоромъ, не заводилъ рѣчи ни о Волыни, ни о Подоліи, ни о другихъ русскихъ провинціяхъ, а говорилъ только о Польшѣ; если-бъ онъ заговорилъ не только объ административной самостоятельности страны, но и о полномъ отдѣленіи ея отъ русскаго престола, онъ имѣлъ бы, по всему вѣроятію, успѣхъ... но мы потребовали старыхъ польскихъ завоеваній, потребовали нѣкоторымъ образомъ раздѣла Россіи — и все было потеряно». Теперь уже желать отдѣленія отъ Россіи поздно, надобно желать только возстановленія и удержанія уже дарованныхъ царству льготъ и признанія польскаго народа совершеннолѣтнимъ, т. е. дарованія ему политическаго представительства. Конечно, это будетъ возможно, когда край успокоится. Питкевичъ старался эксплоатировать при этомъ выставленную Аксаковымъ мысль о польскомъ крестьянствѣ, какъ основаніи будущей организаціи края. Представительство, котораго требуетъ Питкевичъ для Польши, должно быть, по его мнѣнію, основано на самомъ низкомъ цензѣ, безъ различія для всѣхъ сословій; этого мало: упомянувъ о воз-

можно низкомъ цензѣ, онъ потомъ говоритъ просто о suffrage universel, очевидно, чтобы придать своей программѣ колоритъ иностранной современности. Авторъ имѣлъ въ виду угодить всѣмъ сразу — и полякамъ, и славянофиламъ, и либераламъ, и консерваторамъ, и даже французамъ.

Передъ нами опять-таки либеральная система Велепольскаго, приправленная, впрочемъ, тенденціями мужицкаго государства и увѣнчанная рекламой французскаго демократизма. Рекомендовалось осуществить эту политическую конструкцію, конечно, не теперь, а съ теченіемъ времени, когда страсти улягутся и дурное впечатлѣніе, произведенное на Россію вмѣшательствомъ державъ, изгладится.

Катковъ отвѣчалъ на эту брошюру въ четырехъ статьяхъ («Моск. Вѣд.» 1863 г., №№ 225, 227, 228 и 229).

«Ближайшая опасность, говоритъ онъ, представляемая явленіями, подобными этой брошюрѣ, состоитъ въ томъ, что они, перенося дѣло съ практической почвы въ туманъ отвлеченныхъ разсужденій и фантазій, могутъ дурманить общественное мнѣніе, ослабляя контроль надъ нимъ яснаго здраваго смысла... Очень естественно, что польскій патріотизмъ, кореннымъ образомъ враждебный Россіи, хочетъ выйти по добру, по здорову изъ затрудненій, въ которыя поставилъ его неудавшійся мятежъ. Все зло, всѣ бѣдствія, которыхъ источникомъ былъ этотъ мятежъ и которыми онъ угрожалъ впереди, должны оставаться безъ всякихъ послѣдствій и ничему не научить Россію: вотъ въ этомъ теперь должна быть главная цѣль интриги».

Если даже примириться, говоритъ Катковъ, съ отдѣленіемъ Польши отъ Россіи, то чѣмъ предотвратить, при существованіи ея политической автономіи, стремленіе полонизма къ захвату Западнаго края? Естественно, напротивъ, что эта автономія будетъ сильнѣе гальванизировать польскій элементъ не только въ предѣлахъ оффиціальной Польши, но повсемѣстно, какъ это было при господствѣ Велепольскаго, который, однако, отказывался отъ западныхъ провинцій («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 229).

Въ 1864 году рѣшено было воздвигнуть противъ катковскаго вліянія еще болѣе сложное по своему замыслу

литературное нападеніе. Оно было выполнено опять Шедо-Ферроти, на этотъ разъ рѣшившимся выглянуть изъ-подъ условной литературной маски. Незнакомецъ назвался барономъ Фирксомъ. Кому, какъ не остзейскому барону, было поучать русскихъ людей настоящему патріотизму?

Вновь изданная брошюра («Que fera-t-on de la Pologne?») составляетъ апологію либеральной системы Велепольскаго въ Царствѣ Польскомъ в въ то же время обличеніе вреднаго, по мнѣнію автора, вліянія Каткова на русское общественное мнѣніе. Шагъ за шагомъ, начиная съ 1855 года, указываетъ авторъ порядокъ дѣятельности русскихъ властей въ Польшѣ и особенно подробно останавливается на періодѣ руководства Польшею великаго князя намѣстника. Онъ укоряетъ Каткова за его нападеніе противъ тогдашней либеральной системы.

«Талантъ Каткова, говоритъ баронъ Фирксъ, несомнѣненъ для всѣхъ, читавшихъ его статьи со вниманіемъ, котораго онѣ заслуживаютъ; чистота его намѣреній доказывается отзывами лицъ, близко его знающихъ, и, вотъ мы видимъ его произносящимъ тѣмъ не менѣе сужденія чудовищной несправедливости, несмотря на прямодушныя и честныя стремленія къ истинѣ. Доведетъ ли онъ свою честность до признанія ошибки, въ которую онъ впалъ? Окажется ли въ немъ твердость воли, чтобы сознаться въ своихъ ошибкахъ и постараться ихъ исправить? Если друзья Каткова не преувеличиваютъ его нравственное достоинство, ставя его даже выше его выдающагося публицистическаго таланта, мы позволяемъ себѣ надѣяться, что онъ не останется глухъ къ нашимъ соображеніямъ и признаетъ ихъ правильность и такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы видѣть въ насъ непріятеля, съ которымъ надо бороться, признаетъ въ насъ безпристрастнаго критика, мнѣнія котораго не безосновательны и заслуживаютъ быть принятыми серьезно во вниманіе».

Обращеніе это, если оно не было безцѣльнымъ, звучитъ, какъ приглашеніе пойти на уступку. Шедо-Ферроти манитъ Каткова, какъ когда-то манилъ Герцена. Онъ употребляетъ по отношенію къ московскому публицисту весь діапазонъ доступныхъ ему средствъ убѣжденія: онъ льститъ и укоряетъ, порицаетъ и хвалитъ, превозноситъ и уничижаетъ. Голосъ его звучитъ соблазномъ, какъ пѣсня сирены.

Но всѣ эти прелести литературнаго краснорѣчія не произвели ни на кого желаннаго впечатлѣнія: ни на Каткова, ни на русскую публику. Брошюра не находила, а развѣ сама отыскивала себѣ читателей. «Незримая рука, говоритъ Катковъ, разбрасываетъ ее по Россіи» («Моск. Вѣд.», 1864 г., № 195). «Мы слышали, прибавляетъ онъ, что книга г. Шедо-Ферроти особенно распространяется въ учебныхъ заведеніяхъ». («Московскія Вѣдом.», 1864 г., № 196).

Дѣйствительно, книга эта не только была пріобрѣтена правительственнымъ вѣдомствомъ, но и разсылалась по учебнымъ заведеніямъ. Сверхъ того, какъ увѣрялъ Катковъ, она разсылалась въ высшихъ петербургскихъ сферахъ, съ рекомендаціей, въ которой значилось, что въ ней изложенъ самый вѣрный взглядъ на дѣла Россійской Имперіи и что противоположныя воззрѣнія, «какъ ультрапатріотическія, предосудительны и вредны» («Моск. Вѣд.», 1866 г., № 69).

Шедо-Ферроти преслѣдовалъ двойную цѣль: онъ и льстилъ Каткову, и въ то же время старался, насколько возможно, подорвать его авторитетъ. Приглашая своего противника на капитуляцію, онъ дѣлалъ въ то же время всѣ приготовленія, чтобы взорвать его на воздухъ. Вотъ какъ характеризуетъ онъ вліяніе Каткова.

«Вышедшая изъ прогресса, который является лозунгомъ существующей системы управленія, и изъ свободы, первое примѣненіе которой сдѣлано было въ пользу крестьянства, эта новая сила выросла въ тѣни либеральныхъ идей, зарождающихся въ Россіи; она укрѣпилась въ борьбѣ, которую ей пришлось предпринять противъ нѣкоторыхъ антисоціальныхъ элементовъ, и она сдѣлалась всемогущею въ тотъ день, когда иностранное вмѣшательство въ дѣла страны отдало въ ея распоряженіе неотразимый аргументъ оскорбленной національной чести». «Да, Катковъ сила—говоритъ Шедо-Ферроти; у него одного почти столько же подписчиковъ, какъ у остальныхъ издателей русскихъ газетъ. Но на что употребляетъ онъ свою силу? Онъ плыветъ по теченію популярности, ласкаетъ національное тщеславіе и угождаетъ дурнымъ инстинктамъ литературныхъ плебеевъ; наконецъ, онъ сдѣлался еще ретроградомъ».

При этомъ, Шедо-Ферроти такъ сильно настаиваетъ на искусствѣ Каткова играть на инстинктахъ общественнаго мнѣнія, какъ на инструментѣ, всѣ струны котораго ему извѣстны, такъ видимо подчеркиваетъ его искусство составлять передовыя статьи, побѣдоносно вращаясь въ вопіющихъ противорѣчіяхъ, указываетъ даже на корыстную сторону его полемики съ другими газетами, что возникаетъ вопросъ: какъ могли во мнѣніи автора примиряться эти пріемы не совсѣмъ благовидной ловкости съ высказаннымъ имъ убѣжденіемъ въ честности направленія Каткова?

Но вѣнцомъ всей выставленной Шедо-Ферроти аргументаціи было заявленіе, что въ Россіи нѣтъ общественнаго мнѣнія. Странно и смѣло было утверждать это послѣ единодушнаго взрыва патріотическихъ чувствъ Россіи по поводу польскаго вопроса. Обвиненіе это настолько не вязалось съ дѣйствительностью, что въ немъ нельзя не подмѣтить желчь освистанной интриги, руководившей перомъ Шедо-Ферроти и нашедшей отголосокъ въ кичливомъ пренебреженіи къ Россіи автора брошюры—остзейца. Въ Россіи, говоритъ Шедо-Ферроти, до нельзя мало лицъ, умѣющихъ читать и критически относиться къ органамъ прессы. Развѣ встрѣчаемыя въ Россіи явленія составляютъ выраженія общественнаго мнѣнія?

«Развѣ можно сказать, что овцы Панургова стада слѣдуютъ личному убѣжденію, прыгая черезъ посохъ, который имъ подставляетъ шутливый пастухъ? Вся трудность состоитъ въ томъ, чтобы заставить прыгнуть первую овцу; затѣмъ дѣло идетъ уже безъ затрудненій. Тогда всѣ начинаютъ прыгать однѣ выше другихъ, не спрашивая почему и единственно, чтобы не отстать отъ другихъ; такое естественное явленіе можно встрѣчать на любомъ изъ зеленыхъ луговъ святой Руси».

Въ этихъ словахъ Шедо-Ферроти произнесъ приговоръ не о русскомъ общественномъ мнѣніи, а о своей книгѣ—и русская читающая публика своимъ полнѣйшимъ неодобреніемъ привела этотъ приговоръ въ исполненіе.

Шедо-Ферроти стращалъ Каткова, какъ когда-то Герцена, охлажденіемъ къ нему общественнаго мнѣнія, но онъ оказался недальновиднымъ относительно времени и поводовъ къ этому охлажденію.

Съ неподражаемой ироніей встрѣтилъ Катковъ появленіе брошюры Шедо-Ферроти.

«Мы должны, наконецъ, сообщить нашимъ читателямъ извѣстіе о весьма интересномъ явленіи, возникшемъ на политическомъ горизонтѣ Европы: это явленіе — мы. Съ нѣкоторыхъ поръ мы стали предметомъ вниманія, изученія и агитаціи, гласной и негласной, предметомъ корреспонденцій и передовыхъ статей въ заграничной печати, наконецъ, предметомъ книгъ. Удивительныя легенды появлялись о насъ въ серьезныхъ заграничныхъ журналахъ. Европейской публикѣ сообщалось, напримѣръ, что въ отдаленной и хладной Россіи народился драконъ, которому имя Herr Katkoff, что онъ сидитъ въ Москвѣ и оттуда производитъ свои опустошительные набѣги, что цѣлая страна изнываетъ подъ его желѣзнымъ игомъ и слезно молитъ, да изведетъ ее Богъ изъ этой тѣсноты и да явится изъ-за моря святой Георгій поразить это чудище на радость и ликованіе русскаго народа». Вотъ онъ избавитель и явился (1864 г., № 195).

Кто же онъ такой? Это безличная личность, въ которой нѣтъ, правда, ничего положительно польскаго, говоритъ Катковъ, но есть все отрицательно-русское и польское, и лифляндское, и финляндское, и украинофильское, и, если угодно, черкесское. Эта отрицательная величина, замѣчаетъ онъ, обращается къ Россіи на хорошемъ французскомъ діалектѣ. («Моск. Вѣд.», 1864 г., № 216).

Катковъ заявляетъ, что онъ никогда не сѣтовалъ за самыя разнообразныя сопоставленія, въ которыхъ появлялось его имя, но есть имена, замѣчаетъ онъ, предъ которыми долженъ былъ бы остановиться всякій, даже самый безсовѣстный интриганъ и которыми нельзя помыкать («Московскія Вѣдомости» 1864 г., № 195). Между тѣмъ, какъ тогда, такъ и впослѣдствіи имя издателя «Московскихъ Вѣдомостей» стало съ легкой руки Шедо-Ферроти противопоставляться въ заграничной печати другому весьма высокопоставленному имени, причемъ положеніе рисовалось

такъ, какъ будто это лицо и Катковъ стоятъ во главѣ двухъ враждебныхъ партій. («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 22).

Возведенные въ предметъ политической важности, продолжаетъ Катковъ, мы не можемъ не заинтересоваться собой. Онъ останавливается на отдѣльныхъ похвалахъ и порицаніяхъ, которыми Шедо-Ферроти его характеризуетъ, и замѣчаетъ, что послѣднему, повидимому, не безъизвѣстно правило ловкости, предписывающее показывать нѣкоторое безпристрастіе къ тому предмету, на который долженъ пасть сокрушительный ударъ.

«Чѣмъ обязаны мы, однако, спрашиваетъ Катковъ, что насъ привлекли такъ торжественно на судъ современниковъ и потомства? Мало ли на свѣтѣ дурного? Мало ли на свѣтѣ нелѣпостей? Наша вина, повидимому, въ томъ, что мы чувствуемъ себя русскими. Но если не видятъ важности въ томъ, что французъ и нѣмецъ чувствуютъ себя французомъ и нѣмцемъ, то какая же важность въ томъ, что русскій чувствуетъ себя русскимъ? Бѣда въ томъ, что это чувство развивается у насъ не въ фантазіи и вопреки здравому смыслу: будь это,—на насъ не обратили бы вниманія, но намъ не могутъ простить, что считая русское дѣло дѣломъ человѣчества и цивилизаціи, мы въ то же время остаемся въ предѣлахъ здраваго смысла и на землѣ. Такое сочетаніе кажется неудобнымъ для всѣхъ нашихъ сепаратистовъ: оно является досадною неожиданностью. Очевидно, не въ личности нашей дѣло. Мы не столь малодушны, чтобы польститься значеніемъ, которое намъ приписуютъ; мы не считаемъ себя въ правѣ гордиться тою ненавистью, которую возбуждаемъ противъ себя. Наше имя употребляется съ цѣлью, вовсе не лестною для нашего самолюбія; оно служитъ только средствомъ, чтобы умалить значеніе новой силы, которая не имѣлась въ виду и съ которою однако приходится считаться: эта сила—пробуждающееся на Руси народное чувство и возникающая гласность независимаго мнѣнія» («Москов. Вѣд.» 1863 года, № 195).

Въ слѣдующей статьѣ Катковъ протестуетъ противъ преувеличеннаго вліянія, которое ему приписываетъ Шедо-Ферроти, напр., указывая на назначеніе Муравьева, вызванное будто бы давленіемъ патріотической прессы.

«Такъ какъ мы, замѣчаетъ Катковъ, благодаря труду г. Шедо-Ферроти, попали въ исторію, то взирая на его трудъ, мы можемъ сказать: вотъ какъ сочиняется исторія. Г. Шедо-Ферроти, заявляетъ Катковъ, торжественно возводитъ насъ на тронъ, столь достославно отбитый нами у г. Герцена. Лондонскую лиру, смѣнила, по его мнѣ-

нію, московская балалайка. Но возводя насъ на столь высокую череду напрасно онъ такъ низко ставитъ нашу публику».

Катковъ не безъ ироніи напоминаетъ Шедо-Ферроти, что въ числѣ выраженій заявленнаго ему, по поводу его передовыхъ статей, сочувствія, которыя послѣдній находилъ столь смѣшными, было получено Катковымъ письмо и отъ министра народнаго просвѣщенія. Это было уже упомянутое выше письмо, въ которомъ Головнинъ просилъ собрать статьи Каткова по польскому вопросу для учебныхъ заведеній; только скромность не позволяетъ ему, говоритъ Катковъ, привести лестныхъ выраженій этого письма. Будто случайно заявляетъ онъ вслѣдъ за симъ, что по учебнымъ заведеніямъ распространяется враждебная ему книга Шедо-Ферроти («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 196).

Не правда ли, какія чудныя дѣла дѣлались въ началѣ шестидесятыхъ годовъ? Какъ быстро министерство перемѣнило свой взглядъ на Каткова, когда оно убѣдилось, что ему не удастся вызвать перемѣну въ его образѣ дѣйствій.

Русская публика и отчасти пресса отнеслись весьма несочувственно въ брошюрѣ Шедо-Ферроти. Нѣкто Логиновъ изъ Тулы предложилъ замѣнить ея заглавіе; «Что сдѣлать съ Польшей?» словами: «Чего не слѣдуетъ дѣлать съ Россіей?!»; двѣ кіевскія газеты: «Кіевлянинъ» и «Кіевскій Телеграфъ» доказывали вредность ея направленія («Москов. Вѣдом.» 1864 г., №№ 216 и 254). Московскій университетъ единогласно постановилъ въ своемъ совѣтѣ возвратить, по принадлежности, экземпляры этой книги, какъ памфлета, «оскорбительнаго для русскаго народнаго чувства и очевидно принадлежащаго перу, враждебному Россіи» («Москов. Вѣд.» 1864 г., № 212). Къ нему присоединились и другіе университеты.

Такимъ образомъ, брошюра Шедо-Ферроти послужила поводомъ къ болѣе или менѣе открытому столкновенію между Катковымъ и тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія. Услужливые люди раздували непріятное значе-

ніе намековъ, въ которыхъ Катковъ затрогивалъ личность Головнина. Корреспондентъ «Indépendance Belge» (по удостовѣренію Каткова—тотъ же Шедо-Ферроти, см. «Москов. Вѣд.» 1865 г., № 12) [1]) писалъ заграницу, какъ о весьма важномъ симпомѣ нынѣшняго положенія дѣлъ, что съ нѣкотораго времени одно правительственное лицо стало предметомъ особенной предупредительности со стороны своихъ товарищей, которые до сихъ поръ держались съ нимъ въ далекихъ отношеніяхъ, тогда какъ со стороны «Московскихъ Вѣдомостей» оно стало предметомъ открытыхъ нападеній («Москов. Вѣдом.» 1864 г., № 212). Вдобавокъ, министерство внутреннихъ дѣлъ начало подвергать Каткова штрафамъ, которые въ началѣ 1864 года были пріостановлены. Это окончательно его взорвало.

Катковъ рѣшилъ, въ концѣ 1864 года, вмѣстѣ съ Леонтьевымъ, оставить изданіе газеты и уже была написана передовая статья для перваго номера 1865 года, въ которой они прощались съ публикой. Но за нихъ вступился московскій университетъ. Такъ какъ намѣреніе Каткова вызвано было цензурными строгостями, то университетъ, по предложенію профессоровъ Любимова и Соловьева, постановилъ просить правительство о томъ, чтобы «Московскія Вѣдомости», какъ университетская газета, были подчинены цензурѣ университета. Какъ упомянуто было нами выше, либерально настроенное московское дворянство въ началѣ 1865 года съ своей стороны выразило Каткову, по поводу слуховъ объ оставленіи имъ издательской дѣятельности, пожеланіе, чтобы онъ таковую продолжалъ.

Катковъ снова ожилъ духомъ. Въ № 2 за 1865 годъ онъ выражаетъ увѣренность, что русскій патріотизмъ, избавившій Россію отъ внѣшнихъ опасностей, будетъ въ си-

---

[1]) Это заявленіе впрочемъ опровергается; см. «Новое Время» 1887 г. 14 октября.

лахъ спасти ее и отъ тѣхъ невидимыхъ опасностей, которыя, быть можетъ, собираются вокругъ нея. Онъ напомнилъ о приказѣ Нельсона передъ началомъ Трафальгарской битвы: «отечество ожидаетъ, что каждый исполнитъ свою обязанность». Закипаетъ по примѣру прежняго полемика съ корреспондентомъ «Indépendance Belge», которая обыкновенно приводила Каткова къ высказыванію грустныхъ истинъ. Катковъ опять энергически высказываетъ свою патріотическую программу и клеймитъ ея противниковъ.

Слухи о предположенномъ Катковымъ оставленіи издательской дѣятельности проникли въ редакціи газетъ, которыя сочли нужнымъ ихъ комментировать и, между прочимъ, упрекнуть Каткова въ желаніи обезпечить себѣ привиллегированное положеніе («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 12). На это Катковъ отвѣтилъ: Мы желаемъ не этого, а совершенно другого, хотя отнюдь не настаиваемъ на этомъ и даже никогда не заводили о томъ рѣчи, а именно: чтобы правительственныя власти не содѣйствовали распространенію конкуррирующихъ съ ними газетъ посредствомъ обязательной подписки въ разныхъ ея видахъ, чтобъ изъ почтовой платы не было дѣлаемо никому уступокъ, чтобы, наконецъ, не было никому выдаваемо субсидій («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 12).

Между тѣмъ, число литературныхъ батарей, направленныхъ противъ Каткова, все росло. Не довольствуясь пропагандой противъ Каткова, которая велась на столбцахъ «Indépendance Belge», Шедо-Ферроти затѣялъ, начиная съ іюня мѣсяца 1865 г., издавать особую газету въ Брюсселѣ, подъ названіемъ: «Отголоски русской печати» («Моск. Вѣд.» 1865 г., №№ 54 и 154).

Вмѣстѣ съ тѣмъ и поводы къ столкновенію Каткова съ министерствомъ народнаго просвѣщенія не оскудѣвали. Вскорѣ представился предметъ для новаго нападенія Каткова на это министерство. Послѣднее рекомендовало учеб-

нымъ заведеніямъ географію прусскаго профессора Даніеля, переведенную Корсакомъ. Въ географіи этой былъ особый отдѣлъ о королевствѣ польскомъ, въ составъ котораго отнесены коронныя земли Австрійской имперіи, Царство Польское и Западная Россія. Въ виду такого тенденціознаго направленія, географія эта была запрещена въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Къ этому взгляду присоединилось и начальство московскаго учебнаго округа. Что же касается ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, то онъ мотивировалъ распоряженіе, дозволившее изданіе, тѣмъ, отчего же не останавливаться на историческомъ развитіи странъ и государствъ? Катковъ протестовалъ противъ этого взгляда. Онъ говорилъ: «Видя, что иногда говорится у насъ среди бѣлаго дня, что говорится во всеуслышаніе, невольно начинаешь сомнѣваться въ дѣйствительности окружающаго. Все кажется возможнымъ, все кажется сбыточнымъ, точно въ фантастическомъ мірѣ сновидѣнія» («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 51).

Тѣмъ временемъ, комитетъ министровъ разсмотрѣлъ доложенное ему ходатайство московскаго университета о подчиненіи Каткова его цензурѣ. Вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно, но при этомъ члены комитета свидѣтельствовали о заслугахъ издателей «Московскихъ Вѣдомостей» передъ Россіей, а министръ народнаго просвѣщенія, кромѣ того, и о заслугахъ ихъ по учебному вѣдомству. Военный министръ Милютинъ и министръ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ оказались главными заступниками Каткова. Комитетъ заключилъ предоставить и впредь министру внутреннихъ дѣлъ оказывать всѣ, по его усмотрѣнію, возможныя облегченія въ примѣненіи цензурныхъ правилъ къ «Московскимъ Вѣдомостямъ».

8-го іюля 1865 года Катковъ прервалъ на недѣлю помѣщеніе передовыхъ статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», объявивъ впрочемъ читателямъ, что это сдѣлано по обстоятельствамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ

цензурой или съ какими бы то ни было посторонними затрудненіями («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 124).

Потомъ онъ все-таки сталъ продолжать помѣщеніе передовыхъ статей на прежнемъ основаніи. Вѣроятно, ожиданіе льготъ, предоставленныхъ новымъ закономъ о печати 6-го апрѣля 1865 года, мотивировало такое рѣшеніе. 1-го сентября законъ этотъ вступилъ въ силу. Отъ предварительной цензуры были освобождены всѣ выходившія до тѣхъ поръ въ обѣихъ столицахъ повременныя изданія, которыхъ издатели заявили на это желаніе сами.

Катковъ при новомъ положеніи сталъ еще откровеннѣе въ борьбѣ съ своими литературными противниками. Онъ началъ съ того, что указалъ, изъ какихъ вѣдомствъ получаются субсидіи газетами, которыя занимались полемикой съ нимъ («Моск. Вѣд.» 1865 г., №№ 187 и 204). Онъ относитъ къ числу такихъ субсидированныхъ газетъ въ особенности «Голосъ»; но странное дѣло, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Катковъ заявляетъ неожиданно, что тонъ и направленіе газеты измѣнились («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 12). Онъ сталъ объяснять это тѣмъ, что субсидія была прекращена. Мало того, противъ «Голоса» было даже возбуждено правительствомъ судебное преслѣдованіе за обвиненіе въ напечатаніи ложныхъ свѣдѣній о распоряженіяхъ правительства относительно раскольниковъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Катковъ находилъ уже это преслѣдованіе неосновательнымъ («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 13).

Не беремся, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ рѣшать, какъ было дѣло; оно, конечно, будетъ выяснено съ теченіемъ времени. Катковъ замѣчалъ также, что «Indépendance Belge», въ которую посылались, какъ мы имѣли уже случай указать, весьма обстоятельныя корреспонденціи изъ Петербурга, также, повидимому, знакома со звукомъ русскаго золота, столь рѣдкаго въ нашемъ отечествѣ («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 204).

Но литературныя столкновенія занимали хотя видное,

но не главное мѣсто въ борьбѣ Каткова въ 1864—1866 годахъ. Сталкиваясь съ представителями высшаго правительства, Катковъ высказывалъ уже тогда, между прочимъ, свой, такъ хорошо извѣстный современнымъ читателямъ взглядъ на различіе между правительствомъ по идеѣ и составомъ правительства въ данный моментъ. Что же такое правительство? — спрашиваетъ онъ. Правительство, это, во-первыхъ, всѣ интересы, составляющіе его сущность и призваніе, интересы, которые имъ охраняются и обезпечиваются, — все, начиная отъ прочности династіи и государственной цѣлости, до всякаго, закономъ установленнаго, права. Во-вторыхъ, правительство есть тотъ личный составъ, который въ данную минуту находится во власти... Люди оказываются болѣе или менѣе способными или неспособными, достойными или недостойными своего поста, люди приходятъ и уходятъ, остается только общая правительственная организація. Могутъ быть и бываютъ случайности самаго прискорбнаго свойства; у правительственныхъ дѣлъ могутъ оказываться люди, сознательно или безсознательно дѣйствующіе въ ущербъ имъ, могутъ оказываться люди, умышленно или неумышленно подвергающіе опасности самые важные интересы правительства. Ошибками, недоразумѣніями, злоупотребленіями полна исторія правительствъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ... И такъ, есть существенное различіе между правительствомъ въ смыслѣ тѣхъ началъ и интересовъ, которые составляютъ его сущность и лицами, въ рукахъ котораго временно находится правительственная власть («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 210).

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1866 года борьба противъ Каткова конденсируется. На него сыплются удары со всѣхъ сторонъ. Въ книжкѣ 15-го марта «Revue des deux Mondes» появилась статья извѣстнаго полонофила Шарля де-Мазада о положеніи русскаго общества и правительства послѣ польскаго возстанія, гдѣ обсужденію катковскаго влія-

нія на общественное мнѣніе отводится особенно выдающееся мѣсто. Другой французскій литераторъ Жирарденъ получилъ, какъ онъ указывалъ, документы для статей въ «Journal des Débats». Въ одномъ изъ номеровъ газеты «Nord» появилась по тому же предмету статья, присланная, какъ она говорила, лицомъ безпристрастнымъ и компетентнымъ.

Чтобы наряду съ серьезнымъ не забыть о шуточномъ, напомнимъ, наряду съ литературными обличеніями, о каррикатурѣ, появившейся немножко раньше въ «Искрѣ» и изображавшей Каткова въ видѣ фантастическаго существа, составленнаго изъ человѣка и птицы съ шотландской шапочкой на головѣ, изучающаго въ московскомъ зоологическомъ саду семейную жизнь пары голубей на тотъ предметъ, не откроетъ ли онъ у нихъ сепаратическихъ тенденцій. Патріотическій паѳосъ Каткова старались на всѣ лады опровергать и осмѣивать.

Тонко и ядовито написана статья Мазада. Въ ней такая масса интимныхъ подробностей изъ закулисной жизни петербургскаго оффиціальнаго міра, въ ней такими ловкими штрихами очерчена личность Каткова, въ ней такъ отчетливо развита картина перепутывавшихся вліяній и вѣяній того момента, что можно повѣрить Каткову, когда онъ говоритъ: «за французскимъ авторомъ остается только та честь, что онъ принялъ отвѣтственность за чужія сужденія о вещахъ и лицахъ, ему неизвѣстныхъ... Авторство французскаго литератора, прибавляетъ Катковъ, ограничивается лишь нѣкоторыми прикрасами, которыя явственно отдѣляются отъ фона статьи и нѣсколькими приписками, сдѣланными изъ приличія» («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 65).

Вотъ какъ описываетъ Мазадъ Каткова: «Это бурный темпераментъ въ мягкой оболочкѣ. Съ поблекшимъ лицомъ, съ свѣтло-русыми волосами, съ голубыми, почти свѣтлыми глазами, съ внѣшностью вообще скромною и задумчивою,

Катковъ соединяетъ неукротимыя страсти, страшно нетерпимый и подозрительный духъ, упрямство, повергающее его въ раздраженіе и гнѣвъ при противорѣчіи, антипатіи, не останавливающіяся ни передъ чѣмъ, даже передъ доносомъ, когда необходимо поразить противниковъ». Въ числѣ доказательствъ неукротимаго характера Каткова приводилось, между прочимъ, то, будто временный перерывъ передовыхъ статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» въ іюнѣ мѣсяцѣ 1865 года, о которомъ мы упоминали, былъ проявленіемъ оппозиціи и будированія противъ словъ, произнесенныхъ покойнымъ Государемъ польской депутаціи, явившейся на похороны цесаревича Николая Александровича, въ которыхъ выражался взглядъ, различный отъ проповѣдуемаго Катковымъ. Если обратиться къ повѣркѣ фактовъ, то оказывается, что упомянутой депутаціи было сказано слѣдующее: «Я люблю одинаково всѣхъ моихъ вѣрныхъ подданныхъ: русскихъ, поляковъ, финляндцевъ, лифляндцевъ и другихъ; они мнѣ равно дороги, но никогда я не допущу, чтобы дозволена была самая мысль о разъединеніи Царства Польскаго отъ Россіи и самостоятельномъ безъ нея существованіи его. Оно создано русскимъ Императоромъ и всѣмъ обязано Россіи. Вотъ мой сынъ Александръ, мой наслѣдникъ, прибавилъ Государь, Онъ носитъ имя того Императора, который нѣкогда основалъ царство. Я надѣюсь, что онъ будетъ достойно управлять своимъ наслѣдіемъ и что онъ не потерпитъ того, чего я не потерпѣлъ». Мазадъ указывалъ, что Каткову не понравилось сопоставленіе р у с с к и х ъ, какъ всеобъемлющаго понятія, съ остальными національными элементами нашего отечества; но вѣдь такимъ понятіемъ признавалась въ словахъ Государя Россія—не все-ли это равно? Трудно найдти въ этихъ словахъ что-либо противорѣчащее національной политикѣ Россіи. Хотя, дѣйствительно, временное прекращеніе Катковымъ передовыхъ статей произошло въ день напечатанія въ газетѣ вышеприведенной рѣчи Государя, но

мы не знаемъ, можно ли дать вѣру иному, какъ чисто внѣшнему, совпаденію этихъ фактовъ.

Катковъ не даромъ говорилъ: «Еще за недѣлю до появленія книжки «Revue des deux mondes», въ нѣкоторыхъ петербургскихъ кружкахъ уже потирали руки въ ожиданіи этой статьи и предусматривали въ ней начало великихъ событій» («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 15). Не употреблялись ли противъ Каткова, можетъ спросить читатель, тѣ средства борьбы, которыя были выставлены въ числѣ обвинительныхъ противъ него пунктовъ?

Катковъ отвѣчалъ на статью Мазада воспоминаніемъ о смутномъ времени.

«Предки наши, указывалъ онъ, не въ пришлыхъ врагахъ видѣли главное зло. Въ сказаніяхъ того времени встрѣчается сильное слово: «внутренніе воры». Никто въ ту пору не сомнѣвался въ существованіи домашнихъ воровъ, или, какъ теперь говорится, внутреннихъ враговъ. Правительство и не думало прятаться, и русскіе воры дѣйствовали безъ всякаго обмана, попросту, безъ затѣй. И въ настоящую пору дѣла, конечно, не обходятся безъ домашнихъ воровъ; теперь, какъ и тогда, и теперь еще болѣе въ нихъ-то вся и бѣда. Въ эти три послѣдніе годы русская публика имѣла возможность слѣдить за маневрами, которые производились неутомимо и систематически. Едва ли когда-нибудь, едва ли гдѣ-нибудь пускалось въ ходъ столько обмановъ и дѣлалось столько разсчетовъ на несообразительность людскую, какъ у насъ въ эти три истекшіе года. Интрига не унывала ни при какихъ обстоятельствахъ и несмотря на то, что ея обманы разоблачались одинъ за другимъ, она не утомлялась и продолжала дѣйствовать еще настойчивѣе. Какъ ни въ чемъ ни бывало, поднимала она послѣ всякой неудачи свое безстыжее лицо, прилаживалась къ новымъ обстоятельствамъ и не слабѣла въ увѣренности, что поле останется за нею... Всѣ подобныя произведенія о русскихъ дѣлахъ, выходящія заграницей, имѣютъ въ виду не столько поученіе своей ближайшей публики, сколько практическое дѣйствіе въ самой Россіи. Авторы или заказчики подобныхъ издѣлій разсчитываютъ произвести на нѣкоторыя лица, въ нѣкоторыхъ сферахъ, впечатлѣніе, пригодное для своихъ цѣлей. Они надѣются, что лица, на которыя надобно подѣйствовать, не сообразятъ, откуда идетъ дѣйствіе, и не поймутъ его мотивовъ». («Моск. Вѣд.» 1866 года, № 65).

Зналъ ли Катковъ, когда писалъ эти слова, что противъ него готовится предостереженіе, которое послѣдовало

черезъ день и было объявлено 31-го марта 1866 года. Предостереженіе было ему дано за передовую статью, появившуюся въ № 61 «Московскихъ Вѣдомостей» еще за четыре дня передъ тѣмъ, какъ онъ писалъ свой отвѣтъ противъ Мазада.

Вотъ что писалъ Катковъ въ статьѣ, вызвавшей противъ него административную кару. Рѣчь шла о военныхъ приготовленіяхъ между Пруссіей и Австріей. Указывалось на національное единство прусской арміи и національную пестроту австрійской. Катковъ по этому поводу прибавилъ:

«Въ Россіи также изыскиваютъ способы, какъ бы превратить ее въ Австрію. Вліятельныя партіи употребляютъ всѣ усилія, чтобы ввести въ нашъ государственный организмъ принципъ національнаго раздѣлія. Насъ увѣряютъ, что Россія можетъ продолжать существованіе, если правительство примѣнитъ ко всѣмъ ея частямъ то самое начало, на основаніи котораго соединяется съ нею Финляндія. Не предлагались ли намъ планы какой-то невозможной конфедераціи, къ которой должна будто бы обратиться Россія, и которая была бы ничѣмъ инымъ, какъ личнымъ соединеніемъ многихъ отдѣльныхъ и чуждыхъ другъ другу государствъ подъ общею верховною властью? Не преподаются ли у насъ доктрины, что верховная власть можетъ имѣть различный національный характеръ по отношенію къ различнымъ частямъ своихъ владѣній? Не дѣлаются ли попытки приводить эти доктрины въ дѣйствіе? Если бы подобные планы задумывались и приводились въ исполненіе отъявленными врагами Россіи, то это было бы совершенно въ порядкѣ вещей. Но въ порядкѣ-ли вещей то, что эти планы встрѣчаютъ поддержку и сочувствіе въ нѣкоторыхъ правительственныхъ сферахъ? Не странное-ли дѣло, что мысль о государственномъ единствѣ Россіи должна себѣ прокладывать путь съ тяжкими усиліями, подвергаться всевозможнымъ поруганіямъ, какъ галлюцинація, какъ бредъ безумія, какъ злой умыселъ, какъ демократическая революція, и встрѣчать себѣ неутомимыхъ и ожесточенныхъ противниковъ въ сферахъ вліятельныхъ, противниковъ, не отступающихъ ни передъ какими средствами»? («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 61).

Статья эта была написана 20-го марта. Строки, вызвавшія предостереженіе, написаны были, какъ потомъ сознавался Катковъ, подъ первымъ впечатлѣніемъ знакомства съ только что появившимся номеромъ «Revue des

deux mondos», такъ что статья Мазада во всякомъ случаѣ вызвала тѣ заявленія, которыя признаны были подлежащими карѣ.

Въ мотивахъ предостереженія, даннаго Каткову, сказано, что «въ его статьѣ приписываются правительственнымъ лицамъ стремленія, свойственныя врагамъ Россіи, и мысль о государственномъ единствѣ выставляется какъ-бы мыслью новой, будто бы встрѣчающей въ средѣ правительства предосудительное противодѣйствіе и что подобныя общія, произвольныя, бездоказательныя и неосновательныя нареканія заключаютъ въ себѣ возбужденіе недовѣрія къ правительству». («Сѣв. Почта» 1866 г., № 66).

«Московскія Вѣдомости» были, если мы не ошибаемся, четвертымъ изъ органовъ печати, навлекшихъ на себя предостереженія по изданіи новаго закона о печати. Первыми постигла административная кара «Современникъ» и «Русское Слово», органы соціалистической окраски, потомъ она задѣла на пути консервативную «Вѣсть» и устремилась противъ руссофильскаго направленія Каткова. Такимъ образомъ, въ спискѣ предостереженій сошлись люди и органы самыхъ противоположныхъ, самыхъ ненавистныхъ другъ другу взглядовъ.

Всѣ интересовались, какъ отнесется неукротимый публицистъ къ первой, направленной противъ него мѣрѣ строгости. Поступилъ онъ, дѣйствительно, крайне своеобразно. Онъ отказался напечатать предостереженіе на столбцахъ своей газеты, предложилъ правительству взять это предостереженіе назадъ и объявилъ, что онъ прекратитъ изданіе «Московскихъ Вѣдомостей».

«Отовсюду мы получаемъ предостереженія — такъ началъ онъ свой отвѣтъ — отъ «Revue des deux mondes» за подписью де-Мазада, отъ «Современника» за подписью Ю. Ж... На предостереженія, дѣлаемыя намъ путемъ неоффиціальнымъ, можемъ мы обращать и не обращать вниманія. Что же касается до предостереженій, дѣлаемыхъ черезъ полицію, то оставлять ихъ безъ вниманія нельзя. Они требуютъ серьезныхъ объясненій и мы спѣшимъ представить таковыя,

искренно сожалѣя о томъ, что у насъ не спросили ихъ прежде, чѣмъ предостереженіе было напечатано въ оффиціальной газетѣ. Смѣемъ думать, что наши объясненія были-бы признаны удовлетворительными и, быть можетъ, предупредили бы это распоряженіе. Но предостереженіе, напечатанное въ «Сѣверной Почтѣ» отъ 31-го марта, мы можемъ считать еще не совсѣмъ состоявшимся. Состоялось-бы оно только въ томъ случаѣ, если-бы мы приняли его себѣ въ руководство и напечатали-бы узаконеннымъ порядкомъ въ нашей газетѣ, но причины самаго уважительнаго свойства запрещаютъ намъ сдѣлать это. Съ принятіемъ его, намъ оставалось-бы немедленно прекратить свою дѣятельность. Къ счастью, мы можемъ еще держаться, не принимая предостереженія и оставаясь въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта по дѣламъ печати (ст. 33, гл. II) предоставляетъ газетѣ возможность не печатать, т. е. не принимать дѣлаемаго ей предостереженія въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, обязывая ее платить за каждый нумеръ штрафъ (по 25 р. сер.). Мы безпрекословно подчиняемся этому требованію закона и будемъ платить штрафъ до той поры, пока по истеченіи означеннаго времени не прекратится сама собою наша дѣятельность по изданію «Московскихъ Вѣдомостей».

Далекій отъ мысли смиряться, Катковъ напомнилъ читателямъ всѣ перипетіи своей борьбы съ правительствомъ: брошюру Шедо-Ферроти и покровительство ей со стороны министерства народнаго просвѣщенія.

«Передъ лицомъ такого факта, говоритъ онъ, можно ли сказать, что слова наши были произвольны, бездоказательны и неосновательны? Можно ли сказать, что слова наши, а не факты, къ которымъ они относятся и въ которыхъ мы неповинны, могутъ колебать довѣріе къ правительству или вносить смуту въ умы?»

Съ гордостью восклицаетъ онъ:

«При всемъ уваженіи, которое подобаетъ правительственнымъ лицамъ, мы не обязаны считать себя ихъ вѣрноподданными и не обязаны сообразоваться съ личными взглядами и интересами того или другого изъ нихъ. Надъ правительственными и неправительственными дѣятелями, равно для всѣхъ обязательная, возвышается верховная власть; въ ней состоитъ сущность правительства, съ нею насъ связываетъ присяга; ея интересы суть интересы всего народа. Колебали ли мы довѣріе къ правительству въ этомъ единственно обязательномъ смыслѣ?»

Такое заявленіе не должно было быть пріятнымъ тѣмъ, кто дали предостереженіе, въ особенности, когда Катковъ прибавилъ:

«Мы предполагаемъ, что чувство справедливости побудитъ возвратиться на собственное рѣшеніе, если-бъ оно оказалось несправедливымъ. Такое предположеніе есть наибольшая честь, какую только можно воздать и людямъ, и учрежденіямъ». («М. В.» 1866 г., № 69).

Строки эти появились передъ читающей публикой 3-го апрѣля. Богъ вѣсть, уцѣлѣлъ ли бы Катковъ на поприщѣ журналистики съ пріемами такой диктаторской рѣчи. Но на слѣдующій же день, 4-го апрѣля, произведено было Каракозовымъ покушеніе противъ покойнаго Государя, заставившее вспомнить, что Катковъ былъ первымъ обличителемъ нигилизма. Къ тому-же, личный составъ его противниковъ былъ ослабленъ увольненіемъ отъ должности министра народнаго просвѣщенія Головнина, котораго замѣнилъ 14-го апрѣля графъ Толстой, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода.

Катковъ привѣтствовалъ это назначеніе какъ «такое событіе въ исторіи нашего образованія, которому нельзя не придавать особенной важности, на которое нельзя не возлагать истинно ободряющихъ надеждъ» («Моск. Вѣд.», 1886 г., № 80). Ни мало не стѣсняясь недавно полученнымъ предостереженіемъ, Катковъ атаковалъ 8-го апрѣля Шедо-Ферроти за издаваемую имъ газету за границей; онъ уже прямо, ссылаясь, впрочемъ, на слова Мазада, называетъ его правительственнымъ агентомъ (онъ былъ въ Брюсселѣ агентомъ министерства финансовъ). Въ слѣдующемъ нумерѣ, говоря о прискорбныхъ причинахъ покушенія, которое онъ настойчиво приписывалъ польской интригѣ, онъ направляетъ рѣчь противъ Петербурга.

«При мысли о корняхъ зла, мы невольно возвращаемся къ послѣднему мятежу, такъ поучительному для насъ. Гдѣ былъ истинный корень мятежа? Въ Парижѣ, Варшавѣ, Вильнѣ? Нѣтъ, въ Петербургѣ... Зло въ польскомъ патріотизмѣ въ Россіи, въ польскомъ дѣлѣ подъ русскою державой, кто бы ни служилъ ему орудіемъ или поддержкой. А служатъ ему орудіемъ и поддержкой — увы! — не всегда только польскаго происхожденія люди, и не всегда такъ называемые нигилисты, которые могутъ дѣлаться только его жертвами. Вотъ гдѣ серьёзное революціонное начало, дѣйствующее въ нашемъ отечествѣ. Оно возбуждаетъ и поддерживаетъ разныя бо-

лѣзненныя явленія въ нашемъ общественномъ организмѣ, оно парализуетъ наши общественныя силы, оно собираетъ и группируетъ все, что у насъ дурного. Можетъ ли быть въ этомъ сомнѣніе въ виду еще столь недавнихъ событій и раскрытій? Теперь утаивать сущность зла, отвлекать отъ него вниманіе отвлеченностями, фразами, шутками было-бы дѣломъ почти столь-же преступнымъ, какъ и самое злодѣяніе, поразившее Россію». («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 75).

Катковъ, какъ видно изъ этого, не былъ чуждъ намѣренія, чтобы его противники по національному вопросу были признаны также нравственными виновниками взволновавшаго Россію покушенія. Вотъ одинъ изъ первыхъ случаевъ тѣхъ далеко не безпристрастныхъ обобщеній, которыя впослѣдствіи начинаютъ все чаще и чаще повторяться подъ перомъ Каткова. Всякое общественное зло приписывалось имъ одному корню. Министерство внутреннихъ дѣлъ не преминуло напомнить Каткову о своемъ существованіи. Громоносная статья Каткова была пропущена безъ вниманія—поразить за нее Каткова значило бы остановить на ней вниманіе публики, подчеркнуть ея значеніе. Вмѣсто этого рѣшено было сначала поставить на видъ Каткову, что произошедшія событія все-таки не выводятъ его изъ положенія человѣка подначальнаго. «Въ «Сѣверной Почтѣ» были напечатаны разсужденія главнаго управленія по дѣламъ печати по поводу статьи Каткова, отъ 3-го апрѣля. Одни изъ членовъ высказались за судебное преслѣдованіе противъ «Московскихъ Вѣдомостей», другіе—за второе предостереженіе. Было прибавлено, что министръ не принимаетъ ни того, ни другого рѣшенія въ уваженіе къ нынѣшнему настроенію общественнаго мнѣнія.

А волна общественнаго сочувствія опять была на сторонѣ Каткова. 11-го апрѣля произошла въ Москвѣ патріотическая манифестація студентовъ университета по поводу покушенія. Изъ залы концерта, даннаго въ тотъ день въ пользу недостаточныхъ студентовъ, толпа учащейся молодежи направилась къ кремлевскимъ соборамъ, гдѣ передъ Краснымъ крыльцомъ исполнила народный гимнъ. Старикъ

Оле-Булль пошелъ изъ концертной залы вмѣстѣ съ студентами и, находясь во главѣ процессіи, руководилъ ея пѣніемъ посредствомъ своей дирижерской палочки. Изъ Кремля студенты пошли въ сопутствіи народа къ университету, затѣмъ къ дому генералъ-губернатора и, наконецъ, къ дому университетской типографіи, гдѣ издавались «Московскія Вѣдомости». Здѣсь народный гимнъ былъ пропѣтъ шесть разъ, студенты кричали Каткову: не прекращайте вашей дѣятельности. Это послѣднее требованіе студентовъ было однако съ скромностью скрыто въ отчетѣ о студенческой манифестаціи, напечатанномъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1866 г., № 76). Катковъ, когда надо, умѣлъ стушевываться.

Катковъ не унимался; онъ рѣшился, повидимому, изъ всѣхъ силъ досадить своимъ недоброжелателямъ. Отвѣчая на статью «Сѣверной Почты», онъ воспользовался случаемъ, чтобы напомнить читателямъ объ отношеніяхъ къ уволенному уже тогда Головнину. Рѣчь зашла объ отзывѣ, который тотъ сдѣлалъ о Катковѣ въ засѣданіи комитета министровъ по поводу ходатайства Московскаго университета о «Московскихъ Вѣдомосяхъ». Катковъ замѣтилъ:

«Намъ пріятно узнать, что мы оказали какія-либо заслуги учебному вѣдомству, но если мы ихъ дѣйствительно оказали, то только неутомимою борьбою съ нимъ. Замѣтка «Сѣверной Почты», съ горечью прибавляетъ Катковъ, напоминаетъ намъ, что министръ, по своему усмотрѣнію, можетъ намъ сдѣлать и второе, и третье предостереженіе. Мы не сомнѣваемся въ этомъ, а потому и устранили себя, какъ ни тяжело, какъ ни прискорбно это было для насъ». («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 81).

Катковъ идетъ въ своихъ нападеніяхъ еще дальше. Говоря въ № 83 «Московскихъ Вѣдомостей» опять о статьѣ Мазада, онъ приписываетъ ее враждебному кружку въ правительствѣ и сопоставляетъ ее со статьей нѣкоего Ю. Ж. въ «Современникѣ». Что общаго между французскимъ публицистомъ и русскимъ соціализмомъ, органомъ котораго служитъ «Современникъ»? спрашиваетъ Катковъ. А между

тѣмъ они сходятся въ томъ, что издавъ статьи до министерскаго предостереженія, какъ-бы заранѣе рукоплещутъ прекращенію дѣятельности Каткова. «Итакъ, это не болѣе, какъ раскаты одного и того же грома или, если угодно, лучи одного и того-же свѣтила, лишь преломленные различно, каждый въ средѣ, пробѣгаемой имъ» («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 83). Отсюда читателю оставалось только сдѣлать выводъ, что и полученное предостереженіе идетъ изъ того-же источника, такъ какъ Катковъ постоянно сопоставлялъ это предостереженіе съ литературными нападками. «Общее свѣтило, озаряющее и Мазада, и «Современникъ», продолжаетъ Катковъ, есть государственная измѣна». Онъ поясняетъ, почему это такъ: «Мазадъ стоитъ за польское дѣло, а русскій нигилизмъ есть не болѣе, какъ порожденіе полонизма» (Тамъ же).

Онъ выступаетъ съ тѣми же обвиненіями чуть не каждый день; ихъ можно найти почти въ каждой передовой статьѣ въ томъ или другомъ видѣ. То онъ приписываетъ слова: «колебать довѣріе къ правительству»—«Современнику» и поясняетъ, что по взглядамъ нѣкоторыхъ колеблютъ это довѣріе не нигилисты, а тѣ, которые протестуютъ противъ сильныхъ вліяній, способствующихъ злу («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 85), то ставитъ съ этимъ въ связь слухи о предстоявшемъ покушеніи, предшествовавшіе его совершенію («Моск. Вѣд.» 1866 г., №№ 78 и 85).

Словомъ, пламенная фантазія Каткова намекаетъ читателямъ на картину обширнаго комплота, въ которомъ участвуетъ и полонизмъ, и нигилизмъ, и которымъ чуть ли не руководятъ враждебные Каткову государственные сановники. Положимъ, онъ платилъ газетному міру тою же монетой, которая распространялась на счетъ русскаго направленія. Первыя иностранныя газетныя свѣдѣнія о личности преступника гласили, напримѣръ, что онъ принадлежалъ къ старорусской партіи, что онъ крѣпостникъ, рѣшившійся на преступленіе вслѣдствіе разоренія и фана-

тизма («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 78). Но нельзя не пожалѣть, что талантливый публицистъ подъ вліяніемъ своего фанатическаго ожесточенія приписалъ своимъ противникамъ по національной политикѣ въ то-же время и тенденціи, имъ вполнѣ чуждыя. Отъ этого правота его передъ ними не увеличилась.

Газеты иностранныя и русскія подняли, въ виду заявленія Каткова о намѣреніи оставить публицистическое поприще, предсмертный благовѣстъ, только рѣчь ихъ была не печальная, а радостная. Катковъ замѣчалъ, что газеты предвѣщаютъ лучшую эпоху съ нашимъ уходомъ. «Мы не споримъ, но для кого лучшая?» (Моск. Вѣд.» 1866 г., № 89).

Тѣ газеты, которыя уже вычислили число дней существованія Каткова, какъ издателя «Московскихъ Вѣдомостей», все-таки ошиблись: оно пріостоновилось ранѣе. Валуевъ далъ Каткову второе предостереженіе 6-го мая, а на слѣдующій день 7-го—третье, съ пріостановленіемъ его издательской дѣятельности на два мѣсяца. Статьи Каткова, въ которыхъ онъ громитъ своихъ враговъ, оставлены были впрочемъ въ сторонѣ, а выставлены были, какъ мотивы предостереженій, содержащіяся въ №№ 80 и 95 выраженія настойчиваго порицанія правительственнаго распоряженія и превратное толкованіе правилъ о печатаніи предостореженій. Это были тѣ статьи, въ которыхъ Катковъ полемизировалъ не съ антинаціональной политикой, а съ «Сѣверной Почтой».

Отъ 9-го до 18-го мая «Московскія Вѣдомости» совершенно не выходили. 18-го мая появился номеръ, въ которомъ Катковъ и Леонтьевъ говорили послѣднее слово читателямъ.

«До сихъ поръ въ исторіи этого столѣтняго изданія, заявляли съ нѣкоторою торжественностью издатели, были только два случая перерыва: одинъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія во время чумы; другой въ 12-мъ году — при нашествіи французовъ; третьему случаю суждено было осуществиться въ настоящее время, по нашей винѣ».

Катковъ и Леонтьевъ указывали на борьбу противъ нихъ, на встрѣченныя ими еще въ 1863 году цензурныя затрудненія при печатаніи патріотическихъ статей, тогда какъ въ тоже время безпрепятственно помѣщался въ «Современникѣ» извѣстный романъ Чернышевскаго «Что дѣлать?» Затѣмъ излагали они прежніе взгляды «Московскихъ Вѣдомостей» на постигшія ихъ предостереженія и, наконецъ, объявляли, что такъ какъ «Вѣдомости» эти не частное, а университетское изданіе, которое не можетъ быть прекращаемо, то изданіе временно будетъ продолжаемо подъ редакціей профессора Любимова, пока не перейдетъ въ руки другихъ арендаторовъ. Объявленіе заканчивалось словами:

«Откроется ли для насъ впослѣдствіи возможность попрежнему служить въ печати дорогимъ для насъ и для каждаго русскаго интересамъ, мы не знаемъ. Но и въ томъ случаѣ, еслибы мы были окончательно вынуждены передать наше изданіе въ другія руки, мы постараемся, хотя бы то было и съ матеріальнымъ ущербомъ для насъ, чтобы «Московскія Вѣдомости» достались въ руки достойныя и честныя». («Моск. Вѣд.» 1866 года, № 99).

Любимовъ, съ своей стороны, объявлялъ, что «Московскія Вѣдомости», подъ временною его редакціей, останутся вѣрными «тому направленію, какое получили въ послѣдніе годы и которое достаточно извѣстно публикѣ».

Молчаніе Каткова продолжалось, впрочемъ, недолго. Но тѣмъ временемъ противники его успѣли уже распространить слухъ, будто онъ предполагаетъ переселиться въ Женеву и издавать тамъ на просторѣ свободной территоріи газету, въ которой будетъ громить враждебныя ему власти.

25-го мая Государь посѣтилъ Москву вмѣстѣ съ августѣйшимъ семействомъ, сопутствуемый изъ государственныхъ сановниковъ лишь новымъ шефомъ жандармовъ графомъ Шуваловымъ. Государь потомъ проѣхалъ на жительство въ Ильинское.

Къ этому времени относится аудіенція Каткова у Государя, сопровождавшаяся выраженіями самаго милости-

ваго вниманія Монарха къ издателю «Московскихъ Вѣдомостей». Она произошла, какъ разсказываютъ, въ Петровскомъ дворцѣ послѣ произведеннаго на Ходынскомъ полѣ смотра войскамъ. Государь изъявилъ желаніе, чтобы Катковъ продолжалъ изданіе, а когда послѣдній, признавая для себя священной волю Царя, указалъ на существованіе у него враговъ въ средѣ правительства, Александръ II, по разсказамъ современниковъ, далъ Каткову дозволеніе лично обращаться къ нему съ ходатайствами и обѣщалъ ему особое свое покровительство. Императоръ съ особымъ благоволеніемъ пожелалъ Каткову, чтобы въ его словѣ не погасъ тотъ священный огонь, которымъ оно отличалось.

25-го іюня, ранѣе истеченія срока наложеннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ запрещенія, возобновилъ Катковъ свою дѣятельность.

«Мы возвращаемся къ нашей дѣятельности съ новой бодростью, съ новымъ, болѣе, чѣмъ когда-либо возвышеннымъ чувствомъ призванія. Затруднявшія насъ недоразумѣнія прекратились; исчезло все, что насъ смущало и заставляло колебаться. Послѣ полуторамѣсячнаго перерыва, мы снова за нашимъ дѣломъ, снова на нашемъ посту, снова подъ нашимъ дорогимъ знаменемъ... Мы не сѣтуемъ на постигшую насъ невзгоду, напротивъ, мы благодаримъ Бога за то, что было нами испытано въ этотъ промежутокъ времени. Мы пережили минуты, которыя бросили радостный отблескъ на наше прошедшее и въ которыхъ находимъ мы благодатное возбужденіе для будущаго». («Моск. Вѣд.» 1866 года, № 132).

Общественное сочувствіе къ Каткову по поводу его возвращенія къ публицистической дѣятельности выразилось обѣдомъ, даннымъ ему въ университетскомъ залѣ 17 іюля 1866 года.

«Тостъ за здравіе Государя Императора, главнаго виновника нашего праздника, писалъ по этому поводу Катковъ, былъ встрѣченъ съ энтузіазмомъ, который передать невозможно. Пусть наши читатели судятъ, что должны были чувствовать мы, зная, что въ этомъ энтузіазмѣ выражалась горячая общественная благодарность Монарху за насъ, за благоволеніе, намъ оказанное, насъ поднявшее и одушевившее новою бодростью, новымъ чувствомъ призванія». («Моск. Вѣд.» 1866 года, № 151).

V.

Статьи Каткова по польскому вопросу послѣ окончанія мятежа.

(1864 — 1887).

Различіе въ положеніи Польши и Западнаго края. — Правительственная политика въ той и другой мѣстности.—Поддержка ея Катковымъ.— Пожары въ Россіи во время 1864 и 1865 годовъ.—Проведеніе желѣзной дороги на Кіевъ. — Поворотъ въ политикѣ правительства въ Сѣверо-Западномъ краѣ послѣ 1866 года.—Сліяніе Польши относительно внутренняго управленія съ Россіей. — Назначеніе въ 1868 году Потапова въ Сѣверо-Западный край. — Измѣненія имъ политики энергичной руссофикаціи. — Законопроектъ его по крестьянскому дѣлу. — Многочисленныя столкновенія Каткова съ администраціей Сѣверо-Западнаго края.—Выходъ изъ состава мѣстныхъ дѣятелей Шестакова и Батюшкова.—Полемика съ «Вѣстью» и «Новымъ Временемъ». — Предостереженіе, полученное Катковымъ въ началѣ 1870 года.—Нѣкоторое успокоеніе рѣзкихъ проявленій Потаповской политики. — Молчаніе Каткова по польскому вопросу отъ 1871 до 1881 года.—Послѣднія его статьи.— Положеніе польскаго вопроса въ Пруссіи и Австріи.

Коль скоро въ странѣ остаются открытыми антинаціональные вопросы, то это значитъ, что во всѣхъ отправленіяхъ государственной и общественной жизни присутствуетъ враждебное начало, которое дѣйствуетъ, какъ отрава, и оно-то, если зоркимъ глазомъ прослѣдить всѣ его дѣйствія, вноситъ повсюду смуту и разслабленіе.

(«Моск. Вѣд.» 1870 г., № 3).

Чтобы оцѣнить направленіе Каткова въ дальнѣйшихъ статьяхъ его по польскому вопросу, необходимо имѣть въ виду существенное различіе въ положеніи мѣстностей Царства Польскаго и Западнаго края. Первыя составляютъ

для поляковъ дѣйствительную родину, вторыя — только насильственно присоединенную територію, — на которой главное ядро населенія принадлежитъ къ русской народности. Поэтому, мѣры руссофикаціи должны быть болѣе рѣшительными и энергичными въ послѣднихъ мѣстностяхъ, чтобы вернуть этому краю его коренной русскій характеръ. Но къ сожалѣнію, въ Сѣверо-Западномъ краѣ замѣчались, несмотря на горькій опытъ, колебанія въ русской политикѣ, которыя, конечно, не могли быть полезными для задуманной цѣли.

Нельзя приписывать Каткову руководящаго значенія относительно системы руссофикаціи въ Западномъ краѣ. Онъ въ своихъ статьяхъ доводилъ только до послѣднихъ предѣловъ установленную тамъ Муравьевымъ политику обрусенія. Въ статьяхъ, написанныхъ въ 1863 и 1864 годахъ, онъ требовалъ прекращенія обязательныхъ отношеній между русскими крестьянами и польскими помѣщиками въ Западномъ краѣ («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 170), громилъ польскихъ дворянъ (№ 179), требовалъ экспропріаціи помѣщиковъ, замѣшанныхъ въ мятежѣ (№ 184), объявлялъ сплошное землевладѣніе главной язвой западныхъ губерній (№ 192), признавалъ дѣломъ высшей государственной необходимости содѣйствіе къ переходу польскихъ имѣній въ русскія руки (№ 201), указывалъ на потребность въ усиленіи числа православныхъ священниковъ въ Западномъ краѣ (№ 221) и православныхъ церквей (1864 г., № 6); возражалъ противъ своевременности учрежденія университета въ Вильнѣ, который легко можетъ попасть въ польскія руки (№ 337); призывалъ все русское общество къ содѣйствію въ распространеніи русскаго образованія въ литовскихъ губерніяхъ, чтобы тѣмъ обезпечить нравственное завоеваніе края (1864 г., № 128); рекомендовалъ дать нѣкоторыя податныя льготы крестьянскому населенію юго-западныхъ мѣстностей, предотвратившему устройствомъ

мѣстныхъ карауловъ изъ своей среды распространеніе мятежа въ этой полосѣ Россіи (1864 г., № 204).

На политику обрусенія нельзя смотрѣть иначе, какъ на прискорбную необходимость, которую вызвало временное покореніе этого края Польшей. Въ политической жизни несомнѣнно самыми тяжелыми страницами являются тѣ, когда приходится строгими мѣрами предупреждать развитіе враждебной національной силы. Но Россія принималась за такое дѣло, только вынужденная интересами самосохраненія.

Катковъ доходилъ до такой степени увлеченія политикой обрусенія, что требовалъ для католиковъ, протестантовъ и даже евреевъ западныхъ губерній религіознаго преподаванія на русскомъ языкѣ; онъ высказывалъ желаніе, чтобы въ ихъ церквахъ слово проповѣдниковъ раздавалось не иначе какъ по-русски; чтобы они молились Богу по русскимъ молитвенникамъ.

Катковъ горячо поддерживалъ и защищалъ выполненіе Муравьевымъ этихъ задачъ. Въ этомъ были съ нимъ вполнѣ солидарны славянофилы. Аксаковъ также заступался за Муравьева на страницахъ «Дня». При укоренившейся въ то время въ иностранныхъ законодательныхъ учрежденіяхъ привычкѣ обращать особую любознательность на внутреннія дѣла въ Россіи, по поводу распоряженій виленскаго генералъ-губернатора, предъявлялись запросы министерству и произносились довольно неприличныя инвективы. Это было сдѣлано въ засѣданіяхъ англійскаго парламента 17—20 іюня и 8—20 іюля 1863 года. «Московскія Вѣдомости» тотчасъ-же начинаютъ подтрунивать надъ дознаніемъ, которое по этому поводу производится въ Россіи англійскимъ посломъ по порученію министра иностранныхъ дѣлъ. «Мудрено ли, замѣчалъ Катковъ, что правительство ея британскаго величества вскорѣ сочтетъ возможнымъ послать къ князю Горчакову депешу съ строгими выговорами и наставленіями относительно положенія

дѣлъ въ той или другой изъ нашихъ губерній» («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 139). «Генералъ Муравьевъ, указывали «Московск. Вѣдом.», съ рѣдкимъ самопожертвованіемъ исполняетъ свой долгъ передъ отечествомъ, какъ дай Богъ и другимъ исполнять его, какъ исполняли его и тѣ энергическіе дѣятели, которыми гордится Англія» («Москов. Вѣдом.» 1863 г., № 155). Проклятія противъ Муравьева раздавались во всей иностранной прессѣ. Одна французская газета назвала его «le farouche proconsul de Vilna». На это Катковъ отвѣчалъ: «русскій проконсулъ не могъ же считать своимъ призваніемъ заслужить благоволеніе принца Наполеона или понравиться членамъ польскаго народнаго правительства; онъ въ той-же мѣрѣ долженъ былъ не нравиться имъ, въ какой исполнялъ свой долгъ передъ Государемъ и пріобрѣталъ уваженіе своихъ соотечественниковъ» («М. В.» 1865 г., № 102).

Нельзя не замѣтить, что вымыслы относительно дѣятельности Муравьева доходили до невѣроятія. Брюссельская газета «Польша» увѣряла, со словъ очевидца, что 19-ти полякамъ, приговореннымъ къ разстрѣлянію, были предварительно выколоты глаза. «L'Opinion Nationale» повѣствовала, будто Муравьевъ, проѣзжая верхомъ по Вильнѣ, услышалъ однажды, какъ черный дроздъ, сидя въ клѣткѣ на окнѣ одного изъ домовъ, высвистывалъ мотивъ извѣстной пѣсни: «еще польска не сгинѣла». Слѣзши съ коня, говоритъ газета, онъ поднялся въ квартиру, гдѣ это происходило, оторвалъ собственноручно голову у злонамѣреннаго дрозда, а обитателей ея приказалъ арестовать; изъ нихъ отцу дали на площади 100 ударовъ кнута, матери 50, а сыну 14 лѣтъ, собственнику преступной птицы—30.

Несочувствіе Муравьеву нашло отголосокъ и въ русской печати; оно было заявлено «Голосомъ», въ особенности въ статьѣ № 93, 1864 года. «Голосъ» доказывалъ, будто бы большая часть мѣръ, исполняемыхъ Муравьевымъ, была задумана и уже осуществлялась ранѣе его

назначенія. Откуда шелъ этотъ взглядъ, легко понять, если принять въ соображеніе, что по позднѣйшимъ указаніямъ Каткова, «Голосъ» пользовался въ тотъ періодъ фаворомъ со стороны министра народнаго просвѣщенія Головнина. Не только «Москов. Вѣдомости» но и аксаковскій «День» протестовали противъ этой статьи, а Катковъ, помимо собственнаго опроверженія, собралъ еще множество отзывовъ по этому поводу изъ Западнаго края, выражавшихъ горячее сочувствіе Муравьеву.

Пріѣздъ Муравьева въ Петербургъ 25-го апрѣля 1864 года былъ настоящимъ торжествомъ; его вынесли на креслѣ изъ вагона въ экипажъ и вся галлерея вокзала гремѣла продолжительными привѣтственными криками. О степени сочувствія къ его патріотическому направленію можно судить по множеству телеграммъ, полученныхъ имъ отъ разныхъ сословій и лицъ, по увольненіи его, 17-го апрѣля 1865 года, отъ должности.

Съ неменьшей энергіей поддерживалъ Катковъ русскую политику Милютина и князя Черкасскаго въ Царствѣ Польскомъ. Такъ же, какъ и въ программѣ обрусенія Западнаго края, Катковъ не освѣщалъ новыхъ путей, но старался расчищать путь тому направленію, которымъ двигалось правительство. Главной задачей нашей дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ было создать, посредствомъ улучшенія быта польскихъ крестьянъ, элементъ, сочувственный русскому правительству. Необходимость обратить надлежащее вниманіе на крестьянское дѣло въ Царствѣ Польскомъ была впервые указана въ славянофильскомъ «Днѣ». Катковъ присоединился къ этой мысли, говоря, что надо сдѣлать такъ, чтобы за русскимъ правительствомъ, а не за польскимъ дворянствомъ осталась добрая память о совершеніи этой капитальной мѣры («М. В.» 1864, № 12). Какъ извѣстно, настроеніе польскаго крестьянства было далеко не сочувственно мятежу. Его положеніе было однажды мѣтко охарактеризовано типичными словами одной восьмидесяти-

лѣтней старухи-польки, произнесенными на допросѣ. «Польскій хлопъ, сказала она, не можетъ сражаться за отечество, потому что отечество его на томъ свѣтѣ». Русское правительство, въ лицѣ упомянутыхъ дѣятелей, озаботилось, въ 1864 году, чтобы представленіе о земномъ отечествѣ соединялось для польскихъ крестьянъ съ русскимъ именемъ. Катковъ горячо привѣтствовалъ Высочайшіе указы 19-го февраля 1864 года, устроившіе на новомъ основаніи землевладѣніе и сельское управленіе крестьянъ.

Катковъ требовалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, надлежащихъ мѣръ въ предупрежденіе вреднаго вліянія римско-католическаго духовенства на національное чувство поляковъ («Москов. Вѣдом.», 1864 г., № 166). Это достигнуто было двоякими мѣрами. 30-го августа 1864 года было утверждено новое положеніе о народныхъ училищахъ въ Царствѣ Польскомъ, замѣнившее надзоръ ксендзовъ и помѣщиковъ наблюденіемъ гминныхъ и сельскихъ сходовъ съ ихъ должностными лицами, подъ руководствомъ начальниковъ учебныхъ дирекцій, и учредившее особыя женскія гимназіи для устраненія монастырскихъ женскихъ школъ, находившихся подъ польскимъ вліяніемъ. Безпристрастное отношеніе этихъ указовъ къ вопросу о языкѣ, на которомъ должно идти преподаваніе, произвело, какъ въ то время говорили, хорошее впечатлѣніе даже на враждебный Россіи парижскій оффиціальный кругъ. Другою мѣрою былъ указъ 27-го октября 1864 года объ упраздненіи и закрытіи большей части римско-католическихъ монастырей въ Польшѣ. Поучителенъ докладъ составившей этотъ законъ комиссіи по выясненію участія чернаго католическаго духовенства въ польскомъ мятежѣ. Катковъ, понятное дѣло, восторженно относился ко всѣмъ этимъ начинаніямъ («Моск. Вѣд.», 1864 г., №№ 198, 201, 210 и 258). Его отношеніе къ католическому вопросу въ Польшѣ выражается мыслью о необходимости разъединенія религіозныхъ и политическихъ интересовъ, т. е., чтобы католическая церковь су-

ществовала, но чтобы была парализована возможность вреднаго ея влiянiя («Моск. Вѣд.», 1865 г., № 1).

Нельзя не замѣтить, что еще въ апрѣлѣ 1864 года папа Пiй IX произнесъ, во время одной канонизацiи, въ присутствiи всей консисторiи, двухъ лицъ, принадлежавшихъ къ владѣтельнымъ домамъ и четырнадцати кардиналовъ, аллокуцiю, въ которой, въ самыхъ рѣзкихъ выраженiяхъ, говорилъ про нашу политику въ Царствѣ Польскомъ, про могущественнаго монарха, который съ безчеловѣчною жестокостью преслѣдуетъ польскую нацiю и намѣревается искоренить въ Польшѣ католическую религiю, но дастъ за свои злодѣянiя отвѣтъ передъ праведнымъ судомъ Божiимъ. Это былъ, вѣроятно, послѣднiй отголосокъ интригъ противъ насъ Наполеона. Папа повторилъ свои обвиненiя въ окружномъ посланiи, разосланномъ 17-го сентября 1864 года, и тщетно потомъ старался порицанiемъ участiя польскаго католическаго духовенства въ мятежѣ, выраженнымъ на аудiенцiи польскихъ епископовъ, смягчить дурное впечатлѣнiе. Послѣднимъ актомъ, придуманнымъ папой въ видѣ демонстрацiи противъ Россiи, было причисленiе, 2-го мая 1865 года, къ лику святыхъ унiатскаго епископа Кунцевича, убитаго въ 1623 году русскимъ населенiемъ въ Витебскѣ за притѣсненiя противъ православныхъ. Всѣ эти выходки не особенно смущали Россiю и Катковъ относился къ нимъ съ заслуженнымъ пренебреженiемъ («Моск. Вѣд.», 1864 г., №№ 95, 100, 219; 1865 г., № 101). Замѣчательно, что потеря папою его свѣтскихъ владѣнiй совпала съ погромомъ Францiи 1870 года — такъ логичны бываютъ иногда проявленiя историческаго возмездiя.

По мѣрѣ того, какъ устанавливалось русское влiянiе въ краѣ, рѣчь Каткова о полякахъ становилась все менѣе и менѣе жесткою. Въ № 60-мъ (15 марта 1864 г.) онъ говоритъ: «Мы готовы теперь всѣхъ поляковъ считать поголовно врагами Россiи, мы готовы думать, что лишь за

самыми малыми исключеніями, всѣ они сочувствовали и способствовали возстанію. Но нѣтъ сомнѣнія, что большинство этихъ людей были подъ гнетомъ обстоятельствъ, которыя не отъ нихъ зависѣли, и съ которыми они не могли-бы совладать даже при всѣхъ усиліяхъ разсудка». Но онъ еще предостерегалъ во второй половинѣ 1864 г. противъ отмѣны военнаго положенія («Моск. Вѣд.», № 100) и во всякомъ случаѣ требовалъ, чтобы по осуществленіи этой мѣры Польша была поставлена подъ одно управленіе съ остальными частями Россіи, какъ это указано было въ манифестѣ иператора Николая отъ 14-го февраля 1832 года, послѣ подавленія перваго возстанія («Моск. Вѣд.» №№ 265 и 268). Замѣчательно, что несмотря на всѣ испытанія, перенесенныя нашимъ отечествомъ отъ невѣрной постановки въ прошедшемъ польскаго вопроса, въ европейской печати появлялись слухи о томъ, будто Россія ведетъ переговоры съ другими державами о присоединеніи къ ней Польши—какъ будто бы Польша составляла какую-то особую въ государственномъ отношеніи часть Имперіи («Моск. Вѣдом.» 1865 г., № 46).

Пріостановимъ на время обозрѣніе нашей политики въ западныхъ частяхъ Россіи, чтобы упомянуть о происходившихъ лѣтомъ 1864 года большихъ пожарахъ въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи. Послѣ ряда послѣдовательныхъ поджоговъ выгорѣлъ Симбирскъ. То же несчастіе постигло Козловъ и нѣкоторые другіе города. То же продолжалось и въ 1865 году. «Красный пѣтухъ, какъ фигурально выражался Катковъ, перелетаетъ отъ села къ селу, отъ города къ городу» («Моск. Вѣд.», 1865 г., № 172). Народная молва приписывала эти общественныя бѣдствія рукѣ поляковъ («Моск. Вѣд.», 1864 г., № 268).

Въ Симбирскъ былъ, въ 1864 году, посланъ производить слѣдствіе сенаторъ Ждановъ, который, на возвратномъ пути, въ 1865 г., внезапно скончался въ Кинешмѣ. Общественное мнѣніе было такъ встревожено, что сѣто-

вали, почему тѣло покойнаго Жданова было предано землѣ безъ вскрытія («Моск. Вѣд.», 1865 г., № 270). Сенаторъ открылъ цѣлую организацію пожаровъ въ Симбирскѣ при участіи, впрочемъ, не однихъ поляковъ, а всякаго сброда. Начался въ печати споръ о причинахъ пожаровъ; такіе органы, какъ напримѣръ, «Петербургскія Вѣдомости» и «Голосъ», отвергали политическую сторону поджоговъ («Моск. Вѣд.», 1865 г., № 176). Корреспонденціи-же, появлявшіяся въ иностранныхъ газетахъ, приписывали пожары русскимъ людямъ. Сообщалось о какомъ-то тайномъ обществѣ черныхъ рыцарей или о какомъ-то, также вымышленномъ, обществѣ графа Мамонова. («Моск. Вѣд.», 1865 г., № 157). Доходило до того, что когда, въ 1865 году, пожары перешли въ Сѣверо-Западный край и Польшу, то нѣкто Anatol de la Forge во французской радикальной газетѣ «Siècle» писалъ, что русскіе чиновники просвѣщаютъ Польшу съ горящими факелами въ рукахъ. «C'est par le feu maintenant que les russes poursuivent l'oeuvre de l'apaisement de la Pologne» («Моск. Вѣд.», 1865 г., № 175). Говорилось, что виновники систематическихъ поджоговъ суть тѣ агенты русскаго правительства, которые исполнены зловреднаго ультра-русскаго духа и проникнуты ненавистью къ полякамъ, почерпнутою на столбцахъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Инвалида» («Моск. Вѣд.», 1865 г., № 157). Но поджоги со стороны поляковъ были непреложно доказаны въ Сѣверо-Западномъ краѣ и Польшѣ разслѣдованіями, опубликованными въ «Русскомъ Инвалидѣ». Кромѣ шайки поджигателей изъ польскихъ эмигрантовъ, руководившихъ поджогами изъ-заграницы, сообщеніе это указывало на причастность къ пожарамъ на югѣ Россіи русскаго революціоннаго агенства въ Тульчѣ, на низовьяхъ Дуная; впослѣдствіи это, кажется, не подтвердилось; о дѣятельности этого агенства, бывшаго подъ руководствомъ эмигранта Кельсіева, мы будемъ говорить ниже («Моск. Вѣд.», 1865 г.; №№ 172 и 175).

Катковъ жестоко нападалъ на «Голосъ», «Петербургскія» и «Биржевыя Вѣдомости» за ихъ стремленіе замять вопросъ о революціонной окраскѣ поджоговъ; онъ при этомъ безъ обиняковъ говоритъ о томъ, что они—органы оффиціозные («Моск. Вѣд.», 1865 г., № 176). Онъ указываетъ, что одна изъ иностранныхъ корреспонденцій въ «Indépendance Belge», доказывавшая невѣрность обвиненій противъ поляковъ, хотя была составлена до появленія разоблаченій «Русскаго Инвалида», но имѣла ихъ въ виду. «Корреспондентъ этотъ, какъ видно,—пишетъ Катковъ,—получаетъ свои свѣдѣнія изъ сферъ, коротко знакомыхъ съ ходомъ дѣлъ» («Моск. Вѣд.», 1865 г., № 180). Наконецъ, графъ Валуевъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1865 г., объявилъ въ «Сѣверной Почтѣ», приведя статистику пожаровъ за многіе годы, что прямыя указанія на поджигателей существуютъ относительно Западнаго края; нѣкоторые поджоги и въ другихъ мѣстахъ обнаруживали злонамѣренныя стремленія, которыя такъ ярко были освѣщены заревомъ петербургскихъ пожаровъ 1862 года (значитъ, правительство отступило отъ объясненія послѣднихъ естественными причинами), но что нѣтъ основанія относить всѣ поджоги 1864 и 1865 гг. къ польской или другой интригѣ («Моск. Вѣд.», 1865 г., № 231).

Въ связи съ цѣлями руссофикаціи Юго-Западнаго края, Катковъ поддерживалъ въ 1864 году вопросъ о проведеніи желѣзной дороги, долженствовавшей соединить Москву съ Чернымъ моремъ, непремѣнно черезъ Кіевъ. Онъ защищалъ эту мысль съ величайшей настойчивостью. Въ одномъ 1864 году онъ написалъ по этому поводу не менѣе 22 статей. Какъ человѣкъ борьбы, онъ такъ страстно вдался въ полемику о желѣзной дорогѣ, что, въ виду происходившаго рѣшенія этого вопроса въ концѣ 1864 года, почти исключительно имъ и занимался въ передовыхъ статьяхъ за декабрь мѣсяцъ. Послѣдовало 20-го ноября ожидавшееся Катковымъ съ горячимъ нетерпѣніемъ изданіе судебныхъ

уставовъ Императора Александра II—дѣло, которому Катковъ въ то время глубоко сочувствовалъ; онъ обѣщалъ читателямъ вскорѣ возвратиться къ обсужденію этого великаго событія нашей государственной жизни, какъ только будетъ обнародованъ полный текстъ входящихъ въ ихъ составъ законодательныхъ актовъ. («М. В.» 1864 г., № 258). Но затѣмъ исполненіе этого предположенія откладывалось, одна передовая статья за другою говорили въ концѣ 1864 года все о польскомъ вопросѣ и только въ мартѣ мѣсяцѣ 1865 года Катковъ принялся за разсмотрѣніе судебной реформы и воздалъ хвалу началамъ, на которыхъ она основана.

Вопросъ о направленіи желѣзной дороги находился въ слѣдующимъ положеніи. Существовала первоначально мысль о соединеніи Москвы съ Севастополемъ и для этой цѣли была начата постройка желѣзнодорожнаго пути между Москвой и Серпуховомъ. Съ другой стороны, почти кончалась постройка такого же пути между Одессой и Балтой. Рѣчь шла о соединеніи этихъ двухъ пунктовъ. Катковъ защищалъ направленіе дороги на Кіевъ; контръ-проектъ состоялъ въ продолженіи пути отъ Москвы до Курска съ тѣмъ, чтобы онъ поворачивалъ оттуда на Харьковъ и потомъ подвигался черезъ Кременчугъ къ Балтѣ. Послѣднее предположеніе допускало постройку желѣзной дороги между Курскомъ и Кіевомъ, но въ видѣ боковой вѣтви. Такимъ образомъ, предположеніе, защищаемое Катковымъ, заключалось въ томъ, чтобы желѣзная дорога между Москвой и Кіевомъ была частью соединительной артеріи обѣихъ столицъ съ Чернымъ моремъ. Разница этого взгляда отъ осуществленнаго на дѣлѣ ограничивается лишь тѣмъ, что Катковъ предполагалъ вести дорогу по прямому направленію между Москвой, Серпуховомъ и Кіевомъ (на Глуховъ и Кролевецъ), не поворачивая въ сторону Курска.

«Московскія Вѣдомости» привели цѣлую груду фактовъ, доводовъ, частныхъ заявленій, красиво украшенныхъ

патріотической эгидой предстоящаго вліянія великорусской и православной Москвы на Кіевъ, который польская партія намѣревается отторгнуть отъ русской державы. «Сколько риторики и желчи израсходовано въ пользу Кіева»!—восклицала «Сѣверная Почта», органъ графа Валуева, согласившійся, впрочемъ, вполнѣ съ бо̀льшей цѣлесообразностью дороги на Кіевъ.

Направленіе это, вполнѣ естественное, одержало по силѣ вещей верхъ, хотя первоначально правительство остановилось на среднемъ пути: признаніи обоихъ направленій—одного отъ Балты на Кременчугъ и Харьковъ и другого—отъ Москвы на Курскъ и Кіевъ («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 74).

Послѣ 1866 года замѣтно нѣкоторое ослабленіе правительственной энергіи по польскому вопросу. Катковъ съ горечью заявлялъ въ 1880 году, что если въ чемъ-либо существенно проявилось измѣненіе взглядовъ правительства послѣ каракозовскаго покушенія, то въ упадкѣ національной политики на окраинахъ. Это объясняется, вѣроятно, дѣйствіемъ времени, устранявшаго постепенно впечатлѣнія польскаго возстанія, вызвавшаго такое сильное возбужденіе патріотическихъ чувствъ въ русскомъ народѣ. Не даромъ Аксаковъ какъ-то сказалъ, что у насъ для руссификаціи другихъ національностей недостаетъ прусской энергіи, дѣйствующей съ равной и непоколебимой настойчивостью.

Но Катковъ продолжалъ съ прежнею горячностью обращать вниманіе и правительства, и общественнаго мнѣнія на польскій вопросъ, на дѣятельность властей въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краѣ. Примѣненіе вышедшаго въ концѣ 1865 года закона о землевладѣніи въ этихъ мѣстностяхъ составляло одну изъ наиболѣе излюбленныхъ темъ для его передовыхъ статей («М. В.» 1866 г. №№ 2, 32 и 50, 136, 142, 144, 149, 189, 190, 196, 235, 251, 272; 1867 г. №№ 2, 32, 50, 56, 90, 120 и т. д.). Онъ упорно защищалъ необходимость этого закона еще при самомъ

обсужденіи его («М. В.» 1865 г., №№ 262, 264, 266, 268 и 265). Катковъ горячо поддерживалъ также мысль объ учрежденіи особаго товарищества пріобрѣтателей имѣній въ западныхъ губерніяхъ, установленнаго 10 августа 1866 года, и съ величайшимъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ его операцій. Но финансовая поддержка этому учрежденію со стороны правительства, предполагавшаяся сначала въ широкихъ размѣрахъ, не состоялась и, какъ говорилъ Катковъ въ 1883 году, значительная сумма денегъ, на это ассигнованная, была отвлечена на другое дѣло («М. В.» 1883 г., № 216).

Катковъ съ такимъ интересомъ относился къ земельному вопросу въ Западномъ краѣ, что посвящалъ ему часто передовыя статьи во время пребыванія Государя въ Москвѣ, когда онъ могъ думать, что Августѣйшее вниманіе остановится на его газетѣ, чтобы увидѣть въ ней выраженіе народныхъ чувствъ по поводу посѣщенія столицы [1]). Торжественный въѣздъ въ Москву Наслѣдницы Цесаревны Маріи Федоровны 21 апрѣля 1867 года встрѣ-

---

[1]) Насколько этотъ взглядъ раздѣляется прусскимъ правительствомъ, которому нельзя отказать въ разсудительности, можно судить по слѣдующей выдержкѣ изъ рѣчи князя Бисмарка, произнесенной 16—28 января 1886 года о національизаціи Познани: «Опасность заключается въ томъ, что тамъ сліянію обѣихъ національностей главнымъ образомъ противится польское дворянство. Эти дворяне со своею многочисленной свитой, съ ихъ слугами и дворниками доставляютъ тамъ главнѣйшіе элементы для зловредной агитаціи... Спрашивается теперь, развѣ Пруссія, въ интересахъ какъ собственныхъ, такъ и Германіи, при извѣстныхъ условіяхъ была-бы не въ состояніи израсходовать сто милліоновъ талеровъ для пріобрѣтенія имѣній польскаго дворянства, короче, для ихъ экспропріаціи? Эта мысль только кажется ужасною... Развѣ обезпеченіе будущности государства менѣе важно, нежели другія цѣли, для которыхъ допускается экспропріація, такъ напр., удобства сношеній или постройка крѣпостей». Канцлеръ указалъ затѣмъ на необходимость ассигнованія особой суммы для покупки имѣній, добровольно уступаемыхъ поляками и заселеніи ихъ нѣмцами въ качествѣ постоянныхъ или срочныхъ арендаторовъ, что и было сдѣлано прусскимъ парламентомъ.

тилъ онъ выраженіемъ національной программы русскаго народа, которая слышалась ему въ восторженныхъ крикахъ, привѣтствовавшихъ это событіе. «Напрасно хотятъ увѣрить насъ, что можно быть честнымъ гражданиномъ, отвергая и отрицая національность государства, что можно быть вѣрнымъ подданнымъ, не будучи честнымъ гражданиномъ; напрасно хотятъ увѣрить насъ, что можно служить государю, не служа его государству»—говоритъ онъ, между прочимъ, въ этой программѣ («М. В.» 1867 г., № 88).

28 марта 1867 года возвѣщено было полное сліяніе губерній Царства Польскаго съ прочими частями Имперіи. 29 февраля 1868 года былъ сдѣланъ къ этому главный шагъ посредствомъ упраздненія самостоятельно существовавшей въ Польшѣ комиссіи внутреннихъ дѣлъ. Возбужденъ былъ вопросъ о введеніи тамъ новыхъ судебныхъ учрежденій; Катковъ привѣтствовалъ эту мѣру, какъ распространеніе на эту мѣстность того, въ чемъ состоитъ нравственная сила нашего національнаго единенія. Онъ сравнивалъ по этому поводу новые суды съ Минервой, вышедшей во всеоружіи изъ головы Юпитера («М. В.» 1868 года, № 56). Вскорѣ ряды русскихъ дѣятелей въ Царствѣ Польскомъ потерпѣли существенную потерю. Преждевременная болѣзнь и смерть заставили Милютина оставить постъ руководителя нашей политикой въ Привислинскомъ краѣ; вслѣдъ за нимъ и князь Черкасскій долженъ былъ покинуть должность директора комиссіи внутреннихъ дѣлъ, начатое ими дѣло не погибло — оно перешло въ жизнь. Катковъ былъ, понятно, самаго высокаго мнѣнія объ этихъ дѣятеляхъ. Въ 1881 году, вспоминая о Н. А. Милютинѣ по поводу увольненія Д. А. Милютина, его брата, съ поста военнаго министра, онъ называлъ его мощнымъ борцомъ въ польскомъ вопросѣ и признавалъ, что въ немъ назрѣвалъ истинно государственный человѣкъ, котораго слишкомъ рано похитила смерть («М. В.» 1881 г., № 144).

Главное вниманіе Каткова въ концѣ шестидесятыхъ го-

довъ обращено было на Сѣверо-Западный край. Тамъ начался поворотъ въ политикѣ. Онъ сталъ замѣчаться съ тѣхъ поръ, когда въ 1868 году, на мѣсто кратковременно бывшаго послѣ Кауфмана генералъ-губернаторомъ графа Баранова, былъ назначенъ Потаповъ. Началась реакція противъ крутой и рѣшительной системы руссификаціи, начатой Муравьевымъ и поддержанной Кауфманомъ (выдвинутымъ на этотъ постъ также ревнителемъ національной политики, военнымъ министромъ Милютинымъ, у котораго онъ былъ ранѣе директоромъ канцеляріи). Въ Западномъ краѣ крупные землевладѣльцы—поляки, а крестьяне—русскіе. Поэтому, администрація, стремясь поддержать русскій элементъ, проводила крестьянскую реформу въ смыслѣ наиболѣе, по возможности, благопріятномъ для крестьянъ. Потаповъ, хотя былъ въ свое время помощникомъ Муравьева по должности генералъ-губернатора, но сдѣлавшись черезъ пять лѣтъ самостоятельнымъ распорядителемъ края, сталъ проводить иную политику. Онъ отмѣнилъ многія распоряженія, сохранявшіяся еще со времени Муравьева и сталъ дѣлать перемѣны въ личномъ составѣ заведенныхъ, въ 1863 и 1864 годахъ, русскихъ мировыхъ посредниковъ. Катковъ съ горечью вспоминалъ въ 1880 году, что посредники были удаляемы подъ тѣмъ предлогомъ, что они, дѣйствуя противъ польскаго землевладѣнія, будто-бы соціалисты и коммунисты. Онъ говорилъ, что «ничего подобнаго не бываетъ даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ правительственный механизмъ основанъ на игрѣ партій. Вступаетъ-ли въ управленіе кабинетъ виговъ или кабинетъ торіевъ, второстепенные дѣятели большею частью остаются на своихъ мѣстахъ; предполагается, что какъ та, такъ и другая партіи, чередуясь въ правительствѣ, служатъ одному и тому же дѣлу и равно стараются пользоваться людьми способными и навыкшими къ дѣлу» («М. В.» 1868 года, № 153).

Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ назначенія

Потапова, Катковъ впрочемъ молчалъ, считая, какъ онъ потомъ заявлялъ, слухи о новомъ образѣ дѣйствій властей преувеличенными; онъ говорилъ, что старался даже успокаивать волновавшуюся по этому поводу публику, но онъ былъ выбитъ изъ своихъ успокоительныхъ траншей. Дѣло зашло слишкомъ далеко. Изъ самыхъ рядовъ новой администраціи стали, какъ онъ говорилъ, выходить слухи и распространяться толки, которыми не могло не тревожиться общественное мнѣніе. Патріотизмъ предавался опять поруганію и вовсе отрицался въ русскомъ народѣ. Выползли господа, которые стали щеголять цинизмомъ и ставили въ достоинство должностнымъ лицамъ фальстафовское отсутствіе всякихъ убѣжденій («М. В.» 1868 г., № 153).

Распространились слухи, что можетъ произойти даже повѣрка нарѣзанныхъ крестьянамъ въ Западномъ краѣ земель. Дѣйствительно, въ Вильнѣ былъ составленъ проектъ, допускавшій провѣрку этихъ земель на основаніи выкупныхъ актовъ. «Сѣверная почта», опровергая этотъ слухъ, нашедшій между прочимъ мѣсто въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», сообщала, что этого не будетъ и что разработкѣ подвергается лишь вопросъ о замѣнѣ сервитутовъ, которыми пользуются крестьяне на помѣщичьихъ земляхъ, надлежащимъ вознагражденіемъ. Повидимому, центральное правительство не было готово сочувствовать всему, что затѣвалъ Потаповъ. Въ сентябрѣ 1868 года послѣдній пріостановилъ уже циркулярнымъ распоряженіемъ выкупную операцію во всемъ краѣ. Но въ концѣ февраля 1869 года Потаповъ неожиданно изъ Петербурга самъ отмѣнилъ свое распоряженіе («М. В.» 1869 г., №№ 28, 60). Генералъ-губернаторъ стремился вообще сдѣлать многое для польскаго землевладѣнія—напримѣръ, возвышеніе выкупныхъ платежей за отчужденныя уже крестьянамъ земли, но законодательная власть этого не пропустила. («М. В.» 1869 г., №№ 28, 86).

Поднятый вопросъ о крестьянскихъ надѣлахъ въ За-

падному краѣ былъ все-таки рѣшенъ не въ смыслѣ виленскаго проекта, а въ смыслѣ прежняго направленія. Высочайше утвержденнымъ 26 марта 1869 года положеніемъ сельскаго комитета не было поколеблено, а скорѣе укрѣплено за крестьянами то, что было имъ ранѣе даровано («М. В.» 1869 г., № 86).

По выходѣ этого закона, Катковъ сталъ обвинять виленскую администрацію въ томъ, что она, проникшись началами своего оставшагося неутвержденнымъ проекта, противодѣйствуетъ тому, что выражено въ законѣ. Потаповъ, на котораго указывали въ 1868 году, какъ на преемника Валуева, и получившій послѣ графа Шувалова должность шефа жандармовъ, старался, какъ увѣрялъ Катковъ, дѣйствовать болѣе въ смыслѣ составленнаго имъ и не прошедшаго проекта, чѣмъ въ духѣ закона 26 марта. Употребленное въ законѣ выраженіе: «дѣйствительное владѣніе крестьянъ» истолковано было, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ смыслѣ владѣнія по выкупнымъ актамъ. А такъ какъ во многихъ случаяхъ оказывалось, вслѣдствіе небрежности составленія этихъ актовъ, противорѣчіе между ихъ содержаніемъ и фактическимъ владѣніемъ, то, при такомъ объясненіи закона, земли, вопреки его смыслу, могли быть отбираемы у крестьянъ («М. В.» 1869 г., №№ 199, 206, 208, 215, 223).

Трудно перечесть всѣ пункты пререканій между Катковымъ и виленской администраціей.

Катковъ дѣйствительно, напримѣръ, поднялъ, еще въ концѣ 1868 года шумъ, будто отрѣзка крестьянскихъ земель уже начала производиться посредствомъ односторонняго рѣшенія крестьянскими учрежденіями поземельныхъ дѣлъ между помѣщиками и крестьянами. Онъ начиналъ даже требовать тогда, чтобы Западный край, по примѣру Польши, имѣлъ на нѣкоторое время для надзора и руководства особый центральный правительственный органъ («М. В.» 1868 г., №№ 153, 265, 266).

Бывали и другіе случаи столкновеній Каткова съ мѣстной властью, напримѣръ, по дѣлу Минкевича, затѣмъ по поводу скандала, произошедшаго на любительскомъ спектаклѣ у генералъ-губернатора, когда нѣкіимъ полковникомъ Панютинымъ была сдѣлана въ комедіи вставка, которою вышучивались члены земельной люстраціонной комиссіи («М. В.» 1869 г., №№ 31, 44).

Еще предметомъ означенной полемики сдѣлался вопросъ о салопахъ. Какъ бы ни казался мало существеннымъ этотъ вопросъ по его характеру, но вѣдь мелкія ежедневныя событія, безъ которыхъ не обходятся существенныя политическія явленія, облегчаютъ намъ возможность переноситься въ данное время и его реальныя условія. Дѣло состояло въ порчѣ дамскихъ салоповъ посредствомъ обливанія ихъ сѣрною кислотой. Польскимъ дамамъ было строжайше запрещено послѣ возстанія носить трауръ по отчизнѣ. Вотъ для того, чтобы наказывать подчинявшихся этому распоряженію, и пускалась въ ходъ упомянутая продѣлка. Она стала возобновляться въ Вильнѣ въ 1868 и 1869 годахъ, и Катковъ объяснялъ это тѣмъ, что вновь зашевелились національныя тенденціи. Сообщенныя корреспондентомъ Каткова свѣдѣнія о салопахъ не могли быть, несмотря на всѣ стремленія администраціи, опровергнуты. Разногласіе было только о числѣ испорченныхъ салоповъ: Катковъ указывалъ на 37, а мѣстное начальство признавало лишь 11 («М. В.» 1869 г., №№ 23 и 48).

Нельзя не замѣтить, что не во всѣхъ дѣятеляхъ виленскаго управленія замѣчалось сочувствіе къ новой системѣ. Можно указать на опубликованное въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», въ сентябрѣ 1869 г., предложеніе виленскаго губернатора контръ-адмирала Шестакова мѣстному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, въ которомъ, на основаніи произведенной ревизіи, энергически опровергается обвиненіе, чтобы крестьяне въ своемъ самоуправленіи злоупотребляли дарованными имъ правами, указывалось, что безпорядокъ въ

ходѣ крестьянскаго дѣла произошелъ не по ихъ винѣ, а отъ случайныхъ перемѣнъ мировыхъ посредниковъ («М. В.» 1869 г., № 211). Другимъ ревнителемъ руссофильской политики былъ попечитель учебнаго округа Батюшковъ, дѣятельно проводившій употребленіе русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ и даже въ религіозномъ образованіи; между прочимъ, имъ были изданы первые католическіе катихизисы въ русскомъ переводѣ («М. В.» 1869 г., № 222).

Разномысліе во взглядахъ, существовавшее, какъ изъ этого можно заключить, въ средѣ управленія, окончилось увольненіемъ Шестакова и Батюшкова. Газета «Вѣсть» намекала, что это распоряженіе произошло, будто бы, вслѣдствіе сообщенія ими Каткову свѣдѣній о ходѣ крестьянскаго дѣла въ западномъ краѣ для обличенія генералъ-губернатора («М. В.» 1869 г., № 246).

Но Катковъ торжественно удостовѣрялъ, что онъ съ ними ни въ какихъ сношеніяхъ не былъ и отъ нихъ никакихъ свѣдѣній для обличенія Потапова не получалъ, причемъ перваго изъ нихъ даже лично не зналъ въ то время. Интрига, замѣчалъ Катковъ, воспользовалась поѣздкой Батюшкова въ началѣ октября 1869 года въ Москву, чтобы пустить слухъ о внушеніи имъ нашихъ статей по крестьянскому дѣлу, но при этомъ не обратили вниманія, что послѣднія были написаны ранѣе. «Мы преклоняемся, говорятъ «Московскія Вѣдомости», передъ распоряженіями Верховной Власти и не дозволяемъ себѣ пытливо проникать въ ихъ причины. Но какія бы ни были причины удаленія упомянутыхъ лицъ, оно не можетъ находиться ни въ какой связи съ статьями «Московскихъ Вѣдомостей»... Какова, прибавляетъ Катковъ, наглость, не останавливающаяся предъ рѣшеніями Верховной Власти и дѣлающая ихъ предметомъ площадныхъ толковъ» («Моск. Вѣд.» 1869 г., № 246).

Съ свойственной ему отвагой Катковъ заявилъ, что если кто желалъ обратитъ «Московскія Вѣдомости» въ свой органъ, то это былъ самъ Потаповъ. «Вся Москва знаетъ,

повѣствовалъ онъ, что чрезъ посредство одного почетнаго лица намъ было сдѣлано весною текущаго года виленскимъ генералъ-губернаторомъ предложеніе войти съ нимъ въ ближайшія сношенія. Мы изъявили живую готовность на всякую услугу, какую только можетъ печать оказывать правительственнымъ дѣятелямъ въ исполненіи предначертаній Верховной Власти, но съ полной рѣшимостью отклонили отъ себя всякія другія обязательства». Если вся Москва объ этомъ, можетъ быть, и не знала, то во всякомъ случаѣ узнала, а съ нею и вся читающая русская публика.

Когда Потаповъ былъ вызванъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ, то корреспондентъ «Вѣсти» писалъ въ эту газету изъ Москвы, что всѣ тамъ увѣрены, что вызовъ одного извѣстнаго лица послѣдовалъ, чтобы отвѣчать на вопросные пункты, составленные «Московскими Вѣдомостями» (№ 293). Потаповъ остался на своемъ постѣ, но какъ слѣдуетъ заключить изъ приведенныхъ Катковымъ въ № 255 «Московскихъ Вѣдомостей» многочисленныхъ постановленій мѣстныхъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, виленское толкованіе крестьянскихъ положеній осталось безъ примѣненія. Вообще, поѣздка Потапова вызвала въ немъ перемѣну; вернувшись, онъ издалъ циркуляръ, въ которомъ указалъ лицамъ, которыми онъ замѣнилъ прежній составъ низшей администраціи, чтобы они не дозволяли себѣ такихъ фактовъ, какъ дошедшее до его свѣдѣнія проявленіе бо̀льшей вѣжливости и вниманія латинскому духовенству передъ православнымъ и поручилъ имъ разъяснять при всякомъ удобномъ случаѣ народу, что не будетъ поворота правительства въ пользу латинства («Моск. Вѣд.» 1869 г., № 266). До чего дошла необходимость.

Потаповское направленіе поддерживалось двумя органами: консервативною «Вѣстью», въ которой Катковъ началъ видѣть съ 1866 года олицетвореніе всякихъ золъ, и «Новымъ Временемъ»; издателемъ перваго былъ Скаря-

тинъ, а втораго Киркоръ, бывшій издателемъ «Виленскаго Вѣстника».

Катковъ постоянно ставилъ администраціи сѣверо-западнаго края въ примѣръ порядки, существовавшіе въ юго-западномъ, гдѣ распоряжался Безакъ. Это дало поводъ отвѣчать на обвиненіе Каткова, что «Новое Время»—органъ виленской администраціи, заявленіемъ, что «Московскія Вѣдомости»—органъ кіевскихъ властей. «Новое Время» занималось отыскиваніемъ разныхъ фактовъ изъ періода муравьевской администраціи, которыми можно было-бы пользоваться для ея порицанія. То же самое дѣлали оба вышеупомянутые органа относительно администраціи юго-западнаго края, собирая про нее сплетни. Катковъ, разумѣется, отвергалъ и то, и другое.

Антипатріотическая дѣятельность «Вѣсти», замѣтимъ мимоходомъ, ознаменовалась скандаломъ для Скарятина. Онъ затѣялъ произнести рѣчь на торжественномъ обѣдѣ въ Смоленскѣ, устроенномъ по поводу открытія желѣзной дороги между Витебскомъ и Рославлемъ. Раздались восклицанія: довольно—и рѣчь была прервана звуками военнаго оркестра («Моск. Вѣдом.», №№ 172, 187, 192, 200, 204, 217, 221, 224).

Полемика съ «Вѣстью» началась со стороны «Московскихъ Вѣдомостей» впрочемъ еще гораздо ранѣе потаповскаго режима въ Виленскомъ краѣ, а именно почти съ тѣхъ поръ, когда Катковъ вновь приступилъ къ публицистическому дѣлу послѣ временнаго перерыва въ 1866 году. По поводу смерти бывшаго генералъ-губернатора Муравьева «Вѣсть» сдѣлала нѣсколько неприличныхъ противъ него выходокъ, за которыя, впрочемъ, само правительство дало ей предостереженіе. Столкновенія съ «Московскими Вѣдомостями» возникали, между прочимъ, не только на почвѣ руссофильской политики, но и по поводу неодобренія «Вѣстью» дѣятельности реформенныхъ учрежденій, которую Катковъ энергично защищалъ. Словомъ, «Вѣсть» была

представительницею наиболѣе ненавистныхъ Каткову крѣпостническихъ тенденцій помѣщичьей партіи, не останавливавшейся даже предъ отстаиваніемъ ихъ вопреки національнымъ интересамъ въ мѣстностяхъ, гдѣ крупные землевладѣльцы принадлежатъ къ враждебной Россіи національности, а крестьяне русскаго происхожденія. Въ концѣ 1866 года Катковъ заявлялъ, что «Вѣсть» исполняетъ по отношенію къ нему обязанность главнаго оппонента, которую въ минувшемъ году несъ «Голосъ», и что остальные враждебные ему органы припрягаются къ «Вѣсти» («Моск. Вѣдомости» 1866 г., № 217).

Полемика велась горячо. «Вѣсть» называла Каткова краснымъ и нигилистомъ («Московск. Вѣдом.» 1857 г., №№ 59, 69, 73). Катковъ увѣрялъ, будто «Вѣсть», по образцу польскихъ пановъ, которымъ такъ горячо симпатизируетъ, образовала сильный подземный ржондъ («Моск. Вѣд.» 1769 г., № 9).

Послѣ смерти Милютина, бывшаго статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго и ухода Валуева съ поста министра внутреннихъ дѣлъ, «Вѣсть» стала характеризовать прежнюю дѣятельность Каткова тѣмъ, что онъ началъ съ того, что принадлежалъ къ консервативной партіи, во главѣ которой стоялъ послѣдній изъ упомянутыхъ сановниковъ, а потомъ перешелъ въ демократическую партію, которая руководилась первымъ («Москов. Вѣдом.» 1869 г., № 18). Однажды «Вѣсть» заявила, что привилегированное положеніе, которымъ пользуется Катковъ и его литературная пропаганда, являются характеристическими признаками, сходственными съ тѣми, которые предшествовали французской революціи.

Катковъ отвѣчалъ указаніями на субсидіи, получаемыя «Вѣстью» отъ польскихъ помѣщиковъ, субсидіи, будто бы подтверждаемыя оффиціальными источниками («Моск. Вѣд». 1869 г., № 250). Онъ также разсказывалъ о получаемыхъ имъ анонимныхъ письмахъ, касающихся пріемовъ, которые употребляютъ противъ него литературные его противники

Въ виду установленія новаго способа подписки на газеты черезъ почтовыя конторы, появлялись будто-бы въ разныхъ конторахъ, въ самые горячіе дни подписки, агенты для того, чтобы привлекать подписчиковъ къ однимъ изданіямъ и отвлекать отъ другихъ. Въ одной сѣверной конторѣ, какъ замѣчали «Московскія Вѣдомости», былъ для этой цѣли поставленъ даже одинъ изъ заслуженнѣйшихъ нигилистовъ въ томъ городѣ («Моск. Вѣдом.» 1889 г., № 9).

Затѣмъ, Катковъ приписывалъ въ свою очередь «Вѣсти», что она поддѣлывается подъ тонъ соціалистовъ, когда крѣпостническія мелодіи не удаются. Онъ указываетъ на статью въ № 376 «Вѣсти», въ которой доказывается существованіе въ Россіи рабочаго вопроса («М. В.» 1869 г., № 277). Въ началѣ 1870 года, когда его обвиняли заграничныя газеты въ томъ, что его національная политика, направленная противъ поляковъ-землевладѣльцевъ и привилегій остзейскихъ бароновъ, въ сущности солидарна съ соціализмомъ и заявляли, что консервативныя газеты пользуются соціалистическими заговорами, чтобы раскрывать правительству глаза на скрытыя тенденціи «Московскихъ Вѣдомостей», Катковъ утверждалъ, напротивъ, что между органами нигилизма и консервативною «Вѣстью» состоялось въ послѣднее время полное сліяніе; теперь ужъ окончательно нельзя различить отрицателей собственности отъ защитниковъ крупнаго землевладѣнія въ сѣверо-западномъ краѣ». Впрочемъ, онъ относилъ къ тому же лагерю, наряду съ «Дѣломъ» и «Недѣлей», также «Петербургскія Вѣдомости» и даже сотрудниковъ «Вѣстника Европы» («М. В.» 1870 г., № 5).

Если же, говоритъ онъ, сопоставлять «Московскія Вѣдомости» съ г. Нечаевымъ, то какъ-бы этотъ почтенный г. Нечаевъ не почувствовалъ себя оскорбленнымъ такимъ сопоставленіемъ («М. В.» 1870 г., № 5). Когда-же «Вѣсть» стала въ крестьянскомъ землевладѣніи требовать отмѣны общиннаго землевладѣнія и круговой поруки, какъ это дѣ-

лалъ когда-то Катковъ, послѣдній охарактеризовалъ консервативное направленіе «Вѣсти» въ видѣ хамелеона, который, какъ только уличишь въ немъ одинъ цвѣтъ, тотчасъ-же переходитъ въ другой («М. В.» 1870 г., № 15).

Одна изъ послѣднихъ схватокъ между Катковымъ и «Вѣстью» произошла по поводу извѣстнаго проекта объ усиленіи мѣстной власти въ лицѣ ея губернскихъ и уѣздныхъ органовъ, который разсматривался и безвременно погибъ отъ собственнаго безсилія въ 1870 году. «Вѣсть» по поводу объявленія Катковымъ главныхъ началъ этого проекта упрекала его въ уловкахъ и агитаціи противъ него. Катковъ по этому поводу сожалѣлъ, что встрѣчаются газеты, называющія такими дурными словами предварительное обсужденіе и освѣщеніе закона («М. В.» 1870 г., № 24).

Полемика эта, не лишенная значенія для характеристики времени, принимала разнообразнѣйшіе оттѣнки. «Вѣсть» была связана съ холмскимъ земствомъ Псковской губерніи — издатель ея Скарятинъ былъ тамъ гласнымъ земскаго собранія. Когда холмской управѣ, по поводу происшедшаго въ 1868 году голода, поручено было сдѣлать закупку хлѣба, то, какъ разсказываетъ Катковъ, произошло сначала замедленіе, а потомъ злоупотребленія. Въ Холмскомъ уѣздѣ, кромѣ голода, стала свирѣпствовать эпидемическая болѣзнь, противъ которой уѣзднымъ земствомъ не принимались никакія мѣры. Управа была предана суду — и Катковъ восклицалъ: вотъ они наши консерваторы! («М. В.» 1870 г., № 6).

Въ концѣ мая 1870 года Катковъ объявилъ о кончинѣ «Вѣсти». Она умерла собственною смертью. «Гдѣ наша роза, друзья мои?» — спрашивалъ поэтически Катковъ.

«Эти господа свое дѣло сдѣлали—продолжаетъ онъ; они пощелкали языкомъ на балтійскіе феодальные пиры и пособили интригѣ войти въ силу и спасти корень польскаго вопроса. Теперь они должны уступить мѣсто другимъ. Что прежде дѣлалось черезъ «Вѣсть», то теперь творится подъ личиною «Петербургскихъ Вѣдомостей» («М. В.» 1870 г., №№ 109 и 124).

Столкновеніе Каткова съ виленскою администраціей не обошлось однако безъ послѣдствій для него. Дѣлая въ началѣ 1870 года обзоръ правительственной дѣятельности за истекшіе мѣсяцы, онъ заявилъ, между прочимъ, слѣдующее. «Солидарность всѣхъ дурныхъ партій обнаружилась явственно, и онѣ видимо для всѣхъ слились въ общемъ дѣйствіи, равно направленномъ и противъ Россіи, и противъ нынѣшняго царствованія»... Онъ вспоминаетъ о словахъ Муравьева, что настоящій ржондъ находится не въ Варшавѣ и не въ Вильнѣ, а на берегахъ Невы.

«Зло послѣ того выросло, говоритъ онъ, оно овладѣло полемъ, оно располагаетъ такими средствами обмана, что борьба съ нимъ становится почти невозможна. Все, чѣмъ сильна государственная жизнь, что связуетъ народъ въ одно живое и крѣпкое цѣлое, чѣмъ держитъ паче золота всякое мудрое правительство, поругано и потрясено».

Онъ кончаетъ жалобой, что мировые посредники бѣгутъ изъ сѣверо-западнаго края, что русское дѣло тамъ падаетъ. Въ слѣдующемъ номерѣ эти сѣтованія повторяются.

«Коль скоро въ странѣ остаются открытыми, говоритъ Катковъ, антинаціональные вопросы, то это значитъ, что во всѣхъ отправленіяхъ государственной и общественной жизни присутствуетъ враждебное начало, которое дѣйствуетъ какъ отрава, и оно-то, если зоркимъ глазомъ прослѣдить всѣ его дѣйствія, вноситъ повсюду смуту и разслабленіе». Онъ выражалъ сомнѣніе, чтобы у исполнителей крестьянскаго дѣла въ виленскомъ краѣ хватило энергіи исполнять законъ. «Всѣ извѣстія оттуда свидѣтельствуютъ объ общемъ упадкѣ духа между тамошними русскими людьми» («М. В.» 1870 г., №№ 2 и 3).

Вліянію-ли Потапова или просто тому, что правительству надоѣло выслушивать одинъ и тотъ же скорбный мотивъ, слѣдуетъ приписать послѣдовавшее за эти статьи предостереженіе — неизвѣстно. Предостереженіе, объявленное 8-го января 1870 г. Тимашевымъ издателямъ «Московскихъ Вѣдомостей», основывалось на томъ, что упомянутыя передовыя статьи «изображаютъ многія изъ сторонъ правительственной дѣятельности въ превратномъ видѣ и

тѣмъ способствуютъ распространенію въ обществѣ неосновательныхъ и тревожныхъ опасеній, могущихъ возбудить въ немъ недовѣріе къ правительству».

По произошедшему въ 1866 году прецеденту можно было думать, что Катковъ опять заговоритъ объ отставкѣ. Но на этотъ разъ издатель «Московскихъ Вѣдомостей» поставилъ вопросъ инымъ образомъ. Прежнее предостереженіе было дано противъ сущности нашего направленія — объявилъ онъ; теперешнее противъ слишкомъ мрачнаго оттѣнка, которымъ мы охарактеризовали всю правительственную дѣятельность. «Мы не могли не начать съ того, что господствовало надъ всѣми нашими мыслями и покоряло себѣ всѣ наши соображенія. Но мы упустили изъ виду свойство простой задачи, которая намъ предстояла, и ошибочно поставили подъ одинъ уголъ зрѣнія предметы самые разнородные и явленія, требующія особыхъ основаній для своей оцѣнки. То, что было противовѣсомъ злу недостаточно выступало на свѣтъ и исчезало въ неправильной группировкѣ; и дурное, и хорошее проникалось чувствомъ общей горечи». Онъ такимъ образомъ сознался въ промахѣ и принялъ предостереженіе («М. В.» 1870 г., № 8).

Возвращаясь въ другой разъ къ этому-же вопросу, Катковъ жаловался на то, что въ послѣднее время мѣры строгости направлены были противъ русскихъ органовъ нашей печати. Первый палъ «Русскій Инвалидъ» въ качествѣ политической газеты общаго содержанія; онъ обратился въ спеціально-военную газету. «Москва», издававшаяся Аксаковымъ, дошла до фактической невозможности продолжаться, и, наконецъ, подверглась формальному запрещенію. Роковая очередь дошла до «Московскихъ Вѣдомостей». Онъ заявляетъ: «Мы не желаемъ, чтобы это слово объясненія приняло характеръ раздражительный. Мы не будемъ перечислять тѣ, впрочемъ, весьма памятныя событія, предъ которымъ мы останавливались въ изумленіи и смятеніи»... Но разумѣя то, что имѣло мѣсто въ Вильнѣ,

онъ повторяетъ, что это была неслыханная исторія и что онъ невольно сожалѣетъ, почему онъ не слѣпъ («М. В.» 1870 г., № 20).

Предостереженіе было дано Каткову, но вмѣстѣ съ тѣмъ приняты были мѣры къ тому, чтобы измѣненіе политики правительства въ виленскомъ краѣ не хватало черезъ край. Министерство внутреннихъ дѣлъ разъяснило генералъ-губернатору, что понятіе «дѣйствительнаго владѣнія» крестьянъ, признаннаго неприкосновеннымъ по закону 26-го января 1869 года, слѣдуетъ разумѣть въ смыслѣ именно фактическаго владѣнія («М. В.» 1870 г., № 42).

Потаповъ устроилъ въ Вильнѣ, въ день празднованія освобожденія крестьянъ 19-го февраля, банкетъ для лучшихъ, по указаніямъ губернаторовъ, волостныхъ старшинъ и въ рѣчи, обращенной къ нимъ, рекомендовалъ имъ молиться за здравіе бывшаго генералъ-губернатора Назимова и за упокой Муравьева. «Имъ обоимъ вы много обязаны», прибавилъ онъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, была, повидимому, подготовлена анти-катковская демонстрація, потому что изъ Москвы получена была генералъ-губернаторомъ телеграмма отъ главнѣйшихъ дѣятелей по крестьянской реформѣ съ выраженіемъ сочувствія, подписанная, между прочимъ, Самариными (Юріемъ, Николаемъ, Дмитріемъ) и Аксаковымъ. Со всѣхъ сторонъ повторяли Каткову все тотъ же мотивъ: Theurer Freund, was soll dass nützen, stets das alte Lied zu leiern. Русскіе люди вообще благодушно и охотно отступаются отъ строгостей. Мы готовы простить завтра, что сдѣлали противъ насъ третьяго дня. Черта эта симпатична, но не полезнѣе ли въ государственномъ дѣлѣ та непреклонная энергія, объ отсутствіи которой въ русскомъ народѣ нерѣдко приходится жалѣть.

Катковъ нѣкоторое время все-таки продолжалъ свои вылазки противъ виленской администраціи. Сравнивая результаты крестьянской реформы въ Привислянскомъ краѣ, гдѣ она вводилась съ большою настойчивостью и послѣ-

довательностью, съ тѣмъ, что въ этомъ отношеніи сдѣлано было въ сѣверо-западномъ краѣ, Катковъ приходитъ къ грустному заключенію. Муравьевская политика не была выдержана, многое недодѣлано. Во многихъ предметахъ только противодѣйствіе законодательной власти останавливало мѣстное управленіе въ сокращеніи необходимыхъ для русскихъ крестьянъ льготъ. Послѣдніе потеряли довѣріе къ русскому управленію, польскіе помѣщики прекратили выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ, которыя неоднократно были заявляемы, когда знамя русскихъ интересовъ держалось тамъ на бо̀льшей высотѣ. Водвореніе русскаго землевладѣнія на помѣщичьихъ земляхъ идетъ въ сѣверо-западномъ краѣ гораздо хуже, чѣмъ въ юго-западномъ. Заводятъ рѣчь объ отмѣнѣ процентнаго сбора съ польскихъ земель. Мѣстность эта остается въ опасномъ и двусмысленномъ положеніи («М. В.» 1870 г., № 128).

Вопросъ о введеніи русскаго языка въ католическое богослуженіе служилъ также для Каткова излюбленной темой разсужденій въ періодъ отъ 1866 до 1869 года. (См. напр., «М. В.» 1869 г., № 15, 35, 36, 72, 172, 175, 178, 186, 192, 222). Онъ радовался, что тогдашній попечитель виленскаго учебнаго округа Батюшковъ заботился объ изданіи на русскомъ языкѣ для русскихъ католиковъ необходимыхъ богослужебныхъ книгъ и старался оградить эту мѣру отъ всевозможныхъ нареканій («М. В.» 1869 года, №№ 186 и 222).

Когда, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 25-го декабря 1869 года, былъ допущенъ русскій языкъ въ богослуженіи всѣхъ разномыслящихъ съ православною церковью исповѣданій, Катковъ сталъ требовать самаго поощрительнаго отношенія къ этому закону въ западномъ краѣ со стороны административнаго персонала. По его взглядамъ, вѣротерпимость не имѣетъ ничего общаго съ признаніемъ національнаго или анти-національнаго характера за религіознымъ учрежденіемъ. Поэтому, надлежало, съ его точки

зрѣнія, пользоваться даннымъ законодательною властью разрѣшеніемъ, насколько возможно шире. Администрація въ своихъ циркулярахъ предоставляла, на основаніи строгаго смысла закона, право прихожанамъ просить о введеніи русскаго языка, но, согласно предписанію римско-католической коллегіи, еще съ 1832 года вся дополнительная часть богослуженія, въ которую входятъ молитвы за царствующій домъ, должна была отправляться въ западномъ краѣ по русски. Многіе, говоритъ Катковъ, поняли, поэтому, полную свободу языка (предписанную, напримѣръ, въ циркулярѣ кіевскаго генералъ-губернатора), какъ за шагъ назадъ. Онъ указывалъ также на неудобство рѣшенія этого вопроса большинствомъ паствы. Прежде ксендзы могли по собственной инициативѣ отправлять богуслуженіе по-русски, теперь же они связаны усмотрѣніемъ прихожанъ. Польскій языкъ не былъ прежде, а теперь сталъ, говоритъ онъ, обязанностью для католическаго духовенства, если большинство прихожанъ не выскажется за русскій языкъ. Между тѣмъ, крестьяне боятся подписываться подъ ходатайствами о введеніи русскаго языка. Въ сѣверо-западномъ краѣ администрація ввела такой порядокъ, что полиція предъявляла крестьянамъ утвердительные или отрицательные бюллетени, для отмѣтокъ о языкѣ для церковной службы. Катковъ, не видя въ этомъ прямого поощренія къ переходу на русскій языкъ, не одобрялъ означенной мѣры («М. В.» 1870 года, №№ 41, 44, 54, 102, 110, 127).

Въ 1869 году совершилась перемѣна высшаго руководителя юго-западнымъ краемъ. Бывшій долгое время генералъ-губернаторомъ и пользовавшійся искреннѣйшимъ сочувствіемъ Каткова, Безакъ умеръ и на его мѣсто былъ назначенъ князь Дондуковъ-Корсаковъ. Извѣстный землевладѣлецъ юго-западнаго края Галаганъ написалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» прочувствованный некрологъ Безаку, много и полезно потрудившемуся для развитія тамъ крестьянскаго дѣла. «Московскія Вѣдомости» вполнѣ при-

соединились къ упомянутому отзыву («М. В.», 1869 г., № 14).

Катковъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, какъ пойдетъ охрана русскихъ интересовъ при новомъ генералъ-губернаторѣ. Онъ говорилъ по поводу напечатаннаго въ «Кіевлянинѣ» отчета объ объѣздѣ Дондуковымъ ввѣреннаго ему края, что тамъ, конечно, вслѣдствіе случайности не упомянуто, что генералъ-губернаторъ воспользовался случаемъ, чтобы провозгласить вновь или подтвердить начало русской политики. Все это вопросы важные, но о томъ, какъ смотритъ на нихъ высшій начальникъ края, можно судить только по умозаключенію («М. В.», 1863 г., № 123). Начались, по увѣренію Каткова, происки польской партіи, тонъ полонофильскихъ газетъ пріободрился («М. В.», 1869 г., №№ 125 и 157). Но когда дѣятельность Дондукова получила бо̀льшее развитіе, Катковъ сталъ относиться къ нему хотя и безъ восторженнаго сочувствія, но и безъ укоровъ. Только циркуляръ генералъ-губернатора о русскомъ языкѣ въ католическомъ богослуженіи вызвалъ, какъ мы упомянули, нѣкоторую критику со стороны Каткова («М. В.», 1870 г., №№ 34, 102, 110 и 118).

На этомъ временно замолкъ Катковъ. Въ промежутокъ времени отъ 1871 до 1882 года онъ почти не касался національнаго вопроса на окраинахъ Россіи. Онъ сталъ, должно быть, сознавать, что при существовавшихъ условіяхъ нельзя было вызвать измѣненій въ усвоенной политикѣ. Не такое было время. Все затихло, замерло. А можетъ быть, были и негласныя предписанія. Во всякомъ случаѣ, налицо былъ примѣръ Аксакова, который поплатился закрытіемъ газеты за излишнее упорство въ противодѣйствіи видамъ поборниковъ такъ называемой примирительной политики.

Съ грустью замѣчаетъ въ 1872 году мимоходомъ Катковъ, какъ много проиграли мы послѣ нашей побѣды надъ польскимъ мятежемъ 1863 года. «Зданія воздвигались въ

новомъ блескѣ. А гдѣ же духъ живой, гдѣ вѣра, движущая не камнями, а людьми?» («М. В.», 1872 г., № 177).

Проектированная для Царства Польскаго судебная реформа заставила его выйдти изъ молчанія. Онъ посвятилъ ей нѣсколько статей. Въ одной изъ нихъ онъ возражалъ энергично противъ замѣны мировой юстиціи гминною съ предоставленіемъ послѣдней полной независимости. Но такое предположеніе не получило осуществленія. Гминный судъ былъ подчиненъ въ Привислинскомъ краѣ контролю мировыхъ съѣздовъ («М. В.», 1882 г., №№ 84, 96 и 112). Когда этотъ законъ былъ утвержденъ, Катковъ провозгласилъ, что сдѣланъ послѣдній шагъ къ тому, чтобы особенность Царства Польскаго отъ Россіи выражалась лишь титуломъ царя Польскаго, на подобіе царя Казанскаго и Астраханскаго («М. В.», 1875 г., №№ 102, 110 и 111).

Изрѣдка касался онъ вопроса о землевладѣніи въ западномъ краѣ. Говоря объ этомъ въ концѣ 1874 года, онъ находилъ возможнымъ уже снять съ русскихъ помѣщиковъ запрещеніе отдавать тамъ имѣнія въ аренду полякамъ. Русское землевладѣніе въ краѣ надо поднимать прямыми и широкими мѣрами, а не мелкими уловками, говорилъ онъ. Онъ требовалъ, чтобы при введеніи новыхъ учрежденій, судебныхъ и земскихъ, русскимъ землевладѣльцамъ были предоставлены бо̀льшія права, чѣмъ полякамъ («М. В.», 1874 г., № 284). Но вопросъ этотъ не былъ затронутъ въ законодательномъ отношеніи, такъ какъ землевладѣльцамъ западнаго края не предоставлено до сего времени избирательныхъ правъ.

Когда въ 1876 году сталъ обсуждаться вопросъ о введеніи новыхъ судебныхъ учрежденій въ западномъ краѣ, Катковъ сталъ настаивать объ учрежденіи судебной палаты непремѣнно въ Смоленскѣ, какъ древнемъ русскомъ городѣ. («М. В.», 1876 г., № 107).

Статьи о національной политикѣ возобновились въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ« съ началомъ новаго царство-

ванія. Онѣ, впрочемъ, не особенно многочисленны по польскому вопросу. Главнымъ предметомъ нападокъ Каткова сдѣлался договоръ, заключенный въ 1883 году съ Ватиканомъ относительно устройства католическаго духовенства въ Царствѣ Польскомъ. («М. В.», 1883 г., №№ 171, 154, 216, 105; 1884 г., №№ 116, 235; 1885 г., № 67). Нельзя не замѣтить, что цѣль, которую хотѣло достигнуть наше правительство—возстановленіе добрыхъ отношеній въ римской куріи, оказалась вскорѣ недостигнутой. Дѣло Гриневецкаго опять прекратило эти отношенія.

Упомянемъ, также о двухъ ретроспективныхъ замѣткахъ Каткова. Одна касалась дѣла о Токаревѣ, минскомъ губернаторѣ, обвинявшемся въ разныхъ неправильныхъ дѣйствіяхъ административнаго характера по своему имѣнію, бывшему въ предѣлахъ завѣдуемой имъ губерніи. Катковъ заявилъ, что это дѣло не можетъ служить примѣромъ неправильностей истинно русскаго режима въ западномъ краѣ, такъ какъ Токаревъ былъ назначенъ при Потаповѣ, когда все муравьевское подвергалось гоненію («М. В.», 1881 г., № 362). Другая замѣтка вызвана была злорадствомъ со стороны галицкой «Gazeta Narodowa» по поводу признанія въ опубликованныхъ въ 1882 году («Русск. Стар.», ноябрь) мемуарахъ Муравьева, что польское возстаніе 1863 года вызвало большое смущеніе въ Петербургѣ и что Императоръ уже рѣшился въ то время пожертовать царствомъ Польскимъ, чтобы спасти западный край для Россіи. Катковъ отвѣтилъ указаніемъ на тщетность польскихъ притязаній и надеждъ какъ въ Россіи, такъ и въ польскихъ провинціяхъ Пруссіи («М. В.», 1883 г., № 76).

Катковъ отнесся съ особеннымъ сочувствіемъ къ сдѣланнымъ новымъ варшавскимъ генералъ - губернаторомъ Гурко, при пріемѣ чиновъ учебнаго округа, указаніямъ, заключавшимся главнымъ образомъ въ томъ, что изъ школъ ввѣреннаго ему края должны выходить «русскіе граждане» («М. В.». 1883 г., № 216).

Онъ останавливался на томъ, изъ кого дѣлаются назначенія въ Царство Польское и цитировалъ по этому поводу заявленіе прусскаго министра юстиціи Фридберга, который на запросы познанскихъ депутатовъ удостовѣрилъ давнишнюю традицію прусскаго правительства не назначать въ польскія провинціи дѣятелей, не убѣдившись въ нѣмецкомъ складѣ ихъ воззрѣній («М. В.», 1883 г., № 345). Между тѣмъ, онъ привелъ корреспонденцію изъ Сувалкской губерніи, въ которой выражались жалобы на замѣщеніе судебнаго персонала въ Польшѣ слишкомъ большимъ числомъ лицъ польскаго происхожденія («М. В.», 1883 г., № 296). «Московскія Вѣдомости» указали, между прочимъ, и на то, что стратегическія желѣзныя дороги въ Царствѣ Польскомъ находятся въ рукахъ поляковъ и иныхъ инородцевъ. Но этотъ разъ Катковъ напомнилъ о словахъ еще бо̀льшаго авторитета—князя Бисмарка, который въ прусскомъ ландтагѣ заявилъ, что польскимъ чиновникамъ слѣдуетъ предоставить служить внѣ Польши, если не желать, чтобы полонизмъ продолжалъ развиваться и вести свою подземную войну («М. В.», 1886 г., № 84),

Вопросъ о русскомъ землевладѣніи въ западномъ краѣ возвращается въ статьяхъ Каткова. Онъ помѣщалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» корреспонденціи русскихъ помѣщиковъ, которые жаловались на неудобства тамошнихъ порядковъ («М. В.», 1883 г., № 216, 1884 г., № 91). Польскимъ землевладѣльцамъ легче справляться съ экономическими и бытовыми затрудненіями; между тѣмъ, русскіе помѣщики, испытывая невыгоды изолированнаго положенія, должны переносить и многія стѣсненія, имѣвшія въ виду борьбу съ польщизной. Къ числу такихъ мѣръ упомянутыя корреспонденціи относили вышедшіе уже, когда такой борьбы не было—въ 1882 и 1883 году, законы о вольныхъ людяхъ и чиншевикахъ. Катковъ сдѣлалъ очень странный выводъ изъ опубликованныхъ имъ жалобъ. Онъ сталъ требовать, чтобы мѣры, неудобныя и невыгодныя для

землевладѣльцевъ, были примѣняемы исключительно къ полякамъ, а не къ русскимъ помѣщикамъ («М. В.», 1883 г., № 216.

Довольно часто приходилось Каткову въ послѣдніе годы останавливаться на польскомъ вопросѣ въ пограничныхъ съ Россіей провинціяхъ Пруссіи и Австріи.

Въ первомъ изъ этихъ государствъ національзація въ пользу германскаго племени идетъ твердо и настойчиво, начиная съ 1840 года. Мы уже указали на прусскую систему замѣщенія должностей въ Познани. Кому не памятенъ знаменитый «Kulturkampf», предпринятый княземъ Бисмаркомъ именно противъ польскаго элемента и дѣйствующей въ его духѣ дисциплины католическаго духовенства? Вслѣдствіе потребностей парламентской группировки, Бисмаркъ долженъ былъ сдаться. Но какъ осторожно тамошнее правительство въ назначеніяхъ на епископіи, видно изъ того, что когда римская курія стала проводить для замѣщенія познанской каѳедры принципъ, что оно должно быть сдѣлано изъ среды польскаго дворянства, то Бисмаркъ отвѣчалъ въ Norddeutsche Allgemeine Zeitung: «Теперь уже не можетъ быть сомнѣнія, что въ Ватиканѣ смотрятъ на замѣщеніе познанской каѳедры вовсе не какъ на религіозную и нравственную потребность епархіи, а какъ на дѣло политическое. На каѳедру требуется польскій дворянинъ именно затѣмъ, чтобы польская пропаганда вновь пріобрѣла руководителя». («Моск. Вѣд.», 1875 г., № 67).

Для огражденія Познани отъ польской пропаганды, Бисмаркъ въ 1885 году рѣшился на поразившую всѣхъ своей неожиданностью мѣру: высылку изъ восточныхъ провинцій Пруссіи всѣхъ поляковъ, не состоявшихъ въ прусскомъ подданствѣ. Рейхстагъ отнесся съ порицаніемъ къ этой мѣрѣ, но прусскій ландтагъ одобрилъ политику правительства, принявъ предложенныя имъ мѣры для германизаціи края въ области школьнаго дѣла, администраціи и разви-

тія мелкаго землевладѣнія. При обсужденіи этихъ мѣръ, Бисмаркъ произнесъ $^{16}/_{28}$ января 1886 года обширную рѣчь о польскомъ вопросѣ въ Пруссіи, въ которой нарисовалъ всю его картину за прошедшее время. Рѣчь эта, напечатанная in extenso въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Русскомъ Вѣстникѣ» (см. «Современную Лѣтопись» за январь мѣсяцъ 1886 года, стр. 396—417), можетъ во многихъ отношеніяхъ служить блестящей апологіей политики руссофикаціи западнаго края, которую защищалъ Катковъ во все время своей публицистической дѣятельности. Хотя по присоединеніи Варшавскаго герцогства къ Россіи центръ тяжести польскаго вопроса лежитъ у насъ и хотя Пруссія далеко не испытала тѣхъ потрясеній со стороны поляковъ, которыя выпали на долю нашего отечества, тѣмъ не менѣе Бисмаркъ призналъ своевременнымъ принять рядъ рѣшительныхъ мѣръ, чтобы бороться противъ ополяченія Познани. Онъ, между прочимъ, открыто сказалъ польскимъ депутатамъ, что никто изъ нихъ не въ состояніи дать честнаго слова, что останется дома, еслибы наступила возможность отправиться въ банды.

Далеко въ иномъ видѣ представляется отношеніе правительства къ полякамъ въ австрійской Галиціи. Въ восточной ея части коренное населеніе, какъ извѣстно, принадлежитъ русскому населенію, а польскій элементъ сосредоточивается въ шляхтѣ, какъ у насъ въ западномъ краѣ. Мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ о колебаніяхъ политики австрійскаго правительства по отношенію къ Галиціи [1]); теперь ограничимся указаніемъ, что, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, она стала явно сочувственна полякамъ, въ которыхъ тамъ видятъ противовѣсъ господствующей въ численномъ отношеніи русской народности. Польскій элементъ держитъ тамъ, какъ нигдѣ, высоко голову и, надѣясь на политическую будущность, занимается

[1]) Глава VII.

угнетеніемъ нашихъ соплеменниковъ. Недаромъ Катковъ называлъ Галицію «муравейникомъ польской справы» («М. В.», 1885 г., № 188). Галицкія польскія газеты исполнены всегда ядовитой злобы противъ Россіи. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи не отстаетъ и познанскій Dziennik, (см. примѣры въ «М. В.», 1883 г., № 338). Въ Львовѣ и Краковѣ совершаются торжественныя молебствія и засѣданія съ зажигательными рѣчами въ извѣстныя числа ноября и января, къ которымъ пріурочиваютъ начала возстаній 1831 и 1863 годовъ. Тамъ празднуется также 3 мая, какъ воспоминаніе о конституціи 1791 года (см. описаніе этого торжества въ 1884 году въ Львовѣ въ «М. В.», 1884 г., № 121). Тамъ высказывается, какъ это сдѣлалъ графъ Дзѣдушицкій 17-го августа 1884 года передъ своими избирателями въ Станиславѣ, что поляки никогда не откажутся отъ Ягеллоновой идеи, которая есть очевидно притязаніе на Западную Россію и что Австрія имъ нужна только для осуществленія этой идеи («М. В.», 1884 г., № 243). Тамъ подвергаются порицанію тѣ изъ поляковъ, которые, какъ Матейко, изъявляютъ готовность примириться съ Россіей на основаніяхъ этнографической Польши («М. В.» 1885 г., № 188). Само собою разумѣется, что производится заигрываніе съ галицкой партіей «хохломановъ», стоящей на ложной почвѣ племенной обособленности тамошнихъ русскихъ отъ великоруссовъ («М. В.» 1885 г., № 188). Поляки добиваются въ Галиціи такого же обособленія въ предѣлахъ австрійской монархіи, какъ санкціонированный въ 1867 году дуализмъ Австріи и Венгріи. Они тогда еще явились съ петиціями о предоставленіи имъ такого же положенія, какъ и венграмъ. Но въ этомъ отношеніи они потерпѣли неудачу. Имъ было совершенно резонно отказано на томъ основаніи, что они имѣютъ точно такія же права на политическое обособленіе, какъ и всѣ другія народности австрійской имперіи и если установить, по отношенію къ нимъ, такое отдѣленіе, то пришлось бы

подписать смертный приговоръ монархіи Габсбурговъ, которая разлетѣлась-бы на мелкіе клочки.

Но хотя поляки продолжаютъ въ этомъ направленіи политическую игру, они едва-ли впрочемъ достигнутъ своей цѣли, потому что права ихъ на политическую гегемонію въ Галиціи болѣе чѣмъ сомнительны. Ихъ руководящее положеніе въ этой провинціи основывается не на численномъ перевѣсѣ, а на чисто искусственной почвѣ—на покровительствѣ австрійскаго правительства, которое старается держаться мудраго правила: divide et impera.

Въ заключеніе, упомянемъ объ участіи Каткова въ вопросѣ о мѣрахъ къ противодѣйствію колонизаціи нашей западной пограничной полосы иностранными переселенцами. Толчокъ къ принятію этихъ мѣръ дала высылка княземъ Бисмаркомъ въ 1885 году всѣхъ иностранныхъ поляковъ изъ Познани. Горнорабочіе верхней Силезіи обратились тогда къ германскому канцлеру съ петиціей распространить это распоряженіе и на ихъ мѣстность въ виду конкуренціи, которую они терпятъ отъ русско-польскихъ рабочихъ. Когда «Сѣверо-германская газета» отнеслась къ этой просьбѣ съ сочувствіемъ, Катковъ сталъ указывать en pendant на существованіе вдоль всей нашей западной границы, въ обходъ таможенныхъ пошлинъ, цѣлыхъ иностранныхъ заводовъ, переработывающихъ привозное сырье привозными руками («Моск. Вѣдомости», 1885 г., № 142).

Серьёзная разработка этого вопроса была сдѣлана профессоромъ московскаго университета Янжуломъ («Историческій очеркъ развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ»). Признавъ возникшія на границѣ съ Германіей (преимущественно въ Петроковской губерніи около Сосновца) иностранныя фабрики пока не особенно опасными для русской промышленности, профессоръ указалъ на другую опасность—германизацію. Катковъ поставилъ вопросъ категорически: «Года два тому

назадъ, говорилъ онъ, въ Берлинѣ не поцеремонились съ пришлымъ изъ Россіи элементомъ и выпроводили его къ намъ. Должны-ли мы въ большой мѣрѣ церемониться съ пришлымъ германскимъ элементомъ въ Привислинскомъ краѣ»? («М. В.» 1887 г., № 15).

VI.

Статьи Каткова по другимъ національнымъ вопросамъ.

(1863 — 1887).

А) Финляндскій вопросъ. — Первыя засѣданія гельсингфорскаго сейма въ 1863 году.— Измѣненія русскихъ таможенныхъ правилъ по отношенію къ Финляндіи. — Б) Остзейскій вопросъ. — Начало полемики по остзейскому вопросу.—Рѣчь Вальтера при открытіи лифляндскаго сейма въ 1864 году.—Отвѣтъ Каткова.—Мысль объ объединеніи балтійской окраины.—Вмѣшательство въ полемику иностранной прессы.—Защита Катковымъ издателя латышскаго журнала Вольдемара.—Распоряженіе главнаго управленія по дѣламъ печати о прекращеніи полемики.—Перенесеніе ея въ заграничную печать.—Слова покойнаго Государя при посѣщеніи Риги въ 1866 году.—Подтвержденіе въ 1867 году закона объ употребленіи русскаго языка.—Запросъ объ Остзейскомъ краѣ въ прусскомъ парламентѣ.—Изданіе заграницей книги Самарина.—Предложенія Каткову со стороны прусскихъ властей. — Неудовольствіе остзейцевъ на несогласіе русскаго правительства съ теоріей неприкосновенности остзейскихъ привилегій. — Наступленіе франко-германской войны.—Молчаніе Каткова по остзейскому вопросу отъ 1871 до начала нынѣшнаго царствованія.—Провозглашеніе имъ въ 1886 году конца прибалтійскому вопросу. — В) Статьи по вопросамъ: грузинскому, армянскому и еврейскому.

Не естественно-ли русскому желать, чтобы въ предѣлахъ русскаго государства не было ни эста, ни лива, ни шведа, ни нѣмца и чтобы нѣмецъ въ Россіи, не разучиваясь своему языку и не измѣняя своей вѣры, тѣмъ не менѣе звалъ себя, прежде всего, русскимъ и дорожилъ этимъ званіемъ?

(«М. В.» 1864 г., № 97).

Періодъ 1863—1866 годовъ былъ временемъ возникновенія всякаго рода національныхъ вопросовъ. Многія изъ національностей, входящихъ въ составъ Имперіи, не

преминули напомнить о своемъ существованіи. Въ характерѣ и способѣ возникновенія этихъ вопросовъ до нѣкоторой степени отражались особенности соотвѣтствующихъ народностей. Сдержанно и осторожно, въ видѣ парламентскаго вопроса, всплыли претензіи финляндцевъ, съ кичливою самоувѣренностью въ своемъ духовномъ превосходствѣ заговорили съ нами нѣмцы; какъ-то странно-случайно выглянули на свѣтъ Божій вопросы грузинскій и армянскій; сначала украдкой, а потомъ при разрушительномъ громѣ потрясающихъ безпорядковъ проявился еврейскій вопросъ.

Катковъ писалъ статьи по всѣмъ этимъ вопросамъ, поддерживая и защищая въ нихъ національные интересы Россіи. Только по еврейскому вопросу находилъ онъ возможнымъ держаться болѣе мягкихъ взглядовъ, очевидно потому, что не признавалъ въ еврействѣ національной силы, могущей вредить единству Россіи. По еврейскому вопросу онъ не сходился, какъ извѣстно, съ славянофилами, которые считали еврейство вреднымъ элементомъ въ русской жизни, эксплуатирующимъ и разлагающимъ ее.

А) Статьи по финляндскому вопросу.

Въ то время, когда въ Польшѣ происходило вооруженное столкновеніе, приведшее къ необходимости суровыхъ мѣръ, въ Гельсингфорсѣ былъ созванъ сеймъ. Покойный Государь открылъ его 6-го сентября тронной рѣчью, которую заключилъ напоминаніемъ, что представителямъ Великаго Княжества Финляндскаго предстоитъ достоинствомъ, умѣренностью и спокойствіемъ при сужденіяхъ доказать, что въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать заодно съ Государемъ, съ практическимъ смысломъ для развитія своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не

только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія.

Несмотря на большую осторожность и сдержанность финляндскаго народа, благодаря которой удержалось въ его средѣ существованіе первоначальныхъ представительныхъ установленій, нѣкоторыя вспышки бо̀льшаго, чѣмъ слѣдуетъ, сепаратизма всплыли въ гельсингфорскомъ сеймѣ. Три члена финляндскаго дворянства: вице-адмиралъ фонъ-Шанцъ, капитанъ 1-го ранга Уггла, служившіе въ русскомъ флотѣ, и статскій совѣтникъ Брунъ, состоявшій въ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, заявили по открытіи сейма требованіе, чтобы за ними было признано право рыцарскихъ фамилій на участіе въ засѣданіяхъ среди представителей финляндской аристократіи. Но вслѣдствіе возбужденныхъ сомнѣній въ виду ихъ нахожденія на службѣ русской имперіи, вопросъ этотъ былъ подвергнутъ обсужденію какъ въ особомъ комитетѣ, такъ и въ дворянской палатѣ сейма, и послѣ весьма оживленныхъ преній въ трехъ засѣданіяхъ этой палаты отстроченъ. Но упомянутые трое дворянъ допущены были временно на тогдашнія засѣданія сейма.

Какъ нарочно, въ напечатанную Катковымъ корреспонденцію изъ Гельсингфорса вкралась опечатка, а именно, было сказано, что дворяне эти не были вовсе допущены на сеймъ. Конечно, финляндцы были неправы и въ томъ отношеніи, что сдѣлали изъ допущенія этихъ дворянъ вопросъ, который признанъ былъ ими, вдобавокъ, требующимъ обстоятельнаго обсужденія. Нахожденіе на русской службѣ, какъ честь для каждаго подданнаго имперіи, не можетъ сокращать его политическихъ правъ. Для Каткова присоединилось къ этому еще сугубое впечатлѣніе неправоты финляндцевъ, въ виду ошибочнаго представленія о совершенномъ исключеніи изъ сейма вышеуказанныхъ его членовъ, и онъ написалъ по этому поводу внушительное наставленіе Финляндіи.

«Гельсингфорскіе юристы, заявилъ онъ, перерыли законы своего новорожденнаго государства и открыли, что статуты его запрещаютъ финляндцамъ, жительствующимъ заграницей, т. е. въ Россіи, пользоваться политическими правами въ Финляндіи... Вотъ какъ быстро идутъ дѣла на свѣтѣ! Только-что успѣли мы поздравить Финляндію съ сеймомъ, какъ ея дворяне уже торопятся разсчесться съ Россіей... Вотъ что значитъ сепаратизмъ! Стоитъ только ему дать одинъ палецъ, онъ потребуетъ всей руки, дайте ему руку, онъ обхватитъ все тѣло».

Онъ напомнилъ Финляндіи, что она всѣмъ обязана тому, что вела себя тихо и благоразумно, не пробуждая народнаго чувства въ Россіи; онъ поставилъ на видъ, что Финляндія не несла, вслѣдствіе соединенія съ Россіей, никакихъ государственныхъ тяготъ и только пользовалась даромъ обезпеченіемъ и огражденіемъ своей жизни подъ сѣнью могущественной державы. Ей ли не быть благодарной Россіи? («Моск. Вѣд.» 1863 года, № 209).

Недоразумѣніе было выяснено въ слѣдующемъ номерѣ газеты. Но во всякомъ случаѣ остался прискорбнымъ фактомъ высказанный нѣкоторыми изъ дворянъ-ораторовъ взглядъ, будто Россія есть для Финляндіи чужой край, пребываніе въ которомъ лишаетъ права на участіе въ сеймѣ. Катковъ возвратился къ порицанію такихъ мыслей, вполнѣ противорѣчащихъ манифесту 1808 года императора Александра I, по которому Финляндія соединена была съ Россіей «нераздѣльно, ненарушимо и на вѣчныя времена». Если же Александръ I обѣщалъ Финляндіи сохраненіе привилегій, которыми она пользовалась подъ господствомъ Швеціи, то вѣдь и въ этотъ періодъ Финляндія никогда не считалась отдѣльнымъ государствомъ. Но Катковъ старался, по возможности, ослабить значеніе сдѣланныхъ на финляндскомъ сеймѣ заявленій, отнеся ихъ къ увлеченіямъ, вполнѣ понятнымъ на первыхъ порахъ возобновленія дѣятельности сеймовъ («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 238).

Къ сожалѣнію, этотъ споръ подхватила финляндская печать. Газета «Dagblatet» стала настаивать на мнѣніи, что Финляндія есть отдѣльное государство отъ Россіи. Мы

имѣемъ свое войско, свою администрацію, свой сеймъ, восклицали гельсингфорскіе публицисты, и должны имѣть свой флагъ и свой флотъ; никто изъ русскихъ не смѣетъ переселиться къ намъ безъ разрѣшенія нашего особаго правительства. Отчего же намъ не заключать трактатовъ съ Россіей? Развѣ таможенный законъ не есть уже нѣкоторымъ образомъ трактатъ?

«Что же болѣе? отвѣчалъ на это Катковъ:—чего же недостаетъ Финляндіи, чтобы при столкновеніяхъ Россіи съ другими державами она не объявила намъ войну или, по крайней мѣрѣ, не сохраняла грознаго, вооруженнаго нейтралитета? Но не будемъ слишкомъ винить финляндскихъ патріотовъ за ихъ увлеченіе сепаратизмомъ. Вѣдь вино, которымъ они упиваются, въ такомъ ходу и такъ дешево» («Моск. Вѣдом.» 1863 г., № 258).

Полемика эта, продолжавшаяся еще нѣкоторое время, была заключена сообщеніемъ, напечатаннымъ въ «Journal de St. Pétersbourg» 28-го декабря 1863 года, гдѣ взгляды финляндской журналистики были преданы порицанію, какъ политическая метафизика, высказанная притомъ не только опрометчиво, но даже съ запальчивостью. Лучшее средство отвѣчать на нее, говорилъ «Journal de St. Pétersbourg», состоитъ въ томъ, чтобы передать ее на судъ здраваго смысла финской націи и представить на собственную ея оцѣнку интересы Финляндіи.

Такъ кончился этотъ мимолетный инцидентъ и финляндскій вопросъ опять померкъ, пока ему не суждено было вспыхнуть въ печати уже въ послѣднее время по поводу отмѣны торговыхъ льготъ Финляндіи.

Мѣра эта была обязана своимъ возникновеніемъ охранительной таможенной политикѣ, на которой остановилась Россія въ нынѣшніе царствованіе. Катковъ началъ обсуждать ея необходимость въ связи съ вопросомъ о закавказскомъ транзитѣ.

«Обѣ главныя наши морскія границы, говоритъ онъ, черноморская и балтійская, одинаково способствуютъ подрыву нашего народнаго труда водвореніемъ на русскихъ рынкахъ, такъ сказать, уза-

коненной контрабанды... Эти двѣ раны давно зіяютъ, но съ особенной силой стали они истощать нашъ экономическій организмъ, именно въ послѣднее время, наканунѣ возникновенія у насъ промышленнаго кризиса». («М. В.» 1883 г., № 63).

Онъ указывалъ на неразсчетливый вредъ для Россіи, нанесенный льготнымъ положеніемъ 20 декабря 1858 года о торговлѣ съ Финляндіей.

«Бѣдные смирные сосѣди были облагодѣяны, но при этомъ были забыты тѣ, о комъ у поэта вырвался изъ души скорбный стихъ:

Эта скорбная природа,
Эти бѣдныя селенья,
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа».

(«М. В.» 1883 г., № 70).

Катковъ разбиралъ съ большою тщательностью всѣ аргументы, которые приводились въ защиту неприкосновенности торговыхъ льготъ Финляндіи. Онъ указывалъ на то, что эта провинція живетъ разною съ Россіей политическою и хозяйственною жизнью и поэтому не можетъ требовать свободнаго теченія товаровъ; но если ей необходимъ безпошлинный вывозъ ея произведеній въ Россію, то ничто не мѣшаетъ ей вступить съ Россіей въ такую-же тѣсную экономическую связь, въ какой стояли между собою государства, входившія въ составъ германскаго таможеннаго союза. Онъ выражалъ удивленіе по поводу того, что вопросъ о торговыхъ отношеніяхъ Россіи съ Финляндіей ставится на почву международнаго права; что для отмѣны Высочайшаго повелѣнія 1858 года признаются нужными какіе-то переговоры между русскими и финляндскими властями. («М. В.» 1887 г., № 70).

Финляндскій вопросъ послѣ этого долго не сходилъ со столбцовъ какъ русскихъ, такъ и финляндскихъ газетъ. Историческія справки о происхожденіи дарованныхъ Финляндіи политическихъ и экономическихъ привилегій чередовались съ финансовыми и статистическими исчисленіями. Появилась даже особая брошюра въ защиту интере-

совъ Финляндіи: «la frontière douanière entre la Russie et le Grand Duché de Finlande». Катковъ подробно разобралъ эту брошюру. Финляндскій публицистъ замѣтилъ, въ числѣ разныхъ аргументовъ, что сѣтованія на раззореніе Россіи Финляндіей «напоминаютъ ему лошадь, жалующуюся на тяжесть мухи, которая на нее сѣла».

«Но бываютъ и такія мухи, возражаетъ Катковъ, отъ которыхъ лошади спадаютъ съ тѣла. Это старый припѣвъ, что русскому великану ни почемъ потеря крови, высасываемой приставленными къ нему съ разныхъ сторонъ пьявками». («М. В.» 1883 г., № 79).

Справедливое разрѣшеніе вопроса сообразно интересамъ Россіи пробудило въ спокойныхъ финляндцахъ неумѣстный политическій задоръ. Въ 1885 году проявилась манія воздвигать въ различныхъ мѣстахъ Финляндіи памятники въ честь финскихъ и шведскихъ «героевъ», сражавшихся противъ Россіи. 15 августа отпраздновано было открытіе памятника «пораженію русскихъ при Виршѣ», которое притомъ по историческимъ даннымъ отнюдь не имѣло вида побѣды надъ нашими войсками. Затѣмъ, сооруженъ былъ памятникъ на полѣ какой-то «битвы при Ютасѣ», въ которой, будто-бы, отличился сражавшійся противъ Россіи шведскій генералъ фонъ-Дэбельнъ. Всѣ эти демонстраціи встрѣчены были единодушнымъ негодованіемъ русской патріотической прессы, среди которой голосъ Каткова раздавался съ обычнымъ ему значеніемъ («М. В.» 1885 г., №№ 241, 260, 267).

Финляндцы добились того, что имъ напомнили съ русской стороны, что ихъ конституція не покоится на международномъ правѣ, а является милостью завоевавшаго Финляндію русскаго Императора и что самый созывъ сеймовъ служитъ лишь проявленіемъ къ нимъ благости Государей: покойнаго и нынѣ царствующаго, предшественники которыхъ не считали нужнымъ устраивать сеймы въ теченіи болѣе полувѣка—съ 1809 по 1863 годъ.

Б) Статьи по прибалтійсксму вопросу.

Весьма продолжительную газетную полемику вызвалъ въ шестидесятыхъ годахъ остзейскій вопросъ. Послѣ закрытія финляндскаго сейма открылся въ 1864 году лифляндскій сеймъ, который, не имѣя характера законодательнаго учрежденія, какъ первый, составляетъ однако нѣчто болѣе, чѣмъ сословное собраніе, такъ какъ въ немъ, кромѣ дворянъ и землевладѣльцевъ, представлены въ нѣкоторой степени города, особенно Рига, какъ главный городъ края. Характерно выразились стремленія и взгляды остзейскихъ нѣмцевъ въ рѣчи, сказанной епископомъ докторомъ Вальтеромъ, лифляндскимъ генералъ-суперинтендентомъ, при открытіи сейма 9-го марта на текстъ Евангелія: «инъ есть сѣяй, а инъ есть жняй». Рѣчь эта интересна по своей откровенности и вполнѣ заслуживаетъ быть упомянутой въ настоящее время, когда правительство рѣшается серьезно приняться за обрусеніе Прибалтійской окраины. Тогда — въ эпоху шестидесятыхъ годовъ — говорили непринужденнѣе, чѣмъ теперь, и рѣзкія стремленія сепаратизма не боялись разцвѣчиваться яркими красками. Вотъ что сказалъ епископъ, обращаясь къ лифляндскимъ рыцарямъ и землевладѣльцамъ: права и преимущества, которыми вы теперь пользуетесь, творя судъ въ своемъ краѣ, выбирая изъ своей среды органовъ юстиціи и администраціи, облагая податьми земство на содержаніе школъ и церквей, и вообще представляя собою страну,— «какъ внутри, такъ и внѣ» (!), составляютъ наслѣдіе, завѣщанное вамъ предками, плодъ труда другихъ людей. Въ этомъ отношеніи вы собираете жатву. Но надо быть сѣятелями, чтобы приготовить еще лучшую жатву для потомства. Въ чемъ должны заключаться сѣмена современныхъ поколѣній? Въ поддержаніи и развитіи германизма.

«Если мы нынѣ не можемъ сказать, что все лифляндское земство есть нѣмецкое, то въ этомъ главнымъ образомъ виноваты мы сами, потому что мы, повинуясь смутному чувству какого-то сожалѣнія къ остаткамъ исчезающихъ изъ исторіи племенъ, старались поддерживать ихъ національность. Если еще возможно, то да даруетъ намъ Богъ достаточную силу любви къ нимъ (?!), чтобы посредствомъ школъ достигнуть упущенное».

Докторъ Вальтеръ убѣждалъ своихъ слушателей укрѣплять и поддерживать въ себѣ нѣмецкую народность постоянными сношеніями съ германской народностью въ ея отечествѣ, Германіи, и сближеніемъ между различными слоями нѣмецкихъ элементовъ въ самой Лифляндіи.

«Такимъ образомъ, продолжалъ нѣмецкій проповѣдникъ, укрѣпляясь въ своей народности, можете вы съ отрадой помышлять о вашихъ потомкахъ, которые войдутъ въ трудъ вашъ, и можете заранѣе радоваться, что они въ свое время съ благодарностью къ вамъ будутъ радоваться своимъ нѣмецкимъ языкомъ, нѣмецкимъ образованіемъ, нѣмецкимъ обычаемъ, нѣмецкою вѣрностью, и, если Богу будетъ угодно, своею вполнѣ нѣмецкою родиною».

Такія рѣчи не требуютъ комментаріевъ, но ихъ не надо забывать русскимъ людямъ, въ особенности въ виду усиливающагося стремленія германской народности къ распространенію, и притомъ не только въ области духовныхъ благъ, но и въ сферѣ территоріальныхъ владѣній и господства надъ другими народностями.

Катковъ не преминулъ воспользоваться національной теоріей почтеннаго епископа, какъ орудіемъ противъ онѣмеченія Остзейскаго края. Мы сами признаемъ ея силу, замѣтилъ Катковъ, вполнѣ подчиняемся ей и хотимъ примѣнять ее къ себѣ.

«И русскіе люди пожинаютъ посѣянное пòтомъ и кровью своихъ предковъ; и русскіе люди всѣмъ, что въ нихъ есть, и всѣмъ, что они имѣютъ, обязаны труду своихъ предковъ. Русскіе люди также получили наслѣдіе и должны исполнить правило, по которому тотъ, кто наслѣдуетъ имѣніе отца своего, долженъ уплатить и оставленные имъ долги. Этотъ долгъ состоитъ въ томъ, чтобы доставить на русской территоріи торжество русской народности надъ другими національными элементами — торжество внутреннее, слѣдующее за внѣшнимъ положеніемъ. Не естественно ли русскому желать, чтобы

въ предѣлахъ русскаго государства не было ни эста, ни лива, ни шведа, ни нѣмца, и чтобы нѣмецъ въ Россіи, не разучиваясь своему языку (которому мы и сами учимся) и не измѣняя своей вѣрѣ, тѣмъ не менѣе звалъ себя, прежде всего, русскимъ и дорожилъ этимъ званіемъ» («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 97).

«Естественно всякому подданному русскаго государства, всякому гражданину русской земли, говоритъ Катковъ въ другой статьѣ, считать Россію своимъ отечествомъ. Только цыгане не имѣютъ отечества, но и тѣ, становясь осѣдлыми, начинаютъ его чувствовать. Лифляндія не есть часть Германіи, она есть часть Россіи. Жители этой губерніи, какого бы ни было происхожденія, не могутъ считать Германію своимъ отечествомъ... Зачѣмъ вдругъ понадобилось германизовать народонаселеніе Лифляндіи? Епископъ Вальтеръ отправляется отъ той мысли, что эсты, ливы и латыши суть племена, лишенныя культуры и историческаго значенія. Мы готовы согласиться съ этимъ, мы понимаемъ, что эсту или латышу, получившему образованіе, неловко оставаться эстомъ или латышемъ, что племя, къ которому онъ принадлежитъ, не имѣетъ ни исторіи, ни литературы, ни аристократіи, ни либеральныхъ профессій, что оно никогда не имѣло ни общественной организаціи, ни политической самостоятельности, что племенное чувство этихъ людей служитъ символомъ темной доли, грубаго быта и подчиненнаго положенія, что оно часто исчезаетъ безслѣдно съ перемѣной общественнаго положенія, съ умственнымъ развитіемъ и образованіемъ. Но если школа и образованіе должны выводить этихъ людей изъ тѣсной доли скудно-племеннаго существованія и пріобщать ихъ къ какой либо великой исторической народности, то всего естественнѣе эстамъ, чтобы они пріобщались къ народности русской. Мы не хотимъ вступать въ споръ объ относительныхъ достоинствахъ нѣмецкой и русской народности; мы безспорно соглашаемся, что культура нѣмецкая несравненно богаче русской и что нѣмецкій языкъ открываетъ для ума гораздо болѣе широкіе горизонты, чѣмъ русскій. Мы знаемъ также, что есть люди, которые и о русской народности имѣютъ мнѣніе не болѣе выгодное, чѣмъ о народности латышей и эстовъ, и которые были-бы готовы, по долгу гуманности, германизировать и насъ, еслибъ это было возможно. Но намъ позволительно имѣть объ этомъ предметѣ иное мнѣніе, намъ позволительно думать, что русская народность имѣетъ свои великія судьбы, имѣетъ свое всемірное назначеніе; намъ позволительно имѣть вѣру въ свою народность, крѣпко охранять ея интересы и не бросать позорно того, что стяжали наши предки. Мы думаемъ, что это не только позволительно, но что въ этомъ главный долгъ нашъ». «Suum cuique, восклицаетъ Катковъ; у высшихъ классовъ политическое значеніе, богатство, образованіе, но источникъ народности у низшихъ, у простого народа. Народность идетъ отъ корней, а корни не на вершинахъ, корни въ глубинѣ. Лифляндія, равно какъ и весь балтійскій край, не можетъ назваться

краемъ нѣмецкимъ, потому-что все нѣмецкое заключается тамъ въ рыцарствѣ и въ городскихъ сословіяхъ». («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 106).

Катковъ допускалъ, впрочемъ, чтобы преподаваніе въ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ: гимназіяхъ и университетѣ, производилось на нѣмецкомъ языкѣ, но онъ требовалъ, чтобы русскій языкъ былъ въ нихъ однимъ изъ обязательныхъ предметовъ ученія и чтобы низшія училища для народа были латышскія и финскія.

«Мы оставляемъ же за финнами ихъ языкъ и политическую самостоятельность; за что-же мы будемъ отказывать въ финской грамотности финнамъ въ Лифляндіи?.. А между тѣмъ, отъ насъ ожидаютъ, что мы лифляндскихъ инородцевъ, обратившихся въ православіе и не умѣющихъ по-нѣмецки, германизировали посредствомъ православной литургіи, переведенной на нѣмецкій языкъ. Православная литургія—орудіе германизаціи!.. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, даемъ мы поводъ думать со стороны, что эта эпоха, въ которую мы живемъ, есть начало не возрожденія, а упадка, не жизни, а смерти—commencement de la fin!» («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 109).

Отзываясь съ уваженіемъ о нѣмецкой культурѣ, Катковъ напоминалъ, что преимущества, которыми славится нѣмецкій языкъ, пріобрѣтены имъ не въ какія-либо незапамятныя времена, а на глазахъ поколѣній, весьма недавно сошедшихъ съ земнаго поприща.

«На какомъ языкѣ писалъ Лейбницъ? спрашивалъ Катковъ. Какъ Фридрихъ Великій отзывался о нѣмецкомъ языкѣ? Давно-ли нѣмецкіе люди стыдились своего языка и не находили возможнымъ употреблять его въ порядочномъ обществѣ? Давно-ли жили Шиллеръ и Гёте? Да, богатство литературы и цивилизаціи есть дѣло наживное, и при благопріятныхъ условіяхъ, которыхъ мы ожидаемъ, русскому языку, черезъ нѣсколько десятилѣтій, можетъ быть не въ чемъ будетъ позавидовать нѣмецкому». («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 125).

По отношенію къ литературѣ это предсказаніе въ значительной степени сбылось; въ произведеніяхъ нашихъ художниковъ французская литература, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, отыскала живой родникъ истиннаго и глубокаго творчества, могущій послужить для исцѣленія отъ прозаическаго измельчанія ея романистовъ.

Правительство не потерпѣло гласнаго распространенія

мыслей объ отторженіи отъ Россіи прибалтійскихъ провинцій — епископъ Вальтеръ долженъ былъ выйдти въ отставку.

Почти одновременно былъ возбужденъ въ мѣстной печати вопросъ о соединеніи трехъ прибалтійскихъ губерній. Въ «Dorpater Tagesblatt» 15-го мая 1864 года было заявлено, что «совокупное представительство городовъ и земствъ, Stadt und Land, могло-бы имѣть мѣсто, съ одной стороны, въ уѣздныхъ съѣздахъ, съ другой стороны—въ общемъ сеймѣ трехъ провинцій». Нѣмецкія газеты Прибалтійскаго края очень тонко и искусно ставили на видъ горожанамъ, что средствомъ къ установленію ихъ участія въ земскомъ дѣлѣ могутъ послужить лишь домогательства къ учрежденію коллективнаго представительства всей мѣстности, которое повлекло-бы за собою необходимость пересмотра дѣйствующихъ законоположеній, основанныхъ на исключительныхъ привилегіяхъ дворянства.

Взглядъ о необходимости объединенія трехъ прибалтійскихъ губерній высказалъ впервые нѣкто Ф. въ статьѣ: «Крестьянскія отношенія въ Лифляндіи, съ точки зрѣнія современной Россіи», напечатанной въ 1862 году въ Лейпцигѣ; въ этомъ Ф. не трудно признать того-же патріота съ сепаратическими тенденціями, писавшаго подъ псевдонимомъ Шедо-Ферроти.

Разумѣется, Катковъ возсталъ противъ этихъ начинаній. Онъ предвидѣлъ опасность, которая можетъ произойдти отъ соединенія частей Прибалтійскаго края въ одно солидарное цѣлое, которое очевидно будетъ тяготѣть не къ Россіи, а къ Германіи, и служить въ нашемъ отечествѣ аванпостомъ сосѣдняго государства («Моск. Вѣд.» 1869 г., №№ 250 и 254).

При обсужденіи въ 1865 году проекта городского устройства въ Ригѣ, Катковъ требуетъ равноправности русскаго языка съ нѣмецкимъ; объ исключительномъ господствѣ перваго въ то время никто еще не думалъ.

(«Моск. Вѣд.» 1865 г., №№ 5, 10, 23, 26, 151, 209, 234, 238, 249). Онъ требовалъ присоединенія Нарвы къ Петербургской губерніи (1865 г., № 34) и старался оказать содѣйствіе дѣлу постройки православныхъ церквей въ Прибалтійскомъ краѣ, возбужденному воззваніемъ архіепископа Платона (1865 г., № 38).

Нѣмецкая печать остзейскихъ провинцій живо подхватывала всѣ предметы, затрогиваемые Катковымъ, и полемика его съ «Rigasche Zeitung» и другими органами тянулась непрерывно.

«Если вы разбираете, говоритъ Катковъ, любой вопросъ, касающійся Петербурга, Москвы, Одессы — вы въ своемъ правѣ, вы исполняете свою обязанность. Но попробуйте коснуться Риги или Вендена, — ваши слова сейчасъ же назовутъ полемикой и будутъ этимъ косвенно намекать на то, что вы руководитесь не чувствомъ долга, для васъ обязательнаго, а пристрастіемъ или раздраженіемъ и вообще такими побужденіями, которыя было бы лучше сдерживать, нежели давать имъ волю» («Моск. Вѣд.», 1865 г., № 112).

На Каткова мѣстная печать дѣйствительно взводила обвиненіе въ томъ, что онъ возбуждаетъ Россію противъ остзейцевъ. Feindseligkeit, Anfeindungen — вотъ слова, которыя раздавались въ тамошнихъ газетахъ («Моск. Вѣд.» 1865 г., №№ 115 и 230). Споръ, по обыкновенію, перешелъ въ заграничную печать. «Katkoff und die deutschfresserische Mode» — такъ озаглавлена была одна изъ петербургскихъ корреспонденцій въ прусскую «Kreuz Zeitung». Ученіе о томъ, что въ Россіи должна существовать одна только русская національность, объявляется въ этой газетѣ достойнымъ гунновъ («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 275). «Allgemeine Zeitung» доходила до того, что называла прямо прибалтійскія губерніи нѣмецкой землей («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 25).

Катковъ принялъ, затѣмъ, горячее участіе въ оправданіи отъ несправедливыхъ нареканій нѣкоего Вольдемара, предпринявшаго въ 1863 году, вмѣстѣ съ другими образованными латышами: Аллунаномъ, Бесбардисомъ и Дюнс-

бергомъ, изданіе латышскаго журнала: «Peterburgas Awises». Цѣлью изданія этого журнала было сближеніе латышей съ русскимъ народомъ и цѣль эта оказалась настолько симпатична латышамъ, что журналъ пріобрѣлъ извѣстность въ краѣ. Противъ нея поднялись, конечно, нѣмцы. Во-первыхъ, они подчинили его своему надзору. Хотя журналъ издавался въ Петербургѣ, но онъ только первые три мѣсяца своего существованія находился подъ петербургской цензурой. Нѣмцы настояли на томъ, что журналъ долженъ былъ ходить въ корректурахъ въ Ригу и получать разрѣшеніе тамошнихъ властей на появленіе въ свѣтъ. Затѣмъ, они подвергли въ 1865 году органъ этотъ административной карѣ, именно: запрещенію на шесть мѣсяцевъ за то великое прегрѣшеніе, что въ особомъ сатирическомъ прибавленіи къ нему было помѣщено нѣсколько каррикатуръ на мѣстное дворянство и мѣстное лютеранское духовенство. Были еще обвиненія во вредномъ направленіи журнала, проповѣдывавшаго, будто бы, по увѣреніямъ нѣмцевъ, соціальную революцію, но обвиненія эти могутъ служить развѣ доказательствомъ крайней беззастѣнчивости веденной противъ Вольдемара интриги. Мѣстныя власти старались, насколько могли, интимидировать его сотрудниковъ. Когда-же Вольдемаръ принялся, по истеченіи срока запрещенія, вторично за изданіе своего органа, ему было вновь отказано въ возвращеніи его подъ петербургскую цензуру. Изданіе это должно было поневолѣ прекратиться. Мало того: чтобы уронить значеніе Вольдемара въ глазахъ его соплеменниковъ, была пущена въ ходъ еще нижеслѣдующая стратагема. Вольдемаръ приглашалъ черезъ агентовъ нѣкоторыхъ крестьянъ-латышей переселяться къ нему въ имѣніе въ Новгородской губерніи. Наплывъ желающихъ оказался настолько значительнымъ, что земли въ имѣніи не хватило, и крестьянамъ пришлось вернуться восвояси послѣ нѣкоторыхъ даромъ сдѣланныхъ затратъ. Между прочимъ, оказалось, что Вольдемаръ хо-

тѣлъ предупредить этотъ чрезмѣрный наплывъ надлежащимъ предостереженіемъ, но въ его газетѣ таковое не было пропущено цензурой. Противъ Вольдемара было даже возбуждено по этому поводу преслѣдованіе въ судебномъ порядкѣ. Вотъ характерный образчикъ того, какъ умѣли расправляться остзейцы въ дни своего всемогущества съ тенденціями, нежелательными для ихъ національнаго дѣла («М. В.» 1865 г., №№ 226, 236 и 246).

Въ защитѣ русскаго начала въ Остзейскомъ краѣ принималъ страстное участіе и Аксаковъ. Въ нумерахъ 47 и 48 «Дня» за 1865 г. онъ, жалуясь на бездѣйствіе русской власти въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, обвинялъ правительство въ томъ, что оно учреждаетъ комиссіи, долженствующія разрабатывать вопросъ объ устройствѣ быта тамошнихъ крестьянъ, только для виду. Нельзя не замѣтить мимоходомъ, что, какъ нарочно, дѣло, вызвавшее это замѣчаніе, до сихъ поръ еще не получило разрѣшенія. Вопросъ объ общественномъ, полицейскомъ и судебномъ устройствѣ крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ ожидаетъ еще законодательнаго разсмотрѣнія.

Въ виду страшно обострившейся полемики между русскими національными и нѣмецкими газетами, главное управленіе по дѣламъ печати признало нужнымъ, 14-го декабря 1865 года, обратить особое вниманіе мѣстной въ Остзейскихъ губерніяхъ цензуры на то, чтобы въ тамошнюю печать не было пропускаемо ничего, что могло бы служить, хотя косвенно, къ подкрѣпленію и поддержанію предубѣжденій на счетъ обнаружившихся будто-бы въ Прибалтійскомъ краѣ попытокъ къ его германизаціи и насчетъ мнимаго отрицанія его неразрывной связи съ Россіей. Циркуляръ этотъ, ссылаясь на упомянутое сообщеніе Аксакова, непріятное для генералъ-губернатора Прибалтійскаго края, находилъ въ то же время неудобною форму, въ которую облекались русскою печатью возраженія противъ означенной государственной ереси, но при-

знавалъ заслуживающими уваженія тѣ убѣжденія, на которыхъ основывались русскіе патріотическіе органы.

Это распоряженіе не вполнѣ смирило, однако, остзейскихъ нѣмцевъ.

«Какъ бы высоко ни поднималъ «День» — продолжала писать «Рижская Газета», — знамя своей національности, мы, нѣмцы прибалтійскихъ губерній, полагаемъ, что намъ нѣтъ надобности смиренно опускать свое знамя». «Чтобы возвышать голову надъ другими національностями въ Россіи, русскому народу надлежало-бы напередъ совершить великія дѣла на указанномъ ему пути, а этого до сихъ поръ еще не случилось» (См. «Моск. Вѣд.» 1865 г., № 284).

Русскій народъ, отвѣчалъ на это Катковъ, потому такъ отсталъ въ образованіи сравнительно съ нѣмцами, что онъ до сихъ поръ былъ больше средствомъ, нежели цѣлью. Силы его шли на созиданіе того великаго государственнаго зданія, въ которомъ и Прибалтійскія губерніи нашли себѣ мѣсто.

Но остзейскія газеты перестали, по крайней мѣрѣ, входить въ частные споры по жгучимъ вопросамъ съ русскими газетами, такъ-что полемика, которая такъ горячо поддерживалась съ обѣихъ сторонъ, стала постепенно прекращаться. Катковъ окончилъ ее нападеніемъ уже не противъ мѣстныхъ газетъ, а противъ рижскаго цензора, который въ напечатанномъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ представленіи доказывалъ, что въ произошедшемъ конфликтѣ вина лежала, главнымъ образомъ, на сторонѣ органовъ русской печати («Моск. Вѣд.», №№ 55 и 64).

Прекратившись на почвѣ издаваемыхъ въ Россіи газетъ, полемика была однако перенесена въ заграничную печать. Тамъ стали появляться брошюры и книги по остзейскому вопросу и безчисленныя корреспонденціи. Успѣхъ Германіи сталъ возбуждать и поддерживать антинаціональныя стремленія остзейцевъ; громы прусскихъ пушекъ подъ Кёниггрецомъ и Садовой во время войны 1866 года пробудили пылъ ливонскихъ бароновъ. Истые западные нѣмцы стали въ свою очередь бросать мечтательные взгляды на

прибрежье Балтійскаго моря. Въ этомъ духѣ была, напримѣръ, написана статья: «Der Werth der Ostseeprovinzen an sich fuer Russland und fuer Preussen». Нѣкто пруссакъ Каттнеръ въ статьяхъ: «Призваніе Пруссіи на Востокѣ» опредѣлялъ это призваніе отнятіемъ у Россіи Царства Польскаго, Ковенской губерніи и трехъ Прибалтійскихъ провинцій до Нарвы; Петербургскую губернію онъ великодушно оставлялъ еще за Россіей. Онъ говорилъ: Боже избави только, чтобы Россія не вздумала сама произвести въ Прибалтійскомъ краѣ надлежащія реформы. («М. В.» 1870 г., № 7).

Новое направленіе остзейскаго вопроса должно было бы начаться послѣ словъ, произнесенныхъ покойнымъ Государемъ при пріемѣ депутацій въ Ригѣ, куда Императоръ заѣхалъ лѣтомъ 1867 года на возвратномъ пути изъ Парижа, гдѣ, какъ извѣстно, произошло покушеніе Березовскаго. Государь, выразивъ увѣренность въ преданности остзейцевъ, заявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе, чтобы они не забывали, что принадлежатъ «къ единой русской семьѣ» и составляютъ «нераздѣльную часть Имперіи». Но для осуществленія этой цѣли ничего серьёзнаго не было сдѣлано, такъ что прибалтійскій вопросъ продолжалъ вяло тянуться, безплодно волнуя страсти...

Катковъ съ восторгомъ привѣтствовалъ слова Государя. Онъ призналъ ихъ такими, которыя полагаютъ эпоху въ жизни народовъ. Понятіе о нѣмцѣ, говорилъ онъ по этому поводу, особенно въ настоящее время, не есть только этнографическій терминъ, но и политическій, а потому русскому подданному, стало быть, просто русскому нельзя быть еще нѣмцемъ, какъ нельзя быть французомъ или англичаниномъ («М. В.» 1867 г., № 143). Онъ указывалъ, что это начало должно получить выраженіе въ единствѣ законодательства относительно мѣстнаго управленія («М. В.» 1867 г., № 115); что необходимо поспѣшить устраненіемъ нѣмецкаго языка, какъ органа государственныхъ учреж-

деній, сохраняющагося вопреки закону 1850 года («Моск. Вѣдом.» 1867 г., № 170). Онъ жаловался, что учебныя заведенія стали фабрикой германизаціи; между тѣмъ, правительство тратитъ на учебное дѣло, напримѣръ, въ Вятской губерніи не болѣе $1^3/_4$ коп. на душу, а въ Прибалтійскихъ губерніяхъ на 150,000 нѣмцевъ 135,000 р., а съ дерптскимъ университетомъ около 490,000, т. е. около 3 рублей на душу, а въ училищахъ царитъ нѣмецкій языкъ, русскій-же считается мертвымъ языкомъ. Онъ замѣчалъ, что исполнить руссофикацію края въ настоящее время гораздо труднѣе, чѣмъ десять лѣть назадъ, что тогда пришлось-бы имѣть дѣло только съ 150,000 нѣмцевъ, а теперь къ нимъ слѣдуетъ присоединить еще 100,000 онѣмеченныхъ эстовъ и латышей, изъ которыхъ $^1/_3$ дѣйствительно присоединялось къ нѣмцамъ, а $^2/_3$ находятся въ недоумѣніи, въ какой сторонѣ имъ пристать («М. В.» 1867 г., № 181).

Нѣмецкія газеты заграницей стали также принимать участіе въ борьбѣ. «Московскія Вѣдомости» изображались главнымъ источникомъ бѣдствій, которыя обрушивались на Прибалтійскій край. Противъ Каткова выдвигалась инсинуація, будто онъ подалъ записку, въ которой предложилъ возстановить древній славянскій міръ. Для этого, какъ говорилось, надо Россіи провозгласить его возстановленіе во главѣ своей арміи. Но чтобы славяне послушались, необходимо, прежде того, подвергнуть обрусенію остзейскія и финляндскія провинціи, точно также, какъ Польшу и Литву. Всѣ эти выдумки цитировались въ ковычкахъ, какъ бы выписанныя изъ подлинника. Катковъ отвѣчалъ, что не онъ возбудилъ прибалтійскій вопросъ, а сила обстоятельствъ: возвышеніе Германіи, которой суждено быть преимущественно силой политической и совпавшее съ этимъ фактомъ усиленіе германизаціи въ остзейскомъ краѣ со стороны тамошнихъ нѣмцевъ. Послѣдніе, имѣя въ виду покинуть сословныя начала своего управленія, стремятся къ

тому, чтобы введеніе новыхъ учрежденій вмѣсто прежнихъ послѣдовало въ смыслѣ германскихъ, а не русскихъ интересовъ въ краѣ. Нѣмецкія газеты остзейскаго края стали жаловаться, что полемика по этому предмету становится для нихъ невозможною по независящимъ отъ нихъ причинамъ. Катковъ замѣчалъ, что газеты эти страннымъ образомъ пользуются цензурой: то покрываются ею, то выставляютъ ее, какъ доказательство страшной нетерпимости русскаго правительства. Между тѣмъ, наша центральная власть въ краѣ не имѣетъ даже своего органа печати («М. В.» 1867 г., №№ 208, 220, 225, 232).

Вторая половина 1867 года ознаменовалась двумя крупными событіями по прибалтійскому вопросу. Во-первыхъ, 1 іюля состоялось Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ о подтвержденіи дѣйствія закона 1850 года о распространеніи должностного употребленія русскаго языка въ краѣ. Что сдѣлалось изъ сего подтвержденія, какъ оно исполнялось—извѣстно всѣмъ, кто интересуется остзейскимъ вопросомъ.

Другимъ интереснымъ фактомъ былъ запросъ, сдѣланный въ прусской палатѣ депутатомъ Лёве объ угнетеніи германскаго элемента въ прибалтійскихъ областяхъ. Лёве, человѣкъ съ воинственной фамиліей, видѣлъ въ мѣрахъ русскаго правительства такое-же основаніе къ вмѣшательству въ его распоряженія, какое даютъ европейскимъ державамъ жестокости турокъ надъ христіанами въ оттоманской имперіи. Бисмаркъ легко справился съ этимъ страннымъ заявленіемъ. Онъ обратилъ вниманіе оратора на то, что его нѣмецкій патріотизмъ находитъ противъ себя столь-же сильный русскій патріотизмъ. Онъ далъ ему совѣтъ почитать въ этомъ отношеніи московскія газеты. Онъ выразилъ, наконецъ, опасеніе, какъ-бы подобныя заявленія не оказали вреда тѣмъ, въ пользу которыхъ они дѣлаются. Катковъ замѣчалъ по этому поводу, что московскія газеты не совсѣмъ то говорятъ, чего требовалъ Лёве. По-

слѣдній настаивалъ на вмѣшательствѣ въ дѣла Россіи, русскія-же газеты не давали до сихъ поръ правительству совѣта вторгаться въ дѣла Пруссіи. Что же касается того, что заявленіе Лёве можетъ повредить остзейцамъ, то Катковъ отвергалъ это—вѣдь то, что онъ говорилъ, пишется безъ обиняковъ въ мѣстныхъ нѣмецкихъ газетахъ («М. В.» 1867 г., № 265).

Въ 1868 году «Крестовая газета» стала угрожать руссоманамъ тевтобургскимъ лѣсомъ, но угроза сія была весьма иносказательная, ибо газета утверждала, что людямъ этимъ задастъ Тевтобургъ самъ русскій царь; Allegemeine Zeitung доводила свою притязательность за послѣднія границы здраваго смысла, утверждая, что Германія имѣетъ болѣе правъ на остзейскія провинціи, чѣмъ даже на Эльзасъ, ибо жители послѣдняго тяготѣютъ къ Франціи, тогда какъ нѣмцы упомянутыхъ провинцій рвутся къ Германіи («М. Вѣд.» 1868 г., № 139).

Катковъ съ грустью спрашивалъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1868 года: что же сдѣлано для водворенія, согласно закону 1-го іюля прошлаго года, русскаго языка въ краѣ? Пока, ничего; все царятъ на практикѣ нѣмецкій языкъ и феодальныя права, которымъ могутъ быть признаны равными развѣ дикія цеховыя учрежденія средневѣкового періода германской жизни въ родѣ швейнфуртскаго, рацебургскаго, каценэлленбогенскаго. («М. В.» 1868 г., № 149). Вскорѣ у Каткова явился по части руссофикаціи остзейскихъ провинцій даровитый союзникъ. Вышелъ талантливый и въ высшей степени добросовѣстный трудъ Ю. Самарина, составлявшій 1-й томъ его окраинъ Россіи: Балтійское поморье. «Лай нѣмецкой печати отрекомендовалъ его уже вниманію русскихъ читателей», замѣчалъ Катковъ. Самаринъ задался цѣлью выяснить, что сдѣлано русскимъ правительствомъ для устраненія исключительнаго положенія, въ которомъ находится прибалтійскій край? Онъ доказалъ неопровержимыми фактами, что, благодаря успокоительнымъ

завѣреніямъ отъ главнаго управленія этого края, благодаря его совершенному бездѣйствію, благодаря стачкѣ мѣстныхъ властей, оказались мертвой буквой всѣ предположенія, распоряженія и мѣры правительства къ утвержденію здѣсь государственнаго единства Россіи. Катковъ поспѣшилъ подѣлиться съ читателями какъ этимъ выводомъ, такъ и нѣкоторыми фактами изъ книги Самарина. («М. В.» 1868 г., №№ 191 и 193). Книга эта была напечатана заграницей и даже не была въ то время дозволена къ продажѣ въ Россіи — и о мнѣніяхъ ея автора, замѣчалъ впослѣдствіи Катковъ, русскіе люди могли узнавать только изъ цитатъ въ сочиненіяхъ его противниковъ.

У остзейскихъ нѣмцевъ оказались, съ своей стороны, литературные застрѣльщики. Главными изъ нихъ были фонъ-Боккъ, издававшій въ Берлинѣ «Livlaendische Beitraege», и еще нѣкіе фонъ-Сиверсъ и Эккардтъ. Боккъ, бывшій президентъ лифляндскаго гофгерихта и русской службы статскій совѣтникъ, такъ расписался, что даже дворяне балтійскихъ губерній признали нужнымъ протестовать противъ приписываемой имъ солидарности съ его направленіемъ, хотя нельзя не замѣтить, что и Боккъ во главѣ всѣхъ нареканій противъ Россіи и ея правительства ставилъ также изъявленія вѣрноподданства («М. В.» 1868 г., №№ 261 и 266). По поводу сообщенія «Сѣверной Почты», въ которомъ объявлено было отреченіе прибалтійскаго дворянства отъ Бокка, вышелъ курьёзъ. Нѣмецкія заграничныя газеты всѣхъ партій (за исключеніемъ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung») стали обвинять русское правительство въ подлогѣ: оно, будто-бы, съ намѣреніемъ исказило смыслъ адреса; напримѣръ, оно невѣрно передало значеніе слова Sonderstellung, въ которомъ де вся соль вопроса. Боккъ же съ торжествомъ заявилъ, что подъ видомъ внѣшней лояльности, которою дворянство водитъ за носъ русскихъ, оно въ сущности вполнѣ съ нимъ солидарно («М. В.» 1869 г., № 4). По словамъ Бокка выходило, что адресъ этотъ есть

ловкая маска; по заявленіямъ заграничныхъ газетъ, онъ составлялъ, напротивъ, политическую ошибку, извинимую только сильнымъ давленіемъ. Какія разнорѣчивыя толкованія! Оригинальное объясненіе представленію адреса дала одна изъ лифляндскихъ корреспонденцій въ «National-Zeitung». Боккъ въ своихъ писаніяхъ оскорблялъ нѣкоторыхъ государственныхъ людей, надо-же было дать имъ удовлетвореніе — вѣдь въ Россіи, заявлялъ корреспондентъ, государственные интересы стоятъ всегда на заднемъ планѣ, а гораздо важнѣе личныя отношенія («М. В.» 1869 г., № 12).

А число открытыхъ оппонентовъ русской политики въ остзейскихъ провинціяхъ все росло. Къ нимъ присоединился еще Ширренъ, профессоръ русской исторіи въ дерптскомъ университетѣ, написавшій брошюру: «Лифляндскіе отвѣты г. Юрію Самарину», полную самаго злобнаго ожесточенія противъ Россіи. Для преподавателеля русской исторіи это, при всей снисходительности правительства, признано было чрезмѣрнымъ — и Ширренъ потерялъ мѣсто. Онъ поѣхалъ заграницу, чтобы оттуда съ бо́льшимъ удобствомъ совершать свои вылазки («М. В.» 1869 г., № 117).

Отъѣздъ его, по разсказу «Крестовой газеты», вызвалъ слѣдующую манифестацію: всѣ дерптскіе студенты по одиночкѣ встрѣчались на его пути съ экземпляромъ его брошюры въ желтой оберткѣ подъ мышкой («Моск. Вѣд.» 1869 г., № 213).

Вслѣдъ за брошюрой Ширрена, появилась еще брошюра неизвѣстнаго автора (курляндскаго дворянина, какъ онъ называлъ себя): «Балтійскія провинціи на Рубиконѣ». Онъ сравнивалъ тамъ своихъ соплеменниковъ съ Цезаремъ, стоящимъ на Рубиконѣ—понятное дѣло, враждебный Римъ, это была Россія (1869 г., № 171).

Изъ брошюръ Эккардта, Катковъ останавливался на сочиненіи: «Балтійскія провинціи Россіи». Авторъ указывалъ тамъ на важное значеніе дерптскаго университета для под-

держки нѣмецкаго элемента. Противники русской политики безъ обиняковъ открывали свои карты русскимъ патріотамъ («М. В.» 1869 г., № 177). Эккардтъ напечаталъ въ Берлинѣ извлеченіе изъ книги Самарина въ нѣмецкомъ переводѣ со своими комментаріями и возраженіями. Онъ скромно признавалъ, впрочемъ, что ея опроверженіе уже блистательно сдѣлано Ширреномъ, но онъ все-таки издалъ свое возраженіе, руководствуясь изрѣченіемъ Шиллера: гдѣ строятся цари, тамъ есть дѣло и чернорабочимъ («Моск. Вѣд.» 1869 г., № 205).

Тѣмъ временемъ, введеніе русскаго языка все-таки не подвигалось. Была, правда, учреждена русская гимназія въ Ригѣ, шла рѣчь объ учрежденіи такой-же гимназіи въ Ревелѣ, но этимъ какъ-бы узаконялось признаніе, рядомъ съ ними, нерусскихъ заведеній. Какъ о фактѣ великой важности писалось, что эстляндскій губернаторъ сталъ издавать «Губернскія Вѣдомости» на русскомъ языкѣ («М. В.» 1869 г., № 83).

Объясняя положеніе дѣлъ, Катковъ заявлялъ, что вѣроятно остзейскіе дворяне, при существованіи признаваемыхъ за ними русскимъ государствомъ феодальныхъ привилегій, не особенно заинтересованы отъ него отдѣляться; но въ виду приближенія времени, когда подъ вліяніемъ началъ новой гражданственности, дѣйствіи этихъ привилегій должны превратиться, появляются признаки сближенія рыцарскаго класса съ городскимъ — и это сближеніе выдвигаетъ общую тому и другому нѣмецкую идею. Онъ указывалъ, въ подтвержденіе этой мысли, на происходившій, въ 1864 и 1865 гг., и описанный уже нами обмѣнъ мыслей между «Dorpater Tagesblatt» и «Rigasche Zeitung», редакторами которыхъ были гг. Ширренъ и Эккардтъ, теперь перешедшіе въ станъ открытыхъ противниковъ русской политики («М. В.» 1869 г., № 147).

Воинственность руководителей нѣмецкой партіи стала заражать нѣмецкую молодежь въ разсадникѣ германофиль-

ства въ Россіи—дерптскомъ университетѣ. Мы разсказывали уже о той безмолвной манифестаціи, которою они проводили удалявшагося Ширрена. Другой профессоръ—Валькеръ навлекъ на себя неудовольствіе сочиненіемъ, въ которомъ онъ отнесся съ похвалой къ русскому самоуправленію и русской податной реформѣ. Онъ долженъ былъ оставить дерптскій университетъ и получилъ приглашеніе въ Харьковъ. Одно выраженіе на прощальной его лекціи студентамъ дало поводъ предполагать въ немъ насмѣшливое отношеніе къ вожакамъ германофильства. За это студенты устроили передъ его квартирой кошачій концертъ съ разбитіемъ стеколъ («М. В.» 1869 г., №№ 213, 214, 220 и 234).

До чего-же доходилъ, напримѣръ, фонъ-Боккъ въ своемъ азартѣ, можно судить по слѣдующей выдержкѣ:

«Наша ежедневная молитва состоитъ въ томъ, да благоволитъ Богъ послать, наконецъ, день, когда предъ добрымъ Императоромъ разъяснился-бы истинный характеръ срамной шайки (руссофиловъ); дай Богъ, чтобъ ему пришло на мысль обратиться къ своимъ вѣрнымъ нѣмецкимъ подданнымъ и сказать: теперь заряжайте картечью, разстрѣливайте этихъ гнусныхъ лицедѣевъ и комедіантовъ. Пали!» («М. В.» 1869 г., № 227).

Не правда-ли, эта боевая тирада совсѣмъ напоминаетъ дымъ сраженій при Вертѣ и Гравелоттѣ? Странное имѣлъ г. Боккъ представленіе о добромъ Императорѣ; онъ, должно быть, считалъ его нѣмецкимъ государемъ, потому что вообще называлъ русскихъ исконными архиврагами западнаго христіанства и человѣчества. И это послѣ словъ Императора о принадлежности остзейцевъ «къ русской семьѣ».

Между тѣмъ, оффиціальные представители остзейскаго дворянства тоже не зѣвали. Ландмаршалы и многіе дворяне съѣхались въ концѣ 1869 года въ Петербургъ, какъ говорили, похлопотать о судебной реформѣ. «Голосъ» сообщалъ слухъ, что они уѣхали очень довольные и успокоенные надлежащими увѣреніями («М. В.» 1869 года, № 249).

Что же дѣлалъ тѣмъ временемъ великій воскреситель германской націи, желѣзный канцлеръ? Мы видѣли, какъ онъ отпарировалъ запросъ по балтійскому вопросу одного изъ депутатовъ прусской палаты. Но свободный голосъ Каткова по германскимъ интересамъ ему чрезвычайно не нравился—и не въ этомъ только отношеніи. Катковъ, послѣ успѣховъ Пруссіи въ датскую и австрійскую войны, забилъ въ набатъ относительно усиливающагося германскаго вліянія. Онъ признавалъ въ Германіи самаго опаснаго врага славянскому міру—и голосъ его былъ настолько замѣтенъ, что вызвалъ въ 1868 году опроверженіе со стороны Journal de St. Pétersbourg, обвинявшаго «Московскія Вѣдомости» въ томъ, что онѣ ссорятъ Россію съ сосѣдями («М.В.» 1868 г., № 20). Катковъ занимался стратегическимъ изученіемъ нашей границы съ Пруссіей и, проектируя желѣзныя дороги въ этой части Россіи, всегда принималъ въ соображеніе военные интересы. Онъ усиленно настаивалъ на поднятіи значенія Либавы и на устройство тамъ порта для парализованія пріобрѣтеннаго Пруссіей послѣ датской войны Киля. Онъ возражалъ съ величайшей энергіей противъ проведенія Бѣлостоко-Лыкской вѣтви (части Бресто-Граевской дороги), соединявшей Бѣлостокъ прямымъ путемъ съ Кенигсбергомъ и вредной, по мнѣнію Каткова, не только въ торговомъ отношеніи, ослабляя Либаву, но и въ военномъ. Рѣчь объ этой дорогѣ шла именно въ 1868 и 1869 годахъ—и нѣмцы, какъ выразился корреспондентъ National-Zeitung, старались вылестить ее у Россіи. Понятно, катковское противодѣйствіе не нравилось въ Берлинѣ—и вотъ что было тамъ задумано.

Генералъ Швейницъ, бывшій прусскимъ военнымъ агентомъ въ Петербургѣ, обратился, какъ заявляетъ Катковъ, къ нему въ 1869 году съ предложеніемъ, черезъ посредство его петербургскихъ друзей, помѣщать въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статьи, которыя доставлялись-бы изъ Берлина. Послѣ заявленія Каткова, что напрасно

было дѣлать такое заявленіе, было, однакоже, спустя нѣсколько времени (вѣроятно, замѣчаетъ Катковъ, сколько требовалось, чтобы снестись съ лицомъ, уполномочившимъ генерала Швейница на эти переговоры), сдѣлано новое. Каткову передали, что если онъ будетъ оффиціозно помѣщать въ своей газетѣ берлинскія статьи, то, взамѣнъ того, во всѣхъ подвластныхъ Бисмарку нѣмецкихъ газетахъ стали-бы помѣщаться всякаго рода сообщенія и корреспонденціи, какія въ свою очередь Катковъ счелъ-бы нужнымъ пускать въ свѣтъ чрезъ иностранную печать («М. В.» 1869 г., № 263).

Катковъ не торопился разглашать эти переговоры—но Norddeutsche Allgemeine Zeitung какъ-то ругнула «Московскія Вѣдомости» по поводу перепечатаннаго ими изъ одной чешской газеты свѣдѣнія, что «изъ Пруссіи, якобы, отправляются постоянные транспорты съ оружіемъ черезъ Швейцарію и Италію въ Далматію» («М. В.» 1869 г., №№ 246 и 263).

Тогда Катковъ заговорилъ, заявляя впрочемъ, что онъ не признаетъ въ предложеніи, ему сдѣланномъ, ничего предосудительнаго. Органъ Бисмарка не оспаривалъ, въ отвѣтъ на это, вѣрности сдѣланнаго сообщенія. Онъ даже съ нѣкоторою развязностью обратился къ Каткову съ укоромъ, зачѣмъ онъ не принялъ предложенія.

«Отклоненіе этихъ предложеній, говорила «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», въ которыхъ сама московская газета не находила ничего предосудительнаго и которыя не могли имѣть иной цѣли, какъ просвѣщать общественное мнѣніе относительно истинныхъ интересовъ взаимно дружественныхъ государствъ и народовъ и исправлять ошибки и предразсудки, доказываетъ, что «Московскія Вѣдомости» такихъ разъясненій въ интересѣ истины не желаютъ и притомъ, какъ можно убѣдиться изъ ненавистныхъ выходокъ этой газеты противъ пруссаковъ, именно потому и не желаютъ, чтобы свою собственную дѣятельность не выказать въ надлежащемъ свѣтѣ предъ своими соотечественниками».

Тогда Катковъ, конечно, вывелъ наружу слабость и нелогичность аргументаціи нѣмецкой газеты («Моск. Вѣд.»

1869 г., № 247). Послѣдняя пояснила, что предложеніе было вызвано именно тѣмъ, что Пруссія не имѣетъ въ своемъ распоряженіи русской газеты, въ которой она могла бы освѣщать путь русскому общественному мнѣнію. «Еслибы помянутая газета дѣйствительно интересовалась истиной, то она могла бы помѣщать статьи указаннаго рода съ вступительнымъ замѣчаніемъ» говорилъ органъ Бисмарка. Но «Московскія Вѣдомости» хотѣли удержать за собою такъ называемую повѣрку истины и право искажать зеркало исторіи». Такими фразами хотѣла газета вывернуться изъ ложнаго положенія. Катковъ замѣчалъ, что очевидно не только помѣщенія статей съ оговорками желало германское правительство. Онъ вынужденъ былъ отказаться отъ вызваннаго вѣжливостью замѣчанія о непредосудительности предложенія, ему сдѣланнаго, и заявилъ:

«Здравый смыслъ показываетъ, что если попытка проникнуть въ нашу газету не была лишена цѣли, то отъ насъ требовали нѣчто весьма предосудительное». «Очевидно требовалось, чтобы мы брали на себя отвѣтственность за подосланныя статьи. Предосудительно быть скрытымъ органомъ какой бы то ни было партіи. Но этого мало. Дѣло шло о томъ, чтобы мы сдѣлались органомъ иностраннаго правительства» (Тамъ-же).

Въ январѣ 1870 года открылся ландтагъ лифляндскаго дворянства, начавшійся пѣніемъ боевого псалма: Господь наша твердыня! Дворянство постановило представить всеподданнѣйшій адресъ Государю, въ которомъ, ссылаясь на капитуляціи Петра Великаго, указывало на неприкосновенность своихъ феодальныхъ привилегій («М. В.» 1870 г., №№ 36, 59 и 65). Высочайшая резолюція на этотъ адресъ гласила, конечно: «рѣшительно отказать». Катковъ писалъ, что въ видѣ репрессаліи за это рѣшеніе дворянскій конвентъ постановилъ заклятіемъ, чтобы никто изъ лифляндскаго рыцарства не присутствовалъ въ дни государственныхъ торжествъ на православномъ богослуженіи. Когда-же было узнано, что ландмаршалъ баронъ фонъ Нолькенъ, несмотря на это запрещеніе, присутствовалъ на богослуженіи подъ

открытымъ небомъ по случаю годовщины покушенія 4-го апрѣля, то разгнѣванный конвентъ предложилъ ландмаршалу выйти въ отставку. Но послѣдній сталъ отрицать компетентность конвента, и тогда всѣ ландраты рѣшили сами выйти въ отставку—чѣмъ, конечно, принудили барона Нолькена исполнить ихъ рѣшеніе («Моск. Вѣд.» 1870 г., №№ 81 и 93). Остается еще прибавить, что чрезвычайный ландтагъ, созванный въ іюнѣ по поводу упомянутыхъ событій, открытъ былъ рѣчью, въ основаніе которой принятъ былъ библейскій текстъ, начинающійся словами: «Возстанови насъ Боже, Спаситель нашъ, и прекрати Твое негодованіе на насъ». Имѣлъ ли, замѣчаетъ Катковъ, этотъ текстъ отношеніе къ непринятію Верховною Властью вышеуказаннаго адреса? мы не знаемъ («Моск. Вѣд.». 1870 г., № 135).

Такимъ образомъ, въ то самое время, когда настоящіе нѣмецкіе стратеги готовились къ войнѣ съ Франціей, разразившейся дѣйствительно черезъ нѣсколько мѣсяцевъ,—балтійскіе дворяне проявляли также большую воинственность относительно мирной русской власти. Этого мало. Дерптскій университетъ, какъ сообщалъ корреспондентъ берлинской National-Zeitung, протестовалъ противъ веденія оффиціальныхъ сношеній университета на русскомъ языкѣ. На сторонѣ русскаго языка оказались, главнымъ образомъ, въ совѣтѣ универсетета иностранные профессора; профессора-же изъ остзейцевъ стояли большею частью противъ преступной новизны. Ректоръ университета опровергалъ это извѣстіе, но въ такихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что нельзя было добиться, въ чемъ истина; между тѣмъ, оно подтвердилось въ общихъ чертахъ показаніемъ единственнаго русскаго профессора въ дерптскомъ университетѣ, Котляревскаго («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 93).

Катковъ слѣдилъ и за другими остзейскими учрежденіями. Такъ, онъ изобличалъ рижскій магистратъ и пернавскій уѣздный судъ въ неповиновеніи распоряженіямъ

Сената («Моск. Вѣд.» 1870 г., №№ 70 и 85). Онъ останавливался на пререканіяхъ между курляндскимъ оберъ-гофгерихтомъ и лифляндскимъ гофгерихтомъ и мѣстными контрольными палатами о гербовыхъ сборахъ,—пререканіяхъ, весьма долго тянувшихся («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 237).

Чрезвычайный ландтагъ въ Ригѣ выбралъ окончательно, вмѣсто барона Нолькена, въ ландмаршалы Эттингена. Нолькенъ былъ представителемъ партіи самаго крупнаго землевладѣнія, тогда какъ Эттингенъ былъ готовъ идти на извѣстныя реформы прежнихъ привилегій съ тѣмъ, чтобы тѣснѣе сплотить всѣхъ нѣмцевъ-рыцарей съ бюргерами («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 144).

Латыши и эсты затѣяли собирать подписи для всеподданнѣйшаго адреса въ пользу введенія реформъ въ русскомъ духѣ (земскихъ учрежденій и публичнаго судопроизводства); нѣмцы, съ своей стороны, изобрѣли другой всеподданнѣйшій адресъ, гласившій, что крестьяне вполнѣ довольны существующими порядками и господствомъ дворянъ. Какъ собирались на немъ подписи, легко себѣ представить. Катковъ по этому поводу заявлялъ, что мѣстныя власти (въ Лифляндіи) стали видѣть въ подписавшихъ дворянскій адресъ невинныхъ лифляндскихъ патріотовъ, а въ ихъ противникахъ — враговъ порядка («Моск. Вѣд.» 1870 г., №№ 166 и 179). Интересно, между прочимъ, упомянуть, что о введеніи судопроизводства на русскомъ языкѣ просили въ Курляндіи 4000 митавскихъ евреевъ. Вотъ даже кого дѣлаетъ руссофилами антирусская политика!

Въ началѣ 1871 года представили Государю адресы о введеніи земскихъ и новыхъ судебныхъ учрежденій латышскія общества. «Голосъ», вообще не расположенный къ національной политикѣ, сообщалъ по этому поводу, что вслѣдствіе несочувствія мѣстной администраціи, добрая половина адресовъ была уничтожена; только отъ 52 волостей уцѣлѣли адресы—такъ искаженъ былъ смыслъ этой народной демонстраціи.

Тѣмъ временемъ уже начался погромъ Франціи соединенными силами Германіи; необыкновенный блескъ воинскихъ подвиговъ окружилъ ослѣпительнымъ ореоломъ возрождавшееся германское единство.

Мы укажемъ ниже заявленія Каткова по поводу событій франко-германской войны. Его политическія симпатіи всегда лежали на сторонѣ Франціи, Германіи-же онъ боялся. Онъ чуялъ въ медленно, но настойчиво подымавшейся Пруссіи, которая вливала въ разрозненную Германію новую и сильную энергію воинской доблести, естественнаго и опаснаго врага Россіи. Понятно, что Катковъ глубоко и искренно сѣтовалъ по поводу тяжкихъ пораженій Франціи.

Наши балтійцы, напротивъ, ликовали. Они сравнивали въ своихъ журналахъ Бисмарка съ Моисеемъ, съ тою только разницей, что новому Моисею суждено было довести свой народъ до обѣтованной земли (Baltische Monatschrift). Россіи-же пришлось опять, въ виду этой обѣтованной земли, подумать объ усиленіи своей арміи.

Послѣ 1870 года Катковъ, какъ мы уже говорили [1]), не писалъ статей по вопросамъ національной политики до 1881 года. Послѣдніе годы царствованія покойнаго Государя ознаменовались еще для прибалтійскаго края изданіемъ положенія 1880 года о введеніи тамъ мировыхъ учрежденій отдѣльно отъ общихъ. Но введеніе этого положенія было отсрочено до настоящаго времени.

Прибалтійскій вопросъ вступилъ въ новый фазисъ съ воцареніемъ нынѣшняго Государя. Въ 1882 году назначена была ревизія Эстляндской и Лифляндской губерній черезъ сенатора Манасеина. Хотя ревизія эта, сразу поставившая вопросъ о нашихъ отношеніяхъ къ остзейскому краю на надлежащую почву, встрѣчала передъ собою далеко не гладкій путь, но Катковъ на этотъ разъ оста-

---

[1]) См. глава пятая.

вался почти чуждымъ къ возникавшей порою борьбѣ, которая, впрочемъ, велась главнымъ образомъ внѣ литературной полемики. Главнымъ ратоборцемъ за ревизію въ области печати явился Аксаковъ; онъ провозгласилъ ее «великимъ актомъ новаго царствованія» и предсказывалъ, какъ можно сказать теперь не безъ основанія, что она будетъ «новой эрой для этой части нашего отечества, зарей ея умиротворенія и возрожденія въ тѣсномъ, общемъ со всей Россіей союзѣ» (П. с. с., т. VI, стр. 138). Катковъ молчалъ.

Послѣ ревизіи балтійскій вопросъ, какъ говорится, наладился. Принятіе необходимыхъ законодательныхъ мѣръ къ объединенію остзейскаго края съ Россіей составляетъ теперь, повидимому, вопросъ непродолжительнаго времени.

Катковъ провозгласилъ даже «конецъ балтійскому вопросу», въ озаглавленной имъ этими словами (въ Современной лѣтописи «Р. В.» 1886 г., № 7), статьѣ о путешествіи великаго князя Владиміра Александровича по балтійскому побережью лѣтомъ 1866 года. Августѣйшій посѣтитель напомнилъ, принимая въ Ригѣ представителей университета (дворянъ и горожанъ), слова, обращенныя къ остзейцамъ покойнымъ Государемъ девятнадцать лѣтъ назадъ. «Въ болѣе тѣсномъ сближеніи вашемъ съ русской семьей Его Императорское Величество, мнѣ хорошо извѣстно, видитъ для здѣшнаго края вѣрный залогъ къ его преуспѣянію», заявилъ великій князь. «Среди здѣшней мѣстной интеллигенціи существуютъ сомнѣнія въ устойчивости мѣръ къ объединенію прибалтійской окраины съ нашимъ общимъ дорогимъ отечествомъ. Могу вамъ объявить, что всѣ такія мѣры по непреклонной волѣ самодержавнаго нашего Государя примѣняются и будутъ примѣняться твердо и безповоротно». Катковъ самъ вспомнилъ по этому поводу недалекое прошлое, когда произнесены были Императоромъ Александромъ II «золотыя слова о единствѣ русской семьи».

«Въ то время, въ Ригѣ генералъ-губернаторомъ былъ генералъ-адъютантъ Альбединскій, а въ Вильнѣ сидѣлъ генералъ-адъютантъ Потаповъ. Лица, высоко стоявшія во власти, министры и генералъ-губернаторы успокаивали тѣхъ-же мѣстныхъ представителей увѣреніемъ, что единство Россіи есть химера, выдуманная и пущенная въ ходъ «Московскими Вѣдомостями» и проповѣдывали раздѣленіе Россіи на многія политическія тѣла, причемъ сама Россія отводилась въ предѣлы Великаго Княжества Московскаго». («Моск. Вѣд.» 1886 г., №№ 179 и 180).

Каткову не удалось, впрочемъ, дожить до окончательнаго осуществленія тѣхъ реформъ, за распространеніе которыхъ на остзейскій край онъ такъ сильно ратовалъ въ шестидесятыхъ годахъ. Онѣ пока еще только готовятся.

В) Статьи по вопросамъ: грузинскому и армянскому.

Въ 1865 году всплылъ также вопросъ грузинскій и армянскій. Онъ былъ возбужденъ совершенно своеобразнымъ способомъ — на листахъ герценовскаго «Колокола». Тамъ появилась статья нѣкоего Ріо-Неми (подъ заглавіемъ «Объ освобожденіи крестьянъ Грузіи»), сообщавшая, между прочимъ, что «грузинскій народъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе проникается идеей о своей національной независимости». «Все то, говорилъ авторъ, что живетъ и мыслитъ (въ Грузіи), ударяется въ націонализмъ». Авторъ совѣтовалъ, однако, молодому поколѣнію подождать отлагаться отъ Россіи; онъ находилъ, что до поры до времени Грузіи лучше оставаться подъ русскимъ правительствомъ, руководствуясь тѣмъ убѣжденіемъ, что въ соціальномъ смыслѣ крестьянская реформа рѣшена будетъ Россіей радикальнѣе, чѣмъ какимъ-либо другимъ правительствомъ, подъ власть или подъ протекторатъ котораго могла-бы попасть Грузія». «Каково это, воскликнулъ Катковъ, сообщая объ этомъ новомъ проявленіи сепаратизма; итакъ, вотъ до чего доходитъ дерзость той политической

интриги, которая, пользуясь кризисомъ, переживаемымъ въ настоящее время Россіей, неутомимо работаетъ при дружескомъ соучастіи ся враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ». Катковъ отказался вѣрить правдивости показаній автора статейки о настроеніи грузинской интеллигенціи. Онъ видѣлъ въ нихъ проявленіе клеветы, не остановившейся передъ грузинской національностью, связанной съ Россіей единствомъ вѣры, добровольнымъ присоединеніемъ, историческою необходимостью, силою оружія, не поражавшаго, а ограждавшаго и спасавшаго ее, наконецъ, вѣковою преданностью, благодаря которой грузинскій патріотизмъ сталъ самымъ чистымъ русскимъ патріотизмомъ («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 154).

Но пришлось до нѣкоторой степени повѣрить. Въ № 194 «Моск. Вѣд.» за 1865 г. появились, въ дополненіе къ этому, указанія на дѣйствительное существованіе среди туземной молодежи Грузіи и Арменіи мечты о самостоятельномъ существованіи грузинскаго, армянскаго и даже мусульманскаго царства. Императоръ Наполеонъ, покровитель идеи національности, прибавлялъ Катковъ, пользуется между ними большою популярностью, и многіе изъ нихъ въ послѣднее время стали давать его имя своимъ дѣтямъ; многіе вспоминаютъ, какъ что-то серьезное, нелѣпый заговоръ двадцатыхъ годовъ, вызванный также тогдашнею политикою покровительства окраинамъ». На кружки, извѣстные подъ именемъ молодой Арменіи, устремлено, писалъ онъ, вниманіе польскихъ крамольниковъ. Московскіе армяне подверглись, въ бытность свою въ 1863 г. въ Тифлисѣ, сильнымъ нападкамъ за выраженное ими по поводу польскаго возстанія русское патріотическое чувство. При безпорядкахъ въ Тифлисѣ 27 и 28 іюня 1865 г., обнаружились нѣкоторые пріемы, свойственные революціонной практикѣ западной Европы, а именно за нѣсколько дней разбрасывались печатные листки на армянскомъ языкѣ, изображавшіе въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ

систему налоговъ; оружіе мятежниковъ, вопреки мѣстному обычаю, скрыто было подъ платьемъ. Вотъ что сообщалъ Катковъ. Онъ обвинялъ въ происхожденіи этихъ явленій слабость національнаго духа въ нашей внутренней политикѣ, между прочимъ, проявлявшуюся, по его мнѣнію, и въ дѣятельности князя Воронцова («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 194).

Нѣкто г. Э. въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» сталъ отрицать заявленные «Московскими Вѣдомостями» факты о существованіи молодой Арменіи и распространялся о преданности армянъ русскому правительству («Моск. Вѣд.» 1865 г. № 221). Но Катковъ указалъ, въ видѣ опроверженія, на существованіе цѣлаго сборника армянскихъ стихотвореній, въ которыхъ молодая Арменія выступала именно подъ этимъ названіемъ. «О югъ, говорилось въ одномъ изъ этихъ стихотвореній, пыль поднялась съ сѣвера; слышатся звуки, клики, шумъ, голоса; отходитъ туманъ съ головы Маила (Арарата); возстаетъ молодая Арменія». Эта молодая Арменія (Макунъ-Хайастанъ) не имѣетъ, по словамъ поэта, «въ самой Арменіи ни дома, ни обители»; старики Арменіи считаютъ ее за сонную грезу. «Тѣмъ не менѣе», продолжали апостолы, подражая извѣстной польской пѣснѣ, «Арменія еще не сгинула, пока имѣетъ подобныхъ намъ храбрыхъ сыновъ». «Довольно, восклицалъ революціонный піита, ужь долго послужили мы чужимъ, не вѣчна-же невольничья доля: цѣну свободы мы знаемъ твердо, болѣе не повѣримъ обѣщаніямъ чужого. Польза чужого — ядъ смертоносный» и т. д. Катковъ совершенно основательно замѣтилъ, что стихотворенія эти, несмотря даже на упоминаемыя въ нихъ потоки крови, не могутъ служить угрожающимъ симптомомъ, но онъ предостерегалъ правительство отъ уступокъ разнымъ мѣстнымъ вліяніямъ, напримѣръ, внушеніямъ ввести преподаваніе на армянскомъ языкѣ въ мѣстныхъ казенныхъ училищахъ. «Государство не можетъ, писалъ онъ,

безъ крайняго ущерба для себя, употреблять казенныя, то-есть общія государственныя средства, на содержаніе или поддержку училищъ, устроенныхъ такъ, чтобы они не содѣйствовали, а противодѣйствовали общенію всѣхъ подданныхъ государства въ одномъ общемъ государственномъ языкѣ» («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 222). Печатное обсужденіе вопроса о молодой Грузіи и Арменіи вызвало появленіе въ газетѣ «Кавказъ» письма тифлисскаго губернскаго предводителя дворянства Кипіани, въ которомъ онъ старался отчасти опровергнуть, отчасти смягчить значеніе указанныхъ Катковымъ фактовъ («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 250). Тѣмъ дѣло и кончилось.

Г) Статьи по еврейскому вопросу.

Катковъ относился съ большою терпимостью къ вопросу о положеніи евреевъ въ средѣ русскаго общества; по этому вопросу, какъ извѣстно, мнѣнія его отличались до послѣдняго времени непоколебимымъ постоянствомъ. Это объясняется тѣмъ, что гуманныя мѣры по отношенію къ евреямъ окрашивались для него стремленіями къ ихъ руссофикаціи и общему сліянію съ народомъ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Катковъ указывалъ на неосновательность стѣсненія евреевъ въ выборѣ мѣстожительства, доказывалъ, что предоставленное въ 1861 году, вмѣстѣ съ правомъ поступленія на гражданскую службу, разрѣшеніе селиться по всей Россіи только евреямъ, получившимъ ученыя степени, начиная съ кандидата, составляетъ неправильный путь къ сліянію еврейскаго элемента съ русскимъ народомъ,—что надо въ этомъ отношеніи идти не сверху внизъ, а снизу вверхъ. Онъ протестовалъ противъ возможности вреднаго нравственнаго вліянія евреевъ на христіанское общество и заявлялъ, что сосредо-

точеніе евреевъ въ одномъ западномъ краѣ и Польшѣ дѣйствуетъ губительно на ихъ занятія, располагая ихъ къ разнымъ дурнымъ промысламъ, напримѣръ, къ контрабандѣ и препятствуетъ обрусенію края, мѣшая русскимъ людямъ селиться въ городахъ. Онъ привѣтствовалъ съ сочувствіемъ появленіе въ 1865 году закона о дозволеніи евреямъ, механикамъ, винокурамъ, пивоварамъ и вообще ремесленникамъ проживать повсемѣстно въ Имперіи («Моск. Вѣдом.» 1864 г., №№ 34, 245; 1865 г., №№ 148 и 160). Онъ возражалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, противъ обложенія евреевъ особыми коробочными и свѣчными сборами (со свѣчей, зажигаемыхъ въ субботніе дни) и противъ правительственнаго надзора за назначеніемъ раввиновъ и неизмѣняемостью еврейскихъ обществъ; по его мнѣнію, эти мѣры порождаютъ замкнутость и отчужденность евреевъ («Моск. Вѣдом.» 1864 г., № 280). Высказываемою Катковымъ цѣлью являлось сліяніе евреевъ съ русскимъ народомъ. Указывая на необходимость для евреевъ избрать какой-либо языкъ вмѣсто того нечистаго нѣмецкаго языка, которымъ они говорятъ, Катковъ выражалъ сочувствіе распространенію въ ихъ средѣ русскаго языка; онъ совѣтовалъ имъ вообще оставить то полупольское, полунѣмецкое рубище, которое отдѣляетъ ихъ отъ русскаго народа, но, съ другой стороны, указывалъ и правительству на необходимость облегченія этой цѣли заготовленіемъ еврейскихъ молитвенниковъ и переводовъ Библіи на русскомъ языкѣ, разрѣшеніемъ преподавать по-русски въ еврейскихъ казенныхъ училищахъ древній еврейскій языкъ и установленіемъ русскихъ грамматикъ и руководствъ по этому языку («Моск. Вѣдом.» 1865 г., № 45 и 1866 г., № 53).

Мысль о сближеніи евреевъ съ русскимъ народомъ весьма подробно доказывалась въ особой статьѣ нѣкоего Гордона (появившейся въ іюньской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1861 годъ). Въ ней заявлялось, что евреи представляютъ особенно удобный элементъ для сліянія, потому что

они чужды тѣхъ условій, которыя поддерживаютъ индивидуальность другихъ народностей и мѣшаютъ имъ войти въ составъ другого народа, т. е. языка и симпатіи къ родинѣ. Религія-же, какъ утверждалось въ статьѣ, не можетъ служитъ препятствіемъ къ слiянію. Это видно на примѣрахъ современной государственной жизни, которая никогда не бываетъ основана на единствѣ религіи. Сліяніе встрѣчаетъ затрудненія, когда симпатіи одной изъ сближающихся сторонъ принадлежатъ, по своимъ національнымъ интересамъ, другой, самостоятельной или, хотя и зависимой, но воодушевленной свѣжими воспоминаніями средѣ. Ничего подобнаго не представляетъ современная жизнь евреевъ. Самобытное историческое прошлое, вслѣдствіе долгой чужеземной жизни, вымерло въ чувствѣ еврея. Оно неспособно согрѣвать его сердце. Оно только въ смутныхъ, неясныхъ чертахъ сохранилось въ его головѣ, въ его воспоминаніяхъ. Съ другой стороны, еврейская литература переходитъ къ языку господствующей націи. Разговорная рѣчь современныхъ намъ русскихъ евреевъ—жаргонъ, нелѣпый сборъ исковерканныхъ нѣмецкихъ словъ съ примѣсью словъ языковъ другихъ народовъ, среди которыхъ жили и живутъ евреи. Эта пестрая, нестройная смѣсь словъ, безъ всякихъ задатковъ къ развитію, которая неспособна къ выраженію сколько-нибудь отвлеченной мысли, не имѣетъ ничего литературнаго, не имѣетъ прошедшаго и не можетъ ожидать будущаго. Жаргонъ этотъ, какъ всегда случалось при подобныхъ встрѣчахъ въ исторіи, при малѣйшемъ соприкосновеніи съ живымъ европейскимъ языкомъ, уступалъ ему, улетучивался. Евреи, говорилось въ статьѣ, черезъ уравненіе въ обстановкѣ съ русскими, станутъ русскими и по духу. На основаніи всѣхъ этихъ мыслей признавалось нужнымъ отмѣнить существовавшія ограниченія относительно найма евреями христіанской прислуги. Съ этого надлежало-бы начать. Тогда вышеприведенныя

краснорѣчивыя рѣчи получили-бы сразу надлежащее освѣщеніе.

Отчего факты противорѣчатъ заявленіямъ подобнаго рода? Отчего евреи сами не сливаются съ народностями, среди которыхъ живутъ? Русскій народъ не представляетъ въ этомъ отношеніи какого-либо исключенія. Если можно указать на обратное явленіе, то развѣ на еврейскихъ банкировъ въ европейскихъ столицахъ, которые за милліоны покупаютъ для своихъ дочерей блестящіе титулы промотавшихся аристократовъ. Но развѣ это не своего рода эксплуатація съ той и другой стороны? Предки этихъ аристократовъ добывали у евреевъ деньги менѣе замысловатыми средствами, такъ-что потомки ихъ идутъ противъ традицій. Даже и въ этомъ единственномъ случаѣ нельзя говорить о нравственномъ сліяніи элементовъ, потому-что въ основѣ сближенія лежитъ торгъ.

Русскій народъ отличается чрезвычайно враждебностью къ евреямъ. По отношенію къ нимъ порою прекращается чувство терпимости, которое составляетъ глубоко характеризующую его черту. Еврейскіе безпорядки, столь памятные нашему обществу, могутъ служить рельефнымъ комментаріемъ этихъ словъ. Первый проблескъ ихъ произошелъ въ Одессѣ еще въ 1871 году, но тогда онъ не имѣлъ особенно важныхъ послѣдствій. Когда-же еврейскіе безпорядки въ 1881 г. возобновились, они приняли характеръ настоящей эпидеміи, охватившей почти всю Новороссію, Малороссію и юго-западный край. Это продолжалось слишкомъ годъ и вызвало рядъ репрессивныхъ мѣръ противъ еврейской эксплуатаціи, выразившихся въ извѣстныхъ временныхъ правилахъ 1882 года.

Катковъ не вѣрилъ въ народно-экономическую подкладку этого движенія и приписывалъ его агитаціи все той-же крамолы, поставившей своею цѣлью терроризацію общества и правительства. Онъ такъ характеризовалъ происходившіе еврейскіе безпорядки:

«Дѣйствовали по приказу съ большою исполнительностью. Выходили по сигналамъ, грабили по плану. Въ грабежѣ была своего рода тенденція: разрушеніе собственности. Неистовства съ людьми было немного. Били не жидовъ, а жидовскую собственность. Точно имѣлось въ виду сдѣлать опытъ соціалистическаго бунта, изъ массы потерпѣвшихъ создать раззоренный, недовольный классъ и, главное, замутить всѣ экономическія отношенія въ краѣ, гдѣ такую важную роль играетъ дѣятельность евреевъ бунтарей» («Моск. Вѣд.» 1881 г., № 121).

Но инициатива профессіональныхъ бунтарей въ еврейскихъ безпорядкахъ не была ничѣмъ доказана; если они приписывали себѣ это, то это было нелѣпымъ хвастовствомъ, разсчитаннымъ на усиленіе впечатлѣній террора.

Остановившись на вышеупомянутой точкѣ зрѣнія, Катковъ отрицалъ даже эксплуататорское давленіе евреевъ на русскій народъ.

«Изойдите всю Россію и спросите любого крестьянина, любого человѣка изъ народа, что болѣе всего причиняетъ раззореніе нашему народу. Кабакъ, всякій скажетъ вамъ; пьянство, всякій вамъ повторитъ... Но если къ кабаку мы равнодушны, то противъ шинкаря-жида мы вдругъ вознегодовали до готовности избить и сжить со свѣта все еврейское населеніе. Въ жидѣ-шинкарѣ увидѣли мы почему-то вдругъ виновника раззоренія Россіи и бѣдственнаго состоянія ея крестьянства» («Моск. Вѣд.» 1882 г., № 94).

Катковъ спрашивалъ, на кого-же слѣдуетъ свалить дурное положеніе нашего земледѣльческаго класса въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ евреевъ. Но изъ того, что тамъ существуетъ кулаческая эксплуатація, не слѣдуетъ, конечно, признавать одобрительнымъ обираніе народа евреями, тѣмъ болѣе, что послѣднее стало приводить къ проявленіямъ народной расправы.

Катковъ прямо не писалъ противъ мѣръ, задуманныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Игнатьевымъ по еврейскому вопросу, но требовалъ спокойнаго пересмотра всего законодательства о евреяхъ:

«Нельзя всѣхъ евреевъ собрать въ одну шею, чтобы заразъ отрубить имъ всѣмъ головы; нельзя также выгнать ихъ всѣхъ за нашу западную границу, если не считать таковою теченіе Днѣпра; нельзя и переселить всѣ эти четыре милліона въ восточные края, трудно также выслать ихъ всѣхъ въ Палестину или въ Америку. Сколько-

бы умныхъ вещей мы ни наговорили, мы все таки останемся съ евреями, въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ при малѣйшемъ серьёзномъ взглядѣ на дѣло. Откуда-же теперь, именно теперь, это странное возбужденіе, которое ни къ чему доброму прійти не можетъ, а выражается только въ народномъ смятеніи, въ буйствахъ толпы... Послышался чей-то свистъ, кто-то крикнулъ: бей евреевъ, и ни съ того, ни съ сего вдругъ возникъ еврейскій вопросъ, и всѣ кто во что гораздъ напустились на евреевъ. Ровно ничего не случилось въ еврейскомъ мірѣ. Что было назадъ тому сто лѣтъ, пятьдесятъ лѣтъ, двадцать лѣтъ, годъ, то и теперь». («Моск. Вѣд.» 1882 г., № 110).

Что-же удивительнаго въ способѣ возникновенія вопроса? Поводы къ возбужденію всякаго вопроса всегда бываютъ болѣе или менѣе случайными. Но это не мѣшаетъ самому вопросу имѣть глубокое значеніе.

Выдвинутое обстоятельствами предположеніе о пересмотрѣ законодательства о евреяхъ, какъ извѣстно, получило осуществленіе въ особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ графа Палена. Но выработанное ею до сихъ поръ не принимаетъ даже опредѣленнаго вида законопроектовъ.

VII.

Катковъ и славянофильство.

(1840 — 1887).

Общее значеніе славянофильской доктрины. — Отношеніе Каткова къ славянскому міру въ различные періоды его жизни. — Возбужденіе славянскаго вопроса въ 1866 году послѣ погрома Австріи. — Русскіе въ Галиціи. — Русское племя въ Венгріи. — Преслѣдованіе поляками русскаго элемента въ Галиціи. — Инсинуаціи объ эмиссарахъ русскаго правительства. — Московская этнографическая выставка въ 1867 году. — Славянскій съѣздъ въ Москвѣ. — Праздникъ въ Сокольникахъ. — Рѣчи Погодина, Ригера и князя Черкасскаго. — Заявленія Каткова. — Прощаніе со славянскими гостями. — Движеніе въ Чехіи въ 1868 году. — Несочувствіе Франціи къ славянскому міру. — Сожалѣнія славянскихъ газетъ о пораженіи въ 1870 году французовъ. — Кризисъ въ Австріи въ 1871 году. — Оффиціозная статья «Правительственнаго Вѣстника» о славянствѣ. — Возстаніе въ 1875 году въ Босніи и Герцеговинѣ. — Вмѣшательство Сербіи и Черногоріи. — Участіе, проявленное къ этимъ движеніямъ въ русскомъ обществѣ. — Болгарскій вопросъ. — Событія, предшествовавшія войнѣ 1876—1877 гг. — Окончаніе ея. — Вопросъ о Константинополѣ. — Берлинскій конгрессъ. — Статьи Каткова о Болгаріи. — Положеніе другихъ православныхъ и славянскихъ народностей на Балканскомъ полуостровѣ. — Затишье въ славянскомъ мірѣ.

Панславизмъ въ Россіи не есть программа какой-либо партіи, а политическая исповѣдь русскаго народа.

(«Моск. Вѣд.» 1887 г., № 260).

Увлеченіе интересами славянскаго міра составляетъ свѣтлую страницу въ лѣтописяхъ русской общественной жизни за послѣдній ея періодъ. Историкъ съ почтеніемъ остановится на безкорыстномъ стремленіи русскаго народа послужить благу своихъ соплеменниковъ, которымъ

историческая судьба не дала еще почвы къ самостоятельному политическому существованію. Не только на словахъ, но и на дѣлѣ доказала Россія, какъ близки для нея интересы самыхъ далекихъ и забытыхъ всѣми членовъ славянской семьи. Пусть образъ дѣйствій Россіи опредѣляется не пользующимся особымъ уваженіемъ въ современной дипломатической жизни названіемъ политики чувства, а не интересовъ, но нельзя не видѣть въ немъ проявленіе истинно русскихъ чертъ: большой душевности, способности отзываться на чужія страданія и приносить безкорыстныя жертвы для облегченья несчастія и горя другихъ! Не въ духѣ русскаго народа узкій національный эгоизмъ, замыкающійся въ матеріальныхъ интересахъ постояннаго поглощенія и пріобрѣтенія. Въ этомъ его коренное различіе отъ германской націи.

Постепенный ростъ Россіи былъ результатомъ исторической необходимости. Она сложилась въ государственное цѣлое, когда надо было спасать свою независимость отъ тяжелаго ига. Внѣшняя политика Россіи была именно политикой не завоеванія, а самозащиты, которая вызвала постепенное очищеніе занимаемой ею великой равнины отъ дикихъ, некультурныхъ народностей и приводила къ борьбѣ съ западными сосѣдями только для охраненія своей безопасности и проложенія путей къ морямъ, необходимаго для внутренняго ея развитія. Россію нельзя упрекать въ угнетеніи другихъ народностей.

Увлеченіе своеобразными интересами и призваніемъ славянскаго міра составило, какъ извѣстно, предметъ особаго, нѣсколько односторонняго культа въ одномъ изъ кружковъ нашей интеллигенціи. Историческая задача этого кружка состояла, какъ для насъ вполнѣ ясно теперь, въ томъ, чтобы служить противовѣсомъ слишкомъ слѣпому культу западничества. Каждая цивилизація имѣетъ свои свѣтлыя и темныя стороны: наряду съ развитіемъ стройнаго и правильно дѣйствующаго механизма управленія.

состоящаго въ искусномъ сочетаніи правительственныхъ и общественныхъ силъ; наряду съ упроченнымъ вѣками уваженіемъ къ правамъ личности и общественнаго мнѣнія; наряду съ феноменальнымъ развитіемъ научныхъ знаній и не прекращающимся процвѣтаніемъ искусства, западно-европейская цивилизація представляетъ картину болѣзненнаго развитія въ области общественной и нравственной силы. Страшное накопленіе пролетаріата и безмѣрное развитіе умственнаго анализа, заѣдающаго чувство и всякую непосредственность въ человѣческой личности, составляютъ вопіющія стороны этой культуры, вызывающія ѣдкую критику и мрачный пессимизмъ въ интеллигенціи. Народныя массы неспокойны, ихъ страдальческое положеніе вызываетъ мельканіе какихъ-то весьма смутныхъ и недодуманныхъ идей новаго соціальнаго строя, а на верхахъ общественной лѣстницы тѣмъ временемъ господствуетъ скептицизмъ, не только отрицающій все нравственное и принципіальное, но даже часто обезцвѣчивающій всѣ человѣческія радости.

Славянофилы говорили: «не отходите отъ своего роднаго, вдумывайтесь въ русскую исторію и русскую жизнь». Едва-ли можно признать этотъ голосъ безполезнымъ Конечно, въ славянофильствѣ были преувеличенія. Они слишкомъ поэтизировали принципъ народности, доводя его даже до какого-то мистическаго культа; но преувеличеніе не уничтожаетъ ихъ заслуги.

Теперь эта критическая задача славянофильства, пожалуй, перестала быть необходимой. Наростающее поколѣніе русской интеллигенціи останавливается на серединѣ между двумя крайностями: не отрицая значенія западноевропейской культуры для русской жизни, оно воздерживается отъ безусловнаго преклоненія передъ нею. Русскіе люди стали лучше знать и понимать ее.

Мы остановимся теперь на той части славянофильскихъ доктринъ, которая касается внѣшняго положенія

Россіи, какъ руководительницы славянскаго міра. Катковъ, хотя и не принадлежалъ къ славянофильскому лагерю, но живо интересовался этимъ вопросомъ и вѣрилъ въ такое призваніе Россіи.

Въ одномъ изъ первыхъ литературныхъ трудовъ, которые онъ писалъ почти двадцатилѣтнимъ юношей, въ появившейся въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1840 годъ статьѣ объ исторіи древней русской словесности Максимовича, Катковъ останавливался на судьбѣ славянства.

«Ни одинъ народъ не имѣлъ такой загадочной и несчастной судьбы, какъ племена славянскія, говорилъ онъ. Надѣленныя самыми богатыми дарами отъ природы, они были какъ будто неразгаданы, по крайней мѣрѣ до того времени, съ котораго Россія начала оправдывать ихъ существованіе на землѣ. Нельзя не признать въ славянскомъ племени души могучей, широкой: въ этомъ должны согласиться самые недруги. Невозможно, въ самомъ дѣлѣ, чтобы народъ, такъ сильно, такъ роскошно сказавшійся въ своей естественной поэзіи, такъ часто порождавшій изъ своихъ нѣдръ людей необыкновенныхъ, людей изумительной крѣпости и силы, высшаго закала,—чтобы этотъ народъ былъ свѣянъ съ лица земли, не внеся никакого элемента въ жизнь человѣчества! Но потому-то и была несчастна судьба славянства, что, при такой богатой и здоровой сущности, оно мало имѣло духовнаго опредѣленія..... Его исторія представляла хронологическій перечень совершенно внѣшнихъ фактовъ... Но было-бы грѣшно намъ, живущимъ подъ сердцемъ этого племени, не ощущать силы, заключенной въ немъ, и не предчувствовать его благодатной будущности. Оно будетъ велико въ духѣ и человѣчествѣ, славянское племя,—сильно говоритъ намъ это предчувствіе наше»....

Когда Катковъ сталъ издавать «Русскій Вѣстникъ», онъ, одинъ изъ первыхъ, обратилъ вниманіе читающей публики на положеніе забалканскихъ славянъ. Въ журналѣ этомъ (1858 г., №№ 4, 6 и 9) появились написанныя болгариномъ Даскаловымъ и подписанныя буквою Д. статьи: «Турецкія дѣла», въ которыхъ говорилось, между прочимъ, о печальномъ положеніи православной церкви въ Болгаріи, тѣснимой фанаріотскимъ духовенствомъ. Происшедшее позднѣе учрежденіе болгарскаго экзархата было, какъ извѣстно, первымъ проявленіемъ національной самостоятельности болгаръ. Святѣйшій Синодъ, уклонившій-

ся отъ оффиціальнаго признанія экзархата, не отнесся сочувственно къ обличеніямъ Даскаловымъ греческаго духовенства. Оберъ-прокуроръ Синода, графъ А. П. Толстой, препроводилъ къ Каткову для напечатанія опроверженіе упомянутыхъ статей, которое однако Катковъ не согласился помѣстить на столбцахъ своего журнала...

Чаще и внимательнѣе начинаетъ заниматься славянскимъ вопросомъ Катковъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» послѣ того, какъ пораженіе Пруссіей Австріи въ 1866 г. заставило призадуматься надъ тѣмъ, что-же произойдетъ окончательно съ этимъ послѣднимъ государствомъ?

«Связь народовъ и странъ, составлявшихъ австрійскую имперію, видимо рушится, и на ея мѣстѣ несомнѣнно замышляется, писалъ Катковъ, новая политическая формація, которая должна быть направлена противъ самыхъ существенныхъ интересовъ Россіи». («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 141).

Катковъ ближайшимъ образомъ пояснилъ это мыслью, которую весьма скоро оправдали событія:

«Вотъ перспектива, которая наиболѣе улыбается Англіи: усиленная на сѣверѣ Германіи Пруссія, оспаривающая на Балтійскомъ морѣ преобладаніе у Россіи, и достаточно сильная Австрія, которая, опираясь на содѣйствіе Италіи, направила-бы всю свою политику на юго-востокъ Европы».... («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 137).

Онъ предостерегалъ отъ стариннаго недостатка, много повредившаго русскому народу: непредусмотрительности и безпечности въ виду приближающейся, но еще не наступившей опасности. Надо пользоваться уроками исторіи, говорилъ онъ, положеніе очень серьёзно («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 141). Онъ замѣчалъ, что Россія была сильнѣе, когда обѣ германскія державы еще только стояли другъ противъ друга, готовыя обнажить мечъ и когда жребій битвъ не рѣшилъ еще дѣла въ пользу одной изъ нихъ; антагонизмъ между Австріей и Пруссіей прекратился, такъ что въ Германіи исчезла причина, мѣшавшая ея объединенію. Онъ совѣтовалъ подумать о компенсаціи для Россіи («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 160).

При такихъ условіяхъ, Катковъ заговорилъ объ австрійскихъ славянахъ — между прочимъ о Галиціи. Послѣдняя составляла, какъ извѣстно, исконную русскую землю, называвшуюся Червонною Русью. Владиміръ Святой возвратилъ Россіи города Холмъ и Перемышль, отошедшіе было, во время смутъ между его братьями къ Польшѣ. Въ XII и началѣ XIII вѣка на галицкомъ столѣ княжили знаменитые своею удалью русскіе князья Романъ и сынъ его Даніилъ, высоко поднявшій могущество своего княжества именно въ ту пору, когда Россія начала уже стонать подъ игомъ татаръ. Но родъ Даніила прекратился, и галицкая земля присоединена была къ Польшѣ, подобно тому, какъ Малороссія соединилась Литвой. Съ тѣхъ поръ судьба галицкаго народа зависѣла отъ судьбы Польши: ея распаденіе предало галицкую землю въ руки Австріи.

Послѣ 1848 года, когда произведены были поляками безпорядки въ Галиціи, австрійское правительство начало для противовѣса польскимъ помѣщикамъ искать поддержку въ крестьянскомъ сословіи, которое тамъ чисто русскаго корня. Предполагая воспользоваться имъ, какъ орудіемъ противъ поляковъ, Австрія не вѣрила въ возможность серьёзнаго возрожденія русскаго элемента въ Галиціи. Но симптомы національнаго сознанія не замедлили появиться. Они поддерживались православнымъ духовенствомъ, во главѣ котораго стоялъ энергичный патріотъ митрополитъ Яхимовичъ. Появились народныя школы, въ которыхъ преподаваніе производилось на русскомъ языкѣ; въ Львовѣ основана была русская газета «Слово». Когда показались эти явленія, правительство поспѣшило повернуть политику въ другую сторону. По февральской конституціи 1861 г., были соединены вмѣстѣ подъ именемъ Галиціи двѣ различныя области: древній Галичъ (восточная Галиція) и прежняя малая Польша съ Затором и Освѣцимомъ (западная Галиція). Польскому элементу предоставлено было большинство въ мѣстномъ сеймѣ и рейхсратѣ. Въ Галиціи

утвердилось направленіе, вполнѣ достойное названія Polnische Wirthschaft, которымъ его характеризовали.

Послѣдствіемъ этихъ колебаній оказалось страшное обостреніе отношеній между галицкимъ крестьянствомъ и тамошнею польской шляхтой въ шестидесятыхъ годахъ. Катковъ приводилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» выдержки изъ «Слова», гдѣ разсказывалось, какъ польскіе католики сѣкли крестьянскихъ мальчиковъ за то, что они кричали, что они русскіе; въ церквахъ произносились проповѣди противъ московскаго царя («М. В». 1866 г., № 161).

Галичанъ старались всячески сбивать съ толку. Ихъ увѣряли, что они составляютъ особое отъ русскихъ славянское племя; придумали даже странное названіе: русинъ. Въ 1866 году, послѣ австро-прусскаго погрома, извѣстный славянофилъ Палацкій обратилъ къ нимъ однакоже благой совѣтъ признать свое единство съ ядромъ великорусскаго племени. Это было сдѣлано въ знаменитой исповѣди галичанъ, появившейся на страницахъ упомянутой львовской газеты «Слово».

«Мы не русины, какъ стали называть насъ съ 1848 года польскіе и нѣмецкіе публицисты, не особое племя, безсильное въ своей малочисленности и вслѣдствіе того влачащее свое жалкое существованіе въ верховьяхъ Днѣпра и по отрогамъ Карпатъ; нашъ языкъ не есть нарѣчіе какихъ-то несчастныхъ рутеновъ, нашъ языкъ есть тотъ же самый русскій языкъ, какимъ говорятъ въ Кіевѣ и Москвѣ, Вильнѣ и Петербургѣ».

Такъ писали галичане.

Изъ какой глубины звучитъ это чувство русскаго единства, замѣчалъ Катковъ, печатая эту исповѣдь; въ немъ отзывается наша древняя Русь, Русь Владиміра Святаго. Вотъ какъ помнитъ себя наша исторія! Вотъ какъ далеко въ глубину прошедшаго чувствуетъ себя нашъ народъ! («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 166).

Прочитавъ эту исповѣдь, польскія газеты поспѣшили забить тревогу и обвинить своихъ русскихъ сосѣдей въ симпатіяхъ къ Москвѣ, въ измѣнѣ династіи Габсбурговъ; вѣнскія оффиціозныя газеты стали намекать галичанамъ, что образъ ихъ мыслей можетъ повлечь за собою непріят-

ныя для нихъ послѣдствія; львовское мѣстное управленіе старалось склонить редакцію газеты «Слово» напечатать объявленіе, что помянутая исповѣдь помѣщена въ отсутствіи главнаго редактора и не выражаетъ убѣжденій образованнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ людей въ русской Галиціи. Но напрасны были всѣ эти увѣщанія и угрозы. Г. Дѣдицкій, редакторъ «Слова», объявилъ, что не дававшая покоя польской шляхтѣ и галицкимъ администраторамъ исповѣдь напечатана имъ самимъ, по соглашенію съ другими представителями интеллигенціи того края. Тогда польская партія пустила въ ходъ давно знакомое, не разъ испытанное ею средство: отыскать, между самими русскими, людей, которые согласились-бы послужить орудіями для ея цѣлей. Всѣ представители украйнофильскаго ученія, сотрудники преждевременно скончавшагося журнала «Меты» и даже львовской «Gazety Narodowei» собрались въ залѣ Hôtel d'Europe и составили протестъ противъ означенной исповѣди. Но въ тотъ-же самый день члены русской партіи собрались въ такъ называемомъ русскомъ народномъ домѣ и подписали благодарственный адрессъ г. Дѣдицкому за мужественное и благородное заявленіе тѣхъ убѣжденій, которыхъ держится большинство образованныхъ людей и все сельское населеніе восточной Галиціи. Тогда львовское намѣстничество потребовало болѣе рѣшительныхъ объясненій отъ вождей русской народной партіи, сдѣлавъ имъ запросъ, что значатъ всѣ эти демонстраціи, чѣмъ вызвано заявленіе русскихъ галичанъ? Нѣкоторые изъ вопрошаемыхъ отвѣчали, что помѣщенная исповѣдь не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, а напечатана она потому, что австрійское правительство склоняется на сторону польской партіи, намѣреваясь отдать въ ея руки управленіе всею Галиціей.

Дѣйствительно, событія оправдали опасенія русскихъ. Вѣнское правительство утвердило всѣ постановленія, предложенныя на львовскомъ сеймѣ польскими депутатами и назначило намѣстникомъ Галиціи графа Голуховскаго, за-

клятаго врага русской народности, извѣстнаго между прочимъ тѣмъ, что онъ далъ императору Францу-Іосифу, послѣ несчастной войны 1859 года, исполненный императоромъ совѣтъ предоставить либеральное устройство государству.

Тѣмъ временемъ, исповѣдь получила дальнѣйшее распространеніе. Особымъ заявленіемъ, напечатаннымъ въ той же газетѣ «Слово», къ ней присоединились русскіе, населяющіе восточные комитаты Венгріи: Эперіи, Мармороза и Уйвара. Этотъ затерявшійся вдали отпрыскъ великаго русскаго племени имѣетъ также свою исторію. Въ 1339 году, пришедшій въ Венгрію русско-литовскій православный князь Θедоръ Коріатовичъ получилъ въ удѣлъ отъ короля венгерскаго Лудвига волости: Мункачевскую, Маковицкую и Шаторалля-угельскую: Въ 1360 году имъ была основана здѣсь русская православная епархія, распространявшаяся на нынѣшнія уніатскія епархіи: Пряшевскую, Мункачевскую, Вародскую и Самошъ-Уйварскую. Русская церковь и русская аристократія долго удерживались въ этихъ краяхъ, которые не знали ни польскаго владычества, успѣвшаго проникнуть въ Галицію, ни мадьяризаціи высшихъ классовъ, чему препятствовали бывшій тогда въ общемъ употребленіи латинскій языкъ, господство турокъ въ большей части Венгріи и нескончаемое междоусобіе мадъяръ во время такъ называемыхъ религіозныхъ войнъ. Только въ 1646 году, на ужгородскомъ соборѣ, русское духовенство восточной Венгріи признало унію съ римскою церковью подъ условіемъ, «Абы свободно было имъ обряды греческія церкви держати; чтобы имѣли епископа отъ себя избраннаго и отъ римскаго престола подтвержденнаго». Но во времена Маріи Терезіи, когда мадьярская аристократія, опираясь на прагматическую санкцію, стала гнать всѣ другія народности, жившія въ земляхъ венгерской короны, мадьяризація стала распространяться и въ русско-венгерскихъ земляхъ. Съ конца XVII вѣка всѣ крупные русскіе помѣщики и даже бóльшая часть

средней шляхты перешла на сторону мадьяръ. Богатымъ русскимъ панамъ давались венгерскіе титулы, какъ напр., графу Сермягѣ, потомки котораго стали именовать себя выходцами изъ Франціи: comtes Sermage. Польскіе мелкіе землевладѣльцы, духовенство и сельчане остались вѣрны своей народности, которая сохранилась здѣсь даже въ большей чистотѣ, чѣмъ въ Галиціи, такъ какъ языкъ ея не подчинялся вліянію польскаго, бывшаго долгое время оффиціальнымъ въ галицкихъ земляхъ, и не могъ подвергнуться заимствованіямъ изъ языка мадьярскаго, какъ слишкомъ ему чуждаго. Сохранивъ въ чистотѣ одно изъ первыхъ достояній своей народности—языкъ предковъ, русскіе въ Венгріи стали съ 1848 году добиваться нѣкоторыхъ правъ въ пользу своей національности, о чемъ хлопоталъ еще въ началѣ нашего столѣтія замѣчательный іерархъ ихъ Андрей Бачинскій. Въ то время, когда пряшевскій священникъ Александръ Духновичъ, ученый и поэтъ, будилъ въ сельской массѣ чувство народнаго сознанія, рыцарь А. И. Добрянскій, сперва членъ венгерскаго намѣстничества, а потомъ совѣтникъ венгерской придворной канцеляріи, содѣйствовалъ расширенію муниципальныхъ и общинныхъ правъ русской народности въ Венгріи и, въ качествѣ депутата на венгерскомъ государственномъ сеймѣ два раза, въ 1861 и 1865 годахъ, подавалъ петиціи отъ имени русскихъ и словацкихъ народностей, подобныя петиціямъ венгерскихъ румыновъ и сербовъ, требовавшихъ внесенія своихъ правъ въ венгерскую конституцію.

Вниманіе русскаго общественнаго мнѣнія продолжала останавливать на себѣ главнымъ образомъ галицкая Русь, откровенная исповѣдь которой навлекла на нее настоящую травлю со стороны органовъ польской печати. Упрекъ въ симпатіяхъ къ Москвѣ (такъ называлась Россія, чтобы отличать ее отъ галицкой Руси), въ желаніи присоединиться къ ней не сходилъ со столбцовъ польскихъ газетъ. Извѣстный патріотъ И. Г. Наумовичъ, авторъ многочи-

сленныхъ статей объ обрядахъ греко-уніатской церкви, печатавшихся по разнымъ галицкимъ газетамъ, далъ въ № 83 «Слова» за 1866 годъ прекрасный отвѣтъ на эти обвиненія. Онъ выразилъ, во-первыхъ, недоумѣніе, почему Россія въ польскихъ газетахъ называется Москвой. «Но даже принимая выраженіе: Москва въ смыслѣ, который придаютъ ему польскія газеты, осмѣливаюсь аппелировать къ здравому смыслу всѣхъ: справедливо-ли увѣреніе, что русскій и москаль суть два народа, совершенно противоположные другъ другу... Какъ славянинъ, не могу въ Москвѣ не видѣть славянъ, какъ русскій человѣкъ, не могу въ Москвѣ не видѣть русскихъ людей. А хоть я малоруссъ, а тамъ живутъ великоруссы; хоть у меня выговоръ малорусскій, у нихъ великорусскій—но и я, и они—русскіе»... Онъ указывалъ далѣе, что по религіи, какъ уніатъ, онъ все-таки ближе къ Россіи, чѣмъ къ католицизму («Моск. Вѣд. 1866 г., № 225).

Польскія газеты распускали въ то же время слухи о томъ, будто по галицкой и венгерской Руси бродятъ русскіе эмиссары, волнующіе народъ съ помощью «московскихъ рублей». Нѣкто турецкій подданный изъ малоазіатскихъ некрасовцевъ Ивановъ-Желудковъ (авторъ двухъ помѣщенныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статей: «Русское село въ Малой Азіи» и «Словацкія сёла подъ Пресбургомъ») затѣялъ путешествовать во второй половинѣ 1866 года по Галиціи съ археологическими и этнографическими цѣлями. По подозрѣнію въ «московской пропагандѣ», онъ былъ арестованъ и высланъ заграницу. Понятно, Ивановъ протестовалъ противъ этого—и фактовъ, доказывающихъ его потайные замыслы, не было открыто, кромѣ голословныхъ заявленій польскихъ органовъ, что онъ подговаривалъ русскихъ сельчанъ въ Коломыйскомъ округѣ написать просьбу о присоединеніи восточной Галиціи къ Россіи. «Какъ естественна такая пропаганда отъ человѣка, состоящаго турецкимъ подданнымъ», иронизировалъ по

этому поводу Катковъ («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 246). Были, между прочимъ, и такія арестованныя по подобнымъ же подозрѣніямъ личности, какъ назвавшій себя остзейскимъ уроженцемъ Энгельбрехтомъ, который предпочелъ остаться подъ арестомъ, чѣмъ быть высланнымъ въ Россію («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 252).

Редактора «Слова» Дѣдицкаго обвиняли въ томъ, что онъ получаетъ субсидіи изъ Россіи. Эти извѣстія повторялись не только польскими газетами: «Народовою» и «Часъ», но и такими чешскими органами, какъ «Народный Листъ» и «Политика». Каждая денежная посылка изъ Россіи подвергалась комментаріямъ въ печати и обильно украшалась всякими сплетнями. Правительство русское приглашало для занятія учительскихъ должностей въ Царствѣ Польскомъ гимназическихъ учителей изъ русскихъ галичанъ и посылало имъ деньги на проѣздъ. Это служило основаніемъ къ самымъ нелѣпымъ легендамъ, исходившимъ изъ того, что нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ почты, для посылки негласныхъ вспомоществованій. («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 250). Графъ Голуховскій черезъ нѣкоторое время запретилъ уніатскимъ священникамъ Галиціи переходить въ русскую Польшу, куда ихъ приглашали на вакансіи духовныхъ лицъ, уволенныхъ послѣ мятежа («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 41). Рѣшено было стѣснить, по возможности, общеніе Галиціи съ Россіей.

Интересенъ произошедшій въ ту же эпоху разговоръ галицкаго митрополита Литвиновича съ канцлеромъ Сапѣгой, въ которомъ первый жаловался, что галицкая Русь терпитъ гоненія на сеймѣ. Дѣйствительно, такъ какъ на галицкомъ сеймѣ поляковъ $^2/_3$, а русскихъ $^1/_3$, то послѣдніе обречены на невозможность отстаивать интересы своей національности и при единодушіи поляковъ имѣютъ только какъ бы совѣщательный голосъ. Князь Сапѣга совѣтовалъ русскимъ заботиться внѣ сейма о своей народности, языкѣ и церкви, но допускалъ только правдивую рус-

скую народность, въ Россіи воспрещенную. На это въ «Словѣ» былъ данъ торжественный отвѣтъ: «Мы и весь народъ нашъ знаемъ только одну русскую народность, одинъ русскій языкъ и одну русскую церковь» («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 246).

Катковъ характеризовалъ угнетеніе поляками русской народности въ Галиціи, какъ проявленіе той-же польской справы, полной ненависти къ Россіи.

«Эта партія, заявлялъ онъ, устроила въ Галиціи батарею, которою она собирается дѣйствовать противъ Россіи» («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 41).

«Полонизація Галиціи, замѣчали «Московскія Вѣдомости», считается однимъ изъ весьма важныхъ наступательныхъ средствъ противъ Россіи въ виду восточнаго вопроса. Что же? Если Австріи угодно, мы готовы признать связь польскаго вопроса съ турецкимъ. Два погибшія дѣла могутъ быть наклонны къ вступленію въ союзъ, и польскіе патріоты проложили уже себѣ пути не только къ турецкой службѣ, но и къ исламу! Таковы, видно, историческія тяготѣнія». («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 222).

«Безпрерывная и продолжающаяся уже нѣсколько мѣсяцевъ агитація галицко-польскихъ газетъ противъ Россіи и русскихъ, ихъ крики о движеніи войскъ съ обѣихъ сторонъ, сообщаемые ими слухи объ усиленіи гарнизона въ Замостьѣ, ихъ совѣты укрѣпить Краковъ и т. д., начинаютъ приносить и другія, конечно неожиданныя послѣдствія, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Катковъ. Въ массѣ сельскаго населенія не только обѣихъ половинъ Галиціи, но даже сосѣднихъ съ нею областей: Моравіи и Силезіи ростетъ и крѣпнетъ мысль, что рано или поздно въ эти области вторгнутся русскіе и прекратится господство пановъ» («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 252).

Въ концѣ 1866 года обостреніе отношеній между польской и русской партіей достигло послѣдней степени напряженія на засѣданіяхъ галицкаго сейма. Постановлены были рѣшенія, подкопавшія независимость русскихъ училищъ отъ польскихъ властей и стѣснившія права русскаго языка въ школахъ. Въ послѣднемъ засѣданіи русскіе депутаты, возмущенные этими постановленіями, рѣшились оставить залу, чтобы не участвовать въ голосованіи, но безъ нихъ не могло составиться персонала, необходимаго для признанія его дѣйствительности, такъ какъ

часть польскихъ депутатовъ уже разъѣхалась. Тогда поляки стали загораживать уходившимъ выходъ изъ залы. Среди этого шума и борьбы вотированъ былъ враждебный русской партіи проектъ о школьныхъ совѣтахъ.

«Австрію, повидимому, наталкиваютъ ея нынѣшніе руководители на опасную роль, которую должна была выпустить изъ своихъ рукъ древняя Польша—писалъ по этому поводу Катковъ» («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 1).

Въ рядѣ прочувствованныхъ статей аппелировалъ онъ къ русскому общественному мнѣнію противъ того, что дѣлалось въ Галиціи.

«Борьба нашихъ галицкихъ братій не можетъ быть продолжительна безъ сильной помощи изъ Россіи.... Пусть галичане отправляютъ свое юношество въ русскіе университеты, пусть шлютъ они въ Москву произведенія своихъ драматическихъ писателей. Пусть отзовется галицкая пѣсня въ Москвѣ; пусть услышитъ Москва родные звуки дальнихъ карпато-россовъ» («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 21).

«Галичанъ не истребляютъ огнемъ и мечомъ, какъ кандіотовъ... Но на нихъ со всѣхъ сторонъ сыплются удары. За что? Они жили тихо и смирно, благословляя своего цезаря и увѣренные въ его благоволеніи. За что отнимаютъ у нихъ школы, тѣснятъ ихъ вѣру, преслѣдуютъ священниковъ? За что лишенъ своего мѣста уважаемый профессоръ Я. Ѳ. Головацкій и оставленъ безъ куска хлѣба съ женой и дѣтьми? За что дѣлаютъ всевозможныя непріятности людямъ, которые предпочитаютъ кирилицу польско-латинскому алфавиту и свой русскій языкъ навязанному польскому? («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 61).

Московскій славянскій комитетъ устроилъ 29 января 1867 года литературное утро для сбора въ пользу галичанъ, а потомъ концертъ. Деньги отъ сбора предназначены были для оказанія пособія нѣкоторымъ изъ наиболѣе нуждающихся галицкихъ литераторовъ и для доставленія русскихъ книгъ лицамъ и мѣстамъ, въ нихъ нуждающимся («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 21).

Тѣмъ временемъ произошелъ оживившій славянскую идею съѣздъ представителей всего славянскаго міра въ маѣ мѣсяцѣ 1867 года въ Москвѣ по случаю этнографической выставки.

Мысль объ этой выставкѣ появилась еще въ 1864 году въ связи съ патріотическимъ возбужденіемъ русскаго общества по случаю подавленія польскаго возстанія. Какъ-бы въ возмездіе за пережитыя опасенія по поводу цѣлости Россіи, предположено было дать русскимъ людямъ зрѣлище всѣхъ этнографическихъ типовъ, населяющихъ территорію нашего многомилліоннаго отечества. Но мысль эта какъ-то вяло тянулась, пока она не пришла въ соприкосновеніе съ оживившимся въ 1866 году славянскимъ вопросомъ. Рѣшено было привлечь къ участію въ выставкѣ братьевъ-славянъ. Вышедши изъ узко-національной рамки, этнографическая выставка стала воплощеніемъ духовнаго единства широко разметавшихся по Европѣ славянскихъ племенъ.

Дѣло быстро закипѣло. Славяне австрійскіе и турецкіе горячо отозвались на призывъ. Много пожертвованій поступало со всѣхъ сторонъ—во главѣ ихъ находились пожалованія Августѣйшей четы: Государя и Государыни Императрицы.

Естественно, въ средѣ нашихъ далекихъ соплеменниковъ явилось желаніе взглянуть на созданное общими усиліями и интересное по національному чувству зрѣлище. Со всѣхъ концовъ славянскаго міра соединились депутаты для посѣщенія выставки. Главный контингентъ дала Чехія, а также турецкая и австрійская Сербія. Были также русскіе изъ Венгріи (священникъ Молчанъ) и изъ Галиціи (Головацкій, Ливчакъ и Павлевичъ). Всего собралось 69 гостей. Въ ихъ средѣ выдавались имена чеховъ: Палацкаго и Ригера и серба Шафарика.

Выставка была открыта 5-го мая 1867 года въ московскомъ манежѣ. Государь со всѣмъ семействомъ и многочисленныя депутаціи отъ различныхъ учрежденій и мѣстъ посѣтили ее. Заимствуемъ изъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Современной Лѣтописи» описаніе выставки.

Въ серединѣ большой галлереи возвышалась импера

торская ложа, являвшаяся какъ-бы центромъ всего окружающаго. Около нея помѣщена была группа великорусскаго племени, окруженная декорацiей, изображавшей знакомую русскую картину: сосновый боръ съ разбросавшейся по опушкѣ деревней, въ которой происходила ярмарка; церковная колокольня и вѣтряная мельница дополняли пейзажъ. Цѣлое крестьянское семейство, кузнецъ съ атлетическими руками и медвѣжатникъ со своимъ укрощеннымъ звѣремъ являлись представителями великой Руси. Въ то время господствовало отношенiе къ русскому крестьянству, какъ къ «многострадальнымъ кормильцамъ» народа. Подъ влiянiемъ этого настроенiя всѣ типы и обстановка представителей велико-русскаго племени были выполнены такъ, чтобы вызывать скорѣе жалость, чѣмъ чувство величiя въ зрителяхъ. Жалкiя избенки, изнеможденныя трудомъ и лишенiями лица—вотъ что видѣлъ передъ собою посѣтитель выставки въ русскомъ отдѣлѣ. «Великая Русь» являлась передъ своими соплеменниками въ лохмотьяхъ. Катковъ горячо возражалъ противъ этого тона великорусской группы, противъ патрiотическаго реализма, предполагающаго, что мужикъ лишается, одѣвши сапоги, части своей нацiональности и заслуженнаго имъ сочувствiя. Онъ жаловался на то, что въ этой группѣ нѣтъ проявленiй внутренней, нравственной силы, которая привлекаетъ и ассимилируетъ окружающiя племена; онъ сѣтовалъ, что нѣтъ даже ни одного просто красиваго лица среди 30 женскихъ маннекеновъ.

Рядомъ съ великоруссами помѣстилась малорусская группа, затѣмъ польская, единственная на выставкѣ, которая была организована не добровольнымъ содѣйствiемъ ея представителей, а заботами мѣстныхъ русскихъ властей. Затѣмъ, потянулись группы австрiйскихъ и турецкихъ славянъ, а по другую сторону многочисленные типы инородцевъ, наполняющихъ Россiю: якуты съ своими шаманами, самоѣды во время жертвоприношенiя, гебры съ поклоненiемъ огню и т. п. Только-что покоренный Кавказъ

далъ также нѣсколько интересныхъ представителей, помѣщенныхъ у подножія утеса, на которомъ красовался могучій орелъ, готовый взмахнуть крыльями...

Славянскіе гости прибыли въ Россію 16 мая. Ни одного поляка не было въ средѣ прибывшихъ. Славяне направили свой путь черезъ Варшаву и Вильну въ Петербургъ. Каждая остановка ихъ ознаменовывалась обѣдами, рѣчами и привѣтствіями депутацій.

Государь Императоръ, которому представились пріѣзжіе въ Царскомъ Селѣ, привѣтствовалъ ихъ какъ «родныхъ славянскихъ братьевъ на родной славянской землѣ». Шафарикъ произнесъ маленькую рѣчь, въ которой выразилъ радость славянъ по случаю исполинскихъ шаговъ, которые Россія дѣлаетъ впередъ въ своемъ просвѣщеніи и благосостояніи.

День славянскихъ святителей Кирилла и Меѳодія (11 мая) былъ отпразднованъ обѣдомъ, даннымъ въ залахъ дворянскаго собранія. Надъ эстрадой противъ царской ложи (откуда произносились рѣчи) была водружена хоругвь, принесенная въ даръ для этого дня слѣпцомъ - писателемъ Ширяевымъ. Меню было составлено изъ однихъ исключительно славянскихъ названій. Посреди него изображена была географическая карта съ изображеніемъ славянскихъ земель и надписью: «однимъ-бы солнцемъ грѣться намъ».

Нельзя не упомянуть о замѣчательной рѣчи министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстаго, которою были открыты привѣтствія славянамъ.

«Если-бъ вы проѣхали всю обширную Россію, было между прочимъ сказано въ ней, отъ одного конца, въ которомъ восходитъ солнце во владѣніяхъ русскаго Царя, и до того, гдѣ во владѣніяхъ-же русскаго Царя, оно заходитъ, повсюду встрѣтили-бы вы то-же самое сочувствіе со стороны 70-ти милліоннаго ея населенія. Сочувствіе знаменательное! Оно, какъ вы сами удостовѣрились, идетъ прямо отъ сердца, въ немъ нѣтъ ничего подготовленнаго, разсчитаннаго, ничего, какъ говорится, политическаго..... Но умаляется ли отъ этого значеніе нашего сочувствія? Напротивъ, на мой взглядъ, оно увеличивается: это показываетъ, что оно основано не на какихъ-либо

внѣшнихъ, измѣняющихся случайныхъ обстоятельствахъ, а на внутренней связи между нами».

Катковъ ознаменовалъ день Кирилла и Меѳодія воспоминаніемъ о болгарахъ, которые изъ-за боязни передъ турками не могли прибыть на праздникъ. («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 102). Но изъ всѣхъ славянскихъ народностей къ нимъ первымъ, по волѣ судебъ, русскіе пришли въ гости, хотя погостили недолго.

Въ слѣдующемъ номерѣ Катковъ указалъ на совпаденіе посѣщенія Россіи славянскими гостями съ помолвкою греческаго короля съ русскою великою княжной Ольгой Константиновной. Онъ видѣлъ въ этомъ совпаденіи какъ-бы предсказаніе великой будущности греко-славянскаго православнаго міра. Какъ въ удѣлъ Франціи выпало покровительство романскими народностямъ въ дѣлахъ ихъ національнаго устройства, какъ Германія исполняетъ ту же задачу по отношенію къ своему племени, такъ на Россіи лежитъ эта обязанность по отношенію къ упомянутому міру грековъ и славянъ, который сдѣлается великимъ факторомъ общаго развитія («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 103).

Катковъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ охарактеризовалъ отношеніе Россіи къ славянскому міру. Настаивая на томъ, что положеніе Россіи по условіямъ ея существованія чисто оборонительное, а не завоевательное, онъ заявилъ:

«Русскій народъ не выигралъ-бы ничего, еслибы какими нибудь судьбами вошли въ его государство тѣ славянскія народности, которыя теперь изнываютъ подъ османскимъ владычествомъ или мечутся въ разлагающейся Австріи; напротивъ, Россія только ослабила-бы свой государственный составъ введеніемъ въ него элементовъ, хотя близкихъ и родственныхъ къ ней, но еще въ доисторическую пору выступившихъ изъ племеннаго единства; она утратила-бы всякую мѣру и стала бы въ тягость себѣ; наконецъ, она очутилась бы еще болѣе одинокою въ мірѣ, чѣмъ была до сихъ поръ. Несравненно выгоднѣе для нея находиться въ кругу дружелюбныхъ ей политическихъ существованій, которыя естественно тяготѣли-бы къ ней и находили бы въ ея могуществѣ вѣрнѣйшее обезпеченіе своей независимости» («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 105).

Катковъ старался, вмѣстѣ съ тѣмъ, примирить симпатіи нашихъ гостей съ прошлымъ.

«Исторія Москвы, говоритъ онъ, есть исторія суровая. Она не говоритъ воображенію и не влечетъ къ себѣ горячихъ симпатій со стороны. Политика московскаго государства была безпощадная и жестокая. Всякій имѣетъ чѣмъ нибудь упрекнуть ее и мало кому она по сердцу. Но не будь этого прошедшаго, гдѣ былъ бы теперь славянскій міръ и что значила бы славянская идея» («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 110).

16-го мая выѣхали славянскіе гости въ Москву. Черезъ пять дней происходилъ банкетъ въ павильонѣ, выстроеномъ въ Сокольникахъ для принятія Государя и сохраненномъ временно для чествованія нашихъ соплеменниковъ. На этомъ банкетѣ Погодинъ впервые упомянулъ объ отсутствіи поляковъ, которое составляло прискорбный пробѣлъ въ братскомъ единеніи.

«Я произнесъ имя поляковъ. Но гдѣ же они? Я не вижу здѣсь никого, говорилъ онъ. Увы, они одни изъ славянъ стоятъ далече, бросаютъ на насъ суровые взгляды. Нужды нѣтъ, Богъ съ ними! Мы не исключаемъ ихъ изъ нашей семьи и, горько плача объ роковомъ ихъ ослѣпленіи, желаемъ, чтобъ они, хоть теперь, увидѣли свое неестественное положеніе, находясь въ тѣсномъ союзѣ съ невольными врагами славянства въ родѣ турокъ, тогда какъ всѣ славяне между собою любезно цѣлуются и крѣпко обнимаются. О еслибъ они, помолимся братья, забывъ прошлое, оставивъ вражду, довѣрились благодушію нашего возлюбленнаго, благороднаго Государя, носящаго имя ихъ перваго благодѣтеля Александра I! Тогда радость наша, русская и славянская, была-бы полною».

Это заявленіе вызвало рѣчь чешскаго депута Ригера, который, указавъ на историческія неправды Польши противъ Россіи, сталъ просить о любви и милости по отношенію къ полякамъ.

«Мы видѣли, замѣтилъ онъ, какъ много кривды дѣяно съ вами, и хорошо понимали ту горесть, которую народила въ вашемъ сердцѣ эта кривда. Но все же мы спросимъ васъ: что настанетъ, если братъ брата обидѣлъ и обиженный побѣдилъ другого? Должна ли взаимная горечь, должна ли ненависть длиться цѣлые вѣка? Я думаю, что здѣсь настанетъ та минута, когда должна сказаться братская любовь. Въ эту рѣшительную минуту герой-побѣдитель долженъ великодушно сказать побѣжденному брату: я укротилъ тебя, ты весь въ

моихъ рукахъ и я могу сдѣлать съ тобою все, что мнѣ будетъ угодно. Но я справедливъ, я поступлю съ тобою по-братски. Я хочу даровать тебѣ твое право и твое бытіе».

На эту рѣчь отвѣтилъ князь Черкасскій, еще недавно передъ тѣмъ принимавшій дѣятельное участіе въ управленіи Царствомъ Польскимъ. Онъ поставилъ вопросъ на почву: можетъ ли одно изъ соединенныхъ въ государствѣ племенъ искать для себя бо̀льшихъ правъ, чѣмъ тѣ, которыми обладаетъ господствующее племя? Польшѣ было въ двадцатыхъ годахъ предоставлено гораздо болѣе льготъ, чѣмъ Россіи, но свою политическую свободу поляки растеряли собственной виной два раза: и въ 1830, и въ 1863 годахъ. Вспомнивъ о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя русское правительство расточало послѣднее время польскому крестьянству, князь Черкасскій заявилъ слѣдующее:

«Когда сыны Польши добровольно возвратятся къ нашей общей братской трапезѣ, въ нашъ общій родительскій домъ, но не какъ строптивые сыны, а подобно блудному сыну, во всеоружіи искренняго, смиреннаго раскаянія, тогда полякамъ будутъ широко раскрыты наши братскія объятія, и не будетъ въ нашемъ стадѣ довольно жирнаго тельца, котораго мы пожалѣли-бы заклать для этого праздника».

Съ большою находчивостью князь Черкасскій перешелъ къ притѣсненіямъ, чинимымъ поляками русскому населенію въ Галиціи.

«Выражу еще другое пожеланіе. Пусть власть имѣющіе голоса обратятся къ тому же несчастному племени и скажутъ ему: Россіи, конечно, вамъ трудно теперь-же доказать ваши родственныя чувства; но есть племя въ Европѣ, живущее за предѣлами Россіи, племя разбитое, племя, находящееся нынѣ подъ чужою пятой, племя, не просящее себѣ ни силы, ни власти, ни преобладанія, а лишь защиты. Внемлите просьбамъ этихъ вашихъ собратій, русскихъ галичанъ... Изъ этого сближенія, изъ этихъ новыхъ отношеній двухъ родственныхъ въ Галиціи племенъ мы увидимъ, имѣемъ ли мы и въ нашихъ отношеніяхъ съ поляками дѣло съ одними звуками, съ одними призраками, или-же имѣемъ дѣло съ дѣйствительностью, съ искренностью и прямотой».

Рѣчь эта была встрѣчена восторженнымъ одобреніемъ. Съ горячимъ сочувствіемъ отозвался о ней на слѣдующій

день Катковъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Съ большою сдержанностью и тактомъ упомянулъ онъ о рѣчи Ригера.

«Слово любви и примиренія такъ само по себѣ хорошо, что оно вездѣ, какъ будто кстати. Мы цѣнимъ въ полной мѣрѣ побужденія, одушевлявшія оратора. Вожди общественнаго мнѣнія въ своей странѣ, и Палацкій, и Ригеръ, въ самый разгаръ польскаго мятежа, не увлеклись общимъ движеніемъ противъ Россіи; они оставались твёрды и не потворствовали польскимъ патріотамъ, которые, пользуясь фальшивымъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія въ Россіи, успѣли завладѣть почти всѣми его органами». «Мы не думаемъ, чтобы русскимъ нужно было примириться съ поляками—не думаемъ, потому что примиреніе предполагаетъ вражду и ненависть; но вражды и ненависти къ людямъ польскаго происхожденія въ нашей общественной средѣ не было, даже въ то время, когда кипѣло возстаніе, когда русское имя предавалось на всѣхъ площадяхъ Европы поруганію...»

Катковъ заключилъ сожалѣніемъ, что на славянскомъ обѣдѣ не было никого изъ польскихъ крестьянъ, этихъ простыхъ людей, носящихъ польское имя, но не имѣющихъ ничего общаго съ польскою идеей. Г. Погодину не довелось-бы тогда скорбно сѣтовать на отсутствіе поляковъ и намекать имъ въ утѣшеніе на 1815 годъ, а г. Ригеру не пришлось-бы взывать къ русскому обществу о милосердіи и прощеніи («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 113).

Такъ разсѣялось значеніе этого обстоятельства, промелькнувшаго легкою тѣнью въ единодушіи славянскаго братства. Прощаніе славянскихъ гостей съ Москвою было сильнѣе омрачено полученіемъ прискорбнаго для всѣхъ извѣстія о совершеніи полякомъ Березовскимъ, 25 мая 1867 года, покушенія противъ жизни Государя, отправившагося въ Парижъ для посѣщенія всемірной выставки.

26 мая назначенъ былъ обѣдъ гостямъ въ купеческомъ собраніи. Готовилось разливанное море яствъ и винъ; передъ самымъ началомъ торжества пришла тяжелая вѣсть изъ Парижа. Вмѣсто того, чтобы садиться за веселый пиръ, послали за священникомъ, который отслужилъ въ залѣ благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Обѣдъ

прошелъ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ... Славяне пользовались всякимъ случаемъ, чтобы выразить свое сочувствіе русскимъ.

Замѣчательно совпаденіе прощанія со славянами съ этимъ мрачнымъ событіемъ. Вѣдь измѣненіе въ нашей внутренней политикѣ, отдалившее насъ отъ западныхъ славянъ, живущихъ среди другихъ условій, произошло именно вслѣдствіе возобновленія подобныхъ-же грустныхъ фактовъ, повліявшихъ даже на отношеніе Верховной власти къ осуществленнымъ уже реформамъ.

Нѣкоторое разочарованіе промелькнуло среди славянъ уже вскорѣ послѣ съѣзда, какъ можно видѣть по статьѣ, помѣщенной въ газетѣ «Застава» сербскимъ депутатомъ Политомъ. Онъ высказывалъ, напримѣръ, недоумѣніе по поводу вторичной пріостановки газеты: «Москва» за статью, въ которой дѣлалось различіе между администраціей и правительствомъ.

«Я думаю, замѣтилъ Политъ, что еслибы какой нибудь мадьярскій публицистъ критиковалъ съ такою же деликатностью венгерскаго министра, то этотъ послѣдній прислалъ бы ему письменную благодарность» («Моск. Вѣд.» 1868 г., № 48).

Съ большой ироніей высказывался Катковъ объ Австріи и ея политическомъ значеніи. «Говорятъ, что существованіе Австріи есть необходимость; говорятъ что еслибы Австрія не имѣлась налицо, то надобно бы было её выдумать. Пусть такъ! но если-бъ когда нибудь пришлось выдумывать Австрію, то не лучше ли выдумать что нибудь другое? («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 111). Онъ говорилъ, что славянъ сбиваютъ съ толку перспективой федеративнаго устройства къ предѣлахъ австрійской имперіи и смущаютъ властолюбіемъ Россіи и грознымъ призракомъ панславизма, но пусть они не теряютъ вѣры въ будущность славянскаго міра! Онъ указывалъ на необходимость общаго языка, которая былъ-бы связующимъ его звѣномъ («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 112). Мысль эта, уже мелькавшая

въ рѣчахъ славянскихъ гостей, была подхвачена чешскою газетой: «Народныя Новины», рекомендовавшей для этой цѣли изученіе русскаго языка («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 128).

Въ искренно прочувствованныхъ выраженіяхъ благодарили славянскіе гости печатнымъ заявленіемъ Россію за гостепріимный и родственный пріемъ. Но дома ожидали ихъ непріятности, доходившія до преслѣдованій. Католическій священникъ Данило, издатель газеты: Il Nazionale попалъ въ тюрьму за возраженія, которыя онъ готовилъ противъ написаннаго на тему славянскаго съѣзда памфлета нѣкоего польскаго публициста Клячко; австрійскій сербъ Субботичъ былъ лишенъ судебной должности, которую занималъ, и выслуженной пенсіи; даже путь въ адвокатуру былъ для него закрытъ. Сообщая объ этомъ, Катковъ взывалъ къ братскимъ чувствамъ русскаго общества, отъ котораго наши гости въ правѣ были ожидать поддержку («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 247). Славянскій комитетъ разростался: основанъ былъ отдѣлъ его въ Петербургѣ, а въ 1870 году открыто было славянское благотворительное Общество въ Одессѣ («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 101).

Не всѣ въ предѣлахъ Россіи сочувствовали однако славянскому сближенію. «Вѣсть», газета старо-помѣщичьей партіи, провозглашала принципъ: «Россія для русскихъ»; St. Petersburger Zeitung называла славянскихъ гостей измѣнниками. Политъ въ упомянутой уже статьѣ въ газетѣ «Застава» заявлялъ: «Сербъ еще въ колыбели воображаетъ, что русскій есть наибольшій господинъ въ мірѣ, и никакъ не можетъ представить себѣ, что онъ даже не господинъ у себя дома» («Моск. Вѣд.» 1868 г., № 48).

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1868 года произошла громадная народная демонстрація въ Прагѣ въ пользу провозглашенія Чехіи особымъ королевствомъ на правахъ венгерскаго. Катковъ выразилъ, конечно, сочувствіе этому требованію; къ произошедшей 4—16 мая закладкѣ чешскаго народнаго театра были приглашены представители всѣхъ сла-

вянскихъ племенъ; отъ «Московскихъ Вѣдомостей» былъ посланъ туда спеціальный корреспондентъ. Для успокоенія чеховъ было придумано посѣщеніе Праги императоромъ Францомъ-Іосифомъ, но оно дало поводъ къ новымъ демонстраціямъ. Наконецъ, новымъ сигналомъ къ нимъ послужило чествованіе пятисотлѣтней памяти Гусса («Моск. Вѣд.» 1868 г., №№ 91, 96, 131, 152). Этотъ день рѣшено было отпраздновать и въ Россіи; дружеская связь между Россіей и славянствомъ не прерывалась. («Моск. Вѣд.» 1868 г., № 111).

Французскія газеты очень недружелюбно относились къ славянскому единенію. Одинъ изъ членовъ законодательнаго корпуса Делламаръ написалъ цѣлую брошюру подъ оригинальнымъ заглавіемъ: «Un singulier pour un pluriel», гдѣ съ большимъ задоромъ доказывалъ необходимость замѣнить, въ виду славянской пропаганды, названіе каѳедры «славянскаго языка» при Collège de France названіемъ каѳедры «славянскихъ языковъ», чтобы отдалить её отъ мысли объ единствѣ. Карно, принявшій на себя защищать этотъ вопросъ въ законодательномъ собраніи, поставилъ его на политическую почву. «Европѣ, говорилъ онъ, угрожаетъ опасность подпасть не славянскому, а московскому элементу, причемъ азіатская цивилизація восторжествовала бы надъ европейской». Законодательный корпусъ торжественно переименовалъ каѳедру, смущавшую французскихъ патріотовъ («Моск. Вѣд.» 1868 г., №№ 121 и 151). Когда началась франко-германская война, Катковъ указалъ на то, какъ сама исторія разъясняетъ французамъ, что истиннымъ ихъ врагомъ является не славянскій, а германскій міръ («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 157).

Когда-же Францію постигло въ 1870 году жестокое пораженіе, газеты всѣхъ славянскихъ національностей: чеховъ, хорватовъ, словаковъ, словенцевъ, сербовъ подняли дружный хоръ враждебныхъ заявленій противъ предстоявшаго усиленія германской націи. Даже въ Галиціи новая

польская газета «Славянинъ» присоединилась къ общимъ опасеніямъ, а другія газеты, враждебныя Россіи, колебались между этимъ чувствомъ и страхомъ передъ Германіей («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 268). Сербы, хорваты и словенцы рѣшились на произошедшемъ въ то время съѣздѣ въ Люблинѣ стремиться къ болѣе солидарной политической организаціи; чехи съ большой энергіей выразили дружеское сочувствіе къ Россіи. Они подали правительству подписанную 87 лицами промеморію въ пользу разрѣшенія черноморскаго вопроса согласно интересамъ Россіи. Во главѣ депутаціи, представившей её графу Бейсту, находились Ригеръ и Палацкій, но австрійскій министръ отказался её принять («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 263).

Во время сессіи рейхсрата въ слѣдующемъ году произошло извѣстное конституціонное столкновеніе, низвергшее министерство Бейста. Явилось министерство Потоцкаго, обѣщавшее распространить австро-венгерскій дуализмъ на польскую Галицію, но было также низвергнуто; его преемникъ, графъ Гогенвартъ поставилъ на очередь вопросъ о пересмотрѣ конституціи какъ въ пользу Галиціи, такъ и въ пользу Чехіи. Мѣстнымъ сеймамъ было предоставлено обсудить вопросъ въ согласіи съ условіями могущества имперіи и законными требованіями прочихъ государствъ и областей. Поляки получили особаго министра по галиційскимъ дѣламъ. Рескриптъ Франца-Іосифа, корымъ созывался сеймъ въ Прагѣ, былъ составленъ очень милостиво. Въ немъ выражалась готовность признать права королевства Богеміи и возобновить это признаніе присягой коронованія. Было установлено соглашеніе между Гогенвартомъ и вождями чеховъ: Ригеромъ и Кламъ-Мартиницей. На этомъ основаніи сеймъ составилъ такъ называемые «Fundamentalartikel», установлявшіе обособленіе Чехіи на подобіе Венгріи. Но въ рѣшительную минуту нѣмецкая партія опрокинула всѣ эти начинанія. Въ вѣнскомъ университетѣ студенты сдѣлали скандалъ министру народ-

наго просвѣщенія чеху Иричеку. Графъ Бейстъ, входившій въ составъ министерства Гогенварта, сталъ ему противодѣйствовать.

Нѣсколько ранѣе появилась въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» оффиціозная статья о нашихъ отношеніяхъ къ Австріи. «Австрійскій кризисъ, говорилось въ этой статьѣ, есть самый важный европейскій вопросъ дня... онъ касается насъ прямо чрезъ Галицію, а косвенно черезъ Востокъ». Миролюбивыя отношенія Россіи съ имперіей Габсбурговъ признавались покоящимися на историческихъ преданіяхъ. Но съ другой стороны указывалось на важность событій, происходившихъ въ Австріи. «Тамъ идетъ теперь работа преобразованія, а можетъ быть—и разложенія». Относительно будущности славянскихъ племенъ Австріи заявлялось, что она подвергается въ этотъ кризисъ большому риску, но отъ этого не слѣдуетъ еще приходить въ отчаяніе... «Самая сила вещей, превышающая всѣ разсчеты человѣческаго разума и увлеченія человѣческихъ страстей, тянетъ къ новому порядку непреодолимо». Россія, по смыслу оффиціальнаго сообщенія, обречена на роль сочувствующей зрительницы этой борьбы. «Россія повредила-бы всѣмъ славянскимъ племенамъ столько-же, сколько самой себѣ, еслибы употребила силы свои на борьбу столько-же опасную, какъ и несвоевременную... Несомнѣнно то, что призракъ панславизма всегда былъ и всегда будетъ главнымъ препятствіемъ къ тому, чтобы славянскія населенія въ этихъ государствахъ пользовались политическими правами ихъ національной автономіи». Въ связи съ этимъ, мысль «о соединеніи и слитіи славянскихъ племенъ подъ гегемоніей Россіи признавалась «утопіей». «Московскія Вѣдомости» стали безусловно на сторону этого сообщенія, говоря, что противъ русскаго панславизма является дѣйствительнымъ средствомъ «славянская Австрія» («Моск. Вѣд». 1871 г., № 273).

Кончился австрійскій кризисъ тѣмъ, что власть пере-

шла въ руки враждебной славянству нѣмецко-мадьярской партіи. Во главѣ цислейтанскаго министерства сталъ графъ Андраши. Славяне, составляющіе, за исключеніемъ поляковъ. болѣе половины населенія Австріи, не могли добиться своихъ правъ вслѣдствіе раздробленія на мелкія національности, не сознающія между собой солидарности. Андраши, по бывшимъ примѣрамъ, поспѣшилъ воспользоваться поляками, чтобы при ихъ содѣйствіи открыть рейхсратъ и разыграть комедію сохраненія конституціи. Конечно, заигрываніе съ поляками дѣлалось только для виду, какъ справедливо говорилъ Катковъ: искренняя замѣна дуализма тріализмомъ въ Австро-Венгріи повлекла бы за собою плурализмъ. («Моск. Вѣд.» 1873 г., № 2). Поляковъ старались эксплуатировать въ интересахъ господствующей партіи. Это оказалось въ очень непродолжительномъ времени. Въ 1873 году изданъ былъ законъ о непосредственныхъ выборахъ въ рехстагъ, а не по областнымъ сеймамъ. Законъ этотъ, направленный противъ славянства, былъ въ частности невыгоденъ также для поляковъ, такъ какъ онъ создавалъ русскому населенію въ Галиціи лучшую почву для борьбы съ польской партіей. Чехи и моравяне протестовали противъ и тѣмъ, что не занимали депутатскихъ мѣстъ въ вѣнскомъ рейхстагѣ, а чехи даже и въ чешскомъ сеймѣ. Вопросъ объ участіи въ послѣднемъ послужилъ въ концѣ 1873 года основаніемъ къ раздору между младо-чехами и старо-чехами, которые, въ лицѣ своихъ представителей Ригера и Палацкаго, указывали на безполезность этого участія, такъ какъ чехи составляютъ только треть представителей сейма. Но политика пассивнаго сопротивленія не нравилась младо-чехамъ. Происходившіе по этому поводу раздоры развязывали руки нѣмцамъ. Если присоединить къ нимъ страшную рознь между прочими славянскими народностями Австріи и въ средѣ ихъ представителей, говорилъ Катковъ, то дѣйствительно австрійскимъ нѣмцамъ есть чему радоваться: они побѣдили («Моск. Вѣд.» 1873 г., № 314).

Пока это происходило въ нѣмецкой Австріи, въ Транслейтаніи продолжалось прежнее систематическое господство венгровъ надъ славянскими народностями (словаками, хорватами и сербами). Газеты, для большаго успѣха интригъ венгерскихъ партій, пускали въ ходъ слухи о русскихъ и иныхъ эмиссарахъ панславизма. Вице-банъ Хорватіи Вакановичъ создалъ легенду о какихъ-то шпіонахъ: секретарѣ министра Панютинѣ, Орѣшковичѣ, о русскихъ рубляхъ и о русскихъ орденахъ, вносящихъ смуту въ Хорватію; изъ австрійской Сербіи появилась en pendant телеграмма о какомъ то безъимянномъ агитаторѣ, появившемся изъ Сербіи. Все это дѣлалось въ видахъ административнаго давленія на выборы. Но разсчетъ не оправдался: національная партія одержала верхъ въ Хорватіи («Моск. Вѣд.» 1872 г., №№ 125 и 132).

Опасенія дѣятельной панславистической политики со стороны Россіи замолкли въ иностранной печати послѣ положившаго начало тройственному союзу берлинскаго свиданія трехъ императоровъ въ 1872 году. Императоръ Вильгельмъ отвѣчалъ въ 1873 году посѣщеніями Петербурга и Вѣны, а въ началѣ 1874 года Францъ-Іосифъ, въ сопровожденіи своего имперскаго канцлера графа Андраши, посѣтилъ Россію. Вообще, взаимные визиты коронованныхъ особъ какъ-то вошли въ то время въ особенное употребленіе. Произошло еще въ 1875 году свиданіе короля итальянскаго съ императорами австрійскимъ и германскимъ. Съ своей стороны, король шведскій Оскаръ посѣтилъ Россію.

Но среди всѣхъ этихъ признаковъ мира внезапно загорѣлось движеніе на Балканскомъ полуостровѣ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1875 года пронеслась вѣсть о волненіяхъ въ Герцеговинѣ. Въ началѣ никто не приписывалъ имъ большого значенія и лордъ Дерби выразилъ даже сомнѣніе въ существованіи инсургентовъ, но черезъ два мѣсяца безпорядки превратились въ настоящее возстаніе. Мужское на-

селеніе поголовно вооружилось въ двухъ провинціяхъ: Босніи и Герцеговинѣ, и началась ужасная рѣзня, ожесточаемая религіозною ненавистью; семейства возставшихъ (въ числѣ около 80000, большею частью женщинъ, дѣтей и стариковъ) наполнили австрійскую Далматію, Сербію и Черногорію. Пламя грозило распространиться далеко... Россія и Австрія старались соединенными усиліями удерживать черногорцевъ и сербовъ отъ вмѣшательства въ возстаніе.

Напомнимъ вкратцѣ первыя перипетіи національной драмы на Балканскомъ полуостровѣ: консульскую комиссію, производившую на мѣстѣ изслѣдованіе о причинахъ возстанія; ноту графа Андраши о реформахъ въ возмущенныхъ провинціяхъ; меморандумъ по поводу этой ноты со стороны инсургентовъ; принятіе ея всѣми державами, участвовавшими въ парижскомъ трактатѣ и Портою; совѣты державъ инсургентамъ о прекращеніи мятежа; переговоры въ этомъ смыслѣ намѣстника Далматіи, барона Родича, и главнокомандующаго Хорватіи съ вождями инсургентовъ; свиданіе барона Родича съ генералъ-губернаторомъ Герцеговины Али-пашой и турецкимъ главнокомандующимъ Мухтаръ-пашой.... Россія съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за всѣми этими событіями, собирались подписки, газеты изобиловали статьями и свѣдѣніями съ театра возстанія.

Инсургенты не рѣшались довѣрять обѣщаніямъ, вынужденнымъ у Порты. Русскій кабинетъ держался взгляда, что нѣтъ болѣе основаній для продолженія возникшаго волненія. «Встрѣтившіяся затрудненія не могутъ быть выше воли соединенной Европы», гласило оффиціальное сообщеніе «Правительственнаго Вѣстника». Была созвана берлинская конференція, выработавшая новыя предложенія, которыя имѣли быть представлены Портѣ сообща отъ всѣхъ великихъ державъ, но Англія отказалась присоединиться къ нимъ.

Событія не заставляли себя ожидать. 17 мая 1876 г. произошло сверженіе Абдулъ-Азиса. Издатель газеты «Русскій Міръ», извѣстный генералъ Черняевъ, былъ приглашенъ сербскимъ правительствомъ и принялъ командованіе однимъ изъ сербскихъ корпусовъ. Напряженное состояніе вскорѣ привело къ вооруженному столкновенію Сербіи съ Турціей. Сербскія войска, подъ командой Черняева, 21 іюля перешли черезъ турецкую границу. Черняевъ обратился къ славянамъ турецкой имперіи съ воззваніемъ: «Возстань-же, славянинъ, заря твоей свободы уже занялась»... Воззваніе кончалось словами: «Впередъ на общаго врага и единогласно воскликнемъ: «Съ нами Богъ, разумѣйте языци».

Одновременно началось также возстаніе въ Болгаріи. «Да благословитъ Богъ нашихъ братьевъ! Да поможетъ имъ! Но еще много будетъ жертвъ, много прольется крови» — такими словами встрѣтилъ Катковъ новыя событія въ оттоманской имперіи («Моск. Вѣд.» 1876 г., № 153). Катковъ сваливалъ это на отвѣтственность Дизраэли. Вотъ плоды, которые стяжала политика Дизраэли въ теченіе съ небольшимъ мѣсяца, между тѣмъ какъ совокупное дѣйствіе державъ въ теченіе десяти мѣсяцевъ сдерживало волненіе въ Турціи, замѣчалъ онъ («Моск. Вѣд.» № 160).

Когда Journal de St.-Pétersbourg, имѣвшій service spécial въ Константинополѣ, сталъ сообщать о неудачахъ возставшихъ сербовъ, то Катковъ выразилъ по этому поводу недоумѣніе. Онъ замѣтилъ между прочимъ, что «самымъ туркофильскимъ органомъ въ Европѣ оказывается газета, которая почему-то слыветъ оффиціознымъ органомъ русскаго правительства по иностраннымъ дѣламъ» («Моск. Вѣд.» 1876 г., № 161). Всѣ упивались въ то время лучезарными надеждами. Катковъ, съ своей стороны, ободрялъ духъ сербскаго народа добрыми увѣреніями («Моск. Вѣд.» 1876 г., № 168).

Но радужное настроеніе продолжалось недолго. 14-го

іюля (ранѣе мѣсяца послѣ начала войны) Катковъ не скрывалъ уже, что дѣла принимаютъ для Сербіи съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе мрачный оборотъ («Моск. Вѣд.» 1876 г., № 179). Турки вскорѣ перешли въ наступленіе, и съ 23-го іюня Катковъ начинаетъ заявлять о необходимости вмѣшательства державъ для назначенія перемирія («Моск. Вѣд.» 1876 г., №№ 191 и 192). Генералъ Черняевъ изъ командующаго корпусомъ превратился въ главнокомандующіе всей восточной сербской арміи, какъ таковая съ торжествомъ именовалась. Пораженіе Мухтаръ-паши черногорцами у Вербицы нѣсколько пріостановило движеніе Керимъ-паши противъ Сербіи. Но силы сопротивленія видимо слабѣли. Катковъ-же мечталъ еще о расширеніи возстанія; въ началѣ августа онъ призывалъ румынскаго князя къ войнѣ противъ Турціи («Моск. Вѣд.» 1876 г., № 198).

Еще до начала войны потянулись въ Сербію добровольцы. Начались сборы врачей для помощи раненнымъ на полѣ битвы. Нѣкто докторъ Молловъ вызвался съ четырьмя хирургами поѣхать въ Сербію, если на подъемъ и проѣздъ имъ всѣмъ будетъ выдано 2000 р. Катковъ помѣстилъ это заявленіе въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ теплыхъ выраженіяхъ обратился къ братскимъ чувствамъ русскаго народа («Моск. Вѣд.» 1876 г., № 167). Общество московскихъ старообрядцевъ пожертвовало значительную сумму денегъ на устройство походнаго лазарета въ 100 коекъ («Моск. Вѣд.» 1876 г., № 179). Къ этому присоединились пожертвованія Сапожникова, Матюнина и Бетлинга. «Московскія Вѣдомости» открыли у себя сборъ пожертвованій на это предпріятіе («Моск. Вѣд.» 1876 г., № 180).

Въ серединѣ іюля старшина московскаго купечества Третьяковъ обратился къ членамъ этого сословія съ предложеніемъ жертвовать посильную лепту въ пользу болгаръ. «Настало время русскимъ православнымъ людямъ, гово-

рилъ онъ въ своемъ циркулярѣ, показать не на словахъ, а на дѣлѣ нашимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ, что мы слышимъ ихъ вопль и стоны, что мы живо чувствуемъ ихъ страданія, что они близки нашему сердцу, что они намъ и мы имъ не чужіе».

«Народное чувство заговорило — писалъ по этому поводу Катковъ. Одинъ духъ объемлетъ людей всѣхъ классовъ, всѣхъ степеней образованія»... Онъ разсказывалъ про женщинъ, сплошною толпою стоявшихъ у дверей Славянскаго Комитета и со слезами молившихъ отправить ихъ въ Сербію, чтобы онѣ могли служить въ госпиталяхъ и на поляхъ сраженія. («Моск. Вѣд.» 1876 г., № 180).

Августъ мѣсяцъ былъ временемъ противорѣчивыхъ извѣстій съ театра сербской войны. То положеніе дѣлъ представлялось въ мрачномъ видѣ, то опять являлись надежды на успѣхъ. 15 августа пришли телеграммы о блистательной побѣдѣ сербской арміи надъ главными силами турокъ при Алексинацѣ. Упоминалось даже о дикомъ бѣгствѣ послѣднихъ. Но черезъ десять дней положеніе сербовъ превратилось изъ побѣдоноснаго въ безнадежное, такъ что Катковъ сталъ требовать вмѣшательства державъ, чтобы предупредить штурмъ турками Алексинаца («Моск. Вѣд.» 1876 г., № 216). Черняевъ съ главными силами отступилъ на Делиградъ. 7 сентября были получены извѣстія о провозглашеніи арміей князя Милана королемъ и о заключеніи перемирія на десять дней. Катковъ призналъ въ этомъ дѣйствіи сербской арміи доказательство ея увѣренности въ успѣхѣ («Моск. Вѣд.» 1876 г., №№ 228 и 229). Онъ возмущался по поводу шести пунктовъ мира, предложенныхъ Сербіи Турціей («Моск. Вѣд.» 1876 г., № 230). Державы предложили миръ на основаніяхъ status quo ante bellum для Сербіи и Черногоріи и административной автономіи для Босніи и Герцеговины, но Порта стала отклонять эти основанія («Моск. Вѣд.» 1876 г., № 245). Съ напряженнымъ вниманіемъ ожидала вся Россія исхода дипломатическихъ пе-

реговоровъ. Въ октябрѣ возобновились военныя дѣйствія. 18 октября были взяты турками Дюнишскія высоты, на которыхъ сосредоточилъ Черняевъ свое войско; при этомъ былъ сообщенъ слухъ, что сербская артиллерія отказалась сражаться. Это послѣднее извѣстіе впослѣдствіи, впрочемъ, опровергнуто было полковникомъ Грукчемъ. («Моск. Вѣд.» 1876 г., № 282). Въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей» была прислана изъ Бѣлграда отчаянная телеграмма: «Взываемъ во имя святой вѣры, свободы: спасите! Одно упованіе на васъ, братьевъ нашихъ!» («Моск. Вѣд.» 1876 г., № 267). Послѣдующія телеграммы выяснили отсутствіе мужества сербскихъ войскъ въ рѣшительныхъ схваткахъ; пришлось поплатиться за это русскимъ добровольцамъ. Катковъ старался, по возможности, смягчить впечатлѣніе этихъ неблагопріятныхъ для сербовъ извѣстій. «Да послужитъ память доблестныхъ русскихъ людей, павшихъ за Сербію, звѣномъ братской любви двухъ народовъ, столь близкихъ по крови и вѣрѣ», говорилъ онъ. («Моск. Вѣд.» 1876 г., № 270). Онъ старался также всячески умалить значеніе достигнутыхъ Турціей военныхъ успѣховъ («Моск. Вѣд.» 1876 г., № 273). Катковъ счелъ нужнымъ защищать и генерала Черняева противъ нападокъ корреспондента «Голоса» («Моск. Вѣд.» 1876 г., № 290).

Покойный Государь повелѣлъ русскому послу въ Константинополѣ предъявить двухдневный ультиматумъ для принятія Портой предложенныхъ Россіей условій перемирія и для немедленной пріостановки военныхъ дѣйствій. «Пора рѣшающихъ событій приближается»—заявилъ Катковъ. «Русская земля готова на дѣло судебъ Божіихъ»... («Моск. Вѣд.» 1876 г., № 268). Но турецкое правительство подчинилось ультиматуму.

Кромѣ сербскаго и черногорскаго, выдвинулся на очередь и болгарскій вопросъ. «Болгарія страшною цѣною купила право на вниманіе Европы», говорилъ Катковъ. («Моск. Вѣд.» 1876 г., № 193). Это заявленіе оправдывалось ужа-

сающими свѣдѣніями о рѣзнѣ, происходившей въ Болгаріи («Моск. Вѣд.» 1876 г., №№ 201, 202). Говоря о корреспонденціи по этому предмету «Правительственнаго Вѣстника» изъ Филиппополя, Катковъ заявилъ: «На правительствѣ г. Дизраэли лежитъ вся отвѣтственность и позоръ за пытки и мученическую смерть тысячи болгаръ, и вопіющей къ небу крови не смоютъ съ него никакіе графскіе титулы». Эти слова были привѣтствіемъ, которымъ Катковъ встрѣтилъ наименованіе Дизраэли графомъ Биконсфильдомъ («Моск. Вѣд.» 1876 г., № 205).

Съ этимъ можно еще сопоставить его отзывъ объ англійскомъ корреспондентѣ Форбзѣ. Начиная писать о немъ, Катковъ заявилъ: «Хотите-ли заглянуть въ британскую совѣсть и подивиться гадамъ въ ея глубинѣ? Вотъ вамъ образчикъ («Моск. Вѣд.» 1877 г., № 267).

Пріѣздъ Государя въ Москву и извѣстную рѣчь его въ кремлевскомъ дворцѣ, 29 октября 1876 года, Катковъ встрѣтилъ съ восторгомъ («Моск. Вѣд.», 1876 г., №№ 276 и 277). Началась длинная вереница довольно безцвѣтныхъ событій, предшествовавшихъ войнѣ: мобилизація арміи на югѣ Россіи, воинственная рѣчь лорда Биконсфильда на обѣдѣ лордъ-мэра, поѣздка лорда Салисбёри по европейскимъ дворамъ, заявленіе князя Бисмарка на парламентскомъ вечерѣ и рѣчь его по восточному вопросу, открытіе константинопольской конференціи, совпавшіе съ этимъ салюты пушекъ объявленной въ то время турецкой конституціи, странныя совѣщанія конференціи, еще болѣе странное отношеніе турецкаго правительства къ ея рѣшеніямъ и, наконецъ, окончательный, такъ долго замедлившійся разрывъ Россіи съ Турціей.

Катковъ еще въ октябрѣ высказывался противъ откладыванія рѣшительныхъ дѣйствій. Онъ писалъ по поводу проѣзда черезъ Москву главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича: «Новыхъ доказательствъ миролюбія Россіи никто уже не въ правѣ ожидать. Ею исто-

щены были всѣ усилія предотвратить неизбѣжное... Идолу дипломатическихъ обмановъ, подъ именемъ европейскаго соглашенія, было принесено уже слишкомъ много жертвъ... Мы безъ войны воюемъ болѣе года; мы должны выйти, какъ можно скорѣе, изъ этого положенія» («Моск. Вѣд.», 1876 г., № 299). Въ виду наступавшаго серьёзнаго времени, онъ предостерегалъ печать отъ всякой невоздержности слова по поводу нашихъ военныхъ приготовленій («Моск. Вѣд.», 1876 г., № 301). Круговая поѣздка лорда Салисбёри вызвала въ немъ шутку: не хотятъ ли нынѣшніе руководители Англіи, украсившіе корону ея королей императорскимъ титуломъ, присоединить къ ней еще титулъ калифа («Моск. Вѣд.», 1876 года, № 304). Онъ выражалъ сомнѣніе въ искренности князя Бисмарка:

«Есть-ли теперь земная сила, которая могла бы воспротивиться соединеннымъ силамъ Германіи и Россіи? Не достаточно-ли было-бы ихъ общаго требованія, серьезно заявленнаго, въ дѣлѣ столь справедливомъ, чтобы прекратить всякое своекорыстное сопротивленіе?» («Моск. Вѣд.» 1876 г., № 308).

Но, какъ извѣстно, силы эти дѣйствовали совмѣстно только когда это входило въ разсчеты Германіи.

Послѣ опубликованія рѣшеній константинопольской конференціи, произошла поѣздка по европейскимъ дворамъ бывшаго константинопольскаго посла графа Игнатьева; былъ подписанъ новый, ни къ чему не поведшій протоколъ. Это была послѣдняя попытка кончить дѣло общимъ соглашеніемъ.

Между тѣмъ, народные органы русской печати продолжали требовать энергическаго вмѣшательства Россіи въ турецкія дѣла. На этомъ настаивалъ Катковъ; въ томъ же смыслѣ высказался, за неимѣніемъ газеты,—Аксаковъ въ рѣчи, произнесенной 6 марта въ славянскомъ комитетѣ.

Когда была 12-го апрѣля объявлена война, «Московскія Вѣдомости» встрѣтили манифестъ словами: «Великое событіе!.. Оно подготовлялось давно, давно ожидала его

вся русская земля» («Моск. Вѣд.», 1877 г., № 87). Катковъ задалъ вопросъ, была ли возможность избѣжать войны? Онъ отвѣчалъ, что это было возможнымъ «развѣ только политикой ультиматума, политикой царскаго слова въ Кремлѣ, политикой чистаго отъ всякой политики христіанскаго движенія въ нашемъ народѣ» («Моск. Вѣд.», 1877 г., № 79). Дѣйствительно, можно думать, что бо̀льшая рѣшительность единоличнаго давленія Россіи на Порту осенью 1877 года могла-бы привести къ лучшимъ результатамъ, чѣмъ коллективная дѣятельность державъ, явно противодѣйствовавшихъ Россіи. Вѣдь покорилась-же Порта первому ультиматуму Россіи.

Мы не будемъ утруждать вниманіе читателей изложеніемъ статей Каткова во все продолженіе восточной войны 1877—1878 гг. Когда происходитъ военная расправа, слово публицистовъ отступаетъ на второй планъ.

Но въ концѣ войны возникъ вопросъ, пріобрѣвшій великое значеніе для общественнаго мнѣнія: занимать или не занимать Константинополь? Катковъ былъ за занятіе этого города.

«Пять мѣсяцевъ страдали скованные орлы и теперь, когда они въ полномъ блескѣ явили все превосходство, всю доблесть русскаго солдата, было-бы несправедливостью судьбы прервать ихъ гордый полётъ и отказать имъ въ полномъ торжествѣ» («Моск. Вѣд.» 1878 г., № 12).

Англійское правительство уже направило въ концѣ января свой флотъ въ Мраморное море. 29-го января нашъ канцлеръ разослалъ посламъ телеграммы, въ которыхъ объявилъ о томъ, что часть нашихъ войскъ должна вступить въ Константинополь, чтобы, подобно англійскому флоту, оказать покровительство христіанамъ. Перепечатывая изъ «Правительственнаго Вѣстника» текстъ этой телеграммы, Катковъ 2-го февраля присоединилъ къ нему извѣстіе, что по полученнымъ позднею ночью сообщеніямъ, можно считать вѣроятнымъ вступленіе русскихъ войскъ въ Царьградъ. Передовая статья этого номера полна торжествую-

щаго патріотизма. «Броненосная англійская эскадра давно стояла грозно близь Дарданеллъ, сторожа событія,—но ничего не усторожила и никого не испугала»,—писалъ онъ («Моск. Вѣд.» 1878 г., № 32).

Москва стала ликовать и расцвѣтилась было флагами. Каково-же было разочарованіе, когда слухъ этотъ оказался недоразумѣніемъ. На слѣдующій день «Московскія Вѣдомости» не выходили. 4-го февраля онѣ сообщили о неподтвержденіи слуха и о вступленіи въ воды Мраморнаго моря англійской эскадры («Моск. Вѣд.» 1878 г., № 33).

Тяжело для каждаго русскаго человѣка вспоминать объ эпизодахъ развязки нашей побѣдоносной войны. Пошли слухи о конгрессѣ, былъ заключенъ ничего не значившій миръ съ Турціей; на языкѣ у всѣхъ былъ вопросъ: будетъ-ли новая война съ тѣми противниками, которые стояли за спиной Турціи. Катковъ съ горькой проніей замѣчалъ, что «вопросъ совсѣмъ не въ этомъ. Вопросъ въ томъ, удастся или не удастся общипать насъ безъ войны. Зачѣмъ война, если можно легчайшимъ способъ достигнуть тѣхъ-же результатовъ» («Моск. Вѣд.» 1878 г., № 61). Онъ изложилъ событія послѣдняго времени въ слѣдующемъ видѣ:

«Мы добровольно отказались отъ господствующихъ позицій, мы не захотѣли обезпечить себя ни на Дарданеллахъ, ни въ Босфорѣ. Мы поступили такъ, чтобы засвидѣтельствовать наше миролюбіе и успокоить нахальнѣйшаго и злѣйшаго изъ нашихъ враговъ. Вмѣсто того, чтобы занять положеніе, которое вѣрнѣе обезпечило-бы нашъ миръ, мы преклонили предъ этимъ врагомъ наше оружіе и, въ виду нашихъ побѣдоносныхъ армій, дали ему овладѣть противъ насъ гарантіями, какими свойственно владѣть побѣдителю. Политика уступчивости привела насъ къ войнѣ, таже политика колеблетъ нашъ миръ». («Моск. Вѣд.» 1878 г., № 66).

Грозныя патріотическія предсказанія, которыя дѣлалъ Катковъ во время войны, не сбылись. Онъ тогда грозилъ Англіи, что она потеряетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ больше козней она будетъ строить Россіи («Моск. Вѣд.» 1877 г., № 271).

Въ концѣ 1877 года, сопоставляя Александра II съ Александромъ I, Катковъ такъ опредѣлялъ ихъ взаимное призваніе въ области внѣшней политики:

«Императору Александру I было даровано нанести побѣдоносный ударъ темной силѣ всемірнаго завоевателя. Борьба, предпринятая теперь Царемъ-освободителемъ, избавитъ міръ, какъ мы глубоко вѣруемъ, отъ корыстнаго властолюбія другой, еще болѣе мрачной силы, которая опутала міръ сѣтями своего обмана» («Моск. Вѣд.» 1877 г., № 309).

Но сила эта не поплатилась и не пострадала; напротивъ, она вынесла изъ событій 1876 — 1877 года новое торжество.

Весною 1877 года, поѣхалъ опять по европейскимъ дворамъ графъ Игнатьевъ, потомъ прибылъ изъ Лондона графъ Шуваловъ, сдѣлавшійся посредникомъ между Россіей и Англіей. Наконецъ, состоялся конгрессъ въ Берлинѣ. «Дипломатія опаснѣе турецкихъ армій и страшнѣе англійскаго флота» — писалъ Катковъ («Моск. Вѣд.» 1878 г., № 123). Онъ указывалъ на выдающееся вліяніе на конгрессѣ князя Бисмарка: «Войнѣ-ли быть или миру, или коснѣнію въ болотѣ? Это будетъ зависѣть отъ того, что въ настоящую минуту понадобится политикѣ предсѣдателя конгресса» («Моск. Вѣд.» 1878 г., №№ 139 и 164).

Когда стали приходить извѣстія объ отказѣ конгресса русскимъ предложеніямъ, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появились слѣдующія краткія слова: «Подавляющія извѣстія сыплются одно за другимъ. Слово замираетъ и перо выпадаетъ изъ рукъ. Подъ гнётомъ подобныхъ впечатлѣній лучше не отзываться, достойнѣе молчать» («Моск. Вѣд.» 1878 г., № 152). «Берлинскій трактатъ долженъ скоро родиться на свѣтъ—писалъ Катковъ черезъ недѣлю. Родится-ли? живымъ или мертвымъ родится?» («Моск. Вѣд.» 1878 г., № 160).

Когда пришло извѣстіе, что англійское правительство получило отъ Турціи Кипръ и вступило съ нею въ отдѣльное отъ другихъ державъ соглашеніе, Катковъ было об-

радовался этому, какъ поводу къ уничтоженію актовъ конгресса. Онъ торжественно заявлялъ, что Англія начала раздѣлъ Турціи и иронически поздравлялъ лорда Биконсфильда съ успѣхомъ («Моск. Вѣд.» 1878 г., №№ 163 и 165). Нельзя задержать хода исторіи, говорилъ онъ по поводу дипломатическаго неуспѣха Россіи; погодите радоваться... («Моск. Вѣд.» 1878 г., № 166). Мысль заложить основаніе новой Индіи на мѣстѣ разваливающейся Турціи можетъ повести къ громадному фіаско, отъ котораго могутъ остаться трещины и въ старомъ зданіи Англіи («Моск. Вѣд.» 1878 г., № 170). Катковъ обращалъ справедливый укоръ Бисмарку за его нерасположеніе къ интересамъ Россіи: «Что въ его рукахъ была вся игра и что онъ могъ дать ей тотъ или другой оборотъ, это теперь общее впечатлѣніе по обнародованіи протоколовъ конгресса» («Моск. Вѣд.» 1878 г., № 186). На это Бисмаркъ въ своемъ органѣ отвѣчалъ, что онъ поддерживалъ на конгрессѣ всѣ предложенія Россіи и высказалъ обычное замѣчаніе, что въ его задачу не входило «быть болѣе русскимъ, чѣмъ сама Россія» («Моск. Вѣд.» 1879 г., № 199). Черезъ два года Катковъ, по поводу обвиненій русской политики въ панславизмѣ со стороны германскихъ газетъ, ставилъ даже вопросъ: «Биконсфильдъ-ли былъ самымъ серьезнымъ противникомъ нашимъ на Востокѣ?» («Моск. Вѣд.» 1880 г., № 242).

Остановимся на послѣдующихъ статьяхъ Каткова о Болгаріи. Данная этой странѣ конституція вызвала слѣдующее замѣчаніе Каткова: «Какъ жаль, что Россія не удовольствовалась избавленіемъ Болгаріи, а взяла на себя задачу устраивать освобожденную страну по чужому шаблону» («Моск. Вѣд.» 1880 г., № 32). Когда по воцареніи нынѣ царствующаго Государя, произведено было княземъ болгарскимъ измѣненіе конституціи 1878 года, Катковъ высказалъ этому одобреніе, («Моск. Вѣд.» 1881 г., №№ 117, 133, 148, 163, 168, 187, 195, 1882 г., № 126). Онъ въ то время уже окончательно оставилъ точку зрѣнія, на кото-

рой стоялъ въ началѣ своей публицистической дѣятельности. Въ теченіи двухъ лѣтъ послѣ этого Катковъ почти совершенно воздерживался отъ сужденій о болгарскихъ дѣлахъ. Онъ сталъ вновь высказываться съ тѣхъ поръ, когда удаленіе изъ Болгаріи русскихъ министровъ: Соболева и Каульбарса подвергло сомнѣнію вопросъ о русскомъ вліяніи на Болгарію. Онъ не призналъ въ упомянутомъ фактѣ доказательства упадка этого вліянія («Моск. Вѣд.» 1884 г., № 292). Но послѣдовавшее вскорѣ затѣмъ принятіе въ болгарскомъ парламентѣ предложенной Австріей желѣзнодорожной конвенціи заставило его уклониться отъ этого взгляда («Моск. Вѣд.» 1884 г., № 299). Въ началѣ 1885 года Катковъ предостерегалъ Германію противъ предположенія о женитьбѣ князя болгарскаго на германской принцессѣ Викторіи.

Когда произошло возсоединеніе восточной Румеліи съ Болгаріей, Катковъ высказался въ пользу санкціонированія совершившагося факта подъ условіемъ, чтобы въ главѣ государства былъ поставленъ румелійскій генералъ-губернаторъ Крестовичъ («Моск. Вѣд.» 1885 г., №№ 250 и 252). Иронически относясь къ происходившему въ Константинополѣ совѣщанію пословъ, онъ съ одобреніемъ высказался объ исключеніи Баттенберга изъ списковъ русской арміи («Моск. Вѣд.» 1885 г., №№ 269, 271, 276, 281, 286, 300). Отозваніе русскихъ офицеровъ изъ Болгаріи онъ призналъ мудрой политикой («Моск. Вѣд.» 1885 г., № 315). Между тѣмъ, вооружились Греція и Сербія. Послѣдняя, подъ давленіемъ Австріи, объявила Болгаріи войну. Катковъ отрицалъ справедливость притязаній Сербіи на компенсацію. Черезъ недѣлю послѣ объявленія войны, когда сначала отступившія болгарскія войска стали одерживать верхъ надъ сербами, онъ указывалъ на то, не пора-ли Россіи сказать свое слово противъ безполезнаго пролитія крови? («Моск. Вѣд.» 1885 года, №№ 304, 309, 310 и 311). Единственнымъ отраднымъ для Россіи фактомъ во всѣхъ происшествіяхъ этого

времени былъ успѣхъ, обученной русскими офицерами болгарской арміи. «Въ стойкости болгарскихъ войскъ показалъ себя духъ русской арміи» —замѣчалъ Катковъ («Моск. Вѣд.» 1885 г., №№ 315 и 324). Тѣмъ не менѣе, Катковъ предостерегалъ противъ измѣненія политики нашего правительства подъ вліяніемъ болгарскихъ побѣдъ.

«Россіи нѣтъ надобности колебаться въ своемъ разъ принятомъ рѣшеніи, если князь болгарскій не представляетъ достаточныхъ для нашего правительства гарантій своей благонадежности. Если Россія, а съ нею вмѣстѣ и обѣ союзныя имперіи откажутъ принцу Баттенбергу въ признаніи совершеннаго имъ дѣянія (соединенія Румеліи съ Болгаріей), то оно не можетъ быть прочно. Хотя-бы дѣло стало за признаніемъ одной Россіи, то и тогда оно не могло-бы упрочиться» («Моск. Вѣд.» 1885 г., № 344).

Изъ этого видно, какъ сильно расходился Катковъ въ отношеніи къ болгарскому кризису съ требованіями Аксакова, настаивавшаго на естественной, сочувственной и дѣятельной политикѣ Россіи въ данномъ случаѣ.

Русскому правительству пришлось все-таки уступить настоянію державъ, и протоколъ константинопольской конференціи призналъ князя болгарскаго генералъ-губернаторомъ Румеліи. «Выходитъ такъ, что князь Александръ вполнѣ достигъ того, чего хотѣлъ, и константинопольскій протоколъ есть протоколъ его торжества. А между тѣмъ хотятъ выставить этотъ актъ, какъ торжество Россіи», писалъ Катковъ («Моск. Вѣд.» 1886 г., № 87). Онъ окрестилъ Болгарію-Баттенбергіей.

«Съ нами поступили, какъ съ недовольнымъ ребенкомъ: пощелкали пальцами и думаютъ, что успокоили; поставили не тѣ, а другія слова въ протоколѣ, которымъ Болгарія превращается въ Баттенбергію, и думаютъ, что Россія будетъ считать себя вполнѣ удовлетворенною, безконечно благодарною и счастливою» («Моск. Вѣд.» 1886 г., № 87).

Ближайшая цѣль нашей политики въ Болгаріи выяснилась: предстояло замѣнить князя Баттенберга русскимъ кандидатомъ. Это начало было осуществляться съ изгнаніемъ князя въ ночь съ 8 на 9 августа 1886 года. Но

дальнѣйшія обстоятельства опять сложились для насъ неблагопріятно. Мы не будемъ напоминать ни этихъ событій, ни вызванныхъ ими статей Каткова («Моск. Вѣд.» 1886 года, №№ 221, 223, 226, 228—233, 235, 237, 238, 242, 246, 250, 251, 254, 259, 260, 263, 265, 268, 270, 273, 294 и др.). Онъ рѣзко обличалъ происшествія на Балканскомъ полуостровѣ; изъ-за нихъ онъ отступилъ отъ временно усвоеннаго имъ взгляда на необходимость нашего сближенія съ Германіей. Онъ писалъ 17-го апрѣля 1887 года:

«Очевидно, что все болгарское дѣло есть дѣло Европы, среднеевропейскихъ императорскихъ правительствъ и Англіи, причемъ эта послѣдняя дѣйствовала «открыто и прямо», а союзныя намъ правительства «прикровенно» («Моск. Вѣд.» 1887 г., № 105).

Однимъ изъ послѣднихъ извѣстій, которыя получилъ Катковъ до постигшей его предсмертной болѣзни было избраніе болгарскимъ собраніемъ князя Кобургскаго. Изъ этой послѣдней компликаціи болгарскій вопросъ до настоящаго времени еще не вышелъ...

Съ грустью смотрѣлъ Катковъ, какъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія постепенно падало вліяніе Россіи на правительства освобожденныхъ ею народностей. Появленіе Австріи на Балканскомъ полуостровѣ, въ качествѣ обладательницы Босніи и Герцеговины, значительно наклонило ихъ тяготѣніе въ ея сторону. Катковъ съ вниманіемъ слѣдилъ за тѣмъ, что происходитъ въ этихъ новыхъ австрійскихъ провинціяхъ (Neu-Oesterreich), какъ окрестили ихъ австрійскіе газеты. Когда оккупація ихъ Австріей встрѣтилась въ 1878 и 1879 годахъ съ противодѣйствіемъ, онъ замѣчалъ: «сорванный и, повидимому, зрѣлый плодъ оказался горькимъ» («Моск. Вѣд.» 1879 г., № 3). Онъ съ сочувствіемъ привѣтствовалъ тамъ произошедшіе въ 1881 году безпорядки, вызванные введеніемъ воинской повинности; онъ указывалъ на незаконность этого распоряженія («Моск. Вѣд.» 1881 г., № 327; 1882 г. №№ 19, 24, 31, 55,

72, 75); подробно останавливалъ онъ также вниманіе русскихъ читателей на католической пропагандѣ, производимой въ Босніи и Герцеговинѣ подъ руководствомъ патронируемаго эрцгерцогомъ Альбрехтомъ общества («Моск. Вѣд.» 1884 года, № 109).

Австрія съ большимъ усердіемъ вошла въ предначертанную ей дипломатіей роль «европейскаго стража» на Востокѣ. Ея вліянію подчинились правительства Румыніи и Сербіи. Братіано и Гарашанинъ получали вдохновенія изъ Вѣны. Катковъ не сомнѣвался однако въ сочувствіи самихъ народностей интересамъ Россіи. Онъ указывалъ на послѣдовавшее въ этомъ смыслѣ заявленіе румынской газеты: «Indépendance roumaine», на тѣ оваціи, которымъ еще въ 1883 году привѣтствовали въ Сербіи барона Каульбарса, какъ представителя Россіи, посланнаго въ Софію. «Никакія ухищренія политики не могутъ измѣнить или потрясти тѣ глубокія внутреннія связи, которыя соединяютъ Россію съ православными народами Востока. Этотъ несчастный король Миланъ, Пирочанцы, Новаковичи e tutti quanti пройдутъ, какъ тѣни, а сербская народность останется и съ нею останется все то, что существенно и неразрывно связываетъ ее со средоточіемъ православія и славянства» («Моск. Вѣд.» 1884 г., № 50; 1886 г., №№ 285, 292). То же говорилъ онъ про Румынію. «Духовную связь съ Россіей не могъ порвать князь Куза, который ввелъ латинскій алфавитъ для русскаго языка; ее не уничтожило и двадцатилѣтнее правленіе Гогенцоллернскаго принца, нынѣшняго короля румынскаго» («Моск. Вѣд.» 1886 г., № 271).

Въ виду всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ интересамъ славянства событій, все затихло въ славянскомъ мірѣ. Въ галицкой Руси продолжалась все та-же прискорбная политика, заслужившая даже въ 1883 году осужденіе со стороны петербургской польской газеты «Kraj» («Моск. Вѣд.» 1883 г., № 269). Она охарактеризована была галицкимъ депутатомъ Кулачковскимъ въ вѣнскомъ рейхсратѣ 1884 г.

въ слѣдующихъ словахъ: «очевидно за трехмилліоннымъ русскимъ народомъ признается только одно право—нести тяжесть государственныхъ повинностей». («Моск. Вѣд.» 1884 г., №69). Положеніе Галиціи можетъ быть передано слѣдующими общими чертами: польскій языкъ введенъ въ качествѣ правительственнаго во всѣ школы, суды и административныя учрежденія. На все количество русскаго населенія имѣется только одно среднее учебное заведеніе съ русскимъ преподавательнымъ языкомъ. Въ львовскомъ университетѣ чтенія на русскомъ языкѣ также не допускаются. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ восточной Галиціи появились іезуиты, командированные для облатыненія русскаго населенія. Они стали захватывать уніатскіе монастыри. Первымъ достался въ ихъ руки монастырь въ Добронимѣ («Моск. Вѣд.» 1884 г., № 87).

Лѣтомъ 1882 года былъ возбужденъ львовскою прокуратурой громадный, длившійся полтора мѣсяца процессъ по обвиненію галичанъ въ государственной измѣнѣ, зачинщиками которой были выставлены патріоты Добрянскій и Наумовичъ. Процессъ кончился обвиненіемъ четырехъ лицъ въ «нарушеніи общественнаго спокойствія», повлекшемъ за собою тюремное заключеніе отъ 3 до 8 мѣсяцевъ. Катковъ съ негодованіемъ отзывался объ этомъ процессѣ («Моск. Вѣд.» 1882 г., 10 и 20 іюня). 14 февраля 1884 года открыта была подписка въ пользу угнетенныхъ въ торжественномъ засѣданіи благотворительнаго славянскаго комитета въ С.-Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ митрополита московскаго Іоанникія («Моск. Вѣд.» 1884 г., № 55).

Стараясь добиться обособленія въ монархіи Габсбурговъ, поляки попрежнему заигрываютъ съ партіей украинофиловъ въ Галиціи, нашедшей отголосокъ, помимо польскихъ газетъ, еще въ «Русскомъ Курьерѣ». Въ рейхсратѣ, вотируя вмѣстѣ съ чехами, поляки съ тою-же цѣлью отъ времени до времени рисуютъ соблазнительныя перспективы нѣмецкой партіи («Моск. Вѣд.» 1885 г., № 188).

Чехи добились въ 1881 году уравненія правъ своего языка съ нѣмецкимъ въ пражскомъ университетѣ. Въ средѣ нѣмецкихъ студентовъ пробудился шовинизмъ, выразившійся дракой 27 іюня съ чешскими студентами въ одномъ изъ загородныхъ ресторановъ Праги. Въ то же время Ригеръ, политическій вождь чеховъ, сталъ высказывать въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ французской газеты «Temps» особенныя симпатіи Франціи. «Кратчайшій путь изъ Парижа въ Берлинъ лежитъ на Прагу» («Моск. Вѣд.» 1881 года, № 190).

Вотъ все немногое изъ мелкихъ событій славянскаго міра, вызывавшее отголоски въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Нельзя не замѣтить, что бо̀льшая часть славянскихъ газетъ заграницей не преминула высказать сочувствіе Россіи по поводу болгарскихъ событій. Рѣшительное слово Государя относительно князя Баттенбергскаго вызвало слѣдующее замѣчаніе сербской газеты «Браникъ»: «Все, что до сихъ поръ въ глубинѣ русскаго народа кипѣло и только отъ золотыхъ куполовъ Москвы отражалось къ небу, все это теперь нашло выраженіе въ верховномъ представителѣ русскаго народа, въ Царѣ православномъ»... «Это слова, замѣчала словацкая газета «Народныя Новины», давшія каждому уразумѣть, что Россія отнынѣ будетъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовать ей указываютъ ея величіе и сила». Польскія же газеты, галицкія и познанскія, не скрывали своего злорадства по поводу неуспѣховъ Россіи («Моск. Вѣд.» 1886 г., № 259).

VIII.

Статьи Каткова по внѣшней политикѣ.

(1857 — 1887 г.)

Общій обзоръ политическихъ событій. — Отношеніе Каткова къ Австріи и Франціи во время итальянской войны 1859 года. — Возстаніе въ неаполитанскомъ королевствѣ въ 1860 году. — Дипломатическое вмѣшательство Россіи въ итальянскій вопросъ. — Идея германскаго единства. — Политическая переработка Австріи. — Вредныя послѣдствія польскаго вопроса для сближенія нашего съ Франціей. — Шлезвиго-гольштинскій вопросъ. — Стремленія Пруссіи къ завладѣнію датскими провинціями. — Война 1866 года между Пруссіей и Австріей. — Ея послѣдствія для Россіи. — Требованія Каткова. — Его враждебное отношеніе къ Германіи и совѣты сблизиться съ Франціей. — Люксембургскій вопросъ. — Покушеніе Березовскаго и снисхожденіе, данное ему присяжными. — Война 1870 — 71 гг. и защита Катковымъ Франціи. — Отмѣна запрещенія Россіи имѣть военный флотъ на Черномъ морѣ. Начало въ 1872 году тройственнаго союза. — Слухи въ 1875 году о войнѣ между Германіей и Франціей. — Непріязненное отношеніе къ Россіи Бисмарка по восточному вопросу и негодованіе противъ него Каткова. — Перемѣна настроенія Каткова къ Германіи въ 1882 году. — Возвращеніе къ прежнимъ взглядамъ въ 1886 году. — Мысль о сближеніи съ Франціей.

„Все политическое искусство европейскихъ правительствъ по отношенію къ Россіи состояло въ томъ, чтобы вовлекать ея правительство въ такія положенія и сочетанія, которыя наименѣе соотвѣтствовали бы ея собственнымъ интересамъ и въ которыхъ они служили бы постороннимъ для нея цѣлямъ, сколь можно болѣе въ ущербъ себѣ.

(«Моск. Вѣд.» 1864 г., № 221).

Историческіе интересы народовъ группируются всегда около немногихъ событій, служащихъ для нихъ цѣлью или развязкой. Для бо̀льшаго удобства обозрѣнія того, что писалъ Катковъ о внѣшней политикѣ, всего цѣлесообразнѣе

обратиться къ этимъ событіямъ и удостовѣрить тѣ заявленія, которыя они вызывали въ немъ.

Такихъ европейскихъ событій было послѣ парижскаго трактата 1856 года не мало: 1) итальянская война 1859 года; 2) польское возстаніе 1863 года; 3) датская война 1864 года; 4) прусско-австрійская война 1866 года; 5) франко-германская война 1870—71 гг.; 6) восточная война 1876 — 77 гг.; 7) осложненія въ средней Азіи и Болгаріи въ періодъ отъ 1884 года до послѣдняго времени.

Общій характеръ этихъ событій заключался въ объединеніи національныхъ элементовъ. Создалась единая Италія и Германія. Россія, какъ вы видѣли, съ своей стороны выдвинула идею славянскаго единства. Но идея эта не отличалась ясностью и, при ближайшемъ примѣненіи ея къ освобожденной Болгаріи, вызвала большія недоразумѣнія. Образованіе новыхъ цѣльныхъ государствъ значительно измѣнило группировку политическихъ силъ въ Европѣ. Совершилась она не въ выгоду Россіи, которая вообще проявляла свойственныя ей безкорыстіе и неразсчетливость. Но за то Россія, хотя медленно, но послѣдовательно разросталась въ азіатскихъ предѣлахъ. Здѣсь ей приходилось сталкиваться только съ соперничествомъ Англіи, тогда какъ при рѣшеніи восточнаго вопроса Россія встрѣчалась съ дружнымъ противодѣйствіемъ всей европейской лиги.

Посмотримъ, какіе взгляды высказывались Катковымъ по поводу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, конечно, въ тѣхъ предѣлахъ, насколько это не было уже затронуто нами выше.

Обсужденіе вопросовъ внѣшней политики было, какъ мы уже указывали, дозволено русской періодической печати почти съ начала нынѣшняго царствованія. Уже въ 1859 году «Journal de St.-Pétersbourg», въ виду разноголосицы, поднятой печатью по поводу итальянской войны, нашелъ нужнымъ снять съ себя отвѣтственность за вы-

сказываемыя органами его мнѣнія. «Цензоры, заявляла оффиціозная газета, поставлены для наблюденія за тѣмъ, чтобы въ мнѣніяхъ, высказываемыхъ гласно, не было ничего противнаго религіи, нравственности, общественному порядку и уваженію, подобающимъ государямъ и правительствамъ. Во всемъ остальномъ всякое честное мнѣніе можетъ быть высказано въ Россіи». «Русскій Вѣстникъ» съ неподдѣльною искренностью выразилъ сочувствіе этому взгляду («Русс. Вѣст.», 1859 г., т. IV, Современная лѣтопись, стр. 306—309.

Пользуясь вышеупомянутымъ правомъ, Катковъ, при самомъ объявленіи войны 1859 года, высказывалъ особенное несочувствіе Австріи. «Въ Европѣ нѣтъ народности, писалъ онъ, которая отличалась бы такою жадностью, какъ народность германская». Характеризуя положеніе въ тогдашнее время Россіи, онъ указывалъ, что одною изъ существенныхъ выгодъ, извлеченныхъ нами изъ тяжкой крымской кампаніи, является разрушеніе неестественнаго европейскаго союза, въ который попалась Россія.

«Мы служили орудіемъ чужихъ интересовъ и всѣмъ матеріальнымъ вѣсомъ своимъ въ Европѣ тянули въ пользу правительствъ, которыя всегда являлись лишь роковой необходимостью исторіи, всегда были лишь простымъ фактомъ, не заключавшимъ въ себѣ никакой внутренней необходимости, никакого внутренняго права.... Такова по преимуществу Австрія... И мы должны благодарить Провидѣніе, что отнынѣ мы не будемъ уже служить атлетической поддержкой для этого хилаго тѣла».

Катковъ оговаривалъ, что такой образъ дѣйствій не причинитъ никакого существеннаго ущерба интересамъ Германіи. «Напротивъ, истинно понимая свои интересы, Германія должна радоваться ослабленію того начала, которое представляетъ собою Австрія» («Русс. Вѣст.» 1859 г., т. II, Совр. лѣт., стр. 276—278). «Tu l'as voulu», говорилъ Катковъ, обращаясь къ Австріи, послѣ успѣховъ въ Ломбардіи французскаго и итальянскаго оружія (т. III, Совр. лѣт., стр. 88).

Онъ не выражалъ также особеннаго сочувствія Фран-

ціи, обвиняя ее во «внѣшнемъ патріотизмѣ», который заставляетъ ее изъ-за славы пускаться въ самыя безполезныя для нея предпріятія, тогда какъ англичане или американцы подвергли-бы за это самой страшной отвѣтственности отважившихся на такія дѣйствія государственныхъ людей («Русс. Вѣст.», т. III, Совр. лѣт., стр. 319, 320).

Условія виллафранкскихъ прелиминарій, которыми заключились военныя дѣйствія, одобрялись Катковымъ, но онъ не упустилъ случая подтрунить надъ Наполеономъ III. «Императоръ французовъ въ одно прекрасное утро устроилъ громъ и ясное небо, и теперь говоритъ прекрасныя рѣчи въ Сенъ-Клу» («Русс. Вѣст.», т. III, Совр. лѣт., стр. 437).

Франція воспользовалась обстоятельствами, чтобы поживиться и присоединила къ себѣ пьемонтскія провинціи: Ниццу и Савойю. Это заставило ее разойтись съ ея союзницей по крымской войнѣ — Англіей. Наполеонъ III мечталъ о международной гегемоніи въ Италіи, въ которой французскому вліянію принадлежало-бы главное значеніе. Но обстоятельства сложились иначе. Неудовлетворявшаяся упомянутыми условіями, Италія стала собственными усиліями быстро подвигаться къ полному объединенію. Едва черезъ годъ послѣ виллафранкскаго мира началось возстаніе въ Сициліи; оно перешло на континентъ Италіи, и неаполитанскій король, Францискъ II, несмотря на конституцію, которую онъ поторопился дать, долженъ былъ оставить Неаполь. Совѣтовавшій сначала Гарибальди не переносить войны въ Италію, сардинскій король Викторъ-Эммануилъ сталъ тогда во главѣ движенія. Пьемонтскія войска вступили въ папскую область и неаполитанское королевство, а графъ Кавуръ представилъ на усмотрѣніе туринскаго парламента проектъ закона, уполномочивавшій правительство присоединять къ Пьемонту новыя итальянскія провинціи, которыя изъявятъ на это желаніе посредствомъ всеобщей подачи голосовъ.

Наполеону III, оставленному Англіей, надо было, въ

виду этихъ событій, искать дипломатическихъ союзниковъ для дѣятельнаго вмѣшательства въ итальянскія дѣла. Онъ было протянулъ руку прусскому принцу-регенту Вильгельму, но послѣ баденскаго свиданія съ Наполеономъ произошло свиданіе Вильгельма съ австрійскимъ императоромъ въ Теплицѣ, ослабившее значеніе перваго свиданія.

Посреди этой сложной сѣти переплетавшихся интригъ выступила на дипломатическое поприще Россія—впервые въ активной роли послѣ крымской войны. Въ сентябрѣ 1866 года произошлое извѣстное варшавское свиданіе русскаго Монарха съ прусскимъ и австрійскимъ. Рѣшено было поддержать протестъ французскаго императора противъ стремленія присоединить неаполитанское королевство къ Пьемонту. Вслѣдъ за французскимъ посланникомъ, выѣхала изъ Турина русская миссія. Австрійское посольство присоединилось къ нимъ. Берлинскій кабинетъ адресовалъ Виктору-Эммануилу дипломатическую ноту въ непріязненномъ тонѣ.

«Journal de St.-Pétersbourg» напечаталъ подробнѣйшее объясненіе образа дѣйствій петербургскаго кабинета. Послѣдній не держится, говорилось въ этомъ объясненіи, прежняго начала вмѣшательства въ чужія дѣла; напротивъ, только протестуетъ противъ злоупотребленія этимъ началомъ со стороны сардинскаго короля. Въ протестѣ русскаго правительства, спѣшилъ оговорить «Journal de St.-Pétersbourg», нѣтъ ничего враждебнаго прогрессу («Русс. Вѣст.» 1860 г., т. V, Совр. лѣт., стр. 274).

«Всякій долженъ согласиться, замѣчалъ по этому поводу Катковъ, что эти правила безукоризненны.... Россія не будетъ дѣйствовать, пока интересы ея не будутъ того требовать. Она не будетъ ратовать за принципы и идеи. Она не думаетъ брать на себя надменную роль возстановителя права повсюду въ мірѣ, гдѣ-бы ни случалось нарушеніе права». (Тамъ-же, стр. 275).

Ближайшимъ послѣдствіемъ упомянутой политики оказалось нѣкоторое сближеніе Россіи съ Франціей. Англія, оставшаяся въ изолированномъ положеніи, воспользовалась

этимъ, чтобы пойти на встрѣчу Италіи: она поздравила Италію съ объединеніемъ и поспѣшила оправдать Пьемонтъ въ депешѣ лорда Росселя отъ 27 октября. Катковъ, держась почвы оффиціальной политики, не высказывалъ ей одобренія («Русс. Вѣст.» 1860 г., т. V, Совр. лѣт., стр. 393).

Но дипломатическое противодѣйствіе объединенію Италіи со стороны сѣверныхъ державъ оказалось напраснымъ. Вызванное бытовыми и національными условіями, оно завершилось успѣшно. Самая группировка державъ, состоявшаяся по этому поводу, была чисто случайной и скоро распалась.

Итальянскій вопросъ не имѣлъ особаго значенія для Россіи. Но среди упомянутыхъ событій выглянула на свѣтъ болѣе существенная для положенія нашего отечества идея германскаго единства. Первымъ проблескомъ ея было установленіе имперіи въ 1848 г., которой, впрочемъ, суждено было просуществовать всего нѣсколько мѣсяцевъ. Тогда партія единства, послѣ распущенія франкфуртскаго парламента, собралась въ Готѣ и, рѣшившись поставить Пруссію во главу Германіи, послала свое предложеніе прусскому королю. Но король не далъ яснаго отвѣта—и дѣло кончилось лишь тѣмъ, что партія получила по городу, гдѣ она собралась, названіе готской. Въ виду опасенія сближенія Австріи съ Франціей, послѣ вилла-франкскаго мира члены партіи собрались въ 1859 году въ Эйзенахѣ и формулировали 14-го августа програму объединенія, для осуществленія которой надо было только найдти Бисмарка. На счастіе Германіи, Бисмаркъ явился. Не далѣе, чѣмъ черезъ три года, онъ оказался во главѣ прусскаго правительства. Программа была, понятно, встрѣчена, враждебно какъ Австріей, такъ и другими германскими государствами, въ особенности-же Ганноверомъ [1]).

Въ то-же время совершалась политическая переработка

[1]) См. «Русскій Вѣстникъ» 1859 г., т. V, совр. лѣт. стр. 45 — 63.

Австріи. Ей пришлось подумать о конституціи. Министерство графа Голуховскаго выступило съ програмой реформъ. Въ 1860 году проектъ конституціи разсматривался въ австрійскомъ государственномъ совѣтѣ. Сочувствуя лежавшимъ въ основаніи ея принципамъ, Катковъ высказалъ по поводу заявленнаго многими указанія на недобровольность упомянутыхъ реформъ, что «въ политикѣ элементъ силы всегда останется преобладающимъ элементомъ, и великія реформы, въ особенности реформы прочныя, всегда будутъ дѣломъ не столько движеній личнаго чувства и воли, сколько неизбѣжной силы обстоятельствъ («Русск. Вѣст.» 1860 г., т. VI, «Совр. Лѣт.», стр. 54). Въ 1861 году конституція была дарована.

Въ началѣ 1862 года Катковъ такъ формулировалъ существующее положеніе:

«Въ Австріи національное движеніе враждебно существующему государству, потому что государство представляетъ собою политическое единство, несогласное съ стремленіемъ національностей къ обособленію. Въ Германіи національное движеніе тоже враждебно существующему государственному устройству, но потому, что послѣднее не соотвѣтствуетъ національнымъ стремленіямъ къ политическому единству» («Совр. лѣт.» № 1, стр. 23).

Разсчетъ на возможность эксплуатаціи выдвинутой временемъ національной идеи вызвалъ у насъ польское возстаніе. Мы не станемъ повторять хода дипломатическихъ переговоровъ и значенія статей по этому предмету Каткова. Польскому вопросу выпало на долю разстроить начинавшееся сближеніе между Россіей и Франціей. Катковъ замѣчалъ, что сближеніе это было важнѣе для Франціи, чѣмъ для Россіи. «Судорожные порывы и разные volte-face то въ ту, то въ другую сторону, всегда бываютъ болѣе вредны, чѣмъ полезны и не очень свидѣтельствуютъ о сознаніи собственнаго достоинства»—замѣтилъ онъ («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 62). Дѣйствительно, образъ дѣйствій Наполеона можно назвать политикой приключеній, разсчитанной только

на эффекты. Скоро удача стала измѣнять французскому императору.....

Въ отзывахъ Каткова о французской политикѣ чувствовалась горечь. Онъ увѣрялъ послѣ неудачной попытки созыва Наполеономъ конгресса по окончаніи польскаго мятежа, что изолированное положеніе грозитъ серьезными опасностями Франціи («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 266). Онъ предостерегалъ въ то-же время Россію противъ союза съ ней.

«Исторія первой французской имперіи, равно какъ и исторія второй убѣдительно говорятъ, что на мирный союзъ съ наполеоновской политикой нельзя полагаться («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 89). «Наполеоновская Франція есть именно та держава, съ которою Россія ни въ какомъ случаѣ, ни въ какихъ обстоятельствахъ, ни для какой цѣли не можетъ вступать въ отдѣльный союзъ» («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 215).

Катковъ утверждалъ, что сближеніе съ Франціей по дѣламъ Востока (проявившееся было по ливанскому вопросу) не можетъ привести къ окончательному соглашенію въ виду розности религіозныхъ интересовъ, отстаиваемыхъ нашею и французскою политикой. Дѣйствительно, всѣ послѣдующія компликаціи по восточному вопросу стали уже вызывать попрежнему дипломатическія разногласія между Россіей и Франціей.

«Наше сближеніе съ Франціей, говорилъ Катковъ, можетъ только ослаблять и ронять насъ на Востокѣ. Центръ тяжести государства долженъ находиться въ немъ самомъ; оно, прежде всего, должно опираться на себя и стоять крѣпко на собственныхъ ногахъ» (Тамъ-же).

Но въ то же время Катковъ не рекомендовалъ и союза съ какою-либо изъ германскихъ державъ вмѣстѣ или порознь, напоминая про дурные результаты священнаго союза («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 202).

Въ 1863 году началъ рѣзко выдвигаться впередъ шлезвиго-гольштинскій вопросъ. Основаніемъ къ нему послужило принятое на себя въ 1852 году датскимъ королемъ обязательство дать германской и датской національностямъ равныя права въ Шлезвигѣ и предоставить послѣднему,

наравнѣ съ прочими частями королевства, особое политическое и административное устройство. Условіе это было выполнено въ 1862 году по отношенію къ Гольштиніи, но не къ Шлезвигу. Это вызвало протесты германскихъ державъ, приведшіе къ походу соединенныхъ австрійскаго и прусскаго войска противъ Даніи. Австрія участвовала единственно для того, чтобы не выпускать этого дѣла изъ рукъ и не отступать отъ главенствующаго положенія въ Германіи. Англія протестовала; ходили даже слухи о приготовленіи 13,000 корпуса для десанта въ Даніи («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 17).

Катковъ указывалъ на то, что Россія имѣетъ также свои причины дорожить цѣлостью и независимостью Даніи («Моск. Вѣд.» 1861 г., № 102). Онъ напоминалъ даже о фамильныхъ правахъ Россійскаго Императорскаго дома на герцогскія части Гольштейна («Моск. Вѣд.» 1864 года, № 17). Англійскій кабинетъ еще въ 1863 году предложилъ русскому успокоить Данію на счетъ ея неприкосновенности. Князь Горчаковъ въ депешѣ отъ 12-го сентября извѣстилъ, что если Англія признаетъ нужнымъ сама первая успокоить датское правительство, то встрѣтитъ полное содѣйствіе со стороны русскаго посланника въ Даніи. Россія держалась полнаго нейтралитета. Катковъ сѣтовалъ по этому поводу, видя въ этомъ несчастное послѣдствіе польскаго возстанія, во время котораго насъ поддерживала Пруссія. Минуты слабости не проходятъ даромъ, замѣчалъ онъ («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 111). Сначала онъ хотѣлъ, чтобы наше правительство стояло просто за цѣлость датской монархіи («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 42). Потомъ, когда оконченъ былъ походъ, онъ стоялъ противъ расширенія Пруссіи на счетъ Даніи; пусть Пруссія ростетъ расширеніемъ на счетъ Германіи, а не сосѣднихъ государствъ («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 86). Онъ защищалъ необходимость образовать изъ Шлезвигъ-Гольштейна особое государство («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 111),

но боялся, что князь Бисмаркъ придумаетъ какую нибудь среднюю комбинацію («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 107). Пруссія въ Килѣ, это значитъ нѣмецкій флотъ въ Балтійскомъ морѣ. Богъ знаетъ, спрашивалъ Катковъ, сталъли бы Петръ Великій строить Петербургъ, если бы предвидѣлъ, что это возможно (Тамъ-же).

Лѣтомъ 1864 года произошло свиданіе между императорами; въ печати ходили даже слухи о возобновленіи Священнаго союза («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 58). Катковъ говорилъ по этому поводу: «За Савойю и Ниццу мы получили въ отплату польскій вопросъ. Нельзя поручиться, чтобы нѣчто подобное не было возможно со стороны державъ, присоединяющихъ къ Германіи Шлезвигъ» («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 144). «Самое приличное, самое достойное и выгодное положеніе для Россіи — есть положеніе безъ союзовъ», замѣчалъ онъ («Моск. Вѣд.», 1864 года, № 156).

Заручившись нейтралитетомъ Россіи, Бисмаркъ повелъ крутую игру съ Австріей. Онъ поставилъ ближайшею цѣлью присоединеніе Шлезвига и Гольштейна къ Пруссіи. Первоначально онъ высказался за предоставленіе этихъ областей герцогу Аугустенбургскому, какъ высказалась Пруссія на происходившей лѣтомъ 1864 года лондонской конференціи. Но терпимость Россіи дала возможность иначе повернуть дѣло. Трактатомъ, заключеннымъ въ Вѣнѣ въ октябрѣ 1864 года, Гольштинія, Шлезвигъ и Лауенбургъ были уступлены Даніей королю прусскому и императору австрійскому. Началось совмѣстное владѣніе. Бисмаркъ предпринялъ рядъ насильственныхъ мѣръ, чтобы это владѣніе изъ общаго превратилось въ исключительно прусское. Прежде всего, удалены были изъ завоеванныхъ провинцій федеральныя германскія войска: Саксоніи и Ганновера. Потомъ, съ согласія Австріи, германскій сеймъ былъ устраненъ отъ рѣшенія шлезвиго-гольштинскаго вопроса. Прусское правительство захватило въ свои руки завѣды-

ваніе телеграфнымъ и почтовымъ вѣдомствами въ герцогствахъ. Катковъ замѣчалъ съ грустью, что все это терпится Россіей лишь въ виду дружелюбнаго участія къ намъ Пруссіи во время польскаго возстанія. «Польское дѣло ничего не выиграло, выиграла лишь Пруссія, въ пользу которой и прежде поляки усердно работали и теперь обращается всякое возбужденіе польской національности («Моск. Вѣд.» 1864 г., №№ 241, 260 и 273).

Францiя также бездѣйствовала, занятая мексиканской экспедиціей и итальянскими дѣлами, по которымъ послѣдовала, въ сентябрѣ 1864 года, конвенція ея съ Италіей объ удаленіи французскихъ войскъ изъ Рима. Бисмаркъ ловко лавировалъ между Россіей и Франціей въ виду угрожавшаго ему столкновенія съ Австріей. Ему удалось провести обѣ державы. Пока, онъ выдвигалъ идею о союзѣ трехъ военныхъ державъ: Россіи, Пруссіи и Франціи. Въ концѣ 1864 года появилась въ Берлинѣ брошюра: «die Alliancen», гдѣ эта мысль подробно развивалась («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 276). Бисмаркъ ѣздилъ два раза осенью въ Біаррицъ въ 1864 и 1865 гг., чтобы держать подъ своимъ вліяніемъ императора французовъ. «Морскія купанья въ Біаррицѣ, замѣчаетъ Катковъ, рѣшительно входятъ въ привычки первенствующаго министра Пруссіи. Не знаемъ, приносятъ-ли они пользу его здоровью, но несомнѣнно, что они каждый разъ болѣе или менѣе улучшаютъ политическое положеніе Пруссіи» («Моск. Вѣд.», 1865 г., № 217).

Катковъ, съ своей стороны, такъ формулировалъ интересы Россіи въ датскомъ вопросѣ: «Было бы желательно укрѣпить Австрію въ противодѣйствіи властолюбивымъ видамъ Пруссіи, но въ то же время дать ей возможность обойтись безъ союза съ Франціей и безъ пожертвованія въ угоду ей Венеціи» («Моск. Вѣд.», 1864 г., № 282 и 1865 г., № 27). «Пруссія, восклицалъ онъ въ началѣ 1865 года, стоитъ теперь фактически во главѣ Германіи, Пруссія

есть объединяющее начало въ Германіи, Пруссія есть мечъ ея («Моск. Вѣд.», 1865 г., № 1).

Натянутое положеніе между Пруссіей и Австріей на время устранилось гаштейнскимъ соглашеніемъ, предоставившимъ Австріи управленіе Гольштиніей, а Пруссіи управленіе Шлезвигомъ. Но Бисмаркъ не прекращалъ вызывающаго образа дѣйствій, отнюдь не скрывая своихъ претензій на полное обладаніе провинціями. Положеніе дѣлъ становилось серьёзнымъ. Англійское правительство назначило посломъ въ Берлинъ одного изъ своихъ выдающихся государственныхъ людей, бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Гренвилля. Ходили слухи о сближеніи между Австріей и Франціей («Моск. Вѣд.», 1865 г., №№ 240 и 286). Катковъ началъ обзоръ дипломатическихъ событій въ началѣ 1866 года слѣдующимъ осужденіемъ русской политики: «Въ истекшемъ году роль ея въ общеевропейской политикѣ была мало замѣтна. Голоса Россіи не было слышно ни по какимъ дѣламъ, и Россія какъ будто бы утратила принадлежащее ей мѣсто въ общихъ совѣтахъ Европы» (Моск. Вѣд.», 1866 г., № 1).

Въ предстоявшей войнѣ между Австріей и Пруссіей, Катковъ совѣтовалъ держаться нейтралитета, но въ пользу statu quo въ Германіи, а не нововведеній, задумываемыхъ Бисмаркомъ. Въ виду обострившихся отношеній между прусскимъ правительствомъ и парламентомъ, Катковъ выражалъ даже опасеніе, какъ-бы Бисмарку не пришлось бороться, кромѣ внѣшняго врага, еще съ домашней революціей въ Пруссіи («Моск. Вѣд.» 1866 г., №№ 67 и 88).

Во время войны Пруссіи съ Австріей, Каткова, какъ мы упоминали[1]), постигло пріостановленіе его издательской дѣятельности. Когда онъ вернулся къ ней въ концѣ іюня 1866 года, произошло уже сраженіе при Кёниггрецѣ, предвѣщавшее окончательный успѣхъ Пруссіи; Австрія уже

---

[1]) Глава IV, стр. 253—255.

соглашалась на уступку Италіи Венеціанской области и призывала Францію къ посредничеству относительно Пруссіи. Уже рисовалось положеніе будущаго: усиленная на сѣверѣ Германіи Пруссія и Австрія, устремляющая свои взоры на Балканскій полуостровъ. «Событія спѣшатъ, восклицалъ Катковъ, и не дай Богъ, чтобы они опередили насъ! Нельзя не предвидѣть, что Россія будетъ вызвана къ дѣйствію, въ которомъ должна будетъ сказаться вся сила ея исторіи. Напрасно старались-бы мы воздерживаться и уклоняться: насъ вызовутъ. И вотъ невольно возникаетъ мысль, надобно-ли дожидаться вызова и благовременно предупредить его. Изъ восточной Галиціи, нашей Червонной Руси, изъ Болгаріи, изъ глубины Македоніи доносятся сюда симпатическіе голоса: тамъ съ волненіемъ и надеждою ожидаютъ чего-либо рѣшительнаго со стороны Россіи, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время обстоятельства несравненно болѣе благопріятнѣе для дѣйствія, чѣмъ могутъ быть впослѣдствіи» («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 138). Онъ указывалъ ближайшимъ образомъ на произошедшее въ то время провозглашеніе наслѣдственнымъ княземъ Румыніи принца Гогенцоллернскаго, какъ на прямое нарушеніе парижскаго трактата, какъ на первый раздѣлъ Турціи; пусть Россія теперь-же требуетъ возвращенія отнятой у ней въ 1856 г. территоріи («Моск. Вѣд.» 1866 г., №№ 140 и 152).

«Но скажутъ, Россія не готова къ дѣйствію: ея финансы не совсѣмъ въ порядкѣ, и она можетъ затрудниться въ средствахъ... Не есть-ли такая аргументація не что иное, какъ продолженіе нигилизма? Не есть-ли это новой видъ того-же самоотрицанія? Рѣшительныя дѣйствія всегда находятъ себѣ средства. Да и можетъ-ли быть, чтобы для дѣла, отъ котораго зависитъ не только достоинство, но и все будущее Россіи, не нашлось у ней средствъ и чтобы такое дѣло само не повело къ улучшенію ея финансовъ, упрочивъ ея международное положеніе» («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 160).

Въ румынскомъ вопросѣ выступило разногласіе между петербургскимъ и тюльерійскимъ кабинетами по восточ-

ному вопросу. Россія требовала, чтобы обособленіе Румыніи сопровождалось соотвѣтственными уступками Сербіи и Черногоріи. Франція-же оказалась для нихъ неумолимою и, напротивъ, пустила въ ходъ давленіе на Порту, чтобы достигнуть признанія независимости одного румынскаго княжества.

Румынскій вопросъ окончился признаніемъ принца Гогенцоллернскаго по соглашенію державъ, къ которому присоединилась и Россія. Катковъ опять напомнилъ объ утраченномъ нами бессарабскомъ участкѣ, который надлежало-бы возвратить къ намъ во имя болгаръ, которые его населяютъ и почему-то подчинены другой національности («Моск. Вѣд.» 1866 года, № 256). Онъ требовалъ, по крайней мѣрѣ, чтобы Россія отказалась отъ подписи своей на парижскомъ трактатѣ, въ которомъ изъ всѣхъ постановленныхъ въ немъ условій, сохранены лишь тѣ, которыя стѣснительны для Россіи («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 257). Дѣйствіе этого трактата пришлось черезъ десять лѣтъ отмѣнять силою не дипломатическаго краснорѣчія, а оружія.

Война 1866 года имѣла два существенныхъ послѣдствія: 1) она оказала сильное содѣйствіе германскому единству и 2) вытѣснивъ Австрію изъ Германіи, дала почву для измѣненія ея политическихъ видовъ компенсаціей на Балканскомъ полуостровѣ и выдвинула славянскій вопросъ, о которомъ мы уже говорили. Отнынѣ разсужденія Каткова о нашей политикѣ на Востокѣ стали переплетаться съ постоянымъ соображеніемъ о тяготѣніи туда выстѣсненной изъ Германіи Австріи.

Обсужденіе восточнаго вопроса выдвинуто было возстаніемъ въ Кандіи. Русское общество по обыкновенію горячо отозвалось на страданія нашихъ единовѣрцевъ. Въ пользу кандіотовъ были открыты многочисленныя подписки. Митрополитъ московскій Филаретъ обратился къ русскому народу съ воззваніемъ по этому предмету, которое, по выраженію Каткова, пронеслось по русской землѣ,

какъ звонъ благовѣста. Вопросъ о Критѣ вызвалъ не мало статей Каткова, на которыхъ мы не будемъ останавливаться («Моск. Вѣд.» 1867 г., №№ 2, 3, 8, 13, 29, 37, 38, 44, 45, 49, 53, 85, 147, 148, 159, 210, 278 и др.).

Важнымъ послѣдствіемъ успѣха Германіи была неизбѣжность ея конфликта съ обманутой въ разсчетахъ Франціей. Едва успѣла замолкнуть война, какъ опять возникли въ печати слухи о вооруженномъ столкновеніи. Писали, что Наполеонъ требовалъ исправленія границъ въ виду территоріальнаго увеличенія Пруссіи и что это можетъ привести къ конфликту. Нельзя не замѣтить, что престижъ его въ то время уже значительно упалъ въ глазахъ Европы; онъ оказался не на высотѣ событій. Неудача мексиканской экспедиціи сильно пошатнула его обаяніе. Катковъ рукоплескалъ паденію его авторитета («Моск. Вѣд.» 1866 г., №№ 157, 164, 170, 173). Министръ иностранныхъ дѣлъ Друенъ-де-Люисъ поплатился за неудачи императора; временнымъ преемникомъ его назначенъ былъ маркизъ Лавалетъ, который вмѣстѣ съ Руэромъ считался сторонникомъ Пруссіи («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 178).

Усиленіе Пруссіи, принявшейся за насильственное объединеніе Германіи, вызывало необходимость болѣе дѣятельнаго, чѣмъ прежде, участія Россіи въ политикѣ. Катковъ предвидѣлъ сближеніе Австріи съ Франціей. Пруссія же, очевидно, будетъ нуждаться въ Россіи — говорилъ онъ («Моск. Вѣд.» 1866 г. № 218, 220 и 239). Дружелюбныя ея отношенія къ Россіи не мѣшаютъ ей, однако, писалъ Катковъ, держать противъ насъ камень за пазухой («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 27).

Онъ указывалъ на два больныхъ мѣста европейскаго положенія.

«Германія, писалъ онъ, есть пока не что иное, какъ кризисъ, исполненный опасностей и не близкій къ концу; Австрія, въ ея теперешнемъ положеніи, есть еще болѣе трудный кризисъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ способствовать общему здоровью и спокойствію Европы» («Моск. Вѣд.» 1867 г., №№ 76, 91 и 93).

Онъ съ радостью указывалъ на всякое проявленіе сепаристическихъ тенденцій въ Германіи, но обстоятельства скорѣе свидѣтельствовали о томъ, что мелкопомѣстная Германія проявляетъ сама, какъ онъ выражался, расположеніе къ тому, чтобы ее скушала Пруссія («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 47). Онъ останавливался подробно на происхожденіи Пруссіи, отличительными чертами которой онъ признавалъ безпощадность власти и алчность къ захватамъ («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 140). Онъ въ то же время предостерегалъ Россію отъ обманчивыхъ надеждъ на разрѣшеніе восточнаго вопроса при содѣйствіи Пруссіи. «Ничего не можетъ быть обманчивѣе тѣхъ возбужденій, которыя могутъ со стороны Пруссіи проникать въ среду русской политики («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 285).

«Journal de St.-Pétersbourg», въ особой передовой статьѣ въ началѣ 1868 года, выразилъ сожалѣніе по поводу непріязненности «Московскихъ Вѣдомостей» относительно Пруссіи. Катковъ пояснилъ, что онъ желаетъ отнюдь не разрыва съ Пруссіей, а только свободы дѣйствій для Россіи («Моск. Вѣд.» 1868 г., № 20). Мы не станемъ повторять по этому поводу обстоятельствъ сдѣланной Бисмаркомъ попытки перетянуть Каткова на свою сторону [1]).

Когда возникъ люксембургскій вопросъ, Катковъ, стараясь опредѣлить положеніе Россіи въ ожидавшемся столкновеніи между Пруссіей и Франціей, совѣтовалъ, однако, воздерживаться отъ участія въ борьбѣ, пока интересы Россіи не будутъ затронуты или пока европейское равновѣсіе не покачнется въ ущербъ имъ; въ этомъ отношеніи, писалъ онъ, интересы Россіи сближаютъ ее съ Италіей, чтобы удерживать Австрію отъ вмѣшательства въ борьбу. Катковъ боялся, чтобы Австрія не воспользовалась удобной минутой для завладѣнія Босніей и Герцеговиной («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 71).

---

[1]) Глава VI, стр. 318 и 319.

Люксембургскій вопросъ въ 1867 году потухъ. Лондонская конференція, при взаимной уступчивости обѣихъ сторонъ, свела его къ мирному исходу, но берлинскій кабинетъ съ крайней неохотой рѣшился на дипломатическое окончаніе этого дѣла; онъ уступилъ лишь великодушнымъ настояніямъ нашего кабинета. Столкновеніе между Пруссіей и Франціей было только отсрочено. Катковъ это ясно сознавалъ.

Слухи о войнѣ вскорѣ возобновились по поводу начатой Франціей переписки о разоруженіи другихъ прирейнскихъ крѣпостей («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 131). Наполеонъ III въ началѣ 1867 года сдѣлалъ видъ, что протягиваетъ руку Россіи. Привыкшіе къ его эквилибристикѣ дипломаты, не безъ нѣкотораго изумленія, услышали въ его тронной рѣчи, что «Россія, одушевляемая миролюбивыми намѣреніями, расположена не отдѣлять своей политики на Востокѣ отъ французской». Посѣщеніе русскимъ царемъ въ 1867 году парижской выставки давало основаніе надѣяться на сближеніе. Серьёзность политическаго положенія заставила Каткова забыть о вредномъ вмѣшательствѣ Франціи въ польскій вопросъ, онъ старался оттѣнить выгоды дѣйствительнаго соглашенія съ Франціей. «Только Россія, производя подобающее ей дѣйствіе въ Европѣ, можетъ освобождать Францію отъ вынужденныхъ союзовъ; только Франція, обладающая полной свободой дѣйствій, можетъ въ свою очередь условливать свободу дѣйствій для Россіи» («Моск. Вѣдом.» 1867 г., № 117). Черезъ годъ онъ высказывалъ: «Истинные, хорошо понятые интересы Россіи и Франціи не противорѣчатъ другъ другу ни въ чемъ, и нѣтъ на земномъ шарѣ ни одного пункта, гдѣ бы они не могли быть согласованы и гдѣ бы Россія и Франція не могли оказывать другъ другу содѣйствіе» («Моск. Вѣд.» 1868 г., № 184).

Къ сожалѣнію, рука поляковъ опять повредила начинавшемуся сближенію. Пребываніе нашего Государя въ Парижѣ омрачено было покушеніемъ противъ него, про-

изведеннымъ Березовскимъ. Сначала печальное событіе 1867 года, отнюдь не повліяло на добрыя отношенія наши съ Франціей. Подъ впечатлѣніемъ покушенія Березовскаго, французы дѣйствительно почувствовали глубочайшее негодованіе къ этому посягательству. Они сдѣлали рядъ восторженныхъ овацій Царю. Государь, принимая французскихъ министровъ, отозвался о происшедшемъ въ томъ смыслѣ, что оно можетъ «только тѣснѣе скрѣпить связи, соединяющія его съ Франціей и императоромъ». Но вскорѣ это впечатлѣніе измѣнилось.

Немного болѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ, присяжные, судившіе Березовскаго, дали ему снисхожденіе. Защитникъ подсудимаго Эммануэль Араго произнесъ патетическую рѣчь, для эффектовъ которой доставили ему матеріалъ, безъ сомнѣнія, польскіе эмигранты въ Парижѣ. И присяжные не выдержали...

Вообще, процессъ этотъ не лишенъ былъ интересныхъ бытовыхъ подробностей. Араго дѣлалъ ссылки на циркуляры и распоряженія правительства во время мятежа — понятно, съ легкими искаженіями; цитировалъ даже статьи свода законовъ о преслѣдованіи политическихъ преступленій по старому процессуальному кодексу. Все это онъ приводилъ, чтобы доказывать непомѣрную жестокость русскаго народа въ борьбѣ съ поляками. Напоминалъ онъ въ своей рѣчи какую-то великолѣпную картину, изображавшую одну изъ улицъ Варшавы съ колѣнопреклоненнымъ народомъ, повторяющимъ одну молитву: отечество, отечество, отечество... Сквозь ружейный дымъ (потому-что русскіе, согласно фантазіи художника, стрѣляли въ эту толпу) виднѣются старцы, женщины — мать, прижимающая къ груди крошечное дитя и т. д. Вотъ чѣмъ было исторгнуто снисхожденіе у присяжныхъ. Впрочемъ, самъ генеральный прокуроръ де-Морне, хотя и произнесъ строгую рѣчь, но не осуждалъ открытаго возстанія поляковъ съ оружіемъ въ рукахъ, а президентъ ассизовъ старался во время судеб-

наго слѣдствія должнымъ образомъ поставить на видъ хладнокровіе и рѣшительность Наполеона III во время катастрофы — качества, черезъ непродолжительное время, должно быть, подтвержденныя седанскимъ пораженіемъ. Понятно, Катковъ съ негодованіемъ упоминалъ объ этихъ подробностяхъ процесса и съ тщательностью выводилъ наружу всѣ фактическіе промахи въ ссылкахъ, сдѣланные защитникомъ («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 152).

«Въ чемъ-же французскіе присяжные нашли смягчающія обстоятельства? спрашивалъ Катковъ. Не въ томъ-ли, что рука злодѣя была направлена противъ Государя, довѣрившагося чести Франціи, съ тѣмъ, чтобы подать руку помощи ея же правительству среди затрудненій и опасностей, въ которыхъ оно находилось? Будетъ время и оно недалеко—прибавилъ Катковъ (и это начальное предсказаніе сбылось), когда Франція пожалѣетъ объ этомъ новомъ доказательствѣ глубокаго упадка ея общественной нравственности и той среды, въ которой воспитано ея общественное мнѣніе» («Моск. Вѣдом». 1867 г., № 146).

На Францію нашло странное ослѣпленіе, французскіе суды стали систематически дѣйствовать враждебно противъ Россіи. Въ 1861 году нижне-сенскій ассизный судъ освободилъ отъ отвѣтственности, изъ уваженія къ польскому патріотизму, бывшаго повстанца ксендза Шумовскаго и уменьшилъ до minimum'а наказаніе другому лицу той-же категоріи, шляхтичу Янковскому, по дѣлу о поддѣлкѣ русскихъ кредитныхъ билетовъ («Моск. Вѣдом.» 1868 г., № 102). Мы упоминали уже, что французское общество проявляло также непріязненность къ славянскому вопросу [1]).

Наполеонъ, старавшійся угодить общественному мнѣнію, отошелъ отъ Россіи и сталъ искать сближенія съ Австріей. Осенью 1869 г. произошло въ Зальцбургѣ свиданіе его съ австрійскимъ императоромъ, подавшее даже поводъ Каткову высказать опасеніе, не замышляется-ли тамъ что-нибудь противъ Босніи и Герцеговины. Но время манёвровъ Австріи на Востокѣ еще не наступило. Не Наполе-

[1]) Глава VII, стр. 357.

онъ, а Бисмаркъ подталкивалъ ее туда. Но австрійская дипломатія, руководимая Бейстомъ, мечтала еще о возстановленіи своего положенія въ Германіи.

Когда столкновеніе Турціи съ Греціей по поводу критскаго вопроса дошло въ концѣ 1868 года до ультиматума, поставленнаго греческому правительству и когда была созвана для рѣшенія этого конфликта парижская конференція, то ни Франція, ни Пруссія не поддерживали на ней желаній Россіи, которая, какъ обыкновенно, очутилась въ изолированномъ положеніи («Моск. Вѣд.» 1869 г., №№ 49 и 96). Ходили слухи о союзѣ между Франціей, Австріей и Италіей. Но когда послѣдовало назначеніе французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ Флёри, опять промелькнули слухи о нашемъ сближеніи съ Франціей. Катковъ вновь высказался сочувственно объ этой мысли: «Чтобы ни говорили органы и глашатаи берлинской политики, сближеніе Россіи и Франціи неотразимо вызывается силою вещей» («Моск. Вѣд.» 1869 г., № 252). Онъ замѣчалъ, что союзъ этотъ «не требуетъ дипломатическихъ соглашеній и не нуждается въ трактатахъ. Требуется только, чтобы Франція слѣдовала во всемъ французской политикѣ, а Россія — русской» («Моск. Вѣд.» 1869 г., № 259). Онъ прибавлялъ, впрочемъ, что тогдашнія обстоятельства мало благопріятствовали успѣху такой комбинаціи, какъ-бы ни казалась она естественна и даже необходима...

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, по случаю празднованія столѣтняго юбилея ордена св. Георгія, императоръ германскій получилъ отъ покойнаго Государя первую степень этого ордена, а Вильгельмъ просилъ Александра II принять орденъ pour le mérite, съ которымъ покойный Государь не разставался. Теченіе событій было предрѣшено...

Когда телеграфъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1870 года принесъ въ Москву великое, но лаконическое, въ двухъ словахъ выраженное извѣстіе: война объявлена, Катковъ задалъ тотчасъ-же вопросъ о положеніи Россіи.

«А что же Россія? Какое положеніе она приметъ? Какъ отзовутся на ней грядущія событія? Какъ для нея сложатся ихъ послѣдствія? Борьба завязывается между Франціей и Пруссіей, но можемъ-ли мы сказать, что каковъ бы ни былъ исходъ этой борьбы, Россія останется ни въ чемъ не затронута, что для ней ничего не перемѣнится? Россія, нѣтъ сомнѣнія, удержитъ, при наступающей борьбѣ полную свободу дѣйствій; но этого мало: дай Богъ, чтобы она воспользовалась этою свободой къ лучшему. Сохранить свободу дѣйствій не значитъ непремѣнно бездѣйствовать. Нѣтъ, наступившій моментъ очень важенъ и требуетъ великихъ рѣшеній. Россія не связана своими интересами ни съ тою, ни съ другою стороною, и она можетъ ихъ предоставить собственнымъ силамъ и судьбамъ. Въ эту роковую минуту, всякій, хотя бы малѣйшій, шагъ въ направленіи чужого интереса былъ-бы пагубенъ для Россіи» («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 144).

Въ другой статьѣ онъ высказался еще яснѣе: «при настоящемъ положеніи дѣлъ для Россіи сохранять нейтралитетъ, значитъ только не дѣйствовать въ пользу Пруссіи» («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 150). Но Россія не оказалась свободною, и вооруженнымъ нейтралитетомъ въ пользу Германіи сдѣлала тотъ роковой шагъ, который, освободивъ эту державу отъ необходимости оберегаться противъ Австріи, развязала ей руки по отношенію къ Франціи.

Пораженія французскихъ армій слѣдовали одно за другимъ съ непостижимою скоростью. Послѣ сраженія при Гравелоттѣ Катковъ требовалъ уже дипломатическаго вмѣшательства со стороны Россіи:

«Въ новой Европѣ, которая должна сложиться послѣ погрома, Россіи надобно занять соотвѣтственное ей мѣсто, а потому и въ передѣлкѣ Европы Россія должна принять прямое и самостоятельное участіе» («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 162).

По поводу знаменитаго письма Штраусса къ Ренану, Катковъ говорилъ противъ высказаннаго въ немъ культа силы:

«Кровь и желѣзо могутъ создать огромное политическое зданіе на грудѣ развалинъ, среди ужаса и раззоренія, но мы еще въ первый разъ слышимъ, что они призваны воплотить идеалъ лучшихъ людей» («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 178).

Послѣ седанскаго пораженія Катковъ еще настоятельнѣе указывалъ на дипломатическое вмѣшательство:

«Если Европа не пустое слово, а нѣчто дѣйствительное, то она не можетъ остаться равнодушною при катастрофахъ подобнаго значенія, и она не должна отказываться отъ права, безъ котораго она превращается въ пустое слово» («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 182).

Но Европа молчала: вѣдь она умѣетъ говорить коллективно, главнымъ образомъ, только противъ Россіи.

Катковъ язвительно подсмѣивался надъ тономъ передовыхъ статей оффиціозныхъ нѣмецкихъ органовъ, гдѣ однимъ изъ послѣдствій побѣды надъ Франціей выставлялась будущая чистота нравовъ и страхъ Божій. Глумленіе нѣмцевъ надъ французами дошло до апогея. Талантливый литературный критикъ Юліанъ Шмидтъ написалъ противъ Франціи статью: Wider den Cancan, гдѣ онъ опредѣлялъ весь народный характеръ французовъ стремленіемъ къ канкану. Во время революціи они плясали la Carmagnole, это—тотъ же канканъ. Если идти дальше въ исторію, то что же Варѳоломеевская ночь какъ не канканъ, сцены послѣ взятія въ плѣнъ короля Іоанна Добраго — опять тотъ же танецъ, да наконецъ галлы въ комментаріяхъ Юлія Цезаря опять все то же. Рыцарство и площадность, имѣющія въ своемъ основаніи фразы и ложь—вотъ основанія французскаго духа. На это опредѣленіе Катковъ отвѣчалъ, что хуже лжи безсознательной слѣдуетъ считать обманъ и сознательную ложь, а этимъ-то качествомъ и отличается этюдъ критика.

Про библейскія передовыя статьи нѣмецкихъ газетъ замѣчалъ онъ, что чего же проще выдавать своего врага за врага Божія и изображать Германію сражающеюся за вѣру, какъ Израиля временъ пророковъ. Но не ложь ли это опять? («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 185).

Еще Катковъ взялся защищать Францію противъ нападеній на нее Гладстона, который въ Edinburgh Review помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: Germany, France and

England. «Францiя, говорилъ маститый государственный человѣкъ, есть для Европы постоянный источникъ политическаго безпокойства. Она вноситъ какой-то трепетъ въ ѐвропейскую атмосферу. Всегда чувствуется опасенiе, не требуется-ли чего нибудь, чтобы поддержать ея достоинство, чтобы утолить ея жажду славы, чтобы удовлетворить, просто пощекотать ея чувство преобладанiя». Гладстонъ склоненъ былъ думать, что послѣ войны 1870—1871 гг. наступитъ для Европы эра продолжительнаго мира. Онъ видѣлъ въ самомъ центральномъ положенiи Германiи залогъ ея миролюбiя, ибо всякiй наступательный шагъ ея можетъ быть прiостановленъ совокупнымъ дѣйствiемъ нѣсколькихъ великихъ державъ на разныхъ ея границахъ. Катковъ отвѣчалъ на это разсужденiями, смыслъ которыхъ сводился къ извѣстной поговоркѣ: не промѣняли-ли мы кукушку на ястреба? («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 271). Что же показали послѣдующiя событiя? Въ какое время вооруженiя державъ достигли бòльшей напряженности, чѣмъ послѣ франко-германской войны? въ какое время чувствуется бòльшiй трепетъ передъ войной, чѣмъ теперь?

За нѣсколько дней до паденiя Парижа, въ Версалѣ отпраздновано было объявленiе короля Вильгельма германскимъ императоромъ. Мѣстомъ для торжества была избрана знаменитая Gallérie des Glaces въ версальскомъ дворцѣ, гдѣ красуются аллегорическiя картины давней славы Францiи и завоеванiй ея у самой Германiи при великомъ королѣ Людвигѣ XIV. Тутъ собрался весь блескъ побѣдоносныхъ армiй Германiи, тутъ присутствовали представители всѣхъ царственныхъ ея домовъ. Передъ алтаремъ, воздвигнутымъ въ серединѣ галлереи, былъ пропѣтъ 21 псаломъ — и въ хорѣ слились голоса находившихся кругомъ императора германскихъ принцевъ. Придворный капелланъ сказалъ одушевленное слово — звучавшее какъ мани, ѳакелъ, фаресъ, обращенное противъ Францiи.

Россiя потребовала циркулярною депешой, 19 октября

1870 года, отмѣны запрещенія содержать военный флотъ въ Черномъ морѣ. Катковъ съ энергіей защищалъ это предположеніе («Моск. Вѣд.» 1870 г., №№ 238, 239, 244, 251, 259). Но когда вопросъ былъ благопріятно разрѣшенъ лондонской конференціей, онъ воздержался отъ патріотическаго ликованія. Онъ находилъ, что признаніе за султаномъ права пропускать въ Черное море, въ мирное время, военныя суда другихъ націй, есть какъ-бы эквивалентъ за сдѣланную намъ уступку («Моск. Вѣд.» 1871 г., № 54). Онъ повидимому находилъ компенсацію, полученную Россіей за объединеніе Германіи, недостаточною.

Съ 1872 года начался періодъ пресловутаго «союза трёхъ императоровъ», составлявшій, какъ и блаженной памяти священный союзъ, незатѣйливое средство эксплуатаціи Россіи въ ущербъ ея интересамъ. Катковъ, повидимому, не предвидѣлъ въ то время терніевъ, которые скрывались для Россіи подъ сѣнью этого обманчиваго единенія. Онъ писалъ въ началѣ 1872 г., что намъ нечего бояться усиленія Германіи, такъ какъ силою своего внутренняго національнаго развитія, мы можемъ восполнить съ избыткомъ всякую разность («Моск. Вѣд.» 1872 г., № 1). Когда рѣшено было въ 1872 году свиданіе трехъ императоровъ въ Берлинѣ, онъ радовался этому событію, какъ обезпеченію мира для Европы. Онъ задавалъ впрочемъ вопросъ, не будетъ-ли этотъ союзъ возобновленіемъ священнаго союза, но отвергалъ историческую аналогію между тѣмъ и другимъ («Моск. Вѣдом.» 1872 г., №№ 190, 218, 220 и 223).

Бисмаркъ вскорѣ показалъ, какъ понимаетъ онъ миролюбивыя стремленія трехъ сочетавшихся державъ. Пробужденіе военной силы во Франціи вызвало въ военной партіи Берлина мысль о вторичномъ разгромѣ этой страны для вящшаго успокоенія въ будущемъ. На банкетѣ лорда-мэра въ концѣ 1874 года, тогдашній премьеръ-министръ Дизраэли сдѣлалъ оригинальное заявленіе: «утверждать,

чтобы въ настоящемъ положеніи дѣлъ на материкѣ не было повода къ безпокойству, значило-бы шутить шутки». Катковъ тщетно старался выяснить себѣ, что могъ разумѣть подъ этимъ вождь англійскаго правительства. Ему казалось, что опасность кроется въ ультрамонтанствѣ, противъ котораго боролся Бисмаркъ («Моск. Вѣд.» 1874 г., № 280). Онъ отрицалъ опасенія новаго нападенія Германіи на Францію даже когда объ этомъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1875 года, заговорила иностранная печать, увѣрявшая, что на предстоявшемъ свиданіи императоровъ германскаго и русскаго рѣшится вопросъ о войнѣ и мирѣ; онъ видѣлъ въ этомъ стремленіе англійской прессы подорвать довѣріе къ союзу трехъ императоровъ («Моск. Вѣд.» 1875 г., №№ 108 и 109). Но основательность этихъ слуховъ была подтверждена парламентскими заявленіями англійскихъ министровъ, сообщившихъ, что по этому поводу велась цѣлая переписка и что послѣ свиданія императоровъ получены самыя успокоительныя увѣренія («Моск. Вѣд.» 1875 года, № 130).

Бисмаркъ отплатилъ Россіи за миролюбивое вмѣшательство ея императора въ пользу Франціи скрытымъ противодѣйствіемъ русскимъ интересамъ на Востокѣ. Его отношеніе къ войнѣ 1877—1878 гг. и къ берлинскому конгресу уже нами разсмотрѣно [1]).

Долгое время не могъ забыть Катковъ двуличной политики германскаго канцлера по поводу стремленій Россіи на Балканскомъ полуостровѣ въ 1876—1878 гг.

Но черезъ годъ послѣ воцаренія Александра III, когда новымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ на мѣсто князя Горчакова назначенъ былъ Н. К. Гирсъ, Катковъ радикально измѣнилъ тонъ. Когда нашъ министръ, при проѣздѣ черезъ Берлинъ въ концѣ 1882 года, былъ съ большой предупредительностью принятъ и въ Берлинѣ, и въ Вар-

[1]) Глава VII.

цинѣ, Катковъ одобрилъ происшедшее сближеніе, радуясь тому, что между Россіей и Германіей произошло необходимое, по его мнѣнію объясненіе, которымъ устранятся происшедшія удивительныя недоразумѣнія между этими державами. Онъ сравнивалъ Россію и Германію съ поссорившимися любовниками въ водевилѣ, капризно отвертывавшимися другъ отъ друга, избѣгая объясненій. Но онъ обвинялъ въ этомъ даже не германскаго, а бывшаго русскаго канцлера, и дурными отношеніями между обоими объяснялъ неуспѣхъ русской политики на Востокѣ.

«Предъ великою войною, которую мы предпринимали, мы не хотѣли объясниться съ единственнымъ бывшимъ у насъ въ Европѣ союзникомъ; мы оставляли его въ невѣдѣніи относительно нашихъ видовъ, если мы только имѣли какіе либо виды; въ сущности-же сами оставались въ потемкахъ и отдавали дѣла свои на произволъ случая» («Моск. Вѣд.» 1882 г., № 334).

Высказавъ сочувствіе настроенію «Московскихъ Вѣдомостей», органъ Бисмарка «Сѣверо-германская газета» отвергалъ существованіе недоразумѣній между нимъ и Горчаковымъ и приписывалъ происходившее смущеніе вліянію русской публицистики, при содѣйствіи нѣкоторыхъ лицъ оффиціальнаго положенія. Катковъ напомнилъ по этому поводу, что онъ съ своей стороны настаивалъ на объясненіи съ Германіей передъ началомъ Восточной войны («Моск. Вѣд.» 1882 г., №№ 344 и 347). Онъ заявлялъ, что газетная агитація была скорѣе послѣдствіемъ тѣхъ неясностей, которыя возникали и плодились между русскимъ и германскимъ правительствами («Моск. Вѣд.» 1882 г., № 348).

По поводу нелѣпой статьи въ «Фигаро» нѣкоего Вэстина о будто-бы предстоящей войнѣ между Россіей и Германіей Катковъ старался, по возможности, очистить поведеніе по отношенію къ намъ германскаго правительства. Судьба Босніи и Герцеговины была рѣшена задолго до берлинскаго конгресса при посредствѣ не германскаго, а русскаго канцлера. Санъ-стефанскій договоръ былъ заклю-

ченъ, чтобы дѣлать изъ него уступки («Моск. Вѣд.» 1882 года, № 362).

Катковъ съ энергіей отрицалъ съ этихъ поръ всякія слухи о столкновеніи между Россіей и Германіей, напримѣръ, по поводу заявленій итальянскаго министра Манчини о необходимости тройственнаго союза между Германіей, Австріей и Италіей («Моск. Вѣд.» 1883 г., №№ 86, 92, 99, 103 и 105), по поводу свиданій императоровъ австрійскаго и германскаго («Моск. Вѣд.» 1883 г., № 227) или инсинуацій австрійскихъ газетъ («Моск. Вѣд.» 1883, №№ 244 и 248), въ особенности «Пештскаго Ллойда («Моск. Вѣд». 1884 г., №№ 68 и 73). «Ни съ Германіей, ни съ ея политикой у насъ нѣтъ никакихъ счетовъ; ни Германія ничего у насъ не забыла, ни мы у Германіи», писалъ Катковъ («Моск. Вѣд.» 1883 г., № 227). Онъ съ сочувствіемъ встрѣтилъ назначеніе въ Берлинѣ посланникомъ князя Орлова, видя въ этомъ, благодаря хорошимъ отношеніямъ между нимъ и Бисмаркомъ, залогъ добраго довѣрія между правительствами («Моск. Вѣд.» 1884 года, № 52). Онъ высказывался съ одобреніемъ о колоніальной политикѣ Германіи («Моск. Вѣд.» 1884 г., № 156). Праздновавшійся въ мартѣ мѣсяцѣ 1885 года юбилей князя Бисмарка онъ встрѣтилъ въ высшей степени сочувственной статьей («Моск. Вѣд.» 1885 г., № 84).

Катковъ стоялъ въ то время и за сближеніе съ Австріей («Моск. Вѣд.» 1884 г., №№ 68 и 73). «Намъ лучше жить съ Австріей въ дружбѣ, чѣмъ быть врагами», заявлялъ онъ («Моск. Вѣд.» 1884 г., № 153). Словомъ, его тогдашней программой было возобновленіе злополучнаго тройственнаго союза, закрѣпленнаго скерневицкимъ свиданіемъ («Моск. Вѣд.» 1884 г., № 260). Въ началѣ 1885 года онъ радовался присоединенію, будто-бы, къ этому союзу Франціи, симптомами сближенія которой съ Германіей была поддержка, оказанная послѣднею французскому правительству на египетской конференціи въ Лондонѣ и на конгой-

ской конференціи въ Берлинѣ («Моск. Вѣд.» 1885 г., № 1).

1885 годъ оказался временемъ дипломатическихъ замѣшательствъ. Первое изъ нихъ, касавшееся далекой отъ Европы среднеазіатской окраины было благополучнымъ для «тройственнаго союза». Нельзя, между прочимъ, не похвалить Каткова за его твердыя и стойкія статьи по поводу афганскаго столкновенія съ Англіей («Моск. Вѣд.» 1885 г., №№ 43, 56, 58, 63, 64, 79, 85, 87, 91, 95, 104, 105, 110, 118, 122, 128, 135, 147). Афганскій вопросъ обошелся мирно, и тройственный союзъ, подкрѣпленный въ іюлѣ и августѣ свиданіями въ Гаштейнѣ и Кремзирѣ, продолжалъ свое существованіе («Моск. Вѣд.» 1885 г., № 212).

Вторымъ событіемъ, произведшимъ потрясеніе въ дипломатическомъ мірѣ, было восточно-румелійское движеніе. Произошедшее черезъ годъ одобреніе Европой турецко-болгарскаго соглашенія о возсоединеніи Восточной Румеліи съ Болгаріей въ лицѣ принца Баттенбергскаго, снова возстановило Каткова противъ Бисмарка. Онъ сдѣлалъ рѣзкій volte-face противъ Германіи («Моск. Вѣд.» 1886 г., № 181).

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1886 года, онъ уже трунилъ надъ предполагавшейся поѣздкой Гирса на свиданіе съ Бисмаркомъ въ Киссингенъ, сравнивая ее съ стародавними поѣздками въ Золотую Орду. Онъ признавалъ излишними какія-либо соглашенія Россіи съ сосѣдними державами («Моск. Вѣд.» 1886 г., № 187). Онъ смѣялся надъ лигой мира, которою стали стращать Россію («Моск. Вѣд.» 1886 года, №№ 205, 209, 214, 215).

Катковъ началъ, по свойственному ему обычаю, вести страстную и энергичную борьбу противъ германофильскаго направленія, на сторонѣ котораго онъ самъ такъ недавно находился. Независимо отъ передовыхъ статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Русскомъ Вѣстникѣ» начали съ октября 1885 года появляться статьи Татищева, такъ

блистательно доказавшія практическую несостоятельность и вредъ для Россіи германскаго вліянія въ нашей внѣшней политикѣ.

Въ началѣ 1887 года Катковъ останавливался на слухахъ о войнѣ между Россіей и Германіей, которые были вызваны военнымъ законопроектомъ германскаго правительства («Моск. Вѣд.» 1887 г., №№ 6, 9 и 11). Обособленіе русскаго кабинета вызвало въ Германіи усиленное вооруженіе. Катковъ объяснялъ слухи о войнѣ приближеніемъ срока, когда долженъ окончиться тройственный союзъ. «Начинается рѣчь о неизбѣжности войны, если Россія захочетъ имѣть свою политику» («Моск. Вѣд.» 1887 года, № 23).

Военный законопроектъ не прошелъ въ германскомъ рейхстагѣ и послѣдній былъ распущенъ. Новые выборы обезпечили побѣду правительству («Моск. Вѣд.» 1887 г., №№ 39, 44, 49, 50, 52, 55, 58). Катковъ занимался вычисленіемъ, во что обходится Россіи подъемъ патріотизма въ Германіи вслѣдствіе паденія биржевыхъ цѣнностей («Моск. Вѣд.» 1887 г., № 28).

Къ этому времени относится послѣднее, надѣлавшее столько шума, столкновеніе Каткова съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, напечатавшимъ два правительственныхъ сообщенія въ пользу нашихъ добрыхъ отношеній съ Германіей. Первое появилось еще въ концѣ 1866 года; второе вызвано было чрезвычайно рѣзкой статьей «Московскихъ Вѣдомостей», обвинявшей германскія консульства, которымъ поручена была защита интересовъ русскихъ подданныхъ въ Болгаріи, въ непріязненномъ отношеніи къ Россіи и даже возлагавшей на ихъ отвѣтственность кровавую расправу въ Рущукѣ противъ возмутившихся офицеровъ («Моск. Вѣд.» 1887 г., № 59). Правительственное сообщеніе указывало, что «правила нравственности обязываютъ всякаго, рѣшающагося формулировать столь тяжкое обвиненіе, предъявить и достаточныя

доказательства въ подтвержденіе онаго»; само-же министерство иностранныхъ дѣлъ приводило доказательства противнаго.

Катковъ, не перепечатавшій вовсе перваго сообщенія, разразился по поводу второго громоносной статьей. Прежде всего, онъ отвергалъ цѣлесообразность правительственныхъ сообщеній. «Правительство проявляется въ актахъ обязательнаго свойства, а не въ разсужденіяхъ и мнѣніяхъ. Оно даетъ законы, оно дѣлаетъ распоряженія, а правительственныхъ мнѣній мы не знаемъ». Отзываясь о первомъ сообщеніи, Катковъ заявилъ, что «чье бы мнѣніе ни высказывалось въ этой статейкѣ, она узурпированно присвоивала себѣ наименованіе «правительственнаго». Онъ высказалъ убѣжденіе, что правительство въ истинномъ смыслѣ слова идетъ не къ порабощенію русскаго Царя разными союзами, а къ свободѣ его дѣйствій («Моск. Вѣд.» 1887 г.. № 69).

По слухамъ, предполагалось сдѣлать Каткову предостереженіе, но такового не послѣдовало. Онъ продолжалъ съ прежней энергіей свои нападки на Бисмарка преимущественно впрочемъ на почвѣ старыхъ счетовъ. Начались дипломатическія разоблаченія, загорѣлся вопросъ о томъ, кто толкнулъ Австрію на Балканскій полуостровъ, гдѣ она такъ дѣятельно начала вытѣснять русское вліяніе?

По поводу бѣглой замѣтки объ этомъ обстоятельствѣ «Варшавскаго Дневника», «Сѣверо-германская газета» замѣтила, что уступка Австріи Босніи и Герцеговины была сдѣлана самой Россіей. Очевидно, дѣлались намёки на рейхштатское соглашеніе. Началась оживленная и злая полемика. Катковъ писалъ:

«Мы не имѣемъ доступа въ архивы Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а само оно ничего не возражаетъ чрезъ свои органы на тяжкія нареканія, которыми срамитъ нашу дипломатію ея другъ и отвѣтственный руководитель германской политики» («Моск. Вѣд.» 1887 г., № 116).

«Будьте же однако справедливы, господа берлинскіе политики:

не русская дипломатія изобрѣла чудовищный планъ вытѣсненія Россіи изъ Болгаріи, какъ не она изобрѣла вытѣсненіе ея изъ Румыніи, изъ Сербіи и обращеніе этихъ странъ, столь обильно орошенныхъ русскою кровью, въ цитадели противъ Россіи, въ притоны враждебныхъ интригъ. Довольно будетъ уже и того, если берлинская политика иронически скажетъ, что наша дипломатія была ей пособницей» («Моск. Вѣд.» 1887 г., № 101).

Въ полемику между «Московскими Вѣдомостями» и «Сѣверо-германской газетой» вмѣшался «Пештскій Ллойдъ», органъ графа Андраши, который отрицалъ соглашеніе съ Россіей о Босніи и Герцеговинѣ и приписывалъ полученіе этихъ провинцій Австріей берлинскому конгрессу. Дѣло въ томъ, что дѣйствительно между Россіей и Австріей велись переговоры относительно ея нейтралитета во время русско-турецкой войны и нейтралитетъ этотъ пріобрѣтался цѣной уступки Босніи и Герцеговины. Но соглашеніе это было обстановлено условіями, давшими возможность Австріи выйдти изъ соглашенія и получить Боснію и Герцеговину уже не по договору съ Россіей, а по рѣшенію европейскаго конгресса, которому предшествовало особое соглашеніе по этому предмету между Австріей и Англіей.

Катковъ напечаталъ, въ обличеніе Бисмарка, подробное письмо Татищева, который документально доказывалъ, что мысль о распространеніи сферы австрійскаго господства на Востокѣ принадлежала всё-таки германскому канцлеру, высказывавшему ее вѣнскому двору послѣ разгрома Австріи въ 1866 году и послѣ паденія французской имперіи въ 1871 году. Затѣмъ, Бисмаркъ воспользовался переговорами между Австріей и Россіей относительно уступки Босніи и Герцеговины, чтобы создать почву для окончательнаго соглашенія и упроченія дружественныхъ отношеній между Германіей и Австріей. Татищевъ не предавалъ огласкѣ этихъ переговоровъ (которые велись между Россіей и Австріей въ 1876 и 1877 гг. при его служебномъ участіи), но засвидѣтельствовалъ, что соглашеніе это существенно разнилось отъ условій, перечисленныхъ «Сѣверо-герман-

ской газетой». Полемика эта привела въ концѣ концовъ къ полному опубликованію какъ сущности этихъ переговоровъ, такъ даже и текста оборонительнаго договора, заключеннаго въ 1879 году противъ Россіи Германіей и Австріей. Но это уже случилось послѣ смерти Каткова. Германія, перешедши на откровенность, измѣнила тонъ политики: вмѣсто заигрыванія съ Россіей, она ощетинилась. Бисмаркъ произнесъ по ея адрессу саркастическую и чрезвычайно одушевленную рѣчь въ защиту новаго кредита на военные расходы, утвержденнаго въ началѣ 1888 г.

Таковыми оказались послѣдствія начатыхъ Катковымъ нападокъ противъ Германіи. Личина дружбы, которою покрывались все болѣе и болѣе портившіяся отношенія между Россіей и Германіей, стала исчезать.

Борьба, которую Каткову приходилось по этому поводу вести, не была чужда весьма непріятныхъ для него событій, близость которыхъ къ нашему времени исключаетъ возможность подробно до нихъ касаться.

Если поставить вопросъ: какую цѣль преслѣдовалъ Катковъ въ этой полемикѣ, то придется сдѣлать заключеніе, что вначалѣ онъ не хотѣлъ, конечно, довести разрывъ окончательно до войны между Россіей и Германіей, а хотѣлъ только вызвать полное охлажденіе между обѣими державами и сближеніе Россіи съ Франціей. Мысль о послѣднемъ мелькала въ его статьяхъ, начиная съ лѣта 1886 года. Сначала онъ говорилъ осторожно:

«Намъ нѣтъ надобности справляться, въ какую клѣтку помѣщаютъ классификаторы то или другое правительство, мы должны знать только интересы нашего отечества и руководствоваться въ нашихъ дѣлахъ, въ нашихъ сближеніяхъ и разрывахъ, только нашимъ долгомъ передъ судьбами Россіи» («Моск. Вѣд.» 1886 г., № 187).

Затѣмъ, онъ отвергалъ тогда предположеніе о союзѣ съ Франціей и даже увѣрялъ, что мы должны хранить нейтралитетъ въ случаѣ столкновенія Франціи съ Германіей, но прибавлялъ, что «было-бы странно не желать, чтобы

у нашихъ противниковъ были, и кромѣ насъ, противники» («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 197).

Но увлекаясь полемикой, Катковъ заходилъ все далѣе и далѣе. Въ 1887 году онъ не только не скрывалъ желанія, чтобы произошло столкновеніе между Франціей и Германіей, но говорилъ такъ, что можно было думать, что онъ желаетъ его, какъ можно скорѣе. Впрочемъ, вопросъ о войнѣ принадлежитъ обыкновенно къ сенсаціоннымъ, которые порождаютъ впечатлѣнія и отзвуки, еще болѣе возбуждающіе и волнующіе. Иностранная печать также очень тщательно занималась темой о войнѣ между Германіей и Франціей, возбужденной слушавшимися въ началѣ 1887 и 1888 г.г. военными законопроектами Бисмарка. Въ 1887 г. Катковъ писалъ, что у французовъ существуетъ убѣжденіе, что «война на носу». Онъ заявлялъ, что если французы дорожатъ сближеніемъ съ Россіей, то имъ слѣдовало-бы не давать канцлеру, неистощимому на выдумки, протѣсниться между ними и Россіей, и постараться сблизиться съ нею на какомъ-либо серьёзномъ дѣлѣ» («Моск. Вѣд.» 1887 г., № 62). Онъ остановилъ особое вниманіе на вопросѣ о нейтралитетѣ Бельгіи, въ случаѣ франко-германской войны, по которому возникла заграницей почти цѣлая литература («Моск. Вѣд.» 1887 г., № 75).

Впрочемъ, поводы къ слухамъ о войнѣ не оскудѣвали. Съ начала 1887 года итальянскія и другія иностранные газеты стали трубить о германо-австро-итальянскомъ союзѣ («Моск. Вѣд.» 1887 г., № 92 и 99), подоспѣлъ случай со Шнебеле, который Катковъ охарактеризовалъ, какъ «навуходоносорство бисмарковской Германіи» («Моск. Вѣд.» 1887 г., № 105). Во время этого инцидента Катковъ писалъ слѣдующее:

«Всѣ эти случаи очень напоминаютъ подобные-же предъ войной 1870—1871 годовъ. Обстановка очень походитъ. Но есть признаки, что французы уже начинаютъ терять терпѣніе.... Любопытно, что нѣмецкіе картографы уже заносятъ Бельгію въ границы Германіи. Посмотримъ, какъ удастся имъ это на дѣлѣ» («М. В.» 1887 г., № 105).

Смерть постигла Каткова въ переходное для русской политики время, когда наше отечество оказалось въ разладѣ съ сильнымъ сосѣдомъ, съ которымъ находилось долгое время въ дружественныхъ отношеніяхъ, а по отношенію къ Франціи находилось въ положеніи чисто-платоническихъ симпатій, не выразившихся пока реальнымъ соглашеніемъ.

Въ вышеприведенныхъ мнѣніяхъ Каткова по внѣшней политикѣ мы впервые сталкиваемся съ чертою, весьма характеристическою для этого публициста—отсутствіемъ твердой системы и происходившею вслѣдствіе этого шаткостью его взглядовъ. Впрочемъ, въ вопросахъ руссофикаціи пограничныхъ частей Россіи Катковъ высказывалъ непоколебимое постоянство, несмотря на перемѣны въ другихъ отношеніяхъ.

Благодаря проницательности своего ума, Катковъ еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ сталъ понимать всю опасность для Россіи усиленія Германіи. Онъ еще въ то время сознавалъ, что нашимъ естественнымъ союзникомъ въ международной области является Франція. Онъ справедливо приписывалъ князю Бисмарку скрытое недоброжелательство къ Россіи. И вдругъ, въ 1882 году читатели «Московскихъ Вѣдомостей», къ величайшему своему изумленію, увидѣли на столбцахъ газеты доказательства того, что наши политическіе интересы требуютъ опять того-же самаго, отъ чего они пострадали, т. е. близости съ Германіей и тройственнаго союза. Ошибки прежняго царствованія были объяснены не тѣмъ, что былъ избранъ невѣрный путь, а тѣмъ, что нашъ канцлеръ не умѣлъ вести, какъ слѣдуетъ, политики.

Что вызвало эту перемѣну взглядовъ? Обаяніе-ли Бисмарка? Реакціонное-ли теченіе, которому отдался Катковъ и которое могло побуждать его искать въ союзникахъ болѣе или менѣе однородныхъ политическихъ симпатій? Газетныя статьи Каткова не выясняютъ этого salto mortale.

Интересно удостовѣрить, что оно совпало съ переворотомъ общаго міровоззрѣнія Каткова въ области внутренней политики. Если вспомнить, что тройственный союзъ провозглашалъ цѣлью не только поддержаніе міра въ Европѣ, но и охраненіе монархическаго принципа, то можно будетъ отнести внезапное сочувствіе къ нему Каткова именно послѣднимъ стремленіемъ. Когда зашла рѣчь о международной борьбѣ съ противогосударственными тенденціями вслѣдъ за катастрофой 1-го марта 1881 года, то не Германія-ли первая отозвалась сочувственно на призывъ Россіи, тогда какъ въ самый разгаръ посягательствъ противъ покойнаго Государя французское правительство затруднилось выдать замѣшаннаго въ попыткахъ цареубійства Гартмана?

Печальныя событія, которыя пережило наше отечество, благодаря нигилистическому и соціалистическому движенію въ молодежи, должны быть, по нашему мнѣнію, признаны главнымъ источникомъ проявившихся въ Катковѣ измѣненій и колебаній не только въ дѣлѣ внутренняго развитія нашего отечества, но и въ программѣ международныхъ отношеній.

Но нельзя не пожалѣть, что эти колебанія происходили. Едва ли можетъ представиться бòльшее зло, чѣмъ частая перемѣна путей и направленій. Если эта истина такъ часто оправдывается въ существованіи отдѣльныхъ людей, то она должна имѣть тѣмъ бòльшее значеніе въ жизни народовъ, интересы которыхъ едва-ли допускаютъ переходы изъ колеи въ колею по случайнымъ вѣяніямъ и впечатлѣніямъ.

IX.

Мнѣнія Каткова о внутренней политикѣ до конца семидесятыхъ годовъ.

Общее сочувствіе Каткова къ осуществленнымъ въ 1863—1866 годахъ реформамъ. — Мимолетные проявленія разочарованія. — Мысли по поводу недостатка у насъ людей. — Постоянное сочувствіе Каткова къ реформамъ въ разные моменты періода 1863—1866 г. — Сохраненіе имъ тѣхъ-же взглядовъ и послѣ каракозовскаго покушенія. — Мысли Каткова по земской реформѣ.—Предположеніе дать привилегированное положеніе въ земствѣ крупнымъ землевладѣльцамъ. — Предположеніе объ организаціи земской власти.— Привѣтъ Каткова Положенію о земскихъ учрежденіяхъ 1-го января 1864 года. — Первые опыты земскаго дѣла въ Россіи. — Отношеніе къ нимъ публициста. — Измѣненіе отзывовъ Каткова о дворянствѣ.—Значеніе каракозовскаго покушенія для отношенія правительства къ реформеннымъ учрежденіямъ. — Мнѣніе по этому поводу Каткова въ 1880 году. — Рескриптъ, данный въ 1866 году покойнымъ Государемъ князю Гагарину. — Столкновеніе въ 1867 году петербургскаго земства съ правительствомъ. — Несочувственныя мѣры правительства по отношенію къ земству. — Защита Катковымъ земскихъ учрежденій. — Голодъ въ Россіи въ 1868 г.—Пререканія губернаторовъ съ земскими собраніями. — Картина земской дѣятельности въ началѣ 1870 г.—Мысль о всесословной волости и о преобразованіи крестьянскаго управленія.—Вопросъ объ отмѣнѣ подушной подати и о крестьянскихъ повинностяхъ.— Мнѣнія Каткова о Городовомъ положеніи.— Усиливавшееся сочувствіе Каткова къ дворянскому началу.—Проектъ 1870 года объ усиленіи административной власти.— Уничтоженіе мировыхъ посредниковъ. — Характеристика законодательной дѣятельности во время семидесятыхъ годовъ. — Вопросъ о наймѣ рабочихъ.— Классическая гимназія и мысль о пересмотрѣ университетскаго устава.— Введеніе общей воинской повинности.

> Принципъ правительственнаго невмѣшательства не есть что-либо чуждое правительству, что-либо, идущее наперекоръ ему, умаляющее или стѣсняющее его; напротивъ, этотъ принципъ есть сама правительственная мудрость; въ развитіи этого начала заключается весь прогрессъ и правительства, и общества.
>
> («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 13).

Сочувствіе Каткова къ реформамъ, осуществленнымъ въ періодъ отъ 1863 до 1866 годовъ, не измѣнялось въ

основныхъ чертахъ подъ вліяніемъ происходившихъ въ эти годы событій.

Бывали иногда проявленія нѣкотораго разочарованія относительно того, что можно еще сдѣлать для Россіи, но это были только выраженія мимолетныхъ сомнѣній. Такъ, въ передовой статьѣ перваго номера «Московскихъ Вѣдомостей» за 1864 г., Катковъ останавливался на слѣдующихъ разсужденіяхъ:

«Реформа! Преобразованіе! Почему эти привлекательныя слова, за разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, перестали ласкать нашъ слухъ, почему мы не приходимъ въ восторгъ отъ многочисленныхъ проектовъ различныхъ вѣдомствъ и даже относимся къ нимъ съ недовѣрчивостью? Почему?» «Въ преобразованіяхъ необходимо отличать двѣ вещи: руководящее чувство и практическое исполненіе. Еслибы можно было ограничиться обсужденіемъ однихъ руководящихъ побужденій, то въ большей части случаевъ намъ пришлось бы засвидѣтельствовать у насъ истинный прогрессъ. Наука, гуманность, доброжелательность явственно отпечатлѣны въ основаніяхъ огромнаго множества проектовъ настоящаго времени... Указывать на успѣхъ въ этомъ отношеніи не значитъ льстить кому бы то ни было... Но практическая политика требуетъ болѣе опредѣленнаго содержанія, чѣмъ общее и, такъ сказать, отвлеченное доброжелательство, она нуждается какъ по исполнительной, такъ и по законодательной части въ многочисленныхъ дѣятеляхъ, которые должны стоять на твердой почвѣ, имѣть въ виду дѣйствительныя потребности и средства, настолько знать и чувствовать существующій бытъ народа, чтобы могла быть увѣренность въ правильномъ примѣненіи общихъ началъ и въ томъ, что это примѣненіе подѣйствуетъ въ желательномъ смыслѣ на жизнь. Все это истины неоспоримыя, а для Россіи въ настоящую минуту онѣ имѣютъ тѣмъ большее значеніе, что находящіеся теперь въ ходу проекты преобразованій объемлютъ собой всѣ сферы народной и государственной жизни».

Но Катковъ все-таки приходилъ къ выводу, что «ни одна изъ этихъ сферъ не можетъ и не должна обойтись безъ реформы, это очевидно!» Онъ только указывалъ на громадное значеніе первыхъ шаговъ въ осуществленіи реформъ.

«Наше поколѣніе держитъ въ своихъ рукахъ, — говорилъ Катковъ,— историческую будущность русскаго народа. Наша задача такъ колоссальна, что поневолѣ становится жутко» («Моск. Вѣд.» 1864 г. № 1).

Онъ подробнѣе возвратился къ этой темѣ въ 1865 г., говоря о практическомъ осуществленіи судебной реформы:

«У насъ нѣтъ людей!»—«Неправда, у насъ есть люди, — дайте учрежденія, люди явятся!»—Вотъ двѣ темы, на которыя въ послѣднее время сталъ завязываться у насъ горячій споръ противоположныхъ мнѣній, споръ, нерѣдко приводящій ту и другую сторону въ взаимное раздраженіе. Между тѣмъ, намъ кажется, что самая тема, съ которой начинается и отъ которой не отходитъ этотъ споръ, не имѣетъ надлежащей реальности и потому о ней можно спорить съ одинаковою вѣроятностью доводовъ, оставляя существенный вопросъ все-таки нетронутымъ и нерѣшеннымъ. У насъ есть люди — не все ли это равно, что сказать: земля наша велика и обильна? Кто не знаетъ, какія необъятныя сокровища естественнаго богатства лежатъ въ нѣдрахъ нашей земли и разсѣяны на ея поверхности? Все, повидимому, есть у насъ подъ рукой, что составляетъ богатый матеріалъ для дѣятельности, изъ чего слагается экономическое благосостояніе, изъ чего разрабатывается и наростаетъ богатство отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго народа. И за всѣмъ тѣмъ, развѣ мы не видимъ, что эти богатства наши массою лежатъ въ нѣдрахъ и на поверхности нашей земли, нетронутыя и неразработанныя? Прочитавъ на одной сторонѣ медали обиліе и богатство, на другой сторонѣ мы видимъ наличную бѣдность и недостатокъ запасовъ. Но благоразумно ли поступитъ тотъ, кто, увидѣвъ только одну сторону медали, тѣмъ и удовольствуется, что успѣлъ прочесть на ней? Да! Духовными дарами природа не обдѣлила насъ такъ же, какъ и дарами физическими: и мы свою силу чуемъ въ себѣ и грѣхъ намъ жаловаться, что Богъ насъ обидѣлъ. Силы въ насъ много, такъ много, что, видя передъ собою дѣйствительныя, насущныя надобности, требующія приложенія силъ, мы останавливаемся въ раздумьи: нельзя ли свою силу направить и еще на что нибудь. Мы такъ много силы чуемъ въ себѣ, что вовсе ее не цѣнимъ и растрачиваемъ ее самымъ безсмысленнымъ образомъ».

Катковъ указывалъ при этомъ на недостатки воспитанія, на безплодную дѣятельность на поприщахъ, гдѣ все дѣлается только для вида, на потерю силъ въ кочеваніи отъ занятія къ занятію, которое такъ улыбается чиновничеству, особенно столичному.

«Да, у насъ силъ много,—продолжаетъ онъ,—иначе не могла бы устоять русская земля среди этого безпорядка и хаоса въ употребленіи своихъ силъ, но и дѣло наше не со вчерашняго дня только передъ нами. Во всѣ эпохи нашей народной жизни обозначались потребности общественнаго дѣла, и что же мы видимъ? Мы видимъ, что являлись у насъ Самсоны и Голіаѳы, созидавшіе намъ госу-

дарственность и гражданственность. Но не видимъ ли мы также, что за предѣлами круга этихъ людей оставалось несмѣтное множество пустыхъ круговъ, что цѣлыя массы бездѣйствующей силы лежали нетронутыми около разсѣянныхъ дѣятелей, что всякому новому дѣятелю, вступающему въ дѣло, предстоитъ у насъ до сихъ поръ начинать вновь работу созиданія и собиранія силъ, какъ будто до него никто на этомъ мѣстѣ не собиралъ и не трудился? Отчего у насъ, при началѣ каждаго общественнаго дѣла, вмѣстѣ съ восторженнымъ крикомъ однихъ: есть люди! всегда раздавался отчаянный вопль другихъ: нѣтъ людей! а потомъ нерѣдко тотъ и другой звукъ замиралъ въ привычкѣ и равнодушіи? Не оттого ли происходило и происходитъ все это, что мы только чуяли въ себѣ присутствіе силъ, но не хотѣли и не умѣли различить ихъ, собрать ихъ, дать имъ постоянное движеніе и распредѣлить ихъ экономически?» («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 93).

Несмотря на возникавшія сомнѣнія, Катковъ оставался вѣренъ первоначальнымъ взглядамъ на необходимость реформъ въ Россіи. Ни впечатлѣнія польскаго мятежа, вызвавшія въ немъ горячую защиту политики строгостей въ возмутившейся окраинѣ, ни даже печальное событіе 4-го апрѣля 1866 года не поколебали въ немъ сочувствія къ этому дѣлу. Въ самый разгаръ возстанія онъ много писалъ о земствѣ и утверждалъ, что необходимость самодѣйствующихъ общественныхъ силъ выясняется до очевидности теперь, когда правительству нужна ихъ поддержка въ видѣ самостоятельнаго выраженія ими патріотическихъ чувствъ и желаній.

Какъ хорошо звучали мысли Каткова въ привѣтственномъ словѣ по поводу перваго пріѣзда нынѣ царствующаго Государя въ Москву послѣ того, какъ Онъ сталъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Это своего рода profession de foi. Начавъ съ историческаго значенія Москвы, олицетворяющей начало государственнаго и народнаго единства Россіи, Катковъ въ энергическихъ выраженіяхъ высказалъ затѣмъ логическое основаніе своего патріотическаго направленія:

«Человѣчество не въ облакахъ, не въ туманѣ отвлеченностей, каждый долженъ знать свой постъ и исполнять свой ближайшій долгъ—вотъ чего требуетъ человѣчество. Высшіе интересы человѣ-

чества именно въ томъ и состоятъ, чтобы правительство народа было его правительствомъ и чтобы оно не имѣло въ виду ничего иного, кромѣ блага своей страны».

Но суровая сторона эгоистической національной политики не застилала свѣтлой картины будущаго развитія Россіи.

«Въ непрерывной борьбѣ за свое существованіе,—говорилъ Катковъ,— наше государственное единство не было тѣмъ, чѣмъ оно должно быть для того, чтобы соотвѣтствовать своему назначенію; оно было сурово, оно было запечатлѣно характеромъ исключительности, отчужденія, разобщенія. Ему предстоитъ теперь обнаружить, съ Божьей помощью, силу организаціи и благоустройства, ему предстоитъ разомкнуться для жизни, и изъ внѣшней, все отъ себя отталкивающей силы превратиться въ единство живое, плодотворное, многообъемлющее, дающее просторъ всѣмъ человѣческимъ интересамъ и плодотворному взаимнодѣйствію историческихъ силъ всемірной цивилизаціи» («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 182).

Послѣ выстрѣла, направленнаго Каракозовымъ противъ покойнаго Государя, Катковъ продолжалъ весьма энергически поддерживать судебную реформу. По поводу открытія новыхъ судебныхъ учрежденій въ Петербургѣ, 17-го апрѣля 1866 г., онъ заявилъ слѣдующее:

«Законность и право становятся дѣйствительностью лишь въ той общественной средѣ, гдѣ есть правильный судъ и гдѣ судъ есть сила независимая и самостоятельная. И вотъ такой-то судъ является у насъ впервые... Только съ точки зрѣнія этого преобразованія раскрывается широко перспектива нашей политической будущности... Судъ, отправляемый публично и при участіи присяжныхъ, будетъ живою общественною силой и идея законности и права станетъ могучимъ дѣятелемъ нашей народной жизни» («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 86).

Вообще, отношеніе Каткова къ реформеннымъ учрежденіямъ послѣ 1866-го года можетъ быть охарактеризовано, какъ защита ихъ отъ начавшагося со стороны правительства стремленія стѣснять начала ихъ самостоятельности и самодѣятельности, которыя, какъ мы видѣли, были особенно дороги публицисту. Онъ былъ далекъ отъ того, чтобы указывать на какія-либо противорѣчія этихъ началъ общему строю государственной жизни въ Россіи. Высказывая глубокую преданность царской власти, онъ не только

считалъ упомянутыя начала, положенныя въ основаніи новыхъ учрежденій, вполнѣ совмѣстимыми съ ея сущностью, но видѣлъ въ нихъ залогъ обновленія и правильнаго развитія Россіи.

Свой долгъ, какъ публициста, онъ тогда формулировалъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ въ послѣдній періодъ своей дѣятельности. Онъ видѣлъ въ немъ государственное служеніе, имѣющее основаніе въ государственной присягѣ на вѣрноподданничество. Онъ не признавалъ, кромѣ этого, иныхъ основъ для политическаго дѣятеля въ Россіи. Ихъ нельзя искать ни въ желаніи вліять на административныя сферы, ни въ сферѣ общественнаго мнѣнія. Это писалъ Катковъ послѣ вторичнаго приступа къ изданію «Московскихъ Вѣдомостей» (1866 г., № 151). Онъ выражалъ искреннѣйшую преданность Царю, весь смыслъ своего труда полагалъ въ возвеличеніи государственныхъ началъ въ Россіи и все-таки находилъ возможнымъ сочувствовать свободной дѣятельности новыхъ учрежденій, даже защищалъ ее отъ стѣсненій, которыя иногда дѣлались по отношенію къ ней правительствомъ.

Не свобода порождаетъ зло въ человѣческомъ обществѣ, повторялъ Катковъ неоднократно; онъ видѣлъ корень зла въ разныхъ неправильныхъ вліяніяхъ и вѣяніяхъ, исходившихъ изъ бюрократическихъ сферъ. Говоря о проявленіяхъ ложныхъ направленій въ русскомъ обществѣ, онъ задавалъ вопросъ:

«Кто же виноватъ, что между нами появились эти пустоцвѣты и злоупотребленія? Причиной, — отвѣчалъ онъ на это, — былъ не преизбытокъ самостоятельныхъ силъ жизни, а напротивъ, поглощеніе и подавленіе ихъ.

Онъ такъ характеризовалъ положеніе этихъ силъ въ дореформенной Россіи:

«Наука? Науки не было — была бюрократія. Право собственности? Его не было—была бюрократія. Законъ и судъ? Суда не было—была бюрократія. Церковь? Церковнаго управленія не было—была бюрократія. Администрація? Администраціи не было—было посто-

янно организованное превышеніе власти, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ея бездѣйствіе въ ущербъ интересамъ казеннымъ и частнымъ» («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 154).

Катковъ далекъ былъ отъ мысли обобщать нигилистическое броженіе въ средѣ молодежи съ началами реформенныхъ учрежденій. Если онъ тогда винилъ кого-либо изъ среды русскихъ дѣятелей въ потворствѣ и неправильныхъ дѣйствіяхъ, приведшихъ къ печальному событію 1866 года, то исключительно бюрократію, въ учрежденіяхъ же реформенныхъ онъ видѣлъ надлежащій противовѣсъ этой всепоглощающей силѣ.

«Будьте увѣрены,—говорилъ онъ,—враги этихъ великихъ льготъ, дарованныхъ русскому народу и впервые вводящихъ его въ кругъ цивилизованныхъ націй, не могутъ не быть врагами своего народа» («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 51).

«Законная и безспорная власть, сильная всею силой своего народа и единая съ нимъ, не имѣетъ повода бояться никакой свободы; напротивъ, свобода есть вѣрная союзница и опора такой власти» («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 167).

Впослѣдствіи, когда произошло измѣненіе въ отношеніи Каткова къ реформеннымъ учрежденіямъ, онъ перешелъ къ совершенно противоположенному взгляду. Несчастіе Россіи сталъ онъ видѣть въ независимости и самостоятельности земскихъ и судебныхъ учрежденій. Онъ потребовалъ подчиненія ихъ непосредственному воздѣйствію правительственныхъ органовъ, т. е. именно той бюрократіи, которой онъ до введенія этихъ учрежденій приписывалъ тлетворное дѣйствіе.

Но окончательное охлажденіе Каткова къ дѣятельности земскихъ и судебныхъ установленій произошло только подъ самый конецъ прошлаго царствованія, когда послѣдовалъ рядъ посягательствъ террористовъ противъ Александра II. Если-же онъ высказывалъ ранѣе критическія сужденія объ этой дѣятельности, то они касались частныхъ ея недостатковъ; но въ тогдашнее время и это казалось непозволительнымъ для защитниковъ реформенныхъ учрежденій, такъ-

что заявленія Каткова встрѣчались со стороны либеральной печати цѣлымъ сонмомъ неблагопріятныхъ замѣчаній и обвиненій...

Разсмотримъ шагъ за шагомъ то, что писалъ Катковъ о земствѣ въ это время. Мнѣнія-же по этому предмету, относящіяся къ послѣднему періоду его дѣятельности, будутъ нами выдѣлены въ послѣднюю главу настоящаго изслѣдованія.

Участіе Каткова въ осуществленіи земской реформы не ограничивалось однѣми фразами. Онъ имѣлъ по этому предмету свою программу, которая не лишена интереса. Своеобразная окраска его мыслей относилась къ вопросамъ: какому элементу дать преобладающее значеніе въ земствѣ и какъ организовать земскія власти?

Начнемъ съ перваго. Не подлежитъ сомнѣнію, что проектъ земскихъ учрежденій получилъ свои основанія подъ вліяніемъ всесловныхъ или—что все равно—безсословныхъ вѣяній. Крупные землевладѣльцы, купцы, крестьяне должны были образовать земство, принимая въ немъ участіе, сообразно своимъ экономическимъ силамъ. Ни одному изъ этихъ факторовъ не давалось преимущество передъ другими. Между тѣмъ, Катковъ, хотя и отрицалъ, наравнѣ съ большею частью тогдашнихъ публицистовъ, значеніе въ строѣ русской жизни сословныхъ теорій, но, въ виду бóльшей способности среды крупныхъ землевладѣльцевъ къ исполненію задачъ самоуправленія, признавалъ существеннымъ усилить положеніе въ земствѣ этой среды. Еще въ 1862 г. онъ говорилъ, съ одной стороны, что совершенно согласно съ русскими преданіями дать земскимъ собраніямъ широкое демократическое основаніе, освободивъ ихъ отъ сословнаго характера, могущаго обратить ихъ въ орудія сословной борьбы, но, съ другой стороны, что необходимо поставить земскія учрежденія такъ, чтобы, если не по закону, то по силѣ вещей они остались въ рукахъ людей, политически наиболѣе способныхъ, т. е. преимущест-

венно въ рукахъ людей изъ класса теперешнихъ дворянъ-помѣщиковъ («Совр. Лѣт.», 1862 г., № 46). Въ 1862 г. онъ предлагалъ для этой цѣли слить исполнительные органы земства—уѣздныя земскія управы съ тогдашними съѣздами мировыхъ посредниковъ, назначавшихся правительствомъ изъ среды дворянъ-помѣщиковъ; въ 1863 г. онъ пошелъ еще далѣе, предложивъ иную, чѣмъ было проектировано правительствомъ, организацію земскаго собранія.

Онъ указывалъ на то, что привлеченіе въ широкой степени крестьянскаго элемента къ дѣятельному участію въ земскомъ дѣлѣ является преждевременнымъ—крестьяне не могутъ считать своимъ дѣломъ общаго уѣзднаго дѣла, кругозоръ ихъ тѣсенъ, они не знаютъ даже личнаго состава своего уѣзда («Моск. Вѣд.», 1863 г., № 82); онъ указывалъ на необходимость воспользоваться для организаціи земства существующею должностью предводителя, устранивъ ея слабую сторону—сословный характеръ («Моск. Вѣд.», 1863 г., № 138), которая можетъ привести ее къ постепенному упадку («Моск. Вѣд.», 1863 г., № 82). Должности этой необходимо, по его мнѣнію, дать другой характеръ: лицо, стоящее во главѣ земскаго дѣла, должно быть избираемо не однимъ сословіемъ, а всѣмъ земствомъ и носить названіе уѣзднаго предводителя не дворянства, а земства («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 138). Самое земство слѣдовало, по его мнѣнію, образовать изъ дворянства, раздвинувъ его организацію («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 140).

Онъ окончательно формулировалъ эту мысль въ слѣдующемъ проектѣ. Дворянскія собранія должны быть обращены въ земскія собранія, съ допущеніемъ въ нихъ новыхъ элементовъ. Теперешніе члены дворянскаго собранія, говорилъ онъ, должны пользоваться правомъ личнаго участія въ земскомъ собраніи съ измѣненіемъ лишь душеваго или подесятиннаго ценза на оцѣночный, напримѣръ, въ размѣрѣ отъ 40,000 до 50,000 руб. Остальные земскіе люди должны пользоваться правомъ посылать въ земство

уполномоченныхъ, а именно: 1) лица, владѣющія имѣніями отъ 2,000—2,500 руб., до 40,000—50,000 руб., и купцы, обладающіе такимъ же капиталомъ,—по одному уполномоченному съ общей совокупности 80,000—100,000 руб. имущества; 2) лица, владѣющія имѣніями ниже 2,000—2,500 р.,—по одному голосу съ 120,000—150,000 р. коллективнаго владѣнія и 3) наконецъ, крестьяне—по одному голосу съ земли въ 240,000 или 300,000 руб. оцѣнки.

Главная мысль этого проекта состояла въ томъ: 1) чтобы всѣмъ крупнымъ собственникамъ было предоставлено право личнаго участія въ завѣдываніи земскимъ дѣломъ и 2) чтобы остальные жители уѣзда пользовались этимъ участіемъ только черезъ уполномоченныхъ, причемъ размѣръ коллективнаго имущества, дающаго право на посылку представителя, не уменьшался-бы, а увеличивался-бы по мѣрѣ уменьшенія размѣровъ владѣнія представляемыхъ ими лицъ. Если предположить, что крестьяне владѣютъ въ нѣсколькихъ крупныхъ имѣніяхъ равнымъ количествомъ земли съ помѣщикомъ, то выходило-бы такъ, что всѣ помѣщики имѣли-бы доступъ на земское собраніе, а отъ крестьянъ только одинъ представитель отъ шести селъ.

Катковъ мотивировалъ свой проектъ тѣмъ, что онъ соединяетъ личное представительство для лучшихъ земскихъ людей съ принципомъ представительства черезъ уполномоченныхъ (которое онъ называлъ системою перегонки) для состава лицъ, менѣе отвѣчающихъ требованіямъ земскаго дѣла («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 220). Великою задачей при устройствѣ нашего земства, прибавлялъ онъ, должно быть такое распредѣленіе его, чтобы, во-первыхъ, группы его не совпадали съ правами состояній, и во-вторыхъ, чтобы онѣ не распадались на разобщенныя сплошныя массы, не связанныя между собою посредствующими звѣньями («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 218). Онъ замѣчалъ, что группа самыхъ мелкихъ землевладѣльцевъ на правѣ личной собственности будетъ при этой системѣ

служить связующимъ звѣномъ между группою землевладѣльцевъ, носящею исключительно крестьянскій сословный характеръ, каково общинное землевладѣніе, и категоріей свободнаго личнаго землевладѣнія, восходящею постепенно до высшихъ общественныхъ единицъ («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 220).

Предположенія Каткова отступали отъ началъ существовавшей тогда сословной системы въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) дворянинъ допускался въ земское собраніе не какъ членъ сословія, а какъ крупный собственникъ, 2) отмѣнялось прежнее отчужденіе остальныхъ сословій отъ общественнаго земскаго дѣла и 3) по духу проекта, лица всякихъ сословій, при условіи равенства личнаго владѣнія, пользовались равными правами. Слѣдовательно, начало происхожденія подчинено было всецѣло началу владѣнія. Для того, чтобы дать дворянству выдающуюся роль въ земствѣ, Катковъ избралъ новую позицію, съ которой въ настоящую минуту дворянство однако существенно спустилось, такъ какъ оно сильно пошатнулось въ своемъ землевладѣніи.

Катковъ говорилъ по этому поводу:

«Всякая народная мѣтка, которую мы хотѣли бы дать дворянству, какъ особому сословію при новомъ устройствѣ земства, обратится прежде всего во вредъ самимъ дворянамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и общему земскому дѣлу («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 219). «Не подлежитъ сомнѣнію,—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—что разумный консерватизмъ можетъ дорожить сущностью дѣла, а не скорлупой его, и что слѣдовательно онъ долженъ заботиться о сохраненіи политическаго положенія нашихъ землевладѣльцевъ, а не о сохраненіи сословной организаціи, умѣстной, когда дворяне представляли собою двадцать милліоновъ совершенно безгласныхъ людей, которыми они владѣли. Но съ другой стороны, да избавитъ Богъ наше отечество отъ общественной нивеллировки! Это было бы уже не преобразованіе, а политическій переворотъ, крайне опасный для государства» («Моск. Вѣд.», 1863 г., № 140). «Надо,—говоритъ онъ,—во всякомъ случаѣ думать только о роли дворянъ въ новыхъ земскихъ учрежденіяхъ, а не о ихъ сословныхъ установленіяхъ, которыя при упомянутыхъ учрежденіяхъ будутъ тѣнью прежняго величія: трудно пріискать для нихъ какое-либо полезное назначеніе,

кромѣ развѣ веденія родословной книги и дѣлъ по дворянской опекѣ» («Моск. Вѣд.», 1863 г., № 219).

Мысли Каткова не были чисто дворянскаго пошиба. Но такъ какъ при сосредоточеніи въ то время бо́льшей части крупной собственности въ рукахъ дворянъ, послѣднимъ досталось бы все-таки привилегированное положеніе въ земствѣ, то проектъ Каткова упрекали даже въ феодализмѣ («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 232). Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что Катковъ сталъ въ 1864 и 1865 годахъ писать вообще много сочувственнаго дворянству, что обусловливалось главнымъ образомъ, конечно, патріотическою поддержкой со стороны этого сословія національной политикѣ «Московскихъ Вѣдомостей», но упрекъ въ феодальной окраскѣ взглядовъ Каткова едва ли основателенъ, такъ какъ онъ не былъ, какъ мы видѣли, защитникомъ ни сословной исключительности дворянства, ни его сословныхъ привилегій.

Другая особенность мыслей Каткова относительно устройства земства заключалась въ возможномъ упрощеніи его исполнительныхъ органовъ. Мы уже упоминали о томъ, что онъ заявлялъ мысль о сліяніи уѣздной земской управы съ мировыми съѣздами, образованными изъ посредниковъ. Онъ предполагалъ, что мировые съѣзды, которые, по его взглядамъ, должны были образовываться по преимуществу изъ безмездныхъ почетныхъ мировыхъ судей, могли-бы заботиться о мѣстныхъ интересахъ уѣзда какъ въ судебномъ, такъ и въ административномъ отношеніяхъ («Совр. Лѣт.» 1862 г., № 46). Даже послѣ того, какъ вышло 1-го января 1864 года положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, онъ находилъ, что въ положеніи нѣтъ ни одного пункта, который воспрепятствовалъ-бы уѣздному земству составить земскую управу, тождественную съ съѣздомъ мировыхъ посредниковъ, если только найдетъ это полезнымъ. Онъ указывалъ на бѣдность уѣздовъ людьми и средствами, на преимущества тогдашняго мироваго съѣзда,

какъ учрежденія, уже испытаннаго и доказавшаго на дѣлѣ свою практическую состоятельность («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 10).

Катковъ не выработалъ самъ цѣльной системы управленія уѣздомъ и ссылался въ этомъ отношеніи на статьи нѣкоего С., напечатанныя въ № 34 «Московскихъ Вѣдомостей» и въ № 9 «Современной Лѣтописи» за 1863 годъ, и содержащія въ себѣ главныя черты устройства, которыя, какъ признавалъ Катковъ, вполнѣ соотвѣтствовали бы и даннымъ въ Россіи условіямъ, и тому, чему учитъ опытъ другихъ народовъ («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 82).

Укажемъ вкратцѣ, что говорится въ этихъ статьяхъ. Съ одной стороны, въ № 34 «Московскихъ Вѣдомостей» критикуется положенная въ основаніе предположеній о мировыхъ судьяхъ мысль объ отдѣльномъ существованіи судебно-мировыхъ и земскихъ властей. «При небогатствѣ провинціальнаго общества требуемыми нравственными силами, нельзя съ нѣкоторымъ основаніемъ надѣяться, чтобы оно было въ состояніи выставить одновременно достаточное количество дѣятелей съ желаемыми качествами для земскихъ и судебныхъ учрежденій, строго раздѣленныхъ между собою, тѣмъ болѣе, что предметы, указанные для судебной дѣятельности, врядъ ли могутъ возбудить большой и, въ особенности, продолжительный интересъ и, ни въ какомъ случаѣ, не могутъ поставить сами по себѣ дѣятеля на почетную и видную степень въ обществѣ; существованіе-же мироваго суда въ видѣ второстепеннаго института не достигаетъ предположенной и вообще никакой удовлетворительной цѣли».

Въ № 9 «Современной Лѣтописи» за 1863 годъ набрасывается картина полнаго сліянія сословій и властей въ уѣздѣ. Дѣленіе уѣзда на волости и отдѣльное существованіе крестьянскихъ учрежденій признается несостоятельнымъ. Уѣздъ предполагается раздѣлить на нѣсколько (4—6) округовъ или участковъ, которыми завѣдывалъ-бы

избранный всѣмъ мѣстнымъ населеніемъ участковый распорядитель изъ лицъ, соединяющихъ въ себѣ условія имущественнаго и образовательнаго ценза, приблизительно однородныя съ должностью мироваго посредника. Означенные округа можно было-бы раздѣлить на административныя единицы, соотвѣтствующія церковнымъ приходамъ, съ приходскимъ (въ то же время церковнымъ) старостою во главѣ. Съѣздъ участковыхъ распорядителей составлялъ-бы, при участіи представителей отъ народа и отъ уѣзда, уѣздную земскую думу. На участковыхъ распорядителей предлагается возложить, кромѣ административныхъ обязанностей, право суда и расправы приблизительно въ размѣрѣ, опредѣленномъ проектомъ судебной реформы для безаппеляціонныхъ рѣшеній мировыхъ судей. Судебныя дѣла, превосходящія права участковыхъ старшинъ, могли-бы быть до извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ, размѣровъ возложены на предсѣдателя земскаго съѣзда, который главнымъ образомъ принималъ-бы живое участіе какъ въ судебномъ, такъ и въ земскомъ дѣлѣ.

Это — картина сліянія сословій и смѣшенія властей, одна изъ тѣхъ картинъ, простотѣ замысла которыхъ не отвѣчаютъ ни жизненность, ни практичность выполненія. Если невозможно въ строѣ мѣстнаго управленія ставить одинъ бытовой союзъ надъ другимъ, то нельзя-же игнорировать ихъ своеобразныхъ особенностей, имѣющихъ такое значеніе, какъ, напримѣръ, въ крестьянскомъ быту. Система мѣстнаго управленія не должна, какъ кажется, задаваться ломкою выработаннаго жизнью, а должна для своей успѣшности принаравливаться къ тому, что она находитъ въ жизни. Указанная программа напоминаетъ отчасти разсказъ, въ которомъ картина окружающаго рисуется слѣдующими чертами: ни земли, ни воды — одна гладь поднесенная.

Въ представленіяхъ Каткова громадное значеніе для будущаго успѣха земской реформы имѣло учрежденіе по-

четныхъ мировыхъ судей. «Вотъ искомое начало будущаго самоуправленія» — говоритъ онъ («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 275). Впослѣдствіи, когда наступила пора открытія земскихъ учрежденій, онъ усиленно рекомендовалъ дворянамъ безмездную службу, угрожая имъ, что иначе можетъ развиться въ земствѣ дикая и слѣпая демократія («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 62). Факты, оказавшіеся къ концу 1865 года, уже опровергли во многомъ ожиданія Каткова, основывавшіяся на безмездности службы англійскихъ земскихъ мировыхъ судей. Онъ выражалъ опасеніе, чтобы въ земствѣ завелось не самоуправленіе, а кормленіе и притомъ кормленіе даровое («Моск. Вѣд.» 1865 года, № 170).

Что же касается принципа назначенія къ должностямъ, то Катковъ не придавалъ существеннаго значенія тому или другому способу опредѣленія земскихъ дѣятелей къ должностямъ, т. е. по выборамъ или по опредѣленію отъ правительства. Онъ остроумно говорилъ въ 1862 году: «выборъ есть не что иное, какъ извѣстный способъ назначенія, а назначеніе есть не что иное, какъ извѣстный способъ выбора» («Совр. Лѣт.» 1862 г., № 45, стр. 12). Главное, чтобы земскимъ дѣломъ завѣдывали мѣстные люди, дѣйствительные хозяева уѣзда, а какъ они будутъ назначены, это вопросъ второстепенный. Онъ ссылался при этомъ на примѣръ англійскихъ мировыхъ судей, назначаемыхъ королевой («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 116).

Какъ извѣстно, земская реформа была осуществлена совершенно несогласно съ началами, на которыя указывалъ Катковъ. Онъ, повидимому, уже ранѣе предвидѣлъ недѣйствительность своихъ мыслей для исхода дѣла еще тогда, когда только начиналось законодательное его обсужденіе. Онъ заявлялъ въ сентябрѣ 1863 года:

«Къ намъ иногда обращаются съ вопросами, почему мы недостаточно дѣятельно обсуждаемъ разныя пригототовляемыя у насъ законодательныя мѣры и проекты законовъ. Но что такое мы, и какимъ образомъ, для чего, къ чему будемъ мы обсуждать всѣ эти предметы. Газета дѣло очень хорошее; въ ней всегда можетъ быть

сказано болѣе или менѣе дѣльное слово. Но что она за арена для обсужденія вопросовъ?.. У насъ есть государственные люди, члены Государственнаго Совѣта, Синода, Сената, сами управлявшіе или управляющіе дѣлами, обладающіе политическою опытностью; изъ нихъ многіе несомнѣнно отличаются высокими достоинствами. Голосъ всякаго журнальнаго крикуна раздается на весь народъ, а голосъ этихъ лицъ никому не слышенъ» («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 200).

Когда вышло положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, Катковъ поступилъ весьма тактично. Въ № 9-мъ «Московскихъ Вѣдомостей» за 1864 годъ помѣстилъ онъ большую передовую статью, въ которой говоритъ о преимуществахъ наблюдательнаго метода надъ умосозерцательнымъ въ наукѣ и примѣняетъ ту же мысль къ политической жизни.

«Учрежденія, создаваемыя подъ вліяніемъ какихъ бы то ни было формулъ, взятыхъ не изъ жизни, поражаютъ безплодіемъ существующія силы и порождаютъ силы фальшивыя, отъ которыхъ добра не бываетъ» («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 9).

Эту критику онъ прямо не относитъ къ земскому положенію, но предоставляетъ это сдѣлать читателю. Проведя заключительную черту подъ статьей, объявляетъ онъ о выходѣ устава о земскихъ учрежденіяхъ.

«Обсуждать его теперь было бы и неумѣстно, и безплодно,— замѣчаетъ онъ. — Положеніе это — совершившійся фактъ и сама жизнь будетъ для него пробою. Желательна мудрая зоркость и либеральность примѣненія. При этомъ условіи. самые недостатки, еслибы таковые оказались, принесутъ великую пользу» («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 9).

Очевидно, содержавшееся въ земскомъ положеніи признаніе въ высшей степени симпатичнаго Каткову принципа самоуправленія препятствовало ему высказать неодобреніе. Онъ говоритъ въ другомъ номерѣ:

«Законъ 1-го января имѣетъ особенную важность не по тѣмъ спеціальнымъ учрежденіямъ (собраніямъ и управамъ), которыя онъ создаетъ, сколько по тѣмъ началамъ, которыя онъ вызываетъ въ нашей народной организаціи. Въ этихъ-то началахъ заключается его главное значеніе. До сихъ поръ русскій народъ не имѣлъ совокупной организаціи; теперь онъ имѣетъ ее. До сихъ поръ мы имѣли отдѣльныя гражданскія состоянія, чуждыя другъ другу, раздроблявшія народъ или скрывавшія его единство, и препятствовав-

шія теченію его жизни, теперь положено начало живой и цѣльной организаціи земства, основанной на одномъ всеобщемъ началѣ собственности. До сихъ поръ у насъ было замкнутое сословіе дворянъ-помѣщиковъ; теперь мы получаемъ вольную группу землевладѣльческихъ классовъ, къ которой будутъ принадлежать люди всѣхъ состояній при извѣстномъ размѣрѣ поземельной собственности и въ которой дворянство не просто войдетъ въ соприкосновеніе съ другими сословіями, но вступитъ въ органическую связь съ народомъ» («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 11).

Тѣмъ не менѣе прорывалось порою у публициста нерасположеніе къ земскимъ учрежденіямъ въ томъ видѣ, въ какомъ они установлены. Когда узаконенъ былъ институтъ мировыхъ судей, то, производя сопоставленіе того и другаго, Катковъ замѣчалъ:

«Не подлежитъ сомнѣнію, что земскія собранія и земскія управы представляютъ гораздо менѣе условій для развитія самоуправленія, нежели мировой судъ, учрежденіе котораго столь нетерпѣливо ожидается всѣми, и есть одна изъ самыхъ вопіющихъ потребностей страны» («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 116).

Онъ все надѣялся, что образуемыя въ уѣздахъ судебно-мировыя комиссіи сольются съ земскими управами и съѣздами мировыхъ посредниковъ («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 35).

Починъ земскаго дѣла выпалъ въ началѣ 1865 года на долю Самарской губерніи. Ожидая открытія земскихъ учрежденій въ другихъ мѣстностяхъ, Катковъ указывалъ на ближайшія практическія задачи земской дѣятельности («Моск. Вѣд.», 1865 г., № 33). Онъ хвалилъ гласныхъ за ихъ скромное и разсудительное участіе въ земскихъ собраніяхъ. Съ нѣкоторымъ разочарованіемъ замѣчалъ онъ стремленіе дворянъ къ учрежденію должностей съ жалованьемъ и къ устройству себя на этихъ должностяхъ.

«Ничто такъ не убиваетъ надежды на успѣхи самоуправленія въ Россіи, какъ эти отовсюду доходящія извѣстія, что помѣстные дворяне ждутъ-не-дождутся земскихъ должностей, приносящихъ хорошее жалованье, и преимущественно съ этой стороны интересуются земскими учрежденіями».

Онъ замѣчалъ, что дворянство, по служилому своему

присхожденію, привыкло жить службой и что сдѣлаться органами самоуправленія способны только тѣ его части, которыя могутъ отрѣшиться отъ этой вѣковой привычки («Моск. Вѣд.», 1865 г., № 70).

Онъ, конечно, зорко слѣдилъ вмѣстѣ съ тѣмъ за составомъ уѣздныхъ собраній и приходилъ къ опасенію, что гласные изъ крестьянъ будутъ въ настоящее время составлять большинство въ уѣздныхъ собраніяхъ («Моск. Вѣд.», 1865 г., № 65); онъ заявлялъ по этому поводу, что теперь уже анахронизмъ говорить о дворянахъ и ихъ господствѣ. «Надобно говорить о тѣхъ, кому по закону принадлежитъ власть, а не о тѣхъ, за кѣмъ она оставляется by courtesy; надобно говорить о крестьянахъ» («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 56). Онъ не разъ возвращался къ мысли объ усиленіи въ земствѣ значенія крупныхъ землевладѣльцевъ («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 106); въ этомъ заключалось бы, по его мнѣнію, надлежащее распредѣленіе въ земствѣ участвующихъ въ немъ элементовъ («Моск. Вѣд.» 1865 г.. № 108).

Вотъ первыя впечатлѣнія Каткова отъ дѣятельности земскихъ учрежденій. Стремленіе земскихъ людей къ полученію содержанія отъ земства было его первымъ и главнымъ разочарованіемъ въ эту эпоху. Но какъ-бы послѣднее ни было сильно, онъ не скупился въ то время на одобренія земству. Онъ говорилъ: «важно то, что теперь земство есть нѣчто существующее и дѣйствующее; есть связь между мѣстными жителями, есть у нихъ общее дѣло, есть организованныя собранія и управы». Онъ ждалъ улучшенія условій земской дѣятельности отъ взаимнодѣйствія и вліянія на нее судебной реформы. Онъ говорилъ прямо: «быть или не быть у насъ самоуправленію,—это въ настоящее время зависитъ всего болѣе отъ судебной реформы и отъ того вліянія, которое она окажетъ на земскія учрежденія» («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 72).

Изъ того, какъ думалъ Катковъ устроить земство до

изданія положенія 1864 года, легко вывести, какія мѣры онъ предлагалъ для поднятія земскихъ учрежденій по ихъ открытіи: 1) введеніе права личнаго участія въ земскихъ собраніяхъ для крупныхъ землевладѣльцевъ, и 2) сліяніе судебной и административной власти какъ въ лицѣ единоличныхъ низшихъ органовъ, такъ и въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ въ уѣздѣ. Онъ ссылался для послѣдней мѣры на образецъ Англіи, подтверждая его временами тѣмъ, что совершалось и въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Баденѣ, гдѣ были въ 1864 году учреждены особые мѣстные совѣты, соединявшіе въ себѣ какъ административныя, такъ и судебныя функціи («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 70).

Пуще всего боялся онъ появленія въ мѣстномъ самоуправленіи бюрократическаго духа, столь распространеннаго въ нашей атмосферѣ и выражающагося въ двухъ печальныхъ явленіяхъ — формализмѣ и отсутствіи личной отвѣтственности. Между прочимъ, онъ придавалъ принципу личной отвѣтственности, составляющему необходимую принадлежность самостоятельности дѣятеля, безъ которой оно немыслимо, значеніе корректива противъ недостатка и неподготовленности людей. «Каждый человѣкъ становится въ тысячу кратъ способнѣе и полезнѣе, когда чувствуетъ на себѣ серьёзную личную отвѣтственность», говорилъ Катковъ («Моск. Вѣд. »1864 г., № 171).

Такимъ образомъ, Каткова нѣтъ ни малѣйшихъ основаній упрекать за эту эпоху ни въ тенденціяхъ къ феодализму, ни въ стремленіи къ подавленію реформъ во имя какой-то смутной, мистической старины.

Но, какъ мы уже указали, отношеніе Каткова къ дворянству становилось замѣтно изъ года въ годъ все болѣе и болѣе сочувственнымъ. Прежде посылалъ онъ довольно язвительныя замѣчанія по адресу дворянства. Напримѣръ, онъ писалъ въ 1862 году по поводу дворянскихъ собраній:

«Пусть дворянство спроситъ себя, отчего въ продолженіе почти ста лѣтъ пользованія правомъ съѣздовъ до сихъ поръ не устано-

вился надлежащимъ образомъ даже внѣшній порядокъ на выборахъ. Когда есть о чемъ совѣщаться, можно ли превращать засѣданіе въ шумный раутъ, можно ли терять нѣсколько дней на прогулки по залѣ и по буфетамъ? Неужели нужно десять дней на сборы, чтобы усѣсться по мѣстамъ и открыть общее совѣщаніе? Гдѣ причина такой медлительности, такой стыдливости громко сказать свое слово, такой нерѣшимости приступить къ занятіямъ, какъ не въ равнодушіи, а гдѣ корень равнодушія, какъ не въ разобщенности съ земскимъ дѣломъ?» («Совр. Лѣт.» 1862 г., № 2, стр. 16).

Черезъ три года, въ 1865 году, онъ уже превозносилъ дворянство. Онъ говорилъ, что послѣ крестьянской реформы, освободившей дворянство отъ разобщенія съ народомъ, классъ этотъ сталъ единственнымъ въ русскомъ обществѣ, котораго интересы сливаются съ интересами другихъ сословій и который не можетъ имѣть своихъ отдѣльныхъ интересовъ, болѣе дорогихъ ему, чѣмъ общіе государственные. Онъ заявлялъ:

«Нѣтъ народа, въ которомъ демократическіе инстинкты были бы слабѣе, чѣмъ въ народѣ русскомъ. Они проникли, и то слабо, въ ту получиновническую, полушляхетскую среду, которая примыкаетъ къ помѣстному дворянству, какъ несвойственный ему придатокъ, и отнюдь не пользуется симпатіями другихъ сословій» («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 8).

Какое разстояніе отъ прежнихъ взглядовъ, когда Катковъ полемизировалъ съ Чичеринымъ («Совр. Лѣт.» 1862 г., № 3). Очевидно, Катковъ пересталъ видѣть въ дворянствѣ только искусственный союзъ разнаго рода землевладѣльцевъ и людей всякихъ профессій, а увидѣлъ въ извѣстной его части и патріотическую силу, которая выражала ему постоянное сочувствіе, и на которую онъ опирался.

«Дворянство потому только и дворянство, замѣчалъ Катковъ, что оно стоитъ непрерывно и неусыпно на стражѣ общихъ интересовъ, между тѣмъ какъ массы народа лишь въ минуты чрезвычайной опасности подымаются на ихъ призывъ. Все достоинство дворянства состоитъ въ чуткомъ, неослабномъ, разумномъ патріотизмѣ» («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 205).

Литературные противники Каткова поставили его въ особое соотношеніе къ постановленному на московскомъ собраніи, въ январѣ мѣсяцѣ 1865 года, ходатайству, о ко-

ренныхъ перемѣнахъ, не входившихъ въ программу правительства. Какъ извѣстно, московское дворянство было по этому случаю распущено. Но Государь въ рескриптѣ къ графу Валуеву, осудивъ предметы ходатайства дворянскаго собранія, призналъ, однако, за основаніе къ недѣйствительности собранія не это обстоятельство, а неправильное разъясненіе правъ участія въ немъ нѣкоторыхъ дворянъ, почему за постановленіями, имъ принятыми, не было даже признано законной силы. На дворянство посыпались по поводу его ходатайства обвиненія въ сословныхъ стремленіяхъ, лежавшихъ, будто бы, въ основаніи поднятаго имъ вопроса. Московское дворянство сочло нужнымъ протестовать противъ этого обвиненія на слѣдующемъ собраніи 14-го ноября 1865 года: «Желаніе дворянства состояло единственно въ томъ, чтобы до свѣдѣнія Его Величества всегда доходила правда отъ лица подданныхъ всѣхъ званій»—заявлено было въ особомъ его постановленіи по поводу прежняго ходатайства.

Въ корреспонденціи изъ Петербурга въ «Indépendance Belge» вся исторія заявленнаго дворянствомъ адреса объяснялась домогательствомъ ультра-русской партіи, состоявшей главнымъ образомъ изъ дворянъ, войти опять въ силу и возвратить свое вліяніе на правительство. Катковъ былъ поставленъ въ глубинѣ всей интриги. Онъ будто бы вдохновлялъ дворянство, онъ будто бы сочинялъ текстъ рѣчи, произнесенной при открытіи собранія генералъ-губернаторомъ Офросимовымъ,—рѣчи, однако, не имѣвшей не только связи съ вопросомъ о какихъ-либо перемѣнахъ, но вообще не отличавшейся отъ обычнаго характера оффиціальныхъ рѣчей, которыми открываются собранія. Иностранная печать подхватила ложный слухъ о сословныхъ замашкахъ московскаго дворянства. Между тѣмъ, всеподданнѣйшее ходатайство, о которомъ идетъ рѣчь, было далеко, чтобы не сказать, противоположно всякой мысли о сословномъ захватѣ власти. Точно также и Катковъ едва ли имѣлъ съ

московскимъ дворянскимъ собраніемъ иную точку соприкосновенія, кромѣ того, что послѣднее изъявило одновременно съ этимъ въ началѣ 1865 года сочувствіе продолженію его дѣятельности [1]).

Но за Катковымъ такъ и осталась въ заграничной печати репутація вожака дворянской партіи, который надоумилъ ее ловкимъ маневромъ найти новую почву для обезпеченія дворянскихъ правъ, которыя распадались съ каждымъ годомъ. Мысль эту повторялъ, напримѣръ, Мазадъ въ Revue des deux mondes.

Но въ то время Катковъ еще высказывался за сближеніе сословій, за отмѣну привилегіи дворянства, напр., изъятія отъ воинской повинности. Онъ формулировалъ свой взглядъ на наше высшее сословіе словами: не государство для дворянства, а дворянство для государства («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 105; 1865 г., №№ 37 и 215).

Покушеніе Каракозова не осталось, какъ извѣстно, безъ вліянія на отношеніе правительства къ только-что дарованнымъ учрежденіямъ новаго устройства. Государственная власть остановилась съ недоумѣніемъ передъ событіемъ 4 апрѣля 1866 года. Народу были даны существенныя льготы — откуда-же странный протестъ, выразившійся въ выстрѣлѣ, направленномъ противъ Царя? Не вызванъ-ли онъ излишнимъ послабленіемъ правительственной власти? Не кроется-ли вина въ самыхъ льготахъ?

Коснувшись мимоходомъ вопроса о вліяніи каракозовскаго покушенія на политику правительства, Катковъ уже гораздо позже, при графѣ Лорисъ-Меликовѣ, когда пришлось обсуждать законъ объ упраздненіи III-го Отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, сталъ доказывать, что дѣленіе прошлаго царствованія на два періода, рубежомъ которыхъ является упомянутое событіе, и наименованіе перваго періода — временемъ либерализма, а вто-

[1]) См. главу IV.

раго — временемъ бѣлаго террора, — неправильно. Былъ, говоритъ онъ, обнародованъ послѣ каракозовскаго покушенія рескриптъ на имя предсѣдателя комитета министровъ князя Гагарина; графъ Панинъ потомъ составилъ правила о тайныхъ сообществахъ; разсылались еще по отдаленнымъ городамъ бушевавшіе въ университетахъ молодые люди. Но, замѣчалъ Катковъ, административная высылка практиковалась всегда, между прочимъ, и въ самый разгаръ изданія реформъ. Кромѣ того, правительство заговорило о дворянствѣ. Но онъ заявлялъ, что сдѣланное послѣ 1866 года для дворянства имѣло болѣе характеръ почета, чѣмъ чего-либо существеннаго. Дворянамъ былъ предоставленъ пріѣздъ ко двору; на предводителей дворянства была возложена обязанность надзирать за направленіемъ народнаго обученія въ первоначальныхъ школахъ («Моск.. Вѣд.», 1880 г., № 233).

Дѣйствительно, перемѣна отношенія правительства къ реформеннымъ учрежденіямъ не выразилась ни въ ихъ ломкѣ, ни въ рѣзкихъ законодательныхъ мѣрахъ. Но до каракозовскаго покушенія ихъ достоинства были непререкаемыми. Теперь стало появляться вѣяніе, далеко не благосклонное къ ихъ исключительному положенію.

Въ печати нападки на реформенныя учрежденія высказывались глухо — не хватало рѣшимости выступать съ ними яснѣе и тверже. Занималась этимъ, главнымъ образомъ газета «Вѣсть», которая выдавала себя за органъ консервативной партіи и дѣйствительно патронировалась вліятельными лицами. Но Катковъ не имѣлъ тогда ничего общаго съ этой газетой; онъ утверждалъ въ 1880 году, что главная особенность этого органа, все-таки дѣлавшаго видъ, что преклоняется передъ principes généraux de la civilisation, какъ и всѣ другіе, заключалась не въ консерватизмѣ, а въ антипатріотическихъ стремленіяхъ въ національныхъ вопросахъ («Моск. Вѣд.», 1880 г., № 233).

Нельзя не упомянуть, между прочимъ, что московское

дворянство протестовало оффиціально въ началѣ 1869 года противъ всякой солидарности съ тѣми людьми, которые, подъ предлогомъ защиты интересовъ дворянства, усиливаются остановить отечество на пути всесторонняго развитія.

Предложенный министромъ внутреннихъ дѣлъ вопросъ о пересмотрѣ службы по выборамъ, а также вопросъ о будущемъ положеніи дворянства въ виду совершившихся реформъ московскіе дворяне отказались обсуждать, такъ-какъ для этого было-бы необходимо мнѣніе не только всего россійскаго дворянства, но и всего земства, съ жизнью коего дѣятельность дворянства тѣсно и неразрывно связана («Моск. Вѣд.», 1869 г., № 14). Вотъ каково было настроеніе дворянъ даже въ исходѣ шестидесятыхъ годовъ. Вопросъ о своей будущности они считали себя не компетентными рѣшать безъ участія другихъ сословій.

Говоря въ 1880 году о томъ, какое настроеніе господствовало въ правительственныхъ сферахъ послѣ 1866 года, Катковъ видѣлъ своеобразную черту конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ лишь въ томъ, что новый шефъ жандармовъ графъ Шуваловъ, замѣнившій послѣ каракозовскаго покушенія князя Долгорукова, сдѣлался, благодаря особому довѣрію къ нему Государя, дѣйствительной силой, которой подчинялись, охотно или неохотно, всѣ прочія власти, вслѣдствіе чего при немъ было нѣчто похожее на дисциплину въ правительственныхъ рядахъ. Этимъ объяснялъ Катковъ то обстоятельство, что въ бытность на этой должности графа Шувалова всё было относительно тихо и благополучно («Моск. Вѣд.», 1880 г., № 233).

Изслѣдованіе личныхъ вліяній на ходъ внутреннихъ дѣлъ въ Россіи не входитъ въ предѣлы нашей задачи. Что-же касается заявленія о тождествѣ правительственнаго настроенія до и послѣ 1866 года, то нельзя не замѣтить, что упомянутая характеристика была написана

Катковымъ, когда онъ уже сильно охладѣлъ къ реформеннымъ учрежденіямъ, почему онъ, вѣроятно, и не придавалъ значенія тѣмъ многимъ мелкимъ, но не лишеннымъ практической важности фактамъ, въ которыхъ выражалось извѣстное къ нимъ несочувствіе. Законодательныхъ урѣзокъ, правда, не производилось; мало того, введено было въ 1870 году по образцу земской организаціи городовое устройство,—значитъ, кругъ дѣйствія новыхъ учрежденій расширялся, но въ способѣ примѣненія ихъ чувствовалось, что отношеніе къ нимъ измѣнилось. Еслибы Катковъ писалъ свою характеристику въ концѣ шестидесятыхъ годовъ или началѣ семидесятыхъ годовъ, то онъ, вѣроятно, упомянулъ бы о многихъ циркулярахъ, касавшихся въ особенности земскихъ учрежденій, цѣлесообразность которыхъ, какъ мы увидимъ, онъ въ то время горячо оспаривалъ.

Если прежде всего обратиться къ программѣ правительственной дѣятельности, начертанной въ рескриптѣ покойнаго Государя на имя предсѣдателя комитета министровъ князя Гагарина отъ 13 мая 1866 года, то оказывается, что въ ней ничего не говорится о реформенныхъ учрежденіяхъ. Упоминается объ особыхъ заботахъ по воспитанію юношества въ здравыхъ понятіяхъ, о неприкосновенности права собственности, необходимости неустаннаго исполненія долга всѣми служащими и наблюденія со стороны начальствующихъ за подчиненными. Указывается для рѣшительнаго успѣха въ борьбѣ противъ распространенія лжеученій на содѣйствіе тѣхъ здравыхъ, охранительныхъ и добронадёжныхъ силъ, которыя заключаются въ сословіяхъ Россіи. При этомъ говорится вообще о всѣхъ сословіяхъ, но потомъ, когда упоминается о необходимости предупреждать попытки къ возбужденію сословной вражды, то обращается особое вниманіе на огражденіе отъ этого дворянства и вообще землевладѣльцевъ, въ которыхъ враги общественнаго порядка естественно

усматриваютъ своихъ противниковъ. Но на реформенныя учрежденія уже не возлагаются какія-либо надежды — какъ будто ихъ не было. Но благодаря этому молчанію, Катковъ могъ, соглашаясь съ рескриптомъ и заявляя, что онъ составляетъ программу здраваго смысла, широкую какъ дѣйствительный міръ и дающую просторъ дѣйствію и свободу ума, — продолжать быть ревностнымъ другомъ и горячимъ защитникомъ реформенныхъ учрежденій. Въ этомъ не было ни малѣйшаго противорѣчія («Моск. Вѣд.», 1866 г., № 138).

Остановимся на статьяхъ Каткова о земствѣ, появившихся въ этотъ періодъ.

Въ началѣ 1867 года онъ высказалъ пожеланіе, чтобы къ земской дѣятельности установилось доброжелательное отношеніе правительственныхъ лицъ, потому-что иначе не выработается въ земствѣ энергія къ своему назначенію,— для этого нужно, чтобы земство увидало осязательные результаты своихъ начинаній. Но, говорилъ онъ, хотя земства вообще до сихъ поръ занимались все больше приступомъ къ дѣлу, нѣкоторыя изъ нихъ обратили вниманіе на интересы высокаго порядка («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 4).

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого случилось, къ сожалѣнію, извѣстное происшествіе съ петербургскимъ земствомъ. По поводу смѣты, губернская управа отказалась исполнить замѣчанія петербургскаго губернатора; въ заключеніи своего доклада собранію, управа предлагала подать жалобу на министра внутреннихъ дѣлъ, который оставилъ безъ послѣдствій 12 изъ 26 ходатайствъ земства. Въ собраніи это столкновеніе съ администраціей приняло еще болѣе обостренный характеръ. 16-го января губернаторъ графъ Левашевъ объявилъ собранію Высочайшее повелѣніе о распущеніи его, о закрытіи земскихъ учрежденій въ Петербургской губерніи впредь до особаго о томъ распоряженія, о передачѣ всѣхъ суммъ и дѣлъ земства въ учрежденія, ими прежде завѣдывавшія, и объ устраненіи

отъ должности предсѣдателя управы и увольненіи ея членовъ... Собраніе разошлось.

Катковъ, обсуждая это событіе, призналъ неправильными (какъ это и слѣдовало) разсужденія земства по главному пункту пререканія съ губернаторомъ: потребованному послѣднимъ исправленію смѣты въ виду выхода 21 ноября 1866 года новаго закона о порядкѣ обложенія промысловъ («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 14). Каткова, какъ онъ потомъ писалъ, стали укорять въ письмахъ за упомянутое строгое отношеніе къ петербургскому земству; въ письмахъ этихъ выражались опасенія за прочность земскаго дѣла въ Россіи. Такія опасенія неосновательны, замѣчалъ Катковъ; но онъ поспѣшилъ пояснить, что находя дѣйствія петербургскаго земства въ одномъ предметѣ неправильными, онъ признаетъ, однако, что свѣдѣнія о столкновеніи между земствомъ и правительствомъ, которыя онъ имѣетъ вмѣстѣ съ публикой черезъ печать, не заключаютъ въ себѣ достаточнаго объясненія событій, встревожившихъ общество... Указанное нами обстоятельство, говоритъ онъ, — не было достаточно, дабы вызвать мѣры столь чрезвычайнаго свойства («Моск. Вѣд.» 1867 года, № 18).

Законъ 21-го ноября 1866 года о порядкѣ обложенія земствами промысловъ вызвалъ вообще сильное несочувствіе въ обществѣ. Земство лишено было возможности облагать свыше извѣстной нормы торгующій классъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ издало по этому поводу объяснительный циркуляръ, въ которомъ старалось объяснить несочувствіе къ закону временными причинами. Катковъ весьма категорически высказался по этому поводу противъ закона («Моск. Вѣд.» 1867 г., №№ 83 и 84).

Во второй половинѣ 1869 года, былъ въ другомъ циркулярѣ оповѣщенъ новый законъ о запрещеніи печатать, безъ разрѣшенія надлежащей власти, какъ постановленія земскихъ, дворянскихъ, городскихъ и др. собраній, такъ

и разсужденія и документы, на которыхъ эти постановленія основаны. Печать отнеслась къ этому закону, какъ къ прямому ограниченію полномочій упомянутыхъ собраній. Катковъ заявилъ по этому поводу: напрасно обвиняютъ наши земства въ дурномъ духѣ, они скорѣе отличаются отсутствіемъ всякаго духа и энергіи къ лежащему на нихъ назначенію.

«Для нихъ можно было бы пожелать болѣе живаго чувства увѣренности въ себѣ, бо̀льшей сноровки къ дѣлу, бо̀льшей опытности, которая пріобрѣтается, впрочемъ, лишь временемъ, между тѣмъ какъ они только днями считаютъ время своего существованія».

Онъ замѣчалъ, что неудовольствіе правительства вызвало пока только одно земство и притомъ не одно изъ тѣхъ, которыя находятся въ глубинѣ страны, удаленныя отъ вліянія и контроля правительственныхъ, а земство столицы, которое отнюдь не характеризуетъ Россію, а только Петербургъ. Состоитъ оно не изъ элементовъ, чуждыхъ столичной бюрократіи, а напротивъ, ей присущихъ, а потому этотъ примѣръ не даетъ основаній къ тому, чтобы осуждать то, что развивается внѣ сферы бюрократическихъ вліяній. Напротивъ, онъ указывалъ на необходимость поощрять организацію тѣхъ здоровыхъ силъ, которыя таятся въ самомъ обществѣ («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 173). Полемезируя съ сообщеніемъ «Сѣверной Почты», въ которомъ доказывалась цѣлесообразность этого закона, Катковъ замѣтилъ, что допущеніе публики къ слушанію засѣданій, при условномъ только печатаніи ихъ содержанія, есть едва-ли не самый дурной видъ публичности. Публичность безъ печати есть міръ сплетни и интригъ — заключилъ онъ («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 189).

Министерство внутреннихъ дѣлъ еще разъ выступило въ защиту закона объ ограниченіи печатанія земскихъ постановленій въ сдѣланномъ въ началѣ 1868 года сообщеніи «Сѣверной Почты». Катковъ все-таки не соглашался съ указаніями какъ на мягкость губернаторской

цензуры, такъ и на то, что права земства гарантируются въ этомъ отношеніи надзоромъ министерства внутреннихъ дѣлъ и Сената («Моск. Вѣд.» 1868 г., № 45).

Передъ самымъ окончаніемъ 1867 года, Катковъ въ слѣдующихъ чертахъ резюмировалъ положеніе и результаты земскихъ учрежденій. Многаго еще недостаетъ земству, но, во всякомъ случаѣ, оно по ходу своей дѣятельности настолько-же лучше тѣхъ учрежденій, которыя ему предшествовали, насколько мировая юстиція лучше прежнихъ судебныхъ органовъ соотвѣтствующей ей компетенціи. Онъ высказывалъ, что у насъ будетъ возможно исполнять при помощи земствъ многія задачи, которыя въ другихъ государствахъ отправляются центральными управленіями, напримѣръ, по казенному хозяйству («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 273).

Въ 1868 году, по поводу трехлѣтія введенія земскихъ учрежденій, Катковъ говорилъ: неблагопріятное для земскихъ учрежденій направленіе правительственныхъ мѣръ и въ особенности ограниченіе гласности, которая есть для нихъ то же самое, что воздухъ для организма, подѣйствовали на нихъ мертвящимъ образомъ, и имъ пришлось влачить свое существованіе безъ силы, безъ одушевленія, безъ сочувствія. Онъ не отрицалъ, впрочемъ, и другихъ недостатковъ въ земской организаціи независимо отъ произошедшихъ по упомянутой причинѣ. Но онъ прибавлялъ:

«Всякій жизненный и способный къ развитію институтъ почерпаетъ въ сознаніи своихъ недостатковъ силу для своего улучшенія, и минувшее трехлѣтіе не останется, будемъ надѣяться, безслѣдно прожитымъ моментомъ» («Моск. Вѣд.» 1868 г., № 208).

Немного позже, въ 1869 году, обсуждая дѣятельность московскаго земства, онъ говорилъ:

«Всякій, кто со вниманіемъ слѣдилъ за дѣятельностью нашего земства не можетъ не замѣтить, что институтъ этотъ имѣетъ несомнѣнную будущность, если только законодательство поставитъ его въ благопріятныя условія» («Моск. Вѣд.» 1869 г., № 267).

Онъ, впрочемъ, выразилъ неодобреніе одному изъ уѣзд-

ныхъ земскихъ собранiй новороссiйскаго края за ходатайство о предоставленiи реальнымъ гимназiямъ права аттестацiи къ университету, наравнѣ съ классическими. Онъ находилъ неправильнымъ то, что земство вышло изъ предѣловъ своей дѣятельности и говорилъ: «земскiя учрежденiя должны быть чистымъ органомъ земства; въ противномъ случаѣ они станутъ органомъ обмана» («Моск. Вѣд.» 1868 г., № 277).

Въ 1868 году случился голодъ въ разныхъ мѣстахъ. Урожаи въ минувшiй годъ были во многихъ мѣстахъ неудовлетворительны и въ концѣ зимы началось бѣдствiе, въ особенности въ сѣверныхъ губернiяхъ. Подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича былъ образованъ центральный комитетъ для собиранiя и распредѣленiя пособiй въ пользу мѣстностей, терпѣвшихъ отъ голода. Великая княгиня Цесаревна приняла подъ свое покровительство сборъ пожертвованiй въ пользу голодавшихъ. Въ этомъ году, и очевидно въ связи съ упомянутыми событiями, послѣдовала замѣна въ должности министра внутреннихъ дѣлъ Валуева Тимашевымъ.

Въ началѣ слѣдующаго года появились, благодаря упомянутому бѣдствiю, первыя изслѣдованiя, критически относившiяся къ освобожденiю крестьянъ. Во главѣ ихъ стоялъ извѣстный Кошелевъ съ своимъ сочиненiемъ: «Голосъ изъ земства». Катковъ отрицалъ пессимистическiе выводы этихъ авторовъ.

«Толки объ обѣдненiи крестьянъ, — говоритъ онъ, — не представляютъ чего-либо новаго. Года три-четыре тому назадъ раздавались тѣ же сѣтованiя на обнищанiе крестьянъ, на ихъ безпробудное пьянство и крайнюю распущенность. Оказывается, однако, что пропившiеся крестьяне съ каждымъ годомъ лучше и лучше вносятъ подати; въ странѣ съ обнищавшимъ населенiемъ промышленность постоянно развивается, торговля ростетъ...» («Моск. Вѣд.» 1869 г., № 101).

Катковъ выступилъ противъ появившагося въ 1869 году положенiя комитета министровъ, отмѣнившаго для

земскихъ управъ право безплатной почтовой корреспонденціи. Упомянутое распоряженіе объявлено было циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ, говорилъ Катковъ, земскія учрежденія поставлены наряду съ частными обществами, заведеніями и компаніями («Моск. Вѣд.» 1869 г., №№ 267 и 280).

По этому поводу онъ заявилъ:

«Въ виду общепризнанной политической важности того принципа, чтобы земскія учрежденія считались и сами себя считали учрежденіями государственнаго характера, нельзя не признать, что для нихъ было бы весьма важно получить болѣе ясное, чѣмъ теперь, понятіе о томъ, какъ на нихъ смотритъ правительство».

Катковъ равнымъ образомъ касался и циркуляровъ министерства внутреннихъ дѣлъ относительно порядка пререканій между земскими учрежденіями и губернаторами по смѣтнымъ вопросамъ и старался, насколько могъ, защищать права земства («Моск. Вѣд.» 1870 г., №№ 13 и 29).

Въ концѣ 1872 года Катковъ, описывая дѣятельность за этотъ годъ московскаго земства, высказывалъ сожалѣніе о силахъ, которыя теряются на пререканія между администраціей и земствомъ. Онъ замѣчалъ, что протесты губернской администраціи противъ постановленій земскихъ собраній иногда поражаютъ случайностью и неожиданностью; между тѣмъ, весьма возможно было бы ихъ избѣжать. Нельзя не упомянуть, что Сенатъ, на усмотрѣніе котораго должны восходить эти пререканія, нерѣдко соглашался съ земствомъ. Катковъ рекомендовалъ введеніе относительно протестовъ системы предварительныхъ запросовъ губернаторовъ министру внутреннихъ дѣлъ по телеграфу («Моск. Вѣд.» 1872 г., № 312).

Вотъ картина земской дѣятельности, которую набросалъ Катковъ въ началѣ 1870 года:

«Земскія учрежденія представляютъ печальное зрѣлище. Гласные во многихъ мѣстахъ охладѣваютъ къ своему дѣлу, перестаютъ видѣть въ немъ серьёзное дѣло государственнаго значенія, начинаютъ сомнѣваться въ его будущности. Они замѣчаютъ въ прави-

тельственныхъ властяхъ какое-то глухое нерасположеніе къ этому созданію правительственной власти. Многія земскія собранія послѣдней сессіи шли вяло за малочисленностью гласныхъ; иные вовсе не состоялись за неприбытіемъ узаконеннаго числа членовъ».

Значитъ, Катковъ относилъ въ извѣстной степени недостатки земской дѣятельности къ неблагопріятному воздѣйствію на нихъ правительственной власти.

Въ 1870 году онъ, между прочимъ, указывалъ, что однимъ изъ недостатковъ строя уѣздной жизни является неучастіе образованныхъ классовъ въ низшихъ единицахъ управленія.

«Безъ низшей всесословной единицы земскія учрежденія висятъ на воздухѣ; единица земства есть уѣздъ, который самъ есть цѣлая провинція не меньше англійскаго графства или французскаго департамента, а мелкія единицы управленія, волости, остаются учрежденіями сословными. У насъ еще не образовалось основной ячейки для земскаго организма, и вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему земскія учрежденія не стали еще у насъ дѣломъ бодрымъ и крѣпкимъ, вотъ почему они еще такъ мало оказываютъ признаковъ жизни» («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 68).

Такимъ образомъ, всесословная волость входила въ то время въ программу «Московскихъ Вѣдомостей». Катковъ намѣчалъ во второй половинѣ 1871 года слѣдующія задачи, предстоявшія для законодательнаго разрѣшенія.

«Нашъ сельскій бытъ,—говорилъ онъ,—ожидаютъ существенныя перемѣны. Цѣлый рядъ предположеній правительства обѣщаетъ измѣнить теперешній строй русской деревни. Проектированная еще во время упраздненія крѣпостнаго права отмѣна подушной подати, отмѣна круговой поруки и крайней зависимости лица отъ міра стали теперь на близкую очередь. Въ томъ же направленіи должно подѣйствовать на сельскій бытъ реформа воинской повинности. Наконецъ, учрежденія, установленныя положеніемъ 19-го февраля, оказываются во многомъ несоотвѣтствующими обстоятельствамъ теперь, когда главная задача ихъ—упраздненіе порядковъ крѣпостнаго права—уже исполнена безповоротно. Такъ, ожидаемая реформа волостныхъ судовъ призывается всѣми интересами сельскаго быта и въ особенности самимъ крестьянскимъ сословіемъ («Моск. Вѣд.» 1871 г., № 187).

По поводу предположенія о малой компетенціи гминныхъ (волостныхъ) судовъ въ Царствѣ Польскомъ вы-

сказывалъ, что таковую надлежало бы распространить на Россію: спустивъ подсудность волостныхъ судовъ до 30 рублей гражданскаго иска, расширить соотвѣтственно компетенцію мировой юстиціи («Моск. Вѣд.» 1872 г., № 112).

Ничего изъ всѣхъ этихъ предположеній не вышло. Нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, упраздненіе сельской общины едва ли допускали быстрое разрѣшеніе въ интересахъ самой-же крестьянской жизни. Но въ то же время залежались и вопросы настоятельные, напримѣръ, волостной и о мелкомъ крестьянскомъ кредитѣ. Труды комиссіи сенатора Любощинскаго о волостныхъ судахъ, объѣхавшей многія мѣстности Россіи и ознакомившейся съ дѣятельностью этихъ судовъ на основаніи собственныхъ наблюденій, остались подъ спудомъ. Катковъ остался впрочемъ недоволенъ этими трудами. Онъ критически отнесся къ способу собиранія матеріала, указывалъ на неудобство торжественно-оффиціальной обстановки, съ которою производилось изслѣдованіе («Моск. Вѣд.» 1873 г., № 139; 1874 г., № 11).

Въ 1869 году Катковъ много писалъ объ отмѣнѣ подушной подати. Это былъ предметъ давнишнихъ его желаній. Въ 1869 году вопросъ этотъ оффиціально всплылъ въ петербургскомъ чиновничьемъ мірѣ. При министерствѣ финансовъ была образована комиссія по этому предмету. Какъ медленно двигался этотъ вопросъ, можно судить по тому, что податная реформа была осуществлена только въ настоящее царствованіе («Моск. Вѣд.» 1869 г., №№ 119, 218, 233, 235, 242 и 243). Катковъ съ сочувствіемъ говорилъ о передачѣ податнаго вопроса на разсмотрѣніе земствъ, въ средѣ которыхъ дворянство всегда отличается характеромъ дѣятельности, чуждымъ сословной исключительности («Моск. Вѣд.» 1870 г., №№ 210 и 230). Онъ радовался тому, что уничтоженіе подушной подати отмѣнитъ въ значительной степени тяготѣющій надъ крестьянствомъ гнётъ круговой поруки и сожалѣлъ, что подат-

ная комиссія не высказалась прямо за устраненіе послѣдней. «У насъ, говорилъ онъ, еще какъ бы опасаются увидѣть свободное крестьянское населеніе, по личному усмотрѣнію и разсчету избирающее свои занятія и промыслы, свободно разселяющееся по нашимъ обширнымъ пространствамъ, сообразно географическимъ условіямъ и свойствамъ труда, и вынуждающее къ болѣе усовершенствованнымъ административнымъ, фискальнымъ и полицейскимъ пріемамъ, чѣмъ простой надзоръ за тѣмъ, чтобы каждый оставался на своемъ мѣстѣ, гдѣ онъ приписанъ, и при своемъ оффиціальномъ, наслѣдственно признанномъ родѣ жизни» («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 220). Изъ средствъ къ замѣнѣ подушной подати комиссія остановилась на поземельной и подворной податяхъ; земства, какъ замѣчалъ Катковъ, склоняются скорѣе въ пользу такъ называемой классной подати; на ея преимущества указывали также «Московскія Вѣдомости».

Къ числу возбужденныхъ въ 1870 году вопросовъ принадлежалъ и вопросъ о крестьянскихъ повинностяхъ; князь Васильчиковъ (авторъ «Землевладѣнія и земледѣлія») поднялъ его въ статьѣ, помѣщенной въ «Современной Лѣтописи» (№ 15). Катковъ присоединился къ его мнѣнію о чрезмѣрномъ обремененіи крестьянъ и требовалъ облеченія ихъ («Моск. Вѣд.» 1870 г., №№ 88 и 95). Онъ даже не соглашался въ этомъ отношеніи съ однимъ изъ частыхъ сотрудниковъ «Московскихъ Вѣдомостей», предсѣдателемъ тамбовской губернской управы П. Б. Бланкомъ, котораго вообще считалъ весьма компетентнымъ въ вопросахъ крестьянской и земской жизни; послѣдній отрицалъ ту степень обремененія крестьянъ повинностями, которую признавалъ князь Васильчиковъ («Моск. Вѣд.» 1870 года, № 96). Основнымъ желаніемъ Каткова было привлеченіе всѣхъ сословій къ отбыванію государственныхъ повинностей и онъ торжествовалъ по поводу изданія закона 1 іюня 1870 года, предписавшаго обратить въ ближайшее

трехлѣтіе часть государственнаго земскаго сбора на удобныя земли, видя въ этомъ законѣ стремленіе къ упомянутой цѣли («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 134).

Катковъ съ сочувствіемъ встрѣтилъ въ 1870 году изданіе городоваго положенія. Онъ высказывалъ радость по поводу того, что не осуществились предположенія министерства внутреннихъ дѣлъ о подчиненіи городскихъ учрежденій непосредственно власти губернаторовъ и объ отдѣленіи предсѣдательства въ городской думѣ отъ предсѣдательства въ городской управѣ («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 158). Онъ заявлялъ, что городскія учрежденія будутъ поставлены сравнительно даже лучше, чѣмъ земскія учрежденія, такъ какъ по самому существу дѣла не будутъ страдать отъ разобщенности съ низшими единицами крестьянскаго управленія, каковы волости («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 82). Между прочимъ, Катковъ высказался въ это время не въ пользу городскихъ общественныхъ банковъ, которые до такой степени размножились въ Россіи въ теченіе шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Онъ, впрочемъ, возражалъ противъ нихъ съ точки зрѣнія свободной конкуренціи, которая является главнымъ основаніемъ банковой организаціи Европы. Онъ относилъ ихъ къ категоріи казенныхъ и сословныхъ банковъ, въ которыхъ директора не несутъ большой денежной отвѣтственности, а между тѣмъ надзоръ за ними не можетъ быть энергичнымъ. Къ той же категоріи причислялъ Катковъ и земскіе банки, проектъ которыхъ, выработанный въ министерствѣ финансовъ, былъ въ то время разосланъ на заключеніе земскихъ собраній («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 18).

Относительно примѣненія на практикѣ городоваго положенія Катковъ замѣчалъ слѣдующее:

«Если наше городское хозяйство, только-что начинающее дѣйствовать и не вездѣ еще введенное по новому положенію, на первыхъ порахъ оказывается не вполнѣ удовлетворительнымъ, то это нетрудно объяснить новизной дѣла и долго господствовавшею замкнутостью сословій. Лишь бы только оно шло не хуже прежняго

и постепенно подвигалось впередъ,—вотъ все, чего могутъ ожидать отъ него и требовать горожане» («Моск. Вѣд.» 1872 г., № 284).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, у Каткова постоянно усиливалось сочувствіе къ дворянскому элементу. Вообще, въ политическомъ міросозерцаніи Каткова трудно искать цѣльности. Періодъ семидесятыхъ годовъ былъ для него переходнымъ.

Дворянство постепенно выдвигалось правительствомъ, какъ опора для дальнѣйшихъ мѣропріятій правительства. Государь, въ рескриптѣ на имя министра народнаго просвѣщенія, отъ 25 декабря 1873 года, пригласилъ дворянство «стать на стражѣ народной школы» и повелѣлъ обратиться для этого къ мѣстнымъ предводителямъ дворянства («Моск. Вѣд.» 1873 г., № 327). Катковъ отнесся съ сочувствіемъ къ этой мѣрѣ, находя, что наблюденіе за школой невозможно для земства. Но онъ въ то же время отмѣтилъ, что это новое дѣло не есть льгота дворянству въ ущербъ другимъ сословіямъ, а тягость, хотя, конечно, священная и почетная. Онъ ожидалъ ближайшаго опредѣленія способа ея исполненія въ особомъ законѣ, но закона не послѣдовало («Моск. Вѣд.» 1874 г., № 9).

22 августа 1874 года происходило открытіе дворянскаго пансіона-пріюта въ Москвѣ, которое Государь удостоилъ своимъ присутствіемъ. Въ отвѣтъ на адресъ, Императоръ произнесъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ дворянству, въ которыхъ, напомнивъ объ обращеніи своемъ къ московскимъ дворянамъ въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ, заявилъ, что видитъ въ дворянствѣ опору. «Ваши интересы, и матеріальные, и нравстенные,—сказалъ Царь— тѣсно связаны съ монархическимъ правленіемъ. Для блага Россіи, не дай Богъ, чтобъ эта опора пошатнулась».

Катковъ помѣстилъ по этому случаю въ «Моск. Вѣд.» статью, въ которой превозносилъ значеніе дворянства.

«Отнынѣ, говорилъ онъ, никто не можетъ отталкивать дворянство въ область прошедшаго. Въ измѣнившейся Россіи оно сохраняетъ свое положеніе; оно остается въ свободномъ русскомъ народѣ

живымъ органомъ его государственнаго существованія; оно остается, какъ было, опорой Престола. Оно было надобностью прошедшаго, оно надобно и для настоящаго... Дворянство не есть преграда между престоломъ и народомъ; напротивъ, оно служитъ органическою между ними связью. Только при существованіи общественныхъ классовъ, соотвѣтствующихъ дворянству, можетъ правильно и плодотворно развиваться мѣстная жизнь. И въ нашихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ главная роль принадлежитъ дворянству. Мысленно выньте изъ него дворянство съ его организаціей, съ его традиціоннымъ политическимъ смысломъ — что останется... Никакое дворянство въ мірѣ не подаетъ такъ мало поводовъ къ сословной зависти, какъ наше. Оно не имѣетъ ничего общаго съ феодальнымъ ворянствомъ другихъ странъ. Оно произошло не изъ многовластія... Оно не есть побѣжденный противникъ монархіи, напротивъ, оно создано ею... Дворянство послѣ отмѣны крѣпостнаго права выдвигается только, какъ передовой рядъ народа. Оно свободно отъ всякихъ для чего-либо стѣснительныхъ, для кого-либо обременительныхъ или обидныхъ преимуществъ. Его права не столько права, сколько обязанности, налагаемыя на него честью его передоваго положенія... Вреда можно опасаться не отъ дѣятельности, а развѣ отъ недѣятельности дворянства, которая была бы свидѣтельствомъ его неспособности и мертвенности» («Моск. Вѣд.» 1874 г., № 217).

Но рядомъ съ этимъ, встрѣчаются новые мотивы, не соотвѣтствующіе прежнимъ взглядамъ Каткова на сословность.

«Мы должны, однако, сознаться, что мѣстныя учрежденія наши далеки отъ того, чтобы можно было признать дѣятельность ихъ удовлетворительною. Отчего же это? Всего прежде оттого, что дворянство, посреди глубоко измѣнившихся условій нашего быта, не легко могло найтись. Оно теряло подъ собой почву и не знало, что съ нимъ будетъ и сомнѣвалось, не подлежитъ-ли оно упраздненію, какъ учрежденіе, отжившее свой вѣкъ. Въ унынiи оно уже ожидало своего конца, не видя ничего взамѣнъ своей организаціи... Чѣмъ бо̀льшую энергію обнаружитъ дворянская организація въ устроеніи нашего новаго быта, чѣмъ бо̀льшимъ вліяніемъ и авторитетомъ въ мѣстныхъ дѣлахъ будутъ пользоваться ея уполномоченные представители, тѣмъ лучше будетъ для всѣхъ интересовъ, тѣмъ надежнѣе и прочнѣе установится новый порядокъ, созданный реформами».

Но что надо сдѣлать для поднятія значенія дворянства, Катковъ не объясняетъ.

«Практика,— говорилъ онъ,— убѣдительнѣе теоретическихъ соображеній покажетъ, въ чемъ должны состоять улучшенія самой

дворянской организаціи и какъ лучше согласить ее съ потребностями новаго порядка для того, чтобы силы, въ ней заключающіяся, могли приносить наибольшую пользу».

Въ этихъ заявленіяхъ уже чувствуется поворотъ въ другую сторону — къ мыслямъ о сословности, къ которымъ Катковъ былъ когда-то враждебенъ. Но въ вопросахъ административнаго устройства Катковъ оставался еще на почвѣ прежнихъ воззрѣній.

Въ 1870 году былъ внесенъ на разсмотрѣніе Комитета министровъ по Высочайшему повелѣнію проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ объ административно-полицейской реформѣ съ тѣмъ, чтобы Комитетъ опредѣлилъ, какія изъ содержащихся въ немъ началъ должны быть положены въ основаніе дальнѣйшихъ трудовъ по сему предмету. Начала были чрезвычайно просты: усиленіе губернаторской власти, которой предположено было дать право пріостановленія рѣшеній всѣхъ губернскихъ учрежденій, кромѣ судебныхъ и контрольныхъ; замѣна губернскихъ правленій совѣтами при губернаторахъ; прекращеніе всякой зависимости полиціи отъ судебныхъ органовъ; образованіе отъ сельскихъ обществъ конной полицейской стражи, вмѣсто тысяцкихъ, сотскихъ и десятскихъ и т. д. Катковъ относился къ этому проекту весьма критически — между прочимъ, въ виду несоотвѣтствія его основаніямъ судебной реформы. Если проектъ этотъ долженъ быть вѣнцомъ и согласованіемъ между собою всѣхъ сдѣланныхъ реформъ, то какъ же упускаются изъ виду интересы судебной дѣятельности? спрашивалъ Катковъ. «Судъ именуется органомъ закона, говорилъ онъ; по проекту ему предоставляется честь быть органомъ административныхъ лицъ. Такое служебное положеніе отнимаетъ у суда главную цѣну его» («Моск. Вѣд.» 1870 г., №№ 19, 32, 39, 60, 70).

Къ 1 марта были затребованы въ Комитетъ министровъ отзывы всѣхъ вѣдомствъ по упомянутому проекту.

Они были неблагопріятны. Проектъ канулъ въ воду. Правительственное сообщеніе гласило, что необходимъ, послѣ произведенныхъ реформъ, «пересмотръ всѣхъ дѣйствующихъ на мѣстахъ учрежденій». Отсюда возникла имѣвшая долгіе годы существованія комиссія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, раздѣлявшаяся на два отдѣла: административный (обсуждавшій вопросъ о губернаторской власти) и полицейскій. Впослѣдствіи, при графѣ Лорисъ-Меликовѣ появилась мысль о необходимости изученія административнаго дѣла на мѣстѣ, для чего и произведена была сенаторская ревизія, а потомъ, для разработки добытыхъ послѣднею матеріаловъ, явилась катковская комиссія. Изъ самаго же проекта административно-полицейской реформы родились слѣдующіе отпрыски: узаконенное въ 1878 году право губернаторовъ издавать обязательныя постановленія по предметамъ благоустройства и благочинія и конные урядники, заведенные при Маковѣ.

18 февраля 1870 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, предусматривавшее мѣры къ постепенному упраздненію должности мировыхъ посредниковъ и ихъ съѣздовъ. Катковъ напоминалъ по этому поводу о весьма распространенной при составленіи положенія 19 февраля 1861 года и имъ лично защищавшейся мысли о сліяніи крестьянскихъ мировыхъ учрежденій съ общими мировыми судами. Редакціонныя комиссіи находили, что такое сліяніе «было бы всего желательнѣе», но онѣ остановились передъ трудностью введенія мировыхъ судовъ, «требующихъ преобразованія всего судопроизводства и многихъ частей администраціи» («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 55). Чтобы вполнѣ точно оцѣнить желанія по этому предмету Каткова, необходимо, во всякомъ случаѣ, имѣть въ виду, что онъ отнюдь не желалъ преобразованія мировыхъ судей въ мировые посредники, а напротивъ, «мировыхъ посредниковъ въ мировыхъ судей». Такъ онъ самъ говорилъ. Когда-же возникала только тѣнь мысли о возстановленіи вотчинной

власти помѣщиковъ, напр., посредствомъ предоставленія почетнымъ мировымъ судьямъ права выбора участковъ (каковыми они могли-бы сдѣлать свои имѣнія), Катковъ въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ протестовалъ противъ такихъ начинаній. «Избави насъ Боже отъ всякой вещи, во тьмѣ преходящей»,—восклицалъ онъ.

Онъ настаивалъ на томъ, чтобы наблюденіе за крестьянскимъ самоуправленіемъ было возложено, въ случаѣ упраздненія мировыхъ посредниковъ, на мировыхъ судей. Нельзя не замѣтить, что устраненіе мировыхъ судей отъ надзора за крестьянскими учрежденіями послѣдовало въ виду мнѣнія Государственнаго Совѣта 1865 года, признавшаго невозможнымъ возложеніе на мировыхъ судей административныхъ обязанностей. Недовольный этимъ, Катковъ, всегда стремившійся къ надлежащей комбинаціи этихъ обязанностей по мѣстному самоуправленію съ судебными, замѣтилъ, что упомянутое мнѣніе Государственнаго Совѣта не восходило, насколько ему извѣстно, на Высочайшее утвержденіе. По сообщеннымъ имъ свѣдѣніямъ видно, что министерство внутреннихъ дѣлъ предполагало все-таки шире надѣлить мировыхъ судей изъ наслѣдія мировыхъ посредниковъ, чѣмъ въ окончательно послѣдовавшемъ законѣ. Онъ указывалъ на необходимость передачи въ вѣдѣніе мировыхъ судей такихъ обязанностей, какъ разсмотрѣніе жалобъ на общественное крестьянское управленіе и волостные суды, а также дѣлъ о наложеніи взысканій на крестьянъ, занимающихъ общественныя должности и вообще всѣхъ крестьянъ и т. п. («Моск. Вѣд.» 1871 г., № 187). Изъ альтернативы, состоящей въ передачѣ надзора надъ крестьянскимъ управленіемъ либо полиціи, либо мировымъ судьямъ, Катковъ отдавалъ безусловное предпочтеніе послѣдней («Моск. Вѣд.» 1874 г., № 57). Онъ возвращался къ этой мысли въ самый моментъ упраздненія мировыхъ посредниковъ («Моск. Вѣд.» 1874 г., № 200).

Замѣчательно, что Катковъ, во время упраздненія ин-

ститута мировыхъ посредниковъ, высказалъ цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствовавшихъ о медленности и нерадѣніи этихъ органовъ. Послѣднія минуты, переживаемыя теперь институтомъ мировыхъ посредниковъ, заявлялъ Катковъ, не слишкомъ добрую оставятъ по немъ память («Моск. Вѣд.» 1874 г., № 56). Дѣлая общую оцѣнку дѣятельности мировыхъ посредниковъ, Катковъ раздѣлялъ ее на двѣ части: введеніе уставныхъ грамотъ и надзоръ за крестьянскимъ управленіемъ. Первая обязанность—чисто временная, вторая, напротивъ, постояннаго характера. Она-то и не удалась въ рукахъ посредниковъ. Причинами тому были: недостаточная разработанность этого предмета въ законѣ и изолированное въ этой отрасли положеніе мироваго посредника съ одной стороны отъ помѣщика, а съ другой — отъ прочихъ властей («Моск. Вѣд.» 1874 г., № 200).

Законъ 1874 года о непремѣнныхъ членахъ Катковъ признавалъ слабымъ и не предсказывалъ ему долговѣчности («Моск. Вѣд.» 1874 г., №№ 199 и 200). Должность эта дѣйствительно находится теперь накануне отмѣны.

Вообще, періодъ семидесятыхъ годовъ можно въ законодательномъ отношеніи охарактеризовать, какъ время безсилія и медленныхъ, ни къ чему не приводившихъ работъ. Всѣ вновь подымавшіеся вопросы (объ отмѣнѣ подушной подати, о наймѣ рабочихъ и т. п.) безплодно вращались въ средѣ комиссій, не даромъ пріобрѣвшихъ репутацію хоронить проекты подъ тяжестью многотомныхъ работъ.

Мы видѣли, что въ правительствѣ проявлялись стремленія къ усиленію власти губернаторовъ и вообще административныхъ органовъ, — стремленія, очевидно расходившіяся съ принципами реформъ, въ основаніи которыхъ лежали мысли о самодѣятельности общественныхъ силъ. Но попытки къ повороту назадъ были пока нерѣшительны. Весь періодъ семидесятыхъ годовъ можетъ быть охарак-

теризованъ, какъ время раздумья на перепутьи законодательной жизни.

Катковъ высказывался въ теченіи 1871 года въ нѣскольких статьяхъ по поводу вопроса о наймѣ рабочихъ. Вопросъ этотъ, выдвинутый относительно сельскихъ работниковъ отмѣною крѣпостнаго права, вызвалъ особый законъ 1863 года, весьма впрочемъ неполный и не сообразованный съ потребностями жизни. Нельзя не замѣтить, что комиссія, его составлявшая, проектировала еще въ то время обязательность рабочихъ книжекъ. Но правило это не прошло. Веденіе такихъ книжекъ предоставлено было усмотрѣнію нанимателей. Ограниченіе это было, повидимому, вызвано опасеніемъ закабалить рабочихъ тѣмъ, къ кому они идутъ въ наймы. Грозный призракъ крѣпостнаго права еще носился въ воздухѣ. Въ отзывахъ, которые вызваны были этимъ вопросомъ въ литературѣ, упомянутый проектъ комиссіи встрѣтилъ порицаніе не только со стороны такихъ органовъ, какъ «Современникъ», съ точки зрѣнія котораго самое существованіе класса нанимателей представлялось явленіемъ ретроградньмъ, но и со стороны серьёзныхъ юристовъ, какъ Кавелинъ, коснувшійся этого предмета въ своихъ извѣстныхъ самарскихъ письмахъ.

Примѣненіе закона 1863 года вызвало большія затрудненія. Кассаціонная практика впала относительно толкованія договора найма въ существенныя противорѣчія. Разсмотрѣніе этого вопроса въ законодательномъ порядкѣ должно было возобновиться.

Если положеніе рабочаго люда интересовало законодательныя сферы съ юридической точки зрѣнія, то, напротивъ, общественное мнѣніе интересовалось имъ съ точки зрѣнія общественной. Флеровскій въ своей извѣстной книгѣ, появившейся въ 1878 году, проводилъ параллель между положеніемъ рабочихъ у насъ и заграницей. Книга эта была очевидно навѣяна стремленіями, господствовавшими

въ ту эпоху среди молодежи. Катковъ, понятно, отвергалъ такую параллель («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 27).

Въ 1870 году вопросъ о регулированіи рабочихъ отношеній всплылъ вновь. Для его разработки была образована комиссія подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Игнатьева (предсѣдателя Комитета министровъ). Вотъ по поводу предположеній этой комиссіи заговорилъ Катковъ. Онъ настаивалъ на обязательности рабочихъ книжекъ, доказывая, что эта мѣра одинаково нужна въ интересахъ какъ нанимателей, такъ и рабочихъ. Онъ ожидалъ, что введеніе означенныхъ книжекъ послужитъ къ преобладанію долгосрочныхъ наймовъ надъ краткосрочными, къ увеличенію числа нанимателей, ведущихъ постоянное правильное хозяйство и къ возвышенію вслѣдствіе этихъ причинъ средней заработной платы. Комиссія, съ своей стороны, предполагала допустить какъ письменную, такъ и словесную форму заключенія договора и стремилась обезпечить твердость условій рядомъ косвенныхъ мѣръ: а) усиленіемъ наказаній за нарушенія ихъ и б) установленіемъ нормальныхъ условій, которыя должны предполагаться существующими, если точныя основанія договора останутся неизвѣстными суду. Послѣднюю мѣру Катковъ считалъ весьма полезною, но вышеупомянутыхъ предположеній было, по его мнѣнію, мало для надлежащаго урегулированія отношеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ возражалъ противъ перечисленія въ законопроектѣ видовъ найма, на которые онъ, по мнѣнію его составителей, долженъ былъ распространяться, а также останавливался въ своей критической оцѣнкѣ и на другихъ деталяхъ проекта («Моск. Вѣдом.» 1871 г., №№ 34, 96, 262, 263, 265, 280, 286; 1872 г., № 4 и др.).

Комиссія въ своихъ предположеніяхъ затронула и вопросъ о фабричныхъ рабочихъ. По этому предмету Катковъ указывалъ на различіе законодательныхъ теченій нашей и западно-европейской жизни. Въ Россіи потребно-

стью существующаго быта являлось точное регулированіе юридическихъ отношеній съ цѣлью установленія дѣйствительной ихъ свободы, на западѣ Европы указывалось, напротивъ, на необходимость законодательнаго вмѣшательства для устраненія вредныхъ послѣдствій этой свободы, приводящихъ тамъ къ подавленію рабочихъ чрезмѣрною конкурренціей («Моск. Вѣд.» 1871 г., № 53).

Проектъ комиссіи генералъ-адъютанта Игнатьева вызвалъ болѣе краткій контрпроектъ министерства внутреннихъ дѣлъ и вмѣстѣ съ послѣднимъ былъ переданъ на разсмотрѣніе Валуева, бывшаго тогда министромъ государственныхъ имуществъ. Результатомъ этого разсмотрѣнія была выработка двухъ сводныхъ проектовъ: 1) положенія о наймѣ рабочихъ и 2) правилъ о наймѣ прислуги. Вообще, одобряя ихъ направленіе, «Московскія Вѣдомости» признавали ихъ отвѣчающими цѣли («Моск. Вѣд.» 1874 г., №№ 305, 306, 312, 323 и др.). Катковъ въ концѣ 1874 года высказывалъ пожеланіе, чтобы проекты не залежались («Моск. Вѣд.» 1874 г., № 296). Желаніе это, какъ извѣстно, не вполнѣ сбылось. Проекты пролежали десятокъ лѣтъ подъ спудомъ.

Въ законодательной сферѣ мелькали, кромѣ упомянутыхъ, еще кое-какіе другіе вопросы, напримѣръ, объ устройствѣ особаго тюремнаго управленія («Моск. Вѣд.» 1873 года, №№ 135 и 188), о благоустройствѣ бѣлаго духовенства и др. Въ 1873 г. святѣйшій Синодъ разослалъ проектъ о введеніи новыхъ началъ судопроизводства: гласности, публичности и предварительной слѣдственной подготовки дѣла въ производство существующаго надъ этимъ духовенствомъ консисторскаго суда («Моск. Вѣд.» 1873 г., № 177). Катковъ одобрялъ это точно такъ же, какъ выраженную въ упомянутомъ проектѣ мысль о предварительномъ удостовѣреніи свѣтскимъ судомъ фактовъ и основаній, вызывающихъ расторженіе браковъ («Моск. Вѣд.» 1873 г., № 182). Мѣры эти остались безъ уваженія. Получило утвержденіе

только предположеніе о слитіи незначительныхъ приходовъ, въ видахъ лучшаго обезпеченія духовенства («Моск. Вѣд.» 1873 г., № 238; 1874 г., № 8).

Въ 1871 году были утверждены окончательные уставы гимназій. Классицизмъ получилъ ту постановку въ русскомъ образованіи, которую онъ сохраняетъ до настоящаго времени. Катковъ принималъ живѣйшее участіе въ томъ, чтобы задуманная организація учебныхъ заведеній получила возможно полное практическое развитіе.

Его статьи о классическомъ образованіи можно считать десятками. Онъ принималъ на себя защиту этой системы и въ пору первоначальнаго обсужденія вопроса, когда вырабатывался уставъ 1864 года о классической и реальной гимназіяхъ, и при позднѣйшемъ измѣненіи этого устава въ 1871 году, и, наконецъ, выступалъ ратоборцемъ за классицизмъ, когда противъ него возникали какія-либо нападки въ печати. Статьи его, не отличавшіяся классическимъ спокойствіемъ, какъ и бо̀льшая часть публицистическихъ произведеній Каткова, часто приводили къ рѣзкой, ожесточенной полемикѣ. Впослѣдствіи, когда во время нигилистическихъ посягательствъ возбуждено было въ 1879—80 гг. обвиненіе противъ классическихъ гимназій въ дурномъ ихъ вліяніи на развитіе юношества, Катковъ счелъ нужнымъ собрать наиболѣе выдающіяся изъ своихъ статей о классическомъ образованіи и помѣстить ихъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» подъ заглавіемъ: «Наша учебная реформа» («Русс. Вѣст.» 1879 г., іюнь). Общественное мнѣніе приписывало ихъ авторство Леонтьеву, какъ болѣе основательному спеціалисту въ классическихъ наукахъ, но Катковъ объявилъ тогда въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что статьи эти принадлежатъ его перу.

Первоначальною постановкою гимназіи въ 1864 году Катковъ не былъ доволенъ. Онъ писалъ впослѣдствіи, когда былъ утвержденъ новый уставъ 1871 года, что «еслибы мы даже не знали всѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ рож-

дался уставъ 1864 года, то, вникая въ его распоряженія, мы не могли-бы не убѣдиться, что при его происхожденіи присутствовала мысль, которая не вѣрила въ прочность дѣла и не желала ему успѣха» («Моск. Вѣд.» 1871 г., № 144). Главнѣйшимъ основаніемъ къ критикѣ со стороны Каткова было предоставленное министру народнаго просвѣщенія въ 1864 году право обращать существовавшія тогда гимназіи, по его усмотрѣнію, въ классическія или реальныя.

Мы не будемъ останавливаться ни на деталяхъ уставовъ 1871 года, ни на вопросѣ о результатахъ классическаго образованія въ Россіи, но отмѣтимъ мимоходомъ, что въ этомъ отношеніи Катковъ руководствовался безусловно авторитетомъ западно-европейской жизни, которой онъ считалъ впослѣдствіи вреднымъ подражать въ устройствѣ учрежденій мѣстныхъ и судебныхъ.

Въ 1874 году былъ возбужденъ университескій вопросъ, т. е. предположеніе о пересмотрѣ устава этого учрежденія. Министерствомъ народнаго просвѣщенія были затребованы мнѣнія всѣхъ университетовъ. При обсужденіи вопроса въ Москвѣ, сотрудникъ печатныхъ органовъ Каткова, профессоръ Н. А. Любимовъ, остался при особомъ мнѣніи. Онъ возбудилъ противъ себя университетскую корпорацію заявленіемъ о правѣ министра назначать, помимо нея, профессоровъ. На Любимова напала печать; «Современныя Извѣстія» съ своей стороны объявили, что, не находя самаго заявленія неправильнымъ, они порицаютъ содружество профессора съ издателями «Московскихъ Вѣдомостей». «Бываютъ силы, содружество съ которыми не прощаютъ самому добросовѣстному мнѣнію», писалъ г. Гиляровъ-Платоновъ. Катковъ самъ въ то время не высказывался по университетскому вопросу, но защищалъ Любимова. Онъ, впрочемъ, часто съ своей стороны указывалъ на отсутствіе твердаго порядка въ университетахъ. Отношенія же его къ московскому университету разстроились

еще ранѣе, послѣ произошедшаго незадолго передъ тѣмъ забаллотированія Леонтьева совѣтомъ.

Университетскій уставъ 1863 года уцѣлѣлъ до 1884 года. Впослѣдствіи, когда въ 1880 году послѣдовало увольненіе графа Толстаго отъ должности министра народнаго просвѣщенія, Катковъ ставилъ ему въ вину медленность въ направленіи вопроса объ университетской реформѣ («Моск. Вѣд.» 1880 г., № 125).

Катковъ высказывался въ 1875 году и по вопросу о женскомъ образованіи, вызванному цюрихскими студентками. Объявивъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», что оно не признаетъ образовательныхъ правъ этихъ личностей, правительство возвѣстило, что оно займется означеннымъ вопросомъ въ Россіи («Моск. Вѣд.» 1874 г., № 50). Катковъ держался по этому предмету средняго мнѣнія: онъ находилъ, что женщинъ невозможно отстранять отъ нѣкоторыхъ профессій внѣ семейной жизни, напр., педагогической и даже врачебной, но требовалъ, чтобы женщины проходили, для вступленія въ высшія образовательныя заведенія, тотъ-же путь, который установленъ для мужчинъ («Моск. Вѣд.» 1873 г., № 220; 1874 г., № 47).

Народное образованіе пользовалось полнѣйшимъ сочувствіемъ Каткова. Мнѣнія его о свободѣ совѣсти по поводу раскольничьяго вопроса и о свободѣ печати также не отличались въ то время суровостью. Вообще, Каткова шестидесятыхъ и первой половины семидесятыхъ годовъ не слѣдуетъ представлять себѣ въ видѣ мрачнаго пугала, проповѣдывавшаго необходимость искорененія и угнетенія всякой самодѣятельности и самостоятельности.

Онъ горячо ратовалъ за благополучный исходъ законопроекта 1863 года объ изъятіи повременныхъ изданій отъ предварительной цензуры («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 222). Онъ доказываетъ зрѣлость русскаго народа для этой реформы.

«Есть люди, говорилъ онъ, которые будто бы изъ консерватив-

ныхъ видовъ указываютъ на неспособность и незрѣлость русскаго общества для политическихъ льготъ. Боже мой! когда же разсѣется этотъ туманъ, который застилаетъ глаза даже благонамѣреннымъ людямъ»... Катковъ увѣряетъ, что въ потьмахъ намъ не избавиться отъ многоразличныхъ вредныхъ вѣяній, появляющихся въ русскомъ обществѣ. Нуженъ свѣтъ, нужна гласность... Увѣряютъ, замѣчаетъ онъ, что общество наше легкомысленно. Но гдѣ, спрашиваетъ онъ, народъ сильнѣе и крѣпче заитересованъ въ охраненіи Верховной власти? Гдѣ она имѣетъ такое великое, безспорное, незыблемое значеніе? Гдѣ найдешь такое глубокое убѣжденіе въ ея неприкосновенности и святости? Кто будетъ лучшимъ стражемъ этого интереса? Народныя ли силы, которымъ онъ будетъ ввѣренъ, или наемникъ, Богъ знаетъ откуда пришедшій и Богъ знаетъ, что держащій въ своемъ умѣ? Неужели же существующія на западѣ Европы династическія и радикальныя партіи служатъ лучшимъ признакомъ зрѣлости, чѣмъ эта цѣльность народнаго взгляда» («Моск. Вѣд.» 1864 г. № 27).

Онъ доходилъ до того, что находилъ даже возможнымъ дать свободное распространеніе по Россіи потайнымъ листкамъ Герцена. «Мы совершенно увѣрены, что еслибы издатели «Колокола» переселились со своими станками изъ Лондона не въ Женеву, а въ Москву, еслибы имъ была предоставлена здѣсь такая же свобода проповѣдывать свой соціализмъ, какою они пользовались въ Лондонѣ, то никакой бѣды не могло бы произойти отъ этого. Опасность заключается не въ свободѣ, которая предоставляется слову, до какой бы оно ни доходило нелѣпости. Чѣмъ оно нелѣпѣе, чѣмъ несостоятельнѣе и ничтожнѣе, тѣмъ менѣе можно опасаться предоставляемой ему свободы» («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 154).

Правда, относительно свободы печати можно замѣтить, что Катковъ, такъ много претерпѣвшій отъ цензурныхъ притѣсненій, ратовалъ отчасти pro domo sua, но онъ также высказывался за свободу и по другимъ, вкоренившимся въ тогдашнюю административную практику, пріемамъ суроваго, гнетущаго отношенія къ жизни. Такъ, онъ бралъ подъ свою защиту раскольниковъ. «Расколъ, говоритъ Катковъ, есть одно изъ самыхъ прискорбныхъ явленій у насъ. Но онъ возникъ, усилился, размножился, конечно, не вслѣд-

ствіе излишней свободы» («Моск. Вѣд.» 1863 г., № 250). Онъ замѣчалъ по поводу нашей раскольничьей политики, что «недостатокъ попечительства положительно лучше, чѣмъ излишекъ его» («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 13). «Гоненія, какъ палліативные способы, только усиливаютъ болѣзнь и придаютъ ей злокачественность» («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 65). Катковъ объяснялъ происхожденіе раскола тѣмъ насильственнымъ способомъ, какимъ налагалось на народъ исправленіе книгъ и обрядовъ при Алексѣѣ Михайловичѣ («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 66). Единственный путь къ уменьшенію раскола есть, по его мнѣнію, политика умиротворенія въ соединеніи съ общимъ возбужденіемъ народной жизни, съ оживленіемъ Церкви, какъ общественной силы, и въ клирѣ, и въ мірянахъ («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 79).

Въ Катковѣ порою проглядывало нѣкоторое разочарованіе результатами реформъ, порою сказывался духъ протеста противъ слишкомъ широкаго распространенія либеральныхъ началъ, но критика эта не шла далѣе требованій о частичныхъ измѣненіяхъ: о починкѣ, а не о ломкѣ воздвигнутыхъ зданій. Университетскій вопросъ былъ первымъ поприщемъ, на которомъ выразились у Каткова новыя тенденціи, но и то надо сказать, что публицистъ въ то время не развивалъ самъ, что̀ онъ признаетъ нужнымъ сдѣлать въ стѣнахъ университета, хотя нерѣдко, въ особенности по поводу студенческихъ безпорядковъ, жаловался, какъ мы уже упоминали, на упадокъ власти.

Несмотря на все болѣе усиливавшееся сочувствіе къ дворянской идеѣ, Катковъ высказывалъ еще полнѣйшее одобреніе введенію всеобщей воинской повинности. Вопросъ этотъ, разрѣшенный изданіемъ устава 1874 года, составилъ изъятіе изъ общаго законодательнаго застоя семидесятыхъ годовъ. Онъ впрочемъ давно уже намѣченъ былъ въ принципѣ, но главнымъ образомъ подвинутъ къ разрѣшенію необходимостью держать русскія военныя силы на

уровнѣ германскихъ. Высочайшее повелѣніе, установившее необходимость безотлагательнаго ея введенія, послѣдовало 4 ноября 1870 года подъ впечатлѣніемъ побѣдъ германскаго войска надъ Франціей. Катковъ замѣчалъ, что эта мѣра нужна не сама по себѣ, а желательна, такъ сказать, поневолѣ («Моск. Вѣд.» 1871 г., № 2).

Неоднократно выражавшаяся въ началѣ минувшаго царствованія программа: сокращенія войска и обращенія народныхъ силъ на мирное внутреннее развитіе оказалась вполнѣ неосуществленной. Усиленіе вооруженія и упорная борьба внутри государства съ соціально-революціонной пропагандой,—вотъ къ какому исходу привела жизнь.

X.

Статьи о судебной реформѣ.

(1863—1878).

Отношеніе Каткова къ уставамъ 20 ноября 1864 года. — Картина трудностей, ожидающихъ судебное дѣло. — Обличеніе Катковымъ административнаго и полицейскаго произвола. — Засѣданіе полеваго военнаго суда въ Москвѣ въ серединѣ 1864 года. — Открытіе новыхъ судовъ въ Петербургѣ и Москвѣ въ 1866 году. — Сочувствіе Каткова къ ихъ дѣятельности. — Дѣло Жуковскаго. — Мнѣніе Каткова объ организаціи прокурорскаго надзора. — Отдѣльныя мнѣнія касательно нѣкоторыхъ подробностей судебнаго быта. — Первоначальное восхваленіе суда присяжныхъ. — Разочарованіе ими. — Жалобы на систему назначеній по судебному вѣдомству и на мировой судъ. — Указанія на новые уставы судопроизводства: австрійскій и германскій. — Законъ 1871 о порядкѣ производства дознаній по политическимъ дѣламъ.

Только судъ, основанный на твердомъ законѣ и вполнѣ независимый, можетъ обезпечивать право и законные интересы отъ произвольныхъ нарушеній; только такой судъ можетъ, съ другой стороны, обезпечивать правительство отъ неправильныхъ распоряженій его агентовъ.

(«Моск. Вѣд.» 1870 г., № 70).

Катковъ съ большой энергіей поддерживалъ мысль о судебномъ преобразованіи въ Россіи. Отношеніе его къ судебной реформѣ было еще болѣе сочувственнымъ, чѣмъ къ земской реформѣ. Онъ больше отъ нея ожидалъ. Земская реформа въ законодательной ея формулировкѣ не вполнѣ удовлетворяла публициста. Въ судебной же ре-

формѣ Катковъ видѣлъ чистое воплощеніе тѣхъ началъ самостоятельности и нравственнаго достоинства, которыми онъ такъ сильно дорожилъ въ англійской жизни и которыя онъ признавалъ необходимымъ перенести въ нашъ бытъ.

Когда вышли основныя положенія, Катковъ привѣтствовалъ ихъ съ большою теплотой. Онъ радовался распространенію вѣрныхъ понятій въ обществѣ. «Теперь едва ли есть такой уголокъ въ Россіи, говоритъ онъ, гдѣ не было бы людей, соединяющихъ болѣе или менѣе точныя понятія съ понятіями: публичность суда, независимость судьи, сокращеніе числа инстанцій, отмѣна формальныхъ доказательствъ виновности, судъ присяжныхъ. Не опасаясь впасть въ прежній тонъ обязательнаго самовосхваленія, мы можемъ сказать, что развитіе русскаго общества, взятое въ цѣломъ, шло въ послѣднее время по правильному пути и сопровождалось такими успѣхами, которыхъ даже предугадывать было невозможно» («Совр. Лѣт.», 1862 года, № 40, стр. 15). Онъ рисовалъ въ этомъ отношеніи совсѣмъ другую картину, чѣмъ та, которую изображали лица, руководившія перомъ Мазада въ его очеркахъ русской политической и общественной жизни. Въ нихъ описывалось, что послѣ засѣданія въ 1865 году полеваго военнаго суда въ Москвѣ, бывшаго первымъ—такъ угодно было судьбѣ — случаемъ публичности суда на Руси, изъ залы суда выходили двое купцовъ, обмѣнивавшихся мыслями о предстоящей судебной реформѣ. — «Что такое присяжные? спрашивалъ старикъ; — это мы присяжныхъ видѣли сегодня?» — «Нѣтъ», отвѣчалъ молодой купецъ, «у насъ еще нѣтъ присяжныхъ. Вѣдь это слово оттуда, что судьи будутъ присягать, что не будутъ брать денегъ съ подсудимыхъ».—Такъ почему же не вводятъ сейчасъ присяжныхъ? — «А потому, что жалѣютъ положенія судей, которые мало получаютъ жалованья. Когда можно будетъ его увеличить, введутъ присягу и у насъ будетъ судъ

присяжныхъ». Мазадъ прибавлялъ дидактически: «и въ сущности этотъ русскій правъ: для него истинный прогрессъ — это устраненіе взяточничества, все остальное — миражъ».

Но Катковъ не считалъ миражемъ судебной реформы. И когда представлялся случай сказать по этому случаю слово, сочувственное или казавшееся ему полезнымъ — онъ говорилъ. Такъ, въ 1864 году, по поводу извѣстнаго процесса Арманъ въ ассизномъ судѣ Устьевъ Роны, Катковъ ставитъ на видъ преимущества, по его мнѣнію, англійской системы судоговоренія, гдѣ нѣтъ публичнаго обвинителя, передъ французской («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 69). Онъ предостерегаетъ судебное вліяніе отъ замашекъ и давленія бюрократическаго духа (№ 72); онъ рисуетъ свою картину учрежденія мировыхъ судей, гдѣ всякій дѣятель, совмѣщающій въ себѣ условія ценза, записывается въ почетные мировые судьи, которые по мѣрѣ силъ помогаютъ участковымъ, которыхъ они должны съ теченіемъ времени замѣнить (№ 73); онъ радуется предполагаемому подчиненію полиціи мировымъ судьямъ въ сферѣ ихъ дѣятельности (№ 103). Мировая юстиція — вотъ на чемъ, говорилъ Катковъ, надо особенно внимательно поработать: въ ней начало и корень новаго судоустройства.

Настало 20-е ноября 1864 года. Вышли судебные уставы. Катковъ на время замедляетъ свой отзывъ о нихъ. Надо было собраться съ мыслями, а у него былъ въ то время на плечахъ вопросъ о направленіи желѣзной дороги на Кіевъ [1]). Но съ апрѣля мѣсяца 1865 года начинается рядъ многочисленныхъ статей по судебному вопросу.

«Многаго нѣтъ у насъ, говорятъ «Московскія Вѣдомости», что есть у сосѣднихъ народовъ, и со многими недостатками можно еще помириться, лишь бы удалось утвердить у насъ основныя начала

---

[1]) См. главу V.

суда, лишь бы эти капитальныя пріобрѣтенія изъ возможности перешли въ дѣйствительность и стали у насъ крѣпкими столбами: на этихъ столбахъ установилась бы прочная основа правосудія, и рано или поздно воздвигалась бы сила, утвердился бы порядокъ... Но какъ ни просты, повидимому, эти начала, нѣтъ возможности предположить, что они сами собою скажутся съ перваго раза въ новыхъ судахъ и новыхъ судебныхъ дѣятеляхъ. Придется еще провести эти новыя начала сквозь темную тучу установившагося обычая, который окажется тѣмъ упорнѣе и неподатливѣе, что образовался безсознательно механическимъ накопленіемъ, переходя отъ одного поколѣнія къ другому. Можно заранѣе предугадывать, что эта громадная сила инерціи и привычки обнаружится безсознательно въ самихъ дѣятеляхъ судебной реформы, ибо они сами прежде всего сыны своего вѣка, своей земли, своей исторіи. Сколько разъ уже эта громадная сила вступала у насъ въ борьбу съ новыми началами дѣятельности и одолѣвала въ борьбѣ, потому что на сторонѣ ея были природная лѣнь и равнодушіе—свойства, какъ извѣстно, умѣющія ужиться съ самымъ восторженнымъ сочувствіемъ, съ самымъ горячимъ стремленіемъ къ новому дѣлу и въ немъ притаиться; на сторонѣ ея были—и это главное—неопытность, невѣдѣніе, недостатокъ силъ, слабость реальнаго сознанія о предметѣ и о способахъ дѣятельности! Легко было бы дѣло, когда бы надлежало только наблюдать и приказывать; но въ трудномъ и сложномъ дѣлѣ суда вся дѣятельность совершается посредствомъ судебной техники, и эту-то технику, совершенно новую для насъ, надлежитъ такъ устроить и направить, чтобы ея пружины и колеса всѣ вмѣстѣ дѣйствовали, не сбиваясь съ указаннаго мѣста и не уклоняясь отъ основныхъ началъ, на которыхъ держится весь механизмъ» («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 80).

Вотъ картина, которую рисовали издатели «Московскихъ Вѣдомостей» передъ русскимъ народомъ. Они не скрывали ни отъ себя, ни отъ него трудностей выполненія судебнаго преобразованія. Справедливо было замѣчено въ той же статьѣ, что только по истеченіи большаго періода времени образуются, благодаря извѣстному дѣлу, живые узлы и средоточіе личныхъ силъ, появляются цѣлые ряды дѣятелей, создается школа, возникаютъ традиціи. Тогда только дѣло можетъ поднять людей. Если же мы обратимся къ началу зарождающейся дѣятельности, замѣчалъ Катковъ, то вѣрнѣе будетъ, обернувъ фразу, сказать, что не дѣло можетъ поднимать людей, а, напротивъ, люди поднимаютъ дѣло.

Въ другой статьѣ упомянутая картина исключительныхъ трудностей, ожидающихъ судебныхъ дѣятелей, дополняется живыми, реальными красками.

«Многіе изъ вчерашнихъ административныхъ распорядителей станутъ сегодня въ положеніе ревнивыхъ соперниковъ суда и охотнѣе будутъ ему противодѣйствовать, чѣмъ содѣйствовать—во всякомъ случаѣ зорко будутъ слѣдить за его увлеченіями и ошибками, чтобы гдѣ можно на счетъ его возвыситься и усилиться или выставить его несостоятельность въ такомъ дѣлѣ, которое вчера еще состояло въ рукахъ или подъ надзоромъ властей административныхъ... Судебная власть у насъ власть еще юная, и многіе готовы смотрѣть на нее ревнивымъ, подозрительнымъ взглядомъ... Покуда судъ будетъ дѣйствовать размѣренно на одной, хоть и большой, своей дорогѣ, не дерзая отступать отъ опредѣленій закона и распоряжаться по усмотрѣнію,—у администраціи будутъ въ распоряженіи тысячи проселочныхъ путей, на которыхъ она можетъ дѣйствовать быстро и свободно, распоряжаясь по усмотрѣнію («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 92).

Черты эти, оправдавшіяся въ будущемъ, доказываютъ глубокое пониманіе публицистомъ условій нашей жизни; но думалъ ли онъ и его читатели, что черезъ 15 лѣтъ многія изъ этихъ опасеній могли бы быть примѣнены къ тому, что будетъ появляться на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей»?

«Московскія Вѣдомости» предостерегаютъ будущихъ судебныхъ практиковъ отъ того, что письменность можетъ по старой памяти вытѣснить устность судебнаго производства (1864 г., № 81), высказываются въ пользу постепеннаго введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ на территоріи нашего отечества (№№ 82 и 90) и отдѣленія отъ нихъ мироваго института, который можетъ быть нынѣ же установленъ повсемѣстно (№ 82), совѣтуютъ ввести частичныя улучшенія въ порядкѣ стараго судопроизводства, пока таковое будетъ существовать — къ этимъ улучшеніямъ относятъ отмѣну тягостнаго и не соотвѣтствующаго достоинству судовъ надзора за ними административной власти (№ 87) и полицейскаго произвола, который называютъ нравственной заразой (№ 86).

Вообще, полиція и администрація часто подвергаются

въ этотъ періодъ обличеніямъ со стороны публициста. Такъ, въ 1866 году онъ изливаетъ цѣлую бурю негодованія противъ рязанскаго исправника, осужденнаго за незаконное сѣченіе и оскорбленіе дѣйствіемъ крестьянъ. Дворянство, говоритъ онъ, имѣетъ право сѣтовать, что, лишившись избранія изъ своей среды полицейскихъ органовъ, не видитъ отъ этого пользы для всего общества («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 49).

22 мая 1865 года произошелъ въ Москвѣ уже упомянутый выше первый въ Россіи случай примѣненія гласнаго, публичнаго и состязательнаго процесса въ засѣданіи полеваго военнаго суда, разсматривавшаго дѣло о нѣсколькихъ солдатахъ, обвинявшихся въ убійствѣ съ грабежемъ сидѣльца питейнаго дома съ его семействомъ и осужденныхъ за это преступленіе къ смертной казни. Засѣданіе происходило въ залѣ бывшей гостинницы «Европа», помѣщеніе которой занимало, по закрытіи гостинницы, управленіе московскихъ мѣстныхъ войскъ. Публики набралось много. Столы, стулья, скамьи, шкафы, сундуки, окна и даже самое казнохранилище войскъ, обнесенное деревянной рѣшеткой, были заняты слушателями. Защитникъ блисталъ краснорѣчіемъ. По поводу обвинительнаго показанія оставшейся въ живыхъ маленькой дѣвочки, онъ говорилъ, напримѣръ, слѣдующее: «Нельзя не довѣрять показанію младенца, ибо ложь есть принадлежность взрослыхъ». Не правда ли, какая тонкая аттестація по отношенію къ себѣ? Въ энергическихъ выраженіяхъ предостерегалъ онъ судъ противъ возможности кровавой ошибки. Онъ напоминалъ судьямъ несчастные процессы невинно-осужденныхъ, дѣлалъ цитаты изъ «Послѣдняго дня осужденнаго» Виктора Гюго. Онъ останавливалъ вниманіе полеваго военнаго суда на томъ мѣстѣ этого произведенія, когда осужденному на смертную казнь читаютъ смертный приговоръ, а онъ въ это время любуется солнечнымъ зайчикомъ, пробившимся сквозь тюремное окно и игравшемъ на стѣнѣ его казе-

мата; наконецъ, защитникъ просилъ не отнимать у самихъ подсудимыхъ возможности раскаяться въ своемъ преступленіи и загладить его и передъ Богомъ, и передъ людьми. При этихъ словахъ, впослѣдствіи такъ часто повторявшихся въ рѣчахъ адвокатовъ, подсудимые на этотъ разъ бросились на колѣни съ воплемъ: «пожалѣйте насъ несчастныхъ и войдите въ наше горемычное положеніе». Приведенная въ восторгъ солнечнымъ зайчикомъ и потрясенная драматическою сценою, публика (какъ прибавилъ отъ себя стенографъ, не привыкшая къ обряду публичнаго суда), разразилась рукоплесканіями.

Драматическіе эффекты, излишнія фіоритуры краснорѣчія и рукоплесканія публики, впослѣдствіи уже привыкшей къ обряду публичнаго суда,—какъ часто все это происходило на нашихъ глазахъ. Сколько, напримѣръ, повторено было разнаго рода зайчиковъ, въ разное время, въ рѣчахъ адвокатовъ! Катковъ говоритъ объ этихъ явленіяхъ съ сожалѣніемъ и предостереженіемъ, но, какъ и подобало, безъ излишняго негодованія («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 135).

23-го апрѣля 1866 года послѣдовало открытіе въ Петербургѣ настоящихъ судебныхъ учрежденій съ подобающимъ торжествомъ и рѣчами. Катковъ, душа котораго была поглощена въ то время картиной адской махинаціи, въ которой, какъ мы уже объясняли, перемѣшивались покушеніе противъ Государя, предостереженіе, полученное «Московскими Вѣдомостями», Мазадъ, Каракозовъ, польскіе эмигранты, русскіе министры, «Revue des deux mondes», «Современникъ», Шедо-Ферроти и нигилисты, тѣмъ не менѣе отмѣтилъ этотъ день и послѣдующіе сочувственными статьями новому суду.

«Сила новаго судоустройства состоитъ, главнымъ образомъ, въ несмѣняемости судей» — запечатлѣно было 24-го апрѣля 1866 года на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей» (№ 87). Наканунѣ, Катковъ сказалъ: «Судъ

независимый и самостоятельный, не подлежащій административному контролю, возвысить и облагородить общественную среду, ибо чрезъ него этотъ характеръ независимости и самостоятельности мало-по-малу сообщается и всѣмъ проявленіямъ народной жизни» (№ 86). Указывалось, что многое зависитъ отъ практическаго выполненія, отъ дѣятелей, но кто же этого не зналъ?

Упомянутыя мысли о важности и практическомъ значеніи принципа несмѣняемости судей были не мимолетными у Каткова; онѣ повторялись часто и были основою его мнѣній о необходимости противодѣйствовать въ мѣстныхъ учрежденіяхъ развитію бюрократическаго духа. Онъ ненавидѣлъ и презиралъ этотъ духъ. Въ немъ нѣтъ ничего положительнаго, говорилъ Катковъ; онъ отличается чрезвычайной способностью прилаживаться ко всѣмъ одностороннимъ политическимъ системамъ, ко всѣмъ политическимъ крайностямъ. Бюрократическія идеи дружатся съ революціей, съ демократизмомъ, съ соціализмомъ. Съ ними кокетничаютъ и ихъ готовы поддерживать всѣ утопіи («Моск. Вѣд.» 1864 г., № 72). Въ особой статьѣ о представительныхъ учрежденіяхъ Пруссіи, которую онъ написалъ, можетъ быть, не безъ отношенія къ инсинуаціи, будто бы онъ—предводитель дворянской партіи, домогающейся въ своихъ интересахъ конституціи,—онъ указывалъ на дурное положеніе этихъ учрежденій вслѣдствіе преобладанія чиновниковъ въ средѣ прусской нижней палаты («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 15). По его мнѣнію, это стояло въ связи съ тѣмъ, что главною двигательницей исторіи въ Пруссіи была сама корона или верховная власть. Онъ спрашивалъ себя въ другой статьѣ, гдѣ можетъ быть хуже въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлается въ законодательныхъ учрежденіяхъ Пруссіи? Да, впрочемъ, во Франціи, отвѣчалъ онъ, гдѣ въ палатахъ господствуютъ даже не чиновники, а адвокаты.

Теперь уже забыто одушевленіе, вызванное введеніемъ

судебной реформы: залы судебныхъ учрежденій были полны публикой, приходившей знакомиться съ новымъ судопроизводствомъ; столбцы газетъ изобиловали отчетами о судебныхъ процессахъ. Общественное мнѣніе встрѣчало дѣятельность новыхъ судовъ съ сочувствіемъ и похвалой.

Голосъ «Московскихъ Вѣдомостей» слышенъ былъ въ общемъ хорѣ благопріятныхъ отзывовъ.

«Новоустроенный мировой судъ пріобрѣтаетъ все большую и большую популярность», говорилъ Катковъ. («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 139). «Великая реформа вполнѣ оправдала тѣ горячія надежды, которыя на нее возлагались и лучшее желаніе русскихъ патріотовъ должно состоять въ томъ, чтобъ изъ этого зданія не было вынимаемо камней», заявлялъ онъ въ концѣ 1866 года. («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 263).

По поводу отчёта министерства юстиціи о дѣятельности судебныхъ учрежденій за первый годъ ихъ существованія, восклицалъ онъ:

«Честь и слава правительственному вѣдомству, которое такъ дѣятельно и вѣрно приводитъ въ исполненіе зиждительную мысль преобразователя, оберегая ее отъ тайнаго и явнаго недоброжелательства партій, неохотно входящихъ въ условія новаго гражданскаго порядка; исторія не забудетъ ни одного изъ именъ, связанныхъ съ этимъ великимъ дѣломъ гражданскаго обновленія Россіи» («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 60).

Если Катковъ находилъ какіе-либо недостатки въ судебной дѣятельности, то критика его отличалась въ то время осторожностью и благопріязненностью.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ о печати, разсмотрѣнныхъ петербургскимъ окружнымъ судомъ, былъ процессъ Жуковскаго и Пыпина за помѣщенную въ «Современникѣ» 1866 года статью: «Современное поколѣніе». Статья эта была написана главнымъ образомъ противъ Каткова и нападала на дворянство, въ которомъ Катковъ находилъ опору. За эти послѣднія нападки противъ сословія авторъ и редакторъ журнала были привлечены къ отвѣтственности, но оправданы. Можетъ быть, Катковъ въ глубинѣ души и былъ недоволенъ приговоромъ, но онъ высказывалъ совер-

шенно противное. Онъ говорилъ, что не беретъ на себя апологію петербургскаго окружнаго суда, но замѣчалъ, что въ постановкѣ обвинительнаго акта судьи могли найти основанія къ произнесенію своего очистительнаго рѣшенія. Онъ предостерегалъ даже судъ отъ того, чтобы онъ непремѣнно рѣшалъ въ пользу администраціи дѣлà, ею вчинаемыя; внося дѣло въ судъ, администрація дѣлается стороной и какъ-бы она ни была недовольна судомъ, она не должна думать, чтобы судъ могъ быть ея вассаломъ. За неуспѣхъ дѣла о Жуковскомъ, онъ готовъ былъ скорѣе порицать не судъ, а администрацію, которая это дѣло возбудила. Онъ входилъ въ полемику съ «Вѣстью», нападавшей за это рѣшеніе на судъ («Моск. Вѣд.» 1866 года, №№ 199, 201 и 205).

Онъ возмущался выходкой противъ новаго судопроизводства, напечатанной въ «Вятскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ». Тамъ еще новые суды не введены, откуда-же идетъ мотивъ? спрашивалъ Катковъ. Петербургскія нападенія на эти суды все-таки маскируются, прибавлялъ онъ,—но вотъ петербургскому, едва примѣтному, перезвону начинаетъ вторить звяканіе маленькихъ колокольчиковъ по сторонамъ въ губерніяхъ («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 219).

Останавливаясь на прокурорскомъ надзорѣ, который былъ учрежденъ въ Россіи въ виду невозможности въ прошломъ столѣтіи водворить дѣйствіе закона надъ администраціей и который по судебнымъ уставамъ отъ нея отдѣленъ, Катковъ говоритъ, что это отдѣленіе можетъ оказаться и мнимымъ, и вреднымъ, если судебная организація не будетъ имѣть вліянія на администрацію, а послѣдняя свое прежнее вліяніе на судъ не только сохранитъ, но и расширитъ.

«Это было-бы горше прежняго, замѣчаетъ онъ. Чтобъ избѣжать этой опасности есть одно средство: расширить кругъ вѣдомства суда, начиная съ высшихъ инстанцій, постепенно дѣлать его все болѣе и болѣе объединяющимъ началомъ разнообразныхъ отраслей администраціи,—то есть принимать мѣры, прямо противоположныя тѣмъ,

которыя проповѣдываются или замышляются у насъ людьми, принимающими личину консерватизма, чтобы какъ нибудь подкосить эту великую реформу нынѣшняго царствованія («Моск. Вѣд.» 1868 года, № 4)».

Онъ жаловался при этомъ на вольнопрактикующихъ и оффиціальныхъ либераловъ, которые презрительно думаютъ и отзываются о русскомъ народѣ и считаютъ себя обязанными быть враждебными всему, что оказывается прогрессомъ на русской почвѣ («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 198). Эти люди и закоснѣвшіе крѣпостники—вотъ кто, по опредѣленію Каткова, составляютъ враждебную реформамъ среду.

По отдѣльнымъ, возникавшимъ въ судебной практикѣ вопросамъ «Московскія Вѣдомости» держались вообще довольно свободныхъ взглядовъ.

Онѣ возражали противъ распространенія циркуляромъ министра юстиціи на судебныхъ дѣятелей дѣйствія Высочайше утвержденнаго 22 іюля 1866 года положенія комитета министровъ о предѣлахъ власти губернаторовъ; высказывалось недоумѣніе, какія основанія можетъ имѣть губернаторъ къ приглашенію судебныхъ дѣятелей и выражалось пожеланіе, чтобы такіе случаи сокращались; вмѣстѣ съ тѣмъ, подвергалось сомнѣнію право министра юстиціи давать циркуляры судебнымъ мѣстамъ. Названы они предписаніями, вѣроятно, случайно: по недосмотру редакціи «Судебнаго Вѣстника» — прибавлялъ Катковъ («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 240).

«Московскія Вѣдомости» высказывали, по поводу происшедшаго столкновенія между предсѣдателемъ московскаго суда и защитникомъ княземъ Урусовымъ, мнѣніе, что удаленіе изъ залы засѣданія не можетъ быть распространяемо на защитниковъ по уголовнымъ дѣламъ; въ случаѣ-же нарушенія ими благочинія засѣданіе должно быть просто пріостанавливаемо («Моск. Вѣд.» 1867 года, №№ 269 и 244). Поддерживался взглядъ, что присяжные

засѣдатели при обращеніяхъ къ предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ имѣютъ право сидѣть на мѣстахъ («Моск. Вѣд.» 1874 г., № 267).

Указывались недостатки уложенія, рельефнѣе выступающіе послѣ введенія суда присяжныхъ, и недостатки предварительнаго слѣдствія, напримѣръ, неумѣренно частое заключеніе подъ стражу, причемъ выражалась необходимость съузить разрядъ преступленій, влекущихъ за собой эту мѣру («Моск. Вѣд.» 1869 г. № 24, 1868 г. № 259, 1869 г. № 29). Признавалось неправильнымъ запрещеніе оглашать въ печати свѣдѣнія, обнаруживаемыя дознаніемъ или предварительнымъ слѣдствіемъ («Моск. Вѣд. 1870 г., № 46). Обсуждая результаты трудовъ комиссіи, подъ предсѣдательствомъ сенатора Петерса, о преобразованіи слѣдственной части, «Московскія Вѣдомости» высказывались за необходимость предоставить обвиняемому право приглашать защитника еще на предварительномъ слѣдствіи («Моск. Вѣд.», 1870 г., №№ 130 и 131).

По поводу оправдательнаго приговора въ Новгородскомъ судѣ по дѣлу объ одномъ крестьянинѣ, убившемъ свою жену, заставъ ее въ тотъ же день утромъ en flagrant délit прелюбодѣянія, «Московскія Вѣдомости», признавъ этотъ приговоръ вполнѣ нормальнымъ, заявляли о безполезности мѣръ, принимаемыхъ другими законодательствами, чтобы предотвратить «самовластіе» присяжныхъ. «Интересы общества всегда достаточно ограждаются его представителями на судѣ», утверждала газета («Моск. Вѣд.» 1868 года, № 173). По поводу оправдательнаго приговора въ Петербургскомъ судѣ по дѣлу о мошенничествахъ Бильбасова, «Московскія Вѣдомости» заявляли:

«Когда-же прекратятся, наконецъ, эти вѣчные пересуды по поводу того или другаго приговора присяжныхъ?.. Если нѣтъ указаній па то, чтобы на судѣ были какія нибудь нарушенія тѣхъ существенныхъ условій, которыя наукой права и положительнымъ закономъ признаны необходимыми для того, чтобы судебный процессъ выработалъ достижимую для человѣка правду, то кто можетъ взять

на себя рѣшить, что его личное мнѣніе болѣе согласно съ правдой, чѣмъ состоявшійся на судѣ приговоръ?.. Не Сидоръ, Карпъ и др. судятъ и приговариваютъ на судѣ присяжныхъ, а «великій анонимъ», взятый по указанію жребія, изо всѣхъ слоевъ общества» («Моск. Вѣд.» г., № 227).

Нельзя однакоже не признать такое отношеніе къ приговорамъ присяжныхъ едва ли цѣлесообразнымъ. Правильная критика всегда полезна и даже необходима, потому что подъ ея вліяніемъ присяжные глубже сознаютъ свою отвѣтственность. Во многихъ отношеніяхъ, судъ присяжныхъ (въ особенности въ столицахъ) былъ испорченъ этимъ ложнымъ взглядомъ на какую-то неприкосновенность и недосягаемость его вердиктовъ для обыкновеннаго разумѣнія.

Катковъ не долго, впрочемъ, превозносилъ судъ присяжныхъ за его отношеніе къ уголовнымъ преслѣдованіямъ. Уже въ 1870 году онъ приводитъ рядъ случаевъ, когда присяжные въ Москвѣ совершенно неосновательно оправдывали изобличенныхъ кругомъ или даже сознавшихся подсудимыхъ («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 252). Въ слѣдующемъ году этихъ случаевъ набралось еще больше. «Пора нашему обществу, заявлялъ Катковъ, обратить серьёзное вниманіе на эти странныя явленія, пора построже взглянуть на нихъ». Онъ цитировалъ рѣчь какого-то адвоката, обратившагося къ присяжнымъ Кишиневскаго суда съ слѣдующими словами: «господа присяжные, я недавно защищалъ одного вора, вы оправдали его; потомъ я защищалъ другого вора, вы тоже его оправдали; теперь я защищаю третьяго вора, и увѣренъ, что вы и его оправдаете». Правильно-ли поставленъ у насъ институтъ присяжныхъ? Нѣтъ ли какой нибудь ошибки въ его организаціи? спрашивали «Московскія Вѣдомости» (1871 года, № 254).

Съ другой стороны, у Каткова встрѣчались жалобы на систему назначеній на судебныя должности.

«Наши общественныя силы, говорилъ онъ въ концѣ 1870 года,

весьма бѣдны числомъ образованныхъ, способныхъ и трудолюбивыхъ людей. Въ особенности эта бѣдность сказалась въ послѣднее время, когда запросъ на такихъ людей увеличился. Понятно, что различныя ограниченія относительно избранія лицъ на общественныя должности у насъ болѣе, нежели гдѣ-либо, должны оправдываться лишь самою крайнею необходимостью. Поэтому, если общество, въ виду ясныхъ и вполнѣ точныхъ опредѣленій судебныхъ уставовъ, съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ узнаетъ о назначеніи исправниковъ или таможенныхъ чиновниковъ на должности членовъ и даже предсѣдателей окружныхъ судовъ въ то время, когда многіе кандидаты права вынуждены занимать различныя административныя мѣста, то въ то же время оно нѣсколько снисходительно смотритъ, когда въ провинціи на должности мировыхъ судей попадаютъ не только не получившіе юридическаго, но даже никакого теоретическаго образованія» («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 282).

Неблагопріятный отзывъ о дѣятельности суда присяжныхъ вызывалъ, какъ слѣдовало ожидать, возраженія со стороны печати.

Въ 1873 году Катковъ съ большой энергіей повторилъ свое заявленіе. «Изъ двухъ началъ, указанныхъ въ руководство новымъ судамъ, милости и правды, милость начинаетъ рѣшительно господствовать. Царство ея скоро не будетъ знать границъ»... Онъ говоритъ, что для петербургскихъ либераловъ судъ присяжныхъ дорогъ не бо̀льшею или меньшею раціональностью своею въ дѣлѣ правосудія, а своею формой, своимъ мнимымъ политическимъ значеніемъ («Моск. Вѣд.» 1873 г., № 206). Въ 1874 году онъ опять возвращается къ двумъ примѣрамъ неправильнаго оправданія, случившимся въ Одесскомъ судѣ («Моск. Вѣд.» 1874 г., № 235). Но возмущаясь нѣкоторыми случаями оправдательныхъ приговоровъ, Катковъ не относилъ тогда эти неблагопріятныя явленія къ сущности суда присяжныхъ. Онъ указывалъ на медленность слѣдствія, неосновательное преданіе суду. «Нельзя валить, говорилъ онъ, на однихъ присяжныхъ всѣ ненормальности въ ходѣ нашей юстиціи. Приходится на этотъ разъ бить не по коню, а по оглоблямъ» («Моск. Вѣд.» 1873 г., № 283).

«Московскія Вѣдомости» останавливали свое вниманіе

и на недостаткахъ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей: общихъ («Моск. Вѣд.» 1874 г., № 192) и очередныхъ (№ 193). Онѣ указывали на небрежности, допускаемыя комиссіями, и на средства къ ихъ устраненію («Моск. Вѣд.» 1876 г., №№ 106, 144, 155).

Указаны были тѣ неблагопріятные явленія, которыя послужили къ изданію закона 1887 года. По этому поводу произошло у Каткова столкновеніе съ «Голосомъ», который нападалъ на статьи «Московскихъ Вѣдомостей» («Моск. Вѣд.» 1874 г., № 267).

Въ концѣ 1874 года началось слушаніе въ германскомъ рейхстагѣ проекта новыхъ процессуальныхъ законовъ. Органъ Каткова останавливалъ вниманіе читателей на попыткѣ замѣнить судъ присяжныхъ шёффенами («Моск. Вѣд.» 1874 г., № 298). Распространился даже въ 1875 г. слухъ, что министерство юстиціи, по образцу шёффеновъ, предполагаетъ замѣнить присяжныхъ «постоянными представителями отъ сословій». «Петербургскія Вѣдомости» сообщили этотъ слухъ, но Катковъ пояснилъ, что такихъ представителей не слѣдуетъ смѣшивать съ институтомъ шёффеновъ, задуманнымъ на совсѣмъ иныхъ началахъ («Моск. Вѣд.» 1875 г., № 16). На Каткова посыпались со стороны «Судебнаго Вѣстника» и «Русскихъ Вѣдомостей» обвиненія въ томъ, что онъ рекомендуетъ судъ шёффеновъ Россіи. Катковъ заявилъ, что такія обвиненія достойны развѣ отвѣта презрительнымъ молчаніемъ, но упомянулъ о мнѣніи Гнейста относительно преимуществъ единогласнаго постановленія приговора присяжными передъ рѣшеніемъ по большинству («Моск. Вѣд.» 1875 г., № 31). Въ слѣдующемъ году, по поводу одного неправильнаго оправданія, «Московскія Вѣдомости» указали даже на цѣлесообразность мотивировки присяжными своихъ рѣшеній («Моск. Вѣд.» 1876 г., № 112).

Катковъ останавливался не только на вопросѣ о шёффенахъ, но и на другихъ нововведеніяхъ, проглянувшихъ

въ новыхъ процессуальныхъ кодексахъ. Онъ рекомендовалъ, напримѣръ, отмѣну обряда преданія суду съ предоставленіемъ обвиняемому права обжаловать обращеніе дѣла къ судебному разсмотрѣнію («Моск. Вѣд.» 1875 г., № 72).

Безъ особеннаго сочувствія говорилъ Катковъ о присяжныхъ повѣренныхъ по поводу изданія закона 1874 г. о частныхъ повѣренныхъ. Онъ замѣчалъ, что въ нашихъ правительственныхъ сферахъ произошелъ нѣкоторый поворотъ во взглядѣ на образованіе замкнутой адвокатской корпораціи съ правомъ монополіи («Моск. Вѣд.» 1874 г., № 162). Относительно самыхъ правилъ о частныхъ повѣренныхъ, «Московскія Вѣдомости» указали на странность ихъ положенія, не вяжущагося съ выработаннымъ на Западѣ дѣленіемъ ходатаевъ по дѣламъ на avocats и avoués, и на необходимость введенія порядка государственныхъ экзаменовъ какъ для нихъ, такъ и для кандидатовъ на судебныя должности («Моск. Вѣд.» 1874 г., № 177). Но относительно частныхъ повѣренныхъ при мировыхъ учрежденіяхъ, испытанія не должны быть спеціальными экзаменами изъ юридическихъ предметовъ, такъ какъ юридическое образованіе не требуется даже отъ самихъ судей («Моск. Вѣд.» 1874 г., № 203).

Мелькали у Каткова жалобы и на мировой судъ: на дурной личный составъ, на недостаточность его дѣятельности («Моск. Вѣд.» 1874 г., № 4). «Судебный Вѣстникъ» требовалъ даже привлеченія Каткова къ отвѣтственности за порицаніе нѣкоторыхъ приговоровъ мировыхъ учрежденій, напримѣръ, московскаго столичнаго съѣзда по дѣлу Энкенъ («Моск. Вѣд.» 1874 г., № 19). Въ этой полемикѣ приняли участіе и другія петербургскія газеты («Моск. Вѣд.» 1874 г., № 28). Противъ «Московскихъ Вѣдомостей» была сдѣлана попытка уголовнаго преслѣдованія («Моск. Вѣд.» 1874 г,, № 65).

Катковъ давалъ понимать, что, по его мнѣнію, назначеніе мировыхъ судей отъ правительства лучше, чѣмъ из-

браніе. Поэтому, когда въ концѣ 1874 года были судимы за неправосудіе двое назначенныхъ мировыхъ судей Новоалександровскаго уѣзда, «Голосъ» сталъ съ торжествомъ указывать «Московскимъ Вѣдомостямъ» на этотъ примѣръ. Катковъ возражалъ на это указаніемъ, что администрація, посадившая судей, все же привлекла ихъ къ отвѣтственности, чего не дѣлаетъ земство («Моск. Вѣд.» 1874 г., № 285).

Когда въ 1871 году былъ изданъ извѣстный законъ о производствѣ дознаній по государственнымъ преступленіямъ чинами жандармскаго корпуса подъ наблюденіемъ прокурорскаго надзора, Катковъ, давъ подробный о немъ отчетъ, воздержался, однакоже, отъ сужденія по поводу установленныхъ имъ порядковъ.

«Окончательное сужденіе о всякой реформѣ составляется всего вѣрнѣе по практическому исполненію ея, замѣчалъ онъ. Ходятъ слухи, что новый порядокъ дознаній былъ уже примѣненъ на практикѣ, но печать, какъ извѣстно, не имѣетъ права говорить о производящихся дознаніяхъ и слѣдствіяхъ до перехода дѣла къ судебному разбирательству».

Онъ привѣтствовалъ, впрочемъ, указаніе новаго закона на принятіе не иначе, какъ по Высочайшему повелѣнію, административныхъ взысканій относительно политическихъ преступниковъ, какъ установленіе невозможности ихъ примѣненія властью губернаторовъ и министерства. Отнынѣ мѣры эти (отдача подъ надзоръ полиціи, воспрещеніе жительства въ столицахъ и иныхъ мѣстахъ, а также высылка иностранцевъ заграницу) объявлены исключительною принадлежностью дѣлъ по политическимъ преступленіямъ, указывалъ онъ («Моск. Вѣд.» 1871 г., № 121). Онъ въ этомъ видѣлъ успѣхъ.

Послѣ изданія упомянутаго закона 1871 года о порядкѣ производства дознаній по политическимъ дѣламъ, московское дворянство, которое не разъ брало на себя починъ особыхъ ходатайствъ передъ правительствомъ, возбудило на ближайшемъ собраніи въ началѣ 1872 года во-

просъ о необходимости огражденія дворянъ отъ мѣръ административнаго произвола предоставленіемъ имъ права просить въ теченіи двухъ недѣль о направленіи дѣла къ слѣдствію и суду. Катковъ не одобрялъ этого ходатайства; онъ заявлялъ, что законъ 19-го мая 1871 года совершенно обезпечиваетъ заподозрѣнныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ лицъ отъ неправильныхъ наговоровъ; онъ замѣчалъ даже, что, благодаря этому закону, неблагонадежные въ политическомъ отношеніи люди болѣе гарантированы отъ административныхъ мѣръ, чѣмъ простые граждане, которыхъ можетъ высылать по личному усмотрѣнію мѣстный администаторъ; онъ выражалъ, наконецъ, опасеніе, чтобы опрометчивыми постановленіями дворянство не повредило своему кредиту («Моск. Вѣд.» 1872 г., № 27).

Дальнѣйшее измѣненіе взглядовъ Каткова о судебныхъ учрежденіяхъ принадлежитъ позднѣйшей эпохѣ [1]) и произошло главнымъ образомъ въ 1879 и 1880 гг., послѣ дѣла Вѣры Засуличъ. Прежнее сочувствіе превратилось въ негодованіе и злобу.

---

[1]) См. главу XII и XIII.

XI.

Статьи о революціонномъ движеніи въ Россіи.

(1863—1878).

Происхожденіе нигилизма.—Переходъ его въ соціализмъ.—Взглядъ Каткова на русскихъ революціонеровъ. — Его безмолвіе по поводу распространенія отрицательныхъ мыслей послѣ 1863 года.—Стремленіе молодаго поколѣнія къ подвигамъ.—Дѣятельность Кельсіева въ Тульчѣ.—Потрясающее впечатлѣніе, произведенное покушеніемъ Каракозова.—Общественный голосъ въ Москвѣ, что это—дѣло рукъ поляковъ.—Назначеніе графа Муравьева предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи.—Обнаруженные комиссіей результаты. — Разочарованіе по этому поводу Каткова.—Смерть Муравьева.—Запрещеніе «Современника».—Поѣздка Государя въ 1867 году въ Парижъ.—Покушеніе Березовскаго.—Безпорядки въ средѣ университетской молодежи. — Обличеніе Катковымъ Бакунина.—Нечаевское дѣло. — Дѣятельность международной рабочей ассоціаціи.—Характеристика Катковымъ молодежи въ концѣ 1871 года.—Пропаганда въ народѣ.—Дѣло Долгушина и Дмоховскаго.—Выясненіе программы борьбы съ правительствомъ заграничною газетой «Впередъ».

> Всѣ эти лжеученія, всѣ эти дурныя направленія родились и пріобрѣли силу посреди общества, не знавшаго ни науки, свободной, уважаемой и сильной, ни публичности въ дѣлахъ, касающихся самыхъ дорогихъ для него интересовъ, — посреди общества, находившагося подъ цензурой и полицейскимъ надзоромъ во всѣхъ сферахъ своей жизни. Всѣ эти лжеученія и дурныя направленія, на которыя слышатся теперь жалобы, суть плодъ мысли подавленной, неразвитой, рабской во всѣхъ своихъ инстинктахъ, одичавшей въ своихъ темныхъ трущобахъ.
>
> («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 205).

Пока во внутренней политикѣ Россіи мало-по-малу слабѣли послѣ польскаго возстанія стремленія, направленныя противъ ея цѣлости и единства, въ обществѣ назрѣвало новое внутреннее бѣдствіе, появились новые против-

ники правительства, руководившіеся идеями всеобщаго преобразованія общественнаго и экономическаго строя человѣческой жизни.

Не въ добрый часъ произошло интеллектуальное пробужденіе русскаго народа. Оно, какъ нарочно, совпало съ тѣмъ періодомъ, когда въ западно-европейской цивилизаціи стала господствовать тяжелая умственная болѣзнь чрезмѣрнаго скептицизма и критики. Основы нравственной, политической и общественной жизни подвергались сомнѣніямъ. Прежніе идеалы признавались устарѣвшими, а новыхъ цивилизація еще не выработала. Намѣченныя задачи предстоятъ въ видѣ мучительныхъ вопросовъ, волнующихъ фантазію и вносящихъ смуту въ общественную жизнь. Но Западъ привыкъ къ свободной умственной жизни, анализъ тамъ родился; сдерживаемый положительными факторами жизни, процессъ общественнаго броженья происходитъ если не вполнѣ спокойно, то безъ особенно сильныхъ потрясеній.

Какіе результаты должно было произвести появленіе новыхъ вѣяній на почвѣ русскаго образованія? Жизнь держалась въ Россіи исключительно на почвѣ авторитета. Религія въ духовной жизни, царская власть во главѣ политическаго зданія, власть чиновника или помѣщика въ общественной жизни, непререкаемый авторитетъ главы семейства въ частномъ быту — вотъ тѣ устои, на которыхъ держалась жизнь.

Начала свободной критики не признаютъ авторитетовъ; они имъ враждебны. Чѣмъ сильнѣе и глубже значеніе авторитета въ жизни, тѣмъ кипучѣе выходитъ, при внезапномъ появленіи критики, духовный протестъ въ молодомъ поколѣніи противъ прежняго теченія жизни. Такъ случилось въ Россіи.

Какъ нарочно, съ начала шестидесятыхъ годовъ пустилась въ образованіе та сѣрая масса обиженныхъ и угнетенныхъ жизнью, въ которой менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, бы-

товыхъ традицій, отрадныхъ жизненныхъ перспективъ, а потому еще болѣе, чѣмъ въ другихъ, воспріимчивости къ отрицательнымъ теченіямъ.

Извѣстная часть русской молодежи махнула рукой на всѣ элементы прежней духовной жизни. Религіозные, политическіе и семейные авторитеты были подвергнуты опалѣ. Начало авторитета не могло сдержать отрицательнаго направленія; молодое поколѣніе сразу черезъ него перешагнуло, а такъ какъ въ обществѣ не было другихъ понятій, то отрицатели оказались въ томъ положеніи, исключающемъ всякую соприкосновенность съ условіями реальной жизни, которое характеризовало нигилистовъ.

Нигилизмъ былъ первой стадіей отрицательной русской мысли во время шестидесятыхъ годовъ. Онъ не могъ удовлетворить юныхъ адептовъ русскаго отрицанія. Молодое поколѣніе было полно энергіи и отваги. Оно искало въ отрицательныхъ доктринахъ практическихъ мотивовъ для дѣйствій. Даже когда оно держалось на почвѣ одного отрицанія, дѣлались попытки перенести это отрицаніе въ дѣйствительность. Надо протестовать—раздавалось со всѣхъ сторонъ. Пусть дѣти пренебрегаютъ совѣтами и наставленіями родителей, пусть жены измѣняютъ мужьямъ, пусть граждане не повинуются властямъ! — Какъ бы нелѣпъ и смѣшонъ ни былъ протестъ, онъ хорошъ, давали понимать писатели отрицательнаго направленія, потому что онъ подрываетъ практически силу авторитета и уваженіе къ нему.

Отъ этого, конечно, вреднаго, но безсмысленнаго фрондёрства отрицатели перешли къ еще болѣе опаснымъ идеаламъ. Западная цивилизація выдвинула въ послѣднюю свою эпоху вопросъ объ экономической справедливости между людьми. Невыясненность этого вопроса составляла не препятствіе, а развѣ лишнюю приманку въ глазахъ русской молодежи. Вѣдь послѣдняя руководствовалась не разсудкомъ и знаніями, а искала главнымъ образомъ мате-

ріала для фантазіи. Соціализмъ нашелъ готовую почву въ молодомъ поколѣніи, нигилизмъ её расчистилъ. Громадное и вполнѣ неосновательное высокомѣріе, отсутствіе знаній и уваженія къ наукѣ, презрѣніе къ убѣжденіямъ окружающихъ, смутное ожиданіе грандіознаго переворота и страстная жажда подвиговъ—всѣ эти условія, необходимыя для воспріятія революціонныхъ доктринъ существовали въ молодежи и громко проповѣдывались публицистами отрицательнаго направленія. Какъ только водворился соціализмъ въ средѣ нигилистовъ, установилось окончательное поприще для дѣйствій—борьба съ правительствомъ и обществомъ, сначала путемъ пропаганды, а потомъ силою — въ видѣ преступленій и террора.

Незнаніе русской исторіи и полное непониманіе духовнаго и бытоваго склада народа внушали соціалистамъ превратное мнѣніе, что въ Россіи возможенъ переворотъ, что стоитъ имъ пожертвовать собою для борьбы—и ихъ усиліями будутъ ниспровергнуты и государственная власть, и общественный порядокъ. О томъ, что будетъ дальше, еслибы эта цѣль была достигнута, молодые революціонеры не помышляли. Вся суть ихъ ученія можетъ быть выражена наивной формулой: надо разрушить, а тамъ все образуется, — какъ говоритъ простой русскій человѣкъ, сталкиваясь съ жизненными затрудненіями. Національная черта пассивнаго отношенія къ жизни сказалась все-таки въ нигилизмѣ. Дѣйствительно, русскій соціализмъ отличается полнѣйшимъ пренебреженіемъ къ теоретическому разъясненію своихъ идеаловъ. Будетъ, что будетъ,—говорили русскіе нигилисты. На Западѣ были хоть попытки теоретической критики существующаго; соціализмъ старались, впрочемъ не совсѣмъ удачно, облекать въ теоретическія формулы. У насъ даже объ этомъ не думали, а просто шли наудалую съ нѣсколькими заученными фразами въ головѣ.

Но всякая зараза проходитъ; пройдетъ, конечно, и эта.

Нельзя въ этомъ отношеніи не вѣрить въ здравый смыслъ русскаго народа. Безконечными усиліями проложилъ онъ себѣ путь въ исторіи, конечно не для того, чтобы погибнуть въ чаду вредныхъ испареній цивилизаціи, изъ которой онъ первымъ дѣломъ заимствовалъ, наряду съ полезными мыслями, идеи, ведущія къ безъисходной борьбѣ, тягостному возбужденію и страданіямъ.

Шестидесятые годы представляютъ картину постепеннаго перехода нигилизма въ соціализмъ. Въ началѣ этого десятилѣтія, идеальнымъ типомъ молодежи является Базаровъ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ жизнь создала уже Базаровыхъ, обратившихся къ практической дѣятельности, т. е. ставшихъ революціонерами. Живымъ воплощеніемъ этого быстро совершившагося превращенія явился вездѣсущій, два разъ убѣгавшій изъ рукъ полиціи, неустрашимый Нечаевъ, который подъ опалой разгуливалъ по Россіи и при этомъ еще мимоходомъ въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ совращалъ въ соціализмъ мирныхъ гражданокъ.

Нельзя говорить, чтобы Герценъ, Чернышевскій, Писаревъ и консорты вызвали этотъ переходъ, но конечно, они его ускорили. Безъ сомнѣнія, писатели эти, высказывая сочувствіе къ соціализму, слѣдовали тому-же уклону, по которому пошло молодое поколѣніе. Умъ и талантъ, въ которомъ нельзя отказать этимъ лицамъ, къ сожалѣнію, не предохранили ихъ отъ увлеченія ложной доктриной. Они пустили въ ходъ фразы, опьянявшія умы молодёжи; они вооружали своихъ читателей готовымъ запасомъ шаблонныхъ отвѣтовъ на какія угодно возраженія противъ отрицательныхъ мыслей, — отвѣтовъ, необходимыхъ, чтобы маскировать неразвитіе и невѣжество тѣхъ, которые ихъ стали повторять. Скажите нашимъ отрицателямъ про своеобразныя особенности исторіи и народной жизни, вы получите готовый отвѣтъ: это затхлая старина; укажите на реформы, вы услышите, что это стремленія тупо-

умныхъ и разжирѣвшихъ буржуа и т. д. При этихъ условіяхъ, увлеченіе соціализмомъ стало для его адептовъ неприступной твердыней, недосягаемой ни для какихъ аргументовъ мысли и здраваго смысла. Они возмнили себя не только квинтэссенціей прогресса въ Россіи, но и передовыми людьми всего культурнаго міра, рѣшителями всѣхъ историческихъ компликацій экономическаго и общественнаго строя. Невѣжественность адептовъ отрицательныхъ теорій усиливала ихъ самомнѣніе. Съ высоты своего незатѣйливаго пьедестала они съ презрѣніемъ стали смотрѣть уже не только на русскую жизнь, но и на весь цивилизованный міръ, а между тѣмъ, ихъ собственныя идеи были вѣдь ничѣмъ инымъ, какъ болѣзненнымъ продуктомъ этой цивилизаціи, къ которой они высказывали презрѣніе.

Положительныя силы русскаго общества относились къ проявленіямъ нигилизма съ большимъ недоумѣніемъ. Надо было, какъ теперь, пережить эту болѣзнь, чтобы ее понять. Тогда-же она была настолько новымъ явленіемъ, что юноши, такъ кичливо носившіеся съ своимъ умственнымъ первенствомъ, возбуждали большой интересъ. Въ нихъ видѣли новый типъ, дикій, но могучій. Они импонировали нашей незрѣлой интеллигенціи своею страстною увлеченностью и тѣмъ, что вмѣсто обычнаго праздномыслія, вращавшагося въ заколдованномъ кругѣ легковѣсныхъ фразъ, проповѣдывали самопожертвованіе за свое дѣло.

Катковъ, какъ мы указывали, первый взглянулъ на нигилистовъ посерьёзнѣе, назвалъ вещи по ихъ имени, чтобы открыть глаза увлекавшимся — и высказалъ при этомъ вполнѣ основательное опасеніе за будущность ближайшихъ поколѣній русской молодежи. Но онъ былъ далекъ отъ мысли, что эта толпа взбунтовавшихся школьниковъ, какою представлялись для него нигилисты, обратится въ соціалистовъ и террористовъ и надѣлаетъ такихъ дѣлъ, которыя внесутъ чадъ во всю жизнь и перевернутъ вверхъ дномъ его собственныя убѣжденія.

Какъ нарочно, вскорѣ послѣ обличенія Катковымъ нигилизма и герценовскаго вліянія начался польскій мятежъ. Вопросъ о полонизмѣ овладѣлъ всецѣло вниманіемъ публициста. Хвастливая программа Мѣрославскаго, намѣревавшагося задушить русскій царизмъ съ помощью нигилизма, подсказывала какъ-бы готовый отвѣтъ на то, откуда и кѣмъ привита эта духовная зараза, не имѣвшая, повидимому, ничего общаго съ русской жизнью. Катковъ повѣрилъ этому объясненію, видя къ тому-же передъ собой еще кое-какіе другіе странные факты. Вопервыхъ, сочувствіе Герцена къ польскому революціонизму, потомъ нелѣпую затѣю анархиста Бакунина, плывшаго въ 1863 году на кораблѣ выручать Польшу и, къ его счастью, прибитаго волнами не къ русскому, а къ шведскому берегу Балтійскаго моря. Въ лицѣ эмигрантовъ соціализмъ и польскій революціонизмъ соприкасались. Были случаи якшанія между руководителями послѣдняго и нигилистами въ самой Россіи. Напомнимъ о прокламаціи въ пользу польскаго дѣла со стороны представителей нашей молодежи. Позднѣйшая система соціалистическихъ кружковъ напоминаетъ организацію троекъ въ польской справѣ...

Изъ этого Катковъ сдѣлалъ выводъ, что полонизмъ и русское отрицаніе вообще сливаются и вполнѣ совпадаютъ. Со времени мятежа полонизмъ сталъ для Каткова олицетвореніемъ всего враждебнаго здравымъ стремленіямъ въ Россіи, тѣмъ, чѣмъ въ простонародьи считаютъ домоваго который наводитъ порчу на скотъ и весь домъ. Мнѣніе, что всѣ нити соціализма сосредоточиваются въ рукахъ вожаковъ польскаго дѣла, съ большою настойчивостью высказывалось Катковымъ до послѣднихъ дней. Ничто не могло его разубѣдить въ этомъ... Онъ не хотѣлъ допускать, чтобы соціализмъ съ его ужасными бѣдствіями былъ не болѣе, какъ болѣзненнымъ потрясеніемъ общества, происшедшимъ отъ столкновенія культурной среды, чрезвычайно созрѣвшей, съ бытомъ народа, который въ интеллектуаль-

номъ отношеніи только началъ пробуждаться... Впослѣдствіи онъ говорилъ, что можетъ еще понять, что молодое поколѣніе могло само по себѣ обратиться въ фанатиковъ глупыхъ идей, но посягательства, имъ совершаемыя, онъ приписывалъ другимъ двигателямъ. Это заявленіе точно также бездоказательно.

По поводу покушенія Березовскаго онъ писалъ, напримѣръ, вспоминая о событіи 4 апрѣля 1866 года:

«Фанатизмъ, если онъ не простое помѣшательство, долженъ имѣть достаточныя причины, ибо безъ причины ничего не бываетъ. Какой-же политическій фанатизмъ могъ развиться въ вышесказанной средѣ нѣсколькихъ почти несовершеннолѣтнихъ нигилистовъ, не только не возбужденный и не поддержанный ничѣмъ въ окружающемъ обществѣ, но долженствовавшій ежеминутно и на каждомъ шагу чувствовать свое одиночество?» («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 118).

Послѣдующія событія доказали неосновательность этого, казавшагося въ то время логичнымъ, взгляда. Жизнь не всегда бываетъ послѣдовательной—и часто дѣйствительность оказывается всего менѣе правдоподобной.

Совершавшійся въ шестидесятыхъ годахъ переходъ нигилизма въ соціализмъ прошелъ какъ-то незамѣченнымъ для Каткова. Убѣдившись въ паденіи герценовскаго вліянія, онъ успокоился на томъ, что молодежь отрезвѣла вслѣдствіе вызваннаго мятежомъ подъема патріотическаго духа. Между тѣмъ, въ продолженіи 1865 года печатался въ «Современникѣ» нелѣпый романъ Чернышевскаго: «Что дѣлать», которымъ зачитывалась молодежь.

Катковъ совершенно игнорировалъ весь легіонъ мелкихъ отрицательныхъ писателей, задававшихся цѣлью будить, какъ они говорили, спящую русскую мысль. Всѣ старались превзойти другъ друга свободомысліемъ. Онъ держался по отношенію къ нимъ презрительнаго молчанія. Даже появленіе романа: «Что дѣлать» не пробудило его слова. Онъ рѣшилъ, что нигилизму насталъ конецъ и успокоился на этомъ рѣшеніи. Какъ-то уже въ 1869 году, послѣ покушеній Каракозова и Березовскаго, занялся онъ

въ одной изъ передовыхъ статей извлеченіями изъ «Дѣла», которое замѣнило по направленію прекращенный въ 1866 году «Современникъ». Между прочимъ, попались ему подъ перо «Пчелы» Чернышевскаго. Онъ, впрочемъ, не полемизировалъ съ послѣднимъ и даже не называлъ его, а просто доказывалъ, что «Дѣло» составляетъ возобновленіе «Современника» («Моск. Вѣд.» 1869 г., № 270).

О романѣ: «Что дѣлать» Катковъ отозвался уже позже— въ 1879 году, когда начались подвиги террористовъ. Онъ тогда напомнилъ объ этомъ романѣ, по поводу брошюръ Цитовича, полныхъ язвительной критики отрицательныхъ мыслей. Катковъ привелъ оправдавшіяся на дѣлѣ предсказанія Чернышевскаго, что черезъ немного лѣтъ описанные имъ типы Кирсановыхъ и Лопухова будутъ устранены настоящими дѣятелями революціи. Самъ Чернышевскій предвидѣлъ, что они исчезнутъ «согнанные со сцены, ошиканные, срамимые» («Моск. Вѣд.» 1879 г., № 153). Поучительна, между прочимъ, эта черта русской передовой молодежи—со срамомъ прогонять своихъ предшественниковъ. Этимъ каждое поколѣніе заранѣе прообразуетъ свою собственную участь, пока, наконецъ, все теченіе это не будетъ ей подвергнуто. Чернышевскому-же тѣмъ легче было предсказывать переходъ отъ революціоннаго сантиментализма грезившихся Вѣрѣ Кирсановой фаланстерій съ лимонными, персиковыми и апельсинными деревьями и жизнью въ греческихъ костюмахъ при полной свободѣ нравовъ — къ настоящему революціонизму, что вѣдь онъ самъ писалъ этотъ романъ въ крѣпости.

Дѣйствительно, первые застрѣльщики публицистической пропаганды не ограничивались писаніемъ своихъ статей, но сами горячо рвались къ тому, что они называли дѣломъ. Чернышевскій, какъ извѣстно, провелъ долгое время въ Сибири; Писаревъ привлекался въ 1864 г. къ отвѣтственности по дѣлу о тайной типографіи Бал-

лода [1]). Эта жажда подвиговъ, которую проявляли литературные руководители движенія, была характеристичнымъ явленіемъ; она указывала на то, что русская молодежь не съумѣетъ отдѣлить мыслей отъ дѣла и что если мысли въ ней безумныя, то и поступки будутъ такими же.

Насколько была разнообразна предпріимчивость разныхъ революціонеровъ въ шестидесятыхъ годахъ, можно судить по тому, что они толкались не только въ среду учащейся молодежи разныхъ мѣстъ Россіи но даже проникли въ забытый уголъ русскаго раскольничьяго міра на берегахъ Дуная, въ такъ называемую Добруджу. Тамъ поселились въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ числѣ разнаго сброда изъ Россіи, наполняющаго эту мѣстность, раскольники казаки, извѣстные подъ именемъ некрасовцевъ или липованъ. Эти раскольники, населяющіе нѣсколько селъ, имѣютъ своего епископа, назначаемаго изъ Бѣлой Криницы и проживающаго въ монастырѣ около селенія Славы, близъ Бабадага. Некрасовцы, по внушеніямъ поляка Чайковскаго, поступившаго на турецкую службу подъ именемъ Сеида-паши, выставили, въ 1853 году, противъ русскихъ войскъ двѣ сотни изъ своей среды. Этого было достаточно, чтобы вселить въ братьевъ Кельсіевыхъ, занимавшихся въ 1862 году, какъ мы уже упоминали, печатаніемъ листка для распространенія революціонной пропаганды среди раскольниковъ, надежду, что въ Добруджѣ можно начать это дѣло практически и, черезъ посредство тамошнихъ раскольниковъ, охватить сѣтью раскольничьяго революціонизма всю Россію. Кельсіевы появились въ 1863 году въ Тульчѣ, въ сопровожденіи упомянутаго Чайковскаго, и начали свое дѣло, окончившееся, послѣ своеобразныхъ перипетій, на которыхъ мы не будемъ останавливаться, полнѣйшимъ фіаско.

---

[1]) Обвиненный въ составленіи возмутительной статьи, наполненной оскорбительными выраженіями противъ личности Государя, онъ былъ заключенъ въ крѣпость.

Мы не рѣшаемся дать вѣру приведенному выше[1]) сообщенію «Русскаго Инвалида» 1865 года о томъ, что тульчинское агентство Кельсіевыхъ принимало участіе въ руководствѣ поджигателей въ Россіи, такъ какъ, насколько намъ извѣстно, одинъ изъ братьевъ Кельсіевыхъ былъ впослѣдствіи прощенъ правительствомъ и возвратился въ Россію. Но въ то время такъ думали — и Катковъ по поводу пожаровъ счелъ нужнымъ подробно познакомить русскую публику съ дѣятельностью Кельсіевыхъ («Моск. Вѣд.» 1865 г., № 183).

Но общественное мнѣніе не придавало всѣмъ проявленіямъ революціоннаго духа инаго значенія, какъ мимолетныхъ, скоропроходящихъ вспышекъ. Выстрѣлъ Каракозова 4-го апрѣля 1866 года страшно поразилъ все общество. Онъ поразилъ не только преданныхъ правительству людей, но даже и его противниковъ. Герценъ въ появившейся 1-го мая 1866 года въ «Колоколѣ» статьѣ: «Иркутскъ и Петербургъ» осудилъ это преступленіе. «Мы поражены при мысли объ отвѣтственности, которую взялъ на себя этотъ фанатикъ», — писалъ Герценъ. «Только у варварскихъ народовъ,—замѣчаетъ онъ,—или у стоящихъ на склонѣ цивилизаціи существуетъ стремленіе прибѣгать къ убійствамъ». Но Герценъ былъ преданъ за это анаѳемѣ. Два революціонныхъ комитета: лондонскій и московскій, существовавшіе подъ названіемъ хранителей истиннаго свѣта (?!), напечатали на убійственномъ французскомъ языкѣ протестъ противъ заявленій Герцена. «L'orgueil de sa sottise», — вотъ что, по мнѣнію истыхъ революціонеровъ, побудило Герцена на его малодушный поступокъ. Иногда наши революціонеры умѣли говорить хорошія слова — безусловно примѣнимыя къ нимъ-же.

Катковъ, согласно установившемуся у него взгляду, поднялъ по поводу каракозовскаго покушенія трезвонъ,

---

[1]) Глава V, стр. 264.

что поднявшій руку на русскаго Царя долженъ быть непремѣнно полякъ. Онъ не русскій, онъ не можетъ быть русскій — утверждалъ онъ въ то время. Пришла въ редакцію частная телеграмма изъ Петербурга, что преступника называютъ Ольшевскимъ; Катковъ торжественно возвѣстилъ ее, какъ подтвержденіе своего заявленія («Моск. Вѣд.» 1866 г., №№ 71 и 73).

Впрочемъ, мнѣніе о принадлежности преступника къ польской національности возникло помимо статей Каткова. Прежде, чѣмъ успѣли заговорить «Московскія Вѣдомости», сдѣлана была публичная манифестація противъ поляковъ — въ происходившемъ, на слѣдующій день послѣ покушенія, 5-го апрѣля, представленіи «Жизнь за Царя» въ московскомъ Большомъ театрѣ. Второй актъ оперы, происходившій въ польскомъ станѣ, былъ прерванъ. Лишь только раздались первые аккорды хора польскихъ воиновъ и первыя пары стали подвигаться польскимъ въ авансценѣ, послѣдовали крики: «Не надо! не надо! Третій актъ!» Актеры побросали конфедератки и, по требованію публики, исполнили народный гимнъ. Каждый моментъ появленія поляковъ на сценѣ служилъ сигналомъ къ шуму въ публикѣ и требованію пріостановленія оперы для повторенія: «Боже, Царя храни!»

«Пусть не говорятъ намъ о нашихъ нигилистахъ, о нашихъ такъ называемыхъ красныхъ, это обманъ, которымъ хотятъ отвести намъ глаза—говорилъ Катковъ; источникомъ этого злоумышленія можетъ быть только то анти-русское, національное дѣло въ Россіи, которое въ своемъ патріотизмѣ не можетъ дѣйствовать иначе, какъ мятежами, тайными подкопами и обманами, дѣло, варварски организованное и уже выставившее столько убійцъ изъ политическихъ фанатиковъ, изъ подкупленныхъ негодяевъ, изъ обманутыхъ безумцевъ» («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 73).

Онъ приводилъ разныя доказательства своей мысли, заимствованныя изъ общественнаго говора, изъ газетныхъ слуховъ; въ его умѣ рисовалась картина грандіознаго заговора. Когда же преступникъ оказался русскимъ, то

Катковъ, понятно, сталъ писать, что онъ орудіе польскихъ рукъ.

По убѣжденію общества, преступное дѣло должно было быть результатомъ какой-либо чудовищной революціонной организаціи. Никто не могъ допустить, чтобы такое неслыханное, впервые содѣянное въ Россіи преступленіе, какъ посягательство на жизнь Царя, исходило изъ жалкой среды маленькаго революціоннаго кружка. Руководство слѣдствіемъ по каракозовскому покушенію возложено было на бывшаго виленскаго генералъ-губернатора графа Муравьева въ надеждѣ, что его неутомимой и рѣшительной энергіи удастся открыть всѣ нити заговора. «Мои силы уже слабы, я боленъ и старъ,—заявилъ Муравьевъ на обѣдѣ, данномъ ему 10-го апрѣля петербургскимъ англійскимъ клубомъ по случаю этого назначенія, — но я скорѣе лягу костьми, чѣмъ оставлю неоткрытымъ это зло, зло не одного человѣка, а многихъ, дѣйствующихъ въ совокупности». Послѣ обѣда графъ Муравьевъ воспользовался присутствіемъ издателя «Современника» Некрасова, чтобы указать на вредныя ученія, распространяемыя въ обществѣ, на ядъ, прививаемый къ молодому поколѣнію. Некрасовъ повторялъ вслѣдъ за графомъ: «да, ваше сіятельство, надо вырвать это зло съ корнемъ». Il y a de ces moments dans l'histoire!

Каково-же было удивленіе общества, когда слѣдственная комиссія, за всѣми принятыми чрезвычайными усиліями, открыла только существованіе кружка нигилистовъ менѣе, чѣмъ изъ 20 человѣкъ. Нельзя даже сказать, чтобы этотъ кружокъ весь затѣялъ цареубійство. Хотя онъ носилъ названіе организаціи, но того, что разумѣется подъ этимъ словомъ, въ немъ не было. Кружокъ этотъ занимался тѣмъ, чѣмъ впослѣдствіи занимались соціалистическіе кружки съ тою лишь разницей, что онъ относился къ этимъ предметамъ дѣятельности ощупью. Устройство ассоціацій, на подобіе описанныхъ въ романѣ Чернышев-

скаго (только повидимому безъ женскаго персонала, такъ какъ женщинъ совершенно не было въ числѣ обвиняемыхъ), пропаганда и, наконецъ, совершеніе преступленій— вотъ каковы были цѣли этого кружка. Онъ, такъ сказать, сразу обнялъ всю послѣдующую программу нигилизма. Кружокъ образовался въ 1863 году въ Москвѣ — именно въ разгаръ польскаго мятежа, которому Катковъ приписалъ отрезвляющее дѣйствіе на нигилизмъ. По части ассоціацій устроены были: переплетная, швейная, общество переводчиковъ и переводчицъ и взаимнаго вспомоществованія. Существовало намѣреніе пріобрѣсти ваточную фабрику въ Можайскомъ уѣздѣ и устроить въ Жиздринскомъ уѣздѣ заведеніе на соціальныхъ началахъ для рабочихъ Мальцевскихъ заводовъ. Относительно преступленій были намѣчены: обворованіе купца съ помощью подставнаго служителя, ограбленіе почты, отцеубійство для полученія средствъ на революціонное дѣло. Послѣднее преступленіе затѣвалъ нѣкто Викторъ Федосѣевъ, пріобрѣвшій съ этою цѣлью даже ядъ, но братъ отговорилъ его отъ этого ужаснаго злодѣйства и разбилъ стклянки съ ядомъ. Участвовали два поляка, если не въ самой «организаціи», то косвенно въ осуществленіи ея замысловъ. Одинъ изъ нихъ, Марксъ, досталъ ядъ, которымъ долженъ былъ отравиться въ случаѣ неудачи одинъ изъ ея членовъ, затѣявшій освободить изъ каторги Чернышевскаго. Марксъ сказалъ провизору аптеки, у котораго взялъ ядъ, сначала, что онъ предназначается для отравленія мышей, а потомъ — что онъ нуженъ для отравленія литератора Каткова. Онъ оправдывался этою послѣднею цѣлью и при судебномъ разсмотрѣніи, говоря, что онъ дѣйствительно думалъ, что ядъ получитъ такое назначеніе.

Не всѣмъ изъ членовъ организаціи было даже извѣстно о замыслѣ цареубійства. Объ этомъ были разсужденія на совѣщаніяхъ только между нѣкоторыми наиболѣе рьяными ея дѣятелями. Совѣщанія эти составляли какъ-

бы тайный отдѣлъ «организаціи», носившій характерное названіе «ада». Нѣкто Ишутинъ сообщилъ на этихъ совѣщаніяхъ о рѣшеніи европейскаго революціоннаго комитета прибѣгать къ цареубійству. Рѣчь шла, вѣроятно, о постановленіи польскаго революціоннаго съѣзда, бывшаго въ 1864 году въ Дрезденѣ подъ предсѣдательствомъ князя Адама Сапѣги. Мысль о цареубійствѣ была нѣкоторыми изъ участниковъ «ада» отвергнута, другими признана преждевременной. Только Каракозовъ высказалъ къ ней преступное сочувствіе. Его удерживали — онъ все-таки привелъ свой замыселъ въ исполненіе. Вотъ какъ по обнаруженнымъ слѣдствіемъ и судомъ даннымъ произошло покушеніе 4 апрѣля 1866 года.

Катковъ отказывался этому вѣрить. Преступное рѣшеніе Каракозова, говорилъ онъ, созрѣло не прямо подъ вліяніемъ сферы, гдѣ онъ жилъ, какъ ни гадокъ духъ, въ ней господствующій; между прочимъ, онъ указывалъ въ этомъ отношеніи, что вѣдь рѣшеніе совершить цареубійство возникло въ Каракозовѣ помимо его друзей («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 134). Когда послѣдовало оффиціальное сообщеніе «Сѣверной Почты» о томъ, что было обнаружено, Катковъ набросился на это сообщеніе, указалъ на существующія въ немъ, по его мнѣнію, непослѣдовательности и противорѣчія,—и все упорствовалъ въ своемъ недовѣріи («Моск. Вѣд.» 1866 г., №№ 163, 164). Онъ говорилъ, что сообщеніе излагало результаты слѣдствія въ скорлупѣ, которую надо раскусить, и выражалъ надежду, что предстоящее разбирательство въ верховномъ уголовномъ судѣ разъяснитъ дѣло («Моск. Вѣд.» 1868 г., № 180).

Въ приговорѣ верховнаго суда было указано на связь преступнаго сообщества: «организаціи» съ поляками; связь эта, какъ мы видѣли, была весьма поверхностной и даже случайной. Но это заявленіе совсѣмъ не удовлетворяло Каткова. Онъ сопоставлялъ упомянутый приговоръ съ почти одновременно послѣдовавшимъ рѣшеніемъ одного изъ фран-

цузскихъ судовъ по дѣлу о поддѣлкѣ русскихъ кредитныхъ билетовъ,—рѣшеніемъ, обнаружившимъ не главныхъ виновныхъ, а лишь мелкихъ исполнителей: agents de bas étage.

Катковъ дополнялъ свою мысль перечнемъ собственныхъ доказательствъ участія польской интриги въ замыслахъ Каракозова. Перечень этотъ неизмѣнно начинался вышеупомянутымъ постановленіемъ польскаго революціоннаго съѣзда о допущеніи цареубійства, какъ средства для борьбы, и кончался указаніемъ на предшествовавшіе покушенію Каракозова слухи въ петербургскихъ административныхъ сферахъ о существованіи какого-то тайнаго общества, на проникновеніе этихъ слуховъ въ иностранныя газеты, наконецъ, на разговоръ между двумя какими-то дамами (изъ нихъ одна была полька) тоже съ намеками на покушеніе и т. д. («Моск. Вѣд.» 1866 г., №№ 168, 180, 202 и 207). Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ давалъ понимать, что дѣло не обошлось, по его мнѣнію, безъ участія петербургской администраціи. Онъ указывалъ по этому поводу на участіе въ польскомъ мятежѣ Огрызки, завѣдывавшаго въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ министерства финансовъ какимъ-то отдѣленіемъ на правахъ вице-директора («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 181).

Катковъ высказывалъ, не обинуясь, разочарованіе относительно усилій, приложенныхъ графомъ Муравьевымъ къ разслѣдованію дѣла. Превознося заслуги Муравьева въ Сѣверо-Западномъ краѣ, онъ какъ-бы оттѣнялъ ничтожность, по его мнѣнію, результатовъ, достигнутыхъ имъ теперь. Черезъ 13 лѣтъ вспоминая объ этомъ, по поводу покушенія противъ Государя Соловьева, онъ говорилъ, что различіе въ результатахъ Муравьева на томъ и другомъ поприщѣ слѣдуетъ отнести, вѣроятно, къ тому, что въ Петербургѣ среди враждебныхъ вліяній ему было труднѣе дѣйствовать, чѣмъ въ Вильнѣ («Моск. Вѣд.» 1879 года, № 85).

Разочарованіе относительно обнаруженій слѣдственной комиссіи раздѣлялось обществомъ и даже проникало выше. Очевидно, что наказаніемъ нѣсколькихъ участниковъ противо-правительственнаго сообщества зло не вырывалось съ корнемъ и вовсе не достигалось сознаніе безопасности отъ подобныхъ случайностей. Графъ Муравьевъ, послѣ разсмотрѣнія дѣла верховнымъ судомъ, выѣхалъ изъ Петербурга въ свое имѣніе, находившееся въ Лугскомъ уѣздѣ. Мазадъ увѣряетъ, что его особенно тяготило охлажденіе къ нему Каткова, который такъ сильно и горячо его поддерживалъ прежде.

Въ концѣ августа Муравьевъ внезапно скончался. Бываютъ иногда случаи, когда знаки милости и вниманія роковымъ образомъ опаздываютъ. Такъ произошло и въ данномъ случаѣ. Знаки ордена Андрея Первозваннаго съ алмазами, отправленные Государемъ Муравьеву, застали его уже мертвымъ — и доброе слово Каткова прозвучало въ видѣ некролога объ усопшемъ. Мы не станемъ воспроизводить отзыва Каткова о дѣятельности Муравьева въ Вильнѣ; это повтореніе въ иныхъ выраженіяхъ его прежняго уваженія къ этой дѣятельности. Что же касается до его руководства слѣдственною комиссіей, то Катковъ напомнилъ о данномъ имъ обѣщаніи—лечь костьми, лишь бы все обнаружить и вырвать зло съ корнемъ.

«Печальное извѣстіе, о которомъ узнала публика, свидѣтельствуетъ, писалъ Катковъ, что исполненъ торжественно данный имъ обѣтъ не пощадить себя. Сбылось его грустно-вѣщее слово: едва успѣлъ онъ сдать порученное ему дѣло, какъ смерть постигла его» («Моск. Вѣд.» 1866 г., № 182).

Послѣдствіемъ каракозовскаго дѣла было, послѣдовавшее по Высочайшему повелѣнію, запрещеніе «Современника». Это было вызвано показаніемъ нѣсколькихъ подсудимыхъ, что они дѣйствовали, начитавшись романа «Что Дѣлать?», который печатался въ «Современникѣ». Должно быть, молодежь была настолько уже готова къ воспринятію идей,

проводимыхъ въ этомъ романѣ, что её могло увлечь какое угодно изображенiе ихъ. Иначе, трудно понять впечатлѣнiе, которое могло произвести произведенiе Чернышевскаго. Неестевенность характеровъ, несмотря на стремленiе къ естественности жизни, сентиментализмъ, перемѣшанный съ фантастическимъ матерiализмомъ, отсутствiе искренности и простоты во всемъ—вотъ впечатлѣнiе, которое оно производитъ въ настоящее время на непредубѣжденнаго человѣка.

Второе покушенiе противъ жизни Императора Александра II произошло на слѣдующiй годъ. Государь собрался поѣхать на выставку въ Парижъ. Путешествiе это вызывало много толковъ въ обществѣ. Часть общества не сочувствовала ему, памятуя недавнюю роль Францiи въ польскомъ вопросѣ. Кромѣ того, взволнованная недавнимъ покушенiемъ Каракозова, Россiя не особенно охотно видѣла отъѣздъ Царя изъ ея предѣловъ. «При первомъ извѣстiи о предположенной Государемъ Императоромъ поѣздкѣ въ Парижъ у всѣхъ на душѣ, писалъ Катковъ, рождалось тревожное чувство, заставлявшее невольно и безотчетно чего-то опасаться». Царь Александръ отправлялся въ столицу Францiи, прибавлялъ Катковъ—даровать ей мiръ и избавить Европу отъ опасностей войны. Дѣйствительно, чуялось уже соперничество между усилившейся Германiей и постепенно терявшей свой престижъ Францiей. Люксембургскiй вопросъ сильно раздражилъ обѣ стороны, такъ что война казалась весьма и весьма возможной. Посѣщенiе русскимъ Государемъ при такихъ условiяхъ французскаго императора не было лишено политическаго значенiя.

20-го мая въѣхалъ Государь въ Парижъ. Французы съ обычнымъ гостепрiимствомъ встрѣтили Верховнаго представителя русской земли. 25-го мая, при возвращенiи Государя съ военнаго смотра на Лоншанскомъ полѣ черезъ Булонскiй лѣсъ, полякомъ Антономъ Березовскимъ былъ

сдѣланъ выстрѣлъ въ коляску, гдѣ сидѣли два императора, наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь Владиміръ Александровичъ.

Совершеніе втораго покушенія полякомъ окончательно утвердило Каткова въ его объясненіи каракозовскаго покушенія. «Помѣшанный мальчишка, совершившій покушеніе 4-го апрѣля, былъ слѣпымъ орудіемъ того же самаго дѣла, которое въ Парижѣ нашло себѣ прямаго исполнителя». «Повсюду слышатся желанія, заявлялъ Катковъ, чтобы поѣздка Государя Императора пришла скорѣе къ концу и чтобы Его Величество возвратился прямо въ среду своего вѣрнаго и неизмѣнно преданнаго ему народа» («Моск. Вѣд.» 1867 г., № 115).

Въ теченіи конца шестидесятыхъ годовъ и начала семидесятыхъ нигилисты поставили своею главною цѣлью возбужденіе народа посредствомъ пропаганды. Начался періодъ хожденія въ народъ. Устраивались кузницы, башмачныя и иныя заведенія съ цѣлью сближенія съ простыми людьми и внушенія имъ революціонныхъ мыслей.

Въ то же время велась дѣятельная пропаганда въ средѣ учащейся молодежи—и къ сожалѣнію, эта среда, въ которой въ свое время зародилось нигилистическое направленіе, оказалась весьма воспріимчивой для идей соціалистическаго и революціоннаго характера.

Въ началѣ 1869 года были безпорядки въ средѣ петербургскихъ заведеній: медико-хирургической академіи, университета и технологическаго института. Безпорядки начались въ академіи, которая была 14-го марта закрыта. Поводомъ къ нимъ послужилъ вопросъ о передачѣ въ вѣдѣніе студентовъ кассъ для выдачи пособій неимущимъ. Отъ студентовъ академіи появились воззванія къ студентамъ университета и технологическаго института съ цѣлью принять участіе въ общемъ студенческомъ дѣлѣ. 21 марта отъ имени заведеній, въ которыхъ происходили исторіи, появились печатныя прокламаціи, стремившіяся придать

этимъ исторіямъ серьезный политическій характеръ... Были еще другія прокламаціи—между прочимъ, одна отъ имени Бакунина.

Катковъ опять вернулся, по поводу студенческихъ безпорядковъ, къ объясненію революціоннаго движенія въ Россіи польскою интригой. Вотъ что говоритъ онъ про нигилизмъ:

«Нѣтъ такой мерзости, которая не могла бы взойти на его нивахъ; но нигилизмъ не способенъ быть цѣлью, въ немъ нѣтъ ничего положительнаго, ничего организующаго. Въ мірѣ, слава Богу, устроено такъ, что ни безуміе, ни глупость, ни развратъ, не могутъ сами собою становиться организующими силами. Они могутъ причинять вредъ частный, но безсильный для общаго политическаго дѣйствія. Вредъ нигилизма заключается, главнымъ образомъ, въ міазмахъ его существованія, а не въ способности къ самостоятельно организованному политическому дѣйствію. Искренними нигилистами могутъ быть только совершенно незрѣлые молодые люди... Ихъ излечиваютъ годы, опытъ жизни, общественная среда» («Моск. Вѣд.» 1869 г., № 112).

Но Катковъ упускалъ изъ виду превращеніе нигилизма въ соціализмъ, имѣющій хотя фантастическую, но все же положительную программу. Онъ даже ставилъ происки руководителей нигилизма въ связь съ желаніемъ затормозить и испортить дѣло реформъ въ Россіи. Вотъ какъ онъ тогда думалъ!

Въ ноябрѣ 1869 года произошли безпорядки въ московскомъ университетѣ, послѣдствіемъ которыхъ было удаленіе 17-ти студентовъ медицинскаго факультета. Ходили слухи о существованіи въ Москвѣ какого-то революціоннаго сообщества, производились аресты... («Моск. Вѣд.» 1869 г., №№ 251 и 278).

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появилось сообщеніе о Нечаевѣ, бывшемъ однимъ изъ дѣятельныхъ зачинщиковъ безпорядковъ въ петербургскихъ заведеніяхъ, но успѣвшемъ скрыться. Теперь корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» писалъ изъ Петербурга, что въ августѣ 1869 года появилась тамъ новая прокламація изъ Же

невы подъ заглавіемъ: Начало революціи. Въ ней предписывалось всѣмъ эмигрантамъ вернуться въ Россію, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ почетныхъ эмигрантовъ, какъ-то: Бакунина, Герцена и др. Указывалось на необходимость приступить къ дѣлу. Во второй прокламаціи указывались враги революціи въ Россіи, подлежащіе истребленію. Говорили, что въ Россію прибыли нѣсколько эмигрантовъ, въ томъ числѣ Нечаевъ. Послѣдній, будто бы, перенесъ свою дѣятельность въ Москву («Моск. Вѣд.» 1869 г., № 277).

Нечаева не поймали. Но скоро всплыло наружу дѣло его рукъ. Совершено было убійство Иванова, котораго подозрѣвали въ шпіонствѣ. Самъ Нечаевъ оказался уже черезъ нѣкоторое время опять заграницей, Рошфоръ объявилъ его сотрудникомъ въ «la Marseillaise» подъ именемъ: «le grand patriote russe». Нечаевъ заявилъ на страницахъ этого изданія претензію противъ «Московскихъ Вѣдомостей» за сообщеніе слуховъ о его прибытіи въ Москву, благодаря чему онъ былъ пойманъ въ какомъ-то маленькомъ городкѣ полиціей, изъ рукъ которой онъ, впрочемъ, успѣлъ скрыться («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 37).

Закипѣла слѣдственная дѣятельность. Одинъ изъ петербургскихъ мировыхъ судей, Черкесовъ, оказался въ числѣ арестованныхъ. Катковъ, защищавшій въ то время судебныя учрежденія, совѣтовалъ не придавать этому значенія.

Послѣ паденія Герцена въ мнѣніи революціонеровъ, все выше и выше поднимался Бакунинъ. Катковъ занялся кстати этою личностью, съ которою ему приходилось такъ сильно столкнуться въ молодости.

«Женева! восклицалъ Катковъ. Счастливая Женева. Какая блистательная роль суждена этой скромной пуританской Женевѣ! Отсюда раздаются тѣ мощные голоса, которые потрясаютъ въ основаніяхъ величайшую Имперію въ мірѣ, всегда казавшуюся незыблемымъ колоссомъ».

Кто-же этотъ Бакунинъ, спрашиваетъ Катковъ; этотъ признаваемый заграничными газетами организаторъ рево-

люціи въ Россіи? Фигура интересная. Тѣнь ея ложится на всю колоссальную Россію! Случай свелъ насъ съ Бакунинымъ еще въ первую пору молодости,—вспоминаетъ Катковъ. Мы знали его недолго, но близко, и видѣли его въ разныхъ положеніяхъ жизни. Въ молодости это былъ человѣкъ не безъ нѣкотораго блеска, способный озадачивать людей слабыхъ и нервныхъ, смущать незрѣлыхъ и выталкивать ихъ изъ колеи. Но въ сущности, прибавляетъ Катковъ, это была натура сухая и черствая, умъ пустой и безплодно возбужденный. Онъ хватался за многое, но ничѣмъ не овладѣвалъ, ни къ чему не чувствовалъ призванія, ни въ чемъ не принималъ дѣйствительнаго участія. Въ немъ не было ничего искренняго; всѣ интересы, которыми онъ повидимому кипятился, были явленіями безъ сущности.

Послѣ того прошло около 30 лѣтъ. Бакунинъ побывалъ на баррикадахъ въ Парижѣ, бунтовалъ въ 1849 г. на дрезденскихъ улицахъ, попалъ за то въ австрійскіе казематы, былъ выданъ нашему правительству, затѣмъ помилованъ и высланъ на житье въ Сибирь, гдѣ онъ служилъ по откупамъ, женился на молоденькой полькѣ изъ ссыльнаго семейства и передъ возбужденіемъ польскаго возстанія бѣжалъ изъ Сибири черезъ Америку. Вотъ въ 1859 году, вспоминалъ Катковъ, когда еще Бакунинъ проживалъ въ Сибири и служилъ по откупамъ, мы получили отъ него неожиданно письмо, въ которомъ онъ припоминалъ о нашемъ давнемъ знакомствѣ и которое показалось намъ искреннимъ. Мы предложили ему попробовать писать въ нашъ журналъ изъ его далекаго захолустья, которое для ума живаго и любознательнаго должно представлять много новыхъ и интересныхъ сторонъ. Въ теченіе 1861—1862 годовъ получили мы отъ него еще два-три письма черезъ ссыльныхъ изъ поляковъ, которые, бывъ помилованы, возвращались на родину. Оказалось, что онъ жилъ въ Сибири не только безъ нужды, но и въ избыткѣ, ни-

чего не дѣлалъ и читалъ французскіе романы, но на серьёзный трудъ, хотя бы малый, его не хватало. Русскую литературу онъ не обогатилъ своими произведеніями. Въ письмахъ-же его къ намъ проглянулъ прежній Бакунинъ: отъ нихъ вѣяло хотя благонамѣреннымъ, но пустымъ и лживымъ фантазёрствомъ. Мѣстами онъ заговаривалъ тономъ вдохновенія, пророчествовалъ о будущихъ судьбахъ славянскаго міра и взывалъ къ нашимъ русскимъ симпатіямъ въ пользу польской націи. Переписки мы съ своей стороны не поддерживали. Послѣднее посланіе получили мы отъ него уже въ эпоху варшавскихъ демонстрацій. Прежній Бакунинъ явился передъ нами во всей полнотѣ своего, ничѣмъ не поврежденнаго, существа. Онъ потребовалъ отъ нашей гражданской доблести присылки ему денегъ, по малой мѣрѣ 6000 р. Дабы облегчить для насъ это пожертвованіе, онъ дозволилъ намъ открыть въ его пользу подписку между людьми, ему сочувствующими и его чтящими, которыхъ, по его разсчету, долженствовало быть не мало. Зачѣмъ-же вдругъ и такъ экстренно понадобилась ему вышеозначенная сумма? Вотъ зачѣмъ: однажды его осѣнило сознаніе, что онъ получалъ даромъ жалованье отъ откупщика, у котораго состоялъ на службѣ, ничего не дѣлая; онъ вдругъ сообразилъ, что откупщикъ выдавалъ ему ежегодно, въ продолженіе трехъ лѣтъ, по 2000 р., единственно изъ угожденія генералъ-губернатору, которому Бакунинъ приходился сродни. Сознаніе это не давало ему-де покоя, и онъ рѣшился, во что бы то ни стало, возвратить откупщику всю въ продолженіе трехъ лѣтъ перебранную сумму. Благородный рыцарь, замѣчаетъ Катковъ, онъ хотѣлъ подаяніемъ уплатить подаяніе, и изъ чужихъ кармановъ возстановить свою репутацію во мнѣніи откупщика. Мы не могли ему быть полезны и письмо его осталось втунѣ. Но прошло затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ и мы узнали, что Бакунинъ все-таки добылъ сумму, которую требовалось возвратить откупщику, но откупщику ея не

заплатилъ, а бѣжалъ съ полученными деньгами изъ Сибири. Вотъ что писалъ Катковъ о Бакунинѣ («Моск. Вѣд.» 1870 г., № 4).

Онъ анализировалъ затѣмъ одну изъ послѣднихъ бакунинскихъ прокламацій, въ которой авторъ задавалъ вопросъ: «гдѣ источникъ того дико-разрушительнаго и холодно-страстнаго воодушевленія, отъ котораго цѣпенѣетъ умъ и останавливается кровь въ жилахъ у нашихъ противниковъ?» Но хотя Бакунинъ утверждалъ, что источникъ этотъ не въ полонизмѣ и что союзъ русскихъ революціонеровъ съ поляками только временный, пока идетъ рѣчь о разрушеніи Россіи, но Катковъ отказывался этому вѣрить и попрежнему утверждалъ, что въ полонизмѣ весь ключъ русскаго революціонизма («Моск. Вѣд.» 1870 года, № 4).

Въ іюлѣ 1871 года, послѣ только-что случившихся ужасовъ парижской коммуны, слушалось въ петербургской судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей дѣло о сообщникахъ Нечаева: Успенскомъ, Прыжовѣ и др. Это было, если мы не ошибаемся, единственное политическое дѣло, слушавшееся въ судебной палатѣ. Съ тѣхъ поръ, дѣла этого рода были уже относимы исключительно къ компетенціи Правительствующаго Сената.

Катковъ остался недоволенъ этимъ первымъ гласнымъ разбирательствомъ политическаго обвиненія. Во-первыхъ, онъ призналъ какъ-то странно звучащимъ стремленіе предсѣдателя быть особенно изысканнымъ въ обращеніи съ подсудимыми. Вообще, у насъ судебная практика, замѣчалъ онъ, старается въ этомъ отношеніи превзойти порядки наиболѣе цивилизованныхъ странъ. Но самое главное, что возмущало его, это были рѣчи защитниковъ. Многіе изъ нихъ считали нужнымъ, говоритъ онъ, пускаться въ общія оцѣнки и излагать свои философскія воззрѣнія, далеко не враждебныя взглядамъ подсудимыхъ. Нѣкоторые изъ ораторовъ коснулись студенческихъ безпорядковъ — и по

ихъ выводу оказывалось, что студенты правы, потому-что требуютъ справедливаго и законнаго, а начальство отказываетъ. Съ одной стороны, заявлялъ Катковъ, несмотря на то, что нигилисты были подвергнуты наказанію, нигилизму предъ лицомъ суда былъ какъ-бы воздань почетъ; съ другой стороны, появилась непрошенная и ничѣмъ не вызванная защита студенчества, которая могла произвести только дурное дѣйствіе на молодежь («Моск. Вѣд.» 1871 года, № 161). Впослѣдствіи, уже во времена графа Лорисъ-Меликова, Катковъ, предаваясь ретроспективнымъ разсужденіямъ о нигилизмѣ, вспоминалъ подробно о Нечаевскомъ дѣлѣ. Онъ упомянулъ тогда, между прочимъ, о не лишенномъ интереса обстоятельствѣ—какъ одинъ изъ сословныхъ представителей: уѣздный предводитель дворянства вступилъ съ однимъ изъ подсудимыхъ въ споръ объ основательности изложенныхъ послѣднимъ революціонныхъ идей. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ продолжали еще смотрѣть на революціонную молодежь съ нѣкоторымъ любопытствомъ и думали, что въ этихъ заблудшихъ и помраченныхъ людяхъ кроется какая-то сила.

Насколько Катковъ былъ недоволенъ судебнымъ разбирательствомъ дѣла объ участникахъ Нечаева, настолько же выражалъ онъ одобренія веденію процесса о самомъ Нечаевѣ, выданномъ русскимъ властямъ швейцарскимъ правительствомъ и судившемся въ Москвѣ въ 1872 году. Онъ говорилъ о впечатлѣніи нравственной силы, которое производилъ руководимый рукою твердаго предсѣдателя судъ въ столкновеніи съ жалкимъ безсиліемъ руководителя враждебной правительству среды.

Въ 1871 году Катковъ сообщилъ объ обнародованныхъ въ иностранныхъ газетахъ рѣшеніяхъ такъ называемой интернаціоналки (международной ассоціаціи рабочихъ). Завѣдывать отдѣлами ея въ Германіи и Россіи былъ избранъ извѣстный Карлъ Марксъ. Вотъ кто оказывается нашимъ благодѣтелемъ, замѣчалъ Катковъ. Средою для распростра-

ненія пропаганды была избрана учащаяся молодежь. Въ слѣдующей статьѣ, нашъ публицистъ, вѣрный своимъ взглядамъ на источникъ всякаго революціонизма, указывалъ на совпаденіе мысли объ интернаціоналкѣ съ обстоятельствами польскаго мятежа. Правда, еще въ 1862 г., была отправлена отъ французскихъ рабочихъ депутація на лондонскую международную выставку, но во время выставки англійскіе тредъ-юніонисты не имѣли никакихъ дѣлъ съ комитетомъ французскихъ рабочихъ. Но вотъ только-что возвратились французскіе рабочіе съ выставки, какъ вспыхнуло польское возстаніе—и началась лихорадочная агитація. Представлялись отъ рабочихъ адресы польскимъ эмигрантамъ, устраивались митинги, была опять послана депутація въ Лондонъ отъ парижскихъ рабочихъ для воззваній о помощи польскимъ повстанцамъ («Моск. Вѣд.» 1871 г., №№ 220 и 235). Все это такъ; посылка рабочей депутаціи изъ Парижа была, конечно, сдѣлана съ разсчетомъ оказать, съ помощью народа, давленіе на англійское правительство для дипломатическаго вмѣшательства въ дѣла Россіи, но поданная тогда англійскимъ рабочимъ Оджеромъ мысль о необходимости совмѣстныхъ рабочихъ конгрессовъ отъ всѣхъ націй уже выходила изъ предѣловъ первоначальнаго назначенія французской депутаціи, а въ ней-то и былъ зародышъ интернаціоналки.

Существованіе ея было терпимо въ большинствѣ конституціонныхъ государствъ; она собирала денежные взносы, устраивала конгрессы и гласно поощряла стачки рабочихъ для возвышенія рабочей платы. Катковъ слѣдилъ внимательно за всѣмъ ходомъ развитія этой ассоціаціи. Французское правительство показало первое примѣръ ея запрещенія, очевидно побужденное къ тому ужасами коммуны, связь коей съ интернаціоналкой была установлена изданными во всеобщее свѣдѣніе трудами слѣдственной коммиссіи. Катковъ сообщалъ о происходившемъ въ 1872 году, на конгрессѣ въ Гагѣ, бурномъ спорѣ относительно отра-

низаціи управленія обществомъ, т. е. должно-ли оно быть централистическимъ или федеральнымъ («Моск. Вѣд.» 1872 года, №№ 75, 122, 152, 184, 217). Однимъ изъ видныхъ противниковъ Маркса по вопросу о централизаціи управленія международной ассоціацией былъ, какъ извѣстно, нашъ старый знакомый Бакунинъ.

Онъ былъ изгнанъ изъ интернаціоналки, но вызвалъ смертельный раздоръ въ средѣ ея секцій. Послѣ этого, онъ опубликовалъ письмо, въ которомъ заявилъ, что оставляетъ поприще революціонныхъ затѣй.

Въ концѣ 1871 года, Катковъ высказалъ довольно мрачный взглядъ на значеніе той духовной заразы въ средѣ молодежи, проявленіемъ которой было увеличавшееся распространеніе соціалистическихъ идей.

«Будущій историкъ, говорилъ онъ, съ изумленіемъ остановится на странномъ явленіи, печально отмѣтившемъ годы мирнаго и могучаго роста русскаго народа—на психической болѣзненности молодаго поколѣнія образованныхъ классовъ... Иные бросали отечество, звавшее ихъ за полезную дѣятельность, и заграницей, ни съ того, ни съ сего, объявлялись эмигрантами; инымъ казалась постыдною всякая обыкновенная дѣятельность, и они, костюмируясь мужиками, совершали въ своемъ лицѣ «сліяніе высшихъ классовъ съ народомъ» чаще всего за прилавкомъ кабаковъ. Молодыя дѣвушки шли на призывъ перваго негодяя и пустомели. Совершались дѣла, послѣдствіемъ которыхъ были остроги, каторга, смертная казнь... Всѣ эти факты, свидѣтельствующіе о хроническомъ умственномъ разстройствѣ незрѣлой части нашего общества, могли быть объяснены нѣсколько лѣтъ назадъ тѣмъ рѣзкимъ переломомъ, который совершился въ нашей гражданской жизни. Государственная Россія перерождалась, мѣняла свои устои. Общество, привыкши ко мраку и духотѣ, было сразу охвачено свѣжимъ воздухомъ свободы. Вчерашніе сны сегодня переходили въ явь и гнали старый порядокъ. Въ эпохи историческихъ переломовъ, въ моменты страстныхъ, напряженныхъ ожиданій чего-то громаднаго, въ кануны великихъ событій людьми овладѣваетъ состояніе крайняго возбужденія, голова идетъ кругомъ, подъ ногами уходитъ земля. Поступки и идеи, немыслимые при нормальномъ положеніи, тутъ кажутся естественными, никого не удивляютъ. Однако, отчего-же все это было такъ возмутительно глупо? Отчего во всемъ этомъ не было ни предмета, ни силы, ни духа, ничего свѣжаго, призваннаго къ жизни? Въ самыхъ эксцентрическихъ увлеченіяхъ возможенъ проблескъ идеи, и въ сумасбродствахъ бы-

ваетъ величіе. Отчего-же броженіе, которое охватило нашу интеллигенцію, смердитъ тлѣніемъ. Оттого, что оно и есть тлѣніе. Это не игра возникающей жизни, это разложеніе трупа... Растлѣніе человѣческихъ душъ начинается чуть-ли не съ перваго лепета. На смѣну безбородымъ соціалистамъ идутъ двѣнадцатилѣтніе коммунисты. Это нравственная проказа во второмъ поколѣніи, ростущемъ на смѣну первому поколѣнію прокаженныхъ».

Катковъ ожидалъ спасенія только отъ классической гимназіи, которая должна возвысить дѣло ума и науки въ нашей средѣ («Моск. Вѣд.» 1871 г., № 260). Несмотря на эту надежду, Россіи пришлось пережить тяжелыя событія конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ.

Революціонная партія стала мало по малу выяснять и обнаруживать свои задачи, которыя сводились къ ужаснымъ пріемамъ дикаго и безцѣльнаго насилія.

Первымъ процессомъ, имѣвшимъ предметомъ прямыя попытки къ соціалистической пропагандѣ въ народѣ, было производившееся въ 1874 году дѣло о Долгушинѣ, Дмоховскомъ и др. Были составлены три сорта прокламацій: «русскому народу», «какъ должно жить по закону природы» и «къ интеллигентнымъ людямъ». Прокламація къ русскому народу читалась и распространялась въ средѣ мужиковъ; написана она была простонароднымъ языкомъ и испещрена текстами изъ Священнаго Писанія («Моск. Вѣд.» 1874 г., №№ 175, 177, 178, 180, 181—184). Немного ранѣе появился законъ о преступныхъ сообществахъ, назначившій новыя наказанія за составленіе и принадлежность къ нимъ («Моск. Вѣд.» 1874 г., № 183).

Революціонная программа стала выясняться въ извѣстномъ лондонскомъ изданіи «Впередъ», о которомъ Катковъ упоминалъ по поводу кары, которой онъ былъ подвергнутъ со стороны прусскаго правительства за указаніе на необходимость русскимъ соціалистамъ поддерживать соціалъ-демократическую партію въ Германіи. Пусть она тамъ одержитъ верхъ; это облегчитъ волненіе въ Россіи.

Пропаганда, террорь, организація шпіонства были уже намѣчены, какъ средства борьбы... Правительство энергично противодѣйствовало «хожденію въ народъ». Производилось извѣстное жихаревское слѣдствіе о пропагандѣ по всей Имперіи. Газета «Впередъ» насчитывала, что $^{3}/_{4}$ пропагандистовъ гибнутъ безцѣльно въ борьбѣ. Лѣтомъ 1876 года произошло звѣрское убійство Гориновича посредствомъ облитія сѣрною кислотой по подозрѣнію въ доносѣ.

Катковъ писалъ, что на теоріи соціалистовъ можно отвѣчать только презрѣніемъ; если-же имъ удастся осуществить хоть десятую часть своихъ начинаній, то они встрѣчены будутъ дружнымъ проклятіемъ всего русскаго общества («Моск. Вѣд.» 1876 г., №№ 146 и 171).

XII.

Переломъ въ убѣжденіяхъ Каткова.

(1878—1881).

Переходъ русскаго соціализма въ терроризмъ. — Демонстрація на Казанской площади.—Процессъ 193.—Дѣло о Вѣрѣ Засуличъ.—Перемѣна отношенія Каткова къ суду. — Осужденіе, выраженное имъ относительно интеллигенціи.—Уличныя побоища въ Москвѣ и Петербургѣ.—Новый законъ о соціалистахъ въ Германіи.—Борьба князя Бисмарка съ націоналъ-либералами.—Ея вліяніе на настроеніе Каткова.—Развитіе терроризма въ 1878 году. — Покушеніе Соловьева. — Требованіе со стороны Каткова объ усиленіи власти. — Возраженія противъ гласности политическихъ процессовъ и публичности смертной казни. — Заступничество Каткова за профессора Цитовича и литератора Дьякова. — Назначеніе графа Лорисъ-Меликова. — Полемика о классической гимназіи.—Пушкинское торжество въ Москвѣ.—Рѣчь Каткова.—Несочувственное къ ней отношеніе.—Упраздненіе III-го Отдѣленія.—Сенаторскія ревизіи. — Объѣзды Сабурова. — Процессъ Гольденберга. — Безпорядки въ университетахъ. — Катастрофа 1 марта. — Статьи Каткова въ промежутокъ между смертью покойнаго Государя и манифестомъ 29 апрѣля 1881 года.

«Не хотѣли по доброй волѣ, такъ подъ ударами должны мы очнуться, отрезвиться, самоуглубиться, сознать причины нашихъ несчастій, чтобы возродиться нравственно».

(«Моск. Вѣд.» 1881 г., № 69).

Начался періодъ послѣднихъ лѣтъ минувшаго царствованія, ознаменовавшійся рядомъ ужаснѣйшихъ злодѣяній, задуманныхъ и выполненныхъ революціонной молодежью съ цѣлью терроризовать Россію. Нигилисты, украсившіе себя громкимъ званіемъ соціально-революціонной партіи, перешли къ примѣненію послѣднихъ пунктовъ уже ранѣе

установленной ихъ вожаками программы. Революціонеры сосредоточили, начиная съ 1879 года, всѣ свои усилія на посягательствахъ противъ жизни покойнаго Государя; они надѣялись достигнуть этимъ путемъ уступокъ, которыя должны были, по ихъ мнѣнію, очистить имъ поприще для распространенія какъ идейнаго, такъ и активнаго революціонизма.

Съ 1879 года первою заботою внутренней дѣятельности власти въ нашемъ отечествѣ и во многихъ отношеніяхъ руководящимъ принципомъ ея внутренней политики должна была сдѣлаться охрана безопасности могущественнѣйшаго изъ Монарховъ среди консервативнаго и спокойнаго народа. Таково странное положеніе, въ которое нигилизмъ поставилъ русскую жизнь. Общество утѣшается сознаніемъ, что язва эта все болѣе и болѣе локализируется, но до сихъ поръ еще невозможны ни въ правительственной, ни въ общественной нашей жизни спокойствіе и довѣріе къ будущему, безъ которыхъ немыслимо нормальное развитіе.

Событія 1879—1881 годовъ глубоко подѣйствовали на Каткова. До тѣхъ поръ онъ былъ только нѣсколько разочарованъ въ ходѣ реформъ. Теперь до глубины души возмущенный злодѣйствами соціалистовъ, онъ отступилъ въ теченіе, открыто враждебное всему, что имѣетъ характеръ самостоятельнаго и самодѣйствующаго. Какъ нарочно, посыпались въ то время факты, подрывавшіе авторитетъ новыхъ учрежденій. Слишкомъ еще памятенъ намъ этотъ заколдованный кругъ разнороднѣйшихъ хищеній и растратъ, сопровождавшійся оправдательными приговорами присяжныхъ относительно расхитителей общественнаго добра. Никогда благодушіе русскаго народа не казалось намъ, какъ въ этихъ случаяхъ, такъ неумѣстнымъ и такъ мало симпатичнымъ.

Катковъ объявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ неумолимую вражду такъ называемой либеральной интеллигенціи. Онъ обви-

нялъ ее въ попустительствѣ и потворствѣ нигилизму. Между тѣмъ, хотя либеральное теченіе русской мысли дѣйствительно не сочувствовало существующему строю, но между такимъ чисто идейнымъ несочувствіемъ и практической враждой лежитъ громадное разстояніе. Среди свѣдѣній, обнаруженныхъ многочисленными политическими процессами, нигдѣ не проглядывали указанія на соприкосновеніе русскихъ либераловъ съ соціалистами.

Между тѣмъ, Катковъ вносилъ потворство и попустительство нигилистамъ въ составленный имъ скорбный листъ прегрѣшеній не только либеральной интеллигенціи, но и реформенныхъ учрежденій. Примѣръ тайныхъ ходовъ и интригъ польскаго революціонизма вызывалъ въ немъ искусственную картину какихъ-то скрытыхъ, адскихъ замысловъ, которыми пропитана, будто бы, либеральная среда.

Въ преддверіи къ террористической эпохѣ русскаго соціализма стоятъ произошедшая въ концѣ 1876 года демонстрація на Казанской площади и разбиравшійся въ концѣ 1877 года процессъ съ «апокалиптическою» цифрою 193 подсудимыхъ.

Безъ сомнѣнія, изъ памяти общества не изгладилась характерная по своей нелѣпости картина хитроумныхъ революціонеровъ, поднимавшихъ на рукахъ среди выходившаго изъ Казанскаго собора народа крестьянскаго мальчика и заставлявшихъ его кричать ура и махать краснымъ флагомъ съ надписью: Земля и Воля. Это дѣлалось съ цѣлью воспалять «революціонныя страсти въ народѣ». Но если народъ проявлялъ въ такихъ случаяхъ какія-либо страсти, то отнюдь не въ выгоду замысламъ революціонеровъ.

Исторія эта случилась въ періодъ дипломатическихъ переговоровъ, приведшихъ къ турецкой войнѣ 1877—1878 годовъ. Подъ впечатлѣніемъ иностранной политики Катковъ готовъ былъ отнести источникъ демонстрацій къ сферѣ этихъ

интересовъ. Для того, чтобы сдѣлать заблуждающагося молодого человѣка революціонеромъ, говоритъ онъ,

«надобно, пользуясь его незрѣлостью и фальшивою умственною возбужденностью, еще фанатизировать его, распалить въ немъ честолюбіе и заставить его повѣрить въ какое-то великое дѣло, которому онъ призванъ послужить. Занумерованный и посаженный въ клѣтку таинственной организаціи, онъ окончательно теряетъ власть надъ собой и становится готовою жертвою всякаго обмана; вокругъ него образуется искусственная атмосфера, которая разобщаетъ его съ остальнымъ міромъ и въ которой все представляется ему въ извѣстной окраскѣ. Онъ теряетъ всякій смыслъ дѣйствительности, всякое чувство господствующихъ въ ней отношеній. И вотъ довольно нѣсколькихъ сотень набранныхъ и подготовленныхъ такимъ образомъ безумцевъ, чтобы создать призракъ революціи и потомъ вызывать его по мѣрѣ надобности... Мы не отрицаемъ, что ближайшіе возбудители нашихъ революціонеровъ сами находятся подъ властью нелѣпыхъ идей о всеобщемъ соціальномъ переворотѣ, который они, будто-бы, призваны произвести; но мы совершенно убѣждены, что весь этотъ вздоръ не былъ-бы самъ по себѣ достаточенъ для того, чтобы поддерживать интересъ игры, которая продолжается такъ упорно и такъ настойчиво. Надо думать, и мы въ этомъ совершенно увѣрены, что въ игрѣ замѣшано нѣчто болѣе серьезное, и что нити главной интриги уходятъ далеко за горизонтъ людей, одурманенныхъ революціонными идеями. Безумцы, исправляющіе должность русскихъ революціонеровъ, сами не знаютъ и не предчувствуютъ, чье дѣло они дѣлаютъ, выкрикивая на улицѣ свой сумбуръ, и чьи затѣи приводятъ они въ исполненіе, губя себя такъ безсмысленно, такъ, наконецъ, неразсчетливо и несообразно съ интересами исповѣдуемыхъ ими ученій» («Моск. Вѣд.» 1876 г., № 318).

Процессъ 193-хъ связанъ съ эпохой терроризма въ томъ отношеніи, что многіе изъ его участниковъ въ скоромъ времени превратились въ террористовъ. Главное вниманіе русскихъ революціонеровъ было обращено до 1877 года на пропаганду въ народѣ. Правительство рѣшилось пресѣчь эту дѣятельность: оно стало между революціонерами и народомъ. Естественно, что удары революціонеровъ должны были обратиться противъ правительства. Идея политическаго убійства, уже давно носившаяся въ туманѣ сумасбродныхъ фантазій русскаго соціализма, стала принимать въ 1878 году эпидемическій характеръ. Жихаревское слѣдствіе обнаружило еще въ кіевской коммунѣ весьма осязатель-

ныя проявленія этой системы. Когда началось къ осени 1874 года преслѣдованіе членовъ кружка, было рѣшено противопоставить мѣрамъ правительства собственныя мѣры устрашенія, пустить въ ходъ пожары, синильную кислоту, нитроглицеринъ и револьверы. Были пріобрѣтаемы коекакіе химическіе элементы для препаратовъ; началось изученіе способовъ приготовленія взрывчатыхъ веществъ. Катковъ указывалъ на это только впослѣдствіи («Моск. Вѣд.» 1880 г., № 84). Въ эпоху процесса онъ указывалъ лишь на хаосъ въ революціонной средѣ, кружки которой не сходились даже въ программахъ («Моск. Вѣд.» 1877 г., № 305).

Совершился переходъ отъ слова къ дѣлу. Вѣра Засуличъ взяла на себя починъ. 24 января 1878 года произвела она выстрѣлъ въ Трепова. Мы не будемъ напоминать обстоятельствъ произошедшаго вслѣдъ затѣмъ — 31 марта 1878 года процесса, къ которому Катковъ такъ часто возвращался впослѣдствіи. Оправданіе Вѣры Засуличъ было покрыто рукоплесканіями присутствовавшей публики. Эти рукоплесканія часто встрѣчаются въ послѣдующихъ статьяхъ Каткова; онъ считалъ небезучастными въ нихъ присутствовавшихъ на процессѣ лицъ административнаго персонала.

Напримѣръ, въ № 199 своей газеты онъ писалъ: «не вся-ли петербургская печать, вторя настроенію чиновной интеллигенціи, вопіяла въ вакхическомъ неистовствѣ о новой эрѣ, наступившей для Россіи». Это писалъ Катковъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; въ корреспонденціи же, помѣщенной вслѣдъ за окончаніемъ процесса въ № 89 «Московскихъ Вѣдомостей», писалось, напротивъ того, слѣдущее:

«Что касается до «сливокъ» и «сановниковъ въ звѣздахъ», то мнѣ положительно извѣстно, что почти всѣ эти сановники вышли изъ суда до приговора присяжныхъ и съ впечатлѣніями далеко «несочувственными» къ тому, что имъ пришлось тамъ видѣть. «Крики восторга» и «оглушительныя рукоплесканія» неслись единственно изъ находившихся въ залѣ суда «знаменитостей адвокатуры и жур-

нальныхъ извѣстностей», и съ верхней галлереи, наполненной всякими горячими радикалками, которыя съ милою фамильярностью и «упрощенностью отношеній», составляющею издавна ихъ спеціальность, ревѣли во всю глотку по адресу подсудимой и ея защитника: «браво, Вѣрочка, молодецъ, Александровъ».

Органы либеральной печати, напротивъ, настаивали на участіи въ рукоплесканіяхъ сливокъ и звѣздъ чиновнаго міра. Нашелся, между прочимъ, борзописецъ, который дописался до слѣдующихъ строкъ: «Но вотъ раздались оглушительные крики восторга, радости, ура, рукоплесканія... мнѣ казалось, что я самъ оправданъ, что внезапно очутился въ объятіяхъ давно желанныхъ, любимыхъ друзей, что все теперь пойдетъ хорошо, послѣ ряда неудачъ и горя...»

Послѣ оправданія Вѣры Засуличъ произошла еще нелѣпѣйшая демонстрація на улицѣ. Оправданную подсудимую то сажали въ карету, то опять высаживали; какой-то Сидорацкій сначала стрѣлялъ въ жандарма, потомъ въ публику, наконецъ, въ самого себя. Въ заключеніе всего, Вѣра Засуличъ исчезла.

Катковъ былъ страшно возмущенъ процессомъ, онъ даже не печаталъ въ газетѣ преній сторонъ по дѣлу. Но пока онъ ограничился въ выраженіи своего настроенія немногими словами. «Гражданское общество не можетъ держаться, коль скоро судъ, основанный на законѣ и служащій ему органомъ, будетъ оправдывать преступленіе и возводить его въ апоѳеозу» («Моск. Вѣд.» 1878 г., № 85). Болѣе подробный протестъ противъ процесса былъ написанъ Любимовымъ («Моск. Вѣд.» 1878 г., № 88). Катковъ не преминулъ, впрочемъ, восполнить свое молчаніе несочувственными отзывами о процессѣ иностранной прессы («Моск. Вѣд.» 1878 г., № 95).

Дѣло Вѣры Засуличъ имѣло мѣсто во время хода весьма тягостныхъ для Россіи переговоровъ съ европейскими державами относительно сан-стефанскаго трактата. Катковъ съ горечью сравнивалъ общее патріотическое увлеченіе во

время польскаго возстанія 1863 года съ теперешнимъ положеніемъ. Каткова въ особенности мутило сочувствіе къ апоѳеозѣ Засуличъ интеллигенціи.

«Время-ли теперь чинить подобныя демонстраціи, когда народъ нашъ только-что вышелъ изъ тяжкой борьбы и готовится, быть можетъ, къ новой, которая должна рѣшить судьбы его?» («Моск. Вѣд.» 1878 г., № 88).

Дѣйствительно, европейская печать стала эксплуатировать это дѣло противъ дипломатическихъ интересовъ Россіи. «Стоимъ ли въ уже развалившемся государствѣ или передъ его паденіемъ?» —спрашивала, напримѣръ, по этому поводу кёльнская газета.

Съ процесса Вѣры Засуличъ пошелъ окончательный разладъ Каткова съ либеральной интеллигенціей. Вотъ что говорилъ онъ подъ впечатлѣніемъ процесса.

«Основы нашего народнаго быта непоколебимы и здравы, точно такъ же какъ силы нашего народа неистощимы и могущественны. Но есть какая-то искусственно вносимая въ нашъ организмъ немощь, есть какое-то постороннее зло, которое ко всему у насъ примѣшивается, парализуя силы и порождая явленія болѣзненныя. Есть очевидно какое-то роковое несогласіе между нашей интеллигенціей и дѣйствительностью. Гдѣ въ нашей народной жизни выступаютъ ея живыя силы, тамъ творятся чудеса, тамъ чувствуется благодать Божія. Но какъ только заговоритъ и начнетъ дѣйствовать наша интеллигенція, мы падаемъ... («Моск. Вѣд.» 1878 г., № 95).

Относительно суда промелькнуло, впрочемъ, еще разъ доброе слово у Каткова. Послѣ кассаціи приговора о Вѣрѣ Засуличъ, Катковъ помѣстилъ примирительную статью въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Говоря о заключеніи товарища оберъ-прокурора Шрейбера по дѣлу Засуличъ, «Московскія Вѣдомости» замѣчали:

«Помимо техническихъ достоинствъ этой чисто-юридической работы, рѣчь г. Шрейбера имѣетъ и общественное значеніе; она должна въ значительной мѣрѣ смягчать тѣ толки о недостаткахъ нашего уголовнаго процесса, кои естественнымъ образомъ порождены были въ мыслящихъ сферахъ нашего общества всѣмъ ходомъ процедуры по этому дѣлу въ окружномъ судѣ и его развязкою».

Съ сочувствіемъ привели «Московскія Вѣдомости» слова

Шрейбера, согласно которымъ уставъ уголовнаго судопроизводства 20 ноября 1864 года

«представляетъ стройное, гармоническое цѣлое, отдѣльныя части коего находятся между собою въ живой неразрывной связи, такъ-что неправильное исполненіе одной изъ отдѣльныхъ его частей, нарушая гармонію цѣлаго, нерѣдко имѣетъ своимъ послѣдствіемъ невозможность исполненія другихъ, содержащихся въ немъ, постановленій» («Моск. Вѣд.» 1878 г., № 132).

Но когда политическій терроризмъ сталъ сильнѣе развиваться, когда совершено было убійство Мезенцева, такое отношеніе къ суду вытѣснилось у Каткова соображеніемъ о вредномъ политическомъ вліяніи процесса Засуличъ. Убійцы скрылись, но что было бы, еслибы они были пойманы? поставилъ онъ вопросъ по поводу скрывшихся убійцъ Мезенцева.

«На какое дѣло не рѣшится иной фанатикъ—прибавляетъ онъ, чтобы извѣдать сладость подобной минуты торжества и побѣды — побѣды надъ общественною совѣстью, надъ здравымъ смысломъ, надъ правосудіемъ, надъ властью?... Скандалъ, обнаружившій истинное зло, которымъ мы страдаемъ, сталъ дѣйствительно эрой, онъ сотворилъ нѣчто изъ ничего и это нѣчто идетъ въ гору».

Онъ дошелъ до того, что объявлялъ, что даже Гёдель въ Германіи, совершившій тѣмъ временемъ покушеніе противъ императора Вильгельма, былъ вдохновленъ петербургской апоѳеозой политическаго убійства («Моск. Вѣд.» 1878 г., № 199). Отнынѣ суду нѣтъ пощады у Каткова, всякая ошибка подчеркивается, все ставится въ строку. Послѣдующія злодѣянія соціалистовъ окончательно укрѣпили его въ этомъ отношеніи.

Нѣсколько дней послѣ злосчастнаго дѣла Вѣры Засуличъ произошла въ Москвѣ демонстрація инаго рода: избіеніе 3-го апрѣля 1878 года торговцами Охотнаго ряда группы молодежи, провожавшей кареты съ административно-ссыльными. Были еще живы воспоминанія недавней войны. Народъ пододвинулся къ каретамъ, думая, что везутъ раненныхъ. Когда же получился отвѣтъ, что это везутъ въ ссылку «пострадавшихъ за правду», преслѣдуемыхъ

правительствомъ, то толпа съ криками: «бей измѣнниковъ русскаго Царя!» набросилась на молодежь и произвела надъ нею кулачную расправу. Студентовъ университета почти не оказалось въ числѣ провожавшей молодежи, но были воспитанники Коммисаровской школы, Техническаго училища и Петровской академіи.

Катковъ призналъ въ этой демонстраціи выраженіе здравыхъ чувствъ народной массы («Моск. Вѣд.» 1878 г., № 88). На это посыпались весьма рѣзкіе отвѣты. Одна изъ московскихъ газетъ отвѣтила заявленіемъ, что Катковъ подзадориваетъ «дикаго звѣря» на учащуюся молодежь; «Голосъ» и «Биржевыя Вѣдомости» также не похвалили Каткова. Въ международномъ телеграфномъ агентствѣ появилась телеграмма, извѣщавшая, что петербургская печать и общество сильно раздражены противъ виновниковъ побоищъ и ихъ защитника Каткова, извратившаго этотъ гнусный фактъ. Этого мало: появилось обвиненіе, что агенты Каткова подбили молодежь сдѣлать нелѣпый скандалъ, чтобы предать ее кулакамъ мясниковъ («Моск. Вѣд.» 1878 г., №№ 92 и 95). Между Катковымъ и органами либеральной прессы наростало все болѣе и болѣе сильное озлобленіе.

Еще одинъ случай народной расправы произошелъ въ 1878 году, не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ, на этотъ разъ уже впрочемъ и безъ всякой политической окраски. Въ Духовъ день 6-го іюня, какой-то проходимецъ, заподозрѣнный въ кражѣ изъ Апраксина рынка и задержанный дворниками-татарами, пустилъ въ праздничную толпу крикъ: православные, татаре бьютъ! Произошло побоище съ поврежденіемъ имущества въ дворницкой. «Голосъ» провозгласилъ, что это урокъ, данный въ Петербургѣ «Московскимъ Вѣдомостямъ», по поводу прославленія ими уличной драки («Моск. Вѣд.» 1878 г., № 146).

Эти случаи кулачной расправы оказались на руку соціалистамъ для терроризаціи общества. Въ связи съ по-

слѣдующими катастрофами стали ходить слухи, что народныя страсти могутъ при возбужденіи обратиться вообще противъ всѣхъ богатыхъ и прилично одѣтыхъ, на которыхъ можно науськать народъ подъ видомъ, что они враги Царя и предатели Россіи. Это опасеніе высказалъ, между прочимъ, и Катковъ послѣ покушенія Соловьева, когда случился въ Ростовѣ на Дону безпорядокъ именно въ самый день 2 апрѣля («Моск. Вѣд.» 1879 г., № 87).

1878 годъ отмѣченъ былъ эпидеміею цареубійства чуть-ли не по всей Европѣ. Два покушенія были совершены противъ императора германскаго, одно противъ короля итальянскаго и еще одно противъ испанскаго. Желѣзный канцлеръ принялся за мѣры строгости противъ соціалистовъ. Въ рейхстагъ былъ внесенъ проектъ закона по этому предмету; когда рейхстагъ его отвергнулъ, онъ былъ въ іюнѣ мѣсяцѣ распущенъ и на усмотрѣніе вновь избраннаго рейхстага былъ предложенъ еще болѣе строгій законопроектъ. Бисмаркъ самъ защищалъ его и для проведенія закона протянулъ въ послѣдній разъ руку потерпѣвшимъ неудачу на выборахъ націоналъ-либераламъ. Германское правительство, несмотря на существованіе парламентскаго режима, отвергло посредствомъ новаго закона существованіе соціально-демократической партіи,—именно то, чего добивались и добиваются наши соціалисты («Моск. Вѣд.» 1878 г., №№ 110, 130, 141, 224, 227, 231, 244, 249, 253, 260, 264).

Непродолжительно было сближеніе князя Бисмарка съ его теперешними парламентскими противниками. Онъ ожидалъ только перемѣны отношеній къ клерикальному центру, чтобы окончательно порвать съ ними. Онъ сдѣлалъ это во время преній въ іюлѣ 1879 года, по поводу таможеннаго закона, и произнесъ при этомъ не смутившись свою знаменитую фразу:

«Не думаете-ли вы, воскликнулъ онъ иронически передъ рейхстагомъ, что я поступалъ изъ любви къ конституціонной системѣ?

Отнюдь нѣтъ, господа. Правда, я не противникъ, но будь я убѣжденъ, что диктатура, абсолютизмъ вѣрнѣе утвердили-бы германское единство, я безъ колебанія сталъ-бы на сторону абсолютизма».

Борьба съ националъ-либералами была перенесена Бисмаркомъ изъ имперскаго сейма, гдѣ онъ ее выигралъ, въ прусскій ландтагъ. Послѣдній былъ распущенъ въ августѣ 1879 года. Результатомъ новыхъ выборовъ оказался парламентъ, вполнѣ солидарный съ правительствомъ. Антагонизмъ правительства съ либеральной партіей перешелъ, какъ-бы по почину Бисмарка, на время и въ австрійскій рейхсратъ, гдѣ соотвѣтствующая ей партія нѣмецкихъ централистовъ потерпѣла въ 1879 году значительное ослабленіе («Моск. Вѣд.» 1879 г., №№ 170, 176, 230, 293, 303 и 190).

Вліяніе князя Бисмарка не могло не оказать вліянія на укрѣпленіе Каткова въ его новой политической программѣ. Пренебреженіе Бисмарка ко всему идейному и теоретическому въ сферѣ политики, его уваженіе къ власти, усиленіе которой онъ признавалъ необходимымъ въ виду соціальной смуты, наконецъ, его вражда къ либерализму—все это, какъ нельзя болѣе, отвѣчало настроенію, въ которомъ находился въ то время Катковъ. Нападки Каткова противъ либеральной интеллигенціи во многомъ совпадали съ заявленіями, которыя, начиная съ 1879 года, Бисмаркъ сталъ систематически высказывать своимъ бывшимъ союзникамъ. Въ рѣчи 9 іюля 1879 года Бисмаркъ говорилъ, напримѣръ, при громкихъ одобреніяхъ правой стороны и центра, что всякія треволненія въ имперіи и всякія затрудненія для благоуспѣшнаго, мирнаго теченія дѣлъ исходятъ отъ партіи прогрессистовъ и отъ тѣхъ, которые симпатизируютъ ей въ другихъ партіяхъ. Не разъ Бисмаркъ сопоставлялъ либерализмъ съ соціализмомъ и признавалъ даже послѣдній болѣе опаснымъ для государственнаго благополучія, такъ какъ соціализмъ не скрываетъ отвратительныхъ чертъ своей внѣшности, внушающей ужасъ

и негодованіе, тогда какъ либерализмъ принимаетъ мягкую, вкрадчивую личину.

Не подлежитъ также сомнѣнію, что въ значительной степени апоѳеозъ мѣръ строгости со стороны Каткова вызванъ былъ и глубоко запавшимъ ему въ голову примѣромъ успѣшнаго ихъ примѣненія въ Царствѣ Польскомъ для подавленія мятежа въ 1863 и 1864 годахъ. Онъ такъ сжился съ постоянною борьбою противъ полонизма, что не только отождествлялъ его съ внутренней крамолой по характеру зла, но даже и по источнику. Нѣтъ, нѣтъ, да по временамъ и вспоминалъ онъ о программѣ Мѣрославскаго, о которой намъ приходилось уже упоминать выше.

Не высказываясь ясно, Катковъ продолжалъ иногда намекать, что онъ до сихъ поръ признаетъ корень русскаго революціонизма въ польской интригѣ, въ которой онъ видѣлъ квинтэссенцію всякаго зла, преслѣдующаго Россію. Послѣ взрыва, послѣдовавшаго подъ Москвой на Курской желѣзной дорогѣ 19-го ноября 1879 года, онъ говоритъ, напримѣръ: «прежде врагъ старался привлечь русскихъ измѣнниковъ въ свой лагерь; теперь онъ поступаетъ искуснѣе, онъ самъ тайно прокрался въ нашъ лагерь»... (Моск. Вѣд.» 1879 г., № 300). Когда по дѣлу Соловьева обнаружено было участіе въ революціонныхъ замыслахъ Веймара, человѣка состоятельнаго и образованнаго, онъ выражаетъ надежду, что, наконецъ, нити заговора будутъ найдены... Этотъ принадлежитъ, конечно, не къ уловляемымъ, а къ уловлявшимъ, восклицаетъ онъ («Моск. Вѣд.» 1879 г., № 185).

Преступныя дѣйствія соціалистовъ стали съ 1878 года идти crescendo. Лѣто 1878 года прошло, какъ говоритъ Катковъ, въ разыгрываніи всевозможныхъ революціонныхъ сценъ: уличные безпорядки въ Одессѣ при окончаніи слушанія дѣла о вооруженномъ сопротивленіи, оказанномъ въ январѣ этого-же года обнаруженною тамъ шайкою соціалистовъ, убійство въ Кіевѣ жандармскаго офицера фонъ-

Гекерна, выстрѣлъ, сдѣланный тамъ-же противъ товарища прокурора Котляревскаго, наконецъ, убійство шефа жандармовъ Мезенцова 5 августа 1878 года среди бѣлаго дня на улицѣ въ Петербургѣ.

Эти прискорбныя событія сопровождались безпорядками среди университетской молодежи, которую агитаторы старались возстановлять противъ правительства. Въ началѣ ноября мѣсяца происходили безпорядки въ харьковскомъ университетѣ и ветеринарномъ институтѣ, въ концѣ ноября въ петербургскомъ университетѣ и медико-хирургической академіи; были попытки произвести волненія и въ московскомъ университетѣ. Этимъ достигалась для революціонеровъ двоякая цѣль: они сѣяли смуту въ средѣ студентовъ и потомъ изъ подвергнутыхъ административной карѣ вербовали свои кадры.

Въ средѣ крестьянъ пущены были слухи о передѣлѣ земель, которые министерство внутреннихъ дѣлъ признало нужнымъ опровергнуть оффиціальнымъ заявленіемъ 16 іюня 1879 года. Революціонеры не забыли ни одного средства для возбужденія противуправительственныхъ стремленій въ различныхъ слояхъ народа. Послѣднимъ средствомъ, къ которому они прибѣгли, было провозглашеніе конституціонной программы, послѣдовавшее въ 1880 году.

Начался 1879 годъ, оказавшійся особенно несчастливымъ для Россіи. Появилась ветлянская чума, въ южныхъ степяхъ свирѣпствовалъ хлѣбный жучокъ; въ сосѣдней намъ Германіи Бисмаркъ началъ свою покровительственную таможенную политику, поставившую въ концѣ-концовъ въ весьма критическое положеніе русское сельское хозяйство; въ Болгаріи поставленъ былъ во главу правительства князь Александръ Баттенбергскій, создавшій такія крупныя затрудненія русской политикѣ въ освобожденной нами странѣ; даже затѣянная въ этомъ году въ видѣ реванша противъ Англіи ахалъ-текинская экспедиція кончилась неудачей. Но самымъ главнымъ зломъ былъ

все-таки рядъ покушеній на цареубійство, которое на происшедшемъ въ этомъ году съѣздѣ въ Липецкѣ было признано значительною частью революціонеровъ, какъ наиболѣе подходящее средство борьбы съ правительствомъ. Начался безконечный рядъ политическихъ процессовъ, которые едва успѣвали быть печатаемы въ газетахъ. Общество находилось подъ давленіемъ какого-то кошмара; оно не знало, что думать про организацію и средства крамолы, проявившей безумную, неслыханную энергію.

Послѣ убійства харьковскаго губернатора князя Крапоткина и неудавшагося покушенія противъ шефа жандармовъ Дрентельна, было 1-го апрѣля 1879 года совершено Соловьевымъ третье по счёту покушеніе противъ покойнаго Царя.

«Еще-ли, восклицалъ Катковъ въ негодованіи, государственный мечъ будетъ коснѣть въ своихъ ножнахъ? Еще-ли не пора явить святую силу власти во всей грозѣ ея величія? Ея проявленій на страхъ врагамъ ждетъ, не дождется негодующій народъ, безпрерывно оскорбляемый въ своей святынѣ... Пора и всѣмъ нашимъ умникамъ прекратить праздномысліе и празднословіе, выкинуть дурь изъ головы и возвратиться къ честному здравому смыслу. Пора нашему обществу и всѣмъ, стоящимъ во главѣ его, найти заглохшій путь къ народной святынѣ, внѣ которой нѣтъ для насъ спасенія... Пора намъ обновить въ себѣ духъ нашей исторіи, перестать быть иностранцами и стать поистинѣ дѣтьми своей страны, живою частью своего народа» («Моск. Вѣд.» 1879 г., № 82).

Катковъ сталъ требовать мѣръ строгости.

«Вся сила зла, говорилъ онъ въ другой статьѣ, заключается въ преступной организаціи, которая страшною дисциплиной тяготѣетъ надъ людьми, попавшими въ ея сѣти... Страхъ побѣждается страхомъ. Пагубный страхъ предъ темными силами можетъ быть побѣжденъ только спасительнымъ страхомъ предъ законною властью» («Моск. Вѣд.» 1879 г., № 83).

Катковъ напомнилъ про быстрое усмиреніе польскаго мятежа энергическими мѣрами, про благодѣтельное дѣйствіе муравьевской системы въ Западномъ краѣ («Моск. Вѣд.» 1879 г., № 85). Но тотъ-же Муравьевъ, какъ должно

было быть памятнымъ Каткову, оказался безсильнымъ противъ крамолы въ пору каракозовскаго покушенія; не подлежитъ сомнѣнію, что мѣры, дѣйствительныя противъ открытаго мятежа, не вполнѣ годны противъ скрытой агитаціи, вооружившейся теоріей политическаго убійства. Катковъ старался объяснить тогдашній неуспѣхъ Муравьева вредными противъ него вліяніями петербургскихъ властей («Моск. Вѣд.» 1879 г., № 85). Онъ ссылался на примѣръ Германіи, разбившей посредствомъ закона о соціалистахъ организацію этой партіи. Главное въ дѣятельности правительства, говорилъ онъ,— это единство плана и неуклонная послѣдовательность дѣйствій. Что принесли Германіи ея шаблонные парламенты? Конечно, не это, а развѣ только однѣ пустыя агитаціи. Вѣдь парламенты эти существуютъ тамъ лишь для того, чтобы князь Бисмаркъ могъ гимнастически шагать черезъ нихъ, утверждалъ Катковъ («Моск. Вѣд.» 1879 г., № 86).

Послѣдовавшее 5-го апрѣля 1879 года учрежденіе временныхъ генералъ-губернаторовъ Катковъ привѣтствовалъ съ полнѣйшимъ сочувствіемъ. Но мѣрамъ строгости революціонеры противопоставили еще бо̀льшую энергію. На пути осенняго путешествія Государя въ Крымъ были задуманы три посягательства противъ его жизни.

По поводу многочисленныхъ процессовъ, разбиравшихся въ 1879 году, Катковъ сталъ указывать на чрезвычайныя неудобства ихъ гласности. Судъ дѣйствуетъ по формальной рутинѣ, вызываетъ для изслѣдованія вещественныхъ доказательствъ экспертовъ, которые часто поучаютъ оставшихся на свободѣ соціалистовъ причинамъ, почему не удались предшествовавшія покушенія («Моск. Вѣд.» 1879 г., № 182). Онъ доходилъ до того, что указывалъ, какъ непріятно дѣйствуетъ на общество происходящее гласно предупрежденіе предсѣдателемъ суда подсудимыхъ, что они могутъ не давать показаній, когда отъ этихъ показаній могутъ зависѣть дальнѣйшія обнаруженія («Моск. Вѣд.»

1879 г., № 203). Нельзя, однако, не замѣтить, что соціалисты едва-ли могли быть настолько простодушны, чтобы отъ способа постановки вопросовъ или предостереженій зависѣла степень ихъ откровенности.

По поводу исполненія приговора надъ Соловьевымъ Катковъ сталъ также требовать отмѣны публичности смертной казни. Онъ совершенно основательно говорилъ: нужна-ли въ самомъ дѣлѣ торжественная обстановка, ничего не прибавляющая къ карѣ, а, напротивъ, соединяющая ее съ какимъ-то почетнымъ отличіемъ, которое можетъ только льстить преступнику и льстить въ самомъ дурномъ смыслѣ? Устрашать-же можетъ самый фактъ казни, а не торжественность ея обстановки («Моск. Вѣд.» 1879 г., № 135).

Поводы къ столкновеніямъ Каткова съ его литературными противниками не оскудѣвали. На сторонѣ консервативнаго лагеря появились въ 1879 и 1880 годахъ два добровольца, принявшихся за обличеніе нигилистическаго революціонизма. Это были профессоръ новороссійскаго университета Цитовичъ и литераторъ Дьяковъ, когда-то увлекавшійся соціализмомъ, эмигрировавшій заграницу и потомъ вернувшійся въ Россію.

Катковъ принялъ подъ свое покровительство обоихъ.

Изъ нихъ Цитовичъ вызвалъ большое ожесточеніе въ печати своимъ появившимся въ 1879 году отвѣтомъ на помѣщенныя въ «Отечественныхъ Запискахъ»—«письма къ ученымъ людямъ». Катковъ за него ополчился («Моск. Вѣд.» 1878 г., № 289). Цитовичъ предпринялъ вслѣдъ за тѣмъ изданіе цѣлаго ряда брошюръ, въ которыхъ онъ старался осмѣивать производившуюся въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ печати проповѣдь отрицательныхъ мыслей,—но усердія въ немъ было больше, чѣмъ спокойствія и таланта,—статьи эти, изобилующія рѣзкими и даже ругательными выраженіями, появлялись втунѣ. Молодежь ихъ не читала. Подъ впечатлѣніемъ этихъ брошюръ Катковъ, между прочимъ, съ своей стороны тряхнулъ стариной и

самъ написалъ статью о романѣ Чернышевскаго: Что дѣлать? («Моск. Вѣд.» 1879 г., № 153).

Литератора Дьякова пришлось избавлять отъ болѣе серьёзныхъ непріятностей. Дьяковъ въ отдаленные годы сочувствія къ соціализму провинился для цѣлей своего ученія въ подлогѣ метрическаго свидѣтельства и проживательствѣ по паспорту дворянина Булгакова. Въ преступленіяхъ этихъ не было, понятно, ничего позорящаго. Дьяковъ потомъ заграницей отрѣшился отъ прежнихъ заблужденій и сталъ сотрудникомъ «Русскаго Вѣстника», гдѣ онъ помѣстилъ рядъ обличительныхъ очерковъ противъ соціализма подъ названіемъ: «Кружковщина». Когда-же онъ вернулся въ Россію, противъ него было начато преслѣдованіе по старымъ счётамъ, которые, очевидно, могла снять съ него не судебная, а только Верховная власть. Но Каткову казалось, что Дьякова преслѣдуютъ какъ-бы за то, что онъ ушелъ изъ рядовъ соціалистовъ и принадлежитъ къ сотрудникамъ руководимаго имъ журнала («Моск. Вѣд.» 1879 г., № 245; 1880 г., №№ 80, 87 и 93).

Соціалисты быстро подвигали впередъ свои нападенія. Напомнимъ по этому поводу о требованіи, формулированномъ въ § 14 революціоннаго катехизиса Нечаева. Параграфъ этотъ гласилъ: «съ цѣлью безпощаднаго разрушенія революціонеръ можетъ и даже часто долженъ жить въ обществѣ, притворяясь совсѣмъ не тѣмъ, что онъ есть; революціонеръ долженъ проникнуть всюду, во всѣ низкія и среднія сословія, въ купеческую лавку, въ барскій домъ, въ міръ бюрократическій, военный; въ литературу, въ III Отдѣленіе и даже въ Зимній дворецъ». Дѣйствительно, соціалисты проникали повсюду: одинъ изъ обвиняемыхъ въ пособничествѣ къ цареубійству Клѣточниковъ служилъ въ замѣнившемъ III Отдѣленіе департаментѣ полиціи; Халтуринъ проникъ въ подвалы Зимняго двора, чтобы подложить взорвавшуюся 5-го февраля 1880 года мину.

Катковъ требовалъ по поводу этого событія учрежде-

нія диктаторской власти; теперь существующія власти дремлютъ, говоритъ онъ, развивая эту мысль примѣромъ бѣгства изъ рукъ полиціи Юрковскаго, извѣстнаго подъ именемъ Сашки-инженера («Моск. Вѣд.» 1880 г., №№ 38 и 40). Пора намъ проснуться, пора развязать себѣ руки и перестать стыдиться и чего-то конфузиться въ пользованіи властью, когда дѣло идетъ о спасеніи и пользѣ государства. Все для всѣхъ связано съ безопасностью государства. Все колеблется, когда оно колеблется. Все человѣческое, всякое общежитіе, всякая цивилизація, всякая свобода возможны лишь въ оградѣ твердаго государства, заявлялъ онъ («Моск. Вѣд.» 1880 г., № 44).

Графъ Лорисъ-Меликовъ былъ назначенъ 12-го февраля главнымъ начальникомъ особой верховной распорядительной комиссіи съ обширнѣйшими полномочіями. Катковъ привѣтствовалъ это назначеніе съ сочувствіемъ. Онъ не сомнѣвался въ успѣхѣ дѣла, поскольку успѣхъ можетъ зависѣть отъ личныхъ качествъ графа Лорисъ-Меликова. «Но встрѣтитъ ли онъ вполнѣ искреннее содѣйствіе со стороны всѣхъ высокихъ властей, которыми онъ будетъ окруженъ въ Петербургѣ? Не возбудятся ли соперничества, не заговорятъ ли то тамъ, то тутъ самолюбіе и капризы? Не возникнетъ ли съ разныхъ сторонъ противодѣйствіе, если не явное, то глухое, которое бываетъ хуже явнаго?» («Моск. Вѣд.» 1880 г., № 45). Онъ встрѣтилъ добрымъ словомъ извѣстное обращеніе графа Лорисъ-Меликова къ русскому народу. Въ обращеніи этомъ не было въ сущности выражено никакой политической программы. Говорилось, что будутъ успокоены и ограждены законные интересы благомыслящей части населенія. Поэтому, въ сочувственномъ словѣ о немъ сошлись органы печати противоположныхъ направленій. «Голосъ», съ своей стороны заявилъ, что это политическая программа; впрочемъ, онъ утверждалъ, что самое назначеніе Лорисъ-Меликова есть уже программа. Онъ охарактеризовалъ созданное указомъ

12-го февраля положеніе словами: «если оно диктатура, то диктатура сердца и мысли».

Катковъ выражалъ недолго полное сочувствіе къ программѣ начальника распорядительной комиссіи. Ликованіе органовъ противоположнаго лагеря вызвало съ его стороны оговорку, что призывъ къ содѣйствію общества уже часто повторялся. Но нельзя желать всякаго содѣйствія, нельзя желать всякаго пособничества. Отъ иныхъ пособниковъ да сохранитъ насъ Богъ!—замѣчаетъ онъ. Очевидно, правительство будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ будетъ рѣшительнѣе и зорче въ выборѣ пособниковъ, чѣмъ менѣе неблагонадежные или нездоровые элементы въ обществѣ будутъ имѣть вѣсъ въ его совѣтахъ. Такъ-какъ Катковъ считалъ уже въ то время либеральную интеллигенцію элементомъ, сходнымъ съ чумною заразой, отъ которой теперешній диктаторъ оздоровлялъ недавно югъ Россіи, то онъ заранѣе высказалъ неодобреніе всякому сближенію съ ея желаніями и идеалами. Подальше отъ малодушныхъ и неразумныхъ, людей, надменныхъ мнимымъ знаніемъ, фантазёровъ и пустослововъ,—заявлялъ онъ. Боже избави отъ желанія всѣмъ угодить. Всегда, и въ особенности въ переходныя эпохи, правительство должно имѣть характеръ. Оно будетъ тѣмъ популярнѣе, т. е. любимѣе народомъ, чѣмъ менѣе будетъ гоняться за популярностью. Рѣшительность и характеръ дѣйствуютъ обаятельно («Моск. Вѣд.» 1880 г. № 47).

Впослѣдствіи, когда сущность примирительнаго направленія Лорисъ-Меликова выяснилась, Катковъ такъ описывалъ его характеръ. Онъ подѣлилъ русское общество на людей старыхъ и новыхъ порядковъ и заявлялъ, что первые, въ моментъ вступленія Лорисъ-Меликова въ управленіе, были деморализованы и сбиты съ толку; начальникъ распорядительной комиссіи возъимѣлъ мысль обратиться прямо къ людямъ новыхъ порядковъ вообще, державшимся въ сторонѣ и какъ бы въ оппозиціи и занимавшимся

критикой; онъ пригласилъ ихъ принять участіе въ борьбѣ со зломъ и сдѣлалъ имъ шагъ на встрѣчу. «Исторіи,— замѣчалъ сентенціозно Катковъ, — предстоитъ доказать, что при данныхъ обстоятельствахъ, быть можетъ, ничего инаго не оставалось сдѣлать. Пусть же новые люди войдутъ въ государственное дѣло и примутъ на себя долю отвѣтственности въ немъ; пусть они обновятъ собою старые порядки. Мы первые порадовались бы,— заключаетъ онъ, — еслибы опытъ удался» («Моск. Вѣд.» 1880 г., № 212).

Тѣмъ временемъ, однако, полемика Каткова съ либеральной интеллигенціей продолжалась. Кавелинъ завелъ рѣчь о прежней англоманіи Каткова. Было указано, что Катковъ предлагалъ Россіи въ образецъ для государственнаго устройства англійскія учрежденія, но Катковъ отвѣтилъ, что его тогдашніе взгляды были не такъ поняты. Англія интересовала его историческимъ духомъ своихъ учрежденій, въ которыхъ все выросло естественнымъ путемъ и нѣтъ ничего по шаблону сдѣланнаго («Моск. Вѣд.» 1880 г., № 66). Дѣйствительно, Катковъ нигдѣ прямо за конституцію не высказывался, но онъ упоминалъ въ 1862 году о значеніи центральнаго представительства, какъ было указано въ воспоминаніяхъ Любимова. Въ слѣдующемъ году онъ рекомендовалъ примѣненіе того вида народнаго представительства, который основанъ не на договорномъ началѣ, а на единеніи царя съ народомъ [1]).

Нападенія либеральныхъ органовъ сосредоточились противъ излюбленнаго дѣтища Каткова — классической гимназіи, въ которой онъ видѣлъ коренное средство для предотвращенія молодежи отъ зловредныхъ увлеченій. Между тѣмъ, какъ нарочно, вслѣдъ за водвореніемъ классическаго преподованія произошелъ переходъ русскаго революціонизма отъ слова къ дѣйствію. Это дало почву для

---

[1]) См. главу II, стр. 159 и 160.

обвиненія, что причина зла кроется именно въ классической гимназіи. Въ общемъ хорѣ недоброжелательныхъ отзывовъ о классицизмѣ громче другихъ раздавались статьи «Вѣстника Европы» и «Голоса», гдѣ писалъ по этому предмету профессоръ Модестовъ.

Катковъ съ большою ожесточенностью отвергалъ нареканія противъ классицизма, начавшіяся оффиціозною «Agence Génerale Russe» послѣ покушенія Соловьева, который былъ питомцемъ третьей петербургской гимназіи. Катковъ, какъ мы уже упоминали, счелъ нужнымъ, въ поученіе публикѣ и на страхъ врагамъ, сдѣлать извлеченіе изъ своихъ статей по учебной реформѣ въ іюньской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1879 годъ. Въ «Московскихъ-же Вѣдомостяхъ» онъ отстрѣливался легкими снарядами («Моск. Вѣд.» 1879 г., №№ 136, 141 и 242). Напримѣръ, онъ вспоминалъ о словахъ Писарева въ 1865 году, что если взята будетъ школа, тогда побѣда можетъ считаться упроченной, тараканъ пойманъ; взять школу, значитъ упрочить господство своей идеи надъ обществомъ. «Нѣтъ,—отвѣчалъ на это Катковъ,—тараканъ не былъ пойманъ. Совершилась реформа нашей школы, самая существенная изъ всѣхъ реформъ нынѣшняго царствованія послѣ отмѣны крѣпостнаго права—и наука была спасена» («Моск. Вѣд.» 1880 г., № 36).

Полемика по вопросу о классической гимназіи въ особенности обострилась послѣ произошедшаго въ апрѣлѣ 1880 года увольненія министра народнаго просвѣщенія графа Толстаго. Указаніе одной изъ петербургскихъ газетъ, что бывшій министръ дѣйствовалъ будто-бы по совѣтамъ Каткова, вызвало со стороны послѣдняго опроверженіе, въ которомъ онъ объяснялъ, какъ осмотрительно и обдуманно дѣйствовалъ министръ, посвятившій предварительной разработкѣ вопроса о классическомъ преподаваніи около пяти лѣтъ со времени вступленія своего въ управленіе, такъ-какъ законодательное разрѣшеніе этого вопроса послѣдо-

вало только въ 1871—1872 годахъ («Моск. Вѣд.», 1880 г. № 125). Нельзя не признать въ статьяхъ прессы, вызванныхъ уходомъ графа Толстаго, отсутствія сдержанности и надлежащаго достоинства. Чего только не писалось объ ушедшемъ министрѣ?

Кто не помнитъ шума, поднятаго изъ-за подписки на премію при Академіи наукъ имени графа Толстаго, которая была возбуждена департаментомъ министерства народнаго просвѣщенія. Цитировалось письмо директора департамента Брадке къ попечителямъ учебныхъ округовъ, кричали о томъ, что подписка имѣетъ видъ оффиціальныхъ поборовъ. Обращаясь къ «Голосу» по этому поводу, Катковъ заявилъ, что эта газета изобрѣла новый способъ клеветы самообличительной, т. е. обличающей не того, противъ кого она направлена, а того, кѣмъ она пущена («Моск. Вѣд.» 1881 г., № 35).

Согласно заявленію графа Толстаго въ его прощальномъ словѣ чинамъ министерства народнаго просвѣщенія, классическую систему рѣшено было сохранить,—такъ-что и преемникъ его Сабуровъ вовсе не возбуждалъ вопроса о ея отмѣнѣ.

Тѣмъ временемъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1880 года произошло открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ. Въ рѣчи, произнесенной Катковымъ на обѣдѣ, устроенномъ московскимѣ городскимъ обществомъ съ приглашеніемъ всѣхъ прибывшихъ къ торжеству депутацій, онъ заявилъ присутствовавшимъ литераторамъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Кто бы мы ни были и откуда бы мы ни пришли и какъ бы мы ни разнились во всемъ прочемъ, но въ этотъ день, на этомъ торжествѣ мы всѣ, я надѣюсь, единомышленники и союзники. И кто знаетъ, быть можетъ, это минутное сближеніе послужитъ для многихъ залогомъ болѣе прочнаго сближенія въ будущемъ и поведетъ къ замиренію, по крайней мѣрѣ, къ смягченію вражды между враждующими. Буду еще смѣлѣе. На русской почвѣ люди, также искренно желающіе добра, какъ искренно сошлись мы всѣ на праздникъ Пушкина, могутъ сталкиваться и враждовать между собою въ общемъ дѣлѣ только по недоразумѣнію. Къ сожалѣнію, недоразумѣнія со-

ставляютъ силу очень серьёзную, которая не легко уступаетъ. Сила эта питается человѣческими слабостями, и изъ нихъ есть одна, которая въ особенности плодитъ недоразумѣнія и вноситъ отраву во взаимныя отношенія людей... Мы пріучаемся хорошее любить въ себѣ, а дурное не любить въ другихъ. Благодатный миръ водворилсябы на землѣ, еслибы люди пріучились, напротивъ, хорошее любить болѣе въ другихъ, а дурное ненавидѣть въ себѣ. Не будемъ предаваться мечтамъ и утопіямъ, будемъ только надѣяться, что сила свѣта возьметъ свое и что все шире, шире будетъ становиться область, въ которой люди разныхъ мнѣній могутъ сходиться мирно и даже дружно».

Рѣчь свою Катковъ кончилъ произнесеніемъ застольной пѣсни Пушкина, которая заключается словами: да здравствуетъ солнце, да скроется тьма.

Рѣчь эта была понята, какъ попытка къ примиренію, къ забвенію старыхъ распрей съ представителями другаго лагеря. «Голосъ» отозвался о ней въ слѣдующихъ словахъ: «Катковъ публично на обѣдѣ, въ присутствіи всѣхъ, у всѣхъ-же просилъ прощенія, молилъ о забвеніи, протянулъ руку, но никто не пожалъ этой руки!» Дѣйствительно, нельзя сказать, чтобы рѣчь была встрѣчена общимъ сочувствіемъ. Тургеневъ призналъ за благо отвернуться отъ протянутаго къ нему бокала... Жестокъ былъ этотъ поступокъ, жестоки были и дальнѣйшія слова «Голоса».

«Тяжелое впечатлѣніе производитъ человѣкъ, переживающій свою казнь и думающій затрапезною рѣчью искупить предательства двадцати лѣтъ» («Голосъ» 1880 г., № 158).

Во всякомъ случаѣ, на упомянутую рѣчь Каткова послѣдовали все-таки рукоплесканія, а затѣмъ Катковъ обнялся съ однимъ изъ достойнѣйшихъ публицистовъ— Аксаковымъ. Надо отдать справедливость, что большинство газетъ возстало противъ выходки «Голоса»; она была опровергнута потомъ въ самомъ «Голосѣ», но и второй разсказъ, помѣщенный въ этой газетѣ, старался изобразить происшедшее въ неблагопріятномъ для Каткова свѣтѣ.

Вообще, положеніе Каткова не было тогда особенно отраднымъ. Не безинтересно вспомнить, какъ поступило

съ нимъ по поводу того-же торжества Общество любителей русской словесности, съ г. Юрьевымъ во главѣ. Редакція «Московскихъ Вѣдомостей» получила отъ него 1-го іюня 1880 г. слѣдующее извѣщеніе: «Комиссія общества любителей русской словесности удержала одно мѣсто для депутата отъ «Русскаго Вѣстника. По ошибкѣ послано мною приглашеніе и въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей», приглашеніе, несогласное съ словеснымъ рѣшеніемъ комиссіи.» Катковъ отвѣтилъ на это возвращеніемъ за ненадобностью билета, присланнаго въ редакцію «Русскаго Вѣстника».

Катковъ писалъ, что въ дѣйствіяхъ либеральной интеллигенціи чуется что-то недоброе, что-то кусающее, духъ какой-то отместки жестокой, столько-же напрасной, сколько несобразительной. Онъ объявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ окончательную немилость суду и земскимъ учрежденіямъ.

Въ особенности дѣло Булюбаша (предсѣдателя кременчугской управы, обвиненнаго въ клеветѣ за доносъ о соціализмѣ) дало Каткову поводъ къ ряду злобныхъ выходокъ противъ суда. Онъ слѣдующимъ образомъ описывалъ происшедшій, по его мнѣнію, упадокъ судебной дѣятельности.

«Перестоявъ критическое время, новое судебное сословіе быстро стало возростать и усиливаться, чему много способствовало то, что ядромъ его были главнымъ образомъ питомцы привелигированнаго училища, вдвойнѣ солидарные между собою и какъ товарищи по воспитанію, и какъ дѣятели одного поприща. Мало-по-малу, эти новые люди, при громадныхъ правахъ своего учрежденія, поставленнаго подъ открытымъ небомъ, при солидарности своихъ членовъ сверху до низу, совсѣмъ одолѣли своихъ противниковъ и стали могуществомъ. Такъ называемая консервативная администрація, собиравшаяся ограничить эту новую политическую силу и поставить ее на мѣсто, сама подчинилась ей и способствовала ея возвеличенію и преобладанію. Появленіе этихъ новыхъ людей производило, съ точки зрѣнія старыхъ порядковъ, странное дѣйствіе. Въ два-три прыжка они достигали вершины той-же іерархической лѣстницы, чиновъ и отличій, по которой шагъ за шагомъ взбирались люди старыхъ порядковъ. Правительствующій Сенатъ, какъ высшее судебное учрежденіе, радикально измѣнился въ своемъ характерѣ и составѣ. Судебные дѣятели массами производились въ patres conscripti и ста-

новились сановниками имперіи. Но овладѣвъ полемъ, они, отчасти по самому характеру своего учрежденія, все-же находились какъ-бы въ оппозиціи къ правительству, которое, разумѣется, принадлежитъ къ старымъ порядкамъ. Пользуясь государственными отличіями, но не неся никакой отвѣтственности въ дѣлѣ государства, эти люди чувствовали себя только критиками въ вопросахъ политическихъ. Духъ антагонизма росъ съ ихъ усиленіемъ. Несостоятельность, неумѣлость и ошибки, которыхъ они были свидѣтелями, оправдывали ихъ въ собственной совѣсти. Критика начала выражаться практически въ ходѣ и исходѣ судебныхъ процессовъ, и судъ становился какъ-бы дѣломъ партіи. Когда судебные люди были слабы, мы были постоянно на ихъ сторонѣ; когда они стали сильны, намъ поневолѣ приходилось говорить не за нихъ, за что подвергались мы въ печати поруганію и выставлялись ненавистниками рода человѣческаго» («Моск. Вѣд.» 1880 г., № 212).

Вотъ что заявилъ онъ про земскія учрежденія:

«По своей идеѣ, земскія учрежденія должны были-бы стать организаціей мѣстнаго самоуправленія, обнимающею въ одной системѣ всѣ мѣстныя власти, какъ выборныя, такъ и назначенныя. Но они не имѣютъ ничего общаго ни съ какимъ управленіемъ, они не находятся ни въ какомъ отношеніи ни къ сельскимъ обществамъ, ни къ волостямъ, ни къ земской полиціи. Окруженныя со всѣхъ сторонъ полувластями, сами они лишены всякой власти. Они такъ составлены и такъ поставлены, что отнюдь не служатъ мѣстнымъ продолженіемъ общаго государственнаго управленія. Это какъ-бы частныя общества, хотя и организованныя государствомъ, но ему чуждыя и отъ него отдѣльныя. Служатъ они машиной для выборовъ, для обложенія, для ассигновокъ и призваны дѣятельно завѣдывать только исправленіемъ дорогъ и починкой мостовъ. Они какъбы намекъ на что-то, какъ-бы начало неизвѣстно чего-то, и походятъ на гримасу человѣка, который хочетъ чихнуть, но не можетъ. Въ томъ видѣ и смыслѣ, какъ они составлены и поставлены, они по необходимости обречены быть очагомъ недовольства и агитаціи» («Моск. Вѣд.» 1880 г., № 212).

Съ этихъ поръ Катковъ не иначе относится къ земскимъ и судебнымъ учрежденіямъ, какъ къ цитаделямъ, которыя находятся въ рукахъ враговъ. До поры, до времени, онъ еще сдерживался, но онъ уже сталъ разъ навсегда представителемъ той партіи стараго порядка, въ которой онъ когда-то видѣлъ темную силу и несчастіе Россіи.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1880 года графъ Лорисъ-Меликовъ

пожелалъ отказаться отъ своихъ чрезвычайныхъ полномочій и занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ, соединивъ съ этою должностью и званіе шефа жандармовъ. Катковъ сочувственно отнесся къ упраздненію III Отдѣленія.

«Оно имѣло смыслъ, писалъ онъ, когда всякое проявленіе мысли было на Руси подъ строжайшимъ запретомъ, когда не требовалось разбирать и различать мнѣнія, когда вся задача ограничивалась пресѣченіемъ всякаго умственнаго движенія... Принадлежа къ той системѣ, которая отрицала всякую свободу жизни и уже потеряла свою силу, учрежденіе это вносило собою только смуту и ложь въ жизнь при ея измѣнившихся условіяхъ. Ему было подозрительно и противно всякое движеніе національнаго духа, всякое независимое мнѣніе, всякая самостоятельная мысль; за то подъ его сѣнью привольно и успѣшно возникали и развивались всякія анти-патріотическія стремленія» («Моск. Вѣд.» 1880 г., № 222).

Потомъ Катковъ, нѣсколько смягчилъ это мнѣніе.

«Жандармское управленіе, говорилъ онъ, въ основаніи своемъ не было такимъ ехиднымъ учрежденіемъ, какимъ обыкновенно выставляютъ его. Если въ послѣднее время оно пришло въ упадокъ и утратило свой смыслъ, то первоначально оно было существеннымъ дополненіемъ правительственной системы. Его главнымъ назначеніемъ былъ надзоръ за администраціей. Само оно не имѣло никакого спеціальнаго правительственнаго дѣла, какъ и государственный контроль надъ казенными суммами не завѣдуетъ никакимъ расходомъ, ни приходомъ казны. Не будучи само замѣшано ни въ какую область администраціи, жандармское управленіе могло повидимому и безпристрастнѣе, и удобнѣе наблюдать за дѣйствіями спеціальныхъ правительственныхъ властей, и бывало только въ немъ могли находить прибѣжище слабые отъ притѣсненія сильныхъ» («Моск. Вѣд.» 1880 г., № 233).

Не знаемъ, по причинѣ этихъ-ли или иныхъ обязанностей упраздненнаго учрежденія, но IV Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи не было переименовано, какъ можно было ожидать, въ III-е Отдѣленіе, а получило другое названіе.

Программа Лорисъ-Меликова все болѣе и болѣе выяснялась. Рѣшено было, отложивъ увѣнчаніе политическаго зданія, дать развитіе въ либеральномъ направленіи строю мѣстныхъ учрежденій. Къ министру внутреннихъ дѣлъ были приглашены 6-го сентября редакторы большой прессы

съ цѣлью разъясненія имъ, чтобы они не волновали напрасно умовъ, настаивая на необходимости привлеченія общества къ участію въ законодательствѣ и управленіи, въ видѣ-ли европейскихъ представительныхъ учрежденій или нашихъ древнихъ земскихъ соборовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, назначены были въ нѣкоторыя губерніи сенаторскія ревизіи съ цѣлью узнать положеніе мѣстнаго управленія, а также различныхъ частей населенія на самомъ дѣлѣ. Катковъ привѣтствовалъ мысль о пересмотрѣ существующаго мѣстнаго строя въ Россіи съ сочувствіемъ, но относительно направленія необходимыхъ измѣненій онъ глядѣлъ уже въ другую сторону. По его мнѣнію, фальшивое положеніе мѣстныхъ учрежденій проистекаетъ отъ ихъ безсилія, обусловленнаго тѣмъ, что они не представляютъ собою продолженія общаго государственнаго управленія, а образуютъ какую-то параллельную ему систему.

«Сомнительно, утверждалъ Катковъ, чтобы дѣло могло быть поправлено только преобразованіемъ полиціи и нѣкоторымъ расширеніемъ предоставленныхъ земскимъ учрежденіямъ полномочій. Вмѣсто пріисканія сколько-нибудь сноснаго modus vivendi, лучше позаботиться о полномъ сліяніи разнородныхъ властей и учрежденій въ одно цѣлое, къ общей выгодѣ какъ мѣстныхъ, такъ и государственныхъ интересовъ».

Онъ рекомендовалъ, при этомъ, систему прусскихъ ландратовъ съ выборными коллегіями («Моск. Вѣд.» 1880 г., № 266).

Пока ревизовавшіе сенаторы собирались къ мѣстамъ изслѣдованія, управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія Сабуровъ предпринялъ также личное ознакомленіе съ учебными заведеніями. Газеты много толковали о его рѣчахъ, произнесенныхъ въ разныхъ городахъ. Между прочимъ, распространились слухи, что студенты московскаго университета, вѣроятно считая себя выдающеюся частью народа, желанія котораго правительству особенно интересно знать, подали управлявшему министерствомъ какую-то петицію. Фактъ подачи петиціи былъ опровергнутъ

«Правительственнымъ Вѣстникомъ», но газеты упоминали о произнесенныхъ при этомъ Сабуровымъ словахъ, звучавшихъ въ родѣ смутныхъ обѣщаній; объ этомъ ничего не было заявлено въ оффиціальномъ органѣ. Между тѣмъ, Катковъ выразилъ сожалѣніе, что слова эти не могли быть опровергнуты, такъ какъ они въ газетной передачѣ, заявлялъ Катковъ, тревожатъ и волнуютъ весь учебный міръ («Моск. Вѣд.» 1880 г., № 276).

Все рукоплескало казавшемуся непреложнымъ умиротворенію Россіи. Въ управленіе министерствомъ финансовъ вступилъ Абаза и отмѣнилъ соляной налогъ. Газеты указывали на необходимость образованія единомыслящаго министерства, что уже было въ сущности сдѣлано, ибо въ составѣ тогдашнихъ министровъ не было силъ, склонныхъ противодѣйствовать господствующему теченію, что̀ такъ часто, какъ мы видѣли, замѣчалось въ теченіе минувшаго царствованія.

Немало содѣйствовалъ водворенію спокойствія въ обществѣ процессъ Гольденберга, снявшаго въ своемъ показаніи мрачную таинственность съ организаціи враждебныхъ правительству кружковъ и освѣтившаго фактическими подробностями всю подготовку террористическихъ плановъ. Нѣсколько сотенъ фанатическихъ юношей, сложившихся въ какую-то черезчуръ хитрую организацію, не вполнѣ понятную даже всѣмъ ея участникамъ, вотъ что оказалось на дѣлѣ. Очевиднымъ. стало, что сила этихъ людей заключается не въ ихъ количествѣ и не въ средствахъ, которыми они располагаютъ, а въ дерзкой энергіи, не останавливавшейся ни передъ чѣмъ.

Катковъ, не сочувствовавшій общему направленію тогдашней внутренней политики, смотрѣлъ на успокоительные симптомы съ сомнѣніемъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ помѣстилъ онъ слѣдующую ироническую замѣтку:

«Говорятъ, будто пребывающіе заграницей вожаки нашей революціи теперь чѣмъ-то недовольны. Полно, такъ-ли? Не хитрятъ-ли

они? Чего-же имъ нужно? Есть, напротивъ, основаніе полагать, что эти почтенные мужи сдадутся или уже сдались на перемиріе... Только надолго-ли?» («Моск. Вѣд.» 1880 г., № 198).

По поводу Гольденберговскаго процесса заявилъ онъ, что все, происходившее въ соціально-революціонной партіи, имѣло совершенно видъ театра маріонетокъ.

«Выяснившіяся на процессѣ обстоятельства не даютъ, прибавилъ онъ, прямаго указанія на управляющую руку, по мановенію которой движутся эти революціонныя маріонетки, то выпускаемыя на сцену, то уводимыя за кулисы, но присутствіе ея чувствуется во множествѣ явленій» («Моск. Вѣд.» 1880 г., № 308).

Онъ ставилъ вопросъ, откуда берутся денежныя средства, которыми располагаютъ соціалисты. Нѣтъ, восклицаетъ онъ, нити, приводящія ихъ въ движеніе, уходятъ, очевидно, въ даль. («Моск. Вѣд.», 1880 г., № 316).

Наступили послѣдніе дни затишья. Подъ вліяніемъ благопріятныхъ для печати условій рѣшились опять завести особый органъ славянофилы, которые, пожалуй, сильнѣе всѣхъ пострадали отъ репрессивныхъ мѣръ противъ прессы во время минувшаго царствованія. Появилась въ концѣ ноября 1880 года «Русь». Старые счеты между Катковымъ и Аксаковымъ были давно забыты. Катковъ сильно пошатнулся въ тенденціяхъ западничества, съ точки зрѣнія котораго Катковъ когда-то вышучивалъ Аксакова и его сотрудниковъ. Теперь «Московскія Вѣдомости» привѣтствовали «Русь», какъ отрадное явленіе среди журнальной литературы.

Въ концѣ 1880 года стали повторяться студенческія волненія. Въ Москвѣ они стояли въ связи съ непринятіемъ высшимъ начальствомъ студенческой петиціи, которая была вручена ректору.

«Кто-же истинные виновники печальнаго событія? спрашивалъ Катковъ. Нѣтъ, не молодежь! Виновники вы, возбуждавшіе и обольщавшіе молодежь, вы, дѣлавшіе ее орудіемъ своихъ интригъ, игравшіе ею, вы ея губители»... («Моск. Вѣд.» 1880 г., № 338).

Слова эти относились главнымъ образомъ къ московскому университетскому начальству, которое Катковъ вообще жестоко въ то время обличалъ. Послѣ неизбранія

Леонтьева и позднѣйшихъ происшествій съ Любимовымъ, отношенія Каткова къ университету были весьма недружелюбными. Противъ него, какъ издателя университетской газеты, былъ возбужденъ извѣстный искъ, впослѣдствіи устраненный («Моск. Вѣд.», 1881 г., №№ 38, 56, 66, 109, 113). Мы не будемъ останавливаться на основаніяхъ къ начету[1]), сдѣланному университетскимъ начальствомъ противъ Каткова. Упомянемъ только, что дѣло это было прекращено Всемилостивѣйшимъ распоряженіемъ...

На актѣ петербургскаго университета, въ февралѣ мѣсяцѣ 1881 года, случилась извѣстная демонстрація противъ Сабурова, вслѣдствіе которой онъ долженъ былъ оставить должность. «Голосъ» опять намекнулъ про какихъ-то эмиссаровъ изъ Москвы, которые, будто бы, натравливаютъ студентовъ на начальство. Повторилась озлобленная въ обычномъ духѣ полемика со стороны Каткова («Моск. «Вѣд. 1881 г., №№ 45 и 48).

Въ самый день катастрофы 1-го марта Катковъ помѣстилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» длинную объяснительную статью по поводу исковаго дѣла противъ него московскаго университета. Онъ напомнилъ читателямъ свою дѣятельность, отзывъ о немъ въ доброе старое время комитета министровъ, личную извѣстность свою покойному Государю. Онъ подробно останавливался на отношеніяхъ своихъ къ бывшему министру народнаго просвѣщенія, чтобы предупредить обвиненіе, что онъ пользовался этими отношеніями для эксплуатаціи денежныхъ интересовъ московскаго университета. Онъ указываетъ, что его незаслуженно выставляли неисправнымъ недоимщикомъ передъ казной во всеподданѣйшемъ отчетѣ Государственнаго контролера за 1876 года, выписками изъ котораго пользовались враждебныя ему газеты. («Моск. Вѣд.» 1881 г., № 60).

[1]) Матеріаломъ по этому дѣлу является, помимо вышеупомянутыхъ статей Каткова, еще особая записка, составленная въ 1881 году московскимъ университетскимъ начальствомъ.

Люди, не довѣрявшіе казавшемуся умиротворенію соціалистовъ, могли торжествовать. Россіи пришлось пережить ужасное испытаніе. Случилась ужаснѣйшая изъ катастрофъ, приведшая къ успѣху адскихъ замысловъ цареубійцъ.

Вотъ въ какихъ словахъ помянулъ Катковъ царствованіе погибшаго мученическою смертью Монарха:

«Преклонимся передъ этимъ гробомъ земнаго величія. Въ немъ покоятся останки Государя, обладавшаго великимъ могуществомъ, бóльшимъ, чѣмъ быть можетъ ему самому было свѣдомо».

Упомянувъ объ удивленіи всего свѣта передъ реформами покойнаго Царя, о тяжести жребія власти, выпадающаго на долю вѣнценосцевъ, Катковъ начерталъ слѣдующую характеристику политики Александра II:

«Воспитанный, какъ и всѣ мы, въ сферѣ космополитическихъ идей, какъ глубоко потомъ управляя судьбами своего народа, онъ отзывался въ тайникѣ своего сердца на призывы его духа, слѣдуя въ своихъ рѣшеніяхъ народному чувству, преодолѣвая всѣ иныя соображенія и внушенія! Послѣдняя война наша служитъ тому живымъ и недавнимъ свидѣтельствомъ. Онъ не превозносился своею властью и скорѣе невполнѣ, чѣмъ слишкомъ пользовался ею. Доброта и кротость его сердца вели нерѣдко къ умаленію дѣйствія власти тамъ, гдѣ ожидалась и гдѣ была необходима вся полнота ея дѣйствія. Въ дѣлѣ правленія онъ стѣснялъ и связывалъ себя несравненно болѣе, чѣмъ могли-бы ограничить его какія-либо формальныя условія. Такъ мало былъ властолюбивъ, что принижая и стѣсняя себя, онъ былъ постоянно въ опасности уронить самое начало власти, собранной и утвержденной трудами и кровью всей исторіи нашего народа, — начало, долженствующее служить оградой всякой истинно человѣческой свободы и нравственнаго порядка въ государствѣ и быть движущею силой его развитія. Нѣтъ, не отъ Государя, каковъ былъ въ Бозѣ почившій Императоръ, требовалось въ чемъ-нибудь искать обезпеченія, а въ немъ, напротивъ, и въ немъ одномъ искала и могла найти себѣ обезпеченіе всякая честная свобода и всякое право».

Катковъ кончилъ упомянутую слѣдующимъ пожеланіемъ наступавшему новому царствованію:

«Весь смыслъ русской исторіи и вся государственная мудрость въ томъ состоятъ, чтобы верховная власть нашего народа была неразрывно связана съ нимъ и чтобы управленіе имъ было живымъ

и яснымъ выраженіемъ этого единства... Да соблюдетъ Верховная власть на Руси свое священное значеніе и всю полноту свою, всю свободу свою въ живомъ единеніи съ народными силами!» («Моск. Вѣд.» 1881 г., № 64).

Кого обвинялъ Катковъ въ новомъ злодѣяніи? Опять, какъ и всегда, польскую справу, основывающуюся на либерализмѣ и пользующуюся, какъ слѣпыми орудіями, соціалистами-революціонерами. Не разсчитывая болѣе на поддержку европейскихъ державъ, вожаки польской справы, говоритъ Катковъ, постарались примазаться къ такъ называемой всесвѣтной революціи. Къ этимъ попыткамъ относитъ онъ происхожденіе интернаціоналки, впервые явившейся на свѣтъ на митингѣ рабочихъ въ Лондонѣ въ пользу Польши, выстрѣлъ Каракозова и прочая, и прочая... Изъ польской справы черпаютъ русскіе соціалисты денежныя средства. Вѣдь единственной революціонной организаціей, располагавшей таковыми, была польская. Она выставляла цѣлыя арміи, не говоря уже о массахъ жандармовъ, кинжальщиковъ, жандармовъ-вѣшателей («Моск. Вѣд.» 1881 года, №№ 65, 81).

На это обвиненіе рѣшился отвѣчать сынъ извѣстнаго маркиза Велепольскаго, напечатавшій въ газетѣ «Порядокъ» письмо на имя Каткова. Но на Каткова не подѣйствовали его аргументы («Моск. Вѣд.» 1881 г., № 77).

Ближайшимъ попустителемъ крамолы въ Россіи Катковъ признавалъ по-старому либерализмъ. Въ девятый день кончины Государя онъ писалъ слѣдующее:

«Первоначальное христіанство, въ годины гоненій, и наша древняя Русь во время великихъ народныхъ бѣдствій, голода и повальныхъ болѣзней устанавливали постъ и молитву. Обычаи древности не по плечу нашему разслабленному времени, но глубокая мысль, лежащая въ постѣ и въ покаяніи, не теряетъ силы и нынѣ. Не хотѣли по доброй волѣ, такъ подъ ударами должны мы очнуться, отрезвиться, самоуглубиться, сознать причины нашихъ несчастій, чтобы возродиться нравственно... Не будемъ самообольщаться, не будемъ сваливать всю вину на ничтожную кучку ошалѣлыхъ мальчишекъ; виноваты они, но еще болѣе виноваты мы. Мальчишки эти наши дѣти, и не только по плоти, но и по духу, и чтобы мы ни говорили,

намъ не отвертѣться отъ правдиваго укора. Мы вскормили эту среду, среди насъ она взросла, мы ее поддержали нашею дешевою насмѣшкою, легкомысленнымъ дѣтскимъ отношеніемъ ко всѣмъ основамъ общественной жизни; мы сами въ ослѣпленіи помогали расшатывать одинъ за однимъ всѣ нравственные и историческіе устои общежитія... Мы не были авторитетными руководителями нашей молодежи. Мы выпустили авторитетъ изъ рукъ, и онъ перешелъ къ болтунамъ, фразёрамъ, яко-бы несущимъ намъ послѣднее слово науки и прогресса; и чѣмъ менѣе смысла и нравственнаго достоинства имѣло это слово, тѣмъ казалось оно истиннѣе, патентованнѣе. Гоняясь за разными видами либерализма, не понимая сущности свободы, мы попали въ рабство и притомъ въ самый худшій видъ его — духовное рабство. Оно развило въ насъ присущіе ему пороки: трусливость, лицемѣрную угодливость, безхарактерность. Прежде, чѣмъ высказаться, мы справляемся мысленно, подходитъ-ли то, что хотимъ сказать, подъ каммертонъ того или другаго болтуна» («Моск. Вѣд.» 1881 г., № 69).

Конечно, говоря о лицахъ, поддерживавшихъ введеніе реформъ, возражавшихъ противъ бюрократіи и самовластія, Катковъ долженъ былъ говорить: мы,—потому-что несомнѣнно онъ принадлежалъ къ ихъ числу.

26 марта начался судъ надъ обнаруженными цареубійцами. Проникнутый ожесточеніемъ къ совершенному ими страшному преступленію, Катковъ удивлялся, что къ нимъ примѣненъ не суммарный воинскій процессъ, а судопроизводство по всѣмъ формальностямъ.

«Мы думаемъ, что исполняемъ долгъ гуманности и цивилизаціи, стараясь галантерейно или будто-бы мягкосердечно обращаться съ преступниками, которые готовятся на висѣлицу или, по малой мѣрѣ, на каторгу. Нѣтъ, это неправда: тутъ нѣтъ человѣколюбія, нѣтъ доброты, тутъ нѣтъ цивилизаціи, тутъ только напомаженное и причесанное варварство».

Онъ выражалъ желаніе, чтобы казнь ихъ принизила, а не возгордила ихъ единомышленниковъ. Между тѣмъ, судебная процедура даетъ этимъ людямъ средства выставиться партіей, имѣющей право на существованіе, засвидѣтельствовать о своемъ торжествѣ, явиться мучениками и героями своего дѣла. Все, что говорятъ и дѣлаютъ Желябовъ и его единомышленники на судѣ, не обращаетъ ли путь возмездія въ новый ущербъ достоинству поруганнаго

правосудія? И зачѣмъ сложныя пренія сторонъ? Зачѣмъ и кого нужно убѣждать въ виновности подсудимыхъ и въ важности совершеннаго ими преступленія? («Моск. Вѣд.» 1881 г., №№ 86, 88, 90, 92).

Сводя разсчётъ съ прежнимъ направленіемъ внутренней политики, Катковъ называетъ либераловъ легальными служителями крамолы, которые только во внѣшней формѣ, а не въ существѣ дѣла расходятся съ ея нелегальными представителями—революціонерами.

«За пять лѣтъ предъ симъ только нелегальные революціонеры заявляли, что слѣдуетъ Царя лишить власти; почти на другой день послѣ злодѣянія 1-го марта уже легально издаваемыя газеты провозгласили, что необходимо облегчить бремя власти, лежащее на русскихъ монархахъ» («Моск. Вѣд.» 1881 г., № 90).

Выясняя будущій ходъ внутренняго управленія Россіей, Катковъ восклицаетъ:

«Что теперь намъ дѣлать? Прежде всего, не задавать себѣ подобныхъ вопросовъ. Въ этихъ-то безпрерывныхъ вопросахъ и состоитъ нашъ общественный недугъ. Что намъ теперь дѣлать? Да просто стать на ноги, очнуться отъ дремоты, отряхнуться отъ праздномыслія и дѣлать то, что у каждаго подъ руками. Со вчерашняго-ли дня началось существованіе Россіи? Русская держава есть созданіе тысячелѣтней исторіи. Россія не вопросъ, Россія не мнѣніе, не идея, не отвлеченная формула; это самая реальная реальность, многосложная и громадная. Россія есть до безконечности организованная индивидуальность, своеобразная и сама себѣ равная. Если она существуетъ, то, стало быть, есть основы и законы ея существованія. Вотъ та твердая почва, на которой мы должны очутиться, чтобы выйдти благополучно изъ кризиса; вотъ на чемъ слѣдуетъ стать твердо. Что дѣлать? Очевидно, слѣдуетъ дѣлать то, что требуется основными законами нашего государства. Если мы въ чемъ-нибудь отступили отъ нихъ, поспѣшимъ придти въ согласіе съ ними. Все, что противорѣчитъ основному строю русскаго государства, то должно быть устранено самымъ рѣшительнымъ образомъ» («Моск. Вѣд.» 1881 г., № 99).

«Болѣе всего требуется, чтобы показала себя государственная власть въ Россіи во всей непоколебленной силѣ своей, ничѣмъ не смущенная, не разстроенная, вполнѣ въ себѣ увѣренная. Боже сохрани насъ отъ всякихъ ухищреній, заворотовъ, заискиваній, отъ всякой тѣни зависимости государства отъ какихъ-либо мнѣній. Власть государства не на мнѣніяхъ основана: или ея нѣтъ на дѣлѣ, или она держится сама собою... Россія выросла и окрѣпла не мнѣніями, не

большинствомъ голосовъ, не интригою партій, вырывающихъ другъ у друга власть, а исполненіемъ священнаго долга, связующимъ воедино всѣ сословія народа. Оживить это чувство долга—вотъ что требуется въ обстоятельствахъ, подобныхъ настоящему» («Моск. Вѣд.» 1881 г., № 79).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Катковъ намекаетъ на необходимость обновленія личнаго состава управляющихъ. «Трудное дѣло,—говоритъ онъ,—могутъ поднять и нести лишь сильные люди, люди дѣла, а не фразы...» («Моск. Вѣд.» 1881 г. № 69). Онъ настаиваетъ на этомъ относительно университетовъ. «Что толку исключать молодежь, отсѣкать прочь большее или меньшее число испорченныхъ людей, если причины порчи остаются въ силѣ? Не въ правѣ ли пожелать университетское юношество, чтобы непосредственно властвующая надъ нимъ среда была очищена и поставлена въ болѣе правильныя къ нему отношенія?» («Моск. Вѣд.» 1881 г. № 93).

За три дня до выхода манифеста 29-го апрѣля 1881 года Катковъ писалъ:

«Предлагаютъ много плановъ, но есть одинъ царскій путь... Это не путь либерализма или консерватизма, новизны или старины, прогресса или регресса. Это и не путь золотой середины между двумя крайностями. Съ высоты царскаго трона открывается стомилліонное царство. Въ прежніе вѣка имѣли въ виду интересы отдѣльныхъ сословій. Но это не царскій путь. Тронъ затѣмъ возвышенъ, чтобы предъ нимъ уравнивалось различіе сословій... Единая власть и никакой иной власти въ странѣ, и стомилліонный, только ей покорный народъ, вотъ истинное царство... Да положитъ Господь, Царь царствующихъ на сердце Государя нашего шествовать именно этимъ воистину царскимъ путемъ и имѣть въ виду не прогрессъ или регрессъ, не либеральныя или реакціонныя цѣли, а единственно благо своего стомилліоннаго народа» («Моск. Вѣд.» 1881 г., № 114).

Появился манифестъ 29-го апрѣля.

«Теперь мы можемъ вздохнуть свободно, говоритъ Катковъ. Конецъ малодушію, конецъ всякой смутѣ мнѣній! Предъ этимъ непререкаемымъ, предъ этимъ столь твердымъ, столь рѣшительнымъ словомъ Монарха должна, наконецъ, поникнуть многоглавая гидра обмана. Какъ манны небесной, народное чувство ждало этого царственнаго слова. Въ немъ наше спасеніе: оно возвращаетъ Россіи Рус-

скаго Царя Самодержавнаго, отъ Бога прiявшаго власть свою и лишь предъ Богомъ отвѣтственнаго...»

Манифестъ 29-го апрѣля 1881 года опредѣлилъ систему внутренней политики новаго царствованiя слѣдующими чертами: неукоснительнымъ охраненiемъ самодержавiя, искорененiемъ неправды и хищенiй и управленiемъ Россiей въ духѣ учрежденiй, дарованныхъ Императоромъ Александромъ II. Такимъ образомъ, съ высоты престола провозглашено было дальнѣйшее существованiе реформенныхъ учрежденiй. Манифестомъ 1881 года устранялось лишь основанiе къ смутнымъ, бродившимъ въ обществѣ, надеждамъ на преобразованiе самаго государственнаго строя.

Нельзя не замѣтить, что политическое благоразумiе очевидно предписываетъ полнѣйшую непоколебимость правительства подъ ударами, направленными изъ-за угла. Уступчивость въ такихъ случаяхъ привела бы къ узаконенiю терроризма, къ признанiю наиболѣе опаснаго изъ всѣхъ могущихъ быть давленiй на правящую власть — страха передъ политическими убiйствами...

Но между спокойной остановкой на пути развитiя и ожесточенной борьбой съ началами, внесенными въ русскую жизнь реформами прошлаго царствованiя, лежитъ громадное разстоянiе—и нельзя не пожалѣть, что Катковъ пустился въ эту борьбу.

Что общаго между этими началами и соцiализмомъ? можно спросить съ недоумѣнiемъ. Не служитъ ли самая дѣятельность Каткова во время шестидесятыхъ и первой половины семидесятыхъ годовъ доказательствомъ возможности сочетанiя непримиримой ненависти къ соцiализму съ горячимъ сочувствiемъ реформеннымъ началамъ? Послѣднее ничуть не мѣшало ему въ страстномъ обличенiи нигилистовъ и ихъ послѣдователей. Изъ необходимости настойчивой и энергичной борьбы съ соцiализмомъ всѣми возможными средствами нѣтъ ни малѣйшихъ основанiй

дѣлать выводъ о необходимости относиться для этого съ ненавистью къ самостоятельной судебной дѣятельности и къ существованію земскихъ учрежденій.

Мы видѣли, какъ эта ненависть постепенно назрѣвала у Каткова. Если въ дѣятельности новыхъ установленій не все было безукоризненно, то, во всякомъ случаѣ, встрѣчавшіеся недостатки не оправдывали жесткаго осужденія ихъ публицистомъ. Развѣ можно было разумно ожидать, что созданное въ Европѣ вѣками можетъ дать у насъ законченные результаты въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ? Жизнь народовъ измѣряется не десятками лѣтъ и не двадцатипятилѣтіями.

Многія изъ обвиненій Каткова противъ реформенныхъ учрежденій преувеличены. Странно встрѣчать написанными рукою публициста намеки, будто судебные дѣятели руководствуются въ своихъ дѣйствіяхъ какою-то враждою противъ правительственнаго начала и противъ него — Каткова. Вообще, съ перенесеніемъ обвиненій на почву затаенныхъ тенденцій и личныхъ счетовъ открывается доступъ догадкамъ, которыя впрочемъ излишне опровергать, потому-что онѣ приводятся обыкновенно безъ достаточныхъ доказательствъ.

Дѣйствительно, существовали ожесточеннѣйшія нападки противъ Каткова многихъ органовъ печати; но развѣ онъ не платилъ тою же монетой? Развѣ онъ щадилъ своихъ противниковъ? Его обличенія органовъ противоположнаго направленія въ періодъ его дѣятельности послѣ 1881 года превосходили по рѣзкости выраженій и тона все, что писалось противъ него...

Но если нельзя оправдать перемѣны въ настроеніи Каткова въ послѣднюю пору его жизни, то ее можно объяснить, какъ стихійный протестъ противъ грубаго давленія на жизнь нигилизма и соціализма. Отрицательное направленіе русской мысли несомнѣнно перешло черезъ край. Оно отличалось полнѣйшею несоразмѣренностью и разнуз-

данностью. Среди свѣтлыхъ явленій реформеннаго времени вдругъ проглянула эта темная сила и создала остановку въ осуществленномъ прошлымъ царствованіемъ дѣлѣ преобразованія Россіи. Пережитыя событія не могли не повліять съ страшною силой на настроеніе умовъ. Подавляющему впечатлѣнію этихъ событій поддался и Катковъ. Но какъ отрицательное движеніе, вызвавшее ее, сама реакція противъ него въ лицѣ Каткова не знала себѣ мѣры. Съ почвы англійской жизни съ ея уваженіемъ законности и самодѣятельности отдѣльныхъ личностей и общественныхъ группъ, Катковъ перешелъ въ рѣзко противоположную крайность—къ желѣзной политикѣ московскихъ царей, сокрушавшихъ всякій призракъ самостоятельности, когда они задавались цѣлью тушить внутренній духъ разлада и крамолы въ русской землѣ.

XIII.

Послѣдній періодъ дѣятельности Каткова.

(1881—1887).

Общая характеристика направленія Каткова въ этотъ періодъ. — Походъ противъ интеллигенціи.—Отзывы Каткова о Тургеневѣ.—Угроза революціей.—Статьи его противъ созыва земскаго собора въ 1882 г.— Наблюдательный постъ Каткова.—Нападки противъ Сената и Государственнаго Совѣта. — Его статьи противъ финансовой политики Н. Х. Бунге.—Его полемика съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ 1887 году. — Апоѳеозъ идеи власти и внутреннее противорѣчіе производившейся Катковымъ полемики. — Нападки на прежній университетскій уставъ, судъ и земство.—Отношеніе Каткова къ дворянству.—Общая оцѣнка.

Итакъ, господа, встаньте: правительство идетъ, правительство возвращается!.. Не вѣрите?

(«Моск. Вѣд.» 1884 г., № 278).

Передъ нами послѣдній періодъ дѣятельности Каткова, — тотъ періодъ, который оставилъ послѣ себя всего болѣе впечатлѣній и воспоминаній въ средѣ современниковъ. Поневолѣ, личность Каткова, какъ публициста, запечатлѣлась въ ихъ сознаніи тѣми рѣзкими чертами, которыми отличалась эта пора его общественной дѣятельности.

Отъ прежняго Каткова, Каткова шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ, не осталось и слѣда. Онъ по-

шелъ даже не новымъ, а обратнымъ путемъ, онъ порицалъ съ величайшей страстностью все то, что превозносилъ прежде; онъ видѣлъ гибель Россіи въ томъ, что представлялось ему ранѣе ея спасеніемъ. Можно думать, что особая запальчивость и неумолимость его нападокъ вызывалась въ значительной степени тѣмъ, что его новое направленіе было реакціей не противъ чуждаго ему теченія, а противъ его собственныхъ мнѣній, которыя теперь получили для него окраску опасныхъ и роковыхъ заблужденій.

Минувшее царствованіе, говоритъ онъ теперь, было естественной реакціей тому, которое ему предшествовало, когда сурово и грозно, до подавленія жизни, господствовало начало государственное. Онъ прибавляетъ, что политика прошлаго царствованія была ошибкой. «Кесарево не воздавалось въ должной мѣрѣ кесарю» («Моск. Вѣд.» 1882 г., № 61). Теперь наступило, говоритъ онъ, время исправить эти промахи, которые могутъ быть объяснены только пыломъ увлеченія («Моск. Вѣд.» 1884 г., № 12).

Все превосходство ума Каткова стало съ этихъ поръ выражаться ожесточенной критикой и отрицаніемъ. Россія представлялась ему раздѣленной на два лагеря, между которыми не можетъ быть примиренія. Признавая себя стоящимъ на сторонѣ людей авторитета и стараго порядка, Катковъ старался во всѣхъ явленіяхъ правительственной и общественной жизни преслѣдовать дѣйствіе реформенныхъ началъ, превратившихся для него въ тёмныя привидѣнія, которыя, по его теперешнему мнѣнію, носясь надъ русскою жизнью, мутятъ ее и порождаютъ крамолу.

Съ іюня 1882 года Катковъ, не ограничиваясь помѣщеніемъ обличительныхъ статей противъ реформенной Руси въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», сталъ печатать важнѣйшія изъ нихъ въ видѣ заключительнаго отдѣла «Русскаго Вѣстника» подъ названіемъ «Современной лѣтописи». Это

значительно облегчаетъ обзоръ главныхъ фактовъ публицистической дѣятельности Каткова за этотъ періодъ.

По теперешнему опредѣленію Каткова, Россія больна... Прежде онъ ограничивалъ свой медицинскій діагнозъ нигилизмомъ, теперь онъ распространяетъ его на всю интеллигенцію, которую онъ характеризуетъ, какъ «Панургово стадо, бѣгущее на всякій свистъ, покорное всякому хлысту, мыслителей безъ смысла, ученыхъ безъ науки, политиковъ безъ національности, жрецовъ и поклонниковъ всякаго обмана» («Моск. Вѣд.» 1881 г., № 138). Вообще, Катковъ не церемонится со своими противниками. Рѣзкія, жесткія и даже бранныя слова попадаются на каждомъ шагу. Тургенева, напримѣръ, онъ называетъ французской приживалкой.

Послѣ смерти знаменитаго писателя онъ, воздавъ хвалу его таланту, первый счелъ нужнымъ перепечатать объявленіе извѣстнаго агитатора Лаврова во французской газетѣ «Justice» о матеріальномъ содѣйствіи, которое, по словамъ послѣдняго, Тургеневъ оказывалъ изданію журнала «Впередъ» («Моск. Вѣд.» 1884 г., №№ 247, 251, 263). Катковъ призналъ въ этомъ откупъ отъ травли, которой въ шестидесятыхъ годахъ подвергала Тургенева нигилистическая печать.

По этому поводу началась едва ли умѣстная полемика; злоба дня не оставила въ покоѣ тѣнь талантливаго романиста. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, чествованіе похоронъ Тургенева не могло совершиться спокойно, даже надъ его могилой возникъ вопросъ о правѣ общественныхъ учрежденій участвовать въ такихъ чествованіяхъ матеріальными пожертвованіями или даже просто служеніемъ паннихидъ. Катковъ еще разъ перепечаталъ изъ газеты «Впередъ» разсказъ о томъ, что похороны Тургенева устроены были оппозиціей правительства. Онъ нашелъ умѣстнымъ осмѣять вообще паннихиды общественныхъ установленій объ утрачиваемыхъ Россіей дѣятеляхъ, какъ ин-

тересный духовный концертъ, и поставить неожиданный вопросъ: возможно-ли при этихъ условіяхъ правительство? («Моск. Вѣд.» 1884 г., № 218).

Ровно десять лѣтъ назадъ, онъ видѣлъ аналогію нашей жизни съ условіями, предшествовавшими французской революціи, въ стремленіяхъ къ усиленію бюрократической власти, къ смѣшенію судебной и административной функцій. Теперь, напротивъ, онъ указываетъ, какъ на революціонный признакъ, на стремленіе правительства къ солидарности съ обществомъ. Онъ завляетъ даже, что тѣ, которые только предостерегаютъ насъ отъ революціи, ошибаются, мы уже находимся въ революціи, хотя, прибавлялъ онъ, эта революція, конечно, искусственная и поддѣльная («Моск. Вѣд.» 1881 г., № 138).

Приступомъ къ революціи, какъ видно изъ указаннаго выше, признаетъ Катковъ дѣятельность правительства въ послѣдній годъ минувшаго царствованія. «Еще нѣсколько мѣсяцевъ, быть можетъ, недѣль прежняго режима—и крушеніе было-бы неизбѣжно», говоритъ онъ («Моск. Вѣд.» 1881 г., № 158). Катастрофа 1 марта очистила, по его мнѣнію, воздухъ...

Еще разъ впрочемъ угрожала, по увѣреніямъ Каткова, опасность дурнаго исхода. Это было въ маѣ мѣсяцѣ 1882 года, когда въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» стали появляться статьи противъ созыва земскаго собора. Въ пору польскаго возстанія Катковъ былъ, какъ извѣстно, сторонникомъ этого учрежденія; впрочемъ, и теперь онъ возражалъ не столько противъ сущности, сколько противъ своевременности этой мѣры. Онъ указывалъ на то, что она была-бы понята обществомъ, какъ торжество крамолы, участники коей, въ родѣ Нечаева и Желябова, требовали ея («Моск. Вѣд.» 1882 г., № 130).

Годъ тому назадъ, вопросъ о земскихъ соборахъ былъ затронутъ въ появившейся заграницей книгѣ подъ названіемъ: «Письма о состояніи Россіи». Составитель послѣдней

поставилъ вопросъ на почву освобожденія самодержавной власти изъ плѣна всесильной бюрократіи. Катковъ полемизировалъ съ выводами брошюры. При этомъ онъ отрицалъ, чтобы въ созывѣ земскихъ соборовъ произошелъ перерывъ съ воцареніемъ Петра. Онъ относитъ къ соборамъ екатерининскую комиссію объ уложеніи. Значеніе соборовъ московскаго времени онъ старается умалить, сопоставляя ихъ съ представляемыми въ настоящее время царямъ всеподданнѣйшими адресами. «Часто это было такое же ура, какое недавно раздавалось въ кремлевскомъ дворцѣ на слова Государя, возвѣщавшаго войну» («Моск. Вѣд.» 1882 г., № 141).

«Итакъ, закончилъ Катковъ, если идетъ рѣчь о земскомъ соборѣ въ смыслѣ стараго времени, то учреждать нечего и никакого вопроса нѣтъ. Русскій Царь имѣетъ несомнѣнное право приглашать и созывать, когда окажется надобность, людей разныхъ сословій по тѣмъ или другимъ вопросамъ» (Тамъ-же).

Наконецъ, въ печати сдѣлано было распоряженіе ничего не говорить ни въ пользу, ни противъ созыва земскаго собора. Распоряженіе это совпало съ назначеніемъ на должность министра внутреннихъ дѣлъ графа Толстаго. Привѣтствуя новаго министра, Катковъ говорилъ, что его имя «само по себѣ уже есть манифестъ и программа». Желая уволеннымъ по болѣзни предшественникамъ графа Толстаго поправляться въ здоровьи, Катковъ выразилъ надежду, что преемникъ ихъ сохранится въ добромъ здоровьи на долгое время («Моск. Вѣд.» 1883 г., № 152).

Признавая сильнымъ враждебное теченіе при всѣхъ его неуспѣхахъ, Катковъ принялся выслѣживать его въ своей публицистической дѣятельности, которую онъ нашелъ самъ соотвѣтственнымъ сравнить «съ наблюдательнымъ постомъ» («Моск. Вѣд.» 1886 г., № 56). Онъ иногда жалуется на трудность выполненія этого долга, но такъ какъ эта обязанность была имъ добровольно на себя принята, то, очевидно, Катковъ видѣлъ въ ней дѣло призванія. Онъ,

впрочемъ, связывалъ его съ вѣрноподданнической присягой.

«Каждый изъ русскихъ подданныхъ, писалъ онъ, обязанъ стоять на стражѣ правъ Верховной власти и заботиться о пользахъ государства. Каждый не то, что имѣетъ только право принимать участіе въ государственной жизни и заботиться о ея пользахъ, но призывается къ тому долгомъ вѣрноподданнаго» («Моск. Вѣд.» 1886 г., № 341).

Но эту формулу Катковъ высказывалъ приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ и двадцать лѣтъ назадъ, въ 1866 году. Это не мѣшало ему выражать въ то время сочувствіе всему, что было установлено въ минувшее царствованіе—очевидно потому, что въ дѣйствительности нѣтъ противорѣчія между введенными тогда учрежденіями и принципомъ существующаго въ Россіи государственнаго строя.

Свой наблюдательный постъ Катковъ признавалъ поставленнымъ весьма высоко,—такъ высоко, что не было въ Россіи правительственнаго учрежденія или лица, которое было бы для него недосягаемо. Сенатъ, Государственный Совѣтъ часто подвергались нареканіямъ съ его стороны. Онъ обращался ко всѣмъ существующимъ установленіямъ съ требованіемъ подчиненія.

Сенатъ по мысли Петра Великаго составляетъ инстанцію высшаго надзора за администраціей. Между тѣмъ, Катковъ и къ нему обращался съ требованіемъ подчиненія. Онъ называлъ, не обинуясь, рѣшенія Правительствующаго Сената, постановленныя имъ по спорнымъ вопросамъ, антиправительственными, когда они расходились съ требованіями административной власти («Моск. Вѣд.» 1884 г., № 218). Для себя Катковъ отдѣлялъ идею правительства отъ лицъ, входящихъ въ его составъ, и свободно критиковалъ не только дѣйствія, но и все направленіе дѣятельности нѣкоторыхъ министерствъ, а отъ самостоятельно поставленнаго высшаго государственнаго учрежденія требовалъ пассивнаго послушанія. Но чему же под-

чиняться? Если лица, облеченныя непосредственнымъ довѣріемъ Государя, не во всемъ правильно поступаютъ, то кого же слушаться? Неужели-же надо было брать за мѣрило государственной и административной правды постановленія не закона, а статьи газеты?

Точно также Катковъ не останавливался въ выраженіяхъ своего неодобренія передъ авторитетомъ Государственнаго Совѣта. Съ принципіальной стороны, онъ дѣлалъ ему упрекъ въ стремленіяхъ склонять разногласія къ примиренію и заботиться о большинствѣ. Онъ называлъ это игрой въ парламентъ («Моск. Вѣд.» 1884 г., № 12). Бывали случаи, когда въ полемикѣ «Московскихъ Вѣдомостей» появлялись отголоски негласныхъ рѣчей, произносимыхъ сановниками. Общественное мнѣніе относило напримѣръ, къ предѣламъ дѣятельности Государственнаго Совѣта, сдѣланное Катковымъ въ началѣ 1886 года указаніе на произнесенное однимъ оффиціальнымъ лицомъ, въ негласной полемикѣ, сѣтованіе на появленіе статей и брошюръ, въ которыхъ указывается на неправильности, ошибки и извращенія, вкравшіяся въ реформы минувшаго царствованія, напримѣръ, по кредитной части, по организаціи судовъ, мѣстнаго управленія и т. д. («Моск. Вѣд.» 1886 г., № 33). Катковъ понялъ эту рѣчь, какъ направленное противъ него обличеніе и, насколько могъ, отвѣчалъ на нее.

Безъ сомнѣнія, значеніе Катковскихъ статей во многихъ отношеніяхъ преувеличивалось слухами, ходившими по этому поводу въ обществѣ. Но нельзя не упомянуть, что самъ Катковъ, по поводу предпринятой имъ полемики противъ финансовой политики бывшаго министра Н. Х. Бунге, считалъ умѣстнымъ опровергать предположеніе, будто онъ поддерживаетъ кандидатуру какого-либо другаго лица на этотъ постъ.

«Ни одно изъ тѣхъ лицъ, которыхъ интрига называетъ кандидатами на его мѣсто, отнюдь не ближе и не знакомѣе намъ. Назы-

ваютъ даже лицъ, которыхъ мы едва знаемъ и съ которыми никогда ни въ какихъ отношеніяхъ не находились» («Моск. Вѣд.» 1886 г., № 56).

Еще прежде Катковъ велъ, напримѣръ, въ 1863 — 1866 г., борьбу съ нѣкоторыми изъ тогдашнихъ министровъ. Но прежде онъ все-таки скрывалъ свои удары въ намёкахъ, хотя, впрочемъ, весьма прозрачныхъ, теперь же онъ, не обинуясь, называетъ своихъ противниковъ по именамъ. Онъ нападалъ прямо на бывшаго министра финансовъ Н. X. Бунге и на теперешняго министра иностранныхъ дѣлъ Н. К Гирса. Онъ утверждаетъ въ 1886 году, что въ правительствѣ, гдѣ не должно было бы быть партій, существуетъ таковая и что партія эта считаетъ своимъ министра финансовъ.

«Что-же это за партія, о которой мы упомянули? Заговоривъ, выскажемся съ полною откровенностью. Это партія или, точнѣе сказать, коалиція партій и разныхъ честолюбій, потерпѣвшая пораженіе въ день 29-го апрѣля 1881 года. Судя по заявленіямъ ея органовъ, по ея корреспонденціямъ въ иностранной печати, наконецъ, по ходу дѣлъ, ясному для имѣющихъ очи, она вовсе не считаетъ себя побитою. Она только посторонилась, но не оставила поля; она только уступила на время, какъ она полагаетъ, нѣкоторыя позиціи, но удержала другія, дающія ей возможность не только наблюдать за дѣлами, но и дѣятельно вмѣшиваться въ нихъ... Дѣло въ томъ, что партія, состоящая въ оппозиціи къ нынѣшнему режиму, увѣрена, что имѣетъ своихъ ревнителей и вождей въ высшихъ учрежденіяхъ. Органы этой партіи нерѣдко сами, съ удивительнымъ цинизмомъ, признаютъ очевидную впрочемъ несостоятельность нѣкоторыхъ мѣръ, въ одно и то же время порицая и отстаивая ихъ. На почвѣ 29-го апрѣля все должно-де идти не къ лучшему, а къ худшему. И вотъ, эта-то партія, прежде возлагавшая надежды на народное просвѣщеніе, юстицію и финансовое управленіе, потомъ только на два послѣднія, теперь-же главнымъ образомъ возлагаетъ ихъ только на послѣднее, имѣющее въ своемъ вѣдѣніи жизненныя силы страны» («Моск. Вѣд.» 1886 г. № 56).

Что же такое позиціи, на которыхъ расположилась бивуакомъ враждебная Каткову сторона? Это ни болѣе, ни менѣе, какъ должности сенаторовъ, членовъ Государственнаго Совѣта. Характеристика партіи не лишена также своеобразности. Напримѣръ, про Бунге Катковъ писалъ, что

онъ не принадлежитъ къ партіи, но что партія считаетъ его своимъ. Онъ совѣтовалъ ему загладить эту вину, опровергнувъ надежды партіи, то есть, другими словами, принявъ программу финансовой политики «Московскихъ Вѣдомостей».

Если, однако, находясь на почвѣ уваженія къ авторитету правительства, подвергать критикѣ направленіе и дѣйствія лицъ, облеченныхъ непосредственнымъ довѣріемъ Высочайшей власти, то въ чемъ же, спрашивается, искать мѣрило для оцѣнки его дѣйствій? Катковъ указывалъ, въ отвѣтъ на это, на идею власти. Но тогда, какъ мы уже упоминали, отводится странное положеніе лицу, которое считаетъ за собою исключительную способность дѣлать правильные выводы изъ этой идеи. Не имѣя власти, оно оказывается въ положеніи оракула, вѣщающаго непререкаемые приговоры надъ лицами, облеченными правительственнымъ авторитетомъ. Катковъ старался объяснить особенности своего положенія слѣдующими разсужденіями:

«Значеніе наше заключается въ магической формулѣ—А есть А или, если угодно, дважды два четыре; ничего мы не говорили, что не отводилось-бы къ этимъ формуламъ. Это, конечно, неоспоримая сила, но её нельзя отнять у насъ, тѣмъ болѣе, что она принадлежитъ равно всѣмъ, хотя не всѣ ею пользуются и насъ-же упрекаютъ въ обладаніи привилегій за то, что мы этою тавтологіей руководимся въ своихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ» («Моск. Вѣд.» 1882 г. № 152).

Но публицистическая дѣятельность Каткова вовсе не можетъ быть резюмирована одной формулой; напротивъ, она составляетъ совокупность противорѣчащихъ формулъ. Одно время, въ мнѣніи Каткова идея власти требовала развитія самодѣятельныхъ учрежденій; потомъ она стала устранять ихъ самымъ категорическимъ образомъ. Которая же изъ двухъ формулъ составляетъ: А есть А или дважды два четыре?

Критика представителей власти, на основаніи отвлеченныхъ выводовъ изъ идеи власти, скрываетъ несомнѣнно

внутреннее противорѣчіе. Понятіе авторитета неотдѣлимо отъ лицъ, имъ облеченныхъ. Иначе понятіе это теряетъ всякій смыслъ, обращаетя въ реторическій пріемъ безъ внутренняго значенія. Всякій можетъ понимать идею по своему, дѣлать изъ нея произвольные и случайные выводы. Намъ кажется, что тотъ, кто берется проповѣдывать начало авторитета, если можетъ чѣмъ показывать примѣръ, то только уваженіемъ, а не полемикой съ представителями власти.

Но кромѣ борьбы съ отдѣльными лицами «партіи», какъ называлъ Катковъ своихъ противниковъ, онъ продолжалъ въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ нападенія на всѣ самодѣятельныя корпораціи и учрежденія въ государствѣ. Рѣчь его полна по отношенію къ нимъ торжествующей ироніи, порой смѣняющейся лирическимъ паѳосомъ, какъ будто, развернувъ священное знамя пророка, онъ проповѣдывалъ походъ противъ нечестивыхъ.

Въ первое время онъ направляетъ свои удары главнымъ образомъ противъ университетскаго устава 1863 года («Моск. Вѣд.» 1882 г., № 315; 1883 г., № 163). Онъ съ величайшей энергіей защищаетъ проектъ новаго университетскаго устава, внесенный на обсужденіе Государственнаго Совѣта въ 1883 году («Моск. Вѣд.» 1883 г., №№ 255, 269; 1884 г., №№ 105, 239, 278, 281, 283, 291). Онъ ставитъ вопросъ на такую почву:

«Какъ-же теперь намъ, свободнымъ людямъ, бороться съ воззрѣніями, которыя правительство посредствомъ своихъ заведеній вбиваетъ учащимся насильно въ голову? Или, въ самомъ дѣлѣ, правительству нужно, чтобы всѣ мыслили, какъ, напримѣръ, профессоръ Градовскій или судили, какъ профессоръ Орестъ Миллеръ?» («Моск. Вѣд.» 1884 г., № 179).

Это звучитъ совсѣмъ, какъ сигналъ съ наблюдательнаго поста: Caveant consules... Когда новый университетскій уставъ былъ утвержденъ, Катковъ изрекъ свою знаменитую фразу: «Итакъ, господа, встаньте: правительство идетъ, правительство возвращается!... Не вѣрите?» («Моск.

Вѣд.» 1884 г., № 278). Онъ называлъ уставъ первою органическою законодательной мѣрой теперешняго царствованія и рекомендовалъ законодательству идти далѣе тѣмъ же путемъ («Моск. Вѣд.» 1884 г., №№ 239 и 278). Онъ теперь съ сугубой настойчивостью обрушился противъ судебныхъ учрежденій и земства («Моск. Вѣд.» 1884 г., № 291).

Кому не памятны нападки публициста на судебную дѣятельность, длинный рядъ процессовъ, по которымъ онъ писалъ страстныя, всегда преувеличенныя, а часто и совершенно неосновательныя филиппики противъ дѣйствій различныхъ судебныхъ органовъ? Дѣла Свиридова, Мельницкаго, Скарятина, Зографа, Бузова, Пейчъ, Федорова, Андреевскаго и Кулишера, объ убійствѣ Гиждеу, о безпорядкахъ на никольской фабрикѣ и др. служили почвой для его нападокъ.

По-прежнему доставалось отъ Каткова суду присяжныхъ. По дѣлу Скарятина, онъ выразилъ недоумѣніе, неужели бывшаго губернатора будетъ за преступленіе должности судить «улица»? Какъ-то въ 1883 году «Русскія Вѣдомости» напомнили Каткову его прежнее сочувствіе къ суду присяжныхъ. Вѣроятно, недоразумѣніемъ слѣдуетъ объяснить отвѣтное указаніе Каткова, будто онъ съ самаго начала рекомендовалъ единогласіе въ постановленіи присяжными рѣшеній («Моск. Вѣд.» 1883 г., № 44). Заявленіе о единогласіи встрѣчается въ 1875 году и стояло въ связи съ мнѣніемъ Гнейста, высказаннымъ этимъ ученымъ въ полемикѣ противъ суда шёффеновъ. Катковъ теперь слѣдилъ за возраженіями, дѣлаемыми противъ суда присяжныхъ въ германскомъ ученомъ мірѣ; останавливался на германскомъ правительственномъ проектѣ объ измѣненіи суда присяжныхъ и съ торжествомъ заявилъ, разсказывая о разсужденіяхъ на 18-мъ висбаденскомъ конгрессѣ германскихъ юристовъ, что происходилъ судъ надъ судомъ присяжныхъ («Моск. Вѣд.» 1885 г., № 79; 1886 года, № 274).

Катковъ рисуетъ слѣдующую картину дѣятельности суда: независимый судъ—это судебная республика; впослѣдствіи онъ пріискалъ новое названіе: орденъ правовѣдѣнія, судей-же онъ титуловалъ рыцарями этого ордена, сравнивая ихъ съ остзейскими баронами («Моск. Вѣд.» 1885 г., № 318). Министру юстиціи предоставлена только безобидная роль экзекутора въ притворахъ храма Ѳемиды и обязанность состоять дипломатическимъ агентомъ судебнаго вѣдомства при дворѣ Императора Всероссійскаго. Онъ утверждаетъ, что все оппозиціонное примкнуло къ судебнымъ учрежденіямъ. По его мнѣнію, это стратегическій базисъ противниковъ правительства. Попадаются и тамъ достойные люди, но ихъ ожидаютъ ужасы нравственной пытки, ихъ выбрасываютъ за бортъ, безславятъ, клевещутъ на нихъ передъ цѣлымъ міромъ («Моск. Вѣд.» 1884 года, № 12). Онъ увѣряетъ, будто дѣло доходило до того, что министръ, какъ представитель судебной республики при русскомъ Государѣ, могъ сказать ему: «Вы не имѣете права смѣнить должностное лицо судебнаго вѣдомства» («Моск. Вѣд.» 1885 г., № 11). Онъ заявляетъ, что только «недомолвки и нѣкоторыя неясности новыхъ судебныхъ уставовъ послужили основаніемъ для возмутительной въ своей нелѣпости доктрины о независимости судовъ отъ правительства въ его высшемъ выраженіи, о несмѣняемости судей, объ абсолютной непререкаемости окончательныхъ судебныхъ рѣшеній» («Моск. Вѣд.» 1884 г., № 70). Но не самъ-ли Катковъ превозносилъ эти начала и объявлялъ ихъ противниковъ врагами Россіи?... Теперь онъ смѣется надъ ними, характеризуя начало несмѣняемости, какъ теорію, «по которой судебный чинъ, еще не зарѣзавшій человѣка или не совершившій другаго подобнаго скандала, подлежащаго суду, не можетъ быть удаленъ отъ должности, при какой бы то ни было неспособности и негодности, что онъ неотвратимъ, какъ Божій гнѣвъ» («Моск. Вѣд.» 1884 г., № 24). Теперь онъ указываетъ на тексты

молитвъ при помазаніи Государя на царство: «яко подчиненные суды его немздоимны и нелицепріятны сохранить» и т. д. («Моск. Вѣд.» 1884 г., № 112). Но развѣ судъ не подчиненъ Верховной власти и развѣ онъ не дѣйствуетъ именемъ его Величества? Если-же независимость суда противорѣчитъ началамъ нашего государственнаго строя, то какъ-же Катковъ могъ этого не замѣтить въ продолженіи длиннаго теченія шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ?

Послѣ совершенной въ 1884 году ревизіи нѣсколькихъ судебныхъ учрежденій, бывшій министръ юстиціи счелъ нужнымъ опровергнуть въ рѣчи, произнесенной въ екатерининской залѣ въ Москвѣ, «нападки и общія нареканія на судебное вѣдомство». Катковъ замѣтилъ по этому поводу: «Неужели министру требовалось проѣхаться по округамъ для повѣрки сужденій о судахъ? Неужели посидѣть на дѣлѣ Свиридова въ Кіевѣ, послушать рѣчи прокурора и защитника, посмотрѣть, какъ сидятъ на своихъ мѣстахъ присяжные засѣдатели... значитъ въ чемъ либо убѣдиться или разубѣдиться? Ясно безъ всякаго объѣзда, что въ государствѣ, которое хочетъ жить, не можетъ быть двухъ самодержавій»—прибавляетъ онъ («Моск. Вѣд.» 1884 года, №№ 313, 315, 316).

Когда назначенъ былъ нынѣшній министръ, Катковъ, отдавая справедливость его уму, патріотизму и живому національному чувству и вспоминая о совершенной имъ ревизіи Прибалтійскаго края, выразилъ пожеланіе, чтобы государственной власти были безусловно подчинены судебныя установленія. Онъ сравнивалъ положеніе послѣднихъ съ положеніемъ учрежденій Прибалтійскаго края, обособившихся отъ русскаго правительства.

Чего же требовалъ Катковъ въ видѣ преобразованія суда? Обращенія судей въ зависимыхъ отъ министра юстиціи чиновниковъ; упраздненія суда присяжныхъ; установленія какого-то не вполнѣ яснаго контроля надъ Сена-

томъ; отмѣны кассаціонной процедуры; дозволенія приносить всеподданнѣйшія прошенія на рѣшенія судовъ... Вотъ содержаніе этой програмы.

Третьимъ пунктомъ, противъ котораго направлены были нападенія Каткова, оказались земскія и городскія учрежденія. Хотя онъ не такъ часто костилъ ихъ, какъ судебныя установленія, но во всякомъ случаѣ не пропускалъ къ этому повода. Происходилъ какой нибудь безпорядокъ, всплывала какая нибудь исторія въ лѣтописяхъ нашего мѣстнаго самоуправленія, Катковъ тотчасъ подхватывалъ ее и разводилъ свои обличенія. Извѣстное дѣло о растратахъ въ Скопинскомъ общественномъ банкѣ дало ему обильный матеріалъ для обличеній. Онъ задавалъ вопросъ: «не находится ли Скопинъ гдѣ нибудь во владѣніяхъ Миклухо-Маклая? Не папуасскіе ли это законъ и обычаи?» А то прибѣгалъ онъ и къ библейскимъ или евангельскимъ текстамъ. Например, по поводу несбывшихся надеждъ на преуспѣяніе земства заявилъ онъ, что исполнилось слово написанное: «ждахъ, да сотворитъ гроздіе, сотвори же терніе» («Моск. Вѣд.» 1884 г., №№ 338 и 339; 1885 г., №№ 9, 24 и 25). Сходныя съ этимъ обвиненія выражались Катковымъ и по поводу безпорядковъ при земскихъ выборахъ въ Хорольскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи («Моск. Вѣд.» 1885 г., №№ 218 и 224) и по поводу расхищенія 30,000 р. въ спасской уѣздной управѣ («Моск. Вѣд.» 1885 г., № 220), и по поводу исторіи въ суражскомъ земствѣ («Моск. Вѣд.» 1886 г., № 63) и т. п. Онъ сравниваетъ избирательные пріемы въ земствѣ съ западноевропейской электоральной техникой («Моск. Вѣд.» 1886 г., № 104).

«Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше» — вотъ какъ онъ характеризовалъ отношеніе къ земскому дѣлу либераловъ нашей прессы («Моск. Вѣд.» 1886 г., № 24). Катковъ обвинялъ и Сенатъ въ потворствѣ злоупотребленіямъ земскихъ и городскихъ учрежденій.

«Просто-на-просто удалить этихъ грабителей и расточителей немыслимо. Отъ суда они защищены длиннѣйшей волокитой, доходящей по всѣмъ инстанціямъ до Правительствующаго Сената, чувствующаго, какъ извѣстно, особую нѣжность ко всякимъ прерогативамъ земскаго самоуправства и выказывающаго свою строгость лишь въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы къ этой святынѣ не прикоснулся какой-нибудь первый встрѣчный профанъ, напримѣръ, губернаторъ. Отъ мѣстной администраціи земскіе грабители защищены, разумѣется, непроницаемой стѣной, такъ какъ тотъ-же профанъ-губернаторъ обязанъ стоять передъ ними на вытяжку, любуясь ихъ ловкостью и нахальствомъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ получить строгій репримандъ отъ того-же Правительствующаго Сената» (Моск. Вѣд. 1886 г. № 189).

Что дѣлать для улучшенія земства? Катковъ не поясняетъ. Онъ говоритъ только:

«Администрація въ ея развѣтвленіяхъ по странѣ объявлена не дѣломъ правительства. Противъ государства выдвинута земля, а подъ землей на практикѣ разумѣется не земля, которую пашутъ, и не земля въ переносномъ ея смыслѣ народа, но учрежденія 1864 года, именуемыя земствомъ, — громоздкій аппаратъ, который въ продолженіе своего двадцатилѣтняго существованія далъ хорошо почувствовать настоящей землѣ, то есть народу, свою тягость и раззорительность. Учрежденія эти признаются за частныя общества, но имъ въ то же время предоставлена власть, которая вездѣ признается только за государствомъ» («Моск. Вѣд.» 1884 г., № 291).

Катковъ трунилъ надъ занятіями Кахановской комиссіи, замышляющей все подчинить выборному началу, этому «субдительному сюперфлю», какъ говорилъ Ноздревъ, когда желалъ сказать что-то очень хорошее («Моск. Вѣд.» 1884 г., № 291); но относительно того, какъ пересоздать строй мѣстнаго управленія, Катковъ самъ однако хранилъ молчаніе.

Онъ сначала отрицаетъ приписанное ему газетами объявленіе начала «новой дворянской эры» русской жизни («Моск. Вѣд.» 1883 г., №№ 154 и 167), и признаетъ нужнымъ, чтобы при переустройствѣ нашего мѣстнаго управленія нашлась формула, которая сдѣлала бы, сколько возможно, солидарными интересы двухъ сословій, нынѣ составляющихъ главный устой государства: дворянства и крестьянства («Моск. Вѣд.» 1883 г., №№ 140 и 142).

Какъ можетъ быть выражена эта формула, онъ не объясняетъ, но замѣчаетъ, что она желательна только на чисто русской почвѣ («Моск. Вѣд.» 1883 г., № 154).

Въ началѣ 1885 года напечатана была въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статья А. Пазухина: «Современное состояніе Россіи и сословный вопросъ», гдѣ доказывалась необходимость установленія мѣстнаго самоуправленія на почвѣ помѣстнаго дворянства. Къ этой мысли, повидимому, присоединился Катковъ, такъ какъ, по поводу Всемилостивѣйшаго рескрипта 21-го апрѣля 1875 года дворянству, онъ заявилъ: «Въ дворянской организаціи, по преимуществу, слѣдуетъ искать элемента для благоустройства мѣстнаго, т. е. повсемѣстнаго управленія въ русскомъ царствѣ» («Моск. Вѣд.» 1885 г., № 108). Tempora mutantur et nos mutamur in illis... Московское дворянство, столь свободомыслящее въ минувшее царствованіе, помѣстило въ отвѣтномъ всеподданнѣйшемъ адрессѣ 3-го мая 1863 года на упомянутый рескриптъ пожеланіе: «Предстоящее преобразованіе губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій да возвратитъ дворянству на пользу общую, по волѣ Вашего Величества, первенствующее значеніе и руководящее участіе въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда».

Но Катковъ, повидимому, еще не совсѣмъ увѣровалъ въ дворянскую идею. Онъ только намекалъ на нее, но не защищалъ. Составленный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ проектъ о земскихъ начальникахъ былъ составленъ и внесенъ на обсужденіе Государственнаго Совѣта при жизни Каткова, но онъ ни въ чемъ не выразилъ ни сочувствія, ни критики упомянутаго проекта. Нельзя не замѣтить, что когда въ 1870 году извѣстная газета «Вѣсть» рекомендовала ввести какихъ-то администраторовъ съ обширнѣйшими полномочіями относительно крестьянъ, то Катковъ напомнилъ по этому поводу французскихъ интендантовъ стараго дореволюціоннаго режима, про которыхъ Токвиль отзывался, что они были представителями

всѣхъ видовъ правительства въ провинціи. Нѣтъ, мы твердо надѣемся, замѣчалъ Катковъ, что Россія не вступитъ на злополучный путь старой Франціи и не будетъ заводить властей, которыя могутъ привести страну къ печальному исходу.

Такимъ образомъ, мы приблизились къ современности. Передъ нами протянулась вся эпоха развитія пробудившейся въ теченіе этого столѣтія русской мысли отъ того момента, когда Бакунинъ наставлялъ Бѣлинскаго въ началахъ эстетическаго и философскаго прекраснодушія, и кончая послѣдними явленіями русскаго отрицанія и отвѣтной на него реакціи. Интересное и живое было время, полное большихъ надеждъ и не меньшихъ разочарованій, надъ которымъ не разъ придется задуматься будущимъ поколѣніямъ.

Катковъ, начавшій свое умственное развитіе вмѣстѣ съ философскими кружками тридцатыхъ годовъ, не пошелъ ни однимъ изъ тѣхъ путей, на которыхъ разошлись люди его поколѣнія. Онъ остался чуждъ обѣихъ крайностей: критическаго отношенія къ жизни западниковъ и искуственной идеализаціи прошлаго, въ которую ударились славянофилы. Онъ такъ и остался особнякомъ съ начала тридцатыхъ годовъ и до конца жизни, но, несмотря на эту отчужденность отъ крайнихъ путей умственнаго развитія, онъ не сдѣлался тою центральною въ умственномъ отношеніи натурою, которая могла-бы освѣтить надлежащій путь современникамъ и грядущимъ поколѣніямъ. Между тѣмъ, въ переходныя эпохи, пока все молодо и не устоялось, пока не выработалось прочныхъ общественныхъ убѣжденій, пока увлеченія легко смѣняются сомнѣніями, именно дороги такія натуры, которыя, не поддаваясь впечатлѣніямъ и такъ называемымъ вѣяніямъ, способны своею личностью и словомъ являть окружающимъ примѣръ ум-

ственнаго достоинства и безпристрастнаго отношенія къ жизни и ея идеаламъ. Катковъ не былъ такою натурою. Онъ былъ неровенъ и неустойчивъ.

Катковъ не придерживался послѣдовательно никакой системы; тѣмъ менѣе можно признавать его основателемъ какого-либо новаго направленія. Онъ иногда называлъ взгляды послѣдняго періода своей дѣятельности русскими. Однако-же, весьма трудно понять, какъ можно примѣнить ту или другую національную характеристику къ внутренней политикѣ. Можно быть національнымъ во внѣшней политикѣ и въ вопросахъ о положеніи другихъ народностей въ своемъ краѣ, вообще во всѣхъ случаяхъ, когда интересы одного народа сталкиваются съ интересами другаго. Но если внѣ этихъ условій сказать, что русскій народъ долженъ держаться во внутренней области русскаго направленія, то этимъ не было-бы ничего указано, точно также, какъ если-бы мы заявили, что Франція должна держаться французскаго направленія или Германія — нѣмецкаго. Уваженіе къ національному складу и бытовымъ особенностямъ само собою предполагается въ каждомъ разумномъ дѣятелѣ. Нельзя изъ этого дѣлать особой школы, особаго теченія... Впрочемъ, назвавши свое направленіе русскимъ, Катковъ, пожалуй, правильно охарактеризовалъ его, но только съ другой стороны. Извѣстная неустойчивость, легкій переходъ отъ увлеченій къ разочарованіямъ составляетъ черту, не чуждую русскому духу, которую можно безъ труда замѣтить на колебаніяхъ нашего общественнаго настроенія.

Катковъ не сживался съ убѣжденіями. Онъ, впрочемъ, самъ призналъ свою неспособность поставить себя навсегда подъ извѣстное знамя. Но если не слѣдуетъ быть доктринёромъ, то нельзя-же, съ другой стороны, ставить случайныя впечатлѣнія выше общихъ нормъ разсудка, а вѣдь къ этому приводитъ недостатокъ твердыхъ убѣжденій.

Послѣднее не мѣшало, однакоже, Каткову быть чрез-

вычайно нетерпимымъ и вноситъ излишнюю страстность въ полемику съ противниками. Онъ не уважалъ чужихъ убѣжденій. Противникъ его казался ему достойнымъ не только критики, но поруганія и даже казни. Много личной струи всегда слышалось въ его нападкахъ.

Если и нельзя приписывать Каткову введеніе невоздержныхъ пріемовъ въ нашу публицистическую печать, то во всякомъ случаѣ ему, какъ безусловно даровитому человѣку, надлежало-бы самому стоять выше подобныхъ уклоненій. Недаромъ Катковъ имѣлъ и имѣетъ много враговъ и недоброжелателей въ нашей интеллигенціи. Рѣдко кого оставлялъ онъ въ покоѣ, въ особенности когда онъ стоялъ на «наблюдательномъ посту» и оттуда подавалъ сигналы.

Но какъ бы ни были неодобрительны пріемы ожесточенія, проявленные Катковымъ; какъ-бы ни было печально отсутствіе неуклонной твердости въ дѣятелѣ печатнаго слова, но за Катковымъ нельзя не признать все-таки положительной стороны. Въ умѣ его, правда, преобладала критическая струя. Онъ обладалъ рѣдкою способностью подмѣчать и выводить наружу слабыя стороны и недостатки. Но какъ бы мало ни указалъ онъ положительнаго, какъ бы сильно онъ ни мѣнялся, въ его нравственномъ складѣ былъ все-таки символъ вѣры. Отечество и государство, Россія и царь,—вотъ идейная сторона его политической проповѣди, популярность которой обусловливается принадлежностью ея идеаловъ народному сознанію. Значеніе, которымъ пользовался публицистъ, безъ сомнѣнія, объясняется тѣмъ, что уваженіе къ знамени, которому онъ служилъ, переносилось на знаменоносца. Онъ путался въ способахъ, которыми надлежитъ утвердить это знамя, но черезъ всю его литературную проповѣдь проходитъ, во всякомъ случаѣ, мотивъ: «Не растратьте среди всѣхъ шатаній мысли, по крайней мѣрѣ, того, что вы получили отъ исторіи въ видѣ національной и политической силы».

Пусть-же недостатки Каткова не заслоняютъ его достоинствъ и заслугъ: страстной любви къ родинѣ, удивительной силы ума и блестящаго литературнаго таланта.

Русскіе люди не забудутъ литературной проповѣди Каткова въ эпоху польскаго мятежа. Они не забудутъ его послѣдовательности и настойчивости въ вопросахъ національной политики на нашихъ окраинахъ; они должны помнить и его чуждый всякаго сентиментализма взглядъ на внѣшнюю политику, но нельзя не пожалѣть о странномъ отношеніи Каткова къ внѣшнимъ сношеніямъ въ послѣднее время, когда онъ въ началѣ одного и того-же пятилѣтія утверждалъ, что въ сближеніи съ Германіей кроется все благополучіе Россіи, а въ концѣ проповѣдывалъ чуть не войну противъ Германіи.

Катковъ былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ стилистовъ своего времени, вообще обильнаго литературными дарованіями. Живость, ясность, легкость и находчивость его литературной рѣчи могутъ быть поставлены въ образецъ. Бо̀льшая часть его статей изобилуетъ мѣткими, рельефными образами; онѣ всегда интересны. Часто встрѣчаются одушевленіе и паѳосъ, но главная сила Катковскихъ статей заключается въ ѣдкихъ, убійственныхъ сарказмахъ и задѣвающей заживо ироніи. Многія изъ употребленныхъ Катковымъ выраженій вошли въ поговорку.

Катковъ относился къ литературному дѣлу, какъ къ призванію. Когда онъ не могъ по болѣзни или по другимъ причинамъ лично писать или наблюдать за передовыми статьями «Московскихъ Вѣдомостей», появленіе таковыхъ прекращалось. Дарованіе не исключало въ немъ, какъ это часто бываетъ съ русскими людьми, удивительнаго трудолюбія и энергіи.

Время уноситъ мелкіе счеты и партійныя впечатлѣнія. Болѣе скромное и умѣренное въ своихъ ожиданіяхъ и цѣляхъ, наростающее поколѣніе русской интеллигенціи начинаетъ чуждаться тѣхъ искусственныхъ программъ, кото-

рыя волновали предшедшую эпоху шестидесятыхъ годовъ. Оно измѣнилось и въ обсужденіи личностей. Оно хочетъ относиться къ людямъ и цѣнить ихъ не съ точки зрѣнія условныхъ мѣрокъ, а по дѣйствительной справедливости. Дальнѣйшее теченіе времени, безъ сомнѣнія, еще болѣе укрѣпитъ и разовьетъ эту черту... Если настоящее изслѣдованіе, быть можетъ, и не удовлетворитъ ни одному изъ предвзятыхъ направленій нашей общественной мысли, то оно, вѣроятно, все-таки окажется ближе къ истинѣ, чѣмъ одностороннія восхваленія или осужденія.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
18	11—8 снизу	«Что ты тамъ говоришь о переводѣ Каткова Ромео и Юліи; спрашивалъ, неужели шибко невѣрно. Да, чортъ возьми, возможное-ли дѣло Бѣлинскій вѣрно перевести Шекспира».	«Что ты тамъ говоришь о переводѣ Каткова Ромео и Юліи, спрашивалъ Бѣлинскій, неужели шибко невѣрно? Да, чортъ возьми, возможное-ли дѣло вѣрно перевести Шекспира».
30	1 сверху	то больше грустные?	но больше грустные?
63	10 »	проситъ	просилъ
64	12 снизу	натуршики	натуришки
201	14 сверху	графа Рерберга	графа Рехберга

